

А.В. Венков

АТАМАН КРАСНОВ И ДОНСКАЯ АРМИЯ

1918 год

• ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА •

ИСТОРИЯ КАЗАЧЕСТВА

А.В. ВЕНКОВ

**АТАМАН КРАСНОВ
И ДОНСКАЯ АРМИЯ**

1918 ГОД

МОСКВА

«ВЕЧЕ»

2008

В29 Венков А.В.

Атаман Краснов и Донская армия. 1918 год / А.В. Венков. — М. : Вече, 2008. — 480 с. : ил. — (История казачества).

ISBN 978-5-9533-2098-6

Донская армия была одним из самых многочисленных и боеспособных воинских соединений белого Юга России. Ее сформировали в 1918 году, при непосредственном участии атамана П.Н. Краснова и командования германских оккупационных войск, в качестве главного воинского формирования казачьего государства — Всевеликого Войска Донского. Позднее армия вошла в состав Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) и принимала активное участие в борьбе с Красной армией.

В книге историка А.В. Венкова впервые собраны редкие архивные и мемуарные материалы, рассказывающие об истории создания Донской армии и ее первых боях с Красной армией.

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-9533-2098-6

© Венков А.В., 2008

© ООО «Издательский дом «Вече», 2008

Не вытерпев или не надеясь на пехоту, конная бригада выстроилась на виду и с гиком бросилась на окопы... Густая лавина всадников, сверкая на солнце шашками, стремительно приближалась... Ее косили из пулеметов, в упор били из винтовок, кромсали осколками снарядов, а она все катилась, умирая на лету...

И.М. Мухоперец. В тот памятный год

Предисловие

«Донская армия» — вооруженные силы недолго существовавшего казачьего государства — демократической республики «Всевеликое Войско Донское». Она (армия) была создана восставшими против большевиков казаками и офицерами и стала наиболее многочисленной армией Белого Юга в его противостоянии с Красным Севером

Революция и Гражданская война в России явились событием объективным, закономерным и давно ожидаемым. Вызревавший веками разрыв между городом и деревней, всеобъемлющие аграрные, классовые противоречия, межнациональная рознь, культурный раскол внутри самих великороссов — все это, усугубленное кровью и напряжением Первой мировой войны, выплеснулось разом и раскололо страну.

На окраинах, на территориях казачьих войск сложилась особенная ситуация. Каждое казачье войско представляло собой единую земельную общину. Земля всего войска разделялась между станицами, а внутри станиц — между казаками и подлежала (внутри станиц) постоянному переделу, чтобы охранялась равная по количеству и качеству наделенность землей рядовых казаков. Хотя эта проблема была до конца практически неразрешима, и земля между станицами, и зачастую внутри станиц, распределялась неравномерно, но в целом классовое расслоение

среди казаков было слабее, чем в целом по России, хотя определенные противоречия (классовые, территориальные, возрастные) и проникли в казачество, но, по свидетельству современников, они «не были, однако, ни особо глубоки, ни особенно обострены»¹. На Дону противостояние внутри области намечалось между казаками и неказачьим населением (коренные и иногородние крестьяне), которое количественно уже начало превышать казачье. Коренные донские крестьяне, бывшие крепостные донских помещиков, имели на хозяйство в 4 — 5 раз меньше земли, чем казаки. А «иногородние» крестьяне, нахлынувшие на Дон из России после отмены крепостного права, земли почти не имели.

Наличие внутри области менее обеспеченного землей неказачьего населения окрашивало все земельные и классовые противоречия в сословный цвет, и на такое восприятие событий не могла повлиять казачья беднота в силу своей немногочисленности².

Ощущение локальности, замкнутости, обособленности распространялось в сознании казаков на все войско, и даже на все казачество. Более поздно сложившаяся, служивая, по сути, верхушка не была так оторвана от «низов», как в целом по России. Среди местной интеллигенции были сильны своеобразные «казакманские», почвеннические настроения. Донское Войско — старейшее среди войск — имело опыт собственной государственности, а особый порядок управления этот опыт подпитывал.

Что касается «качества» казачьего населения, то в двух словах его можно охарактеризовать так: казаки успели стать идеальными воинами, но «надорвались». Создателями казачьего субэтноса были пассионарии, люди, способные к длительному напряжению. Пассионарность, затухая, передается по наследству. Но пассионарии — носители избыточной энергии — были выбиты в постоянных войнах. Превращение казаков в военнослужилое сословие, когда каждый мужчина становится воином и в среднем 10 — 12 лет рискует жизнью, развило воинские качества, но подорвало этническое развитие. Не зря Дон сравнивали со старцем, задремавшим у тихих струй.

Кровопускания, организованные Петром I, бесконечные войны XVIII—XIX веков не прошли даром. Тревожные симптомы стали проявляться еще во второй половине XIX века.

В результате замкнутой жизни в станицах — полное отсутствие преступности (в станице Вёшенской на 46 хуторов случилось 15 правонарушений за год, в основном — мелкое воровство). И это у лихих казаков!.. Самоубийств больше, чем убийств.

Полнокровные полки в 800 сабель уходили в XIX веке ежегодно на службу: 3 — 4 в Грузию, 3 — 4 на Кавказ, 2—3 в Польшу и Бессарабию... Теряли в боях и стычках человек 10—15, но возвращались через 3—4 года, имея в строю человек 500—600. Остальные умирали «от обычных болезней», не выдерживая чужого климата, голода, тягот службы. Калмыки и казаки Татарской станицы вообще теряли до половины состава.

Рано, раньше обычного наступила «золотая осень» на Дону, «золотой век» донской культуры, совпавший отчасти с «серебряным веком» в России. Потом, уйдя в эмиграцию, донские казаки будут издавать более 60 наименований газет и журналов, внесут огромный вклад в мировую культуру. Но это уже КУЛЬТУРА, отчасти — словесное замещение реальных дел. Признак затухания народа. Неспособность к длительному напряжению. А к концу XX века донская казачья эмиграция практически исчезла, растворилась в Европе³.

Раздел I

ПРЕДЫСТОРИЯ ДОНСКОЙ АРМИИ

Глава 1

ПРЕЖНЯЯ СИСТЕМА СЛУЖБЫ

Сами донские казаки были прекрасным боевым материалом, поскольку на протяжении веков служили России в качестве иррегулярного войска. Даже в начале XX века казаки — «зипунные рыцари былинные» — продолжали являться на службу «конно и оружно», со своей лошадей, сбруей, со своим комплектом обмундирования, со своим холодным оружием.

Во второй половине XIX века служба иррегулярных войск России подверглась реформированию. По новой системе донские казаки с 18 лет считались военнообязанными. Сначала их зачисляли в приготовительный разряд. До 21 года они должны были принять присягу (в своей станице), снарядиться на действительную военную службу — приобрести коня, снаряжение, обмундирование, холодное оружие — и пройти первоначальную военную подготовку во время месячных сборов в специальных лагерях. После того как казаку исполнялся 21 год, он переводился в строевой разряд и отправлялся на службу в полк или батарею, отдельную сотню, местную команду, где находился 4 года (в гвардейских частях действительная служба продолжалась три года, но казаки, направляемые в эти части, лишний год проводили в приготовительном разряде для более детальной подготовки к службе). После действительной службы казак еще 8 лет числился в строевом разряде, во 2-й и 3-й очередях. В это

время казак должен был содержать строевого коня и проходить сборы: во второй очереди — ежегодно, в третьей — один раз. После 12 лет пребывания в строевом разряде казак переводился в запасной разряд и числился в нем 5 лет, после чего отпускался «на льготу».

Действительную службу донские казаки проходили в двух гвардейских полках — лейб-гвардии Казачьем и лейб-гвардии Атаманском, — в 17 армейских Донских полках, в 6 отдельных сотнях, в 1 гвардейской и 7 армейских Донских батареях и в местных командах при каждом донском территориальном округе. По штату в Донском казачьем 6-сотенном полку было 750 нижних чинов, 117 унтер-офицеров (урядников, вахмистров, подхорунжих), 23 офицера. В отдельной сотне — 144 казака и 4 офицера.

В годы войны Войско выставляло полки 2-й и 3-й очереди, сформированные из казаков строевого разряда, но отслуживших действительную службу. Эти полки составляли с первоочередными полками полковые звенья, в которых служили казаки разных возрастов, но одних и тех же станиц. Первое полковое звено составляли полки 1, 18 и 35-й. В 1-м полку проходили срочную службу молодые казаки; в 18-м казаки тех же станиц, но 2 очереди (25—29 лет), выходили на службу в случае мобилизации; в 35-м полку выступали по мобилизации казаки тех же станиц, но 3-й очереди (30—33 лет). Второе полковое звено составляли полки 2, 19 и 36-й, третье — 20-й и 37-й и т.д. Последнее 17-е звено составляли полки 17, 34 и 51-й. В 52-м полку выходили по мобилизации казаки-второочередники гвардейских полков.

Каждое полковое звено состояло из казаков строго определенных станиц.

1-е звено формировалось из казаков станиц: Михайловской, Котовской, Добринской, Урюпинской, Петровской, Тепкинской, Луковской Хоперского округа. Сборный пункт — ст. Урюпинская. В случае мобилизации казаки этих станиц составляли еще 25-ю Донскую отдельную сотню (170 казаков Тепкинской станицы) и 26-ю Донскую отдельную сотню (174 казака Луковской станицы).

2-е звено формировалось из казаков станиц: Романовской, Кумшацкой, Цимлянской Терновской, Филипповской, Бакла-

новской, Чертковской, Нижне-Курмоярской, Иловайской, Кутейниковской, Ново-Алексеевской 1-го Донского округа. Сборный пункт — ст. Константиновская. В случае мобилизации казаки этих станиц выставляли еще 12-ю Донскую отдельную сотню (88 казаков Кумшатской станицы и 87 — Романовской) и 13-ю Донскую отдельную сотню (80 казаков Чертковской станицы и 90 — Цымлянкой).

3-е звено формировалось из казаков станиц: Краснокутской, Усть-Хоперской, Усть-Медведицкой, Ново-Александровской, Глазуновской, Скуришенской, Кепинской Усть-Медведицкого округа. Сборный пункт — слобода Михайловка. В случае мобилизации казаки этих станиц выставляли 22-ю Донскую отдельную сотню (90 казаков станицы Ново-Александровской, 80 — Глазуновской) и 23-ю Донскую отдельную сотню (30 казаков Кепинской станицы, 40 — Ново-Александровской, 100 — Скуришенской).

4-е звено формировалось из казаков станиц: Иловлинской, Сиротинской, Трехостравянской, Качалинской, Голубинской, Пятиизбянской, Верхне-Чирской 2-го Донского округа. Сборный пункт — ст. Качалинская. В случае мобилизации казаки этих станиц выставляли 15-ю Донскую отдельную сотню (70 казаков Качалинской станицы, 40 — Трехостравянской, 60 — Иловлинской), 17-ю Донскую отдельную сотню (90 казаков Пятиизбянской станицы, 80 — Сиротинской) и 18-ю Донскую отдельную сотню (170 казаков станицы Голубинской).

5-е звено формировалось из казаков станиц: Есауловской, Потемкинской, Верхне-Курмоярской, Нагавской, Атаманской, Потаповской, Власовской, Граббевской, Эркетинской, Чунусовской, Бурульской 2-го Донского округа. Сборный пункт — станица Нижне-Чирская. В случае мобилизации казаки ст. Есауловской выставляли еще 14-ю Донскую отдельную сотню (173 казака).

6-е звено формировалось из казаков станиц: Чернышевской, Верхне-Чирской, Кобылянской, Нижне-Чирской, Есауловской 2-го Донского округа. Сборный пункт — ст. Нижне-Чирская. В случае мобилизации казаки ст. Нижне-Чирской выставляли еще 16-ю Донскую отдельную сотню (170 казаков).

7-е звено формировалось из казаков станиц: Грушевской, Кривянской, Новочеркасской, Аксайской, Александровской,

Ольгинской, Гниловской, Хомутовской, Кагальницкой, Мечетинской, Владимирской Черкасского и Ростовского округов. Сборный пункт — г. Новочеркасск.

8-е звено формировалось из казаков станиц: Раздорской, Кочетовской, Нижне-Кундрюченской, Семикаракорской, Екатери́нинской, Усть-Быстрианской 1-го Донского округа. Сборный пункт — ст. Екатерининская. В случае мобилизации ст. Нижне-Кундрюченская выставляла 10-ю донскую отдельную сотню (170 казаков).

9-е звено формировалось из казаков станиц: Каргальской, Золотовской, Константиновской, Богоявленской, Николаевской, Мариинской, Камышевской, Ермаковской, Денисовской, Платовской, Батлаевской, Великокняжеской 1-го Донского и Сальского округов. Сборный пункт — ст. Константиновская. В случае мобилизации казаки этих станиц выставляли 11-ю Донскую отдельную сотню (88 казаков ст. Константиновской станицы и 87 — Богоявленской).

10-е звено формировалось из казаков станиц: Луганской, Митякинской, Гундоровской, Каменской, Калитвенской Донецкого округа. Сборный пункт — ст. Каменская. В случае мобилизации казаки ст. Каменской выставляли 31-ю Донскую отдельную сотню, казаки ст. Гундоровской — 33-ю Донскую отдельную сотню, казаки Митякинской станицы — 34-ю Донскую отдельную сотню.

11-е звено формировалось из казаков станиц: Калитвенской, Усть-Белокалитвенской, Милютинской и Еланской Донецкого округа. Сборный пункт — ст. Каменская. В случае мобилизации казаки этих станиц выставляли 32-ю Донскую отдельную сотню (173 казака Калитвенской станицы) и 35-ю Донскую отдельную сотню (168 казаков Усть-Белокалитвенской станицы).

12-е звено формировалось из казаков станиц: Казанской, Мигулинской, Вёшенской Донецкого округа. Сборный пункт — слобода Маньково. В случае мобилизации казаки этих станиц выставляли 7-ю Донскую отдельную сотню (168 казаков Казанской станицы), 8-ю Донскую отдельную сотню (168 казаков Вёшенской станицы), 9-ю Донскую отдельную сотню (100 казаков Вёшенской станицы, 73 — Мигулинской), 36-ю Донскую отдельную сотню (168 казаков Мигулинской станицы).

13-е звено формировалось из казаков станиц: Преображенской, Филоновской, Анненской, Ярыженской, Дурновской, Павловской, Правоторской, Бурацкой Хоперского округа. Сборный пункт — х. Самсонов станицы Филоновской. В случае мобилизации казаки ст. Филоновской выставляли еще 27-ю Донскую отдельную сотню (170 казаков), а казаки Анненской станицы — 28-ю Донскую отдельную сотню (170 казаков).

14-е звено формировалось из казаков станиц: Тишанской, Акишевской, Усть-Бузулукской, Арженовской, Зотовской, Федосеевской, Слащевской, Букановской, Кумылженской, Алексеевской Усть-Медведицкого округа. Сборный пункт — ст. Урюпинская. В случае мобилизации казаки этих станиц выставляли 29-ю донскую отдельную сотню (100 казаков Акишевской станицы и 75 — Алексеевской) и 30-ю Донскую отдельную сотню (100 казаков Тишанской станицы и 70 — Алексеевской).

15-е звено формировалось из казаков станиц: Арчадинской, Етеревской, Раздорской-на-Медведице, Сергиевской, Мало-дельской, Березовской, Островской Усть-Медведицкого округа. Сборный пункт — слобода Михайловка. В случае мобилизации казаки Арчадинской станицы выставляли 24-ю донскую отдельную сотню (170 казаков).

16-е звено формировалось из казаков станиц: Заплавской, Бесергеновской, Мелеховской, Старочеркасской, Манычской, Богаевской, Егорлыцкой, Елизаветинской, Новониколаевской Черкасского, Ростовского и Таганрогского округов. Сборный пункт — г. Новочеркасск (для 50-го Донского полка — г. Ростов-на-Дону).

17-е звено формировалось из казаков станиц: Распопинской, Клетской, Перекопской, Кременской, Ново-Григорьевской, Старо-Григорьевской Усть-Медведицкого округа. Сборный пункт — х. Фролов. В случае мобилизации казаки этих станиц формировали 19-ю Донскую отдельную сотню (173 казака Кременской станицы), 20-ю Донскую отдельную сотню (140 казаков Ново-Григорьевской станицы и 30 казаков — Старо-Григорьевской) и 21-ю Донскую отдельную сотню (96 казаков Кременской станицы и 74 казака Старо-Григорьевской)⁴.

Систему мобилизации полковых звеньев можно проследить на примере 12-го полкового звена — казаков Казанской, Мигулинской и Вёшенской станиц. Один день отводился на оповещение, один — на подготовку казаков, один — на путь до ста-

ничного сборного пункта (для Казанской станицы это были сама станица и хутор Тубянской, для Мигулинской — сама станица и хутор Мешков, для Вёшенской — сама станица и хутор Каргин), четыре — на путь до общего сборного пункта — слободы Маньково (для 29-го и 46-го полков и отдельных сотен это был еще и пункт формирования), где проходили комиссию лошади казаков. Вечером восьмого дня в Маньково грузились пополнения в 12-й Донской полк срочной службы (90 казаков Казанской станицы, 130 — Мигулинской, 60 — Вёшенской). Вечером девятого дня заканчивали формирование 7, 8, 9 и 36-я Донские отдельные сотни. Вечером десятого дня — 29-й Донской полк (260 казаков Казанской станицы, 450 — Мигулинской, 370 — Вёшенской). Утром одиннадцатого дня полк был готов к посадке в вагоны.

Вечером тринадцатого дня заканчивала формирование 12-я Донская запасная сотня (60 казаков Казанской станицы, 100 — Мигулинской, 70 — Вёшенской), предназначенная готовить пополнения для полкового звена.

Вечером двадцать первого дня заканчивал формирование 46-й Донской полк (210 казаков Казанской станицы, 440 — Мигулинской, 410 — Вёшенской). Таким образом, через три недели после объявления мобилизации все полковое звено — три полка — было отмобилизовано и пополнено до штатов военного времени⁵.

Донская артиллерия тоже делилась на три очереди, включая в себя 21 батарею. Из них 7 были первоочередными.

Казаки Черкасского и Сальского округов формировали 1, 8, 15-ю батареи.

Казаки южных станиц Донецкого округа — 2, 9, 16-ю батареи.

Казаки 1-го Донского округа — 3, 10, 17-ю батареи.

Казаки 2-го Донского округа — 4, 11, 18-ю батареи.

Казаки Усть-Медведицкого округа — 5, 12, 19-ю батареи.

Казаки Хоперского округа — 6, 13, 20-ю батареи.

Казаки Хоперского и северных станиц Донецкого — 7, 14, 21-ю батареи.

В мирное время в семи первоочередных батареях служило 1800 казаков. К концу войны количество донских артиллеристов увеличилось до 7500⁶.

Значительная часть кадровых «первоочередных» полков была включена в состав кавалерийских дивизий в качестве «четвертых» полков (первые три полка в кавалерийской дивизии составляли драгуны, уланы и гусары). Военный министр Сухомлинов считал, что придание к кавалерийским дивизиям по одному казачьему полку имело целью — привить кавалерийским полкам казачье молодечество, а казачьему полку дать больше «регулярства».

Некоторые «первоочередные» полки были изначально сведены в дивизии. 1-я Донская дивизия состояла из 9, 10, 13, 15-го Донских полков. 16-й и 17-й Донские полки входили в состав 2-й Сводно-казачьей дивизии (два других полка этой дивизии состояли из кубанских и терских казаков). Один «первоочередной» полк, 7-й Донской, не входил в состав дивизий и был причислен непосредственно к 7-му армейскому корпусу.

По мобилизационному плану «второочередные» и «третьеочередные» полки придавались пехотным корпусам в качестве корпусной конницы для ведения разведки и несения сторожевой службы, а часть из них сводилась в «Донские дивизии» — 3, 4, 5-ю. Уже в ходе Первой мировой войны таких дивизий стало больше, появились 6, 7, 8 и 9-я Донские дивизии.

Всего на Первую мировую войну донские казаки выставили 60 полков, 6 пеших батальонов, сведенных в Донскую пешую бригаду, 23 отдельных и 55 особых сотен, 58 казачьих конвойных полусотен, 36 батарей, 36 запасных сотен и 3 запасные артиллерийские батареи⁷. В.П. Трут называет точную цифру призванных по мобилизации донских казаков — 113 742⁸.

В ходе войны донские казаки проявили высокие боевые качества. 193 донских офицера и 37 тысяч казаков получили Георгиевские награды: офицеры — ордена Св. Георгия или «Георгиевское оружие», казаки — Георгиевские кресты и медали.

В рядах донских казаков фактически не было дезертирства. Известный военный теоретик, ушедший в эмиграцию, ген. Головин опубликовал данные по потерям среди различных родов войск русской армии, из которых вытекало, что казаки были наиболее боеспособной ее частью. Тот же Головин вывел «стойкость по народностям», и снова казаки были на первом месте, за ними шли украинцы, далее русские, белорусы...⁹

Потери донских казаков в Первую мировую войну были не особо велики. По разным данным казаки потеряли до 10 тысяч человек в качестве безвозвратных потерь.

В то же время казачьи военные учебные заведения, как и все военно-учебные заведения перешли на ускоренный выпуск и стали «штамповать» офицерские кадры с трехмесячной подготовкой. В результате к концу войны в донских полках был двойной комплект офицеров.

Глава 2

КАЗАЧЬИ ЧАСТИ В РЕВОЛЮЦИИ

Начавшаяся революция и развал страны затронули и казачьи части на фронте, и казачьи области в глубине и на окраинах России.

Казачьи войска (в территориальном и административном понимании) внесли, конечно, определенный вклад в раскол единого государства. По воспоминаниям П.Н. Краснова, командовавшего в тот период кубанскими частями, «большинство склонялось к тому, чтобы Россия была конституционной монархией или республикой, но чтобы казаки имели широкую автономию»¹⁰.

Но, содействуя своими автономистскими и федералистскими требованиями развалу Российского государства, казаки крепили власть областную, придавая ей функции власти государственной. Современники считали, что в тот период «только у казаков сохранился государственный порядок». К маю 1917 года относится создание в казачьих областях Юга России государственного аппарата, «сразу начавшего правильно функционировать»¹¹. Верхи казачества впоследствии были едины в мнении, что «в дни государственного развала и распада казачество оказало организованное сопротивление анархии»¹².

Верхи казачества уже летом 1917 года примкнули к охранительному движению, возглавляемому Л.Г. Корниловым. На Московском государственном совещании в августе 1917 года Корнилов и корниловцы стремились спасти «разрушающуюся государственность и наиболее яркое ее выражение — армию»¹³.

Корнилов призывал спасти армию путем ужесточения дисциплины. Представитель казачьей служилой верхушки, уже получившей автономию и создавшей свои правительства, генерал Каледин поставил вопрос острее: «Россия должна быть единой. Всяким сепаратным стремлениям должен быть поставлен предел в самом зародыше»¹⁴ и потребовал сужения демократии (прикрытия Советов) по всей стране.

Поражение Корнилова, который, кстати, двинул на Петроград дивизию горцев и две дивизии казаков, вызвало вспышку федералистских устремлений у казачьей верхушки. Объясняя ее, товарищ Донского атамана М.П. Богаевский заявил: «...Одним из мотивов, толкающих нас к федерации, является то, что Россия стала “товарищеской”, и страх, что “товарищи” все могут... Боязнь дать “товарищам” честный и открытый бой заставляет нас говорить о федерации»¹⁵.

После поражения Корнилова стало складываться новое охранительное, государственно-контрреволюционное течение, названное противниками «2-й корниловщиной». Ее организаторы искали поддержку в казачьих областях, где, по мнению В.И. Ленина, можно было «усмотреть социально-экономическую основу для русской Вандеи»¹⁶.

На казаков делали ставку военные миссии стран Антанты, стремившиеся во что бы то ни стало удержать распадающуюся Россию, не дать ей выйти из Мировой войны.

На Дону стали концентрироваться снимаемые с фронта казачьи части. Отсюда они должны были двинуться на Москву и Петроград. Но центробежной силой, отвлекающей внимание казачьих верхов от центра на окраины и мешающей планам «2-й корниловщины», было обострение классовой и сословной борьбы непосредственно в казачьих областях. «В борьбе Корнилов и Керенский могут опереться только на Дику дивизию да на казаков. А теперь разложение началось и у казаков, а кроме того, им изнутри из казачьих областей грозят Гражданской войной крестьяне», — писал В.И. Ленин 8 октября 1917 года.

Октябрьское вооруженное восстание и приход к власти большевиков были логически закономерными шагами по пути дальнейшего раскола и развала страны. Внешне в городах все это прошло почти незаметно. «Люди даже не поняли, что произошел переворот. Большевиков считали утопистами, фантазерами,

не способными удержаться у власти дольше двух месяцев. Любопытно, что даже биржа не отреагировала на “революцию”...»¹⁷. «Русь слиняла за два дня. Самое большее — в три... — писал В.В. Розанов. — Ничего, в сущности, не произошло. Но всё — рассыпалось»¹⁸.

Решающим подспудным событием стало разрешение (процесс разрешения) крестьянского вопроса. «Октябрь последовал в силу того, что среди маргиналов определяющую роль стали играть солдатские массы, представляющие наиболее многочисленное сословие — крестьянство», — считает В.П. Булдаков¹⁹. Большевики, стремившиеся использовать Россию для подталкивания революции в Европе, изначально имели мизерное влияние на крестьянство и, чтобы удержаться у власти, чутко реагировали на настроение этого самого многочисленного (до 80 %) класса России. Крестьяне же принялись за захват и уравнительный передел земли. Возрождалась община. «Большевики, как известно, отдали землю крестьянам. Но не вполне крестьянам — общине»²⁰. Попутно разрушалось помещичье хозяйство. В стране забушевала «гигантская стихия расправы, возмездия»²¹.

Сопrotивление было слабым. «Политические организованная часть общества», ранее гордившаяся своей оппозиционностью старой царской власти, была в шоке от результатов поддержанной ею в феврале 1917 года революции. «Многие утратили веру, сделались жертвами усталости и апатии», — писали очевидцы²². «В сущности — массы за большевиков, — констатировал В.Н. Вернадский. — Защищаются офицеры, студенты, юнкера, добровольцы»²³. Стоявшим несколько особняком донским генералам казалось: «Большевистскую власть без сопротивления, без какой-либо борьбы, добровольно принял единственный народ бывшей России — великорусский; принял как программу, как свою идеологию и большевизм». Борьба началась там, где начиналась этническая граница²⁴.

Донское войсковое правительство, естественно, не признало власть Советов, 26 октября 1917 года был отдан приказ всем казачьим частям в Области Войска Донского, согласно которому Войсковое правительство приняло на себя временно всю полноту государственной власти в области и объявило наиболее опасный для Войска угольный район на военном положении²⁵. В отходящей к Донской области части Донбасса 45 пун-

ктов были заняты казачьими войсками, и казаки начали разгон Советов.

В это же время, опираясь на донские казачьи полки, премьер свергнутого Временного правительства Керенский и казачий генерал Краснов попытались нанести удар непосредственно по Петрограду. «Экспедиция на Петроград» была организована с расчетом на «пятую колонну», роль которой отводилась юнкерским училищам и казачьим полкам столичного гарнизона. 27 октября генерал Краснов издал приказ: «Граждане солдаты и доблестные казаки петроградского гарнизона! Немедленно высылайте своих делегатов ко мне, чтобы я мог знать, кто изменник свободе и родине и кто нет, чтобы не пролить случайно невинную кровь»²⁶. Юнкера действительно восстали, но донские полки гарнизона (1, 4, 14-й) с 26 октября сидели в казармах «под неусыпным наблюдением» — под дулами пулеметов броневигов. Понимая ситуацию, главнокомандующий генерал Духонин 28 октября телеграфировал Донскому атаману Каледину, «не найдет ли он возможным» направить казачий отряд в Москву, а затем на Петроград на помощь Краснову²⁷. Товарищ (заместитель) Каледина М.П. Богаевский телеграфировал в Ставку, что подобная посылка войск противоречит постановлениям Войскового Круга (высшего казачьего законодательного органа), что Каледин не пошлет войск, пока на Дон не придут части с фронта, положение на Дону тоже «нельзя признать достаточно обеспеченным»²⁸. Стоявшие в области казачьи войска увязли в угольном районе. Железная дорога объявила «нейтралитет», и использовать ее для перевозки войск было трудно. Тем не менее 30 октября начдиву 7-й Донской было приказано готовить к отправке в Воронеж 21-й и 41-й Донские полки, 15-ю батарею и 4-й пеший батальон, отправку начать 31 октября²⁹. В разгар приготовлений стало известно о неудаче выступления Керенского — Краснова.

Как вспоминал Краснов, перед большевистским выступлением из 50 сотен бывшего под его началом 3-го конного корпуса более половины «растасовали» на усмирение беспорядков и на другие нужды, и когда надо было идти с Керенским на Петроград, под рукой имелось только 18 сотен разных полков.

Реально вперед были двинуты 10 слабых сотен 9-го и 10-го Донских полков, всего около 700 всадников, менее полка нор-

мального штата. Это не остановило Краснова, хотя, по данным разведки, перед ним было до 200 тысяч солдат нового противника. Уже тогда проявились все особенности начинавшейся Гражданской войны, которую Краснов назвал «подлой». «Но Гражданская война — не война, — писал Краснов. — Ее правила иные, в ней решительность и натиск — всё...»³⁰. Пленные, захваченные казаками, распускались. «Не расстреливать же их поголовно! А другого исхода не было. Или на волю, или пере-стрелять»³¹. Сторонники большевиков сопротивлялись вяло. «Или у них мало патронов, или они не хотят стрелять», — отмечал Краснов³². 16-тысячный гарнизон Царского Села после митинга и переговоров был разогнан двумя орудийными выстрелами.

Сил у Краснова хватило дойти до Пулково, где он был остановлен матросами и Красной гвардией. Казаки потеряли 3 убитых, 28 раненых (из них 1 убитый и 18 раненых потеряла Оренбургская сотня лейб-гвардии Сводного казачьего полка во время самовольной атаки), потери большевиков якобы доходили до 400 человек.

После боя у Пулково казаки заявили, что без поддержки пехоты (пехота у них ассоциировалась с «русскими», неказаками) на Петроград они не пойдут. «Все одно нам одним, казакам, против всей России не устоять. Если вся Россия с ними — что же будем делать?» — говорили казаки³³. При посредничестве Викжеля (профсоюза железнодорожников) казаки вступили в переговоры с матросами. 1 ноября военные действия прекратились. Матросы предложили помириться и взаимно выдать инициаторов войны — Керенского и Ленина. Керенский бежал. Казаки готовы были выдать Краснова, лишь бы их отпустили из-под Петрограда на Дон. Но при царившей неразберихе и непрочности новой власти никто, кроме Краснова, не брался вывести их на родину. Большевики, опасавшиеся оставлять под Петроградом такое количество казаков, не тронули Краснова, который и организовал вывод казаков на Дон. «12 ноября 1-я Донская дивизия потекла на Дон и успокоилась», — вспоминал Краснов. Он жаловался, что казаки 10-го Донского полка, которым он командовал в начале Мировой войны, не взяли его с собой в эшелон «из трусости». Вывод Краснова гласил: «Эти люди были безнадежно потеряны для какой бы то ни было борьбы, на каком бы то ни было фронте»³⁴.

После событий 1 ноября участие казаков в наступательных действиях против большевиков надолго прекратились 2 ноября казачий комиссар при Ставке Шапкин телеграфировал на Дон: «Во избежание бесполезного пролития крови и создания невозможных для казаков условий существования предлагаю всем казачьим частям немедленно прекратить активное вмешательство в борьбу с большевистским движением»³⁵. И хотя в этот день московские «контрреволюционеры» и «умоляли прислать помощь экстренным порядком»³⁶, 3 ноября отправка казачьих отрядов на Воронеж и далее на Москву была отменена³⁷.

Четко проявился примиренческий настрой казачьих полков, их нежелание участвовать в «братоубийственной» войне. 5 ноября газета «Приазовский край» опубликовала статью «Ближайшая тактика казачества», где было сказано: «Роль спасителей отечества (казакам. — А.В.) не улыбается.... Единственное спасение казачество видит в общественной самодеятельности и организации». Совет Союза казачьих войск в Петрограде заявил 7 ноября, что казачество «поставило своей задачей не вмешиваться в начавшуюся Гражданскую войну, а все свои силы направить на создание демократического правопорядка в родных областях»³⁸. Но все же обособленно державшиеся, не знавшие дезертирства казачьи части казались инородным телом в море разлагающейся солдатской массы. Их опасались, от них старались побыстрее избавиться. На станциях большевики развешивали лозунги: «Солдаты — к нам, казаки — по домам, офицеры — по гробам». И казаки с фронта охотно устремились домой, на Дон.

Глава 3

«ДОБРОВОЛЬЦЫ» И «ПАРТИЗАНЫ»

Не только эшелоны с казачьими полками торопились через охваченную революционными беспорядками Россию к берегам Тихого Дона.

30 октября из Петрограда на Дон выехал генерал М.В. Алексеев, бывший начальник штаба главковерха, признанный лидер «правых беспартийных» генералов. Уезжая, Алексеев знал,

что сами казаки не будут водворять порядок в России, но надеялся, что свою территорию они от большевиков защищать будут и тем самым обеспечат базу для формирования на Дону новой армии³⁹. 2 ноября 1917 года Алексеев прибыл в Новочеркасск, и этот день был отмечен «белыми» впоследствии как день рождения Добровольческой армии (вообще идея создать Добровольческую армию для борьбы с немцами появилась в военных верхах России в конце сентября 1917 года)⁴⁰. На Юг России началась переброска юнкерских училищ из Киева, Одессы. Политика советской власти усилила приток офицеров в эти области. Приказ Петроградского ВРК армейским комитетам от 25 октября 1917 года гласил, что офицеры, которые «прямо и открыто» не присоединятся к революции, должны быть немедленно арестованы «как враги»⁴¹, после чего многие офицеры поодиночке и группами отправились на Дон. В декабре 1917 года в Ростове-на-Дону было зарегистрировано 17 тысяч офицеров⁴².

Донской атаман Каледин, не уверенный в силах и способностях генерала Алексеева, на призыв последнего «дать приют русскому офицерству» выразил «принципиальное сочувствие», но, подталкиваемый рядом своих сподвижников, которые «по соображениям благоразумия» отныне решили маскировать свои цели, намекнул, что центром «Алексеевской организации» лучше избрать Ставрополь или Камышин⁴³. Тем не менее генерал Алексеев и его организация остались в Новочеркасске, прикрывшись принципом «с Дона выдачи нет».

Однако прибывшие на Дон многочисленные офицеры не спешили связать свою судьбу с генералом Алексеевым. Реально во второй половине ноября 1917 года генерал Алексеев и российские военные в Новочеркасске могли опереться на сводно-офицерскую роту (до 200 человек), юнкерский батальон (свыше 150 человек), сводную Михайловско-Константиновскую батарею (до 250 юнкеров) и Георгиевскую роту (до 60 человек)⁴⁴. Кроме того, в Новочеркасске с 8 ноября стала формироваться «Донская студенческая боевая дружина» силою до 2-х рот. В декабре была сформирована 3-я студенческая рота. Количественно эти силы не шли ни в какое сравнение с казачьими полками, уже прибывшими на Дон. Тот же Алексеев в это время считал, что в случае необходимости можно будет опереться на 50 тысяч человек, имея, видимо, в виду личный состав казачьих полков.

Судя по цифрам, приводимым Алексеевым (50 тысяч), половина всех мобилизованных донских казаков к концу ноября уже была на Дону. Но когда дошло до конкретного дела, когда в самом сердце Юга России, в Ростове, высадился черноморский десант и восстали рабочие, даже здесь, у себя на Дону, казачьи полки попытались уклониться от борьбы. Были случаи братания между казаками и солдатами запасных полков. В самом Ростове сопротивление оказал лишь 6-й Донской пеший батальон. Его казаки во главе с ген. Потоцким защищались на эвакуационном пункте вокзала до 28 ноября⁴⁵.

Казаки, пришедшие с фронта на Дон по российской и украинской территории, представляли, в общем, настрой масс, осознавали несопоставимость сил и, опасаясь войны между Доном и Россией, высказывались за Учредительное собрание и упрекали Войсковое правительство за узурпацию власти на Дону.

В ночь на 25 ноября ждали выступления большевиков в самом Новочеркасске, и Войсковое правительство концентрировало наиболее надежные части в здании штаба Добровольческой армии (Барочная, 26) и Новочеркасского казачьего юнкерского училища. Но запасные солдатские полки в Новочеркасске — 272-й и 273-й — были разоружены заранее, и выступления большевиков не произошло. Главной оставалась опасность со стороны Ростова, который почти целиком был в руках большевиков.

Реальных сил у Каледина под рукой было ничтожно мало: сотня казаков, две полевые батареи и отряды юнкеров, кадет, студентов. Все они были сведены в особую бригаду полковника Юдина⁴⁶. У большевиков было явное превосходство в артиллерии, на подошедших черноморских тральщиках стояли орудия калибром 120 мм и 6 дюймов.

В таких условиях Войсковое правительство спешно созывает Войсковой круг и 26 ноября обращается за помощью к Алексееву. В тот же день Георгиевская рота направляется на образовавшийся новый «фронт».

Бои начинаются с того, что «алексеевцы» атакуют окраины Ростова, а казаки регулярных полков митингуют и отказываются наступать.

Вслед за «георгиевцами» 26 ноября вечером под Ростов и Нахичевань выезжает офицерская рота (200 человек) и юнкерский батальон (150 человек) под командованием полковника

Хованского, которые атакуют Нахичевань, но получают отпор и закрепляются в ст. Александровской и на станции Кизитинка. В первом же бою на правом фланге был перебит весь 1-й взвод юнкеров капитана Данского⁴⁷. По данным В. Матасова, взвод состоял из кадет Одесского и Орловского корпусов. «Найденные трупы мальчиков были изрешетены штыковыми ударами»⁴⁸.

В ночь с 27 на 28 ноября туда же под Ростов направляются Михайловско-Константиновская юнкерская батарея (без орудий, в качестве пехотной роты), спешенная сотня донских юнкеров и сотня 6-го Донского пешего батальона⁴⁹.

Несколько дней бои идут с переменным успехом. По воспоминаниям юнкера-константиновца В. Терентьева, 28 ноября их батарея (сменившая юнкерский батальон) вела ружейную перестрелку с большевиками и потеряла 1 юнкера убитым и 5 ранеными. Юнкера были в Александровской, большевики — в Нахичевани, у кирпичного завода. После полудня пошел дождь, а в сумерках — снег. Вечером батарею сменили донские юнкера.

29 ноября юнкерская батарея вновь вела перестрелку и отбила атаку большевиков. Вчерашние студенты, ставшие юнкерами, в бою и команды отдавали соответствующие. Так, когда их стали обходить, последовал приказ: «Правофланговому отделению занять положение, перпендикулярное существующему»⁵⁰.

За два дня из строя выбыли 5 убитых и 28 раненых (по другим данным — убиты 5 юнкеров, ранены 5 офицеров и 29 юнкеров)⁵¹. Ночью константиновцев и михайловцев сменили новочеркасские студенты (студенческая дружина), а вместе с ними — старики Аксайской станицы и добровольцы 6-го Донского пешего батальона. В. Терентьев отмечает постоянный артиллерийский огонь с черноморских тральщиков, стоявших в порту Ростова. Но снаряды все время рвались где-то сзади, многие падали в Дон и даже попадали на другой (левый) берег⁵².

Из всех описаний боев явствует, что с той и другой стороны участвуют по несколько сотен человек. В основном это офицеры и юнкера-алексеевцы и черноморские моряки. Остальная масса — казачьи и солдатские полки — уклоняется от боев, «не хочет кровопролития». Сам Каледин, во многом подпавший под влияние донской интеллигенции и разделявший некоторые аспекты ее отношения к классовой борьбе, говорил: «Вы, может быть, спросите, почему же мы не покончили с большевиками

одним ударом. Сделать это было нетрудно, но страшно было пролить первыми братскую кровь...»⁵³.

Как видно, даже через месяц после октябрьских событий глава антибольшевистского движения считал «классовых врагов» «братями», в то время как главный противник — большевики — стоял на строго классовых позициях и подобным колебаниям давал строго классовую оценку: «...Мелкий буржуа боится классовой борьбы и не доводит ее до конца, до самого главного»⁵⁴.

Донцы все это время собирали силы под командованием полковника Юдина у Кизитиринки (Донская особая казачья бригада). В. Падалкин подсчитал, что под командованием Юдина собрались:

3 сотни юнкеров Новочеркасского училища — 450 чел. — есаул Н.П. Слюсарев;

2 сотни слушателей общеобразовательных курсов — 320 штыков — полк. Дубенцов;

1 сотня 1-го Донского запасного полка — 138 шашек — хорунж. И.Г. Цыкунов;

2 сотни 6-го Донского пешего батальона — 320 штыков — есаул М.А. Самохин;

1 сотня 5-го Донского пешего батальона — 148 штыков — хорунж. А.П. Агапов;

сводный казачий батальон (Новочеркасская дружина) — 967 штыков — ген. М.Н. Никольский;

сводная батарея Донского запасного дивизиона — 6 трехдюймовых орудий и 150 казаков — войск. старшина Шульгин.

Всего — 2493 бойца, 49 пулеметов, 6 орудий⁵⁵.

30 ноября на фронт приехал сам Каледин с полковником М.И. Бояриновым, с ними прибыли 6 бомбометов⁵⁶, 4 орудия Запасной батареи (батарея была казачья, но номерами стали юнкера, казаки воевать не хотели) и пулеметная команда 5-го Донского пешего батальона.

Силы у Каледина появились к 2 декабря, когда спешно собранный Войсковой Круг подтвердил намерение Каледина подавить восстание в Ростове. Ранее нейтральные полки поддерживали атаку «алексеевцев». Как вспоминал участник боев есаул И.Г. Сафонов, «наступление на Ростов кроме указанной цифры добровольцев в 300 чел., со стороны Армянского монастыря вела:

1) Бригада казаков в полном боевом составе 46-го и 48-го Донских казачьих полков, около 2000 чел. под командой полк. Краснова при командирах полков полковниках Дукмасове и Цыганкове.

2) От ст. Александровской: 5-й пеший батальон, юнкера Новочеркасского казачьего училища, слушатели урядничьих курсов, кадеты, гимназисты и старики казаки — добровольцы от ближайших к Ростову станиц.

3) По бутру от станиц Аксайской и Александровской шла батарея есаула Попова Вас. Вас.⁵⁷.

4) От станицы Гниловской наступал с артиллерией не какой-то Назаров, а последний расстрелянный большевиками атаман Всевеликого Войска Донского»⁵⁸.

Общим наступлением руководил сам Каледин, его охранял отряд полковника Н.Н. Упорникова. Всего по подсчетам Падалкина для наступления на Ростов было стянуто 4526 штыков, 2117 шашек, 12 орудий, 4 броневики (подтянутые гужевым транспортом) и 400 «добровольцев»-алексеевцев⁵⁹.

В. Терентьев уточняет состав отряда, наступавшего от Александровской, — 3 сотни донских юнкеров (по другим данным — 2 сотни, 1-я и 3-я, под командованием войскового старшины Кучерова и есаула Слюсарева), сотни 6-го Донского пешего батальона, дружина стариков станицы Аксайской, пулеметная команда 5-го Донского пешего батальона; от Алексеевской организации — юнкерский батальон, офицерский отряд, Константиновско-Михайловская батарея (без орудий).

От Кизитиринки на Нахичевань наступали без дорог. В Нахичевани захватили несколько солдат, которые не сопротивлялись, ссылаясь на «нейтралитет». «На вопрос, зачем они здесь, они отвечали, что, собственно, ни за чем, а просто ночевали у девочек»⁶⁰.

От Таганрога на высоты у ст. Гниловской 2 декабря подошла и встала батарея под командованием А.М. Назарова — 2 орудия и 900 бойцов — (при ней пулеметная команда 51-го Донского полка) и сразу же перекрыла тральщикам выход из Ростовского порта в Азовское море. Батарея укрылась в котловине за железной дорогой, наблюдатели расположились на самой насыпи. Первая же очередь шрапнелью по тральщикам вызвала 10-минутную панику, после чего флотилия ушла⁶¹. Ударный

отряд из 11 сотен (одна из них — кубанская) прорвался в город со стороны Олимпиадовки, где сопротивление большевиков было сломлено конной атакой.

В сумерках юнкера, наступавшие от Александровской, вошли на Большую Садовую и встретились с кубанцами, едущими от вокзала. Обгоняя их, въехал в город автомобиль Каледина. Как отмечали участники штурма, «город жил своей жизнью, и обыватели совсем не понимали происходящих событий»⁶².

В это время (в начале декабря 1917 года) большевики начали планомерную вооруженную борьбу с «контрреволюцией» на Юге. В.А. Антонов-Овсеенко был назначен командующим войсками внутреннего фронта. При его участии Ставка, где теперь уже было новое, поставленное большевиками командование, создала Революционный полевой штаб с задачей координации военных операций против украинской Центральной Рады и против Дона, «по передвижению и переброске войск со всех фронтов, не останавливаясь перед снятием таковых с позиций»⁶³. Сам Антонов-Овсеенко двинул на Юг войска из Центра. Снятые с фронта воинские части и красновардейские отряды выходили к границам Дона с четырех сторон: со стороны Донецкого бассейна, от Воронежа, от Царицына; на юге области, на станции Торговой стали революционные солдаты, прибывшие с Кавказского фронта. 156-й Елизаветпольский полк и местные крестьяне организовали здесь СНК по примеру Петрограда. В Торговой шел отсев солдат, бегущих с Кавказского фронта. «Тут они сдавали оружие, а наиболее революционные элементы оседали в формирующихся частях»⁶⁴.

Навстречу красновардейцам и солдатам к границам области атаман Каледин выдвинул все те же казачьи полки. Создавалась новая система управления войсками. 3 декабря командующим ростовским районом был назначен ген. Назаров. 13 декабря он стал походным атаманом.

Донские казачьи полки, прибывшие с фронта и выставленные к границам области, брались большевиками на учет как сила противника. 1 (14) декабря Антонов-Овсеенко сообщил, что казаков под ружьем 50 тысяч, «происходит мобилизация стариков. Ежедневно прибывают новые казачьи части. В некоторых казачьих частях брожение по поводу этой мобилизации, так как пехотинцев увольняют»⁶⁵. Прикрывавшие границы части надеж-

ностью не отличались. По мнению белогвардейцев, во фронтовых казачьих частях «внутренний надлом в сторону развала уже произошел»⁶⁶, они заболели «шкурным вопросом» и «стремлением к отдыху... от тяжелой страды боевых дней...»⁶⁷.

Впрочем, особых надежд на казачьи полки вожди контрреволюции и не возлагали. Казаки должны были лишь удерживать границы области, дать возможность развернуть здесь новую Добровольческую армию, которая и двинется на Москву и Петроград.

Организационным центром всех антибольшевистских сил на Дону стал Донской Гражданский совет, который, по мысли генерала А.И. Деникина должен был стать «первым общерусским противобольшевистским правительством»⁶⁸. Одним из решающих факторов создания Донского Гражданского совета стало прибытие в Новочеркасск 10 декабря 1917 года представителя Франции полковника Гюше, который 11 декабря сообщил Алексееву, что французы выделили для антибольшевистских сил на юге 100 миллионов франков⁶⁹.

Во главе Донского Гражданского совета встал «триумvirат» — М.В. Алексеев, прибывший в Новочеркасск 6 декабря Л.Г. Корнилов и А.М. Каледин. Консул США в Москве сообщал 9 января 1918 года: «Алексеевым, Корниловым и Калединым подписано соглашение, по которому первый из вышеназванных лиц берет на себя политическое руководство и оставляет за собой обязанности военного министра; второй снова возглавит Добровольческую армию и командование всеми войсками после того, как военные действия будут перенесены за пределы Донской области, а третий берет на себя командование укрепрайонами и оборонительными операциями в границах Донской области»⁷⁰.

Однако перспективы перенести военные действия за пределы области были в тот период весьма сомнительны. Добровольческая армия формировалась медленно. Основой ее формирования стала Алексеевская организация. 20 декабря 1917 г. приказ Каледина № 1058 разрешил формирование добровольческих отрядов. До этого формировались «нелегально». Официально о создании Добровольческой армии и об открытии записи в нее было объявлено 24 декабря 1917 года. 25 декабря в командование армией вступил Л.Г. Корнилов.

За месяц, с 15 декабря по 15 января, было сформировано 6 батальонов и 3 артиллерийские батареи. Количественно это выглядело так:

Корниловский полк — 650;
 Киевское училище — 200;
 Офицерский полк — 187;
 Отряд пол. Боровского — 97;
 Юнкерский батальон — 150;
 Студенческая рота — 160.

Всего — 1440⁷¹.

Что касается трех батарей, то одну батарею «украли» у 39-й пехотной дивизии на ст. Торговой, 2 орудия взяли на складе в Новочеркасске для отдания почестей и «затеряли» и одну батарею купили у казаков за 5 тыс. рублей⁷².

Если «расшифровать» это краткое сообщение А.И. Деникина, то получится целых три рассказа — романтических или авантюрных.

На станцию Лежанка, где стояла батарея 39-й дивизии, за орудиями была послана группа конных юнкеров-артиллеристов поручика Давыдова. «Для «маскировки под казаков» к нам добавили юнкеров казачьего училища. Начальником экспедиции был лейтенант Герасимов», — вспоминал участник экспедиции⁷³. Из Лежанки вывезли 2 орудия образца 1900 года и 4 зарядных ящика с 501 снарядом.

А. Падалкин утверждал, что набег на Лежанку организовал генерал Герасимов, и отправились в «набег» 25 донских юнкеров и 5 юнкеров-добровольцев. Шли через Веселый, зимовники Королькова и Сапунова, орудия захватили 6 декабря и в Новочеркасске 9 декабря передали Алексееву⁷⁴.

Одно орудие «добровольцы» взяли в Донской запасной батарее для похорон юнкера Малькевича. Гроб везли на лафете, орудие (образца 1902 года) сняли. После похорон, когда казаки потребовали орудие обратно, им вернули деревянную платформу и траурное покрывало. Само орудие осталось в Михайловско-Константиновской батарее, «нося название 1-го или похоронного орудия батареи». Командовал им штабс-капитан Шперлинг⁷⁵.

А покупать орудия у 2-й Донской батареи ездил сам генерал А.П. Богаевский⁷⁶.

По мнению А.И. Деникина, «все эти полки, батальоны, дивизионы... были, по существу, только кадрами, и общая численность всей армии вряд ли превосходила 3—4 тыс. человек, временно, во время ростовских боев, падая до совершенно ничтожных размеров»⁷⁷.

Состав «добровольцев» охарактеризовал в 1921 году Я. Лацис, известный чекист: «Юнкера, офицеры старого времени, учителя, студенчество и вся учащаяся молодежь — ведь это все в своем громадном большинстве мелкобуржуазный элемент, а они-то и составляли боевые соединения наших противников, из нее-то и состояли белогвардейские полки»⁷⁸. Деникин писал: «В нашу Запорожскую Сечь шли все, кто действительно сочувствовал идее борьбы и был в состоянии вынести ее тяготы»⁷⁹. Иллюстрацией может служить история 1-го кавалерийского дивизиона полковника Василия Сергеевича Гершельмана (лейб-гвардии Уланского Его Величества полка). 1-й эскадрон состоял в основном из офицеров; из 68 бойцов семеро были донцы — подъесаул Мальчевский, 4 хорунжих — Раздоров, Боцаров, Попов, Линьков — и 2 добровольца — А. Корольков и Ник. Корольков. 2-й эскадрон — 67 сабель — состоял из добровольцев — юношей, имевших о службе самое приблизительное представление. Многие из них не умели ездить верхом⁸⁰. «Причем все всадники были без шашек». Лошади были забраны у Заамурского запасного конного полка. Там же позаимствовали 300 мексиканских карабинов. Пулеметы выкрали в ст. Каменской во время Съезда фронтового казачества⁸¹.

Особо важную роль среди этих элементов играло офицерство. Перед Первой мировой войной русское офицерство было по своему происхождению всесословным. «Касты не было, но была обособленность корпуса офицеров»⁸². За войну офицерский корпус вырос приблизительно в пять раз. Кадровые офицеры к 1917 году занимали посты не ниже командира полка или батальона. Низовые звенья занимали офицеры военного времени⁸³, подавляющее большинство которых составляли выходцы из крестьян⁸⁴. Однако специфика профессии способствовала подбору на офицерские посты людей охранительной, патристической направленности. По своим политическим взглядам

80 % офицеров, составлявших основу Добровольческой армии в тот период, были монархистами⁸⁵. «Большевики с самого начала определили характер Гражданской войны: истребление, — писал Деникин. — Выбора в средствах противодействия при такой системе ведения войны не было»⁸⁶. Армия формировалась во враждебном окружении, офицеры «встречали в обществе равнодушие, в народе вражду, в ... социалистической печати злобу, клевету и поношение»⁸⁷. Сам настрой общества налагал свой отпечаток на Добровольческую армию. «Было бы лицемерием со стороны общества, испытавшего небывалое моральное падение, требовать от добровольцев аскетизма и высших добродетелей. Был подвиг, была и грязь», — писал А.И. Деникин⁸⁸. В целом, как считал Деникин, «в большинстве подобрались высоко доблестные командиры...»⁸⁹, а сами «добровольцы» отличались стойкостью и беспопашностью. Командующий генерал Корнилов инструктировал их: «В плен не брать. Чем больше террора, тем больше победы»⁹⁰.

При всех этих особенностях и условиях «добровольцы» не были способны на наступление в центр России. Более того, формируясь в специфических условиях Дона, они вынуждены были заявить, что «первая непосредственная цель Добровольческой армии — противостоять вооруженному нападению (большевиков) на юг и юго-восток России»⁹¹. Они обещали, что «будут защищать до последней капли крови самостоятельность областей, давших им приют»⁹².

В это же время и в схожих условиях формировались такие же добровольческие отряды, ставшие впоследствии костяком и составляющей новой Донской армии. Называли их «партизанами», и вошли в них казахи кадровые офицеры и казачья учащаяся молодежь.

Движение за создание подобных отрядов среди местных антибольшевистских сил началось еще до создания Донского Гражданского совета. Во время боев за Ростов, видя ненадежность регулярных казачьих полков, по совету бежавшего на Дон командующего Петроградским военным округом Полковникова 27 ноября Калединым был отдан приказ о формировании добровольческих сотен⁹³. Начала формироваться офицерская дружина (1-я Донская добровольческая дружина) полковника Ляхова — 200 человек (офицеров в ней было всего 20). 30 ноября сформировался знаменитый отряд есаула Чернецова⁹⁴.

Василий Михайлович Чернецов (1890—1918) происходил из казаков Калитвенской станицы. Его отец — Михаил Осипович — был ветеринарным фельдшером. Василий Чернецов закончил Новочеркасское юнкерское училище в 1909 г. и был выпущен хорунжим в 9-й Донской полк. В 1913 году Чернецов производится в сотники и переводится «на льготу», в мае 1914 года, еще до войны, он награждается орденом Св. Станислава 3-й степени.

Когда началась Первая мировая война, Чернецов по мобилизации попадает младшим офицером в 26-й Донской полк, второй полк 9-го полкового звена. Вместе с полком в составе 4-й Донской дивизии Чернецов сражается против австрийцев и немцев, получает два ранения — 20 ноября 1914 года у деревни Лехово и 27 февраля 1915 года у деревни Александрово, — награждается еще одним Станиславом, двумя Аннами и за деревню Александрово — Владимиром. С 30 августа 1915 г. он назначается командиром партизанской сотни 4-й Донской дивизии. В условиях позиционной войны специально создаваемые при кавалерийских и казачьих дивизиях партизанские сотни стали наиболее активными и результативными частями. Вскоре Чернецов награждается «Георгиевским оружием» за нападение с сотней на немецкие позиции у деревни Гривнек, во время которого была уничтожена рота немцев и взято 12 пленных. В 1916 году Чернецов получает чин подьесаула (старшинство с 13 августа 1915 г.) и есаула (старшинство с 20 февраля 1916 г.) и 12 августа вновь попадает в госпиталь. Больше на фронт он не возвращается. Во главе 39-й особой сотни он несет службу в угольном районе, сдерживает столкновения между шахтерами и администрацией шахт, а в 1917 году активно включается в политику. От родной станицы Калитвенской Чернецов избирается делегатом на Большой Войсковой Круг.

На Круге Чернецов всегда занимает более решительную позицию, чем большинство остальных делегатов. Когда Круг признает власть Временного правительства и высказывает уверенность, что оно оградит страну от анархии и разрухи, Чернецов предлагает дополнить эту резолюцию указанием, что донское войско готово оказать реальную поддержку Временному правительству. «Войсковой Круг отнесся к этим речам несочувственно, и поправка была отвергнута»⁹⁵.

После корниловского выступления Чернецов на Круге заявляет: «Дело не в самом Корнилове, а в одушевлявшей его идее — спасения России. Эту идею теперь пытаются забросать грязью... Где, например, свобода личности? Даже при старом режиме было лучше... Всюду идет разрушение, а никаких новых ценностей не создается»⁹⁶.

В угольном районе, где отношения рабочих с работодателями были обострены до предела, Чернецов не уклонялся от конфликтов. Он был напорист, самоуверен, даже развязен. Газеты смаковали сцены: Чернецов на собрании рабочих сидит у стола президиума и шелкает себя стеком по сапогу:

— Кто назвал мое поведение нахальным? Значит, никто не назвал? Тааак...

... Чернецов ставит по стойке «смирно» солдата — председателя местного революционного комитета...

... Чернецов спокойно говорит рабочим, окружившим его авто:

— Через 10 минут здесь будет моя сотня... задерживать меня не советую...

А вот крови шахтеров, в чем его обвиняли впоследствии, на нем не было. При том уровне демократизации и гласности любое убийство прогремело бы на всю Область Войска Донского, на всю Россию... Даже позже, после Октября, когда, разоружая Парамоновский рудник, Чернецов арестовал 40 рабочих-дружинников, из Новочеркасска пришел приказ освободить их и, естественно, был выполнен.

После октябрьского переворота, в период разброда и шатания, именно такие, как Чернецов, объединяли вокруг себя все активные, способные к борьбе силы. Изначально ставка делалась на офицерские кадры. В Новочеркасске в это время числилось 4 тысячи офицеров. На призыв Чернецова в офицерское собрание пришли 800, на предложение записаться в «партизаны» откликнулись 27, затем еще 115, но на следующий день на отправку явились всего 30 человек⁹⁷.

Официально к формированию «отрядов особого назначения» приказано было приступить в день создания Донского Гражданского совета (в тот же день Донской атаман запретил выборность командного состава в частях)⁹⁸. Но по мнению А.И. Деникина, «донское офицерство, насчитывающее несколько тысяч, до

самого падения Новочеркасска уклонялось вовсе от борьбы; в донские партизанские отряды вступали десятки, в Добровольческую армию — единицы, а все остальные, связанные кровно, имущественно, земельно с войском, не решались пойти против ясно выраженного настроения и желаний казачества»⁹⁹.

Ставку пришлось делать на иные силы. «Главный контингент партизан — учащаяся молодежь», — констатировали современники¹⁰⁰. «Среди партизан можно было встретить и казака, и офицера, и студента; и богатого, и бедного. Но ядром партизанства была учащаяся молодежь — кадеты, гимназисты, реалисты, студенты, семинаристы»¹⁰¹. На Дону, где патриотически настроенные элементы и кадровые офицеры имели возможность вступить непосредственно в Добровольческую армию, партизанские отряды составила наиболее боеспособная и «националистически» настроенная часть интеллигенции — учащаяся молодежь.

На Дону общий уровень грамотности населения был выше среднероссийского. Сам город Новочеркасск по количеству учащейся молодежи в процентном отношении превосходил Оксфорд. Кроме юнкерского училища и кадетского корпуса, готовивших профессиональных военных, здесь находились политехнический институт, учительский институт, духовная семинария, несколько гимназий, сельскохозяйственное и землемерное училища, коммерческое училище и т.д. Вот из этого контингента и стал формировать Чернецов свой отряд. Первым записавшимся был кадет Кутырев из Донского корпуса¹⁰².

Через несколько недель после начала формирования, перед Рождеством, корреспонденты, побывавшие у Чернецова на станции Щетово, описали его отряд следующим образом: отряд состоял примерно из 140 бойцов, организационно напоминал пешую сотню и делился на 4 взвода. 1-й взвод назывался «вольнотерпящий», 3-й — «кадетский», 4-й — «непромокаемый». О названии 2-го взвода ничего не сказано, упоминается, что состоял он из казаков и крестьян и был пополнен студентами. Своего рода чужеродным элементом, привлечшим внимание корреспондентов, стали два казака-фронтовика, какой-то седуусый дед и лакей киевского кафешантана. Среди командиров названы старший офицер сотни поручик Василий Курочкин и хорунжий Григорий Сидоренков.

Часть бойцов носила свою форменную одежду — студенческую, гимназическую, часть была переодета в солдатскую форму, получила захваченные у какого-то эшелона шинели и папахи.

Вновь прибывшие проверялись на знание ружейных приемов, на что уходило 5 минут. Ситуация облегчалась тем, что в годы Первой мировой войны учащиеся прямо в учебных заведениях обучались простейшим строевым и ружейным приемам. Бойцы отряда настойчиво демонстрировали свою принадлежность к казачеству, отряд назывался «сотней», при каждом удобном случае пели казачьи песни, и даже здороваться старались по обычаю — «Здорово ночевали» — «Слава Богу!» и пр.

Сам Чернецов, судя по сохранившимся фотографиям и описаниям, был среднего роста, коренаст, мускулист, смугл, румян, коротко стрижен «бобриком». Зимой 1917—1918 гг. он носил полушубок без погон, крытый синим сукном, и цветную фуражку мирного времени.

Он сам творил свою легенду, называл себя «Угольных дел мастером», «Донским Рененкампом», «энергичным комендантом без сердца и жалости»; вышло так, что достоянием прессы стало его высказывание: «Я люблю красивую жизнь и строю ее по-красивому». И журналисты подхватили эту волну — «Но пропнулся донской Степан Разин, сын степей, есаул Чернецов». А вскользь, без деталей, брошенная фраза: «А татарочку помнишь? Ее уже нет. Вчера она застрелилась» — придавала образу «энергичного коменданта» толику демонизма.

В боях за Ростов начавший формироваться отряд Чернецова не участвовал, он двинулся по железной дороге на север от Новочеркасска и занял крупнейший шахтерский поселок Александровск-Грушевский. Севернее, на станции Горной, отряд понес первые потери — погиб семинарист Федор Никонов. Затем Чернецов вышел на границу Дона и Украины и занял станцию Шетово на ветке Зверево-Дебальцево на украинской территории.

Война велась «эшелонная». Как писал один из первых историков Гражданской войны, «небольшое количество активных вооруженных сил, которыми располагали обе стороны для решения задач местного значения, и слабость их первоначальной организации привязывали эти силы клинциям железных дорог...

«Армии» в несколько сот человек, разъезжая в эшелонах и быстро благодаря **этому** сосредотачиваясь на совершенно неожиданных направлениях, в несколько дней решают судьбу самых сложных и обширных операций»¹⁰³.

Бои велись за узловые железнодорожные станции. Две-три сотни бойцов **подкатывали** на поезде к станции, высаживались, рассыпали цепь. **С платформ** поезда начинали бить пушки. Противник, если он был силен, отбивался и заставлял нападающих погрузиться в **эшелон** и убраться, если же оказывался слабее, срочно грузился **сам**. На следующей станции повторялось то же самое.

Примерно **три недели**, с первых чисел декабря и до Рождества, **больших боев** не было. Большевики подтягивали силы к границам Дона. **С севера** от Воронежа на Чертково выходил отряд Г. Петрова (одного из будущих 26 бакинских комиссаров) в 3000 штыков **при 40 пулеметах** и 12 орудиях. В Донбассе сосредотачивались **отряды** Р. Сиверса (1165 штыков, 97 сабель, 14 пулеметов, 6 орудий) и Ю. Саблина (1900 штыков, батарея, 8 пулеметов). **22 декабря** отряд Сиверса, идущий из Харькова, соединился с **донецкими** рудничными красногвардейцами. Отряд Саблина **расположился** в Луганске. На помощь Сиверсу и Саблину шли **снятые с германского фронта** солдатские полки. По дороге они **разлагались**, митинговали, пьянствовали, разбегались. **Конечной целью** их было — добраться до дома. Драться с казаками они **особо** не рвались. И Чернецов на рожон пока не лез. «Поводов для кровопролития каждый день много, но у меня в отряде **юнкера, кадеты, гимназисты**. Их матерям я клятвы давал беречь **их сыновей**. И берегу», — говорил Чернецов.

Но на **второй день** Рождества командующий советскими войсками Антонов-Овсеенко решил нанести решающий удар по сходящимся **линиям**, по сходящимся веткам железных дорог. Петров **должен был** ударить вдоль Юго-Восточной железной дороги от Воронежа через Чертково на Миллерово, но у Чертково увяз в **переговорах** с донскими регулярными разлагающимися полками. **Саблин** от Луганска должен был выйти по ветке на важнейшую **узловую** станцию Лихая в самом центре Донской области. **Сиверс** должен был, прикрывая Саблина с юга, двигаться по **параллельной** ветке из Никитовки на Дебальцево, Шетово, Зверево. **Этим ударом** Сиверс и Саблин разрезали бы

Юго-Восточную дорогу пополам и отрезали бы север и восток области от административных центров. Но Сиверс, получивший подкрепления с германского фронта, ввязался в бои с 46-м Донским полком и, увлекаемый этими боями, двинулся не на восток, на Зверево, а на юг, на Таганрог.

Воспользовавшись образовавшимся разрывом, донское командование решило нанести удар в стык между колоннами Сиверса и Саблина на Дебальцево, по той самой ветке, по которой должен был идти, но не пошел Сиверс. Наносить удар должен был отряд Чернецова.

Налет на Дебальцево был не по силам одному необстрелянному отряду, хотя Чернецов и говорил о своих партизанах: «У них так горят глаза, что я с ними сделаю все». Чернецовцы должны были сыграть роль авангарда, поскольку не боялись идти за границу Дона (вообще ничего не боялись) и могли увлечь за собой более многочисленные регулярные части.

Всего были стянуты две сотни 10-го Донского полка, сотня 58-го Донского, семьдесят партизан 1-й Донской добровольческой дружины, пулеметная команда 17-го Донского полка и артиллерийский взвод.

В первый же день Рождества до Чернецова донеслись слухи об активизации большевиков и о появлении противника на станции Колпаково. Чернецовцы сразу же заняли эту станцию, но слухи оказались ложными. 26 декабря от Колпаково на Дебальцево была послана конная разведка. А на следующий день партизаны, купив билеты, выехали на проходящем поезде № 3 из Колпаково на Дебальцево (как тут не вспомнить поездки донских казаков «повоевать» в Приднестровье и в Абхазию в 90-е годы?). В аппаратных на проезжаемых станциях оставляли караулы, блокируя связь.

Поезд остановился у дебальцевского семафора, где чернецовцы разоружили часового и идущую к нему смену. Отсюда, развернув цепь, двинулись на станцию. Большевики, не ожидавшие нападения, открыли огонь, когда чернецовцы были в двухстах шагах от станционных построек. 20 минут длилась перестрелка, затем партизанская артиллерия, успевшая сгрузиться, первой же очередью сбила с вокзальной крыши большевистский пулемет, и чернецовцы поднялись на «ура».

Станция была захвачена, после чего к ней подошел поезд № 3 bis с казачьими сотнями, которые и «закрепили» территорию.

Потери чернецовцев — 2 убитых, кадет 7-го класса Полковников и учащийся высше-начального училища Пятибратов. Трофеи — 5 пулеметов, вагон винтовок, патроны...

Переполошившиеся большевики стали стягивать силы к Дебальцево и временно остановили наступление на донскую территорию. Они остановились на границе, разлагались и разлагали все вокруг себя.

После Нового года чернецовцы были отведены в Новочеркасск и с 5 января несли в городе караульную службу, сменив студенческую дружину.

Общая ситуация не улучшилась. Призывы Чернецова к офицерам не дали результата, хотя Новочеркасск был переполнен людьми в погонах. Роман Гуль, прибывший в город в это время, вспоминал: «На тротуаре трудно разойтись: мелькают красные лампасы, генеральские погоны, разноцветные кавалеристы, белые платки сестер милосердия, громадные папахи текинцев.

По улицам расклеены воззвания, зовущие в “Добровольческую армию”, в “партизанский отряд есаула Чернецова”, “войскового старшины Семилетова”, в “отряд Белого дьявола — сотника Грекова”.

Казачья столица напоминает военный лагерь.

Преобладает молодежь — военные.

Все эти люди — пришлые с севера. Среди потока интеллигентных лиц, хороших костюмов иногда попадаются солдаты в шинелях нараспашку, без пояса, с озлобленными лицами...».

Донская столица действительно лишь «напоминала военный лагерь», а не была им. Из многих тысяч военных лишь 2 тысячи к этому времени записались в Добровольческую армию, а партизанские отряды, возникшие под впечатлением чернецовских подвигов, имели «едва ли 400 человек». Многие из них предпочитали бороться с «внутренними врагами», а не ехать на границы области.

Угнетающе действовала политическая неопределенность. Донские верхи пытались продемонстрировать добрую волю, но многие, как ни странно, увидели в этом полное отсутствие воли.

Стараясь сгладить конфликт между казаками и донскими крестьянами, Каледин и его окружение пошли на создание «паритетного» коалиционного правительства с привлечением местной «демократии». Решение принесло Каледину больше потерь,

чем приобретений: донские крестьяне так и не поднялись против большевиков, а казаки новому правительству не доверяли, опасались, что, опираясь на него, крестьяне потребуют уравнительного передела земли. Кроме того, новое правительство совсем уже нехоти потребовало вывода Добровольческой армии из Новочеркасска, и штаб «добровольцев» перебрался в Ростов.

Добровольцы прикрыли Таганрогское направление, оставленное казаками. Сил у них было мало. 10 января полковник Кутепов телеграфировал в Новочеркасск: «Между ст. Иловайская и Таганрогом ни одной казачьей части нет... Если сегодня к вечеру Матвеев Курган не будет занят 16-м Донским полком, я снимаю ответственность за город Таганрог»¹⁰⁴.

Венцом всех калединых несчастий стала фактическая измена двух дивизий — 5-й и 8-й — и гвардейской бригады, прикрывающих область с северо-запада. Большевики подговорили их разогнать Войсковое правительство, обещали, что прекратят тогда войну.

Казаки перехитрили сами себя, заявив, что будут защищать Дон, но без офицеров. «Долой погоны!». 10 января 1918 года по инициативе дивизионного комитета 5-й Донской дивизии в ст. Каменской собрался Съезд фронтового казачества, объявивший себя властью на Дону. Участники съезда больше всего на свете хотели мира и требовали роспуска «добровольцев» и «партизан», которые, как казалось, одни желают воевать.

Вожди новой «каменской власти» вступили в контакт с большевиками (те, собственно, и подбили их объявить себя властью), от их имени два возвращавшихся с фронта полка — 8-й и 43-й Донские — захватили важнейший перегон Зверево-Лихая, соединяющий две узловые станции. Именно сюда, к этим станциям, стремились Сиверс и Саблин...

Тогда Каледин поднял по тревоге стоявший в Хотунке под Новочеркасском отряд Чернецова, чтобы хоть кем-то прикрыть донскую столицу с севера...

Отряд Чернецова выезжал вслед за делегацией Войскового правительства, отправившейся уговаривать каменских мятежников. Сам Каледин провожал его.

Невысокий, исхудавший Чернецов с оголенной шашкой шел, чуть отстав, и смотрел в седой затылок Донского атамана.

Без малого двести бойцов стояли перед Калединым стройной шеренгой, и каждый смотрел ему в глаза. Они уже знали о страшной измене, знали свои силы и знали, что их ждет. И Каледин старался честно смотреть им в глаза, но его взгляд профессионального военного постоянно спотыкался о разную одежду построенных по росту чернецовцев. Студенты, гимназисты, вот из реального училища, вот из коммерческого. Эти здоровяки — семинаристы. А вот в черных шинелях из старших классов кадетского корпуса, совсем мальчишки. «Мальчики, мальчики мои...», — шептал про себя атаман. Он хотел обратиться к ним, чтобы воодушевить на бой, на победу... «Славные птенцы», «цвет донской молодежи» — эти слова Митрофана Богаевского были как нельзя кстати сейчас... Но сплошным строем пошли привычные серые шинели юнкеров, взгляд уперся в безусые лица (многие, невзирая на мороз, были в фуражках), высокие слова ушли, и снова — «Дети... совсем дети... Мальчики, мальчики мои...».

Так он ничего и не сказал. Вернулся к середине построения и молча благословил их на фронт...

Но «каменские власти», назвавшие себя Донским ревкомом, не хотели воевать и с Войсковым правительством. Начались переговоры. Они сразу же зашли в тупик, так как Донской ревком (Подтелков, Кривошлыков, Скачков, Лагутин...) требовал полноты власти на Дону. И сил, которые разогнали бы этих самозванцев, не было. Ни один Донской казачий полк в то время не выступил бы против своих братьев-фронтовиков.

Вот телеграмма от 11 января 1918 г. из Новочеркасска в Кривянскую, командиру 16-го Донского полка: «Сегодня ночью большевики заняли ст. Каменскую, с которой в настоящее время связи нет. Продвижение вооруженных банд из Макеевского района на Ростов продолжается, и там большевиками уже занята ст. Успенка. Положение области становится чрезвычайно серьезным. Войсковой атаман верит, что все истинные сыны Дона исполнят свой долг, и поэтому приказал 16-му полку, не медля ни минуты, грузиться в Новочеркасск для отправления в Матвеев Курган. Эшелоны уже поданы. Об исполнении ожидается донесение. Нач. штаба походного атамана полковник Сидорин»¹⁰⁵. Т.е. полк посылается туда, где не может столкнуться с такими же казачьими полками.

Но даже в случае столкновений не с казаками, а с Красной гвардией, если дело доходило до стрельбы, донское командование избегало отдавать конкретные приказы. Вот телеграмма от 14 января в Мечетинскую полк. Быкадорову: «Большевики заняли Матвеев Курган, идет артиллерийский бой. Войсковой атаман рассчитывает [:] 58 полк выделит [из] своего состава дивизион с пулеметами и срочно выдвинется [в] Таганрог. Походный атаман ген. Назаров»¹⁰⁶.

Казачьи полки от исполнения приказов уклонялись и «расчеты» Войскового атамана игнорировали.

Единственной силой, способной противостоять большевикам и своим мятежным казакам, оставались партизанские отряды.

Помимо отряда Чернецова под рукой у Каледина оставался партизанский отряд войскового старшины Семилетова (официально существовал с 1 января по 1 июня 1918 г.)¹⁰⁷.

Эммануил Федорович Семилетов (1872—1919) — донской офицер, в довоенное время оставил армию по состоянию здоровья, был товарищем председателя «Донского сельскохозяйственного общества». В 1914 году добровольцем поступил на службу, заслужил в боях три внеочередных производства, «Георгиевское оружие» и орден Св. Георгия 4-й степени¹⁰⁸. В конце войны Семилетов командовал сотней особого назначения на Румынском фронте и с этой сотней, собрав вокруг себя группу недовольных новой властью офицеров-фронтовиков, он пришел на Дон. Костяком его отряда стали казаки сотни «и те, кто пришел с ним из Румынии... вплоть до летчиков»¹⁰⁹.

Отряд формировался в Новочеркасске и численно равнялся казачьей сотне. В здании Донского кадетского корпуса начала формирование 2-я сотня отряда. В ее составе — «офицеры, одинокие юнкера, и даже кое-кто из старых казаков, но главная масса партизан состояла из учащейся молодежи»¹¹⁰.

Не имея других сил, донское командование бросило на помощь «добровольцам» отряд Семилетова 14 января. «Походный атаман приказал спешно, по возможности без остановок, отправить из Новочеркасска [в] Таганрог партизанский отряд войск. старшины Семилетова. Нач. штаба походного атамана полк. Сидорин»¹¹¹.

Двух партизанских отрядов для спасения ситуации было явно недостаточно, а новые еще предстояло сформировать.

Был отдан приказ по Войску № 14. 12 января в полки были разосланы условия службы в партизанских отрядах.

Казакам полагалось жалование 30 рублей в месяц.

Полувзводным — 40.

Взводным — 50.

Вахмистрам — 60.

Конным за коня ежемесячно — 20 рублей и на снаряжение по 1 рублю в сутки.

Во время военных действий после 4 месяцев — пособие в 100 рублей, после 8 месяцев — 200 рублей, после 12 месяцев — 500 рублей.

Время, проведенное в госпитале по ранению, засчитывается за выслугу.

Уволенному из-за ранения — пособие 500 рублей.

Семье убитого — 1000 рублей.

Офицеры служат на общих основаниях.

Обмундирование и снаряжение — казенные.

Партизанам предъявлялось одно требование: «Служба не-сется на основах строгой дисциплины, беспрекословного исполнения приказаний»¹¹².

Ответы в большинстве своем были отрицательными. «В 13-м полку партизанская сотня не формируется ввиду отсутствия в полку желающих»¹¹³, в 42-м и 48-м полках «желающих, кроме офицеров, почти не было»¹¹⁴. Зачастую формирование тормозилось чисто бюрократическими проволочками. Генерал Потоцкий сообщал с Хопра 13 января, что формирование задерживается из-за того, что нет разрешения платить казакам по 2 рубля суточных, в результате не открывается кредит¹¹⁵.

15 января Каледин установил для партизан суточные по 1 рублю и по 3 рубля за дни боев, 16-го он разрешил принимать в добровольческие отряды казаков переписи 1914—1918 гг. включительно, т.е. казаков из наиболее крепких «первоочередных» полков¹¹⁶. Дело двигалось очень медленно. Начали формирование отряды полковника Быкадорова в Константиновской, войскового старшины Хорошилова в Елизаветинской, полковника Бородина в Котельниково, сотника Суворова в Новониколаевской, отряд в 70 казаков был создан в 9-м Донском полку в ст. Кагальницкой¹¹⁷. Но как показало будущее эти отряды так и не сформировались.

В Новочеркасске окружным атаманом Черкасского округа стала формироваться «из непригодных к строевой службе, но способных к труду казаков Черкасского округа 1-я пешая казачья дружина для несения гарнизонной службы». Командовать ею был назначен полк. Попов. От стоявших вокруг Новочеркасска полков затребовали для этой дружины урядников, по 4 от полка...

Но пока подтелковская делегация вела переговоры с Войсковым правительством, казачьи полки держали нейтралитет.

Такое положение не могло длиться вечно. Переговоры были прерваны, так как телеграфисты перехватили переписку Подтелкова с большевиками, в которой тот просил 2—3 миллиона на свержение Войскового правительства.

Пока подтелковская делегация не вернулась к своим и Донской ревком был «без головы», Чернецов получил приказ действовать. 14 января 1918 года начался его последний поход.

Глава 4

ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД ЧЕРНЕЦОВА

Формально Чернецову противостояли казачьи полки, провозгласившие и признавшие власть Донского ревкома (таких набиралось больше двадцати) и большевистские войска Петрова и Саблина. Но Красная гвардия была рассредоточена на нескольких направлениях и имела, как считали сами ее вожди, «ничтожную организацию для ведения полевой войны», а снятые с фронта солдатские полки разбежались по домам. «Все уезжают из-за самых жалких побуждений, предавая интересы свободы», — жаловался Сиверс¹¹⁸. «Революционные» казачьи полки тоже, «вообще говоря, не желали ни с кем воевать»¹¹⁹.

Чернецову с его двумя сотнями штыков была придана 4-я рота Офицерского батальона Добровольческой армии (50 штыков) под командованием подполковника Морозова, состоявшая в основном из прапорщиков военного времени, в прошлом — студентов Донского политехникума, народных учителей; кадровых офицеров в ней были единицы. Основные силы «добровольцев» в это время перебрались в Ростов. Появились они среди

казачьих станиц против «революционных» казачьих полков Подтелкова, и те впрямь могли стать революционными. По данным В.Е. Павлова, 4-я рота выдвинулась на станцию Звереву еще 9 января¹²⁰. Донской артиллерист Е. Ковалев вспоминал, что вечером 11 января 50 офицеров в офицерском собрании в Новочеркасске отобрал сам Чернецов, поскольку часть его отряда была распущена по домам, и на фронте, по словам Каледина, было всего 67 штыков¹²¹.

В первый же день выступления (11 января) чернецовцами были без боя заняты Александровск-Грушевский, Сулин, Горная, головная группа заняла станцию Черевково. Серьезного сопротивления можно было ожидать на узловой станции Звереву, где стояли эшелоны 8-го и 43-го Донских полков и сотня 2-го Донского запасного полка, наиболее преданного Донскому ревкому.

Предполагая возможность столкновения с ними, Чернецов вернулся в Новочеркасск за артиллерией. 12 января вечером он прибыл в юнкерскую батарею Миончинского и просил 2 орудия. На батарее уже был некомплект, так как 13 юнкеров были посланы на ст. Чир в распоряжение полковника Мамонтова, и Миончинский отослал Чернецова в штаб Добровольческой армии. Чернецов ответил: «Если мы будем делиться на казаков и «добровольцев», то через два дня здесь будут красные, и не останется ни тех, ни других», после чего поехал к генералу Алексееву.

Корнилов приказал передать Чернецову 1-й взвод юнкерской Михайловско-Константиновской батареи (2-й взвод был послан на Таганрогское направление к Кутепову). 13 января была назначена погрузка, но Чернецов получил известие, что Донской запасной артдивизион, протестуя против увоза их орудий, идет громить Атаманский дворец, и вывел юнкеров к дворцу. Опомнившись, казаки послали делегацию с повинной, а юнкера и орудия снова направились на погрузку.

Эшелон был составлен следующим образом: впереди товарная платформа с орудием, затем паровоз тендером вперед, на нем пулеметы, далее классные вагоны с людьми и товарные с лошадьми, за ними паровоз с пулеметами и платформа с орудием.

14 января эшелон прибыл на станцию Каменоломня, где уже стояли две сотни партизан.

Весь день 14 января чернецовцы переговаривались с казаками, стоявшими в Зверево, по телеграфу. В сумерках чернецовский эшелон подошел к станции. Своих партизан Чернецов предупредил: «Не курить! Соблюдать тишину! Перед нами казаки. Попробуем уладить мирным путем»¹²². Казаки стали собираться в ожидании митинга, но чернецовцы внезапно открыли пулеметный огонь над головами митингующих. 8-й и 43-й полки разбежались по домам, сотня 2-го запасного сдала оружие.

Проходя узловые станции и двигаясь вперед, на Каменскую, Чернецов неминуемо подставлял фланг, и даже тыл, под удар большевистских эшелонов со стороны Украины. Поэтому захваченные станции приходилось закреплять, оставляя гарнизоны. Эту роль Чернецов отводил офицерам из Добровольческой армии, так как их появление в передовой цепи чернецовского отряда могло озлобить казачьи полки Донревкома.

В Зверево с полуротой (56 офицеров) остался есаул Лазарев¹²³. Остальная часть отряда, не выходя из вагонов, двинулась на станцию Замчалово. И тут боя не было. Пропущенные вперед подтелковскими казаками красногвардейцы бежали. На самой станции чернецовцы поймали двух «комиссаров», один из которых оказался однофамильцем знаменитого Дыбенко.

Подошли к Лихой, снова начали переговоры с казаками. Дали 15 минут на размышление, время истекло. После двух выстрелов шрапнелью и слабой перестрелки вступили в Лихую. Противник отошел на Каменскую. В Лихой осталась объявившая нейтралитет 5-я сотня Атаманского полка, которую все же разоружили. В столкновении за Лихую чернецовцы потеряли одного убитого — сотника А.Н. Туроверова из офицерской роты.

В Лихой переночевали. Здесь планировалось оставить офицерскую роту, чтобы прикрывать ветку на Украину, на станцию Дуванная. В Каменскую был послан ультиматум сдать станицу, срок его истек в 12 часов 16 января.

Задолго до истечения срока ультиматума, 15 января в 6 часов вечера на ст. Зверево со стороны Харькова вышла большевистская колонна с блиндированным поездом. Чернецовцы и подошедший им на помощь из Новочеркасска взвод 1-го Офицерского батальона отбивали атаки пулеметным огнем. В 10 часов вечера, когда пулемет заклинило, офицеры, потеряв 1 убитого (сотника В.В. Алифанова) и забрав с собой 5 раненых,

прорвались сквозь охватившие Зверево большевистские цепи и ушли на ст. Черевково, к Новочеркасску.

Большевики все же чувствовали себя неуютно меж Черевково и Лихой, занятых партизанами и «добровольцами», и на ночь ушли из Зверево. Станция гордо объявила себя нейтральной.

16-го бой за Зверево возобновился. Чернецов с 4-й офицерской ротой и 1 орудием капитана Шперлинга вернулся от Лихой. С юга, от Черевково, нажал срочно высланный из Новочеркасска весь 1-й Офицерский батальон. Потеряв 1 убитого и 7 раненых, Чернецов восстановил положение, закрепил за собой Зверево.

В это время срок ультиматума, посланного в Каменскую, истек. Была перехвачена телеграмма (приводится с сохранением орфографии): «Скажите там что сегодня 12 часов дня ожидается бой подкаменской Чернецов подходит так что может быть придется закрыть кантру пропасть. Паняли? Нач рволюционный камитет ограбив казначейство кажс скрылся ктя комисар говорит что ен настанции но я был вштабе камитета и там сидят палтара чловика тильку штаб занимается приврженцами првительзтва...»¹²⁴. Не дожидаясь исхода боя у Зверево, в 3 часа пополудни 16 января эшелон чернецовцев под командованием Миончинского вышел на Каменскую, но у станции Северо-Донецкая его встретили цепи противника.

Чернецовцы высадились из вагонов, юнкера спустили с платформы орудие, их наблюдатель без всякого прикрытия вскарабкался на телеграфный столб. Цепь двинулась на цепь...

С 15 до 20 часов 16 января шел бой. Руководил им поручик Курочкин. На правом фланге противника были цепи Красной гвардии, на левом — цепи лейб-гвардии Казачьего полка. Лейб-казаки почти не стреляли. От их цепи прискакал парламентар, герцог Лейхтенбергский, и предупредил, что лейб-казаки сражаться не будут и уйдут в Каменскую. Лейб-казаки действительно ушли, их сменили цепи красногвардейцев. По другим данным, парламентаром прибыл сотник Атаманского полка с двумя урядниками. Он предложил чернецовцам вернуться в Новочеркасск. В ответ Миончинский предложил всем казакам, которые противостояли чернецовцам, собраться вправо от пути (на их левом фланге) и обещал, что по ним стрелять не будут¹²⁵. До темноты красногвардейская батарея обстреливала чернецовцев,

но не принесла им особого вреда. Около 20 часов, когда от Зверева вернулся Чернецов, партизанские цепи поднялись на «ура», сбили противника и захватили Северо-Донецкое.

Потери партизан были ничтожны, поскольку красные весь огонь сосредоточили на эшелоне и на орудии. Погибли 2 юнкера, еще 2 юнкера и 1 офицер-пулеметчик были ранены.

Ночь с 16 на 17 января передовые части Чернецова провели на полустанке Северо-Донецкое.

Утром 17 января части Донского ревкома, подкрепленные прибывшими еще 16 числа воронежскими красногвардейцами, двинулись из Каменской в наступление.

Чернецов в это время в Лихой встречался с подтелковской делегацией, которая, возвращаясь с переговоров из Новочеркасска, догнала откатывающуюся на север «линию фронта».

Партизанская разведка донесла, что от Каменской наступает Красная гвардия, донские гвардейские полки, 6-я и 30-я Донские батареи. Приказав арестовать и запереть подтелковскую делегацию, Чернецов отбыл в Северо-Донецкое.

Батареи противника не успели даже развернуться. Стремительной контратакой партизан революционные войска были опрокинуты и побежали к Каменской. Донской ревком в панике бежал на север, на станцию Глубокая, успев связаться по телеграфу с Харьковом и официально признать власть СНК во главе с Лениным.

Преследуя «революционных» казаков и Красную гвардию, чернецовцы прошли Каменскую, перебрались через Донец и вечером 17 января заняли Глубокую, отбросив противника дальше на север, на Миллерово. Противник, выявленный в Глубокой, оценивался чернецовцами в 1500 штыков Красной гвардии (помимо казачьих полков), 4 батареи, 20 пулеметов. В самой Глубокой чернецовцами было захвачено 10 пулеметов.

В суматохе боя и наступления о подтелковской делегации забыли, и ей удалось бежать кружным путем на Миллерово.

На ночь основные силы чернецовцев были отведены в Каменскую, туда же перебрасовалось командование отряда. В Каменской развернулось формирование еще одной сотни отряда (разные источники называют ее 2, 3 или 4-й) из местных реалистов и офицерской дружины из офицеров Атаманского полка и других казачьих полков. Командиром новой сотни был назначен есаул Дынский, командиром 1-го взвода — сотник Брыкин.

Тогда же Чернецову стало известно о новых планах противника.

Во время «беспорядков» в Каменской не потерявший головы штаб 5-й Донской дивизии организовал среди «революционных» казаков агентурную разведку. С этой целью полковником М.М. Поляковым в среду «комитетчиков» был заслан есаул М. Попов. «...Кроме того, в мою задачу входило агитировать в казачьих революционно настроенных частях за разезд казаков по домам», — вспоминал «агент»¹²⁶.

Начальник 5-й Донской дивизии генерал Усачев получил от засланного есаула и передал Чернецову донесение, помеченное 17 января, следующего содержания: «Из революционно настроенных казаков 27-го, 44-го, лейб-казачьего Атаманского и 2-го запасного полков войсковой старшина Голубов спешно собирает боевую конную группу, которая через несколько дней при поддержке уже подошедшей из Луганска и Воронежа красной пехоты двинется на Новочеркассск. Пехота со станции Глубокая по полотну железной дороги, по льду через Донец на Каменскую; конница — через хутор Караичев Гундоровской станицы ударит на ст. Лихая, обходя с тылу полковника Чернецова с его отрядом в Каменской и выходя на прямую Лихая — Новочеркассск, сто с лишним верст, — что равносильно гибели Новочеркасска, так как, кроме Чернецова, на этой короткой линии уже никто не сможет удержать Голубова от вторжения в него»¹²⁷.

Подлинность донесения вызывает сомнения. Оно помечено 17 января, но Чернецов в нем назван полковником, хотя сам он об этом узнал 19-го вечером. Видимо, донесение было восстановлено автором через несколько лет по памяти. Для нас главное в нем то, что еще при жизни Чернецова в среде большевиков выделился военачальник (известный авантюрист Н.М. Голубов), который, не надеясь на боеспособность казачьих полков, стал сводить вместе наиболее боеспособных казаков разных частей (так, собственно, создавались и партизанские отряды), чтобы одним ударом захватить Новочеркассск, но первый удар предназначался по единственной преграде — отряду Чернецова.

Получив такую информацию, Чернецов решил опередить Голубова и стал разрабатывать операцию против Глубокой. Но непредвиденные обстоятельства заставили его отложить это мероприятие.

В тот же вечер 17 января колонна Красной гвардии начала наступление со станции Дуванная на станцию Лихая. Около сотни офицеров гарнизона вступили в бой с первым эшелоном наступающих. Примерно 400 красногвардейцев наступали в трех цепях. Их поддерживала батарея трехдюймовок и взвод тяжелой артиллерии. Потеряв 4 убитых и 10 раненых, офицеры отступили из Лихой и двинулись по путям на север, к Каменской.

Большевики, заняв Лихую, свернули на юг и утром атаковали Зверево. Подъесаул Лазарев, державшийся в Зверево с 50 офицерами и юнкерами, дважды поднимал своих людей в контратаку...

С севера, от Каменской, на Лихую повели наступление чернецовцы. Сам Чернецов пока оставался в Каменской, готовил операцию на Глубокую. Он послал на Лихую 1-ю сотню отряда, состоявшую из «старых» партизан, и 2 орудия. У полустанка Северо-Донецкое чернецовцы встретили ушедших из Лихой офицеров.

Цепь партизан (дистанция 15 шагов) развернулась справа от железнодорожного полотна, цепь офицерской роты — слева. Два орудийных расчета под командованием штабс-капитана Шперлинга должны были вести огонь прямо с площадок эшелона. Всего в бой пошло около 200 человек.

На станции Лихой и на подступах к Зверево по подсчетам белых было примерно 2,5 тысячи красногвардейцев. Костяк их составлял 275-й запасной пехотный полк, латыши и рота из пленных немцев под командованием поручика Шребера¹²⁸. Советские источники называли отряды Макарова и Клочкова силой 500 штыков, 25 всадников и 1 девица, кроме того, винтовки и по 50 патронов были розданы рабочим механических депо¹²⁹.

Бой начался с 8 часов утра (причем первый же партизанский снаряд снял с крыши станции красных наблюдателей), но в решающую атаку чернецовцы перешли после 12-ти дня. По свидетельству очевидцев со стороны большевиков, из-за обилия забивших станцию эшелонов и «трофеев» большевистские орудия невозможно было «подвинуть», и они стреляли по своим¹³⁰.

Участник боя, знаменитый донской поэт Н.Н. Туроверов, вспоминал, что цепи чернецовцев без выстрела двигались к станции, поддерживаемые огнем двух орудий и двух пулеметов. «Наконец, наша цепь, внезапно сжавшись, уже в двухстах шагах от

противника, с криком «Ура!» бросилась в штыки. Через двадцать минут все было кончено.

Беспорядочные толпы красногвардейцев хлынули вдоль полотна на Шмитовскую, едва успев спасти свои орудия. На путях, платформах и в сугробах, вокруг захваченных двенадцати пулеметов, осталось больше сотни трупов противника¹³¹. «Преследовали красных лишь пулеметы да редкие снаряды, — вспоминал еще один партизан. — Бой был жаркий, и до оставления Дона мы такого больше не видели»¹³². Белогвардейские источники сообщили, что взято 16 пулеметов, командир Красной гвардии Макаров убит, захвачен поезд с мануфактурой, копченой рыбой, сушеными абрикосами, изюмом, миндалем. Потери большевиков определялись в 300 трупов. Более практичные юнкера-артиллеристы отметили, что захватили 10 пулеметов 5-го пулеметного полка и 1000 снарядов. Потери красных они определили в 25 %¹³³. Скромнее всех оценил потери красных еженедельник «Донская волна». Корреспондент записал, что в 20 саженьях от дороги лежали 50 трупов, и отметил пленных красногвардейцев, которым уже был «подписан приговор». Вместе с расстрелянными пленными, видимо, и набиралось 100 трупов большевиков, о которых говорил Туроверов.

Советские историки признавали, что колонна Саблина «получила сильный контрудар от добровольческих частей и отошла со значительными потерями, покинув также и станцию Зверево»¹³⁴.

Действительно, сам Корнилов, встревоженный появлением большевиков в Зверево и Лихой, выслал из Новочеркасска на север, на Зверево, остальные роты 1-го Офицерского батальона, и они одним своим видом заставили Саблина, побитого под Лихой, откатиться на украинскую территорию.

Отряд Чернецова в бою за Лихую потерял убитыми 11 человек (5 офицеров и 6 партизан) и ранеными 20. Газета «Вольный Дон» 19 января опубликовала список убитых, число которых почему-то превышало официально объявленное (видимо, перечислили всех убитых с начала похода). В списке значились: штаб-ротмистр 12-го Ахтырского гусарского полка В.А. Греков, сотник 17-го Донского полка Р.А. Сидоренко, прапорщик 2-го запасного кавалерийского полка Н.Н. Попов, прапорщик 277-го запасного пехотного полка В. Калугин, хорунжий 44-го Донского полка А.Н. Туроверов, студент Н. Марченко, кадет Одесского

корпуса Г. Суржин, юнкера Михайловского училища Перлиц и Климантович, юнкер Николаевского инженерного училища Крамаренко, партизаны Жердин, Медведев и Кириченко, два трупа остались неопознанными.

Был ранен в голову поручик Курочкин, руководивший боем.

Для чернецовцев бой под Лихой стал своеобразным символом. В создававшемся новом «журавле» появился куплет:

Под Лихой лихое дело
Всю Россию облетело.

19 января чернецовцы, забрав с собой раненых и убитых, вернулись из Лихой в Каменскую. Туда же подошла 4-я офицерская рота. Днем 19-го в Каменской хоронили местных погибших партизан, тела остальных были отправлены в Новочеркасск. Вечером 19 января из Новочеркасска пришло известие, что Чернецов за бои у Северо-Донецкого и Лихой произведен в полковники, а вся 1-я сотня его отряда награждена георгиевскими медалями. Чернецов не радовался производству: «Слишком дорого мне это стоило, — сказал он. — Оставался бы в прежнем чине — были бы живы мои орлята!».

День 19 января не был удачным для «добровольцев» и партизан. 2-я рота Офицерского батальона выступила по метели выбивать красных со станции Гуково, но попали в засаду. Из 35 человек вернулись в Зверево 7. На северном направлении из-за боя в Лихой и переброски части сил партизаны не смогли удержаться Глубокую. Большевики Глубокую заняли, и днем 19 января, даже во время похорон, большевистские составы показывались на севере и обстреливали Каменскую из орудий. Чернецовцы, чьи орудия не успели подвезти из Лихой, отвечали пулеметным огнем.

Вечером 19-го Чернецов стал детально планировать удар по Глубокой.

Предполагалось, что в Глубокой расположились от 1000 до 1500 красногвардейцев. Наличие боевых казачьих частей вообще не предусматривалось. «Революционные» казаки до настоящего времени от боя уклонялись. Среди их верхушки шел раскол. Тот же Голубов вдруг стал играть одну из главных ролей, и Подтелкову с его окружением это не могло понравиться. Формирование («сколачивание») специальных частей из казаков разных полков показывало, что сами полки небоеспособны, а на «сколачивание» нужно время. На самой станции Глубокой

больших казачьих частей не стояло. Полки были разбросаны по хуторам и станицам вдоль Донца и вдоль границы. Если их не трогать, то и они не тронут.

А коли чернецовцам противостояла одна Красная гвардия, решено было станцию Глубокая обойти, взорвать пути к северу от станции и атаковать ее с двух сторон. «Операция рассчитывалась на окружение и полную ликвидацию противника», — вспоминал Н. Туроверов. Явное неравенство сил Чернецова не смущало. Все это время любой бой, даже бой в окружении, неизменно заканчивался в его пользу. Офицеры и партизаны проявляли большую устойчивость. Интеллект, помноженный на приобретенную военную подготовку, делал их (особенно офицеров) в бою страшной силой. Большую роль играло то, что красногвардейцы пока не умели, а казаки не хотели драться и всячески уклонялись от серьезного боя.

Планировалось следующее: сам Чернецов с полутора сотнями бойцов, орудием и двумя пулеметами на автомобиле и телегах должен был выступить из Каменской рано утром 20 января (казаки и ломовые извозчики должны были подогнать телеги к 4-м утра) и обойти Глубокую по грунтовым дорогам, по землям своей родной станицы Калитвенской, с северо-востока. Туроверов отмечал: «Это был первый случай отрыва от железной дороги». Оставшаяся часть партизан с другим орудием на платформе, при поддержке местной офицерской дружины, должна была атаковать Глубокую по железной дороге с юга. Общая атака была назначена на 12 часов дня.

Но возчики опоздали, телеги подогнали к 7 утра. Отряд Чернецова выступил с опозданием. Для оставшихся в Каменской задача была уточнена: выдвинуться к 2 часам дня к разъезду Погорелово и по сигналу — высокому шрапнельному разрыву — атаковать Глубокую с юга.

1-я сотня, костяк чернецовского отряда, в обход не пошла. Сказались измотавшие отряд недельные бои. Да и сам обход зимой по снегу без дорог был очень труден для храбрых, но неопытных юнцов. Поэтому Чернецов повел с собой офицерскую роту (в которой уже преобладали местные офицеры) и юнкеров-артиллеристов, а также часть партизанской сотни, сформированной в Каменской, состоявшую из местных «волонтеров», которые могли хорошо знать местность. В обходную колонну

Чернецов взял 2-е орудие батареи (образца 1900 года), несколько разведчиков и телефонистов и 2 легких пулемета с батареи. Возглавлял эту команду сам Миончинский.

В самой Каменской, по данным Н. Жданова, остался лишь один взвод, поскольку часть сил отряда оставалась в Зверево, часть была выдвинута к западу от Лихой на ветке Лихая — Харьков, часть — к востоку от Лихой на ветке Лихая — Царицын¹³⁵.

Около 10 часов подъесаул Упорников, снарядив два пустых товарняка и рассадив на паровозы семь юнкеров, отправился демонстрировать против Глубокой. Это была только демонстрация, так как орудие, с которым предполагалось атаковать Глубокую, из Лихой еще не прибыло.

У полустанка Погорелово Упорников был встречен артиллерийским огнем. Стреляла 6-я гвардейская батарея. У Упорникова создалось впечатление, что казаки-батареяйцы просто играют с ним, сознательно не ведут огонь на поражение, и он от греха подальше вернулся в Каменскую.

Оставшись в самом начале операции без поддержки с юга, отряд самого Чернецова несколько раз сбивался с пути и вышел на исходный рубеж для атаки — высоты к северо-востоку от Глубокой — около 4 часов дня.

По сообщениям советских источников, большевики на станции еще в 2 часа дня знали от перебежчика, что Чернецов пошел в обход, и готовились к встрече¹³⁶.

Чернецов отпустил возчиков с телегами, затем приказал разобрать железнодорожные пути и открыть оружейный огонь по Глубокой. В ответ на выстрел чернецовского орудия ударили пушки со станции. Туроверов считал, что это была 6-я Донская гвардейская батарея, но советские источники говорят о 4-й Забайкальской батарее¹³⁷, которая, видимо, пришла в Глубокую вместе с красногвардейским отрядом Петрова. Забайкальская батарея прямо с платформ открыла ответный огонь и третьим выстрелом подбила чернецовское орудие. Два юнкера-артиллериста (Икишев и Полевой) были ранены.

12-я Донская батарея есаула М.С. Житенева тоже сражалась на стороне большевиков, но вела огонь «на очень высоких разрывах» (чем не сигнал для чернецовцев, которые остались в Каменской?). Впоследствии есаула Житенева «белые» судили и оправдали; позже он погиб в бою с думенковцами¹³⁸.

Дальнейший ход боя под Глубокой имеет несколько описаний. Донские журналисты по горячим следам составили следующую картину. Железнодорожные пути к северу от Глубокой испортить не удалось. Эшелон красногвардейцев из Глубокой проскочил мимо места предполагаемой диверсии, красногвардейцы высадились в степи и двинулись на чернецовцев с севера, вторая цепь двинулась с юга, из самой Глубокой. Но чернецовцы уклонились восточнее, и в наступающих сумерках красногвардейские цепи стали обстреливать друг друга. Пока красногвардейцы истребляли сами себя к северу от Глубокой, Чернецов атаковал вокзал с востока. Вокзал был захвачен, но все чернецовские пулеметы заклинило, а с юга атаку никто не поддержал. В Каменской адъютант отряда поручик Личко в это время предлагал офицерской дружине выдвинуться разездом к Глубокой. Но не было желающих, не было лошадей...

С вокзала чернецовцы ушли. Во время отхода отряд распался. От Чернецова оторвался подполковник Морозов с двумя десятками своих офицеров, остатком офицерской роты. К утру 21 января Морозов со своими людьми вернулся в Каменскую, где заявил, что после боя за Глубокую он потерял связь с Чернецовым, и потому пришлось вернуться.

У Чернецова осталось меньше сотни голодных, замерзших и усталых партизан, отступивших к бугру северо-восточнее Глубокой, исходному рубежу атаки. Ночевать в степи было невозможно, уходить на Каменскую ночью по степи Чернецов, видимо, не решился. Возможно, он ждал поддержки из Каменской и надеялся атаковать Глубокую на следующее утро. Так или иначе, но Чернецов ночью пришел с отрядом в Глубокую и заночевал в крайних дворах «в двухстах саженьях» от большевиков, которые небрежно относились к охранению. Такая картина сложилась в местной прессе в январе 1918 года.

Позже, когда в эмиграции уцелевшие участники боя опубликовали свои воспоминания, прояснилась следующая ситуация. Юнкера-артиллеристы Каменский и Иегулов вспоминали, что, оставаясь у подбитого орудия, они видели, как партизаны атаковали поселок, но были встречены жестоким огнем, как брошен был в бой резерв — взвод офицеров. Он прорвал линию окопов противника, перешел насыпь и оторвался. В начале боя было указано направление атаки, но не указано место сбора на

случай неудачи. Поэтому, когда стемнело, партизаны стали собираться к костру, который развели юнкера-артиллеристы. Они рассказали, что ворвались на вокзал, но были встречены огнем из эшелонов и отошли. Н. Туроверов, который был в команде подрывников, подтвердил историю, как две цепи красных в темноте истребляли друг друга¹³⁹.

Н. Жданов, записавшийся в Каменской в партизанскую сотню и участвовавший в операции, дает более простое описание. Сотня партизан (Жданов называет ее «4-й»), офицерский взвод, одно орудие и два пулемета в 3 часа дня вышли по пахоте в тыл красным. Офицерский взвод рассыпался с правой стороны от железной дороги, сотня — с левой стороны и повели наступление на вокзал с севера. У вокзала встретили цепь красных и вели перестрелку до темноты. Красные вели огонь «беспорядочный и не меткий», из поселка к ним на помощь подходили колонны.

Офицеры из офицерского взвода предлагали пойти в атаку. Чернецов ответил, что это будет безумие — «партизаны не были обучены штыковому бою, так как это была в большинстве учащаяся молодежь, у красных же наверное было немало старых солдат, знавших приемы штыкового боя...»¹⁴⁰.

В темноте офицерский взвод оторвался и ушел в Каменскую. Партизаны стали собираться на бугре возле подбитого орудия. Чернецов нашел проводника, старика 80 лет, который отвел их на ночлег в хутор Пиховкин, расположенный в версте от Глубокой, к северо-западу от станции. Здесь партизаны заночевали в церковном домике для сторожей и в сараях. Чернецов остановился в доме священника. Миончинский и командир орудия поручик Казанли всю ночь чинили орудийный затвор (в нем был сбит боек) и к утру починили. Орудие стояло в церковной ограде.

Красногвардейцы на станции Глубокой потеряли убитыми 20 человек, ранеными 70, разбежалось 50¹⁴¹. Но в настроениях казаков произошел перелом.

Известный авантюрист, войсковой старшина Голубов, ставший на сторону Донского ревкома, ускакал во время боя в станцию Митякинскую. Там стоял 27-й Донской казачий полк, в котором Голубов служил на австро-германском фронте. Голубов поднял полк по тревоге и объявил ему, что офицеры напали на казаков. Еще днем в Глубокой всплыло имя Корнилова. Действительно, в налете на Глубокую вместе с Чернецовым участво-

вали офицеры-корниловцы — 4-я рота Офицерского батальона. Видимо, появление «добровольцев»-корниловцев на землях казачьих станиц Донецкого округа взбудоражило казаков. 27-й полк, развернув полковое знамя, вместе с командиром полка пошел за Голубовым отражать Чернецова и его офицеров. Другие источники говорят, что подошли лишь две сотни 27-го полка. Кроме них Голубову удалось увлечь казаков 44-го полка (3-я очередь 10-го полкового звена), атаманцев и 6-ю гвардейскую батарею.

Отвлечемся на некоторое время от ситуации, в которой оказался Чернецов, и отметим, что в ту же ночь, с 20 на 21 января, Офицерский батальон, находившийся в Зверево, атаковал станцию Гуково.

Были получены сведения, что в Гуково подошли новые силы большевиков, до 2000 человек. Около 22 часов 94 офицера с пулеметом на дрезине двинулись вдоль железной дороги, в 3 часа ночи они ворвались на станцию Гуково и устроили там штыковой бой. Из трех эшелонов большевиков два были разгромлены на станции. Третий прорвался и ушел, так как посланная в обход Донская офицерская дружина не смогла правильно заминировать мост (не везло донцам на обходные маневры в эти дни).

Батальон потерял 7 убитыми и 20 ранеными. Большевиков якобы убили 500, захватили 13 пулеметов и 300 пленных. Там же, в Гуково, нашли трупы офицеров 2-й роты, которых красные перед смертью пытали. «Все это решило участь пленных...»¹⁴². От себя отметим, что названное количество большевистских потерь вызывает сомнения, а расстрел 300 пленных (если их действительно было столько) производит тягостное впечатление.

К полудню 21 января, передав станцию Гуково Донской офицерской дружине (200 штыков), Офицерский батальон отбыл в Зверево и далее в Новочеркасск и Ростов.

Но вернемся к станции Глубокой, около которой днем 21 января разыгралась трагедия.

Утром еще затемно чернецовцы построились у церкви, их было 86 человек. Отряд в колонне пересек железную дорогу и поднялся на бугры, с которых вчера начинал атаку. Здесь партизаны отыскивали брошенный вечером пулемет. Чернецов приказал дать по станции несколько выстрелов из исправленного орудия (вот, наверное, красные удивились!). Всего было дано

10 выстрелов. Красные двинули на орудийные выстрелы цепь, но Чернецов не стал ввязываться в бой и повел отряд прежним путем на Каменскую.

Пройдя четвертую часть пути, заметили казацьи разьезды. Произошло несколько стычек между разьездами и артиллерийскими конными разведчиками. Туроверов отмечает, что был убит один казак 44-го полка. Наконец, поднявшись на возвышенность, партизаны увидели казачий полк в 500 шашек, пулеметную команду и 4-орудийную батарею, которая становилась на позицию. Попытки начать с казаками переговоры не удались — по парламентарам стреляли. Голубовские казаки открыли артиллерийский огонь. Лисенко уточняет: «Прямым попаданием гранаты выбило лошадей передних уносов. Далее орудие шло на корне»¹⁴³. Миончинский развернул орудие и дал три ответных выстрела. Третьим якобы повредил у противника два орудия (возможно, у Голубова изначально была нормальная 6-орудийная батарея, а после огня Миончинского партизаны видели лишь 4). Но силы были явно неравны, и Чернецов приказал отходить. Н. Жданов утверждает, что отходили на восток, к хутору Гусеву. П. Каменский писал, что Чернецов решил «отходить к полотну железной дороги, рассчитывая на помощь из Каменской»¹⁴⁴, то есть на запад. Однако «отряд, отступая, отклонился от взятого было направления, так как конница противника, не давая возможности отряду задерживаться, заставляла его двигаться в нежелаемом направлении, а именно, идя к полотну, отклоняться в сторону Глубокой»¹⁴⁵. У глубокого оврага, через который орудие перейти не могло, Чернецов приказал сбросить его вниз. Орудие сбросили в овраг, замок, прицел и угломерный круг утопили в ручье на дне оврага. После этого Чернецов приказал Миончинскому с конными артиллеристами прорываться на Каменскую. Тот выскакал из оврага, размахивая белым платком, и проскакал мимо озадаченных казаков, которые прекратили стрельбу. С Миончинским ускакало человек 20 юнкеров. Этот отряд проблуждал по степи всю ночь и утром явился в Каменскую.

Чернецов и оставшиеся с ним партизаны стали уходить по дну оврага (вот тогда, наверное, они и свернули к хутору Гусеву). Их оставалось человек 40, но возле Чернецова компактно держалось человек 15.

Решив закончить дело одним ударом, Голубов бросил казаков в конную атаку. Чернецов поднял партизан на край оврага и, подпустив конницу на 100 сажень, открыл огонь залпами. Атакующие поскакали обратно. Чернецов поздравил партизан с производством в прапорщики. После второй атаки, отбитой так же, Чернецов поздравил их с производством в подпоручики, после третьей — в поручики. В последней атаке партизаны захватили подхорунжего 27-го Донского полка, который притворно возмущался и кричал, что это недоразумение. Его отпустили, так как он обещал договориться, что чернецовский отряд пропустят.

В это время казацья конница показалась на другой стороне оврага, заходя с тыла, и Чернецов повел партизан в ту сторону. Поднимаясь на край оврага, он был ранен пулей в ногу. Партизаны залегли вокруг него, «образуя круг радиусом шагов 20—30»¹⁴⁶.

Начались переговоры. П. Каменский пишет, что партизаны и окружившие их казаки договорились взаимно сложить оружие. Это было сделано. Но новая большая толпа вооруженных казаков окружила партизан и погнала их в Глубокую¹⁴⁷. Жданов утверждает, что Чернецов сдался на условиях, что его и партизан будут судить казаки, а не красногвардейцы¹⁴⁸. Все очевидцы единодушны, что переговоры с Чернецовым вел Голубов, который дал слово, что «отпустит остатки отряда»¹⁴⁹.

Все это время из Каменской дважды (под командованием Упорникова, а затем — Лазарева) выходил партизанский эшелон и пытался атаковать Глубокую.

Меж тем темнело. Пленных партизан погнали в Глубокую. Попавший в плен Чернецов пытался воздействовать на казаков, на Голубова, играя на желании последнего устроить торг с Войсковым правительством. Удача вроде бы сопутствовала Чернецову даже сейчас, поскольку демонстрировавшие из Каменской партизаны своим огнем нагоняли на «революционных» казаков неуверенность, и Голубов выслал к партизанам парламентаров. Они везли записку: «1918 г., 21 января, я, Чернецов, вместе с отрядом взят в плен. Во избежание совершенно ненужного кровопролития прошу вас не наступать. От самосуда мы гарантированы словом всего отряда и войскового старшины Голубова. Полковник Чернецов. Войсковой старшина Н. Голубов. 1918 г., 21 января»¹⁵⁰. Но председатель Донского ревкома Подтелков

пресек эти переговоры и лично зарубил Чернецова, который пытался стрелять в него из спрятанного при пленении «стеера».

Н. Жданов и здесь дает свою версию: уже в темноте, когда чернецовцев конвоировали в Глубокую, Голубов и Подтелков ускакали, а Чернецов при попытке к бегству был зарублен неким Пантелеем Пузановым. Позже видели, что стволом винтовки у него был выбит глаз¹⁵¹.

Взятые в плен партизаны тоже были изрублены, немногим удалось бежать и скрыться в темноте¹⁵². Всего удалось вернуться 15 юношам. До станции голубовские казаки довели пятерых — солдата с румынского фронта, двух юнкеров-артиллеристов Константиновского училища, ученика Каменского реального училища и примкнувшего к чернецовцам помощника слесаря из самой Глубокой. Участь их была печальна¹⁵³.

Эпопея полковника Чернецова закончилась¹⁵⁴.

Глава 5 БЕЗ ЧЕРНЕЦОВА

Боевой дух обеих сторон был подорван. Красная гвардия после столкновения с Чернецовым ушла из Глубокой на станцию Миллерово, «так как весь комсостав выбыл из строя», ее командир Г. Петров был ранен в ногу. 23 января один из красных командиров телеграфировал в Петроград: «Еще одна такая победа, и мы погибли»¹⁵⁵. Казаков на станции Глубокая осталось немного. Фактически все полки, признавшие власть Донского ревкома, рассеялись по домам. Войсковое правительство, подкрепляя их настроения, издало приказ о расформировании всех полков за исключением 3, 5, 7, 9, 10, 13, 16, 17, 18, 21, 28, 29, 36, 40, 48 и 49-го, двух гвардейских и калмыцкого полка, формируемого в Сальском округе¹⁵⁶. Таким образом, две трети донских полков были распущены по домам.

Попытки Донского ревкома провести 22 января мобилизацию сорвались. В Миллерово к месту сбора прибыло 1600 человек, но на погрузку в вагоны явилось 80, остальные разбежались.

Для Войскового правительства опасность с севера утратила свою остроту. Зато вновь надавил с территории Украины поби-

тый, но не разбитый Саблин. Оборона станции Гуково силами Донской офицерской дружины, где офицеров было 10 %, да и те были старики, не могла считаться надежной. Туда были посланы подкрепления — 2-я сотня семилетовского отряда, — но этого было явно недостаточно.

Во время переговоров между партизанами и «революционными» казаками по поводу судьбы плененного Чернецова (пока тот был жив) от походного атамана Назарова пришел приказ партизанам отойти на Зверево и на Колпаково, а оборону Каменской передать... Голубову, который якобы сформировал свой партизанский отряд и будет воевать на стороне Войскового правительства. Когда Назаров сообщил об истинной роли Голубова, Назаров все равно подтвердил приказ оставить 100 человек в Каменской и отходить на Колпаково.

Остатки отряда Чернецова выполнили приказ и ушли из Каменской, оставив там всего 62 партизана. С ними и с 4-й офицерской ротой подъесаул Лазарев 22 января совершил налет на Глубокую и близлежащие хутора и подобрал трупы 9 зарубленных вместе с Чернецовым партизан, после чего вернулся в Каменскую. «Революционные» казаки сопротивления не оказали. На следующий день на хуторе Астахове партизаны и юнкера во главе с Миончинским подобрали 6 брошенных орудий и 16 зарядных ящиков. С ними Миончинский отправился в Новочеркасск. Брошенные орудия принадлежали лейб-гвардии 6-й Донской батарее. В Новочеркасске из этих 6 не совсем исправных орудий собрали 4 боеспособных. Сборкой руководил есаул 6-й гвардейской батареи Упорников, «отлично знавший свои орудия»¹⁵⁷.

24 января Лазарев хотел снова напасть на большевиков, но получил тревожные известия из Лихой и Зверево.

Дело было в том, что под Гуково прибывшие семилетовцы пытались выдвинуться дальше на украинскую территорию, но сделали это неумело. Как вспоминал семилетовец А. Макриди, «командовал нами есаул Боков, храбрый офицер, но неопытный командир... Без оперативных заданий, даже без разведки, лихой есаул повел нас по железной дороге на поиски врага»¹⁵⁸. Под станцией Должанской семилетовцы попали в засаду, устроенную, как считал Макриди, красными латышскими стрелками. «В новочеркасском лазарете я узнал, что наш отряд, числом двести пятьдесят штыков, потерял двести десять»¹⁵⁹.

Полковник Ляхов, командовавший всем боевым участком, начал отступление на Зверево.

Туда же из Лихой стала выдвигаться 1-я сотня чернецовцев. В Лихой ее сменила 4-я офицерская рота. Лазареву пришлось отказаться от очередного налета на Глубокую, и даже взорвать полотно между Глубокой и Каменской, чтобы задержать красные эшелоны с севера.

25 января было для партизан несчастливим днем. 1-я сотня чернецовцев из-за несогласованности действий с другими частями потерпела поражение под станцией Заповедной, потеряла 11 партизан убитыми и ночью ушла из Зверево. Части в Лихой и Каменской оказались отрезанными от Новочеркасска. Сведений о них не было.

У атамана под рукой был лишь отряд войскового старшины Карпова (42 человека) из учащих средних учебных заведений Новочеркасска. Бойцам было по 9 — 17 лет. Отряд сразу же получил приказ выехать на фронт и присоединить остатки чернецовцев... Не надеясь на подростков в их легких ботинках, донское командование (по согласованию с «добровольческим») решило направить вслед за ними 2-й офицерский батальон, но на это нужно было время.

Утром 26-го в Каменской стало известно об оставлении Зверево и бое под Лихой, где большевиков сдерживала 4-я офицерская рота. Но Каменскую большевики оставили в покое. Дело в том, что 10-й Донской полк (3 сотни) пришел в станицу с музыкой и потребовал, чтобы Красная гвардия ушла с территории Дона, иначе грозил выбить ее силой. Воспользовавшись этим, Лазарев бросился на Лихую и в ночь с 27 на 28 января завязал там жестокий бой. Станция была временно занята. Воспользовавшись этим, 4-я офицерская рота ушла на Зверево и далее на соединение к своим. Лазарев в Глубокой не удержался. Он просил помощи у 10-го Донского полка. Полк после митинга послал ему на подмогу 11 человек... Отряд Лазарева (один из очевидцев вспоминал, что Лазарев в ту ночь был «вдребезги веселый») ¹⁶⁰ откатился на Каменскую. Его оружие было подбито, из артиллеристов 3 убито, 2 ранено. Удалось лишь взорвать железную дорогу между Лихой и Каменской.

Фронт к северу от Новочеркасска все же был восстановлен. Генерал Назаров поручил отошедшую к Новочеркаску часть

чернецовского отряда полковнику Илье Дмитриевичу Черевкову, боевому офицеру, кавалеру «Георгиевского оружия». Но тот в первом же бою был ранен в ногу с переломом кости и три часа провел в поле, сдерживая стон, «чтоб не внести паники в отступающую сотню» ¹⁶¹. 27 января в Александро-Грушевск прибыл 2-й Офицерский батальон, который неудачно пытался отбить станцию Сулин. Через два дня офицеров отзывали, но к тому времени на смену им прибыли отряд Семилетова, конный отряд юнкеров и офицеров Атаманского полка и импровизированный «бронепоезд» с командой из офицеров 6-й гвардейской батареи и юнкеров — всего 250—300 бойцов, 75 % личного состава в возрасте не свыше 17 лет ¹⁶².

Остатки чернецовцев были отрезаны в Каменской. И генерал Усачев, начальник 5-й Донской дивизии, остававшийся все время в Каменской и взявший под свое командование всех, воюющих с большевиками, принял решение уходить из Каменской грунтовыми дорогами вдоль Донца и пробиваться к Новочеркаску.

Сопоставив данные ряда источников, можно восстановить этапы этого похода. В 13 часов (по другим данным — в 18 часов) 28 января отряд, оставив на Каменском вокзале раненых, пошел на восток вдоль Донца, прикрываясь его высоким берегом.

Первый привал был сделан на хуторе Богданов, верстах в 15 от Каменской. Ночью чернецовцы оторвались от берега Донца и двинулись на юг, на хутор Садки, до которого по прямой было километров 50. По дороге пришлось пересечь железнодорожную ветку Лихая — Царицын и идти степью, преодолевая распутицу, грязь, талые речки. По дороге ввязались в конфликт в деревне Божковка, километрах в пяти за железной дорогой, где крестьяне поймали пятерых офицеров. Партизаны двинулись на звуки стрельбы и отбили офицеров. Ночевал отряд в деревне Федоровка. Утром из пулемета нечаянно была ранена медсестра Плешакова. Из Федоровки отряд пошел в хутор Садки, до которого оставалось верст 10. Холодный ветер превращал дождь в крупу, которая забивала глаза, но грязь подмерзла, и идти стало легче. В Садках умерла медсестра. Из Садков на станцию Горная (между Сулином и Александровском-Грушевском) был послан разъезд. Так как Лихая и Зверево остались севернее, партизаны надеялись найти в Горной своих, но там

уже были большевики. Потеряв одну лошадь, разъезд отошел. Больше отряд не рисковал выходить к железной дороге и двинулся на юг, к Дону. Следующая остановка была в хуторе Керчик, где партизаны узнали о самоубийстве атамана Каледина. Здесь они получили от местных властей подводы, подобрали 7 брошенных регулярными войсками пулеметов и двинулись в хутор Мокрый Лог, где и заночевали. На этом хуторе лошадей они не получили и дальше двинулись на быках. 1 февраля они вышли к Дону, к станции Раздорской, здесь переночевали и отправились вниз по Дону до Мелеховской, где попали на митинг по поводу объявленной новым атаманом мобилизации. Из Мелеховской чернецовцы двинулись вверх по речке Аксай, выходя к Новочеркаску с востока, через станции Бессергеновская, Заплавская, Кривянская. В город они вошли 3 февраля. В Новочеркаске многие чернецовцы из этого отряда были распущены по домам

В Войске в это время начинался новый этап борьбы...

Партизаны понесли огромные потери. «Из 60 учеников реального училища, ушедших в отряд Чернецова, осталось в живых не более 20-ти»¹⁶³. Из 2-й семилетовской сотни, разбитой под Должанской, после второго боя осталось всего 8 человек¹⁶⁴. Донская офицерская дружина полковника Ляхова после боя под станцией Горной расплылась.

Но тогда же, в зимние месяцы 1917—1918 гг., были сформированы другие партизанские отряды. Одни возникали вдали и в отрыве от административного центра области, как реакция округов на приход большевиков в окружные центры, другие стали формироваться в Ростове и Новочеркаске «вослед» Чернецову под влиянием создаваемой легенды. В них пошла молодежь, увлеченная романтикой партизанской войны и не представлявшая, видимо, всех ее тягот. Н.Н. Львов вспоминал: «Много раз приходилось мне видеть на маленькой станции Новочеркасска, как эти партизаны-подростки, тут же на платформе разобрав винтовки и патроны, садились в теплушки. Под крики “ура” поезд отходил и скрывался вдали»¹⁶⁵.

Позже, когда большевики подкатились к Ростову и Новочеркаску, эти отряды стали костяком, к которому временно примкнули станичные ополчения. Так, к отряду Семилетова была придана «Новочеркасская дружина», состоявшая из «стариков-чиновников всех ведомств»¹⁶⁶.

Необходимо перечислить хотя бы некоторые из этих отрядов.

Прежде всего это был отряд войскового старшины Семилетова, который, как мы помним, был послан под Таганрог на помощь «добровольцам» (там же, у Матвеева Кургана, на станице «добровольцев» приняла участие в боях 29-я Донская батарея)¹⁶⁷.

17 января генерал Деникин телеграфировал из Неклиновки в Ростов: «Казачьи отряды Ростова из Ростова и Гниловской не пошли. С отрядом полковника Кутепова действует лишь один партизанский отряд Семилетова»¹⁶⁸. Но заметного участия в боях семилетовцы не приняли. Как вспоминали участники боев, «иногда появлялись донские конные партизаны, юнцы 15—17 лет...»¹⁶⁹.

2-я сотня семилетовцев была практически уничтожена на северном направлении и вернулась в Новочеркасск на пополнение.

Но сам отряд сохранился до самого Степного похода и стал костяком его участников.

20 января 1918 года «Вольный Дон» сообщил, что офицеры и казаки 7-го Донского полка (полк формировался в черкасских станицах) организовали партизанский отряд хорунжего Назарова...

О Федоре Дмитриевиче Назарове много писали еще в годы Гражданской войны. Известный журналист Виктор Севский сообщал, что Назаров в детстве пас гусей в Новониколаевской станице, затем попал на Дальний Восток, работал в железнодорожных мастерских, рабочим на барже, слесарем во Владивостокском порту, конторщиком, помощником машиниста на пароходе, сдал экзамен на народного учителя. В. Севский назвал его «молчаливым рыцарем». Позже, в эмиграции, В. Крюков писал: «Может быть, Ф.Д. грешил иногда военными познаниями, но он несомненно обладал большими качествами партизанского начальника»¹⁷⁰. В.С. Мыльников вторил ему: «Назаров особого военного образования или долголетней службы не имел, но у него была замечательная способность: вылетев на возвышенность или бугор, он моментально сразу правильно оценивал положение и тут же отдавал соответствующие распоряжения, что и требовалось от начальника партизанского отряда»¹⁷¹.

Первоначально отряд Назарова состоял из 30 человек, 20 из них были казаками 7-го Донского полка.

Там же, в низовьях Дона, в Ростове был создан отряд «Бело-го дьявола» — сотника Грекова, подчиненный «добровольческому» командованию.

Сотник Греков, казак Кубанского войска, начал «партизанинть» еще в апреле 1917 года в Петрограде, где «держал в повиновении весь район Обуховского завода», затем был выслан в Туркестан, где командовал кубанской конвойной сотней при штабе командующего. После боев в Ташкенте, возвращаясь на Кубань, он «задержался» на Дону и принял участие в боях за Ростов в ноябре 1917 года¹⁷², совершал налеты на Ханженково и Иловайск. Первоначально в состав его отряда входили 65 семинаристов и 5 гимназисток — сестер милосердия. В январе 1918 года отряд вырос до 150 человек¹⁷³.

Под Царицыном, на территории 2-го Донского округа действовал партизанский отряд полковника Мамонтова. Костяк его составляли учащиеся окружной станицы Нижне-Чирской. К нему на помощь были посланы более десяти юнкеров-артиллеристов из Новочеркасска. В основном Мамонтов дрался на ветке Царицын — Морозовская. Местные казаки, опасаясь столкновения с Красной гвардией, требовали, чтобы Мамонтов покинул окружную станицу.

23 января 1918 г. отряд Мамонтова (60 реалистов) выступил из Нижне-Чирской к Новочеркасску. Когда он уходил, казаки из ремесленного училища играли ему на прощание похоронный марш. В Цимлянкой Мамонтов узнал, что здесь арестованы юнкера, приехавшие из Новочеркасска забрать деньги из местного казначейства. Когда появился Мамонтов, казаки юнкеров выпустили, но денег не дали. Мамонтов телеграфировал в Новочеркасс и предложил забрать означенные деньги. Ответа не было, так как случилось это как раз 29 января. На свой страх и риск Мамонтов подогнал три тройки и приказал 15 офицерам своего отряда быть наготове. Затем он зашел в казначейство и потребовал миллион, на что имелись оставленные юнкерами документы. Казаки заперли его в специальном помещении, чтобы он сам отсчитал положенную сумму. Мамонтов отсчитал 4 миллиона и зашил деньги в мешки. После этого офицеры его отряда вошли в казначейство, арестовали караул и выпустили

Мамонтова¹⁷⁴. 5 февраля Мамонтов прибыл в Новочеркасс и привел с собой 109 бойцов. За 12 дней было пройдено 300 верст...

На севере Дона в декабре — январе 1917—1918 гг. действовал партизанский отряд «Степана Разина» под командованием подьесаула К.В. Попова. По данным журнала «Родимый край» (103. 1972), Константин Васильевич Попов, казак станицы Старо-Григорьевской Усть-Медведицкого округа, сын священника, окончил Донскую духовную семинарию в 1914 году, поступил в Новочеркасское юнкерское училище, весной 1915 года выпущен в 4-й Донской полк с производством в чин прапорщика с 1 мая 1915 года.

Очевидцы отмечали его «импозантную фигуру, громадный рост, решимость и отвагу»¹⁷⁵.

В 1917 году в Петрограде часть казаков 4-го полка во главе с сотником К.В. Поповым отказалась присягать Временному правительству и была послана на Дон, на суд Войскового Круга для «вразумления». В июне 1917 года пристыженные и «вразумленные» казаки вернулись в Петроград. Здесь К.В. Попов к счастью казаков вступил в ударный батальон, формируемый штабс-капитаном Орлом. С 5 июня 1917 года в этот батальон входила еще и сотня подьесаула Виктора Ивановича Попова из казаков 1-го, 4-го Донских, Сводно-казачьего полков и 6-й гвардейской батареи.

После октябрьских событий казачья часть ударного батальона под наименованием «Партизанский отряд Северного фронта» и под командованием К.В. Попова отправилась на Дон и прибыла в начале декабря на узловую станцию Алексиково (Хоперский округ). По прибытии отряд поступил в распоряжение вр.и.д. начальника 7-й Донской дивизии полковника Пивоварова, штаб которого находился в окружной станице Урюпинской, а командир отряда подьесаул К.В. Попов отбыл в Новочеркасс к Каледину.

Каледин переименовал отряд в Донской казачий партизанский отряд «Степана Разина», утвердил Попова командиром и дал ему право вербовать в свой отряд казаков из войсковых частей, расположенных в Хоперском округе. 21 декабря Попов заказал в Новочеркасске печать отряда.

В начале января 1918 года отряд был переброшен в Усть-Медведицкий округ. Там в слободе Михайловке у станции Себ-

ряково местные «хохлы» «среди бела дня» арестовали командира 3-го Донского пешего батальона. К.В. Попов с 50—60 партизанами выехал из Урюпинской в Михайловку. Отряд на паровозе с двумя вагонами ворвался на станцию Себряково. «Партизаны арестовали несколько главарей Михайловки, но отпустили их на свободу, на честное слово»¹⁷⁶. Отряд разместился около станции на казенном винном складе, чем пресек расхищение спирта, который в это время стал своего рода валютой.

На рассвете 12 января от Царицына к станции подошел эшелон красновардейцев с орудием. Орудие открыло огонь по винному складу с площадки, а цепи большевиков стали охватывать склад. Партизаны держались до вечера, затем на своем паровозе уехали в Урюпинскую. Сам К.В. Попов прикрывал отступление отряда пулеметным огнем.

Находившиеся в Михайловке остатки разбредавшихся воинских частей (3-й Донской пеший батальон и 5-й Донской запасной полк) в бой не вмешивались. В частности, освобожденный партизанами командир 3-го пешего батальона войсковой старшина И.Ф. Чеботарев накануне столкновения приказал вывозить батальонное имущество, казну и знамя в соседнюю станцию Арчадинскую, а сам пошел на вокзал «посмотреть на развитие боя», чтобы потом самому уехать в Арчадинскую. Но захватившие станцию и слободу красновардейцы устроили избиение «нейтральных» офицеров и казаков войсковых частей, уничтожив около 80 человек¹⁷⁷.

Железнодорожные пути от Урюпинской до Новочеркасска были перерезаны Красной гвардией. В самой Урюпинской казачьи полки проявляли враждебность к партизанам. При усилении натиска большевиков на север Дона отряду «Степана Разина» оставалось уходить грунтовыми дорогами на юг, ближе к Новочеркаску. На 15 января казачьи части в Урюпинской (1, 14, 18, 35-й Донские полки) задумали переворот. Казачья артиллерия обстреляла позиции партизан. В ночь на 16 января Попов с 30 партизанами ушел на Мигулинскую.

Хоперский и Верхне-Донской округа были пройдены спокойно по казачьим хуторам. Но партизан как магнитом тянуло к железной дороге. Ближайшие станции Чертково, Миллерово, Морозовская были примерно одинаково удалены, и, пройдя Верхне-Донской округ, партизаны свернули на юго-восток, на

Морозовскую, к которой ближе всего подступали казачьи поселения. К Чертково и Миллерово пришлось бы идти по крестьянским слободам. Впрочем, в это время эти станции уже были захвачены большевиками. О Морозовской точных сведений тоже не было.

В ночь на 25 января партизаны пересекли железную дорогу между Обливской и Морозовской и двинулись в сторону станции Цимлянской. Но по дороге отряд узнал, что в Цимлянской арестовывают юнкеров, и свернул на хутор Чекалов.

На хуторе Чекалове в ночь на 26 января отряд попал в засаду. Первым был сражен К.В. Попов. Пуля попала в горло с выходом в позвоночный столб. 5 партизан погибли, 12 попали в плен и были отправлены в Царицын. Немногим удалось проваться. Попов в бессознательном состоянии был отправлен в Морозовскую больницу. В апреле 1918 года он был отбит восставшими казаками 2-го Донского округа, поправился, но правая рука навсегда осталась бездействующей¹⁷⁸.

Как видим, партизанские отряды со всех сторон области устремились к Новочеркаску. Кто-то пробился, кто-то нет. Но кто пробился, атамана Каледина в живых не застал.

Глава 6

БЕЗ КАЛЕДИНА. ПАДЕНИЕ ДОНСКОЙ СТОЛИЦЫ

Причиной самоубийства Каледина стал кризис его стремления — примирить казаков и неказачей на Дону — и кризис созданной им системы — Объединенного правительства. Все это совпало с глобальным кризисом — в этот день, 29 января, Троцкий прервал переговоры с немцами и послал в войска телеграмму о демобилизации старой русской армии, то есть, с точки зрения профессиональных военных, развалил фронт прямо перед немецким наступлением. Тогда же проявился тактический проигрыш белых на донских фронтах. Первый отчет донского офицера «Вольный Дон» о последнем выступлении Каледина перед самоубийством приводил такие слова атамана: «Я получил сведения, что по грунтовым дорогам на город движется противник.

Эти сведения застают нас врасплох... Командный состав Добровольческой армии приказал оттянуть части армии с фронта...»¹⁷⁹. Что стоит за этими словами? —

К 27 января у красных на Таганрогском направлении появилась кавалерия — бригада 4-й кавалерийской дивизии, снятая с германского фронта. Кавалерия сразу нарушила становившийся уже привычным ход «эшелонной войны». Проселочными дорогами и просто заснеженными полями она двинулась в обход железнодорожных станций, где сидели кучки офицеров и юнкеров.

27-го, опасаясь обхода конницей их правого фланга, «добровольцы» отошли к Синявской, а 28-го — к Хопрам. «До Ростова оставалось 10 верст»¹⁸⁰.

По приказанию Корнилова к 29 января все «добровольческие» части были стянуты на оборону Ростова, оставив оборону Новочеркасска донцам¹⁸¹. Но у донцов на северном направлении после смерти Чернецова и отвода «добровольцев» фронт против войск Саблина и Петрова держали, как заявил Каледин, 147 партизан...

Возможно, что непосредственной причиной заявления Каледина стало появление крупного отряда красных с артиллерией северо-западнее Новочеркасска в районе Малого Несветая. Противопоставить этому отряду смогли лишь взвод юнкеров. Будучи кавалерийским генералом, Каледин прекрасно понимал, что решительно настроенная регулярная кавалерия может теперь за несколько дней, минуя железнодорожные станции, достичь Новочеркасска. Противопоставить этой кавалерии было нечего и некого...

Последние дни перед падением Ростова и Новочеркасска описывались в периодической печати того времени подробно, и воспоминаний было много, детальных воспоминаний. Мы попытаемся восстановить это время до деталей. И даже прямую речь введем, позаимствовав ее из газетных репортажей.

В степи заснеженной, бескрайней, вдали от тихих станиц, проживающих накопленные на зиму запасы, в местах бойких, сомнительных, собрались, воскресив лихое время, люди вольные, склада разбойного — донские революционные казаки. Речи звучат смелые, воля предела не знает. Хорунжий Маркин — рука на эфесе, нога отставлена небрежно:

— Да, мы совершаем государственный переворот. Его идея? Мы идем под флагом трудового казачества. Мы выбросим за борт все старое, отжившее, неспособное; мы дадим новую, необыкновенную жизнь

Предлагают горячие головы занять Глубокую и не уступать ни чернецовцам, ни большевикам, причем большевикам предложить покинуть Донскую область, чем скорее, тем лучше.

Назад пути обрублены. Где-то в степи лежит труп Чернецова, рассеченный страшным ударом по левому плечу около шеи. Одежда на нем изорвана, искровавлена, как упал — били и шарили куда попало. Страшное зрелище.

Кричал Голубов, за шашку хватался:

— Я обещал ему жизнь до суда при всяком положении...

Искал он Подтелкова, спрятанного казаками от греха подалее, не нашел, забился в истерику:

— Что я теперь буду делать? Убили, сукины сыны, Чернецова. Узнает об этом правительство, ни на какие уступки не пойдет.

— Это Голубов его жалеет, потому как сам офицер, — объяснял Подтелков, атаман казачий, по-новому — председатель.

Одно имя его вызывало трепет и восхищение, но оставался он с казаками прост, доступен; снисходил, рассказывал всем про осечку чернецовского «стеера».

Сменивший Петрова его начальник штаба Моисеев исправно отстукал в Петроград донесение, что Подтелков убил Чернецова. «Голубову это не понравилось, влетел в станцию, грозил самосудом, если мы ему не выдадим Подтелкова, и под конец упал в обморок. В наших отрядах разложение большое»¹⁸².

В последних числах января большевистские войска Саблина, воодушевленные победами под Должанской и Заповедной, заняли станцию Шахтную. Остатки чернецовцев откатились к Персиановке. Донская офицерская дружина рассеялась. Остатки 2-й сотни семилетовцев (8 подростков) «отбыли в Новочеркасску на пополнение». Где-то в степи пробирались к Новочеркасску из Каменской партизаны во главе с генералом Усачевым. Мамонтовский отряд еще не подошел. Так что столицу Дона с севера прикрывали 67 стрелков.

Дальше Саблин не пошел. Надо было до конца выяснить взаимоотношения с Донским казачьим ВРК, который во главе

революционных казаков оставался в Тарасовке, как бы в тылу Саблина. Да и большевистский главком Антонов-Овсеенко предупреждал: «Саблину. Казакам можно доверять лишь, когда они идут впереди в бой, для атаки. Испытайте их при Персиановке или при другом поучении на виду. Не оставляйте их в тылу у себя, укажите на необходимость демонстрации солидарности, а поэтому и похода в авангарде казаков».

30 января поздно ночью Донской ревком возвратился наконец в Каменскую, где «были замечены единичные случаи пьянства» революционных войск, и с новыми силами взялся за дело. 2 (15) февраля Антонову-Овсеенко отправили бумагу: «Во избежание излишнего возбуждения среди казачьего населения, Донской военно-революционный комитет считает, что высшая власть в войне с Новочеркасском принадлежит ему. Фактически же план всей кампании войны должен исходить от командующего советскими и казачьими войсками, которые действуют в неразрывной связи друг с другом. Председатель Подтелков. Секретарь Кривошлыков».

Силенок у Подтелкова было мало. Энтузиазм революционный у казаков испарился, стоило до родимых хат дойти. Народные комиссары — российская власть — понимали, что время не прежнее, казаки «с травы и воды» служить не будут, гнали эшелоны. В одном только январе, как большевиков признали, прислали из Петрограда для революционных казаков 35 тысяч комплектов обмундирования и обуви, два вагона мануфактуры подогнали, две тысячи пудов гвоздей.

Жалованье щедрое, но мобилизация все равно сорвалась. Пришлось Донскому ревкому нажимать на агитацию и пропаганду. Приехавшие из Москвы и Петрограда казаки-агитаторы рассеялись по станицам. Помимо распространения декретов вели речи до всех доходчивые:

— При большевиках жизнь будет дешевая. Ситец — по пятактинному, коробка спичек — две копейки. Большевики земли прирежут...

Пока вели агитацию, генерал Усачев соединился с мамонтовцами и частью чернецовцев в Персиановке и внезапным налетом взял Шахтную и Сулин, но тут и к Саблину подошло подкрепление — 1-й Черноморский революционный отряд Мокроусова численностью до полка. Рассказывали, что в Звереве чернецовцы поймали и запытали их разведчиков (среди них была медсестра), и теперь моряки рвались отомстить...

После самоубийства Каледина сменивший его новый атаман Анатолий Михайлович Назаров попытался поднять Дон по мобилизации и стал усиленно формировать партизанские отряды. Дело в том, что Корнилов, защищавший Ростовский район, соглашался продолжить борьбу, если получит подкрепления в 2 тысячи человек в течение 10 дней.

Партизанский вопрос встал перед Назаровым сразу же в день смерти Каледина. Его пригласили в Новочеркасское станичное правление и предложили стать Войсковым атаманом. Новочеркасская станица, где традиционно концентрировалась донская верхушка, без тени сомнения взяла на себя такой почин и такие полномочия. Назаров долго отказывался и предлагал избрать на место Каледина своего начальника штаба полковника Сидорина¹⁸³. «Черкасныя» настаивала, и Назаров согласился при условии, что станицы выставят дружины. Станичники обещали. Одна Новочеркасская обещала выставить 1000 человек. Здесь же партизаны-семилетовцы вели запись в отряд и раздавали винтовки¹⁸⁴.

Назаров — идеал кавалериста-спортсмена, кавалер «Георгиевского оружия» и двух «Владимиров» — был человеком напористым. «Настойчивость и энергия в проведении принятого решения, широкая инициатива были отличительными качествами А.М. Назарова»¹⁸⁵. Но ни эти качества, ни изучение психологии (чем баловался генерал) не помогли Назарову поднять Дон «по сполуху».

Из всех станиц вокруг Ростова активнее других взялась за оружие станица Гниловская. Как явствует из мемуаров, еще в январе 1918 года под станцию Синявскую прибыло 2 сотни гниловских казаков во главе со священником, но без оружия. Здесь же, на станции, они вооружились винтовками русского образца, но английского производства, и атаковали красногвардейцев в тыл и правый фланг. После боя принявшие командование «добровольческие» офицеры (Чернов, Энвальд) узнали, что группа красногвардейцев пробралась в Гниловскую и ограбила станичный храм, что и послужило причиной выступления¹⁸⁶.

Мобилизованные других станиц стали собираться в Новочеркасске в здании кадетского корпуса. Случайно или нет, но мобилизация совпала с началом продажи спиртных напитков для пополнения войсковой казны¹⁸⁷. Формирование станичных дружин сразу же стало делом проблематичным, «и постепенно,

оставшись без руководства, все они разошлись по станицам... Зато местная молодежь с благословения родителей повалила валом»¹⁸⁸. В состав новых партизанских отрядов входили не одни добровольцы. Первым приказом атамана Назарова стал приказ о мобилизации учащейся молодежи с 17-ти лет¹⁸⁹. За двое-трое суток было создано 18 отрядов¹⁹⁰, но эти двое-трое суток надо было выиграть. А Корнилов требовал подкреплений...

«Выигрывали» время остатки чернецовцев и отряды хорунжего Назарова¹⁹¹ и сотника Грекова.

И отряд «Белого дьявола» сотника Грекова и отряд хорунжего Назарова воевали на Таганрогском направлении. Ситуация там была следующей. Формирующиеся в Ростове и Новочеркасске «добровольцы» слали на это направление сводные отряды. Так, руководивший здесь боями полковник Кутепов имел сводные роты 1-го Офицерского батальона, 2-го Офицерского батальона, Юнкерского батальона, Студенческого батальона, Георгиевского полка, Корниловского полка — всего 300 штыков — и кавалерийский дивизион Гершельмана¹⁹². В самом конце января Кутепов, как мы знаем, отошел к Ростову. Здесь, на станции Хопры, его сменил генерал Черепов с отрядом в 820 штыков, 2 орудия, бронепоезд. В отряд Черепова входил Корниловский полк, казаки Гниловской станицы и названные два партизанских отряда.

Первым «на поле боя» явился отряд Назарова. Известно, что отряд (немногие казаки 7-го полка и Гниловской станицы) выступил на фронт к х. Синявскому 29 января 1918 г. Роман Гуль вспоминал: «Поднялись казаки ближайших станиц (вернее, их искусственно подняли, так как настроение казаков было неуверенное), и хорунжий Назаров, начальник партизанского отряда, решил ударить с ними на село Салы, где, по сведениям, находились большевики. Разведки достаточной не было. Хорунжий бросился на «ура» и налетел на значительные силы большевиков с артиллерией.

Казаков разбили. Они в беспорядке бежали, оставив под Салами раненых и убитых. «Подъем» упал, казаки замитинговали: «Нас продали», «Нас предали», «Опять ахвицара!»... «Идем по домам!», «Нет, где этот начальник наш, туды его мать? Где он, мать его?.. Убежал, сволочь» (это относилось к Назарову, который действительно был уже в Ростове).

Казаки разошлись...».

Кроме того «добровольцы» обвиняли Назарова (в годы Гражданской войны возникла целая легенда), что под деревней Султан-Салы назаровская разведка дала неверную информацию конному отряду Гершельмана о силах противостоящих им красных — «Там 2 эскадрона!». Отряд Гершельмана — 22 сабли — бросился в атаку, рассчитывая, видимо, на полную небоеспособность противника, и нарвался на 12 эскадронов. Назаровцы атаку не поддержали. От отряда Гершельмана осталось 10 всадников.

А. Крицкий в своих воспоминаниях приводит следующую историю. В конце января дивизион Гершельмана держал фронт против подошедшей к большевикам регулярной кавалерии. В это же время, 1 (14) февраля, в Чалтырь прибыл отряд Назарова — 3 пеших и 2 конных сотни.

Назаров заявил, что намерен уничтожить 2 эскадрона большевиков, которые, по его данным, стояли в селе Султан-Салы Малые. На помощь ему были выделены по 10 человек из каждого эскадрона Гершельмана во главе с войсковым старшиной 1-го Кубанского полка Мадгавариани.

Вечером 2 (15) февраля Назаров и Мадгавариани двинулись на Султан-Салы. Из-за метели они сбились с пути и шли на лай собак. Выйдя к селу, офицеры рассыпали цепь и ждали Назарова. «Но с первого взгляда стало ясно, что у хор. Назарова не казаки, а подростки, набранные из станиц и не умеющие владеть винтовкой»¹⁹³.

«Подождав минут 20 и видя, что у казаков все цепь не удаётся, а получается просто толпа людей», офицеры Гершельмана атаковали село, подошли на 200 шагов, 1,5—2 минуты вели огонь, а затем бросились на «ура». В селе они захватили 4 орудия 7-й конной батареи. Но оказалось, что там стояли не 2 эскадрона, а два полка — конный и стрелковый. Большевицкие цепи повели наступление на село. Меж тем «казаки не желали двигаться вперед, а частью продолжали лежать на том же месте, где начали рассыпаться в цепь, и стреляли по деревне (где уже были офицеры. — А.В.), а часть уже уходили постепенно к Чалтырю, в то время как бывшие на левом фланге цепи две конные сотни в беспорядке отступали...»¹⁹⁴.

Офицеры (8 уцелевших и 4 раненых) стали уходить, прихватив с собой 18 пленных и 1 пулемет. Кавалерия большевиков

стала преследовать их лавой (видны были серые лошади), но офицеры отбились, перебили пленных, добились своих раненых и так ушли¹⁹⁵.

После поражения казаки замитинговали и заявили, что офицеры дивизиона изменники и их надо арестовать. Дивизион Гершельмана был поднят по тревоге, «и казаки, повертевшись и погалдев, решили идти, не трогая дивизиона, на станцию Хопры, а оттуда по домам»¹⁹⁶.

Участие отряда «Белого дьявола» в боях выразилось в следующем. 3 (16) февраля отряд выступил на фронт у Хопров. «О том, что наши учащиеся ни разу не стреляли из выданных им винтовок и пулеметов “Льюиса”, говорить не приходилось», — вспоминал один из партизан¹⁹⁷.

Фронт у Хопров в то время держали: Офицерский отряд Симановского (200 штыков); Корниловский ударный полк (200 штыков); казаки Гниловской станицы (300 штыков и шашек) и собственно отряд «Белого дьявола» сотника Грекова (120 штыков)¹⁹⁸.

«В ночь с 5 на 6 февраля Греков решил произвести реабилитацию отряда в мнении ген. Корнилова, раздраженного незаконными реквизициями лошадей, и задумал удар на Хопры»¹⁹⁹. Партизаны прошли по железнодорожной насыпи к станции, сотник Греков сам заколол часового, и отряд атаковал Хопры. Но оба пулемета отряда заклинило, и партизаны ушли под огнем, бросив трех раненых. Общие потери 8 человек (двух раненых вынесли на руках). Эта стычка «заставила нас опасаться, что в случае ранений мы не будем вынесены из боя», вспоминал один партизан²⁰⁰.

После этих неудачных дебютов Назарова и Грекова (впрочем, для Грекова это был далеко не дебют) к Корнилову с частью чернецовского отряда был переброшен Лазарев. Этот отряд участвовал в боях на Темернике, когда «добровольцы» оставляли Ростов. Хорунжий Фадеев развозил приказ об отходе. Вместе с отрядом сотника Грекова партизаны Лазарева отходили к Нахичеванскому мосту и оттуда в Ольгинскую (о чем ниже).

Помимо перечисленных отрядов, высланных на помощь «добровольцам», в рядах защитников Дона мы можем назвать:

Конвой атамана из сотни юнкеров Новочеркасского училища под командованием есаула Н.П. Слюсарева.

Отряд полковника Н.Н. Упорникова — был сформирован для охраны Каледина, когда его конвой отправился на фронт, но вскоре и сам выступил туда же.

Отряд войскового старшины Мартынова — был создан в последние дни и прикрывал Новочеркасск с севера.

Отряд полковника Краснянского — был послан к Корнилову.

Отряд есаула Боброва — 48 человек. До оставления Новочеркасска в боях не участвовал.

Офицерская боевая дружина Гнилорыбова — на 50 % состояла из офицеров. Охраняла Войсковой Круг.

Атаманский отряд Каргальского — нес охрану Атаманского дворца.

Китайский отряд сотника Хоперского — отряд ушел из Новочеркасска с донскими партизанами, а сам Хоперский ушел с «добровольцами» и был ординарцем при Казановиче.

Отряд Карпова.

Баклановский конный отряд есаула Власова — из Новочеркасска ушел сразу в Ольгинскую.

Конный отряд есаула Бокова — то же самое.

Смешанный отряд полковника Яковлева — сразу после формирования ушел в Старочеркасскую.

Инженерная сотня полковника Макеева — то же самое.

Штаб-офицерская дружина Базавова — то же самое.

Отряд Хорошилова (из малолетков) — то же самое.

Конный отряд «Степана Разина» полковника Яновского — (20 сабель) формировался в Ростове. Ушел в Добровольческую армию.

Группа полковника Биркина — (19 человек) после занятия Новочеркасска ушла в Добровольческую армию.

Донская офицерская дружина полковника Ляхова — после боя на станции Горная распалась. Сам Ляхов ушел в отряд Базавова.

Как видим, отрядов собрали много, но все они были малочисленны и плохо «сколочены».

Наступление большевиков, окружение ими административных и экономических центров области, нейтралитет основной массы казачества — все это заставляло силы, противостоящие большевикам, прорываться сквозь кольцо и... Одни — «добровольцы» — думали двинуться на Кубань, искать район, где мож-

но было бы пополниться или (в случае неудачи) расплыться; другие — донская верхушка — искали место, где можно было бы переждать период «развала и падения духа». А затем возглавить восставшее казачество. Вера, что казачество рано или поздно восстанет, была очень сильна.

Мысль об уходе из Новочеркасска возникла у борцов с большевиками 29 января, когда стало известно о сложении Калединым своих полномочий и решении передать власть Городской думе, станичному правлению Новочеркасской станицы и Военно-революционному комитету. Начальник Новочеркасского юнкерского училища генерал П.Х. Попов, бывший в штабе походного атамана, заявил, что «допустить передачи власти нельзя, что борьба не может быть прекращена, нужно выиграть время, что с уходом Добровольческой армии из Ростова необходимо отойти от ж. д., может быть, уйти в степи, но борьбу так или иначе продолжать». Это мнение было доложено Каледину, тот раздраженно ответил: «Поступайте как хотите, я уже не атаман». Не прошло и получаса, как он застрелился²⁰¹.

Принятие атаманской власти генералом Назаровым и назначение П.Х. Попова походным атаманом продлили сопротивление Новочеркасска. И все же 31 января, принимая штаб походного атамана, Попов подтвердил намерение уйти в степи и мотивировал это следующим образом: «Красное командование старается привлечь на свою сторону казаков. Если ему удастся это сделать, хотя бы временно — это будет казачьей трагедией. Чтобы не устраивать боины между казаками, быть может, нам придется на какое-то время покинуть Новочеркасск. Но этим борьба не будет закончена. Мы уйдем в степи и там переждем исцеления казаков от нейтралитета. Придет весна, казак поймет — где правда и право, и встанет на их защиту»²⁰².

5 (18) февраля командование Добровольческой армии окончательно приняло решение оставить Ростов. Уход был назначен на 9 (22) февраля. Генерал Черепов вспоминал, что еще 6 (19) февраля получил приказ Деникина держать фронт у станции Хопры. Деникин обещал собрать в Ростове все силы (вплоть до снятия всех караулов и посылки их на фронт) и ударить во фланг большевикам. Но казаки ст. Гниловской бросили позиции. «Не помогли и уговоры священника той же станицы, который с крепостом в руках останавливал уходивших с позиций казаков»²⁰³.

Тогда же, 5 февраля, атаман Назаров «на всякий случай» командировал в станицу Константиновскую генерала П.Н. Краснова с задачей приготовить на месте прием войсковых учреждений, партизанских отрядов и Войскового Круга²⁰⁴, а походному атаману было приказано готовить план эвакуации Новочеркасска.

После объявленного «сполоха» на защите Новочеркасска были следующие силы: «малонадежные» дружины станиц Новочеркасской и Константиновской²⁰⁵, 7-й Донской казачий полк, две сотни студенческой дружины, фельдшерские и общеобразовательные курсы, «малочисленные и совершенно небоеспособные» остатки дружин из стариков Аксайской, Гниловской и других станиц²⁰⁶. Все эти силы насчитывали примерно 1500 человек. Несколько партизанских отрядов численностью 500 бойцов (их мы упоминали) формировались в Новочеркасске главным образом из учащейся молодежи. Около 1000 «вполне боеспособных и надежных партизан» было на фронте (эти отряды мы тоже перечислили). На вооружении этих войск было около 10 орудий (3-дюймовых), около 50 пулеметов и один бронепоезд²⁰⁷. Бронепоездом (2 орудия, 2 пулемета) командовал есаул А.А. Упорников (старший офицер — сотник Лукьянов, начальник пулеметной команды — есаул С.Н. Краснов). Партизанская артиллерия была организована приказом начальника донской артиллерии ген. Астахова. Она состояла из отдельного арт. взвода есаула Конькова (1 орудие ему было передано из дружины полковника Ляхова, оно участвовало в бою под Должанской), 1-го взвода сотника Ковалева (2 орудия, 2 пулемета «Льюис»), 2-го взвода есаула Аврамова (1 орудие), 3-го взвода есаула Неживова (2 орудия, 1 пулемет). При отряде Семилетова была собственная батарея штабс-капитана Шукина (2 орудия, 2 пулемета)²⁰⁸.

О силах противника белые сообщали следующее: большевики Антонова-Овсеевко, «окружавшие Новочеркасск, не считая Ставропольской группы, принявшей участие во взятии Ростова, имели свыше 30 тысяч бойцов, свыше 200 пулеметов, более 30 легких орудий и 4 тяжелых, несколько броневых автомобилей и 2—3 бронепоезда. Больше половины красных войск было с северной и северо-западной стороны Новочеркасска»²⁰⁹.

Сами большевики оценивали свои силы гораздо скромнее: в середине января они насчитывали 8600 штыков, 950 сабель,

58 орудий, 40 пулеметов и 4 бронепоезда.²¹⁰ Непосредственно на Ростов и Новочеркасск выходили отряды Петрова (3000 штыков, 40 пулеметов, 2 батареи), Сиверса (2000 штыков, 400 сабель, 40 пулеметов, 6 орудий, 2000 местных красновардейцев), Саблина (500 штыков, 13 пулеметов, 4 орудия)²¹¹. «Ставропольская группа» состояла из двух пехотных полков и трех батарей (трехдюймовой, гаубичной и крепостной). Она объединилась с отрядом Автономова в Южную Красную армию, которая разделилась на два отряда. Один из них под командованием Сохацкого вышел к Батайску, другой под командованием Автономова — к Екатеринодару²¹².

Качество красных войск было низким. Исключение составляли латыши, которых высоко оценивали сами казацкие офицеры: «Вид у латышей был отчетливый и чистый»²¹³. Подчеркивались отличия в форме. Латыши были одеты в защитные полубошты, мерлушковые папахи, кожаные сапоги.

Несмотря на подготовку плана эвакуации Новочеркасска, решение сдать город казалось невыполнимым.

Последние дни Новочеркасска настолько подробно описаны журналистами-современниками, что мы можем восстановить даже диалоги, воспроизвести мельчайшие детали...

В Новочеркасске полторы сотни делегатов Круга и новый атаман ломали головы, как спасти Тихий Дон. Мобилизация срывалась. Державшие строй полки стояли недвижимо — ни за тех, ни за этих. Богаевский прятался где-то в Ростове. По коридорам разговоры. Таинственно шушукались о каких-то деньгах:

— № 23 в «Московской»...

— ...Деньги Каледина...

— ...Надо сказать на Круге...

Окриком пришла телеграмма от Корнилова с требованием ответа, будут ли казаки защищать Дон и помогут ли Добровольческой армии.

Спешно подобрали делегацию:

— Езжайте, уговорите, чтоб не уходили...

Добровольческая армия затерялась, растворилась в громадном Ростове. Падая снег. У дома Парамонова мерзли конюшники и часовые внешней охраны. За тамбуром двойной двери в вестибюле — охрана внутренняя. Юнкера и офицеры натянуто

снисходительны, судьба и революция подняла их (а может — зашвырнула?) в ближайшее окружение таких людей... Алексеев... Корнилов....

— Отчетливый жулик, господа...

— И фамилия... Зильбершухер...

На ввалившихся донцов покосились.

— К генералу Алексееву...

Документов не спросили. И так видно — союзники. Гвардейски, прямо-таки преображенски вежливо и без выкрутасов тихо ответили:

— Влево в коридор и первая дверь налево.

Верховного руководителя нет на месте, штабные и адъютанты пьют чай с бутербродами. Предложили донцам. Те замялись.

— ...Защищая хлеботородный юг от большевиков, мы тем самым отстаиваем его и от немецких поплзновений...

— ...Без того или иного специального кодекса чести человекство проживет, а без идеи чести, как таковой, ему жить вообще не стоит...

«Господи, кто о чем...». Пошли к Корнилову.

Генерал Корнилов мелковат, держится прямо. Одет в штатское, но брюки по-военному заправлены в сапоги. Воротник сколот булавкой. Он обернулся к делегации, знаком попросив тишины у группы генералов и офицеров. Предупреждая приветствия и просьбы, сказал сухо и жестко:

— Или обещанные подкрепления, или мы уходим на Кубань.

Он помолчал, испытующе глядя на делегацию. Но и донцы молчали, сбитые с тона.

— Армия с 13 января в боях, — вновь заговорил Корнилов так же сухо. — Город под обстрелом тяжелых орудий из Батайска. На армию у меня шестьдесят кавалеристов. Красные опять обошли нас кавалерией, — он приподнял со стола виток телеграфной ленты. — И это на Дону!..

Корнилов, будто вспомнил, обернулся к кому-то из офицеров.

— Полк кавалерии... Прогоните его, туда я послал взвод партизан....

Телохранитель Резак-бек Хаджиев — витой аксельбант, усики — ястребом, как на виноватых, уставился на донскую делегацию.

— На Дону и без кавалерии! Я говорил Каледину... генералу Каледину, что нужны решительные меры. И что же? — Корнилов искал глазами. — Насколько мне известно, генерал Каледин объяснял свою... свое решение... Вот: «Я получил сведения, что по грунтовым дорогам на город движется противник. Эти сведения застают нас врасплох...». Врасплох... По грунтовым дорогам... Красные переиграли нас конницей. И это на Дону. Ловко! ...

— Каледин застрелился из-за отзыва из-под Гуково Георгиевского батальона. Новочеркасск защищает... защищало... тогда... шестьдесят четыре штыка...

Кто-то из корниловцев вздохнул, как бы говоря: «Какая конница? Какой Георгиевский батальон? Побойтесь Бога, господа! В окно поглядите...». Корнилов услышал этот вздох, мельком глянул на своих, помолчал, кашлянул.

— Сейчас речь идет о Ростове.

— А... Новочеркасск? ...

— Заслушав доклад генерала Лукомского о положении Добровольческой армии, я решил, что возложение на Добровольческую армию задачи защиты Новочеркасска поведет к ее гибели. А согласиться на это не могу, — сухо-официально, как приговор читал, сказал Корнилов.

— Мы объявили мобилизацию первой и второй очередей, — торопливо заговорил один из делегации. — Для мобилизации нужно время... Три дня...

Корнилов оглянулся на высокого, красивого генерала. Тот пожал плечами.

— Хорошо. Три дня, — твердо сказал Корнилов, кивнул и отвернулся.

После барина Каледина с его величественной осанкой и породистым лицом (и откуда там порода на Усть-Хопрах, третье поколение, как дворянство заслужили) маленький рябаватый Назаров вида не имел, да еще под грузом непосильным гнулся, взгляд не поднимал. Выслушал посланных.

— Три дня? — спросил с сомнением.

7 февраля в полдень Назаров подал в отставку.

Круг ударил по больному: «. 7) Войсковой Круг единогласно просит и настаивает, чтобы генерал Назаров в этот грозный

час не слагал с себя полномочий Войскового атамана и тем самым исполнил бы долг истинного сына Тихого Дона».

Назаров нагнул голову, сказал невнятно:

— Долг свой исполню.

Обритый, обстриженный наголо Богаевский, после смерти Каледина покинутый всеми и готовый скрываться, выступал на Круге с последней речью.

— Одиннадцать лет прошло, как я поверил в казачество. За эту веру, быть может, придется поплатиться... Какая-то дьявольская затея вслилась в русских людей. Словно все сразу ополоумели.

Большевиками приготовлен галстук всей интеллигенции, они расстреливают ее, а кое-кого и пытаются. Зверь-человек освирипел теперь больше, чем когда-либо. А ведь это та самая интеллигенция, которая еще при Александре Первом добивалась свободы народу. Декабристы складывали голову за свободу. Но народ остался рабом.

Новочеркасск будет занят. Расправа несомненно будет... Я уйду, чтобы своим именем кое-кого в грех не вводить. Доведется, послужу еще. Не доведется, не поминайте лихом.

Я не верю, что большевики пришли спасти Дон, не верю потому, что у меня есть и образование, и знание истории. Кому-то надо подчиниться. Но кому? Красивые слова на знамени большевиков: «Свобода, равенство, братство». Не свершится, не сбывается это. Не проведут в жизнь эти святые лозунги.

Не дай бог, если Круг разбежится. Этого одного я боюсь... Вы должны понять сказанные Алексеем Максимовичем слова: «Если бы мне только два полка, да разве это было бы...».

Свой позор пережить не мог...

А мне пока остается немного — уйти отсюда. Простите, не судите...

На другой день утром Богаевский уехал. Расчет его был ясен. Он и Каледин были на всю Россию объявлены контрреволюционерами, но Каледина уже нет, а Богаевский уходит. А Круг — все же выборный, народный орган... Большевики на переговоры пойдут: немцы начали наступление, война на два фронта для большевиков — большая роскошь. Может быть, удастся зацепиться...

Мобилизация сорвалась. Последняя надежда — 6-й Донской казачий полк, только что прибывший на Дон, невзирая на

торжественную встречу и торжественные проводы на фронт против большевиков, бросил позиции и пошел домой, пока не перерезали дорогу вверх по Дону.

— Казаки, а как же приказ атамана? — метались среди проходивших в порядке сотен офицеры-партизаны.

Из рядов насмешливо ответили.

— Приказ у нас такой: «Ребята, по домам!»

Войсковой Круг сгоряча ввел на фронте смертную казнь, но дела уже было не поправить, да и смертную казнь после протеста 28 делегатов отменили...

По городу гулял слух: Голубов передал записку, что сохранит город. Все лезли с вопросами к Назарову. Тот ничего не знал.

Он вернулся из поездки по войскам (войск почти не было), вылез из крытого авто. Конвой из партизан спешился, шершавилась замокревшая шерсть на лошадях. Предупрежденный офицер штаба ждал и взял под козырек. Проходя, Назаров остановил на нем взгляд.

— Да. Поезжайте и передайте: казаки никакой помощи оказать не могут... Ввиду неудавшейся мобилизации... И что я больше не смею задерживать на Дону Добровольческую армию, — безнадежно махнул рукой и прошел в здание Войскового штаба.

8-го вечером красные ударили по Ростову из Батайска тяжелыми. Генерал Марков, руководивший отходом из Батайска и считавший сдачу этого села своей виной, процедил сквозь зубы.

— Краснокожие...

В штатском костюме и шляпе набекрень Марков походил на героя-любownika из оперетты.

Решение было принято. Часть обозов отправили в Нахичевань и дальше на Аксайскую. Войска таганрогского направления получили приказ оттягиваться в Ростов.

Утро было серым. Сырость, слякоть, густой туман. К знакомым запахам добавился новый — горелой бумаги.

С утра загрохотало. Большевики вели наступление из села Султан-Салы, от Чалтыря и со станции Хопры, охватывали город полукругом. В Темернике постреливали местные подпольщики Зявкина.

По пустынным улицам кучками, озираясь, пробегали юнкера, последнее время они опасались ходить в одиночку.

Казачьи полки, стоявшие в Гниловской, просто ушли из станицы. «Казачьи колонны спокойно, на виду у нас, уходили за горизонт», — вспоминали потом красногвардейцы.

К полудню бой подкатился к самому городу. Красная конница отрезала добровольческий бронепоезд, и белые, лишившись основной огневой силы, стали поспешно отступать. Арьергард Черепова, перестреливаясь с изменившими гниловскими казаками и рабочими с Темерника, прошел Гниловскую. Вслед за ним в станицу (уже в полдень) вступили советские войска. Добровольцы, прикрывая город, копились у кирпичного и цементного заводов. Чернецовцы, офицеры-павловцы, студенты, ударницы с пулеметами, Георгиевский батальон — все эти части, перемешанные отступлением, не имея единого командования, дали под Ростовом последний бой.

Большевики взяли кирпичный и разбили цементный завод. К двум часам дня их цепи залегли на окраинах города. Две роты студентов были сбиты и побежали вверх, до Малого проспекта, к своему штабу. Но остальные устояли, и красная пехота, вырвавшаяся вперед без артиллерии, отступила, ушла.

Заспешили, боязливо пригибаясь и помахивая флагами и шапками, делегации...

Добровольческое командование отдало приказ об эвакуации города. Командующий войсками района генерал Африкан Богаевский, брат калединского соратника, распорядился распустить учащихся с занятий, закрыть магазины, жителям запрещалось выходить на улицу после 6 часов вечера. В четыре пополудни он объявил городскому самоуправлению, что армия уходит и снимает караулы.

3-я сотня чернецовского отряда стояла арьергардом у вокзала, прикрывая отход армии. Подкрадывались сумерки. Красные, дождавшись артиллерию, ударили из Гниловской, поддержали из Батайска. Синий снег розовел под шрапнельными вспышками. Подъесаул Лазарев разглядывал в бинокль пугливо погасившие огни Гниловскую и Олимпиадовку, пытался засечь, откуда стреляют.

Грохнуло и завизжало прямо над головой. Чей-то вскрик. Забегали, засуетились партизаны. Ординарец вполголоса сказал из-за плеча.

— Штаб-ротмистр Иноземцев...

Из станционной будки высунулся телефонист.

— Господин есаул, к телефону... — смущаясь и опуская глаза, сказал. — Красная гвардия. Подключились как-то...

Лазарев взял трубку.

— Ну?

— Дружески советую положить оружие. Иначе будет плохо.

— А не подавитесь?

«Друг нашелся!». Невидимая большевистская батарея ударила очередь, положила партизан на снег, загнала в укрытия. «Нащупали. Потому и звонили...»

— Где командир? От генерала Корнилова...

Мальчишка-офицерик, вчерашний гимназист, шелкнул каблуками, протягивая пакет, сказал, явно рисуясь.

— Мы бросаем этот богатый, но духовно-жалкий и тупо-торгашеский город.

Лазарев, не отвечая, надорвал пакет.

— Командиры взводов, ко мне! — обернулся на партизан, тащивших убитого штаб-ротмистра (усы забиты снегом, прямой пробор растрепался...). — Бросьте труп...

В пять часов Добровольческая армия выстроилась на углу Пушкинской и Ткачевского, у особняка Парамонова. Корниловский ударный полк... три офицерских батальона: Новочеркасский, 1-й и 2-й Ростовские... морская рота в черных шинелях... юнкерский батальон со студенческой ротой... партизаны... Неженцев в черкеске на серовато-пепельной лошади развезжал перед строем. Темнело. В тревожном ожидании промелькнул час. Из особняка вышли генералы. Корнилов в полушубке с генеральскими погонами, приложив руку к папахе, сбежал по лестнице к вскинувшему голову вороному текинскому коню. В тени высокого крыльца, окруженный конвоем селся в седло. Со звонким цоканьем засеменяли по скользкому высокими тонкими ногами подобранные горбоносые кони. Один из конвойцев вез свернутый национальный флаг.

Команда. Добровольцы поротно, держа равнение и печатая шаг, двинулись к Нахичеванской меже. Не было в душе ни грусти, ни сожаления. Шли молча. И лишь в студенческой роте

юнцы, не представлявшие до конца, куда и зачем они идут, пели что-то на мотив «Белой акации». И взлетел вдруг над серыми густыми прямоугольниками звонкий припев.

Смело мы в бой пойдем

За Русь Святую

И как один прольем

Кровь молодую! ...

Вот он — Великий поход! Уходившие последними юнкера выпрягли лошадей у попавшихся им по дороге извозчиков и полностью обобрали пожарную часть на Крепостном.

— Эх, жаль — рестораны закрыты! ...

Генералитет, уйдя из парамоновского особняка, первый привал сделал в лазаретном городке. Приткнулся к стене барака сонный генерал Алексеев, в руках тросточка. Похаживал генерал Деникин, в штатском, но уже с карабином. Романовский... Трухачев...

— Ну что, господа? Идем? ...

Собрались и пошли.

Ростовские большевики вышли из подполья и собирали рабочих в отряды Красной гвардии. Но больших столкновений между ними и уходившими корниловцами не было. Ночью в городе побывала красная разведка. Основные силы Сиверса накапливались в Темернике.

В тот же вечер Войсковой атаман Назаров пригласил походного атамана генерала Попова и начальников отрядов, собрал президиум Круга, местных политических «деятелей».

Ясно было, что Новочеркасск не удержать. Круг и правительство — бессильны. Никакие постановления никем не исполнялись. Мобилизация не прошла. Приходили казаки из соседних станиц, митинговали, пьянствовали и расходились по домам, иногда успев получить новое обмундирование. В Новочеркасске намечался хаос. Вовсю работало большевистское подполье. Все было расхлябано, расшатано, ни один правительственный орган не действовал. Привольная жизнь, миражом поманившая в начале 17-го года, осталась пустым звуком, чужим делом, затеей незначительной части доморощенной интеллигенции, которая верила в Круг, то есть в демократию.

Нахохлились мрачные «деятели». Среди них растерянность, ждущие взгляды в сторону военных. Там — вызывающий разнотканый костюм и оружие. «Партизаны...». Для них самое интересное только начинается.

Назаров начал совещание. Заговорил, вскинув голову, тускло блеснул шершавый шар обритого черепа.

— Казачество в лице как рядовых, так и офицеров не желало отстаивать новые пореволюционные институты — Войсковой Круг и выборность Донского атамана. Да-с... Но Круг... Круг — выборный казачий орган. Распустить его сейчас — значит признать власть за самозванцами вроде Голубова и Подтелкова. А потому, — Назаров помолчал, он был военный — не дипломат, положение было ему предельно ясно, и он стал говорить, как задачу ставил, — Круг перевести в Константиновскую, в глубь казачьей территории, пока Мамонтов держит фронт под Персиановкой. Все силы — в кулак, там, в центре 1-го Донского округа. Сам буду командовать... И там собрать Большой Круг... Для партизан главной задачей будет — сохранить силы, пока не образуются станицы.

Все молчали. «Деятели» выжидающе уставились на партизан. Те молча переглянулись. Походный атаман, бывший начальник Новочеркасского училища, для партизанской молодежи — авторитет непререкаемый, сидел плотно, выжидал. Черноусый, сбитый, лишь мешки под глазами выдавали усталость. Заговорил он медленно, упрямо.

— Казаки настолько утратили веру в себя и в начала демократии и свободы, что за них бороться не будут. Круг для них... М-да... Надо распустить Круг и уходить за Дон вместе с «добровольцами». Продержимся там месяца два-три... Там, в коневодческих степях... Казачество восстанет. Зальют им горячего сала за шкуру — поймут. Да и господ офицеров, которые сейчас боятся риска и смерти, большевики заставят ценить свободу.

Разногласия определились сразу — уходить ли вверх по Дону и сохранить Круг, либо уходить в задонские степи и ждать на границе Дона, Кубани и Ставрополя пробуждения казачества. Если идти в Задонье, то Круг — дедов и всю канцелярию — с собой не потащишь, а прорываться вверх по Дону в глубь станиц — «добровольцы» не пойдут, на них казаки и так волками смотрят, да и на партизан, бывает, смотрят не лучше.

— Распустить Круг немислимо... — Назаров хотел говорить о донской государственности, о долге, но просто не мог подобрать слов, а потому сказал: — Если его невозможно эвакуировать, он останется в Новочеркасске. Новочеркассск будем оборонять...

— Штурм донской столицы разбудит казачество... — поддакнул кто-то из «деятелей».

— Ничто его сейчас не разбудит, — упрямо гнул голову Попов. — Я считаю своим долгом перед тем же казачеством... спящим казачеством... сохранить офицеров и юнкеров — кадры будущей казачьей армии. Уложить их всех под Новочеркасском очень просто... Надо уходить.

Все присутствующие поняли, что главное лицо здесь — Попов. Атаман даже не пытался приказывать ему. Партизаны бросят город и уйдут. У них и у Круга разные пути.

Важно было сохранить хотя бы видимость единства действий. Эвакуацию города наметили на 11 февраля. К вечеру 10-го надо было собрать 300 повозок, чтоб вывозить провиант и снаряжение. Принять меры, чтобы предотвратить возможный грабеж.

— Ну что? Всё?

Разом встали.

Затесавшийся старик депутат — язва станичная — смешался при выходе с партизанскими командирами и, пряча под смиренным видом подначку, сказал.

— Видимо, судил Господь Бог казачеству погибнуть, и нечего рыпаться, а, осенив себя крестным знамением, сесть и ждать его решения...

10-го утром Добровольческая армия удерживала Нахичевань, копилась в Кизитиринке. Квартирьеры ее трясали «нейтральную» Аксайскую станицу.

— Квартиры давай!

— Не знаем. Как деды... Вот соберутся и нехай решают...

— Вы решайте поскорее. А то сейчас подойдет Корнилов — он шутить не любит: вас повесит, а станицу спалит, — пугали офицеры.

Улицы Ростова удивляли тишиной и пустотой. Лишь по Церковной с грохотом уходила отставшая от своих, проспавшая все на свете корниловская батарея.

В десять утра десяток всадников на высоких гнедых конях поднялись по Скобелевской до Таганрогского и повернули обратно. Жители ожидали увидеть банды, попрятались и из-за шторок с удивлением разглядывали подобранных в масть коней, подогнанные шинели, красные банты на желтых погонах.

На спуске при выезде из города наперерез разведке выбежал рабочий и стал обнимать и целовать лошадь под передним. Рослый гнедой конь дрожал кожей и прядал ушами. Уланы хохотали.

Стреляли на вокзале. Там вступали в город части Сиверса. Площадь возле управления дороги была запружена войсками. Серые походные колонны шли и шумно переговаривались.

Стрельба перекатилась к Доломановскому, потом к Таганрогскому. Из дома общества «Проводник» ударил пулемет. В ответ стали смолить залпами. Подпольный Ростовско-Нахичеванский ВРК уже сидел в особняке Парамонова и вел запись в Красную гвардию.

Вечерело, когда к «Палас-отелю» подъехала новая власть — товарищ Сиверс с начальником штаба и двумя адъютантами.

Красная гвардия планомерно, квартал за кварталом, стала чистить город, потом из-за сопротивления стала трясти город беспорядочно. Четыре ночи непрерывно шла стрельба. Каждое утро стаскивали на опознание трупы в офицерских и юнкерских мундирах.

Саблин не наступал. Он разбивал по ротам повалившее к нему в войско пополнение из местных шахтеров, приводил добровольцев в соответствующий вид. Его авангард — отряд Мокроусова — стоял на станции Каменоломня. Понадеявшись на бронепоезд, моряки спали в вагонах в одном белье, когда в ночь с 9 на 10 февраля партизаны атаковали станцию и неслабо потрепали их. Этим контрударом наступление Саблина затормозилось. А кроме того, он вплотную подходил к Новочеркаску — столице донского казачества, и помимо чисто военных вопросов перед ним вставали вопросы политические, и даже дипломатические. Лучше было бы новочеркасскую казачью контрреволюцию разбить руками революционных казаков и тем самым опровергнуть слухи об оккупации Дона русскими красногвардейцами. Саблин приостановил движение матросского отряда и выдвигал вперед казачью бригаду Голубова. Это была еще одна

причина замедления движения северной группы советских войск.

В день взятия Ростова войсковой старшина Голубов обратился со станции Шахтной по телеграфу к Войсковому правительству и предложил сдать Новочеркасск без боя революционным войскам. Круг и съезд неказачьего населения ответили, что будут вести борьбу до конца.

Мордатый, остроносый Голубов, иного ответа не ожидавший, поглаживая каштановые усы, склонился над картой. Сотенные — Фролов, Попов, Кузнецов, Рябов поглядывали из угла, готовые выступить. Отряд сводный, по 60—80 человек 10, 27, 28, 44-го и Атаманского полков, Атаманская пулеметная команда, одно орудие 12-й батареи, два—13-й. Остались самые преданные, беззаветные ребята.

Решетов, председатель отрядного комитета, склоняясь лоб в лоб с Голубовым, черкнул по карте влево — Раздорская...

— Как дорога?

— Есть...

...И плавно закруглил, подсекая Новочеркасск с востока: Мелеховская — Бессергеновская — Заплавская — Кривянская...

— Годится. По коням!

— Моряки как?

— Они по железной дороге.

— Добре. В поход!

Саблин, ожидая результатов обходного движения, медленно выдвигался к Персиановке. На острие удара пыхтел на самом тихом бронепоезде «Смерть капиталу». Многоверстными крыльями раскинулись влево и вправо черные цепи моряков. В Персиановке их ждали готовые к отпору отряды партизан.

Участок, прикрывавший Новочеркасск с севера, громко назывался «Северным фронтом». Командующие здесь менялись часто и все время «с понижением». Генерала Усачева сменил Абрамов, а того — полковник Мамонтов. Участок «таял». В связи с тем что красные заняли Ростов, из Персиановки на ростовское направление были переброшены Новочеркасская дружина, отряд Краснянского и остатки чернецовского отряда (в ночь до этого потрепавшие в Каменоломне расслабившихся морячков).

10 (23) февраля под Персиановкой чернецовцы погрузились в поезд и поехали через Новочеркасск на Ростов, но в Аксае оставили вагоны и пешком по мосту и дамбе ушли в Ольгинскую²¹⁴.

А. Падалкин пишет, что чернецовцы получили приказ занять позиции у Аксайской и прикрыть Новочеркасск со стороны Ростова, а 12-го идти на Старочеркасскую, но Курочкин (которого Падалкин называет ротмистром лейб-гвардии Кирасирского полка) увел их в Ольгинскую к «добровольцам»²¹⁵.

В тот же день на северной стороне юнкерского лагеря под Персиановкой партизаны остановили красный бронепоезд, взорвав полотно железной дороги. Артиллерийский взвод Ковалева открыл огонь, и бронепоезд после нескольких попаданий ушел на Каменоломни.

11 (24) февраля красные вели себя пассивно. Вечером в Персиановку прибыла семилетовская батарея, но на следующее утро ушла в Новочеркасск.

В Новочеркасске в этот день Попов начал погрузку золотого запаса, интендантского имущества, продовольствия, боеприпасов и раненых. Как вспоминали участники, ростовские и новочеркасские «толстосумы» на просьбу партизан помочь деньгами «или отказывали, или давали смехотворно малые суммы». Исключение составлял отряд Ф.Д. Назарова, который добыл где-то достаточно денег²¹⁶.

Тогда же по Новочеркаску поползли слухи, что Голубов уже в Кривянке. Многие запаниковали.

Утром Назаров пригласил походного атамана и просил повременить с выступлением. Круг выслал делегацию к Голубову и в Ростов к большевикам. Теперь ждали результатов.

— Голубов в Шахтной?

— Послали делегацию к Раздорской...

Все всё знали — и где Голубов, и каковы его силы.

— Надо решать, — заторопился Попов. — Если Голубов пойдет берегом Дона и займет Старочеркасскую и переправы, то... мы будем в мешке. Стратегическое окружение превратится в тактическое.

Председатель Круга Волошинов заерзал в кресле, переводя взгляд с Попова на Назарова и обратно.

— Круг останется, и с ним останусь я! Бой под Новочеркасском...

— Партизаны...

— Да, — опомнился Назаров (дело решенное). — Я не торгового сословия, торговаться не буду.

Вновь подтвердили компромиссное и убийственное для Круга решение: в целях сохранения живой силы партизаны уходят за Дон, а Круг остается и будет вести дипломатическую борьбу.

Из духовной семинарии — штаба походного атамана — поскакали гонцы отводить войска за город.

В тот же день к Назарову заехал генерал Лукомский из Добровольческой армии.

— Большевики не посмеют тронуть выборного атамана и Войсковой Круг, — сказал ему Назаров. — По моим сведениям первыми войдут в Новочеркасск присоединившиеся к большевикам казаки под началом Голубова. Голубов нас не тронет.

Двенадцатого день начинался ясный и морозный. Над темными еще дворами вызывающе голубело небо. Деревья боялись шелохнуться, замороженные показавшимся солнцем. Еле-еле падали одинокие снежинки.

Боя ничего не предвещало. На «Северном фронте» командир 1-го партизанского артиллерийского взвода по срочному делу явился к Мамонтову. И тот принял юного партизана в коридоре вагона свежевыбритым и завернутым в белоснежную простыню — заканчивал туалет. Но со временем «все шумно вдруг зашевелилось»...

Двор Новочеркасского училища (он как раз напротив штаба походного атамана и прекрасно виден) напоминает улей. Конный отряд новочеркасских юнкеров готовится в поход. Родня близкая и дальняя, кто сам не уходит, пришла провожать.

— Коленька, ты бы хоть на миг бросил свою шашку и поговорил с нами.

— Ах, мама...

Генерал Попов, окруженный связными — по два от каждого отряда, — руководит отходом. Поступают донесения. В Аксайской, прикрывая Новочеркасск с запада, стоит отряд полковника Краснянского. С востока, от Кривянки, город прикрывает отряд есаула Боброва — 48 человек — и с ними 10 стариков из Аксайской дружины. Из Персиановки отошел и стал в здании кадетского корпуса отряд полковника Мамонтова. Прикрывая

его отход, лейб-казак есаул Карпов выдвинулся вперед на площадке с пулеметом, навел у красных панику. Партизаны воспользовались и отошли, Карпов убит осколком... Сейчас город с севера прикрыт группой Упорникова и частью 7-го Донского полка.

В 12 дня Попову пришла записка: «Войсковой Круг послал делегацию в Бессергеновскую для переговоров с 10-м и 27-м полками, чтобы возложить на них охрану города. Приказываю сосредоточить войска для отвода их в избранном направлении. Но отвод войск должен быть сделан так, чтобы до подхода 10 и 27-го полков город не был без прикрытия. 12/II. Войсковой атаман Назаров».

Попов прочитал записку.

— Уходим, — кивок в сторону юнкерского училища. — Передайте, чтоб седлали.

И в авангарде и в арьергарде стал наиболее многочисленный и боевой отряд войскового старшины Семилетова. Пешие сотни вместе с 7-м полком должны были прикрывать отход, а конница устремилась на юг. В 13.30 Семилетов вступил в Старочеркасскую и стал готовить переправу через Дон.

В раскиданные по городу части поскакали связные.

— Уходим...

В зале судебных заседаний доживает последние часы Круг. Оформляет передачу золотого запаса походному атаману, снимает осадное положение, подчищает кое-что по мелочи... Все утратило смысл, словно механическая игрушка, у которой хозяин уже вырос, а завод никак не кончается.

Отправлена делегация в Ростов, ведет переговоры... Еще позавчера отправили двадцать делегатов во главе с полковником Алферовым в Константиновскую. Добрались ли?... Но главное — послали делегацию в 10-й и 27-й полки привести их для охраны города и Войскового Круга.

— Что-то Голубов скажет...

— Я помню его гимназистом. Он всегда ходил с засученными рукавами и искал случая, с кем бы подраться.

— И его еще Покатило царю представлял! ...

По залу шепот, пророчества.

— Большевики... Они несут крестьянам волю — и что важнее! — землю. Еще Чернов говорил, что казакам придется потесниться. Из-за этого...

— Нас ждет Гражданская война.

— Да.

— Позвольте! А до этого что же было?

— До этого — так... Интервенция...

Итог подводит Назаров.

— Последняя наша минута наступает.

Круг передает всю власть атаману. Назаров усмехается.

— Вы мне передаете то-то и то-то, одним словом всё — атаману, а атаманской власти фактически нет; поэтому логически из всего этого вытекает одно: я не могу быть атаманом, ибо нет сил у меня, на которые я мог бы опираться. Я атаман только на бумаге. Я бы просил Круг снять с меня высокие полномочия.

Власть перекидывают друг другу, как утерявший ценность взрывоопасный груз.

Бородатый Волошинов, председатель Круга, встает.

— Я не трус, не был им и не буду, несмотря на то, что я уже приговорен. Я предлагаю Кругу власти не бросать и просить атамана не уходить со своего поста.

Круг, мучительно, стискиванием зубов, сдерживая дрожь, соглашается не расходиться и просит атамана остаться... хотя бы повременить до вечера...

Назаров подчиняется.

После полудня на город опустился туман. По рыхлому снегу тронулся обоз в сто повозок. На переправе через Аксай сплошной поток: двуколки, повозки, кони, быки, извозчицьи санки, автомобили... Женские крики, детский плач... Серый красавец рысак пугливо вскидывает голову, лебедем плывет над серым текучим месивом... Голова огромной колонны уже в Старочеркасской, а хвост еще в городе.

В четыре пополудни принимается постановление о молебне и безболезненном переходе власти в руки большевиков.

Колокольный звон за клубами тумана манит, сулит спасение. Делегаты во главе с Волошиновым идут по Платовскому в собор.

Из здания Кадетского корпуса сквозь туман долетают песни и неясный, присущий грабежу шум. Припозднившийся отряд выходит оттуда двумя колоннами. Одна — мимо областной больницы, вторая — по Крещенскому спуску мимо вокзала, чтоб прикрыть переправу через Аксай.

На улицах появился народ. Кто плачет, кто злорадствует. Вестовой с подседланной лошастью находит атамана Назарова.

— Ваше превосходительство, я за вами...

Атаман сказал, что не знает, поедет ли он, и приказал вестовому ехать, а атаманского коня оставить в Новочеркасске.

Через Аксай все еще идет переправа. Слева из тумана редкие выстрелы и показываются силуэты всадников. Им отвечают.

— Кто это?

— Из Кривянки. 10-й полк...

За мостом ждет походный атаман с конвоем. Подскакивает группа офицеров Атаманского полка.

— Не хочет..

— Отказался...

— Может, силой его увезти? Прикажите...

У вокзала крики, 2-я семилетовская сотня взрывается ружейно-пулеметной трескотней. Путь в город отрезан...

В пять пополудни от Кривянки к вокзалу на рысях подходит конный отряд, заворачивает на Крещенский спуск. Гремит оркестр. Толпа дождалась.

— Ура! Освободители! ...

Войсковой Круг начинает вечернее заседание.

Возвратилась делегация, посланная в 10-й и 27-й полки. Полки приняли охрану города на себя. Депутаты перешептываются.

— Голубов здесь...

Глава делегации есаул Сиволобов отчитывается.

— Войсковой старшина Голубов, к которому я был командирован в станицу Кривянскую для выяснения целей его выступления против Войскового правительства, в настоящее время с отрядом казаков 10-го и 27-го полка находится в городе Новочеркасске и имеет возможность сделать личный доклад по этому вопросу.

— Пригласить! — крики из зала.

Войсковой Круг постановляет: просить войскового старшину Голубова прибыть на Круг и сделать доклад.

Дверь распахивается. Голубов является на Круг, не дожидаясь приглашения, за ним человек тридцать казаков.

— Что это за собрание?

Он быстро идет по проходу, взлетает к президиуму.

— В стране творится социальная революция, а тут собралась кучка людей... Самозванцы! Кто вам позволил? Встать!

С робким шумом Круг поднимается.

— Встать! Встать! — нависает Голубов над сидящим Назаровым. — И ты, мерзавец Волошинов, здесь? Арестовать его!

— Убить! Убить!

— Не надо стрелять...

Казак хватает и тащат Волошинова. Комиссар при Голубове, Пугачевский, выхватывает браунинг и приставляет его колбу Назарова. Побледневший Назаров делает жест рукой, чтоб отвести. Два казака из свиты Голубова хватают Пугачевского за руки, теснят...

— Кто ты такой? — кричит Голубов в лицо Назарову.

— Я выборный атаман. А вы кто такой?

— Я революционный атаман товарищ Голубов. Встать! — и хватает Назарова за руку.

Назаров встает, руки в карманах, вынул, развел, улыбнулся.

— Что вы кричите? Можно говорить тихо. Если вам что нужно...

Освободившийся из рук казаков Пугачевский рвет с Назарова правый погон. Левый рвет Голубов.

— Арестовать!

Вслед за Волошиновым Назарова тащат вниз с эстрады. Голубов хватает их оставленные на столе фуражки, рвет кокарды и швыряет на пол.

«Заседание Круга вследствие этого было сорвано, — строчит секретарь для истории, — и, ввиду присутствия в зале вооруженной силы, враждебно настроенной по отношению к Кругу, не могло быть возобновлено».

— Как же нам быть? — торопятся вслед за уходящим Голубовым члены Круга.

— Мне не до вас, убирайтесь к черту, — бросает через плечо Голубов и выходит.

Круг волнуется. У дверей часовой никого не выпускает.

— Пока не придет Голубов...

С улицы доносятся звуки оркестра. Это Голубов отправляет на гауптвахту Назарова и Волошинова.

Через полтора часа приходит казак и читает манифест о помиловании Круга. Пусть расходится подобию-поздорову.

— В России творится социальная революция, — повторяет он слова Голубова, — а здесь какая-то сволочь разговоры разговаривает. Вон!

— Если б не мы, а Красная гвардия первая сюда пришла, ни один бы из вас живым не ушел, — утешает часовой.

Голубов в это время отправляется в Атаманский дворец; ему показывают покои Каледина, калединского коня...

Позже в Новочеркасск влетели вырвавшиеся из боя под Каменнобродской казаки 7-го Донского полка и, подогрев вспыхнувшую на центральных улицах панику, рассказали о силах большевиков, устроили митинг, на котором назвали полк «революционным», избрали нового командира полка — бывшего казначея Сухарева — и выставили посты у храмов и музея — взяли под охрану святыни.

Переправа через Аксай шла до восьми часов. Одиночные переправлялись и позже. Попов с конвоем до восьми ждал у моста атамана Назарова. Город скрылся во тьме и тумане.

К одиннадцати ночи походный атаман прибыл в Старочеркасскую.

Многие из участников обороны рассеялись. Еще утром в Грушевской генерал Черячукин, защищавший свой участок фронта только со своим штабом и командиром 7-го Донского полка, пришел на митинг у станичного правления и объявил, что мобилизация отменяется, но что рекомендуется хорошо спрятать оружие. Казаки засмеялись: «Мы сами это хорошо понимаем»²¹⁷. Отходившие с северного участка отряды зачастую расходились по домам. Е. Ковалев вспоминал, что еще в 11 утра по приказу Мамонтова пулеметная команда его взвода отправилась в Новочеркасск эшелоном, а сам взвод — походным порядком. У Хотунка Ковалев услышал, что в Персиановке вспыхнула стрельба, и дал по поселку последний выстрел — высокую шрапнель.²¹⁸ Орудия Ковалев бросил у вокзала, так как ожидалось восстание рабочих, и налегке догнал отряд походного атамана. Там же, в Новочеркасске, бросил орудие и платформу и разошелся артиллерийский взвод Конькова²¹⁹, а затем и прикрывавший отход отряд Упорникова (но это было уже ближе к вечеру).

Остались в Новочеркасске многие студенты из распушенных 2-й и 3-й рот Студенческой дружины. 1-я рота после боев

под Ростовом примкнула к Юнкерскому батальону Добровольческой армии, из 150 человек в ней к этому времени осталось 30.

Дойдя до Старочеркасской, заволновалась и вернулась домой большая часть Новочеркасской дружины (400 человек).

Итак, 12 (25) февраля партизаны покинули Новочеркасск. В тот же день красная разведка доносила: «В Новочеркасске — до семи, если не до 12 тысяч, способных к борьбе»²²⁰. Как показали более поздние подсчеты, ушли далеко не все «способные к борьбе». Многие остались «дождаться большевиков». Тысячи офицеров явились в Ростове на регистрацию, объявленную большевиками. Много офицеров осталось в Новочеркасске.

Значительная часть уходящих из города не помышляла о дальнейшей борьбе, о сопротивлении, а просто «уносила ноги». Это не могло не сказаться на настроении отступающих. Один из участников похода записал в дневнике: «Вызывает удивление наша «партизанская армия», какая она странная. Целых три часа стоял я вчера у переправы на Аксае, пропустил мимо себя десятки сотен людей, жадно стремившихся на ту сторону, подалее от города — в степь, и не нашел ничего похожего, что у нас принято называть армией. Каждый шел и ехал, видимо, сам по себе, как будто он совсем не принадлежал ни к одному из отрядов»²²¹.

Ночевали в Старочеркасской, в «нейтральной» станице. Попов хотел устроить здесь еще и дневку, чтоб свести разношерстные, плохо подчиняющиеся отряды в одно целое. Но лед был ненадежен, и с раннего утра, набросав доски, решили переправлять артиллерию и обозы и отправлять на Арпачин.

Завтракали блинцами с откидным молоком. Старший сын хозяйки пропал на войне, и она, горюя, с какой-то мукой смотрела на молодых ребят — юнкеров, студентов, гимназистов. Делалась тревогами.

— ...А тут разорение чистое, кадеты пошли какие-то... И чего им, прости, Господи. Надобно? Бьют, люди гутарят, всех и всё жгут... Детей малых не жалеют. Ироды окаянные.

Партизаны прыснули.

— А вы не кадеты? — насторожилась хозяйка.

— Кадеты, бабушка.

Хозяйка растерянно улыбнулась, развела руками.

Заскочил связной от Семилетова.

— Аксайские на рассвете наш аррьергард обстреляли, 1-ю Новочеркасскую... Собирайтесь, уходим...

— А дневка?

— Решено не задерживаться. Идем на Арпачин.

— Где это?

— Арпачин? Верст десять отсюда, — сказал молчавший до этого хозяин.

— Пятнадцать, — поправила хозяйка.

Засобирались.

— Собери сто-небудь, — подал голос с печи столетний дед.

Синяя пелена заволакивала дали и покинутый город. Сыро, туман клубами завис над Доном. Жители густо стояли на берегу. Казаки у заборов с семечками.

— Воя-а-ки! — в голосе злость.

Деды крестили уходивших. Старухи плакали.

Голубовские казаки появлялись в двух верстах от переправы, забитой войсками и обозами. Если б Голубов сделал еще один рывок в полтора десятка верст, худо пришлось бы партизанам.

В Манычской, где была запасная переправа, местные казаки повязали партизанскую инженерную команду, есаул Слюсарев с сотней конных юнкеров поскакал на помощь.

Накапливалась, набухла серая масса, каплями перетекала по узкой цепочке на другой берег.

— Что-то медленно мы...

— Быстрее всех червяк ползет, — зло шутит кто-то. — Каждого у могилы догонит.

Сотня спустилась ко льду. Хорунжий Назаров выехал из замаявшихся рядов и крутнул коня, развернулся лицом к станице, древней столице казачьей. Чернели улицы и истоптанные скотом дворы, лишь на огородах траурно белел снег.

— Прощайте, станичники! Полюбуйтесь на своих казаков, которым приходится покидать родной край, Тихий Дон, чтоб скитаться на чужбине...

В ответ — молчание. Робко-торопливо, прижимая уши, пошли по дощатому настилу кони, облегченно, убыстряя шаг, возносились на задонский берег. Растерявшая очертания степь, укутан туманом, приняла партизан в свои объятия. Уже с того

берега кто-то, передразнивая Назарова, махнул шапкой и — с веселинкой.

— Прощайте, станичники!

Пошли партизаны. Ни заботы, ни тревоги, лишь неясная тоска.

Пока шла переправа, походный атаман два раза ездил в Ольгинскую к Корнилову, склонял к совместным действиям. Так и не договорились. Узнав об этом, бросили Попова и ушли к «добровольцам» отряды Бокова и Краснянского.

На Арпачин выходили, как в иной мир вступали. Выглянуло солнце, лучи заиграли на крестах церкви, на льду показавшегося слева, давшего круг Дона. Даванул морозец, последний на эту зиму. Высокие прямые столбы дыма вставали над хутором. Бабы-казачки сгоняли после дойки с базов в катухи телят, носились собаки, бестолковой ордой катились на водопой овцы. Верхушки тополей обледенели и развернулись веером, как венчики проса.

Снег прибит, идти легко, и партизаны шли весело, строем, с песнями. Грязные, но воинственные на вид китайцы сотника Хоперского, семилетовцы пешие и конные, пехота Мамонтова и Яковлева, штаб-офицерская дружина генерала Базавова, офицерская боевая сотня Гнилорыбова, конница Чернушенко и Назарова, Атаманский конный отряд полковника Каргальского, батарея подьесаула Неживова...

Ни большевики, ни Голубов не преследовали. В Новочеркасске устанавливалась неясная по содержанию, но несомненно новая власть, и наметились уже первые трения. По Новочеркасску расклеили листки: «Обязательное постановление отрядного комитета Северного казачьего революционного отряда.

1. Город временно перешел во власть Северного казачьего революционного отряда, который действует в контакте с Новочеркасским советом рабочих депутатов и социалистической частью городского самоуправления.

2. Особое положение в городе снимается...

5. Обыски будут проводиться днем до 5 часов вечера и только по особым разрешениям существующей власти...».

Голубовские казаки (в погонах, при своих офицерах и урядниках) встретили идущий от Ростова к Новочеркасску Харьковский уланский полк и завернули его обратно, заявив, что город

взят ими под охрану. Сам Голубов послал сказать Саблину в Персиановку, что город взят и вступление иных отрядов в него пока нежелательно.

— Вы наказной атаман, что ли? — презрительно скривился молоденький и красивый Юрий Саблин.

— Наказным атаманом быть не собираюсь, — вспыхнул Голубов.

Заблудившаяся в непредвиденных изгибах и поворотах жизни делегация ныне разогнанного Круга все еще вела переговоры с найденным Антоновым-Овсеенко, и тот исправно отстукивал Ленину, что «последняя поставила вопрос об автономии Дона и праве самостоятельного разрешения земельного вопроса».

Меж тем в Новочеркасск вступил Саблин, и полилась кровь.

14-го утром в станицу Старочеркасскую влетела группа всадников. Сиротливо пустели улицы, истоптанные до черной земли. Разбитая дорога, брошенное на обочине негодное снаряжение — всё указывало на недавнее присутствие здесь воинских частей.

От Дона шел неясный, но хорошо слышимый в утреннем воздухе шум.

Передний всадник в заячьей папахе придержал высокого красивого коня — калединский! — у собора, поднял руку для крестного знамения, но торопился, видно, дернул кистью, перехватил висевшую на темляке плеть, махнул призывно и погнал прямо к Дону.

Берег был пуст, а по Дону, шурша и подминая друг друга, шли льдины. Партизаны отныне и надолго были недосыгаемы.

— Ушли! Теперь не достать, — досадливо бросил спутникам Голубов.

Казачи, не растерявшие былой дисциплины, помалкивали, и лишь комиссар конной разведки саблинского отряда, увязавшийся за голубовцами, воздел к небу кулак и изругал Богородицу.

Если б Голубов успел переправиться, может, не было бы и Степного похода. Но Голубов не переправился. Дон тронулся и прикрыл партизан.

А там, за Доном, молодая донская интеллигенция уходила в степь. Студенты, семинаристы, юнкера, офицеры месили грязь, выбиваясь из сил, измученные непривычным большим переходом.

Обоз, разросшийся до двухсот повозок, растянулся на несколько верст. Шагом, сохраняя силы лошадей, шли конные отряды.

К вечеру подморозило, лошади заспотыкались на затвердевшей, превратившейся в сплошной камень дороге. Показался хутор Веселый.

При вступлении отряда Попова вся дальняя часть хутора ускакала на Маныч, попряталась в камышах. «...В общем население к нам относится враждебно», — записал в ту ночь в дневнике один из партизан.

«14 (27) февраля 1918 г. ст. Старочеркасская.

Мы все граждане станицы Старочеркасской признаем власть комиссара Шарова, совет трудового народа, а так же сдаемся все без боя, в чем и подписуемся».

Глава 7 СТЕПНОЙ ПОХОД

Запомним, запомним до гроба
Жестокую юность свою —
Дымящийся гребень сугроба,
Победу и гибель в бою,
Тоску безысходного гона,
Тревогу в морозных ночах
И блеск тускловатый погона
На хрупких, на детских плечах.

Николай Туроверов

«Степной поход» — военная операция, направленная на сохранение кадров будущей казачьей армии. Участники приравнивали его по значению к знаменитому 1-му Кубанскому — Ледовому — походу «добровольцев». Недоброжелатели, которых тоже много нашлось в будущей Донской армии, называли его «скитанием», писали, что поход был «без определенного плана, задачи, базы, с единственной и ясной целью спастись в привольных широких степях Задонья от надвигающейся опасности» (ген. С.В. Денисов)²²².

Покинувшие 12 (25) февраля Новочеркасск партизаны были не в лучшем состоянии. Оставление донской столицы не могло не действовать деморализующе на донцов. Часть их вообще бросила строй и разошлась по домам.

Лишь на другой стороне Дона 14 (27) февраля на хуторе Арпачин и 15 (28) февраля на хуторе Веселый было произведено переформирование партизанских отрядов. Шестнадцать мелких отрядов свели вместе в «Отряд вольных донских казаков». В отряде было 1727 человек боевого состава, из которых 1110 человек — пехоты, 617 — конницы при 5 орудиях и 39 пулеметах под общим командованием генерала П.Х. Попова.

Организационно отряд делился следующим образом.

1) Отряд полковника Э.Ф. Семилетова (2 конные сотни, 3 пешие сотни, подрывная и пулеметная команды, 2-орудийная батарея) — 701 человек, 13 пулеметов, 2 орудия²²³.

2) Отряд сотника Ф.Д. Назарова (2 конные сотни, подрывная команда) — 252 человека, 5 пулеметов.

3) Отряд полковника К.К. Мамонтова (2 пешие сотни) — 205 человек, 4 пулемета²²⁴.

4) Юнкерский конный отряд есаула Н.П. Слюсарева — 96 человек, 3 пулемета.

5) Атаманский конный отряд полковника Г.Д. Каргальско-го — 92 человека, 3 пулемета²²⁵.

6) Конно-офицерский отряд полковника Чернушенко — 85 человек, 3 пулемета.²²⁶

7) Штаб-офицерская пешая дружина генерала Базавова — 116 человек, 2 пулемета²²⁷.

8) Офицерская боевая дружина войскового старшины Гни-лорыбова — 106 человек, 3 пулемета.

9) Инженерная сотня генерала Модлера — 36 человек, 1 пу-лемет, полевая радиостанция.

10) 1-я отдельная батарея есаула Неживова — 38 человек, 2 орудия, 2 пулемета.

11) 2-я отдельная батарея есаула Кузнецова — 22 человека, 1 орудие, 1 пулемет.

Нестроевая часть отряда состояла из 251 человека. Это были:

1) Штаб отряда.

2) Артиллерийское управление.

3) Походный госпиталь.

4) Группа членов Войскового Круга и общественных деятелей.²²⁸

Несмотря на огромный санный обоз, материальная база от-ряда была скудной. В обозе отряда было 100 снарядов и 50 ты-сяч патронов²²⁹.

Сохранился ряд воспоминаний о личном составе отряда. Вот состав 2-орудийной семилетовской батареи капитана Щукина: 8 офицеров-артиллеристов, 8 офицеров других военных специ-альностей, 1 старший урядник, 6 кадетов Донского корпуса, доктор, адвокат, студенты, гимназисты, коммерсанты (учащи-еся коммерческого училища), чиновники и несколько горожан-казаков — всего около 60 человек²³⁰.

Похожая ситуация была в отряде Ф.Д. Назарова. 3-й пуле-метный наряд «максима» состоял из двух мичманов Черномор-ского флота, двух студентов, автора воспоминаний (В.С. Мыль-никова) и учителя химии В.А. Грекова. Когда к ним присоеди-нился «заведовавший пулеметом «Льюиса»» сотник Чернолихов, «получилась очень дружная компания из четырех бывших реал-истов со своим преподавателем и двух бывших гимназистов»²³¹.

Пешие семилетовские сотни «состояли почти исключитель-но из учащихся» и лишь конные сотни — из офицеров²³². Поло-вину 2-й пешей сотни составляли китайцы, нанятые сот-ником Хоперским. Их опасались ставить в охранение, так как они не знали русского языка и, «даже зная пропуск, — могли пальнуть»²³³.

В отряде Ф.Д. Назарова примерно 30 % бойцов имели опыт войны с Германией, остальную часть составляла молодежь.

Основу артиллерии «Отряда вольных донских казаков» со-ставляла партизанская артиллерия. Но, отступая из Новочеркас-ска, она растеряла половину состава и в Степной поход вышла уже переформированной. Батарея есаула Неживова первонач-ально была при конном отряде хорунжего Назарова, а орудие есаула Кузнецова (первоначально — сотника Мелихова) сна-чала было в отряде Мамонтова²³⁴.

Характерной чертой отряда стало наличие в нем большого количества подростков младшего возраста — кадетов, которые тем не менее входили в состав строевых частей («ученический» отряд есаула Боброва в 48 человек в дружине генерала Базавова).

Выступив в поход, партизанские командиры продолжали обучение молодежи. В частности, участники вспоминали, как на походе их обучали отходу цепью — по два человека с обоих флангов цепи...

Общий настрой молодежи был бодрый. За время похода они даже успели сочинить своего «Журавля» — «А кто с... как корова?»

Батарея Неживова и т.д.²³⁵

Но в глазах профессиональных военных (полковник Ряснянский) партизаны выглядели не очень воинственно: «...Юные партизаны в возрасте от 16 до 20 лет, кто с винтовкой, кто только с шашкой. Лошади не чищены, несколько из них с набитыми холками, одна даже хромая»²³⁶.

Как уже говорилось, некоторые донские партизанские отряды ушли с Добровольческой армией. Это были части, высланные атаманом Назаровым на ростовское и таганрогское направление по требованию генерала Корнилова. Они вместе с «добровольцами» ушли из Ростова в Ольгинскую. Некоторые отряды (отряд есаула Бокова, Баклановский отряд есаула Власова, отряд войскового старшины Дударева) ушли к Корнилову уже после оставления Новочеркасска под воздействием пропаганды председателя Союза донских дворян Леонова. К «добровольцам» во взвод есаула Рыковского ушла пулеметная команда брошенного донцами бронепоезда.

Всего в Ольгинскую к «добровольцам» ушло 9 отрядов донских партизан. Конные партизаны из пеших отрядов были переданы во 2-й конный дивизион полковника Глазенапа (300 шашек), туда же направились отряд есаула Бокова и группа полковника Яновского. Конные партизаны чернецовского отряда и присоединившиеся к ним казаки вошли в дивизион полковника Корнилова (200 шашек). Пешие партизаны Курочкина, Лазарева, Краснянского составили Партизанский полк. Отряд «Белого дьявола» сотника Грекова частью вошел в Партизанский полк, частью — в инженерную роту. При Корнилове находился Баклановский отряд есаула Власова (54 шашки). Затем из Великокняжеской прибыла конная команда связи есаула Нefeldова (22 шашки) и осталась при Корнилове.

Одним из факторов, удерживавших донских партизан у «добровольцев», была неясность будущего направления движения Добровольческой армии. Среди добровольческого командования

были очень сильны настроения в пользу совместного похода с донцами в задонские степи. Окончательно решение идти на Кубань было принято уже за Доном. Донским партизанам, сведенным в Партизанский полк под командованием генерала А.П. Богаевского, о походе на Кубань было объявлено только в станице Мечетинской 17 февраля (2 марта). «Корнилов сухо, резко как всегда изложил мотивы и императивно указал новое направление. Но взор его испытующе и с некоторым беспокойством следил за лицами донских партизан.

Пойдут ли с Дона?

Партизаны несколько смущены, некоторые опечалены. Но в душе выбор их уже сделан: идут с Корниловым»²³⁷.

Вторым фактором было, по мнению генерала И.А. Полякова, то, что «нераспорядительность Донского командования подорвала к нему доверие, и многие партизанские отряды не желали влиться в донской отряд, предводительствуемый походным атаманом ген. Поповым, а присоединились к Добровольческой армии»²³⁸.

22 февраля (7 марта) Корнилов отправил к Попову полковника Ряснянского, чтобы Ряснянский привел к «добровольцам» отряды, которые захотят отделиться от Попова, но Ряснянский привел лишь отряд в 22 шашки, который ему выделили для охраны.

Итак, донские партизаны у «добровольцев» составили пеший Партизанский полк и два конных отряда — полковника Глазенапа и полковника Корнилова численностью 474 штыка, 174 сабли, 15 пулеметов²³⁹.

Часть партизан просто разошлась по домам. Так поступили старики из низовых станиц и часть Новочеркасской дружины, Константиновская дружина вернулась в свою станицу уже из хутора Арпачин, ее командир ушел в отряд Бокова. Дело в том, что на первой остановке после Старочеркасской было передано устное распоряжение: «Мы идем на голод и холод, и почти верную смерть. Всем, кто хочет “распыляться” — явиться в штаб, где имеются бланки и печать советского пехотного полка (подпись подделывается артистически), получить документ на любую фамилию и “распылиться”»²⁴⁰.

В Новочеркасских лазаретах и госпиталях было оставлено и истреблено красными 120 офицеров и 200 партизан²⁴¹.

Оставшиеся в «Отряде вольных донских казаков» были полны решимости драться, но больших боев на их долю не выпало. Во время похода не было громких («блестящих») побед, зато четко прослеживается стремление сохранить отряд.

Поход проходил, как вспоминал один из участников, «под знаком полной трезвости». Последний раз он пил в Арпачине, а «оттянулся» уже после похода на обратной дороге в богатой вином станице Цимлянской²⁴².

Характерной чертой воспоминаний участников событий и с той и с другой стороны является резкое преувеличение сил противника, иногда в несколько раз, и довольно частое именование друг друга «бандами». Объясняется это, видимо, слабой дисциплиной противоборствующих военных формирований, которые зачастую и впрямь напоминали «банды», а также неумением воевать и возникавшим отсюда страхом перед противником, а «у страха глаза велики». Контингент «Отряда вольных донских казаков», по мнению очевидцев, на 60 % состоял из юношей, которые «совсем недавно вышли из-под опеки матери»²⁴³. В воспоминаниях «Отряд вольных донских казаков» однажды был назван — «маленькой армией детей-партизан»²⁴⁴. Красногвардейские отряды вряд ли превосходили их по уровню боевой подготовки, а уставшие от войны профессионалы, казаки и солдаты (и даже большинство офицеров), пока сидели по домам, в события старались не вмешиваться.

Командующий отрядом генерал П.Х. Попов боевого опыта вообще не имел. И тогда и после он зарекомендовал себя как политик, прекрасный администратор, «знаток казачьей души». Сам — природный казак из донской глубинки и из очень хорошей семьи, сын основателя Донского музея, он как бы олицетворял «казачье дело», «казачье движение». Сложившие своего «Журавля» партизаны в куплете, посвященном П.Х. Попову, дали генералу такую характеристику:

Славный атаман походный
И храбр и бодр, без суеты,
Попов — казак донской природный...

Его кандидатура была идеальной при достижении цели сохранения кадров казачества, но не для активных боевых действий²⁴⁵.

Но избежать военных столкновений было невозможно, и когда они начинались, руководство брал на себя начальник штаба отряда полковник В.И. Сидорин.

Стратег и тактик наш Сидорин,
Душа и ум степной борьбы,
Всегда спокоен, не задорен...

— пели о нем партизаны.

Один из очевидцев и непосредственных участников событий вспоминал о бое под станицей Андреевской следующий эпизод.

У хутора Малый Гашун отряды Назарова и Каргальского и орудие есаула Неживова прикрывали переправу партизан через Сал. Начальником группы Сидорин назначил Назарова. Но ввиду важности операции сам генерал Попов решил остаться с группой и руководить боем.

Отряды залегли на окраинах хутора. Фланги были прикрыты пулеметами: на левом — «Льюис», на правом — «максим». Большевики подъехали на подводах, рассыпали цепи и стали окружать хутор.

Когда Попов заметил, что цепи красных окружают хутор, он вызвал Назарова, который, «как всегда, бегал по цепям».

— Вы видите, что нас обходят?

— Так точно, ваше превосходительство, вижу, но не считаю еще это опасным...

В это время доложили, что убит Неживов, командир отрядной артиллерии, и Назаров, не дослушав Попова, побежал к артиллерийскому взводу. Как бы люди после смерти командира не растерялись, не потеряли боеспособности. Взбешенный генерал Попов закричал:

— Вернуть его! Вернуть!

Мы можем представить, что отрываемый от руководства боем Назаров, с перекошенным лицом, но все же держа под козырек, подбежал к генералу. Сбитое дыхание не давало ему говорить четко и внятно. Он что-то хотел сказать, но Попов, перебивая его, закричал:

— Я приказываю вам отступить!

— Отступить еще рано! — так же, как и Попов, закричал Назаров. — Я дал слово Сидорину, что сдержу красных до последней возможности, и свое слово я сдержу! — и, не продолжая разговора, бросился к цепям.

В это время рой пуль, залетевший с фланга, «заставил принимать быстрое решение, и ген. Попов вскочил на коня и только с тремя или четырьмя приближенными вылетел из хутора...»²⁴⁶.

Прикрывавший правый фланг пулеметчик вспоминал: «Вдруг вижу, что из хутора вылетает человек пять всадников и, энергично нахлестывая своих коней плетью, несутся в тыл. Особенного внимания на это не обратил. Может быть, с донесением, а может быть, за подкреплением...»²⁴⁷.

Оставшись без Попова, арьергард продолжал бой. Когда фланги красных стали смыкаться в тылу партизан, партизаны перебросили на угрожаемый участок все пулеметы и атаковали здесь конницей. Большевики побежали, размыкая фланги. Весь отряд проскочил в образовавшийся разрыв, отошел на четыре версты и занял позицию поперек дороги.

«У нас были раненые, но убитых, кроме есаула Неживова, — не помню, — вспоминал очевидец. — Дорога, по которой мы проскакивали назад, простреливалась с двух сторон, так что мы легко отделались, объясняю это только тем, что здесь у красных не было настоящих солдат, а был какой-то сброд»²⁴⁸.

В это время генерал Попов прискакал в штаб, «запыхавшись, в страшном возбуждении», и заявил Сидорину:

— Отряд окружен. Только мы могли прорваться и ускакать. Назаров погубил отряд. Мы видели, что он остался в окружении и, значит, весь погиб.

Сидорин выслал разъезд посильнее в сторону Малого Гашуна, а сам сел за стол и положил перед собой часы...

Ровно полчаса Сидорин сидел, не произнося ни слова, потом вскочил.

— Ваше превосходительство, отряд цел.

— Откуда вы знаете, Владимир Ильич? — наверняка спросил его Попов.

— Там триста с лишним конных, и если они бросятся на пешотное окружение, чтоб его прорвать, то не может быть, чтобы никто из них не проскочил бы, а если он проскочил, то должен был быть уже здесь, а раз никого нет, то я вас уверяю, что отряд цел²⁴⁹.

Отряд Назарова действительно был цел. Красные, заняв Гашун, оставались пассивны. Ночью отряд вброд перешел Сал у станицы Андреевской и присоединился к основному ядру партизан...

Из других командиров «Отряда вольных донских казаков», бесспорно, боевым офицером был участник двух войн полковник

К.К. Мамонтов; опыт боев имел офицер 15-го Донского полка и командир отдельной сотни Э. Семилетов; участвовал в боях бывший командир 47-го Донского полка генерал Базавов.

Хорунжий Ф.Д. Назаров был в этом ряду своего рода исключением и «данью времени» — в 1917 году он в чине прапорщика служил в 4-м Донском запасном полку и председательствовал в полковом комитете. Теперь он возглавлял второй по численности отряд в маленькой партизанской армии.

Силы большевиков, противостоящие партизанам, не были ни достаточно велики, ни достаточно организованны. Наиболее боеспособные части Красной гвардии, наступавшие под командованием Антонова-Овсенко на Дон с севера и с территории Украины, 15 (28) февраля 1918 года получили приказ о переброске на запад, воевать с немцами, наступавшими по Украине.

Без войск Антонова-Овсенко большевики могли противопоставить отряду Попова «революционных» казаков Голубова и полки 39-й пехотной дивизии, прибывшей с Кавказского фронта, основные силы которой стояли на станции Торговой с октября 1917 года. Кроме того, на Дон можно было прислать запасные полки из Ставрополя, Царицына, Астрахани и местную Красную гвардию.

Надо учесть, что с 2 (15) марта 1918 года по решению Донского областного ревкома началось расформирование всех частей старой армии в пределах области и набор в Красную армию «на социалистических началах». Так что реально партизанам Попова сначала могли противостоять лишь местные красногвардейские отряды, по количеству и качеству вряд ли превосходившие станичные казачьи дружины из стариков.

В начале похода партизаны столкнулись с казаками-фронтовиками Манычской и Богаевской станиц и с «мужиками» отрядов Думенко и Никифорова у хуторов Веселого и Соленого станицы Платовской. Но эти первые бои не были особо кровавыми, первые потери — 2 раненых — партизаны понесли через неделю после начала похода, когда послали разведку к окруженной станице Сальского округа Великокняжеской, где пролегла железная дорога.

Более серьезное сопротивление отряд Попова встретил, когда вышел на железную дорогу. Против него с севера и с юга, от Царицына и от Торговой были двинуты бронепоезда и эшелоны

красногвардейцев. К концу марта — началу апреля большевистское руководство смогло сосредоточить против партизан местные красногвардейские отряды из донских крестьян, ставропольских и астраханских крестьян, отряды красногвардейцев из Царицына и отряды «революционных» казаков. Но и тогда эти силы, по подсчетам партизан, не превышали 6 тысяч человек, включая 2 казачьих конных полка. Причем стоило партизанам отойти от ставропольской и астраханской границы или от линии железной дороги, то есть поменять место базирования, и большая часть красногвардейских отрядов «выходила из борьбы», в лучших традициях крестьянских войн они не хотели уходить далеко от родных мест²⁵⁰.

Все это устраивало походного атамана, который «смотрел на партизан не как на боевую силу для освобождения Дона, а как на моральную, предназначенную для моральной поддержки выздоравливающего от нейтралитета казачества»²⁵¹.

Начало похода осложнилось внутренними неладями. Шла агитация за уход в Добровольческую армию, за уход с Корниловым на Кубань. На военном совете наиболее боевой из командиров — полковник Мамонтов — склонялся к этому решению. Учитывая это, представитель донского дворянства Леонов подговаривал Мамонтова «свергнуть» походного атамана Попова и самому возглавить отряд. Но Мамонтов обо всем доложил Попову, и Леонову пришлось бежать к «добровольцам».

Как уже было сказано, 13 (26) февраля 1918 года отряды Попова перешли из станицы Старочеркасской в хутор Арпачин, где 14 (27 февраля) была дневка и произведено переформирование. 15 (28) февраля главные силы отряда, сделав переход в 60 верст вверх по левому берегу Маныча, вступили в хутор Веселый. Не втянувшиеся в переходы партизаны набили на ногах кровавые мозоли, и отряду пришлось задержаться в Веселом на несколько дней. Все это время готовилась операция по занятию окружной станицы Великокняжеской.

С 13 (26) февраля боковое охранение несли отряд Назарова (со стороны Дона) и юнкерский отряд (со стороны степи). Эти охранения были обстреляны у Манычской и Богаевской станиц местными казаками-фронтниками.

19 февраля (4 марта) в тумане, по грязи, в ссыхающихся от сырости сапогах, не имея хлеба, «Отряд вольных донских казаков»

широким фронтом двинулся в сторону Великокняжеской. Во время движения отряды Мамонтова, Чернушенко, Назарова перешли на правый берег Маныча.

Мамонтов по просьбе калмыков двинулся на станицу Платовскую, перед которой разбил местных красногвардейцев Никифорова, бежавших на Сал, в Большую Орловку.

В бою 21 февраля (6 марта) с отрядами Никифорова и Думенко у хутора Шара-Булак отличился кадет Дмитрий Процыков (1904 г. рождения), который «под ружейным огнем красных на своей спине перенес несколько малышей, боявшихся идти по мосту, залитому водой»²⁵². Но большая часть малышей идти по мосту, залитому водой, не побоялась, а затем, промокнув до костей, приняла участие в атаке на Шара-Булак. «Многие из них тащили свои винтовки за ремень по земле, до того была она для них велика и тяжела. Настоящую атаку вела офицерская сотня на флангах»²⁵³. После боя генерал Попов отправил всех детей-кадетов «в последний резерв» для охраны обозов и госпиталей.

В Платовской были расстреляны 8 человек «по требованию местного калмыцкого населения»²⁵⁴.

Чернушенко и Назаров выходили на Сал к слободам Орловка и Мартыновка, где тоже имели бой с местной Красной гвардией.

24 февраля (9 марта) партизаны начали бой за Казенный Мост — переправу через Маныч, которую защищал красногвардейский отряд станицы Великокняжеской. Это был первый серьезный бой без базы, без тыла, без резервов. Поражение в таком бою грозило гибелью всему отряду. Однако Попов, как мы помним, разделил силы, около 500 человек двинулись в сторону от места будущего столкновения — на Платовскую. Видимо, партизаны учитывали, что противник невелик числом и плохо обучен. А кроме того, присоединение к отряду казаков-калмыков хотя бы одной станицы Платовской было для Попова важнее тактического успеха. Впрочем, тактически Попов и не проигрывал — от Платовской можно было свободно выйти во фланг и тыл большевиков, защищавших Казенный Мост.

Наступление вела 2-я пешая сотня семилетовцев под командованием есаула Пашкова. Непосредственно за мост дралась китайская полусотня (30—40 партизан). Партизанская батарея подавила артиллерию красных. Бой был решен атакой 2-й конной сотни семилетовцев под командованием есаула Зеленкова,

которая в конном строю проскочила мост и атаковала красных. Было захвачено 2 орудия (по другим данным — 1 негодное орудие) и 3 пулемета. Потери партизан составили 9 убитыми и 40 ранеными. Погиб командир сотни есаул Пашков (георгиевский кавалер, в Первую мировую войну служил в 29-м Донском полку).

В результате в ночь на 25 февраля (10 марта) большевики оставили Великокняжескую и ушли на Торговую.

25 февраля (10 марта) партизаны Попова без выстрела вступили в Великокняжескую. Как отмечал Ряснянский, настроение у них было бодрое, «снова появилась вера в победу»²⁵⁵. 26 февраля (11 марта) туда же из Платовской пришел отряд Мамонтова. В окружной станице было захвачено 6 орудий, боеприпасы, много военного имущества. Отсюда обратно к Корнилову были посланы Ряснянский и Нефедов.

В станице Платовской генерал И.Д. Попов стал формировать калмыцкие сотни. Началось брожение в других калмыцких станицах. Группа казачьих офицеров во главе с полковником Мангатовым сформировала отряд в Денисовской. Но по дороге в Великокняжескую 2 (15) марта группа нарвалась на красный бронепоезд, потеряла убитым Мангатова, рассеялась и стала пробираться к партизанам поодиночке.

Опираясь на Великокняжескую, партизаны начали набеги на хутора, лежащие возле железной дороги к северу от станицы. В Великокняжеской отряд пополнился на 200 человек. Это были местные учащиеся. Станичный сбор партизан не поддержал, опасаясь мести со стороны Красной гвардии.

27 февраля (12 марта) со стороны Царицына показался красный бронепоезд и несколько эшелонов с красногвардейцами. У станции Ельмут назаровцы и семилетовцы завязали с ними бой. На следующий день, когда бой разгорелся не на шутку и временами переходил в рукопашные схватки, были получены сведения, что такой же красный бронепоезд подходит с другой стороны, от Торговой.

Силы, подошедшие от Царицына, вряд ли были велики. Еще меньше сил противника можно было ждать от Торговой — там собирали отряд против Корнилова, чтоб отправить его южнее — на Тихорецкую и Екатеринодар. Тем не менее походный атаман отдал приказ отходить на восток, в район Восточных конезаводств, поближе к ставропольской и астраханской границам.

Отходя, партизаны взорвали пути к югу от Великокняжеской.

К 4 (17) марта партизаны верст на 60—80 углубились в степь и расположились на конезаводских зимовниках, контролируя территорию верст 40 в диаметре. Здесь планировалось переждать казачий «нейтралитет», обучить молодежь военному делу и постоянно тревожить противника набегами, напоминать ему и всему казачеству о себе.

Но большевики не нуждались в напоминаниях. 5 (18) марта были попытки завязать переговоры с партизанами со стороны «вождя революционных казаков» Н. Голубова, который как раз в это время арестовал в станице Денисовской казачьего идеолога М.П. Богаевского. От переговоров с Голубовым партизаны уклонились.

Красногвардейские части, подошедшие со стороны Царицына (4000 штыков, 36 пулеметов, 32 орудия), пока стояли на станции Двойная и в станице Орловской. Они вели переформировку, готовились оставить вагоны и идти в степи. Их командующий, казак орловской станицы Губарев, мобилизовал 4 переписи казаков Сальского округа — 1500 шашек, — чтобы создать необходимую для такого похода конницу. К счастью, начальником штаба конной части был назначен подбесаул Сметанин (впоследствии перешедший к белым), который затянул муштровку мобилизованных на две недели.

Одновременно с севера к району расположения партизан стали подтягиваться красногвардейские отряды из местных крестьянских слобод силою до 3000 бойцов под командованием Кулакова. Эти были настроены более решительно, чем голубовские или местные сальские казаки.

Против них партизаны применили тактику упреждающих набегов, стараясь бить их на подходе. Всего за неделю партизанская конница совершила 9 набегов на ближние и дальние хутора, где только появлялись красногвардейские отряды. Один из набегов, названный «карательной экспедицией», был в ночь с 7 на 8 (20 на 21) марта на станицу Великокняжескую, где красногвардейцы стали расстреливать казаков, заподозренных в сочувствии партизанам. В результате набега партизаны разогнали местную Красную гвардию, освободили арестованных и вернулись, потеряв 3 легкораненых и пригнав 20 пленных.

Все это время партизаны получали пополнения. В основном это были восставшие против большевиков калмыки. 5 (18) марта подошли две сотни с восточной части Сальского округа. 10 (23) марта две сотни калмыков (хорунжего Боринова и хорунжего Барманджинова) из станицы Платовской привел генерал И.Д. Попов. В тот же день²⁵⁶ две сотни калмыков привел из станицы Граббевской ходивший туда в набег отряд хорунжего Ф.Д. Назарова.²⁵⁷ В «Отряде вольных донских казаков» калмыцкие сотни (620 шашек) получили номера 1, 2, 3, 4.

С приходом калмыцких сотен разрасталась партизанская конница. Кроме того, в конезаводствах были взяты лошади, предназначенные для сдачи Войску. «...Десятки лиц на свои средства приобретали лошадей, переходя в конные части»²⁵⁸.

С 10 (23) марта обозначилась новая опасность. На юге и востоке, на границе Астраханской и Ставропольской губерний, царицынские красновардейцы под командованием Тулака подняли местных крестьян во всех селах на 200—300 верст от границы и стали концентрироваться в селе Ремонтное Ставропольской губернии. 12 (25) марта Тулак начал наступление на зимовники, где находились партизаны. Три дня шли бои. Вяло наступавших красновардейцев остановили. 15 (28) марта выпал снег и лежал до 20 марта (2 апреля).

15 (28) марта Попов произвел перегруппировку отрядов и 16 (29) пытался нанести контрудар. Но в это время с запада, со стороны Великокняжеской, показалась красная казачья конница Голубова. И хотя у голубовцев господствовал настрой «по возможности избегать братоубийства», это был серьезный противник. Сами партизаны считали, что у Голубова два конных казачьих полка полного состава.

Этот день стал одним из самых тяжелых в истории Степного похода. Оказавшись меж двух огней, часть офицеров заговорила о необходимости прорываться на соединение с Корниловым или даже распылить отряд. Хорунжий Назаров с отрядом был готов отделиться и действовать на свой страх и риск. Попов вынужден был собрать «совещание начальников отрядов и их помощников и общественных деятелей». Были высказаны предложения пробиваться в Персию, Польшу, Румынию, на Кубань на соединение с Корниловым, распылиться отрядами или даже мелкими группами... Ссылаясь на данные разведки о настрое-

ниях казачества в округах, Попов настаивал оставаться на месте, обещал, что «поход близится к концу» и «скоро партизаны потребуются Дону».

Действительно, в тот же день прибыли представители от ставропольских и астраханских крестьян из отряда Тулака разведать возможность мирного соглашения с «кадетами». 17 (30) марта представители Попова, в свою очередь, начали переговоры с красновардейцами, а 18 (31) марта к Попову явились гонцы от станицы Граббевской с просьбой о помощи против красновардейцев. Кроме того, начиная с 17 (30) марта, к Попову стали прибывать разведчики с донесениями о готовности казаков в округах восстать против большевиков. 19 марта (1 апреля) отряд Назарова направился в Граббевскую и привел оттуда еще две сотни калмыков. Все это было расценено Поповым как открытый переход донских калмыков на сторону партизан.

В тот же день, 19 марта (1 апреля), отряд Семилетова, стремясь предотвратить готовящееся наступление Тулака, пошел в очередной набег в южном направлении, который вылился в жестокий бой, стоивший партизанам 200 убитых и раненых. Это был знаменитый «бой у Курячьей балки», в ходе которого партизаны, участвовавшие в нем, потеряли 70 % состава и оставили раненых на поле боя. В пулеметной команде семилетовцев, состоявшей из семинаристов («Иисусовых пулеметчиков»), из 25 человек осталось 6²⁵⁹.

Учитывая обстановку, Попов на военном совете 20 марта (2 апреля) на зимовнике Королькова под огнем красной артиллерии заявил: «Наше сидение в степях кончилось. Наступил момент выполнения нашей основной задачи, и для этого нам нужно двигаться к Дону, то есть в пределы Войска, к станицам». Было принято пока секретное решение идти на север, к Дону. Пока же, чтобы сбить большевиков с толку, партизаны двинулись на восток, в дальний угол Донской области. Очевидец вспоминал: «На зимовнике Трубникова, за отсутствием достаточно количества помещений, партизаны расположились под открытым небом. Была прекрасная весенняя погода, и расположение партизан представляло красивое, незабываемое зрелище или табора цыган, или полчищ татар, остановившихся на привале. Только отрядные значки, развевавшиеся при легком степном ветре в разных местах расположения, да русский национальный

флаг, обозначавший штаб походного атамана, напоминали о том, что здесь расположился "Отряд вольных донских казаков". Партизаны с оживлением обсуждали вопросы — почему их всех собрали в одном месте и куда их отведут отсюда? Начальники на эти вопросы молчали и только давали понять, что "сидение в степях" кончено»²⁶⁰.

К этому времени разложившиеся под влиянием переговоров с «кадетами» астраханские и ставропольские крестьяне разошлись по своим селам. Граница Ставрополя и Дона была открыта, и большевики стали стягивать силы сюда, чтобы прикрыть от партизан Астраханскую и Ставропольскую губернии.

22 марта (4 апреля) в отряд вернулась делегация, уезжавшая 17 (30) марта на переговоры с красногвардейцами, а с ней делегация из штаба Тулака, которая предложила партизанам сложить оружие и выдать начальников.

Попов прервал переговоры. Представителей крестьян он приказал отпустить, а «комиссаров-коммунистов» — повесить.

В ночь на 23 марта (5 апреля), бросив лишние грузы и прикрывшись юнкерским отрядом, партизаны числом около 3000 человек устремились на север, ведомые проводниками-калыками.

Движение было начато очень кстати. Именно в это время «царицынские» части и мобилизованные сальские казаки — «Ударная южная колонна» — двинулись от железной дороги через Быстрианский — зимовник Михайликовых, Королькова и Нехаевых на Граббевскую, где должны были соединиться с местными крестьянскими дружинами.

24 марта (96 апреля), дойдя до хутора Хуторского, партизаны свернули резко на запад и заняли станицу Граббевскую.

На заре 25 марта (7 апреля) они двинулись дальше на север, на станицу Бурульскую. В этот день казаки Голубова и красногвардейцы Тулака наконец догнали партизан. Боковое охранение — отряд Назарова — вело бой у хутора Мокрый Гашун, а арьергард под командованием Семилетова с боем после контакта ушел из Граббевской.

Большевики продолжали преследование, и у переправы через реку Гашун партизаны оставили сводный отряд Мамонтова, который тоже выдержал сильный бой, прикрывая отход основных сил.

В Бурульской к Попову присоединилась местная калмыцкая сотня — 150 всадников. Авангард партизан, пройдя Бурульскую, двинулся на Эркетинскую.

26 марта (8 апреля) главные силы партизан направились в Эркетинскую, арьергард вел бой у Бурульской²⁶¹. На полпути к Эркетинской Попов получил сообщение, что против большевиков восстали казаки 2-го Донского округа и заняли окружную станицу. Новый окружной атаман полковник Расстегаев просил Попова о помощи...²⁶².

Позже стало известно, что восстание вспыхнуло 18 (31) марта в станице Суворовской. На другой день восставшие захватили окружную станицу Нижне-Чирскую, освободили там Расстегаева и объявили его окружным атаманом. Чуть позже — 24 марта (6 апреля) — вспыхнуло восстание в Баклановской, на реке Цимле.

Восстаниям, по свидетельству очевидцев, предшествовало столкновение в станице Цимлянской. Там местная красногвардейская дружина растратила станичную казну себе на жалование, после чего наложила на станицу контрибуцию. Станичный сбор принял постановление распустить дружину. 70 красногвардейцев, забрав остатки станичной казны, стали уходить на станцию Ремонтная. Спасая станичные деньги, казаки поднялись по сполоху. Войсковой старшина Иван Егорович Голицын объявил о начале восстания. Были посланы гонцы в Терновскую, Кумшатскую, Филипповскую и Верхне-Курмоярскую станицы. По поводу уходившей красной дружины повстанцы приняли решение: «Нагнать, деньги отобрать, наказать»²⁶³.

Вслед за красногвардейцами была выслана повстанческая разведка во главе с сотником Григорием Чапчиковым, к ней присоединилась полусотня из станицы Ефремовской и другие «желающие». Преследуемых догнали быстро. С ними вели переговоры, которые прерывались стрельбой из-под белого флага. В двух верстах от железной дороги путь красногвардейцам преградил отряд хутора Садков Баклановской станицы во главе с вахмистром Ефремом Поповым. Повстанцев теперь собралось 150 человек. Переменяя переговоры с натиском, они оттеснили красногвардейцев в низину и там порубили. После этого восстание стало распространяться по станицам 1-го и 2-го Донских округов.

В станице Суворовской 24 марта (6 апреля) выбитый из Нижне-Чирской Временный окружной совет 2-го Донского округа (идя навстречу «пожеланиям трудящихся», восставшие параллельно с атаманской властью организовали свою версию «советской») создал Военный совет: Бородаенко, Ананьев, полковник Донсков, войсковой старшина Протопопов, ротмистр Никулин. Командующим войсками был избран полковник Морозов, начальником штаба — есаул Посохин. Станичными отрядами командовали: отрядом Суворовской станицы — хорунжий Алимов, Есауловской — есаул Киреев, Нижне-Чирской — есаул Требушенков. Начальником артиллерии повстанцев был подесаул Ретивов, начальником пулеметной команды — поручик Писаренко, начальником команды связи — подесаул Сутулов. Штаб — мельница Попова.

Повстанцы Баклановской станицы под командованием полковника Бородина и есаула Андрианова 26 марта (8 апреля) вышли на связь с партизанами полковника Чернушенко.

С повстанцами Суворовской станицы прямого контакта пока не было.

С этого момента борьба для партизан вступила в качественно новую фазу. Теперь они были не одни на Дону. Цель похода была близка к осуществлению. Казаки наконец восстали, и Попов вел им командные кадры — донских казачьих офицеров и юнкеров.

Партизаны к этому времени потеряли 81 человека убитыми и умершими от ран и 211 ранеными, примерно пятую часть первоначальной численности отряда, но пополнились восставшими калмыками и выросли численно примерно вдвое. Теперь они стремились к Дону, к восставшим казачьим станицам.

Бои с преследователями не закончились. 27 и 28 марта (9—10 апреля) партизаны выдержали тяжелый бой, переправляясь почти без всяких средств через Сал у станицы Андреевской. Арьергардные калмыцкие сотни после контратаки перебирались через разлившийся Сал вплавь.

Большевики наседали, сосредоточив, по сведениям партизан, до 6 тысяч человек (из них два конных казачьих полка). При желании они могли раздавить партизанский арьергард, но особо в бой не рвались. Среди мобилизованных красных казаков офицеры вели агитацию, «что кадеты бегут, и воевать не надо»²⁶⁴.

После того как последние партизаны вплавь переправились через Сал, «красные отошли в Эркетинскую и... исчезли»²⁶⁵. Астраханские и ставропольские красновардейцы, видимо, не хотели идти в глубь Донской области. А Голубова в этот период в Сальских степях не было — видя и зная, что власть большевиков на Дону зашаталась, он предпочитал быть в Новочеркасске, поближе к «большой политике», а не месить весеннюю грязь по степному бездорожью. «Революционные» казаки, мобилизованные им по дороге в Сальский округ и царицынскими большевиками в самом округе, тоже боевым задором не отличались. Командовавший красными мобилизованными казаками подесаул Сметанин двинулся параллельно партизанам вниз по левому берегу Сала. В приказе он говорил, что идет отрезать партизан от Дона, но на самом деле «придерживал» свой отряд, давал партизанам время уйти за Дон²⁶⁶.

29 марта (11 апреля) в хуторе Королеве (15 верст к северу от Андреевской) Попов совещался с полковником Бородиным и есаулом Андриановым, вождями местных повстанцев. Они просили Попова ударить всеми силами на Котельниково, где, по их уверениям, можно было захватить 6 орудий и много другого оружия. Попов же стремился выйти к Дону и переправиться на правый берег²⁶⁷.

Партизаны вступили в район восстания. Но, вопреки ожиданиям, у казаков еще сильны были антиофицерские настроения. С приближением отряда походного атамана, состоявшего в большинстве из офицеров и юнкеров, среди восставших начались митинги, «дружины таяли не по дням, а по часам»²⁶⁸. К 31 марта (13 апреля) они почти полностью разбрелись. Более того, выйдя к Дону, некоторые партизаны из отряда Попова тоже ушли по своим станицам. Однако походный атаман получил обнадеживающие сведения из других округов. 1 (14) апреля отряд Попова начал переправу через Дон у хутора Кривого в станицу Нижне-Курмоярскую. «Казаки встречали походного атамана и весь отряд с хлебом-солью... — вспоминал партизан-калмык. — Мы были грязные, завшивелые, ведь ни разу не раздевались. Нас нельзя было бы пускать в человеческое жилье»²⁶⁹.

2 (15) апреля был отдан приказ о расформировании «Отряда вольных донских казаков». Его составные части должны были

стать костяком для формирования казачьих войск в других округах, которые, как сообщала разведка, готовы были восстать или уже начали восстание.

Красные, упустив партизан, отошли на станцию Ремонтная, где сразу же начались «торжества, пьянство и самодемобилизация на полевые работы»²⁷⁰. С востока, таким образом, для партизан угроза была минимальной.

С этого времени центр событий переместился в низовья Дона, где восставшие казаки и офицеры объявили себя «Донской армией».

Вот документ о составе «Отряда вольных донских казаков»:

«Начальник — генерал-майор П.Х. Попов.

Адъютант — полковник Кучеров. Ординарцы — войсковой старшина Н.И. Тарарин, войсковой старшина Розов.

Начальник штаба — полковник В.И. Сидорин.

Помощник начальника штаба и начальник оперативного отделения — есаул Сутулов. Казначей отряда — есаул М.И. Тарарин. Начальник хозяйственной части — есаул Платонов. Начальник службы связи — полковник Кудинов. Начальник разведывательного и контрразведывательного отдела (начальник следственной комиссии) — генерал Жерве.

Комендант отряда — полковник К.К. Мамонтов. Всего 31 человек, 1 пулемет.

Особое отделение штаба Ростовского военного округа под началом инженера Д.М. Афанасьева.

Чиновник для особых поручений — А.П. Падалкин.

16 секретных сотрудников (хорунжий Калмыков, вахмистр Иванов, есаул Холмский, прапорщик Куркусов и др.).

Артиллерийское управление — начальник Донской артиллерии генерал Астахов.

Адъютант управления — есаул Е.А. Федоров. Всего 36 человек, 1 пулемет.

В обозе артиллерийского управления (на начало похода) — 200 артиллерийских снарядов, 500 тысяч ружейных патронов, 1000 ручных гранат, 5 пулеметов, 500 винтовок.

Отряд полковника Э.Ф. Семилетова (во время переформирования в хуторе Арпачин в состав отряда Семилетова вошли отряды войскового старшины Мартынова, сотника Хоперского и остатки Новочеркасской дружины).

Помощник командира отряда — полковник Лысенко (командует пешими сотнями).

Помощник командира отряда — войсковой старшина Ленивов (командует конными сотнями).

1-я конная сотня — подъесаул Галдин.

2-я конная сотня — подъесаул Зеленков.

1-я пешая сотня — капитан Балихин (убит у Александровска-Грушевского), войсковой старшина Ретивов (по другим данным — Петр Макарович Губкин).

2-я пешая сотня — есаул Пашков (убит у Казенного Моста), есаул Тацын.²⁷¹

3-я пешая сотня — войсковой старшина Мартынов.

Пулеметная команда — подъесаул Кундрюков.

Батарея — капитан Щукин.

Обоз — капитан Виноградов.

Комендант (начальник комендантской команды) — есаул -А.В. Губарев.

Всего — 701 человек, 13 пулеметов, 2 орудия.

Отряд хорунжего Ф.Д. Назарова.

Помощник командира — подъесаул Григорий Никифорович Сухаревский.

1-я конная сотня.

2-я конная сотня.

Пулеметная команда — сотник Жидков.

Околодок.

Всего — 252 человека, 5 пулеметов.

Отряд полковника К.К. Мамонтова.

Помощник командира отряда — полковник Шабанов.

1-я пешая сотня.

2-я пешая сотня.

Смешанный отряд полковника Яковлева.

«Детский» отряд полковника Хорошилова.

Всего — 205 человек, 4 пулемета.

Юнкерский конный отряд есаула Н.П. Слюсарева.
Помощник командира отряда — есаул В.С. Крюков.
Всего — 96 человек, 3 пулемета.

Атаманский конный отряд полковника Г.Д. Каргальского.
Заместитель командира отряда — войсковой старшина Хрипунов.

Всего — 92 человека, 3 пулемета.

Конно-офицерский отряд полковника Чернушенко.
Заместитель командира отряда — есаул Дубовсков.
Всего — 85 человек, 3 пулемета.

Штаб-офицерская дружина генерала Базавова.²⁷²
Заместитель командира дружины — полковник Ляхов.
Пеший ученический отряд есаула Боброва — 48 человек (после вступления в Великокняжескую — в отряде Семилетова).
Всего — 116 человек, 2 пулемета.

Офицерская боевая конная дружина войскового старшины Гнилорыбова.

Всего — 106 человек, 3 пулемета.

Инженерная сотня генерала Модлера (с 5 марта 1918 г. — полковника Макеева).

Всего — 36 человек, 1 пулемет, 1 полевая радиостанция.

1-я отдельная батарея есаула Неживова (Терентия Трифоновича).

Всего — 38 человек, 2 орудия, 2 пулемета «Льюис».

2-я отдельная батарея есаула Кузнецова (Евгения Антоновича).

Всего — 22 человека, 1 орудие, 1 пулемет «Льюис».

Калмыцкие сотни генерала И.Д. Попова²⁷³ (затем — полковника Слюсарева).

1-я сотня — полковник Д.Л. Абраменков

2-я сотня — войсковой старшина Кострюков.

3-я сотня — подьесаул П.М. Аврамов.

4-я сотня — сотник Яманов.

Всего — 620 человек, 4 пулемета.

Отрядный обоз — есаул Платонов.

Походный госпиталь — 21 человек (без сестер милосердия).

Калмыцкая группа членов Войскового Круга и духовенства — 22 человека.

Группа общественных деятелей — 18 человек.

Всего нестроевая часть — 251 человек.

Пока донские партизаны совершали Степной поход, их собратья, ушедшие с «добровольцами», дрались на Кубани. Легендарный 1-й Кубанский (Ледовый) поход Добровольческой армии не является предметом данного исследования. Однако, поскольку большая часть уцелевших донских партизан, сражавшихся в рядах Партизанского полка Добровольческой армии, впоследствии вернулась в ряды Донской армии, некоторые моменты этого похода (особенно бои Партизанского полка) необходимо отметить.

Вступившие в Партизанский полк «отряды стали именоваться сотнями» — 1-я сотня Краснянского, 2-я сотня — Лазарева, 3-я сотня — Чернецова. «...По вступлении в пределы Кубанской области полк стал быстро пополняться кубанскими казаками — преимущественно бывшими пластунами»²⁷⁴.

Особо тяжелым был бой за Выселки 3 (16) марта, где «добровольцев» встретил переброшенный из Ростова на поездах Стрелковый полк 4-й кавалерийской дивизии.

Партизаны получили приказ наступать от хутора Журавского. Время наступления — 4 утра. В 2 часа командиры начали шепотом будить бойцов, но пока добудились, пока выступили, пока дошли, стало светло.

Партизаны двинулись на красные окопы без выстрела. Справа — чернецовцы, слева — сотня Краснянского. Красные открыли огонь из окопов, а во фланг от паровой мельницы ударил пулемет. Краснянский был смертельно ранен²⁷⁵, есаул Влазов — убит. Партизаны залегли в открытом поле, начали перестрелку, но встающее солнце слепило им глаза. Чернецовцы поднялись в атаку и заняли окопы, но были выбиты. С левого

фланга ударил еще один пулемет красных и прижал партизан к земле.

Подошел резерв — сотня Лазарева. Но и этих сил было недостаточно.

Затем с тыла в боевые порядки партизан вошел Офицерский полк Маркова, во фланг красным вышли корниловцы. Отряд Лазарева, бывший на левом фланге партизан Краснянского, вместе с марковцами бросился вперед. Лазарев первым ворвался в селение. В схватке были ранены Лазарев и Курочкин.

С мельницы после боя стянули двух «австро-венгров», пулеметчиков, «главных виновников больших потерь». Чернецовцы потеряли 11 убитыми и около 40 ранеными²⁷⁶. Всего в бою партизаны потеряли 80 человек, из них 33 убитыми (другие «добровольцы» потеряли троих). Особенно поредел строй чернецовцев, потерявших почти половину состава. Но легкораненые скоро вернулись в строй. Краснянского заменил Писарев.

В бою под Кореновской 4 (17) марта Партизанский полк был в арьергарде. Опасаясь окружения, Богаевский просил помощи. Корнилов выслал ему отделение пехоты и 5 кавалеристов. Богаевский повторил просьбу. Корнилов ответил: «Не узнаю сегодня Африкана Петровича! Ведь я ему уже послал поддержку из двух родов оружия...»²⁷⁷.

Следующий тяжелый бой был за Филипповские хутора — партизаны прикрывали форсирование реки перед станицей Калужской. Казанович вспоминал: «Я видел, как ген. Богаевский, стоя открыто верхом под огнем большевиков, переправлял своих партизан на крупах лошадей через вздувшуюся горную речку»²⁷⁸. И снова пострадали чернецовцы. Из 200 человек в строю остались 6 во главе с сотником М.Т. Поповым.

В середине марта, после соединения с отрядом Кубанских правительственных войск, в состав Партизанского полка был влит батальон Кубанского стрелкового полка, ставший 2-м батальоном. Три сотни донских партизан составили 1-й батальон капитана Курочкина. Богаевский получил в командование бригаду. Партизанский полк — 800 штыков — принял Б. Казанович.

Бои продолжались. Так было под Калужской, Григорьевской, Смоленской, Георгео-Афипской. Особо тяжелым для партизан был бой за Екатеринодар.

Утром 27 марта (9 апреля) партизаны из станицы Елисаветинской двинулись на помощь Корниловскому полку, который был атакован красными со стороны Екатеринодара. «Партизаны густыми цепями в три линии, под прикрытием пулеметного и редкого артиллерийского огня, без выстрела двинулись в атаку по обе стороны большой дороги из Елисаветинской в Екатеринодар»²⁷⁹. Казанович направил главный удар на кирпичный завод, занял его, и красные стали быстро уходить в Екатеринодар. Явный успех был достигнут на глазах у всех, и у добровольческого командования возникла мысль брать Екатеринодар силами корниловцев и партизан, не дожидаясь подхода марковцев.

В 2 часа ночи 28 марта (10 апреля) бригада Богаевского (Корниловский и Партизанский полки) получила приказ атаковать город: партизаны — западную часть Екатеринодара, корниловцы — вокзал. В резерве должен был идти пластунский батальон Улагая.

Партизаны утром двинулись: 2-й батальон на ферму, правее большой дороги; одна сотня 1-го батальона левее (севернее) дороги; две сотни 1-го батальона — в резерве.

Корниловцы запаздывали, и Казанович решил брать ферму и хутора в одиночку.

В полдень красные контратаковали и стали обходить левый фланг партизан, партизаны отбились, но командир 2-й сотни Лазарев был ранен двумя пулями. Новым натиском красные заняли ферму. Командир 2-го батальона Партизанского полка погиб. На помощь подоспели пластуны Улагая. Ферму отбили, но Улагай был ранен (впоследствии на этой ферме был убит Корнилов).

Казанович объединил пластунов и 2-й батальон партизанского полка под командованием полковника Писарева и приказал тому наступать на предместье — кожевенный и кирпичный заводы. Туда же был послан батальон Кубанского полка.

Подошли наконец корниловцы, но развернулись в затылок 1-му батальону партизан, и при наступлении корниловские и партизанские цепи смешались.

Писарев занял предместье и остановился у артиллерийских казарм.

Казанович в этот день был ранен в плечо.

Партизанский полк заночевал под Екатеринодаром: 1-й батальон в степи у кургана, 2-й — у ручья перед артиллерийскими казармами.

Утром 29 марта (11 апреля) 2-й батальон Партизанского полка неудачно атаковал артиллерийские казармы. Писарев был ранен в ногу. 2-й батальон, имея в строю 150 человек, был смещен Офицерским полком генерала Маркова и отошел левее, к 1-му батальону и корниловцам.

Общая атака была назначена на 5 часов дня. Партизаны и корниловцы должны были прорваться к городскому кладбищу. На помощь корниловцам подошли две сотни казаков Елисаветинской станицы.

На правом фланге генерал Марков с Офицерским полком после артподготовки в 7 снарядов взял артиллерийские казармы. Настала очередь корниловцев и партизан. Корниловцы дошли до ручья и там, в овраге, потеряли командира полка Неженцева. Партизаны — 2-й батальон и 2-я сотня 1-го батальона — при поддержке елисаветинских казаков сбили красных, ворвались на Ярморочную улицу и дошли до Сенной площади. Здесь Казанович занял оборону и стал ждать поддержки. Поддержки не было. Сотник Хоперский, посланный на связь, никого не нашел. Впоследствии выяснилось, что из-за смерти Неженцева и командира 1-го батальона Партизанского полка Курочкина атака Казановича не была поддержана.

Казанович с отрядом в 250 человек и трофейными снарядами решил возвращаться и благополучно вышел из города. Один из партизан вспоминал, что «бродили» по городу в течение нескольких часов «и вернулись сквозь красные цепи, да еще и привезли с собой подводу со снарядами»²⁸⁰. Из 800 человек в полку осталось 300. Вечером 30 марта (12 апреля) партизаны оставались в резерве.

31 марта (13 апреля) погиб Корнилов, части были обескровлены (у корниловцев в строю осталось 65 штыков), и армия стала выходить из боя.

Чтобы прикрыть отход, с левого фланга, из «Садов», в атаку на железнодорожный вокзал, где стояли два красных бронепоезда, была брошена конница. «Для спасения пехоты конница должна была пожертвовать собой», — считал один из очевидцев. В атаке участвовал конный Баклановский отряд. «Отряд был

донской и состоял из офицеров и донской учащейся молодежи»²⁸¹. Баклановцы со своим черным значком были на правом фланге, левее развернулся Кубанский гвардейский дивизион (в составе этого дивизиона был взвод донских лейб-казаков), еще левее — кубанская офицерская сотня. Но если раньше Красная гвардия представляла собой «вооруженный сброд, впадающий сразу в панику при виде атакующей конницы», то теперь «добровольцев» встретили части, прибывшие с Кавказского фронта, «и с дистанции прямого прицела мы были встречены правильными залпами пехотного огня», — вспоминал участник боя²⁸². Две шеренги кубанских пластунов действовали по уставу. Первая шеренга стреляла с колена, вторая — стоя.

Четверо конных кубанцев прорвались сквозь ряды пластунов, и даже вернулись к своим.²⁸³ Донцам повезло меньше. Лейб-казаки вместе с другими гвардейцами влетели в болото перед насыпью железной дороги и за несколько секунд потеряли четверть личного состава и три четверти лошадей. Были убиты есаул Я.Ф. Рыковский и подъесаул Н.П. Плеве. Всего в атаке «добровольцы» потеряли убитыми 32 офицера и откатились.

Партизанский полк двинулся к «Садам», где большевики теснили «добровольческую» кавалерию. Красная конница наступала в пешем строю и была остановлена партизанами.

Вечером по армии был отдан приказ отступать.

В ночь с 2 на 3 (15—16) апреля конница получила приказ разобрать по сумкам кубанскую казну — возчики бежали.²⁸⁴ От Дядьковской до Журавской донская конница шла в авангарде Добровольческой армии. Партизаны — в арьергарде. Когда в Дядьковской Добровольческая армия оставила своих раненых, партизанский полк так не сделал. В полку был перевязочный отряд, доставшийся в наследство от первого Чернецовского отряда, и донцы своих раненых вывезли.

19 апреля (2 мая) «добровольцы» вышли к границам Дона.

В Первом кубанском походе донцы потеряли 60 % убитыми. Потери были в основном у пеших партизан²⁸⁵. Старых чернецовцев сохранилось не больше трех десятков²⁸⁶. Всего Добровольческая армия потеряла во время своего похода около 400 убитых и 1500 раненых²⁸⁷.

Как видим, потери партизан, понесенные в 1-м Кубанском походе, несопоставимы с потерями Степного похода.

Раздел II ЗАРОЖДЕНИЕ

Глава 8 ПОБЕДА ВОССТАНИЯ

На Дону период с февраля по май 1918 года, период первого установления советской власти, преобразований, охарактеризованных впоследствии в советской историографии как «демократические» и «социалистические», отмечен изменением отношения различных слоев казачества к Советам и большевикам.

Впоследствии, в июне 1920 года, на Донской областной конференции РКП(б) большевиками отмечалось: «Короткий период советской власти в 1918 г. наша организация представляла из себя слабую группу, которая не могла руководить событиями, а плелась на поводу стихии, и только революционная стихия выручала нас...»²⁸⁸.

Экономический и культурный центр региона — Ростов-на-Дону — содрогался под напором разрушительной стихии. Видный большевик А.С. Бубнов 7 апреля 1918 г. заявил на собрании Ростовско-Нахичеванской организации большевиков, что «пролетариат стоит перед опасностью быть задавленным люмпен-пролетарским, босяцким, хулиганским элементом»²⁸⁹.

Процветали различные «секретные службы». «Всякое „демократическое правительство“ начинало с контрразведки», — отмечал А.И. Деникин²⁹⁰. Ростов-на-Дону не был исключением. «Разведка левых социалистов-революционеров во главе с Калабуховым шпионила всюду и везде. Разведка Украинской Рады и разведка большевиков не отставала тоже»²⁹¹.

Власти не существовало. «Власть как таковая находилась в руках любого вооруженного, взявшего себе право казнить и миловать по своему усмотрению»²⁹².

Белогвардейский агент сообщал впоследствии: «Наши разведчики имели доступ всюду... Начиная от милицеских участков и кончая наркомом, разведка имела свои глаза и уши...»²⁹³.

Тем не менее пронизавшие все советские структуры белые шпионы не предотвратили (да, видимо, и не стремились) массовых репрессий и зверств, павших на «классового врага» и просто мирных жителей.

И все же эти ростовские «страсти» мало трогали казачество. Более глубокий и страшный конфликт вызрел к тому времени. «Крестьянству с его земельным голодом приходится обращать взоры не на помещичью землю (ее здесь сравнительно мало), а на казачью», — сообщали большевики с Дона²⁹⁴.

Донские офицеры в своих мемуарах отмечали, что «со второй половины февраля месяца в станицах и хуторах началось пассивное сопротивление советской власти»²⁹⁵. Как результат, начинается сближение казаков и спрятавшихся по глухим углам офицеров, медленно гаснут антиофицерские настроения. С.В. Денисов, активный участник тех событий, вспоминал: «Словом, казаки ждали и искали руководителей, лица, чувствовавшие в себе силы быть руководителями ... казаков, — искали сами себе работу, не выявляя своего лица»²⁹⁶.

В станицах вблизи Ростова и Новочеркасска проживали (правда «весьма скромно») донские генералы — Краснов, Черячукин. «Казачья власть на местах, в это время, почти не подверглась изменению по своему существу.

Выборные станичные атаманы (за немногим исключением) остались на своих местах. Прибавился Станичный комитет (Совет), в составе которого можно было видеть даже и офицеров.

Советы обороны главным образом были в руках у офицеров.

Такой аппарат власти на местах пока, по-видимому, удовлетворял советские круги, но он, конечно, еще более удовлетворял тех будущих руководителей, которые подготавливали восстание казаков», — вспоминал генерал Денисов²⁹⁷.

Впрочем, мирилась с такой ситуацией новая власть из-за недостатка сил. Казакам большевики не верили. «Казаки, что ветер майский, три раза в день меняются», — говорили красновардейцы²⁹⁸.

С наступлением весны противоречия в сельской местности обострились. «Кое-где начинается насильственный захват

земель», — отмечала советская пресса, описывая обстановку на Дону.²⁹⁹ Основная масса казачества, как и обычно, сначала колебалась. Когда крестьяне пытались делить землю, не дожидаясь решения земельного вопроса в законодательном порядке, казаки даже апеллировали к местной власти³⁰⁰.

На севере области казаки болезненно реагировали даже на захват крестьянами помещичьих земель. Но дальше было хуже. «Иногороднее пришлое крестьянство приступило к обработке... войсковой запасной земли и излишков земли в юртах богатых южных станиц»³⁰¹. Крестьяне, арендовавшие землю у казаков, «перестали платить арендную плату»³⁰². Власть вместо того, чтобы сгладить противоречия, взяла курс на борьбу с «кулацкими элементами казачества»³⁰³.

В связи с тем, что иногородние крестьяне перестали платить за аренду земли и стали пользоваться ею безвозмездно, практически без средств к существованию оказалась часть казачьей бедноты, которая жила за счет сдачи земли в аренду.

Приступая к захвату земли, крестьяне справедливо опасались казаков и, пользуясь присутствием Красной гвардии, попытались предварительно разоружить опасные для них казачьи хутора и станицы и запугать казаков. В соответствии с уровнем политической культуры средством запугивания стал террор. Казак Усть-Белокалитвенской станицы И.В. Пятибратов вспоминал, что «по снегу еще» в их хутор Свиначев вошли «хохлы» слободы Головой, забрали 11 человек и расстреляли (из этих 11 трое были иногородними). «Потом объясняли, что убили за своих — за побитый отрядик красногвардейцев, который еще с осени собрали на станции Грачи. 11 человек — это только у нас, а таких расстрелянных и сожженных хуторов до двух десятков было только в нашей станице»³⁰⁴.

Казаки по соседству с крестьянскими слободами стали вооружаться и объединяться. Как писали сами казаки, «организация войск по обороне станицы Егорлыкской [началась] с 1-х чисел марта»³⁰⁵.

Ситуация стала взрывоопасной. 18 февраля (3 марта) на митинге в Новочеркаске, в театре, была зачитана перехваченная телеграмма Мамонтова с призывом восстать, в ответ «революционные» казаки гарнизона кричали «ура»³⁰⁶.

Первое зафиксированной вооруженное столкновение с советской властью произошло 8 (21) марта 1918 года — казаки станицы Луганской отбили 34 арестованных офицера, которых из

Каменской везли в Луганское ЧК³⁰⁷. Но сил у казаков пока не хватало, и когда красные послали карательную экспедицию против Луганской станицы, казаки выдали освобожденных ими офицеров. Из 34-х бежал лишь один, который смог добраться до отряда П.Х. Попова.

Еще раньше якобы был создан своеобразный казачий отряд самообороны в станице Гундоровской. К 1 (14) марта здесь собралась группа вооруженных казаков во главе с хорунжим М.А. Сухаревым и стала рассылать воззвания по хуторам о необходимости защиты станицы. Об этом сразу же стало известно на близлежащих рудниках, и оттуда был послан карательный отряд в 60 человек в Гундоровскую. В полночь на 1 (14) марта казаки запустили этот отряд в станицу и «заклучили под стражу». Через два дня попытка красных с рудников повторилась, и снова гундоровцы часть «переловили», а остальных «отогнали восвояси». «Так весь март прошел в столкновении мелких красных отрядов с казаками»³⁰⁸. Однако, сообщая об этих событиях, очевидцы не говорят ни об одном убитом. Видимо, отрезанная от остальной территории Войска большевистски настроенной Каменской небольшая станица Гундоровская пыталась пока бескровно отбиваться от насаждения чуждой власти.

Но там, где сил у казаков было достаточно, ситуация складывалась по-другому. 10(23) марта в Новочеркаске председатель исполкома Медведев и Совет пяти решили начать новую кампанию по ликвидации офицеров и объявили их регистрацию. Казаки 6-го пешего батальона, 10-го Донского и частично 27-го Донского полков и вся артиллерия голубовского отряда, которые, кстати сказать, скрывали в своих рядах многих офицеров и партизан, потребовали прекратить регистрацию. Поскольку власти медлили с ответом, казаки навели на здание исполкома заряженные орудия. Наиболее одиозные фигуры из числа новочеркасских большевиков вообще покинули город. Отныне власть в Новочеркаске трудно было назвать «советской».

В конце марта восстания вспыхивают в целом ряде станиц. 9 (22) марта выгнала большевиков станица Хомутовская. 13 (26) марта казаки станицы Грушевской устраивают налет на окружную станицу Каменскую, захватывают склад оружия и с добычей возвращаются в Грушевскую. 18 (31) марта, как мы помним, восстала Суворовская.

В первых числах апреля большевики направляют карателей в задонские станицы Черкасского округа — Егорлыкскую, Кавказскую, Хомутовскую, но казаки этих станиц при помощи казаков Манычской и Богаевской станиц разбили посланных против них красногвардейцев.

24 марта (6 апреля), освобождая захваченных большевиками партизан, восстает Баклановская станица. В это же время начинаются волнения в Новочеркасске.

Увидев, что власть большевиков в Новочеркасске уже не та, Голубов попытался взять ее в свои руки и думал привлечь к своей аванюре захваченного им в сальских степях и содержащегося на новочеркасской гауптвахте М.П. Богаевского.

Богаевский выступал перед казаками гарнизона с многочисленными докладами. Говорил о казачьей истории, о проблемах казачества. Лучшей агитации нельзя было себе представить.

Поскольку новочеркасский гарнизон состоял из «революционных» казачьих частей, которые сохранили своих урядников и офицеров, и одного полка Красной гвардии — Титовского, Голубов фактически был хозяином положения в городе.

Представители с оветской власти, опиравшиеся на Ростов, не доверяли ни Голубову, ни казакам новочеркасского гарнизона, ни всему населению Новочеркасска, они попытались «избавиться» от беспокойного войскового старшины, отправить его подальше от донской станицы.

25 марта (7 апреля) Голубов был назначен «командующим всеми вооруженными силами Сальского округа»³⁰⁹ и должен был отбыть в степи бороться с партизанами. Узнав о назначении, Голубов пошел ва-банк и сделал попытку провести мобилизацию казаков вокруг Новочеркасска. 26 марта (8 апреля) в Старочеркасскую станицу прибыл «называющий себя делегатом от Новочеркасского гарнизона некий Седов. И начал призывать 4-го года казаков, открыто говоря, что для борьбы с советской властью, и за что он, Седов, местной буржуазией был встречен дружелюбно»³¹⁰.

Ростовские власти немедленно отреагировали. 27 марта (9 апреля) в Новочеркасск были посланы дополнительные силы красногвардейцев. Очевидцы видели, как конные матросы — авангард карательного отряда — вступали в Новочеркасск, их поддерживали бронеавтомобили, а Голубов с группой в 30 человек отходил, отстреливаясь, в сторону собора.

В здании реального училища собрались 15 бывших партизан, скрывавшихся в 6-м Донском пешем батальоне, они устроили перестрелку с Красной гвардией (7 убитых красногвардейцев остались на Арсенальной площади), но бежали вслед за голубовцами из города.

Голубов и командующий казачьими частями новочеркасского гарнизона Смирнов направились из города в ближайшую станицу Кривянскую. Посланные за ними в погоню 20 матросов потребовали у кривянцев выдать Голубова и всех офицеров, а также уплатить контрибуцию за укрывательство. Казаки разоружили и прогнали матросов и собрали Круг, который принял решение о восстании.

Голубов в это время, миновав станицу Кривянскую, прискакал в станицу Богаевскую, где тоже формировался казачий отряд. Атаман станицы просил его сойти с коня и поговорить. Голубов на свою беду согласился. Разговор затянулся до ночи, и в ходе его Голубов был арестован. Инициатором ареста выступили несколько студентов, уроженцев станицы. Особо настаивал Федор Пухляков.

Ночь Голубов провел в здании станичного правления. А наутро собрался станичный сбор. Голубова вывели на крыльцо...

Свидетельства очевидцев позволяют нам восстановить эту картину до деталей.

«....Пухляков с револьвером в руке стал у него за спиной и прислонился к двери. Ему надо было упереться во что-то спиной, чтобы не метаться, не бегать вокруг Голубова.

— Вчера вы так и не ответили на наши вопросы, Голубов. Вот люди хотят знать...

Пухляков говорил, повышая голос, чтобы перекрыть гул толпы. И толпа смолкла, все стали слушать.

— Почему был убит Чернецов и почему преследовались партизаны?

Все молча жадно смотрели на Голубова. Оружия не было видно, но это еще ничего не значило. Станица собралась на суд и расправу. Захотят — и так убьют. Затопчут.

Надо было переломить настроение. Голубов шагнул вперед и рывком, раскрытой ладонью к толпе, поднял правую руку.

— Товарищи!..

Крики взметнулись и перебили его.

— Какие тебе тут «товарищи»?

— Но-но! Ты не заговаривайся...

— Большевик! ...

“Ч-черт! Врюхался... Не так надо”. Кровь еще гуще прилила к лицу. Он куснул нижнюю губу, сверкнул глазами и, перекрывая гул недовольства, рявкнул.

— Станичники!

Шум угас, как оборванный, лишь немногие, говорившие и слышавшие только себя, продолжали что-то плести, но все тише... тише... Смолкли и они, со страхом и любопытством уставившись на багрового, сверкавшего глазами Голубова.

— Ну, ты не дюже, Голубов... — начал кто-то из задних рядов.

Он и сам понял, что на глотку не взять. Опустил глаза и, сознательно глуша голос, чтобы вслушивались, заговорил.

— Станичники! В смерти Чернецова я не виноват. Я арестовал его, чтобы спасти, но не мог сдержать страсть казаков...

Гул недовольства опять заглушил его слова. “Арестовал! Арестовал! Ах, ты ж собака! ...” — ясно расслышал Голубов. “Не об этом надо...”.

— В оправдание мое, что я не виноват, я укажу на тот факт, что я спасал его партизан на своих подводах и на свои средства триста верст от преследования Красной гвардии...

Слова эти не могли переломить настроения казаков, но Пухляков, ревниво следивший за каждым словом Голубова, громко и вразяжку заговорил подрагивающим, готовым сорваться голосом.

— Господин Голубов, это странно: там спасаете чернецовских партизан, а в Сальском округе почему-то гоняетесь за партизанами Попова.

Он показывал, что Голубов лжет и давал толпе разоблачить эту ложь. “Это странно...”. А дальше думайте сами, станичники.

Голубов оглянулся на него, переживая одобрительный гул толпы. Он знал, ясно видел, что казаки не любят и побаиваются этого пучеглазого с револьвером в руке, как не любят и побаиваются заразных больных. Надо было усилить это настроение толпы. Польстить ей, объявить ее высшим судом и на ее глазах устроить состязание с этим бесноватым.

— Дайте оправдаться, — громко, с вызовом сказал Голубов Пухлякову и широким жестом показал на толпу. С ней он будет говорить, на ее великодушие и справедливый суд надеется...

— Душегуб! ... — крикнул кто-то, ломая голубовскую игру.

Он затравленно повел взглядом: кто крикнул?

— Почему вы, несмотря на обещание, шли против Каледина, его правительства и против интересов казачества? — кричал за спиной Пухляков. И Голубов вдруг почувствовал, как что-то твердое больно ткнулось ему в затылок и скользнуло по отросшим жестким волосам. Это был ствол пухляковского револьвера. И взгляд заботливо выхватил из толпы дрогнувшее лицо одного из бежавших с ним, Голубовым, казаков, его руку, ползущую по цевью винтовки. “Помахай им, помахай, — зло и радостно подумал Голубов. — Сосунок...”. Он снова обернулся к Пухлякову. Револьвер дрожал в руке студента, и это странно успокоило Голубова.

— Против Каледина и всего казачества я в корне не шел, — медленно и раздельно, глядя прямо в выпученные глаза, заговорил он. — Но в мелких деталях не был с ним согласен, — и, окинув гордым взглядом толпу, добавил: — Как и вы все.

“Мелкие детали”, спасительные “мелкие детали”... Хоть бы кто-нибудь спросил о них! Развернулся бы Николай Голубов. “Ну?” — искал он взглядом глаза богаевцев. Подыграйте!..

— А семеро расстрелянных? Назаров, Волошинов?.. Где они?! — выкрикнул Пухляков. — Семеро!.. Расстрелянных!..

Горячий пот облил Голубова. Щекочущая капля покатилась по шершавой небритой щеке.

— Изменник! Предатель! — кричала толпа.

— Дайте оправдаться...

Пухляков актерским, просящим тишины жестом взмахнул над головой револьвером.

— Их расстреляли по вашему приказу, Голубов! ...

“Пропал...”. Это была обычная, явная всем, тяжеловесная ложь. И все знают это, но используют как повод для расправы, показывают, что поверили, а потом оправдываются: «Нас обманули...».

— Ах, как тяжело, — тихо пробормотал Голубов.

Волна ненависти к этому придурку, этому сумасшедшему, который губит его, Голубова, наплыла, туманя глаза, загудела в

голове. Приятной тяжестью налились руки. Как всегда в таких случаях, он тяжело и пристально глянул на противника, чтоб разить наверняка.

Перед ним и толпой с пеной у рта кривлялся дождавшийся своего часа больной, из тех, кого никому не жалко и кого выдвигают от имени общества исполнять самую гнусную работу — в палачи, в доносчики. «Да нет, не буду я об этого жабенка руки марать...».

Он отвернулся от Пухлякова, и сам жест был брезглив, полон презрения.

— Вы грозили правительству, что у вас шестнадцать тысяч штыков... — визгливо кричал за спиной студент. — Как вы могли, Голубов? ...

Голубов не отвечал.

С внезапной тоской он вспомнил чьи-то слова, что Дон погубят дураки.

— Еще будучи членом военного отдела... Вы, Голубов... На меня смотри! ... Ты... Ты... — вдруг потерял остатки самообладания Пухляков.

Он ткнул дулом револьвера в темный затылок Голубова и неожиданно для самого себя спустил курок.

Все разом вздрогнули. Кровь брызнула, заливая правую сторону лица Голубова. Он стал падать, запрокидываясь назад, прямо на Пухлякова. Тот, перепуганный, оттолкнул его.

Голубов грузно упал на грудь, и голова его стала поворачиваться в сторону Пухлякова. Удивление и негодование застыли в остекленевших глазах. Судорога терзала толстую багровую шею. Подергиваясь, она доворачивала крупную голову, и взгляд мертвеца медленно, толчками плыл ближе и ближе, подбираясь к сапогам убийцы.

Пухляков вскрикнул, попятился и выстрелил Голубову в левое ухо...

Оцепеневшая было толпа завопила.

— Добей его! Добей!

Бледный Пухляков дрожащей рукой еще раз поднял револьвер и выстрелил в висок лежащему.

Толпа с шумом придвинулась. Все с любопытством разглядывали Пухлякова, будто впервые увидели его, и с таким же или еще большим любопытством разглядывали Голубова.

Он лежал на ступеньках. Голова его раздулась, и кровь фонтаном била из всех шести отверстий...»³¹¹.

Это был не первый и далеко не последний труп, далеко не последняя жертва Гражданской войны, которая как раз в этот момент полыхнула на Дону с новой силой.

В тот же день 29 марта (11 апреля) в станицу пришла депеша: «27 марта вечером Красная гвардия вошла в Новочеркасск. Режет и убивает мирных жителей. Станица Кривянская восстала. Начальником отряда избран Фетисов, помощником Говоров. Мобилизуйте 20 годов...».

Близлежащие станицы — Манычская, Бессергеновская, Мелеховская, Богаевская, Заплавская, Раздорская — прислали в Кривянскую свои дружины (дружины, видимо, были по численности равны сотням), которые устроили общий сбор на станичном плацу, а Кривянская сотня организовала охранение³¹².

Повстанцами был организован штаб. Начальником штаба с 29 марта по 4 апреля (11 — 17 апреля) являлся перешедший от красных подполковник Г.С. Рытиков. Штаб принял решение перейти в наступление на Новочеркасск.

30 марта (12 апреля) большевики выдвинули против Кривянской броневик при поддержке 30 кавалеристов. Броневику был захвачен, кавалеристы перебиты, но казачьи дружины на всякий случай были оттянуты восточнее, в станицу Заплавскую, откуда на Новочеркасск вели два пути — через Кривянскую, с востока, и через пригород Хотунок, с севера.

31 марта (13 апреля) красногвардейцы из Новочеркасска (1 тысяча штыков и эскадрон кавалерии с пулеметами) повели наступление на Кривянскую. Разгорелся бой. Исход его решила Раздорская сотня, которая ударила по большевикам с тыла.

Преследуя разбитого противника, Раздорская сотня и Кривянская дружина заняли Хотунок. Остальные части повстанцев под командованием войскового старшины М.А. Фетисова заняли Новочеркасский вокзал, разоружили там эшелон пехоты и повели наступление на город. На рассвете 1 (14) апреля повстанцы заняли Новочеркасск. Генерал К.С. Поляков, увидевший части повстанцев в это время, отметил, что они шли без деления на сотни и взводы. Часть имела винтовки, часть — колья со штыками.

В Новочеркасске у красных был отбит аэроплан, при помощи которого повстанцы оповестили южные станицы о восстании.

Началось формирование донской артиллерии. Из захваченных орудий подьесаул Яков Иванович Афанасьев сформировал 1 (14) апреля 2-орудийную батарею. Старшим офицером стал подьесаул Максим Константинович Бугураев, наводчиками — полковник Алексей Васильевич Павленко и подьесаул Павел Прохорович Жаров. Номерами были подьесаулы и сотники, 1 полковник (Краснушкин), вскоре получивший полк, 1 юнкер и 1 гимназист, всего 12 человек. Начальники назначались по мере прихода в Управление донской артиллерии³¹³.

Дружины, взявшие город, были названы Южным корпусом, и штаб их сформирован по образцу штаба корпуса.

Начались переговоры повстанцев с 7, 10 и 27-м Донскими полками, составлявшими казачий гарнизон Новочеркасска. Им предложили присоединиться. 10-й и 27-й полки отказались под предлогом, что пойдут поднимать восстание в Донецком округе. Им предложили по дороге овладеть городом Александрогрушевском. Они согласились, но позже просто обошли город.

В день занятия Новочеркасска повстанческие дружины, развивая успех, стали выдвигаться в сторону Ростова, на юго-запад, и в сторону Александрогрушевска, на север. В связи с этим Южный корпус 2 (15) апреля был разделен на две группы — Южную и Северную.

Вечером 1 (14) апреля верхи повстанцев, собравшиеся в Зимнем театре, организовали высший повстанческий орган власти — Совет обороны. Его возглавил бывший войсковой есаул Г.П. Янов. Из документов явствует, что в Совет обороны вошли представители повстанческих сотен — преимущественно урядники и рядовые казаки³¹⁴, так как сильны были еще антиофицерские настроения.

Те же тенденции были сильны в воинских частях — в Южной группе, наступавшей на Нахичевань и Ростов, командующим был урядник, а начальником штаба у него — полковник.

2—3 (15—16) апреля восставшие казаки вели бои в двух направлениях — под Ростовом и под Каменоломнями. Ростовским большевистским властям они предъявили требование освободить М.П. Богаевского, которого большевики сразу же расстреляли.

Силы пока были явно неравны. Руководили большевистскими войсками такие же казачьи офицеры — прапорщик Кривошлыков при начальнике оперативного отдела сотнике Дорошewe. Большевики потом говорили, что Кривошлыков пять дней воевал, имея 40 тысяч штыков и 3 вагона патронов³¹⁵.

Среди повстанцев, как и в любой повстанческой армии, царили оборонческие настроения, желание не уходить далеко от родных дворов, а оборона Новочеркасска после его освобождения считалась личным делом местных новочеркасских казаков.

Перелом в боях наступил 3 (16) апреля. Отряд Грушевской станицы (к северо-западу от Новочеркасска) под давлением Красной гвардии, наступавшей от Александрогрушевска, оставил позиции. В 16 часов большевики заняли Грушевскую.

С утра 4 (17) апреля красные атаковали Новочеркасска. «С 10 часов утра окраины города начали уже обстреливаться артиллерией противника, и в городе началась неописуемая паника», — вспоминал генерал Денисов³¹⁶.

Повстанцы из Новочеркасска отошли восточнее, на станицу Кривяньскую (откуда, собственно, и началось восстание). Прикрывал отступление вновь назначенный начальник штаба полковник С.В. Денисов, который задержался на вокзале, а затем с группой в 300 казаков отошел на западную окраину Кривяньской.

Сам Денисов прибыл в Новочеркасска 2 (15) апреля «по делам службы». До этого он был «начальником обороны» станицы Богаевской. Приняв в 10 утра 4 (17) апреля пост начальника штаба, он получил «портфель, оказавшийся пустым, и затрепанную карту ближайших окрестностей Новочеркасска»³¹⁷.

Денисов вспоминал, что на вокзале «большое мужество было проявлено чинами полицейской стражи во главе с их шефом генерал-майором Смирновым. Только эти чины отстреливались, а не убегали...»³¹⁸.

Офицерская батарея Афанасьева выступила на позиции, но была обстреляна и, не приняв боя, стала уходить на Заплавскую.

Южная группа, сражавшаяся под станицей Александровской, оказалась зажатой меж Ростовом и Новочеркасском и частью прорвалась через Новочеркасска, частью рассеялась. Со стороны Ростова в Новочеркасска первыми вступили «Червонные казаки» — «отряд ЦИК Украины»³¹⁹. В 17 часов в Ростове получили

известие, что Новочеркасск занят, и началось «усиленное изъятие контрреволюционеров»³²⁰.

На утро 4 (17) апреля в Кривянской собрались остатки дружин станиц Кривянской, Заплавской, Бессергеновской, Богаевской. Тогда же, 4 (17) апреля, в 10 часов командование ушедшими в Кривянскую казаками принял генерал К.С. Поляков³²¹. Все имевшиеся в наличии повстанческие силы были названы «казачьей армией», а затем объявлены «Донской армией»...

Поляков принял решение отходить на Заплавскую, а затем, если возникнет необходимость, вверх по Дону на Мелеховскую и по древнему обычаю отсидеться на островах, которые возникли в результате весеннего разлива рек Дон и Аксай, реорганизоваться там и дожидаться помощи от Добровольческой армии. На организованное сопротивление выбитые из Новочеркасска казаки пока были неспособны. Они представляли собой «горсть в 3—4 тыс. человек, в образе плохо вооруженной толпы»³²².

Отступление проходило с боем. 6 (19) апреля большевистское командование сообщало, что 5 (18) апреля в 9 часов вечера с боем занята станица Кривянская, бой шел с 8 утра до 10 вечера. Станица сильно пострадала от артиллерийского огня. «Корниловские отряды бежали, оставив много военной добычи»³²³.

Отступив на острова у станицы Заплавской, Донская армия начала реорганизацию.

Реорганизации способствовало массовое разрозненное казачье восстание, отвлекавшее внимание большевиков, а препятствовало общее падение дисциплины, присущее всякому революционному времени. С.В. Денисов вспоминал: «Все было расхлябано, опошлено и исковеркано. Генералы забыли свое старшинство и право авторитета. Офицеры не отказывались от службы, но начальниками быть не хотели, а охотнее шли в цепь рядовыми стрелками. О погонах и знаках отличия думать пока не приходилось. О чинопочитании — забыть. Слова “приказываю”, “наказываю” временно исключить из обихода»³²⁴.

Тем не менее за 3—4 дня Поляков и Денисов развернули нестройные толпы в пешие и конные полки и батареи. Выборное начало было отменено, благо резерв офицеров оказался велик — 500—600 человек, из них 100—150 — неказаки. В качестве знаков различия введены нашивки с названием полка. Проводилась вечерняя переключка.

К этому времени в состав Донской армии входили следующие части.

Пехота — Новочеркасский полк — 700 штыков.

Кривянский полк — 1000 штыков.

Заплавский полк — 900 штыков.

Бессергеновский полк — 800 штыков.

Богаевский полк — 900 штыков.

Мелеховский полк — 500 штыков.

Раздорский полк — 200 штыков.

6-й пеший батальон — 160 штыков.

Сводные сотни Аксайской, Ольгинской и Грушевской станиц — 60 штыков.

Всего — 5220 штыков.

Конница — 7-й Донской казачий полк — 700 шашек.

Сводный полк — 400 шашек.

Всего — 1100 шашек.

Артиллерия — 6 орудий (исправных — 4), запряжки на 2 орудия.

Пулеметы — 30 (трофейные, распределены по полкам неравномерно).

Технические средства — легковых автомобилей — 2.

Грузовой автомобиль — 1 (неисправный).

Велосипеды — 4.

Провод — 3 версты.

Телефонных аппаратов — 6 (неисправных).

Телеграфных аппаратов — 2.

Патроны — 3 на винтовку.

Снаряды — 5 на орудие³²⁵.

Война приобрела самый жестокий характер. Парламентеров, считая их агитаторами, повстанческое командование вешало. «Живо встает перед глазами ужасная бытовая картина, но обыкновенная картина войны, — это когда у приказной избы, у станичного дома Заплавской станицы, казаки своими руками, не допуская своих мужей, расправляются с пленными, доставлен-

ными с позиции, терзают и разрывают их живьем на части, — вспоминал генерал Денисов. — Соппротивление этому и противодействие со стороны власти были бы совершенно излишними, и даже вредными»³²⁶.

8 (21) апреля Титовский полк красных атаковал расположение повстанцев, но был отбит, потеряв до сотни убитых и самого командира полка. Повстанцами в бою командовал генерал Е.И. Балабин. Эта победа воодушевила восставших казаков. В этот же день Совет обороны объявил себя Временным донским правительством — высшей властью на Дону.

Новая донская власть была составлена из представителей повстанческих частей. Сохранились мандаты выбранных членов Временного донского правительства. От Кривянской станицы были выбраны урядник Василий Митрофанович Чеботарев и урядник Дмитрий Яковлевич Альбаков; от Заплавской конной сотни — урядник Даниил Иванович Анохин; от конной сотни Бессергеевской станицы — Стефан Евграфович Чеботарев; от отряда Мелеховской станицы — казаки Ипполит Федорович Апришкин, Григорий Денисович Лукьянов, Николай Васильевич Осипов. Кроме того, в правительство входили казаки Иван Петрович Мотовилин, Иван Иванович Гусев, казак Наумов, урядник Мартынов и другие.

Отряд походного атамана П.Х. Попова узнал о взятии повстанцами Новочеркасска 3 (16) апреля и на следующий день вечером выступил из Нижне-Курмоярской вниз по Дону в сторону донской столицы, однако в пути узнал об оставлении города повстанцами, об отходе к Заплавам и начале «сидения».

Несмотря на известия о создании Временного донского правительства и Донской армии, походный атаман продолжал считать себя верховной властью на Дону (законным заместителем расстрелянного большевиками атамана А.М. Назарова). Он брал под свое командование восстающих повсеместно казаков, разрабатывал план создания постоянной армии из молодых казаков и вел переговоры о созыве нового Круга, как высшей власти на Дону. 5 (18) апреля в Нижне-Курмоярской решение о созыве Круга было принято, и он впервые был назван «Кругом спасения Дона».

8 (21) апреля, заняв окружной центр 1-го Донского округа станицу Константиновскую, Попов обратился к казачьему населению Дона со специальным приказом: «Приказ Войску Донскому 8 апреля №136 станица Константиновская.

Граждане казаки — деды, отцы, дети, жены и матери!

Банды красногвардейцев вместе с пленными австрийцами и немцами, с бывшими каторжниками, убийцами и ворами проникли под флагом свободы на берега Тихого мирного Дона...

Потоками льется казачья кровь...».

Далее Попов живописал ужасы, творимые на Дону Красной гвардией, и возлагал вину за все бедствия на центральную советскую власть: «...Станица Кривянская горит, Совет народных комиссаров не останавливает этот поток разграбления и насилия, и помощи от них мы не найдем».

В приказе Попов призывал стать в ряды формирующихся частей, предупреждал, что будет мобилизация, а пока рекомендовал совершать набеги на железную дорогу «для порчи и разрушения ее» и чтобы «разобщить их (красногвардейские) отряды друг от друга», а «виновных расстреливать, помня, что они насиловали наших жен, расстреливали и расстреливают наших братьев казаков...

Помните, что мы, казаки, никого не грабили, ни в какие чужие области и губернии не залазили, почему не должно быть места и у нас бандам насильников-красногвардейцев, — вон из нашего края или смерть.

Походный Атаман Войска Донского генерал-майор Попов. Начальник штаба полковник Сидорин»³²⁷.

10(23) апреля 1918 года Временное донское правительство послало к генералу Попову делегацию во главе с председателем правительства Г.П. Яновым. В делегацию входили член правительства Горчуков и генерального штаба подполковник И.А. Поляков. Обе «высокие стороны» встретились «весьма холодно»³²⁸, так как в отряде Попова в основном была представлена донская служилая верхушка — офицеры и юнкера, то есть кадровые военные, а во Временное донское правительство, как мы видели, вошли урядники и рядовые казаки с достаточно еще сильными антиофицерскими настроениями.

Но интересы борьбы с большевиками возобладали над внутренними противоречиями. 11 (24) апреля Временное донское правительство «для пользы дела и успешности борьбы» передало высшее командование и полноту военной власти генералу Попову, сохранив за собой до созыва Круга спасения Дона всю полноту Гражданской власти³²⁹.

Передав Попову полноту военной власти во время военных действий, Временное донское правительство фактически подчинилось ему. И хотя генерал Попов был «не популярен»³³⁰ и между ним и командованием «Заплавской группы» сохранились неприязненные отношения, восставшие пошли на это, так как массовой поддержки казаков все еще не имели (из всех донских станиц лишь 10 открыто присоединились к восстанию)³³¹.

12 (25) апреля Донскую армию возглавил сам генерал П.Х. Попов. Генерал К.С. Поляков, оставив войска в Заплавах на попечение генерала Балабина, отбыл к Попову в Раздорскую.

К этому моменту силы восставших были представлены следующим образом. Отряды Мамонтова, Гнилорыбова и Каргальского с 2 орудиями были объединены в экспедиционный отряд под командой Мамонтова и 4 (17) апреля двинулись во 2-й Донской округ на станицу Нижне-Чирскую.

Отряд Назарова и штаб-офицерская дружина — расформированы, а остальные отряды влиты в семилетовский отряд.³³² Одна калмыцкая сотня оставалась в качестве конвоя при штабе походного атамана, еще одна калмыцкая сотня осталась в качестве конвоя при командующем войсками 1-го Донского округа, которым был назначен генерал И.Д. Попов. Остальные калмыцкие сотни были сведены в станице Константиновской в Калмыцкий полк войскового старшины Н.В. Суворова (полк состоял из трех сотен казаков Платовской и Граббевской станиц, позже была создана 4-я сотня из казаков Батлаевской станицы).

В Константиновской к походному атаману Попову присоединился местный отряд есаула Димитриева и сводный конный полк есаула Климова, созданный путем слияния остатков 2-го и 9-го Донских полков старой армии (6 сотен, 20 пулеметов). Костяк сводного полка составлял 9-й полк, а 2-й был распущен «за большевизм», остались лишь надежные казаки.

Кроме того, вместе с П.Х. Поповым вниз по Дону ушло какое-то количество казаков-повстанцев из района Баклановской станицы под командованием есаула Ф.Е. Перфильева.

Все эти отряды примерно с 8 (21) апреля были сведены в Северную группу под командованием полковника Семилетова (отряды Семилетова и Яковлева, юнкерский отряд, константиновский отряд Димитриева, сводный конный полк Климова и Калмыцкий полк) — всего около 3200 бойцов. Начальником

штаба к Семилетову был послан из генерального штаба Заплав подполковник Манакин. Штаб группы расположился в Раздорской.

Повстанцы, расположившиеся в районе Заплавской, составили Южную группу под командованием полковника Денисова (Новочеркасский, Кривянский, Раздорский, Заплавский, Бессергеновский, Мелеховский и Богаевский пешие полки, 6-й пеший батальон и 7-й Донской полк старой армии, сводный конный полк Туроверова, составленный из конных сотен станичных полков) силою до 6,5 тысяч человек. Штаб в станице Заплавской.

Позже по мере мобилизации повстанцы Южной группы были разделены на три дивизии: 1-я Донская пехотная дивизия полковника Зубова — Новочеркасский, Кривянский, Грушевский, Аксайско-Старочеркасский пешие казачьи полки.

2-я Донская пехотная дивизия (отряд Толоконникова) — Заплавский пеший полк, Бессергеновский полк, Богаевский полк, Мелеховский полк.

3-я Донская пехотная дивизия (отряд Фицхелаурова) — Раздорский пеший полк, Кочетовский пеший полк, 1-й сводный полк.

Восставшие задонские станицы (левобережные) составили Задонскую группу под командованием генерала Семенова (дружины Егорлыцкой, Кагальницкой, Мечетинской и Хомутовской станиц) — силою примерно 3500 человек. Штаб в станице Егорлыкской. Большевики против них держали фронт по Манычу и по линии Мартыновка — Орловка. Дружины задонских станиц по численности равнялись полкам. Так, в станице Мечетинской еще до 6 (19) апреля был сформирован полк (3 пешие и 3 конные сотни, команда связи). На базе других станичных дружин тоже были сформированы полки. Позже в документах Донской армии встречаются: Егорлыкский пеший полк, Кагальницкий пеший полк, Кагальницкий конный полк, Кагальницко-Хомутовский полк.

Эти три группы были практически в оперативном подчинении походного атамана. Они уже втянулись в боевые действия. На них возлагалась вся тяжесть грядущих боев за столицу Дона.

С целью расширения районов восстания походный атаман еще 2 (15) апреля отдал приказ об общей мобилизации и о

создании районов обороны из 4—5 станиц, чтобы каждый район мог выставить отряд в 1200—1500 человек. В такие районы Попов назначал начальников обороны и слал офицерские кадры, иногда оставлял в качестве костяка отряд партизан. Такая группа во главе с полковником Антоновым была оставлена в Нижне-Курмоярской.

Изначально в станице было оставлено 28 человек, 1 калмыцкая сотня и 1 орудие — батарея есаула Евгения Антоновича Кузнецова (впоследствии 42-я Нижне-Курмоярская батарея). Возглавлял всю группу полковник Абраменков. Комендантом станицы был назначен прапорщик Микели, «человек бесчеловечной жестокости», едва не сорвавший мобилизацию³³³.

Не успели партизаны походного атамана покинуть Нижне-Курмоярскую, как она была обстреляна большевиками, подошедшими от Котельниково. Из 6 орудий выпустили по станице 300 снарядов. Одно из них было подбито ответным огнем орудия есаула Кузнецова.

Врагом курмоярцев сразу же стала настроенная большевистски станица Нагавская. Налет на нее 6—7 (19—20) апреля был неудачен.

Полковник Антонов прибыл в Нижне-Курмоярскую в конце апреля и принял сформированный Курмоярский отряд — 3 пеших сотни и 1 конный полк. 6 (19) мая курмоярцы захватили в Нагавской 1 орудие и 2 пулемета. Этим налетом «открывался новый — Котельниковский — фронт, где были обескровлены отряды Антонова, Секретева, Тапилина, Постовского, Р. Лазарева и др.»³³⁴.

Зоны стихийных казачьих восстаний тоже объявлялись районами обороны, а повстанческие вожди получали от Попова статус начальников обороны или командующих войсками района.

Так, 1 (14) апреля Попову стало известно о действиях в районе станицы Белокалитвенской отряда полковника Быкадоровова, а в районе станицы Екатерининской отряда войскового старшины Старикова и есаула Позднышева.

Вскоре, 6 (19) апреля, есаул Позднышев прибыл на связь к Попову в станицу Цимлянскую. В результате эти отряды были сведены в одну Донецкую группу, Быкадоров был назначен командующим войсками, а Стариков — начальником обороны

района. Донецкая группа силою в 5 тысяч человек (дружины Усть-Белокалитвенской, Ермаковской, Екатерининской, Усть-Быстрианской, Владимирской, Верхне-Кундрюченской и Нижне-Кундрюченской станиц) контролировала нижнее течение Дона.

Выше по реке, в районе станицы Гундоровской, действовали партизанский отряд есаула Сухоревского и отряд самообороны есаула Рытикова. Эти отряды были отрезаны от Донецкой группы войск и походного атамана железой дорогой и большевистским центром — станицей Каменской.

Возникли районы обороны на среднем течении Дона, в районе станицы Старогригорьевской, их начальниками стали подъесаул Колосков и сотник Седов, а отрядами казаков командовали хорунжий Фёдоров и прапорщик Маринин. Ниже по Дону в районе станиц Трехостровянской и Сиротинской начальником обороны стал войсковой старшина Иванов. Всего было создано около 10 районов обороны.

На Верхнем Дону, на Хопре и на Медведице тоже началось партизанское движение. В Хоперском округе отряд прапорщика Дудакова 31 марта (13 апреля) налетом занял окружную станицу Урюпинскую, но сразу же был выбит (правда, успел освободить из местной тюрьмы несколько офицеров, среди которых были талантливые генштабисты Онисим Иванович Савватеев и Клавдий Васильевич Моргунов). Участники боев за Урюпинскую вспоминали, что сам Дудаков с несколькими офицерами бежал на грузовике, груженном оружием, а отряду «был дан приказ расходиться». Отряд, состоявший в основном из офицеров, рассеялся. В Урюпинской всех участников выступления и подозрительных большевики согнали на скотобойный двор и там «правили суд». Как вспоминал один из офицеров, «на выручку пришли хуторные. Переодели нас в рабочее платье, и мы каждый со своим хозяином уехали в поле — кто пахать, кто сеять.

Так прожили мы до подхода восставших казаков»³³⁵. В районе станицы Зотовской уцелевшая часть дудаковского отряда 1 (14) апреля объединилась с отрядом есаула Сонины, объединенный Зотовско-Урюпинский отряд возглавил есаул Кривов (начальник штаба — есаул Моргунов). Сам Дудаков скрылся в станице Мигулинской и работал там в станичной кооперации заведующим яичным отделом под фамилией Сидоренко.

В Верхне-Донском округе пока было тихо, но Попов 5 (18) апреля получил сведения, что там в станице Мигулинской на 17 (30) апреля назначен станичный сбор, на котором готовится свержение советской власти.

Такой же сбор прошел 13 (26) апреля в единственной станице Таганрогского округа — Новониколаевской. Казаки объявили мобилизацию от 17 до 55 лет и начали формировать 4-сотенный полк. К вечеру 15 (28) апреля полк был сформирован.

С этими отрядами и районами обороны (за исключением Северной, Южной, Задонской и отчасти Донецкой групп) устойчивой связи не было.

Хуже была ситуация в оставленном Поповым Сальском округе. Антибольшевистские силы там остались, но связи с Поповым не имели. Красные на первый день Пасхи мобилизовали казаков 4-х переписей для отправки на Манычский фронт против Задонской группы (сбор на 3-й день Пасхи в станице Орловской). Собралось 1180 всадников, целый полк³³⁶. Мобилизованных усиленно обрабатывал офицер Сметанин. В хуторе Островянском готовил восстание отставной есаул Дукмасов (инвалид без ноги). Между Сметаниным и Дукмасовым была договоренность, что в случае выступления полка Сметанина к Дукмасову придет полусотня с офицером, начнет мобилизацию второго полка вдоль железной дороги Эльмут — Куберле и захватит Орловскую³³⁷.

Кроме того, на территории области находились казачьи части, пытающиеся держать нейтралитет. Это были бывшие «голубовские» казаки — 10, 27 и 2-й запасной Донские полки старой армии и мобилизованные казаки, ходившие с Голубовым в Сальский округ в погоню за партизанами Попова.

Во время боев за Новочеркасск 1 (14) апреля 10-й и 27-й полки обещали повстанцам поднять восстание в Донецком округе, на родине казаков этих полков. Но, двигаясь в округ, они заявили, что идут для роспуска по домам казаков старших возрастов и пополнения полков молодыми — 1910—1916 годов переписи³³⁸ — для продолжения службы советской власти. В конечном итоге остатки 27-го Донского полка были захвачены отрядом войскового старшины Старикова на хуторе Грушевском и разоружены, пленные отправлены в Екатерининскую. Голубовские казаки в Сальском округе (3 сотни), после того как стало

известно о судьбе Голубова, были разогнаны местными большевиками.

В глубине казачьих округов, где не ощущалось противоречий между казаками и неказаками, движение было вялым, малочисленным. Но вокруг городов, вдоль железных дорог или там, где казачьи станицы соседствовали с шахтерскими поселками, были случаи поголовных восстаний.

В первые дни восстания убитых казаков везли прямо по домам, что создавало соответствующий настрой всего населения. Станичные сборы в деталях фиксировали последствия нашего Красной гвардии. Вот два отрывка из «приговоров» Ермаковской станицы, «глухого угла», о том, как Якова Васильевича Потапова, «как ярого защитника Тихого Дона» арестовали, «на третий день вывели из дома на станцию, поставили к водокачке и расстреляли»³³⁹, или о том, как казака хутора Усть-Провальского Алексея Андреевича Герасимова 22 апреля (5 мая) мобилизовали в хуторскую дружину «для защиты Войска Донского», а 23 апреля (6 мая) он во время наступления «банд Красной гвардии на наш хутор был убит и укинута в пустой хлебный анбар и зажжен по доказательству беженцев и по возврату нашего бегства нашли в сожженном анбаре кабаржину и череп сожжен...»³⁴⁰.

Приняв под свое командование Донскую армию, походный атаман Попов всем ходом событий был поставлен перед необходимостью освобождения донской столицы — Новочеркасска. Для этого можно было использовать Северную группу Семилетова, занявшую позицию у хутора Мокрый Лог, и Южную группу Денисова, располагавшуюся в районе станиц Бессергевская — Кривянская. В резерве обеих групп были находившиеся в стадии формирования дружины станиц 1-го Донского округа.

Правый фланг Северной группы прикрывала Донецкая группа, действовавшая в сторону железнодорожной ветки Лихая — Белая Калитва. Левый фланг Южной группы прикрывала Задонская группа, перерезавшая железную дорогу Ростов — Торговая, вдоль которой лежали восставшие станицы, и действовавшая против ветки Ростов — Тихорецкая.

С юга к донским границам подходила Добровольческая армия, со стороны Украины — немцы.

Железная дорога на территории области оставалась в руках большевиков, что давало красногвардейским отрядам возможность быстро сосредотачиваться «в нужный момент в нужном месте».

Повторная атака Новочеркаска повстанцами вновь поставила бы их под удар с флангов — от Ростова и от Александро-Грушевска. А новая неудача при штурме донской столицы при существующих разногласиях между походным атаманом и Временным донским правительством могла кончиться печально для всего движения. Поэтому походный атаман решил сначала нанести удар на Александро-Грушевск силами наиболее надежной Северной группы. Из Южной группы Семилетову были переданы Раздорский, Богаевский и Мелеховский полки, а из Донецкой — Верхне-Кундрюченская и Нижне-Кундрюченская дружины. С этими силами Семилетов 15 (28) апреля начал атаку Александро-Грушевска.

Удачно начатое наступление было сорвано тем, что Мелеховский полк бросил фронт и ушел к себе в станицу³⁴¹, за ним оставили боевую линию Раздорский и Богаевский полки. В результате семилетовские партизаны были обойдены с левого фланга и понесли большие потери. Штурм города на этот раз не удался.

Примерно в это время некоторые казаки Южной группы и станиц 1-го Донского округа замитинговали, начали переговоры с большевиками. Причина отчасти была в антиофицерских настроениях, которые вспыхнули у казаков с появлением партизан походного атамана.

12 (25) апреля такие переговоры начались в Бессергеновской, 13 (26) апреля командующий группой полковник Денисов согласился собрать части бессергеновского гарнизона для «собеседования и освещения текущих событий»³⁴², то есть на митинг.

Но в тот же день из Раздорской вниз по Дону на пароходе был двинут карательный отряд, «дабы силой оружия прекратить вредную пропаганду и заставить заблуждающихся в настоящий тяжелый момент стать на защиту родного края. Объявляя это, походный атаман приказал предупредить, что всякое уклонение или держание нейтралитета будет беспощадно караться вооруженной силой»³⁴³.

Наведение порядка на время привело к тому, что Южная группа, как докладывал Денисов, «стала совершенно небоеспособна». Начали разлагаться Бессергеновский и Заплавский полки, потеряла боеспособность конница.

Успокоение наступило лишь 19 апреля (2 мая), некоторые дружины были разоружены, некоторые — «усмирены и приведены в порядок».

Перелом произошел раньше, когда 18 апреля (1 мая) большевики из Новочеркаска атаковали Южную группу. Опомнившиеся казаки приняли атаку и, перейдя в контрнаступление, разгромили красногвардейцев.

С.В. Денисов вспоминал, что наступление большевиков ждали. К 8 утра показались цепи противника и обходная колонна (пехота и 2 батареи) в обход правого фланга казаков. Эта колонна заняла фланговую позицию на буграх и открыла огонь по казачьим цепям и по их тылам, поддерживая наступление с фронта.

Затем с фронта подошли и обогнали залегшую красную пехоту четыре грузовика, «замаскированных под броню». Казаки действительно приняли их за броневики и стали отходить, отстреливаясь. «Автомобили врезались в нашу авангардную цепь и открыли безрезультатный огонь по жидкой казачьей цепи.

Бой принял беспорядочный и затяжной характер», — вспоминал Денисов.

Казаки устояли, и автомобили «удалились под ружейным огнем казаков».

Командующий Южной группой, руководивший боем, привел в порядок свои части и подтянул артиллерию ближе. Наготове был конный резерв для решающего удара.

Перестрелка между залегшими цепями продолжалась.

К 4 часам обходная колонна красных двинулась вперед. «Подготовленные уже части для конной атаки зарвавшихся против нашего правого фланга частей противника получили окончательную, определенную задачу и, перекрестившись, двинулись выполнять ее.

Полчаса томительного ожидания вознаграждены были полным успехом...»³⁴⁴.

Конная сводная сотня подьесаула Сафронова решила дело. Было захвачено 8 орудий, до 5000 снарядов и около 200 000 патронов, более 50 лошадей, 4 автомобиля.

Красные откатились к железной дороге.

Современники отмечали, что у красных в этом бою ударной силой был Титовский полк, а со стороны казаков выдержал удар и разгромил красных Кривянский полк полковника Н.Г. Зубова.

В тот же день Северная группа вновь атаковала Александро-Грушевск и снова неудачно. Опять левый фланг (Новочеркасский и Раздорский полки, прибывшие из Южной группы) стал отходить, не выдержав огня красной артиллерии, и подставил партизан-семилетовцев.

Еще раньше — 17 (30) апреля — Донецкий отряд Быкадорова нанес поражение красным в районе Усть-Белокалитвенская — Тацинская и взял большие трофеи.

20 апреля (3 мая) пришло известие, что на донскую территорию вступили части Добровольческой армии — Партизанский полк, состоявший из донских партизан и кубанцев, занял станицу Мечетинскую.

«Добровольцы» вышли на донскую территорию как раз в разгар красногвардейского наступления на задонские станицы, и 19 апреля (2 мая) Деникин отдал приказ: «Приказ по Добровольческой армии 19 апреля 1918 г. 22—30. Лежанка. № 237.

1. Противник силою примерно до 2000 пехоты при 6 орудиях ведет наступление на ст. Егорлыкскую, охватывая станицу с запада. Большевики, сосредоточившиеся в Белоглинской, активности не проявляют. Части, занимавшие сел. Лопанское, сегодня утром под давлением бригады ген. Маркова бежали на Песчанокоскую.

2. Завтра, 20 апреля, приказываю ударить по группе противника, ведущей наступление на ст. Егорлыкскую, и разбить эту группу:

а) генерал-майору Богаевскому — 2-я бригада (без Чехословацкого батальона) и Кубанский конный полк — выступить из Лежанки в 2 часа и, следуя долиной балки Водяной и затем на хутор Лисицына, ударить в тыл противника;

б) полковнику Глазенапу — 1-й Конный полк, Кубанский пластунский батальон и ополчение станицы Егорлыкской — активно оборонять станицу Егорлыкскую, а с подходом ген. Богаевского перейти в наступление и гнать противника к северу.

в) генерал-майору Покровскому — 3 сотни — наступать в указанном особой директивой направлении и захватить Гуляй-Борисовку.

3. Генерал-майору Маркову — 1-я бригада — оставаться в сел. Лежанка, прикрывая ее с востока и юга, для чего немедленно один батальон перевести на южную окраину селения и сменить заставы генерал-майора Богаевского.

4. Генералу Эрдели — Черкесский конный полк и разъезд Кубанского конного полка — вести разведку в прежних направлениях.

5. Штаб армии остается в Лежанке.

Подлинный приказ подписал генерал-лейтенант Деникин. Верно: Генерального штаба подъесаул Терванов»³⁴⁵.

Роман Гуль передавал рассказ старого казака о бое за Егорлыкскую: «Ну, пришли вы, слава Богу, а то прямо сил нет... со всех концов насаждают, — говорит казак, — и старые и малые в бой ходили, сам пошел на старости лет. Всю станицу окопав и обрыли. Сегодня отобьем их — назавтра, гляди, опять прут, да еще больше, с артиллерией. Последний раз — когда это? В четверг что ли? — весь день пробивались, видим — не отбить. До ночи дрались, а ночью собрали баб, ребятишек — и айда, в степь уехали.

Наутро они станицу заняли, давай все наше добро делить, дома, скотину всякую. А тут ваши с Лежанки идут, на них ударили. Мы услышали — тоже из степи на станицу пошли. Они бежать... Комиссара ихнего захватили. Их перебили. Опять в свои хаты пришли...

...На улицах Мечетинской также ходят вооруженные казаки. И старые и малые — все поднялись. Несколько раз выбивали они большевиков из станицы и опять отдавали. Но теперь положение крепнет. Весь Дон всколыхнулся».

В это же время большевики из Александро-Грушевска дважды атаковали Северную группу Семилетова у Мокрого Лога и были наголову разбиты. Среди красногвардейцев Александро-Грушевска началось разложение.

Обстановка стала меняться. В Задонье, не давая большевикам опомниться, «добровольцы» атаковали Гуляй-Борисовку. Красные не ждали атаки. Партизанский полк захватил окопы и

взял 300 пленных. Впервые последовал приказ «по случаю страстной субботы пленных не расстреливать»³⁴⁶. В Гуляй-Борисовке «полк впервые надел погоны — синие с белым в отличие от корниловцев, имевших черно-красный погон. Шитьем этих погон было занято чуть не все женское население села»³⁴⁷.

С запада границы области перешел добровольческий отряд полковника Дроздовского. К его отряду сразу же присоединились несколько сотен казаков станицы Ново-Николаевской и с ними 44 женщины-казачки³⁴⁸. Вслед за Дроздовским двигались немцы, которые приближались к Ростову со стороны Таганрога и вышли на станцию Звереву севернее Новочеркасска и Александрополю-Грушевска.

Появлению немцев на территории области и первому контакту с ними казаков предшествовали бои в районе станицы Гундоровской. Весь март и начало апреля, как мы помним, гундоровские казаки удерживали свой юрт от вторжения большевиков. Был создан отряд во главе с подхорунжим А.О. Тимошенковым при начальнике штаба войсковом старшине Я.М. Мазанкине. Чтобы вооружить казаков и выбить оружие из рук беспокойных соседей, специально отобранный отряд сотника Т.Д. Попова к 16 (29) апреля разоружил три рудника, лежащие в юрте Гундоровской станицы. 140 винтовок и 3000 патронов были розданы казакам³⁴⁹.

В ответ большевики из Каменской и подходящие со стороны Украины войска Ворошилова пытались разоружить Гундоровскую. 17 и 18 апреля (30 апреля—1 мая) большевистские отряды вступили в юрт Гундоровской станицы с запада и вели бои за хутора к западу от станицы на правом берегу Донца, применяя огонь с бронепоездов. Казаки этот натиск отбили, но в это время Красная гвардия из Каменской повела наступление с востока. 19 апреля (2 мая) большевики под командованием Щаденко вступили в Гундоровскую и выжгли две трети поселения станицы. Повстанцы переправились на пароме на северный берег Донца, где объединились с казаками Митякинской станицы и организовали штаб обороны во главе с войсковым старшиной А.К. Гусельщиковым. Осознавая неравенство сил (хотя повстанцы и мобилизовали всех казаков станицы до 70 лет), они направили гонцов за помощью на территорию Украины к гайдамакам и к походному атаману П.Х. Попову. Попов назначил

Гусельщикова начальником обороны Гундоровско-Митякинского района.

Гайдамаков гундоровцы не нашли, но зато встретили немцев, к которым и обратились за помощью.

Немцы двинулись на станцию Изварино, куда гундоровцы 20 апреля (3 мая) тоже выслали сотню казаков. В боях 20—22 апреля (3—5 мая) казаки с помощью немецкой кавалерии и артиллерии, наступавших вдоль Северо-Донецкой железной дороги, вытеснили большевиков из юрта Гундоровской станицы.

Красногвардейцев на Дону стало больше, сказывался их отток с Украины под немецким натиском. Но, отступая, многие из них стремились прорваться сквозь восставшие территории и уйти в безопасное место, не ввязываясь в бои. Формально все переходившие доно-украинскую границу отряды (и украинские красногвардейские и германские) подлежали разоружению. 11 (24) апреля Донской СНК получил телеграмму от Ленина с таким распоряжением³⁵⁰. 15 (28) апреля советское военное командование подтвердило: «Согласно Брестскому договору, все вооруженные силы, отступившие из Украины в пределы Великопольской республики, должны быть немедленно разоружены»³⁵¹.

Такая позиция советского руководства позволила казакам Верхне-Донского округа практически без потерь со своей стороны разоружить и истребить Тираспольский отряд 2-й социалистической армии Украины. 16 (29) апреля этот отряд вступил в пределы Донской области, высадившись на станции Чертково. В его состав входили 74-й Ставропольский, 254-й Северо-Донецкий и 5-й Заамурский конный полки старой армии, несколько батарей и Китайский батальон (300 штыков). Всего около 2000 штыков, 300 сабель, 24 орудия, 52 пулемета. Отряд испытывал острую нехватку боеприпасов.

Поскольку немцы перехватили железную дорогу южнее и севернее Чертково, отряд решил походным порядком идти через донские станицы в Воронежскую губернию. Его авангард — 5-й Заамурский конный полк — двинулся на станцию Мигулинскую, следом пошли пехота и артиллерия и растянулись по донским хуторам, где и остановились на ночлег. В станице Мигулинской бывший станичный атаман Дрынкин собрал станичный сбор, который, опасаясь присутствия Красной гвардии на

своей территории, принял решение объявить мобилизацию и разоружить отряд, тем более, что в станичном правлении была копия московской телеграммы о разоружении частей, переходящих границу. В хутора полетел приказ о мобилизации с 20 до 50 лет. Сбор был назначен на 18 часов 18 апреля (1 мая).

На рассвете 18 апреля (1 мая) повстанцами был создан военный совет во главе с войсковым старшиной Сергеенковым и штаб из трех офицеров и трех казаков, который разработал план нападения на Тираспольский отряд. Казаки хуторов, расположенных около станицы и по левую сторону речки Тихой, должны были собраться у хутора Мещерякова в группу подъесаула Чайкина и ночью одновременно напасть на те хутора, где будет становиться на ночлег артиллерия красных. Казакам хуторов Сетраковского, Ольховского, Вяжинского и Наполовского (самых южных хуторов юрта) предстояло собраться в группу войскового старшины Л.А. Попова, вооружиться оружием 12-го Донского полка, которое было сдано при демобилизации, и утром 19 апреля (2 мая) в конном строю атаковать с тыла основные силы красных, которые, как предполагалось, будут ночевать в хуторе Мешкове.

В 9 часов утра красная кавалерия вступила в хутор Мешков, ее командование созвонилось со станицей Мигулинской, просило помощи в борьбе против немцев и, выслушав заверения в лояльности, приказало двигаться дальше к станице.

Вечером Заамурский полк стал на ночлег в хуторе Озерском, идущая за ним полевая батарея — в хуторе Федоровском, гаубичная батарея — в хуторе Водянском, остальные силы красных — в хуторе Мешкове.

Ночью поднятые по мобилизации казаки стали приближаться к расположению красных частей. В каждом хуторе, который они проходили, собирався митинг. «Жители изо всех сил стремились избавиться от отряда». Пехота (есаул Серебряков) и конница (подъесаул Чайкин) шли раздельно. В результате к хутору Федоровскому, где предстояло захватить красную батарею, Чайкин привел 7 человек.

Положение спасло то, что казаки хутора Федоровского Ф.К. Чукарин и В.Н. Гуров, зная расположение красных в хуторе, вышли навстречу отряду, собрали 20 человек пеших из команды Серебрякова и с ними захватили батарею.

Узнав о первой победе, растянувшийся отряд собрался в Федоровском. Захваченные орудия отправили в Мигулинскую и хутор Коновалов, одно оставили на высоте у Федоровского. Чайкин с 70 всадниками двинулся на хутор Водянской, по дороге 30 казаков снова отстали. С командой гаубичной батареи в Водянском вступили в переговоры и предложили сдаться. Артиллеристы отказались. Чайкин с 40 казаками атаковал батарею (150 человек) и взял ее.

В хуторе Мешкове ночью местный житель подхорунжий Жуликов испортил несколько орудий. На рассвете казаки хуторов Меловатского и Бирючинского атаковали Мешков, но были отбиты и отошли, потеряв 2 раненых.

Отбив нападение, красные стали выходить из Мешкова и выстраиваться на дороге, чтобы двигаться дальше. Казаки из хуторов Сетракова, Вяжинского, Ольховского и Наполовского, маячившие у Мешкова, рассыпали лаву, но красных не преследовали. Лишь одна сотня была послана за ними вслед, остальные вступили в хутор Мешков и стали к 11 часам собирать всех казаков из ближайших хуторов. Явились деды и подростки, которых сразу же поставили в строй. «...Достаточно было нескольких перестроений, как казаки поняли и приспособились к конному делу»³⁵².

Примерно в 14 часов у хутора Мрыхина колонну красной пехоты встретили казаки, успевшие разоружить две красные батареи. Еще одна группа у хутора Коновалова составляла заслон против красной кавалерии, которая могла вернуться.

По колонне красной пехоты был открыт огонь из захваченных орудий, она рассыпала две цепи, а затем с ней начались переговоры. На переговорах казаки предъявили красным московскую телеграмму о разоружении. Далее версии расходятся. Свидетели со стороны повстанцев говорят, что во время переговоров казаки вновь открыли орудийный огонь, и войсковой старшина Сергеенков приказал разоружить парламентариев. В это время красных атаковала подошедшая от Мешкова казачья лава в 1000 всадников, а от Мрыхина поднялась в атаку казачья пехота, после чего красные стали сдаваться³⁵³. Участники со стороны красных говорят, что Тираспольский отряд подчинился приказу о разоружении и стал сдавать оружие, тогда на него и налетела казачья конница. Командир Ставропольского полка

полковник Борисевич пытался стрелять в казачьего сотника, и тот снес ему голову шашкой³⁵⁴.

Красная кавалерия двинулась из хутора Озерского на выстрелы, но после двух шрапнельных выстрелов повернула и «широким наметом скрылась за бугор». Заамурский полк через Журавку и Медово ушел на территорию Воронежской губернии. Посланная вслед погоня из казаков задонских хуторов его не догнала³⁵⁵ (да, видимо, и не стремилась).

Благодаря захваченному оружию казаки Мигулинской станицы смогли впоследствии вооружить два своих полка и полки казаков Вёшенской, Казанской и Каргинской станиц.

Многие пленные (из них почти все китайцы) были убиты.

20 апреля (3 мая) в Верхне-Донском округе было окончательно объявлено об установлении казачьей власти. Возглавил ее полковник З.А. Алферов.

В целом к концу апреля 1918 года советские «отряды уже были значительно слабее казаков, и только хорошее вооружение давало (им) перевес в силах»³⁵⁶.

21 апреля (4 мая) отряд Дроздовского подошел к Ростову. Казаками сразу же был отмечен отвод большевистских войск из Новочеркасска на Ростов, против нового противника. В частности, 22 апреля (5 мая) туда был отведен бронепоезд. Большевики северо-восточнее Новочеркасска заняли линию хуторов Ягодин — Маркин — Сидоров, «где держали себя пассивно»³⁵⁷. Кроме того, эшелоны красногвардейцев, оказавшиеся в Новочеркасске и Александро-Грушевске, с выходом немцев к Ростову и Звереву рисковали оказаться в мышеловке, все пути их отхода оказались под угрозой.

Проанализировав все новые данные, походный атаман Попов отложил третий удар по Александро-Грушевску, хотя семилетовцы и рвались в бой. Наоборот, часть Северной группы перебрасывалась южнее, под Новочеркасск. Здесь было спланировано решающее наступление³⁵⁸.

Атака была подготовлена к вечеру 21 апреля (4 мая), но отложена на сутки. Операция была разработана до деталей. «Карты, планы, схемы — были в изобилии и на руках у всех.

Все боевые и административные распоряжения были предусмотрены и отданы с такой полнотой, что добавлять было нечего в последующие три дня...»³⁵⁹. Разведка во главе с сотником

Азарянским и сотником Гавриленко (последний с ампутированными конечностями, с протезами) выходила к окраинам города и убедила всех, что успех обеспечен. Золотовская и Кочетовская дружины сменили части Южной группы, охранявшие склады и другие тыловые объекты.

Из Северной группы подошли три сотни Сводного конного полка есаула Климова. 2-я конная Семилетовская сотня встала на правом фланге Новочеркасского полка. Однако другие части Северной группы под Новочеркасском вовремя не появились.

К двум часам ночи с 22 на 23 апреля (5—6 мая) части Южной группы заняли исходные позиции для наступления. Сигналом должна была служить зажженная вежа.

В 3 часа ночи орудие есаула Афанасьева ударило по вокзалу, и восставшие казаки атаковали Новочеркасск. Атаке способствовала десантная операция с парохода и катеров против станицы Аксайской, а затем 24 апреля (7 мая) и против самого Ростова. В обход Новочеркасска была двинута конница Туроверова, имевшая целью поддержать атаку на город, занять станицу Аксайскую, набрать там добровольцев и наступать дальше на Ростов.

Главный удар через реку Аксай на привокзальную часть города наносил Кривянский полк, который понес большие потери у Технического училища и Учительского института. Северовосточная группа вошла в город со стороны Хотунка «без труда и без потерь».

К рассвету 23 апреля (6 мая) повстанцы заняли Новочеркасск. Семилетовская конная сотня преследовала красных до Аксайской.

Была организована «чистка» большевистских «гнезд» в здании Епархиального училища и Политехнического института. Причем казаки пока «не желали» «проявлять жестокость». «Пришлось вмешаться начальству и приказать истребить эти партии»³⁶⁰.

Освобождение города выпало на второй день Пасхи. Массовое ликование населения и относительно легкая победа побудили некоторых командиров полков (Новочеркасского и Кривянского) распустить своих людей по домам. Два полка были выдвинуты в сторону Ростова. Этим могли воспользоваться красные и контратаковать Новочеркасск с севера. Это опасное

направление (Персиановское) прикрывали 150—200 спешенных казаков Богаевского полка при 1 орудии, расположившихся в 2-х верстах севернее Новочеркасска. Прибывший в Новочеркасск глава делегации «добровольцев» генерал Кисляков отметил слабую организацию повстанцев: «Полевой армии в истинном смысле этого слова на Дону еще нет; казаки по-прежнему в боях не всегда устойчивы; то, что там происходит, — пока еще только местные восстания, не вполне прочно взятые в руки»³⁶¹.

В ночь на 24 апреля (7 мая) к Попову прибыл связной из отряда Дроздовского, взявшего Ростовский вокзал, но отошедшего в селение Крым. Связь была установлена. Отряду Дроздовского было предложено идти к Новочеркасску в станицу Грушевскую. Продолавшим долгий поход закаленным дроздовцам, как и «добровольцам», бросилось в глаза, что в Новочеркасске «все полки сами по себе не что иное, как просто ополчения отдельных станиц»³⁶².

24 апреля (7 мая) боя не было. Хорошо поставленная разведка «добровольцев» отметила в этот день, что Ростов эвакуируется, от Ростова на Тихорецкую через Кушевку прошло до 40 поездов. Далее перечислялись большевистские войска под Гуляй-Борисовкой. Из Гуляй-Борисовки тоже шел отток красногвардейцев, они шли на станцию Степную и там грузились и отправлялись на Кушевку — Тихорецкая (тем не менее «добровольцы» ожидали наступление от Степной на Гуляй-Борисовку 2—3 отрядов). И особо отмечалось: «Комфронта Жлоба издал воззвание, приглашающее казаков забыть распри и совместно с большевиками идти против немцев»³⁶³. На Новочеркасском направлении «добровольцы» отметили, что «21 вечером или 22 утром» Новочеркасск был занят казаками (на самом деле казаки заняли его на день позже), что на участке Звереве — Лихая идет наступление украинцев (на самом деле там наступали немцы), что Каменская и Митякинская заняты ими с применением аэропланов и артиллерии. На Царицынском направлении «станции Ремонтная и Котельниково после упорного боя с большевиками оставлены калмыцким отрядом князя Тундутова, подчиненным походному атаману Войска Донского»³⁶⁴.

Как видим, большевиками готовился новый театр военных действий — за Доном с опорой на Тихорецкую, и главным врагом виделись немцы. Под Новочеркасском же с 24 апреля (7 мая) военные действия велись как бы «по инерции».

Вечером 24 апреля (7 мая) богаевцы разошлись, оголив Персиановское направление. Вслед за ними из Новочеркасска ушли Бессергеновский и Заплавский полки. Кривянский и Новочеркасский полки были еще раньше распущены по домам с наказом вернуться в строй к полудню 25 апреля (8 мая).

В этот день, 25 апреля (8 мая), большевики, зажатые на железной дороге между Новочеркасском и Звереве, начали наступление на Новочеркасск, стремясь пробиться к Ростову и уйти за Дон. От Персиановки подошли эшелоны и высадили пехоту. Орудий и бронепоездов у красных не было, но пулеметов — в изобилии. Им противостояли 150—200 вернувшихся «на службу» богаевцев и орудие Бугураева.

Расстреляв 70 снарядов, орудие Бугураева отступило вместе с цепью богаевцев к Хотунку, а из Хотунка и богаевцы и Бугураев отошли на Заплавскую, открыв красным дорогу на Новочеркасск³⁶⁵.

Красные заняли Хотунок и двинулись к Краснокутской роше.

У Денисова резервов не было. Отражать красных пришлось «лоскутными» отрядами: на Хотунке собрали 2 сотни легкораненых, которые не успели эвакуироваться, еще 2 конные сотни удалось стянуть к Арсеналу. Еще примерно 6,5 тысяч казаков сидели «по домам» в Новочеркасске, в Кривянской, в других ближайших станицах и должны были собраться в Новочеркасск к полудню. Наступление красных, занявших Хотунок, сдерживали 4 орудия, 2 из которых только что выкатили на руках из Арсенала. Прислуга была набрана из «зрителей»³⁶⁶. Еще одно орудие было переброшено сюда есаулом Афанасьевым, который вел беглый огонь по 4 снаряда, чтобы красные подумали, что у него 4 орудия, а не одно³⁶⁷.

Сил было явно недостаточно, и оборонявшие город казаки заколебались. Но здесь свою роль сыграли отряд Дроздовского и Северная группа Семилетова.

Конно-горная батарея дроздовцев, став у Татарской слободы, открыла огонь во фланг красным цепям. Дроздовский броневик «Верный» внезапно атаковал красных, занявших Хотунок. «По крутому Петроградскому спуску броневик стремительно несется вниз и полным ходом пронесется через мост... Только в середине Хотунка удалось затормозить броневик»³⁶⁸.

Оказавшись среди резервных цепей красных, «Верный» открыл огонь из 4-х пулеметов. Начавшие отступать большевики попали под удар подоспевшей семилетовской конницы. Отряды Семилетова, Яковлева и юнкера в это время ударили большевикам в тыл, пехота — с подвод, конница — из походных колонн.

Большевистские отряды побежали. Незначительная часть смогла пробиться через Лихую на Царицын.

В этот же день конница Туроверова одновременно с немцами вступила в Ростов.

Пока донцы и дроздовцы удерживали Новочеркасск и захватывали Ростов, «добровольцы» ушли в набег на ст. Крыловская, чтобы добыть патроны. С собой они взяли Мечетинский конный полк. 25 апреля (8 мая) они прошли 65 верст и утром 26 апреля (9 мая) захватили в Крыловской огромную добычу. 2-я сотня Партизанского полка взяла 2 орудия. Натолкнувшись далее на крупные силы большевиков, Деникин увел армию назад в Задонье. В результате всех этих боев восставшие казаки окончательно утвердились в Новочеркасске и вообще в низовьях Дона.

27 апреля (10 мая) в Новочеркасске состоялся парад, которым командовал Денисов, принимал парад походный атаман. После парада был зачитан приказ по Войску № 211 от 27 апреля 1918 г. о производстве в генерал-майоры — начальника штаба походного атамана В.И. Сидорина; командующего Южной группой С.В. Денисова (оба с оставлением в списках Генерального штаба); командующего Северной группой Э. Семилетова; в полковники — Михаила Фетисова; начальника штаба Южной группы И. Полякова (с оставлением в списках Генерального штаба).

Приказ был подписан походным атаманом Поповым³⁶⁹.

Это было первое с начала Степного похода производство, с 12 февраля по 27 апреля производства в чины не было.

26 апреля (9 мая) Временное донское правительство объявило о созыве Круга спасения Дона 28 апреля (11 мая).

Глава 9 ОРГАНИЗАЦИЯ ВЛАСТИ

За два дня собрать «полноценный» Круг было трудно. К 2 — 8 апреля (11 мая) в Новочеркасск съехались делегаты в основном от повстанческих частей, стоявших под Новочеркасском, и от ближайших округов — Черкасского, 1-го Донского и части Ростовского. Как считали современники, «Круг получился несколько однобоким и состоял главным образом из лиц, угодных руководителям Временного донского правительства и командованию Южной группы»³⁷⁰.

По сохранившимся документам видно, что подавляющее большинство Круга (как и Временного донского правительства) составляли казаки и урядники, выдвинутые повстанческими отрядами. Восставшие обеспечили себе большинство самой избирательной системой, согласно которой станица выдвигала на Круг одного делегата, а полк или дружина, выставленные станицей против большевиков, — двух делегатов. Казаки-одностанничники попадали на Круг как представители разных воинских частей. Так, из Манычской станицы на Круг прошли:

вольноопределяющийся Иван Иванович Гусев — от 1-й конной сотни,

казак Тимофей Степанович Базавов — от 6-й пешей сотни, урядник Иван Логвинович Хопрянинов — от батареи, урядник Иван Андреевич Малеев — от 4-й пешей сотни, казак Иван Иванович Назаров — от 3-й пешей сотни³⁷¹.

Председателем Круга стал глава Временного донского правительства Г.П. Янов, товарищами председателя — Светозаров и Бабкин.

Главной задачей Круга стали организация Войсковой власти, выборы Донского Войскового атамана, создание вооруженных сил для дальнейшей борьбы с большевиками.

Верховное командование войсками во время работы Круга осуществлял походный атаман П.Х. Попов. 29 апреля (12 мая) ему был передан для разработки вопрос о создании армии. Под его командование Круг передал все антибольшевистские силы на территории области. 30 апреля (13 мая) Круг решил, что верховное командование всеми вооруженными силами на территории

Дона должно принадлежать Войсковому атаману, а до его избрания — походному атаману. В условиях массового восстания, когда правление на местах брали в руки вооруженные повстанцы, то есть будущая армия, власть походного атамана была наиболее значима и реальна.

Именно Попов декларировал и рассылал на места в качестве служебных распоряжений основы внешней и внутренней политики Войска Донского в этот период. Так, 2 (15) мая начальник штаба походного атамана направил в Верхне-Донской округ атаману полковнику Алферову «установку»: 1) Область Войска Донского — автономная часть России, не признает советскую власть и Брестского мирного договора. 2) Временное донское правительство будет твердо и непреклонно защищать независимость своей территории. Для защиты этого положения им командировано 30 апреля посольство в Киев. 3) Немцы ведут борьбу с советской властью, отношение их к нам корректное. Такое же должно быть и наше отношение к ним. 4) Верховная центральная власть — Войсковой Круг. Временно — Круг спасения Дона. Высшая военная власть — походный атаман. На местах власть должна быть организована согласно постановлений последних бывших Войсковых Кругов. Подписал подполковник Кислов.

Деля доклад на Круге, Попов заявил, что к 1 (14) мая 1918 года вооруженные силы Дона насчитывают свыше 50 тысяч человек с достаточным количеством артиллерии и пулеметов, взятых с боя. Имеются аэропланы и речная флотилия. Территория Войска освобождена от красных более чем на 75 %.

Имевшиеся в наличии войска Попов разделил на три корпуса. Войска, сражавшиеся под Новочеркасском, были сведены в 1-й корпус; войска Задонской группы, отряды Сальского округа и задонской части 1-го Донского округа — во 2-й корпус; войска Мамонтова, расположенные вдоль железной дороги Лихая — Царицын, — в 3-й. Восставшие казаки Верхнего Дона (о чем будет сказано ниже) сводились в отдельную дивизию, им ставилась задача направить главные усилия на Хоперский округ.

3 (16) мая был оглашен приказ походного атамана № 225 о мобилизации по всей области казаков переписи 1912—1916 годов и о призыве «для занятий» казачьей молодежи переписи

1917—1918 годов³⁷². В целом это совпадало с пожеланиями с мест. Так, делегат от 3-й пешей сотни станицы Нижне-Чирской привез наказ от 22 апреля (5 мая), в котором наряду с социальными проблемами значилось: «1) Отношение к Красной гвардии: очистить Донскую область от Красной гвардии силою оружия. 2) Мобилизация: мобилизовать полки, бывшие на позиции (то есть участвовавшие в Мировой войне. — А.В.), а сформированным полкам принять организацию запасных резервных... 4) Дисциплина: все боевые приказы начальников исполнять беспрекословно...»³⁷³

1 (14) мая Круг вынес постановление восстановить ношение погон и учредить Георгиевский крест с гербом Войска Донского.

Но 3 (16) мая вечером Круг Спасения Дона 107 голосами против 13 при 10 воздержавшихся избрал Донским Атаманом генерала П.Н. Краснова³⁷⁴. Высшая военная власть переходила в другие руки.

В первом же своем приказе от 4 (17) мая Краснов фактически подтвердил предыдущие приказы и распоряжения, исходившие от походного атамана. Был отдан приказ о создании постоянной армии из молодых, ранее не служивших казаков 1918—1919 годов переписи численностью в 3 конные дивизии и 1 пешую бригаду.

Для восполнения поредевших командных кадров предполагалось возобновить работу Новочеркасского юнкерского училища и кадетского корпуса. Создать урядничий полк для подготовки младшего комсостава.

Однако это было делом будущего, а пока Краснов имел дело с повстанческими отрядами всех возрастов. Исходя из этого, он приказал: «...Для охраны станиц и городов составить конные и пешие сотни из казаков 1912—1917 гг. (то есть из казаков прежних первоочередных полков. — А.В.) ... По мере успокоения войска распустили по домам для мирных работ всех казаков остальных возрастов». Походному атаману Попову и представителю военного ведомства генералу Денисову приказано было провести мобилизацию офицеров³⁷⁵.

В реальности дальнейшее распространение восстания по территории Области Войска Донского привело к созданию новых полков и отрядов из добровольцев и мобилизованных казаков без различия возраста.

Немецкое наступление и восстание донских казаков поставили большевистские войска Украины и России перед необходимостью оставить большую часть Области Войска Донского и искать новые рубежи, на которых можно было бы остановить немецкий натиск. Формально между Россией и Германией был мир, но демаркационная линия между войсками на юге все еще не определилась, а установить ее во многом мешало казачье восстание. Советское военное руководство сетовало, что не может послать здесь к немцам парламентаров, «потому что между нами и немцами стоят восставшие казаки, истребляющие наши переходящие границы части. Туда можно послать лишь карательную экспедицию для истребления восставших казаков. Ведь эти казаки расстреляли делегацию 2-й армии, перешедшую границы Донской республики для саморазоружения... Парламентаров со стороны Дона могла бы выслать местная советская власть, очистившая территорию Дона от контрреволюционных банд, оперирующих между нами и немцами, но мы такой возможности лишены»³⁷⁶.

Советские войска, очистив Ростов и юг области, пытались закрепиться здесь на левобережье Дона. Значительная часть их под командованием Ворошилова двигалась, рассекая Область Войска Донского на две части, по железной дороге от Лихой на Царицын. Кроме того, на территории области местная большевистская власть пыталась сформировать отряды против наступавших немцев и восставших казаков, опираясь при этом на неказачьи поселения и отчасти на северные более бедные казачьи округа. К середине мая 1918 года Красная гвардия на Дону достигала численности 47 600 человек, а к 1 июня 180—190 отрядов Донской республики насчитывали 68 тысяч человек, из них 4380 конников³⁷⁷.

В связи со сложившейся ситуацией восстановление казачьей власти, формирование новой Донской армии и бои за освобождение области от большевиков — все это шло параллельно и оказывало друг на друга взаимное влияние.

На Дону вспышка классовой борьбы привела к переходу казачества (в том числе и бедноты) в южных округах на сторону белых. В северных, более однородных в классовом и сословном отношении округах казаки были склонны к нейтралитету, но подчинялись в массе мобилизации против большевиков.

Подобный поворот событий замедлил политическое размежевание внутри сословий: «...Крестьянство на Дону единодушнее, чем где бы то ни было в России, было всецело на стороне Советов»³⁷⁸.

Со своей стороны низовые казачьи станицы (Бессергеновская, Мелеховская, Семикаракорская, Есауловская, Кагальницкая и другие) выносили приговоры о выселении иногородних³⁷⁹. Так, казаки Кагальницкой станицы были озлоблены против крестьян соседних сел. «...Сожжение и разграбление станицы казаки приписывают только этим селам, считают их вредными соседями, которые смирились только благодаря тому, что побеждены». Они просили Войсковое правительство выселить крестьян или хотя бы наложить на них контрибуцию³⁸⁰. Беженцы с Дона сообщали советским властям, что «кадеты вырезают крестьянское население»³⁸¹.

Были и исключения: некоторые крестьяне Мелеховской станицы (как сами они писали) «вышли на защиту так называемого родного края, потому [что] иного края мы не знаем»³⁸².

В мае — августе 1918 года 417 иногородних, участвовавших в борьбе против большевиков, были приняты в казаки, 1400 приговоров исключали казаков из сословия за деяния прямо противоположные и 300 приговоров было вынесено о выселении из пределов области³⁸³. И все же война приобрела сословную окраску.

При всех боевых качествах казаки-повстанцы, как и во времена крестьянских войн, освободив свою станицу, не хотели идти дальше, и «поднять их на энергичное преследование противника не представлялось возможным. Все пока держалось на исключительной доблести и самопожертвовании офицеров, учащейся молодежи и особенно стариков, своим авторитетом влиявших на фронтовиков»³⁸⁴. Восставшие хотели бороться с большевиками, но ничего не имели против Советов³⁸⁵. Как считали современники, «восставая, казаки меньше всего думали об устройстве своего государства. Восставая, ни на минуту не забывали того, что можно помириться, коль скоро советская власть согласится не нарушать их станичного быта»³⁸⁶. Однако разрастание борьбы с донским крестьянством подтолкнуло колеблющихся. Восстание распространилось по всей области, и к концу мая 1918 года антибольшевистские силы заняли большую часть территории Дона.

Казаки поднялись на борьбу изначально оборонительную, с военной точки зрения это обрекало их на поражение. Логика восставших была следующей: «Большевики уничтожают казачество, интеллигенция, как и коммунисты, норовят нас упразднить, а русский народ о нас и не думает. Пойдем напропалую — или умрем, или будем жить: все порешили нас уничтожить, попробуем отбиваться»³⁸⁷. Большой популярностью пользовались такие наименования воинских частей, как «освободительный» и проч. — «Каргинский освободительный полк», «Самозащитный Донецкий полк»³⁸⁸. Краснова называли «создателем Донской освободительной армии»³⁸⁹.

Видевший белое движение изнутри Г. Раковский считал, что восстание казаков имело «характер широкого народного движения в общероссийском масштабе»³⁹⁰. А.И. Деникин, считавший, что «все пять лет смуты» в России шли различные процессы «разложения и слоения социальных слоев», но «вооруженной народной борьбы еще не было»³⁹¹, для Дона сделал исключение: «Донской армии, по существу, не было: был вооруженный народ. Точнее, вооруженный класс...»³⁹².

С мая по август 1918 года власть на Дону не считалась достаточно легитимной, поскольку была сформирована повстанцами, контролировавшими пока 10 станиц (из 123-х). На Круге Спасения Дона сразу же провозгласили, что верховной властью является Большой Войсковой Круг, который соберется не позже 2-х месяцев, а пока вся полнота власти принадлежала Кругу Спасения, а на время прекращения работы этого Круга — выборному атаману. И Круг Спасения Дона пользовался этой властью». Тон задавала «черкасия», депутаты ближайших к городу станиц, так как их больше всего собралось»³⁹³. Убедившись в своем превосходстве, урядники-низовцы и казачья интеллигенция, попавшая на Круг, стали проводить свою политику.

Первым шагом был принудительный заем в 4,2 миллиона рублей у местных капиталистов³⁹⁴. Выражая волю рядового казачества, Временное донское правительство, отменив большевистские декреты, поспешно объявило об оборонительном характере войны и курсе на примирение классов: «Намерение Временного правительства — не выходить за пределы области, но отстаивать ее территорию в исторических границах. Как будет закончена борьба, будет созван большой Круг и съезд нека-

зачьего населения». Было и обращение к рабочим, которые «найдут в правительстве охрану труда»³⁹⁵.

Чтобы сохранить позиции и после завершения работы Круга Спасения Дона, «черкасия» должна была поставить и «своего» Войскового Атамана. В противовес руководителю донской служилой верхушки, генералу П.Х. Попову, представители «Заплавского сидения» выдвинули генерала П.Н. Краснова «как старшего по службе из донских генералов»³⁹⁶.

Еще до избрания Краснов выступил с программным докладом. Программа предусматривала привлечение на сторону восставших всех слоев казачества. Тезис «казачество стоит вне партий» стремился затушевать классовые противоречия внутри сословия. Тезис «все силы на восстановление старины» идеализировал добуржуазные «патриархальные» отношения «вольных степей» и должен был придать движению некий ореол романтизма. Тезис «казачество участвует в освобождении русского народа от большевизма» определял цели объединения, но, учитывая отсутствие единства взглядов по этому вопросу среди казаков, Краснов уточнил непосредственные цели военных действий — выход на линию Царицын — Поворино — Лиски.

Взаимоотношения с антисоветскими силами были оговорены в тезисе «все, кто против большевиков, — наши союзники». Отношение к немецким войскам, которые, будучи в данный момент антибольшевистской силой, подходили под разряд «союзников», было выражено туманно: «С немцами войны быть не может, но казачество — свободно».

В интересах казачьего сообщества было высказано требование утверждения всех прав казачества при «восстановлении России». Домогательствам казачьей верхушки, требовавшей большей самостоятельности, импонировал тезис, что Донской Атаман будет непосредственно подчиняться лицу, возглавляющему центральную власть.

Гарантом воплощения в жизнь всех этих идей программа считала создание постоянной казачьей армии.

С первых дней у власти Краснов проявил стремление к выигрышу времени и собиранию сил. Представитель Дона А. Падалкин был послан в Москву с предложением заключить мирный и торговый договор, но с условием отторжения в пользу Дона Камышина и Царицына³⁹⁷, что вообще-то было вызовом.

Во внутренней политике Краснов опирался на привилегированное казачество. Будучи монархистом по убеждениям, он, придя к власти, очень круто взял «вправо». Приказом № 1 было объявлено, что Всевеликое Войско Донское «управляется на твердых основах Свода законов Российской империи»³⁹⁸. Все законы Временного правительства и декреты СНК отменялись. Объяснялось это тем, что «все перемешалось в мозгах несчастных русских граждан, и многие не знали, что представляет из себя закон правительства Львова или Керенского и что декрет Ленина. Атаман счел необходимым вернуться к исходному положению — до революции»³⁹⁹. Однако этот приказ вызвал недовольство у большинства казаков⁴⁰⁰, и через неделю Краснов издал приказ № 12, в котором объяснялось, что, отменяя законы Временного правительства, донские власти «не думали посягать на свободу граждан»⁴⁰¹. Пункт приказа, отменяющий законы Временного правительства, объявлялся временным: «Всевеликое Войско Донское, благодаря историческим событиям поставленное в условия суверенного государства, стоит на страже завоеванных революцией свобод. Все законы Временного правительства, укрепляющие Русскую государственность и способствующие укреплению и процветанию Донского края, лягут в основу жизни Всевеликого Войска Донского. В наикратчайший срок законы, охраняющие права населения и общественных организаций, будут проведены в жизнь»⁴⁰².

В конечном итоге в специальной декларации 5 июня 1918 года «впредь до образования в той или иной форме единой России» Войско Донское объявлялось «самостоятельной демократической республикой»⁴⁰³.

Первоначальные монархические жесты атамана и жестокий террор, присущий любой Гражданской войне (даже кадеты, «сочувствуя идее создания сильной власти на Дону, сожалели по поводу первых поспешных шагов»⁴⁰⁴) создавали впечатление крайней реакционности режима.

Краснов держал в черном теле все общественные организации. «Атаман одинаково разрешал собрания эсеров, кадетов и монархистов и одинаково их прикрывал, как только они выходили за рамки болтовни и пытались вмешиваться во внутренние дела Войска»⁴⁰⁵. Так, Краснов в 24 часа выставил за пределы области формируемый в Ростове «отряд монархистов», на-

ложив резолюцию: «Это не отряд монархистов, а отряд жуликов и вымогателей, о чем Осведомительному отделу надо бы знать раньше меня. 12.УП.18. Генерал-майор Краснов»⁴⁰⁶. Не постеснялся он выслать из области и популярного политического деятеля Родзянко, который вздумал его поучать⁴⁰⁷. На предложение Родзянко встретиться Краснов ответил следующим образом: «Милостивый государь Михаил Владимирович! Я политикой не занимаюсь, её не знаю и, откровенно говоря, считаю, что «длительные» беседы до добра не доводят, тогда, когда надо работать. У меня теперь дела слишком много. Надо работать, почему очень прошу меня освободить от длительной беседы да еще на политическую, то есть совсем мне чуждую, незнакомую и непонятную тему.

Примите уверения в совершенном уважении и преданности. П. Краснов.

Новочеркасск. 21 июля 1918 г.»⁴⁰⁸.

Осознавая претензии «степных генералов» — участников Степного похода — на руководство Войском, Краснов сразу же оттеснил произведенного в генерал-лейтенанты П.Х. Попова от командования, поручив ему «состоять в этом звании при мне на правах командира неотдельного корпуса для инспекции всех войсковых частей. Должность эту временно включить в штат Донского атамана»⁴⁰⁹. Должность походного атамана вообще была упразднена. Походный атаман раньше выбирался казаками, когда Войско выступало в какой-либо (в том числе — грабительский) поход. Теперь война пришла на донскую землю... Через четыре дня Попов, его ближайший сподвижник генерал Э. Семилетов были уволены со службы «с мундиром и пенсией»⁴¹⁰. Через две недели подал в отставку бывший начальник штаба Попова — В.И. Сидорин (дежурный генерал при атамане)⁴¹¹.

Приказом № 77 от 18 (31) мая партизанские отряды вообще распускались. Перечислив Чернецова, Власова, Семилетова, Тихона Краснянского, Бокова, Назарова, Мамонтова (вперемешку живых и мертвых) и заявив, что имена их станут достоянием истории, Краснов обратился с возвышенным напутствием к рядовым партизанам: «Теките же к своим домам, славные юноши-партизаны, теките к алтарю Отечества, в святое святых своей семьи, вы, прославленные, возвеличенные, превознесенные»⁴¹².

«Степняки» считали, что партизан незаслуженно «зажимают», и винили в этом генерала Денисова. Якобы в день избрания Краснова атаманом Денисов привел его в Мартыновскую сотню Семилетовского отряда в «неурочное» время, «когда партизаны занимались починкой своего обмундирования и уничтожением паразитов...», чтобы показать Краснову, что это — «сборище»⁴¹³.

Партизанская эпопея временно прервалась. С начала похода партизаны потеряли убитыми 124 офицера и 528 рядовых, всего с нестроевыми и общественными деятелями — 656 человек⁴¹⁴.

Тех же, кто пытался сопротивляться или фрондировать, Краснов безжалостно изгонял из рядов армии, громко оповещая об этом. Так, 14 июля 1918 года известный партизан есаул Тацын, о котором участники Степного похода пели в своем «Журавле»: «горячий Тацын, злой и смелый, кричит, ругает без нужды», исключался «из состава Донской казачьей армии как подавший рапорт о нежелании служить в войске»⁴¹⁵. А при первой возможности «фрондеры» высылались из пределов Войска.

Так, летом опальные «степные генералы» отправились на увеселительную прогулку по Дону на пароходе, входящем в состав Донской флотилии. 22 июля (4 августа) на яхту «Колхида» явились генерал Сидорин и полковник Гушин и от имени генералов Денисова и Семилетова потребовали от командира яхты лейтенанта Ильина везти их вверх по Дону «закупать виноградники», «а о настоящем деле лейт. Ильин, вероятно, догадывается».

На другой день в 3 часа дня на канонерской лодке «Цимла» Сидорин, Семилетов, Гушин и 7 обер-офицеров отплыли...

Через день-два вся эта «фронда» выступила на Круге 1-го Донского округа. Сидорин говорил о внешней политике Войска, Гушин — о внутренней, Семилетов — об оперативной обстановке. После этого Краснову была послана телеграмма о несогласии с правилами выборов на Большой Войсковой Круг⁴¹⁶.

Затыкать «фрондерам» рот в Демократической республике «Всевеликое Войско Донское» Краснову было не с руки. Но 29 июля (11 августа) лейтенант Ильин рапортом доложил об увеселительной поездке донских «партизан»...

Краснов строжайше наказал всех должностных лиц (капитан парохода и пр.), которые способствовали этому увеселению. Гушина арестовал на 30 суток, а о поведении Сидорина и Семилетова, почетных членов Круга 1-го Донского округа, было сообщено названному Кругу⁴¹⁷.

«Степняки» апеллировали к общественности посредством прессы, указывая на свои старые раны. Краснов опубликовал их письмо в донском офицозе со своими комментариями, озглавив всю публикацию — «Блудный плач», а «злого и смелого» Тацына, участника «прогулки», вообще вышиб из Войска в 24 часа, отдав приказ № 709, что есаул Тацын 15 июня подал рапорт об исключении из казачьего сословия, так как не может служить с «такими» казаками, и был исключен, а затем «позволил себе совместно с генералами Сидориным и Семилетовым и полковником Гушиным ездить по станицам, вновь заинтересовавшись казачьими настроениями»⁴¹⁸.

«Степняки» огрызались как могли. Вот образец их переписки с войсковыми структурами: «Начальник партизанских отрядов дежурному генералу

генерал-майор Семилетов штаба Всевеликого
1 июля 1918 г. Войска Донского.

На запрос Ваш, к кому перешли дела бывшего моего отряда, доношу, что они в настоящее время ни к кому не переходили, в будущем, надеюсь, перейдут в историю...

Генерал-майор Семилетов»⁴¹⁹.

Однако, будучи ставленником жаждающих низовцев, Краснов не во всем выражал интересы выдвинувших его казаков. С самого начала, подыгрывая настроению Круга, атаман заявил, что «путь спасения Дона лежит в окончательном его отделении от матушки-России»⁴²⁰, но «с первых шагов деятельности генерала Краснова намечается расхождение его с Войсковым Кругом по основным политическим вопросам»⁴²¹.

Целью Краснова было втянуть казачество в затяжную войну с Советской Россией и в конечном итоге повести его на Москву. «Атаман чувствовал, что у него нет силы заставить пойти, и потому делал все возможное, чтобы пошли сами»⁴²².

Полного доверия со стороны Круга к Краснову не было. «Умник — это верно, но... даже доверять ему опасно. Но мы по банку вдарили, пошли на пан или пропал — дали всю власть.

Что выйдет — не знаем», — говорили сторонники атамана⁴²³. И тем не менее Краснов — сторонник сильной единоличной власти — «ухитрился превратиться в самодержца “демократического” казачества»⁴²⁴. Пытаясь установить авторитарный режим, Краснов писал, что у него было четыре врага: «...наша донская и русская интеллигенция, ставящая интересы партии выше интересов России, мой самый страшный враг». Затем шли: генерал Деникин, иностранцы — немцы или союзники — и большевики, которых атаман якобы боялся меньше всего⁴²⁵.

Самыми энергичными мерами налаживалась экономическая жизнь области. От управляющих отделом финансов и торговли и промышленности Краснов потребовал создать «строю систему налогового обложения», напечатать свои ассигнации и заменить ими марки Временного правительства. Предполагалось развитие свободной торговли, «добиваясь понижения цен конкуренцией, но ни нормировкой цен», было дано указание «призвать к жизни кооперативы и дать им возможность самого широкого развития»⁴²⁶.

Краснов писал, что у императора Вильгельма «он просил машин, фабрик, чтобы опять-таки как можно скорее освободиться от опеки иностранцев»⁴²⁷. Предполагалось развивать «новые отрасли промышленности с наилучшим и современным техническим оборудованием», разрабатывались проекты Волго-Донского и Донецко-Днепровского каналов⁴²⁸.

Земельный вопрос предполагалось если не разрешить, то сгладить. Своего рода источником земли стали наделы всех, кто ушел с красными. Было приказано засеять все пустующие участки, земли помещиков предполагалось засеять, используя пленных красногвардейцев, а урожай сдать в казну. Планировалось «выработать максимальную норму частного землевладения и правила отчуждения земли для выдачи безземельным»⁴²⁹.

Был снижен возрастной ценз для казаков при выборах войсковой власти, право голоса получили женщины-казачки.

За период красновского правления было открыто 8 гимназий и много начальных школ. Поезда по территории Войска Донского ходили строго по расписанию, и даже извозчики брали за проезд по дореволюционным расценкам. Тем не менее в бюджете «доходы покрывали 46 % расходов, а 57 % расходов шли на армию»⁴³⁰.

Опираясь на военизированное казачество, прекрасный администратор Краснов собрал значительные вооруженные силы. Преодолев местнические настроения повстанцев, к лету 1918 года Краснов, по мнению белогвардейцев, имел «около 100 тысяч вполне удовлетворительной в общем и прекрасной по частям армии»⁴³¹. Даже летом в условиях полевых работ, то распуская, то призывая казаков различных возрастных групп, он смог постоянно держать на фронте 50-тысячное войско⁴³². «Для несения тыловой службы было привлечено все население, включая стариков, женщин и детей, на которых также лежали и все заботы по хозяйству»⁴³³.

Не случайно в начале июня 1918 года, делая заметки к плану доклада о борьбе с голодом, В.И. Ленин отметил две главные силы в стране, противостоящие большевикам: «чехословаки; Краснов»⁴³⁴.

Глава 10 «СОЮЗНИКИ»

А) НЕМЦЫ

Важнейшим фактором развития событий в регионе была немецкая агрессия. Все антибольшевистские силы Юга России в этот период в своей деятельности либо открыто опирались на Германию (так же, как и Германия опиралась на них), либо пытались прямо или косвенно использовать ее как третью силу в своей борьбе против большевиков.

Формально между советской Россией и Германией был мир, но отсутствие демаркационной линии на юге позволяло немцам двигаться дальше и дальше, все больше приближаясь к вожденной бакинской нефти. Однако после занятия Ростова-на-Дону дальнейшее продвижение немецких войск прекратилось. Первая волна, когда восставшие казаки в горячке боев с Красной гвардией просили немцев на станичных сборах «освободить Донской край от большевиков» (так было в Донецком округе, когда гундоровские казаки отправились на поиски союзников-«гайдамаков», а встретили немцев и обратились к ним за помощью)⁴³⁵ и требовали союза с гетманской Украиной, теперь

прошла. Отныне с приходом немцев и разгромом красновардейцев многие казаки свою позицию высказывали недвусмысленно: «Если немцы к нам придут, мы все в Красную армию перейдем»⁴³⁶. Кроме того, на левом берегу разлившегося Дона немцев ждали отступившие отряды красновардейцев и антигермански настроенная Добровольческая армия (впрочем, очень малочисленная).

Осознавая это, германское командование в сводке от 8 мая, сообщая о занятии Ростова, добавило: «Вскоре начнутся переговоры об определении демаркационной линии»⁴³⁷. А командующий немецкими войсками в Донецком округе на запрос казаков о возможности немецкого продвижения в глубь области ответил, что «ему указана граница по реке Дону, и дальше он может двигаться лишь по приглашению»⁴³⁸.

В составе первого «посольства», направленного к немцам новой донской властью (Временным донским правительством) с требованием неприкосновенности границ Дона, были люди, «которые больше всех кричали о ненависти к немцам и о вечной преданности союзникам»⁴³⁹.

Поскольку немецкое командование заявило, что одной из причин их продвижения является отсутствие четко обозначенной границы между недавно образовавшейся Украиной и Россией, Круг спасения Дона постановил 29 апреля (12 мая) направить на Украину посольство, которому «твердо отстаивать существующие ныне границы области, ее независимость и самобытность казачества»⁴⁴⁰.

Однако, когда страсти поутихли, «черкашня» трезво рассудила, что именно немцы могут стать той могучей, но временной силой, на которую можно опереться в борьбе с большевиками и которую можно использовать в противовес своей служилой проантантовски настроенной верхушке.

Избранный Атаманом Краснов в первом же своем приказе заявил: «Вчерашний внешний враг, австро-германцы, вошли в пределы Войска для борьбы в союзе с нами с бандами красновардейцев и водворения на Дону полного порядка... Как ни тяжело для нашего казачьего сердца, а я требую, чтобы все воздержались от каких бы то ни было выходок по отношению к германским войскам и смотрели бы на них так же, как на свои части»⁴⁴¹. Позже приказом № 349 от 27 июля казакам было запрещено притеснять немцев-колонистов.

Делегации, посланные Красновым к германскому командованию, хотя и оговаривали неприкосновенность донских границ, основной целью имели заключение соглашения о военной и политической поддержке в обмен на поставки Доном продовольствия для Германии. На вопрос, долго ли немецкие войска пробудут на донской земле, Краснов удовлетворился туманным ответом, что немцы уйдут, «как только увидят, что на Дону восстановился полный порядок»⁴⁴².

А.И. Деникин впоследствии признавал: «Сообразно с фактической силой, которою располагали немцы на Дону, и, без сомнения, большим отпором, встреченным со стороны донского правительства, немецкая оккупация проявилась в формах значительно более умеренных, нежели на Украине»⁴⁴³.

Немецкие войска вышли на линию Юго-Восточной железной дороги, по Донцу они продвинулись до станицы Усть-Белокалитвенской, в низовьях Дона — до Ольгинской. По данным Н.Е. Какурина, это был 1-й германский резервный корпус (в составе 16, 45, 91, 215 и 224-й ландверных дивизий и 2-й Баварской кавалерийской дивизии), кроме того в авангарде немецких войск шла «группа южных дивизий»: 10, 7, 212 и 214-й⁴⁴⁴. Непосредственно в Ростове, Таганроге и Донецком бассейне стали 3 пехотные дивизии и 1-й кавалерийская бригада⁴⁴⁵. 91-я пехотная дивизия генерала Кладиуса базировалась в Каменской.

Оккупации и ограблению в основном подверглись Таганрогский и Донецкий округа, где подавляющую часть населения составляли крестьяне. Казачьи станицы пострадали в единичных случаях.

На фоне разгоревшейся беспощадной классовой войны немцы все же соблюдали «правила». Так, в бою под Зверево 22 апреля (5 мая) немцы взяли в плен до 5 тысяч красновардейцев. Казаки станицы Владимирской просили, чтобы пленных расстреляли, но немцы не дали этого сделать и отправили пленных в Германию⁴⁴⁶.

Краснов развернул с немцами «взаимовыгодную торговлю», приравняв 1 марку к 75 донским копейкам. Немцы стали снабжать Краснова захваченным на Украине русским оружием. За одну русскую винтовку с 30 патронами казаки давали немцам пуд ржи или пшеницы⁴⁴⁷. Подобную цену трудно назвать высокой.

Фактически Краснов вступил с немцами в оперативно-стратегическое взаимодействие. Он стремился увлечь немцев дальше на восток. Чтоб они заняли Царицын или хотя бы потребовали от советской власти передать этот город и ряд других донским казакам.

Но в конце мая 1918 года обстановка на юге России стала меняться. 14 мая правительство Грузии приняло решение просить немецкого покровительства. И 25 мая немецкие войска высадились в Потти. Тогда же немцы «по просьбе 6 станиц» высадили десант на Таманском полуострове. И, наконец, в конце мая в России началось восстание Чехословацкого корпуса. Чехи могли распространиться вниз по Волге и при помощи местных белогвардейцев образовать новый антигерманский фронт. Для немцев это было очень не во время, так как 27 мая германское командование начало наступление на Западном фронте на реке Энн, которое 5 июня стало захлебываться. Все это подталкивало германское командование к решению выйти к бакинской нефти без серьезных боев броском через Черное море, а донских казаков использовать как буферное государственное образование против чехов. Тем не менее была подготовлена операция по форсированию Дона и захвату Батайска. Удар наносился совместно немцами и казаками. Бои шли 30 мая и 2 июня (н.с.). Краснов привлек к совместной операции отряд Глазенапа, состоявший из донских казаков, но входивший в Добровольческую армию. Батайск был занят, но дальше немцы не пошли. «...Появление наше на территории, на которую Украина не имеет никаких претензий, обозначало бы нарушение нашего договора с большевиками. — А.В.», — объясняли они⁴⁴⁸.

Во второй половине июня германское командование, исчерпав поводы, оправдывающие продвижение на Кавказ по территории Дона и Кубани, и готовясь к генеральному наступлению на реке Марне во Франции, остановилось на варианте выхода к Баку через «союзную» Грузию и пошло на установление демаркационной линии между советскими и германо-украинскими войсками. 17 июня было заключено соглашение между представителями командования советских и германских войск о приостановке военных действий. 23 июня копия договора о демаркационной линии была передана в войска⁴⁴⁹. Бои местного значения под Батайском шли до июля.

События на Западном фронте вынуждали немцев действовать на востоке руками «русской контрреволюции»⁴⁵⁰. Краснова они усиленно подталкивали к занятию Царицына, чтобы «замкнуть» регион с востока. А чтоб атаман сам не перешел на сторону чехов, его стали усердно снабжать оружием и деньгами.

На совещании германского руководства в Спа генерал Людендорф отмечал, что на казаков «оказывать влияние можно только с помощью денег»⁴⁵¹. Ранее истраченных на казаков 15 миллионов марок оказалось мало, и Людендорф просил ведомство иностранных дел выделить дополнительно сумму «молча и без особых указаний». На все возражения он повторял: «Без денег мы не сможем удержать казаков. В таком случае наше положение могло бы осложниться. Мы не сможем тогда больше рассчитывать на поставки зерна... Если мы не позаботимся о донских казаках, то они перейдут на сторону Антанты. Этому нужно помешать»⁴⁵². Как видим, германскому командованию приходилось не только брать с Дона (продовольствие), но и давать Дону, оплачивать его лояльность.

Атаман Краснов, постоянно шантажирующий немцев своими контактами с «добровольцами», стремился урвать, где только возможно. Когда германское командование вело переговоры с советским руководством о демаркационной линии, Краснов склонял немцев, чтобы они потребовали провести эту линию по Волге, начиная от Камышина, по Азовскому и Черному морю, иначе он якобы не мог поставить немцам требуемое продовольствие, так как на Дону намечался неурожай и положение могла спасти лишь Задонская степь. На это германское командование ответило, что «при настоящем положении дел нет, однако, никакой надежды достигнуть такой сдачи территории, как только при помощи военных действий»⁴⁵³.

В Спа было решено: «Стремление донских казаков к самостоятельности не следует поощрять. Верховное главнокомандование, однако, считает обязательной военной необходимостью привлечь на свою сторону донских казаков, снабдив их деньгами и оружием, чтоб удержать от объединения с чехословаками. Верховное главнокомандование окажет при этом тайную поддержку казакам, так что политическому руководству вовсе не следует об этом знать...»⁴⁵⁴.

Сами немцы Дон самостоятельным государством не признали, но повлияли на контролируемую ими Украину, которая была признана самостоятельным государством и Германией и Советской Россией, и Украина — «Украинская Держава» — 7 августа 1918 года признала, в свою очередь, Всевеликое Войско Донское.

Подобная система взаимоотношений устраивала до определенного времени и немцев, и подавляющее большинство восставших казаков. П.Н. Краснов писал, что по внешнеполитической ориентации «все хлеборобы и большинство интеллигенции было за немцев, кадеты и многочисленные политические беженцы — за союзников»⁴⁵⁵.

Немцы прекрасно осознавали эту расстановку сил на Дону. Когда в августе собрался Большой Войсковой Круг и возникла еще одна кандидатура на пост Донского атамана (кадетская оппозиция выдвигала деникинского ставленника А.П. Богаевского), немцы остановили поставку снарядов на Дон, и новый претендент снял свою кандидатуру. Потом он, отчитываясь о работе своего ведомства (при Краснове он возглавлял правительство и отдел иностранных дел), в сердцах сказал: «Наша внешняя политика определяется тем, что мы прижаты к стене»⁴⁵⁶.

Главным итогом доно-германских взаимоотношений стали: дипломатическая поддержка; помощь оружием и военной техникой; открытая военная поддержка на начальной стадии общения. Все это, однако, не стоит переоценивать. Сам Краснов важнейшим результатом считал то, что немцы, начиная с мая и до конца 1918 года, прикрывали Всевеликое Войско Донское с запада.

Вторым союзником донского руководства в рассматриваемый нами период времени была Добровольческая армия.

Как только началось восстание в Кривянской под Новочеркасском, подпольная организация Аксайской станицы командировала старшего урядника Зацепина на Кубань, на поиск Добровольческой армии. В Задонье к Зацепину присоединились казаки восставших станиц, которые тоже искали помощи в борьбе с большевиками. По дороге они встретили добровольческий разъезд полковника Борцевича, который проводил их в штаб Деникина⁴⁵⁷.

Донская «делегация» просила Деникина «помочь восставшим добровольцами и оружием». Деникинцы конечно же решили «помочь»⁴⁵⁸.

По воспоминаниям Романа Гуля, Добровольческая армия, отбитая от Екатеринодара и потерявшая генерала Корнилова, получила «приглашение» идти на Дон в Вербное воскресенье, когда была в станице Успенской. «В разговорах на паперти узнаем, что приехала с Дона делегация, зовут туда, что донские казаки восстали против большевиков и уже очистили часть области.

Все радостны. Неожиданный просвет! Едем на Дон, а там теперь сами казаки поднялись! Какая сила!». И «добровольцы» устремились на север, делая на подводах по 70—80 верст в сутки⁴⁵⁹.

Делегаций было несколько. Еще одну такую делегацию Гуть видел в Великий четверг на станции Лежанка. Это были три «запыленных донца-казака» станицы Егорлыкской. «В синих полуподдевках, шаровары с красными лампасами, фуражки лихо сбиты набекрень, из-под них торчат громадные вихры волос», — так описал их Гуть.

«Все встали, чисто, как один, — говорит широкоплечий рослый казак. — Из половины области их уже выгнали, теперь вас только ждем, нас за вами депутатами послали».

Добровольческая армия вернулась из 1-го Кубанского похода на территорию Дона и вступила в станицу Мечетинскую в составе 3519 человек. 1500 раненых «добровольцев» были направлены в Новочеркасск. Непосредственно в строю без учета кубанских частей было 2000 «добровольцев»⁴⁶⁰.

Общность интересов «добровольцев» и части восставших донцов сомнений не вызывала. Грядущее сотрудничество облегчалось и тем, что «преобладающий контингент Добровольческой армии» составляли казаки⁴⁶¹, донцы и присоединившиеся кубанцы, но это были преимущественно централистски настроенные казаки.

27 апреля (10 мая) Временное донское правительство провело заседание с представителем Добровольческой армии генералом А.С. Лукомским и убедило последнего в доброжелательном отношении донцов к Добровольческой армии. Присутствие немцев на территории области, что особенно раздражало «добровольцев», было охарактеризовано как «прискорбный факт»⁴⁶².

Ситуацию осложняли антиофицерские настроения большинства казаков и пренебрежительное отношение к донцам, демонстрируемое «добровольцами». Генерал Деникин считал, что походный атаман Попов — «человек вялый и нерешительный», главу правительства Г.П. Янова считал «правым демагогом», а само правительство — «многоголовым совдепом»⁴⁶³.

Деникин послал на Круг Спасения Дона своего претендента в Донские Атаманы — генерала Африкана Богаевского, брата калединского сподвижника. Но А.П. Богаевский опоздал к началу выборов⁴⁶⁴ и не смог составить Краснову конкуренцию. Тем не менее он стал при Краснове «премьер-министром» и одновременно управлял отделом иностранных дел.

Вступая на территорию Дона, «добровольцы» пытались играть на патриотических чувствах. В газетах было объявлено. Что Добровольческая армия «действует совершенно самостоятельно и не вступает в соглашения ни с украинской, ни с германской армиями»⁴⁶⁵.

Что касается взаимоотношений с донцами, «добровольцы» хотели бы воссоздать подобие «Донского Гражданского совета» во главе с генералом Алексеевым. Но Временное донское правительство еще 26 апреля (9 мая) заявило, что все военные силы на территории области должны подчиняться походному атаману Попову⁴⁶⁶. Избранный Донским Атаманом П.Н. Краснов тоже не помышлял подчиняться ни Деникину, сменившему Корнилова, ни Алексееву. Более того, он имел на Добровольческую армию свои виды и вел свою игру.

В борьбу за влияние на поредевшую после «Ледового похода» армию включились многочисленные политические группировки, возникшие на освобожденной от большевиков территории. «Все группы и организации вместо материальной помощи присылали нам горячие приветствия — и письменно, и через делегатов, — и все пытались руководить не только политическим направлением, но и стратегическими действиями армии», — сетовал Деникин⁴⁶⁷. В результате взаимные нелады начались у Деникина с Красновым и с крайними правыми кругами.

Добровольческая армия была буквально спасена на Дону. «...Без Дона и Краснова Добровольческая армия перестала бы существовать еще в 1918 году!» — считали современники⁴⁶⁸. «Неблагодарные» «добровольцы» тем не менее сразу же вклю-

чились в борьбу с Красновым за влияние на антибольшевистское движение на Юге. «Добровольцам» «претил новый Донской флаг. Немногие понимали значение его как переходного флага»⁴⁶⁹. Деникин «хотел, чтобы Войско Донское было Донской областью с некоторой автономией, он не соглашался признать Донской армии, но желал иметь Донские полки там, где они понадобятся; он решительно шел к тому старому режиму, о котором при обстоятельствах теперешнего момента атаман не мог и заикнуться», — считал Краснов⁴⁷⁰. Что касается правых кругов, то слишком самостоятельная позиция командования Добровольческой армии была причиной их вражды, и «Совет монархического блока решил армии не трогать, но травить руководство»⁴⁷¹.

Трагическим курьезом было то, что армия, ставшая предметом борьбы и упований, постоянно была на грани финансового краха. Денежная наличность ее балансировала меж двухнедельной и месячной потребностью. «Денежная Москва не дала ни одной копейки. Союзники колебались... Все капиталисты, а так же и частные банки держались выжидательной политики»⁴⁷². 4,5 миллиона, полученные от союзников, и такое же количество средств, полученное из донского казначейства, давали армии возможность существовать два месяца (при месячных расходах в 4 млн.), а дальше перед ней открывался путь взимания контрибуции и захвата трофеев.

«Вообще же в массе своей добровольчество и донское казачество жили мирно, не следуя примеру своих вождей», — признавал Деникин⁴⁷³. В начале июня 1918 года обосновался в Новочеркаске генерал Алексеев, там же находился военно-политический отдел армии. А Краснов демонстративно заявлял, что имя Корнилова «будет вечно жить в сердцах казаков как имя великого героя»⁴⁷⁴.

Сама Добровольческая армия переживала в это время внутренний кризис из-за вопросов об ориентациях и политических лозунгах. После трудностей Ледяного похода и создания «белой легенды» большинство «добровольцев» не считало нужным скрывать свои истинные политические убеждения. Выяснилось, что «громадное большинство командного состава и офицерства было монархистами»⁴⁷⁵, и это сразу же поставило под сомнение присоединение к армии широких слоев населения в будущем.

Сам Деникин считал этот неприкрытый монархизм гибельным для армии.

Кризис усугубился тем, что срок контракта — четыре месяца — истек, и многие офицеры-добровольцы не считали теперь себя связанными службой. Отток из Добровольческой армии увеличился и из-за приказа Краснова, обращенного к офицерам и казакам прежних донских частей. 8 (21) мая многие донские казаки и офицеры перешли из Добровольческой армии в Донскую. Один из чернецовцев вспоминал, что в Мечетинской «многих из нас произвели в прапорщики и вскоре, как донцов, откомандировали в распоряжение штаба Донского Войска». Документы им подписали полковник Писарев и есаул Дьяков⁴⁷⁶. Партизанский полк, ранее состоявший из донцов, теперь в большинстве состоял из кубанцев⁴⁷⁷.

Кроме того, Краснов препятствовал количественному росту деникинцев и другим образом. Помимо «добровольцев» Деникина в Новочеркасске стояла пришедшая с Румынского фронта «1-я бригада Русских добровольцев» полковника Дроздовского: 667 офицеров, 370 солдат, 14 докторов и священников, 12 медсестер⁴⁷⁸. Елижайшей целью отряда, — по словам Дроздовского, — было соединение с корниловской армией⁴⁷⁹. Однако Краснов хотел, чтобы Дроздовский, в противовес «добровольцам» Деникина, формировал на Дону самостоятельную армию и направлял к нему в бригаду бегущих на Дон неказачьих офицеров. В состав «1-й бригады Русских добровольцев» были включены одна пешая и одна конная казачьи сотни, а неказачий эскадрон дроздовской кавалерии участвовал в боях в Сальском округе вместе с казаками.

В дальнейшем Краснов попытался разыграть добровольческую карту в своей игре с немцами. В станице Манычской 15 (28) мая Краснов встретился с командованием Добровольческой армии и настойчиво советовал ему наступать на Царицын, в Поволжье, где можно было соединиться с уральскими казаками. Тем самым атаман бил сразу трех зайцев: выпроваживал соперника с территории Дона; способствовал созданию единого фронта с Чехословацким корпусом, который как раз вышел на Волгу в районе Сызрани, и тем самым подталкивал немцев начать строительство буферного нейтрального государства между немецкими войсками и чехами. Роль этого нейтрального государства Краснов отводил Дону.

Однако Деникина и других «добровольцев» нелегко было толкнуть на этот шаг. Хотя чехи впоследствии и приглашали «добровольцев» на Волгу, русские генералы не стали переносить туда свои действия. Они учитывали, что из всех политических сил при чехах главную роль играют эсеры, а это усугубило бы кризис в Добровольческой армии. Кроме того, чтобы говорить с чехами на равных, нужна была настоящая армия, а не жалкие 2 тысячи. Армию планировалось создать на базе кубанского казачества. Даже после разгрома под Екатеринодаром белые были убеждены, что Кубань — против советской власти, а «Корнилов не поднял Кубани, так как не имел базы и оружия»⁴⁸⁰. Последние сообщения с Кубани утверждали их в этом мнении. Под боком у Деникина был Ставрополь, где скопилось до 3000 офицеров и юнкеров при таком же количестве Красной гвардии, но Добровольческая армия на Ставрополь не шла, хотя и могла увеличиться там вдвое. Она ждала соединения с отрядом Дроздовского (тот 23 мая «на 2—3 дня» ездил к Алексееву) и готовилась к новому походу на Кубань.

На совещании 15 (28) мая «добровольцы» «взяли обязательство овладеть железной дорогой Великокняжеская — Тихорецкая и освободить Задонье и Кубань»⁴⁸¹. Взамен Деникин потребовал оружие с русских складов на Украине, которое Краснов должен был выпросить у гетмана и немцев, и 6 миллионов рублей, которые принадлежали Добровольческой армии «по разверстке» общей казны еще времен Каледина⁴⁸² (Краснов в своих воспоминаниях писал, что эти деньги Деникин занял у Донского правительства)⁴⁸³.

26 мая (8 июня) к Деникину присоединился возросший до 2,5 тысяч отряд Дроздовского. Тем не менее большую часть июня Добровольческая армия накапливала силы и прикрывала левый фланг донских (и германских) войск, оперирующих против советских частей под Батайском.

23 мая (5 июня) германский генерал Кнерцер предложил Краснову оружие, захваченное немцами на станции Лихой, при условии, что его не используют против немцев. Краснов заверил Кнерцера в этом, но треть снарядов и четвертую часть патронов передал проантантовски настроенным «добровольцам».

В целом Добровольческая армия сохранила, несмотря на кризис, свой состав (отпускники, получившие три недели отпуска

после истечения четырехмесячного контракта, вернулись), и даже пополнилась за счет отряда Дроздовского. В ней остались, вопреки приказам, многие донцы. Так, один из партизан-чернецовцев, вернувшись из Ледового похода, был произведен в офицеры и направлен в распоряжение Донского Войскового штаба. Трижды являлся он в штаб, чтобы получить назначение или отпуск... «В четвертый раз в штаб не пошел, — писал он, — а сел на коня и в составе Дроздовского полка, в 4-й Донской сотне, уехал в станицу Мечетинскую, в Добровольческую армию»⁴⁸⁴.

Постоянным пристанищем для донцов, воюющих с большевиками вне Донской армии, стал Партизанский полк. Б. Приянишников вспоминал: «В те дни немало кадет 6-го и 7-го классов уходило на фронт проводить с пользой для Отечества летние каникулы. Так и я провел лето 1918 года в рядах Партизанского пешего казачьего полка, впоследствии Алексеевского пехотного полка, прошедшего с боями по степям Ставрополя и Кубани во время второго похода Добровольческой армии»⁴⁸⁵.

Командование Добровольческой армии, внешне весьма щепетильно относящееся к взаимоотношениям с немцами и отвергающее всякие намеки на контакт с ними, демонстративно выжидало формального окончания военных действий на советско-германском фронте и, как только стало известно о демаркационной линии, 10 (23) июня начало наступление. Но пошло сначала не на Кубань, а в противоположном направлении — на торговую и Великокняжескую, то есть согласно «обязательству» перед Донским правительством, захватило линию железной дороги.

Обеспокоенное активностью «добровольцев» германское командование 11 (24) июня предлагает Краснову удалить Добровольческую армию с его территории⁴⁸⁶, а 13 (26) июня еще раз «намекнуло» ему через калмыцкого князя Тундута о «репрессиях против Добровольческой армии»⁴⁸⁷. Но было уже поздно, «добровольцы» в первых числах июля повернули резко на юг и начали наступление на Кубань, нанося удар по тылам советского антигерманского фронта, захватывая огромные трофеи и выходя из материальной зависимости от Краснова и немцев.

В этой борьбе донцы и «добровольцы» были взаимосвязаны. Как считали «деникинцы», «против нас были красные час-

ти с Кавказского фронта. Мы перегородили единственную железную дорогу, ведущую с Кавказа в Россию, чем обеспечили донцам тыл. Донцы же обеспечивали нам тыл и снабжали нас патронами и снарядами»⁴⁸⁸.

Германское командование, которое не оставляло замысла о своей экспансии на Кубань путем «воссоединения» Кубани и Украины (о чем постоянно велись переговоры кубанских «самостийников» и гетмана), запросило Краснова о положении и планах Добровольческой армии. Краснов ответил, что Добровольческая армия 17 (30) июня самовольно, без ведома донского командования, бросила позиции под Кагальницкой — Мечетинской и на свой страх и риск отправилась в неизвестном направлении. Силы «добровольцев» невелики, — успокоил немцев Краснов, — всего 12 тысяч, из них 70 % — кубанские казаки и 1,5 тысячи — отряд Дроздовского⁴⁸⁹. На самом деле красноvince приняли самое активное участие в боях «добровольцев» за южные районы Донской области. Всю первую декаду июля «добровольцы» и кубанцы под командованием Покровского совместно с донскими казаками продолжали бои под Кагальницкой — Мечетинской (обо всех этих боях будет рассказано ниже). Краснов передал в подчинение Деникину 3,5-тысячный отряд Быкадоровова, который вскоре возрос до 12 тысяч⁴⁹⁰, то есть сравнялся по количеству со всей Добровольческой армией.

Некоторые тыловые органы «добровольцев» остались в Новочеркасске, и недруги, используя это, пытались сравить две армии.

«Донскому Атаману. Негласно до меня доходят сведения, что предполагается обыск и арест моего политического отдела. Если это правда, то такой акт, ничем не вызванный, будет означать в высшей мере враждебное отношение к Добровольческой армии. Разве пролитая кровь армии за Дон позволяет допустить такой унижительный акт, разве имеются причины? № 187. Алексеев. 10 августа»⁴⁹¹.

«Екатеринодар. Штаб армии. Генералу Алексееву.

Удивлен, что Ваше Высокопревосходительство допускает возможность, что такой акт по отношению Добровольческой армии возможен. Прошу арестовать как злостных провокаторов лиц, распускающих такие слухи. Враги Дона ни перед чем не стесняются, чтобы вызвать вражду и недовольство в той армии,

которой Дон так многим обязан и в которой видит будущее России. Донской Атаман генерал-майор Краснов»⁴⁹².

Алексеев в свою очередь приветствовал Донской Большой Войсковой Круг словами: «Как всегда верую, что наши пути должны идти вместе»⁴⁹³.

Глава 11

АРМИЯ ФОРМИРУЕТСЯ В БОЯХ

Два врага — немцы и Добровольческая армия — выступали союзниками по отношению к восставшим донским казакам. «Без немцев Дону не освободиться от большевиков — это было общее мнение фронтового казачества, которое умирало, защищая с оружием в руках свои станицы и освобождая станицы своих соседей», — писал атаман Краснов⁴⁹⁴. Добровольческая армия — «армия не народная, а интеллигентская, офицерская»⁴⁹⁵ — в рассматриваемый период больше зависела от Дона, чем Дон от нее. Но она тоже была «союзником» и дралась вместе с донцами против большевиков.

Однако уповать лишь на союзников Дон, естественно, не мог. И главное внимание восставших было уделено воссозданию казачьих вооруженных сил. Круг Спасения Дона поставил вопрос «об организации на Дону постоянной армии, упорядочении казачьих сил, поднявшихся для борьбы с большевиками, и об установлении закона об организации армии и установлении в ней дисциплины»⁴⁹⁶.

Первые законы, принятые Кругом Спасения Дона, установили: «...5. Атаман есть верховный вожь Донской армии и флота... 25. Все воинские части, как постоянной армии, так и временно вызываемые по мобилизации, руководствуются законами, уложениями и уставами, изданными в Российской империи до 25 февраля 1917 года»⁴⁹⁷.

С избранием П.Н. Краснова атаманом в командование Донской армией 5 (18) мая вступил генерал-майор С.В. Денисов. 8 (21) мая вышло «Положение о военной службе». «Положение» предполагало воинскую повинность для казаков с 19 до 40 лет. 2 года они должны были обучаться в подготовительном разряде,

2 — служить в строевом разряде, далее шли запасные очереди в 6 и 11 лет. «Жребьеметание» проводилось по станицам 1—15 сентября. Сохранялись льготы по болезни, семейному и имущественному положению. В мирное время предполагалось иметь 12 конных полков, 2 пластунских и 2 стрелковых полка, в военное — 36 конных полков, 8 стрелковых и 8 пластунских. Служить казаки должны были в казенном обмундировании и на казенных лошадях⁴⁹⁸.

Были утверждены штаты Донской дивизии и Донского шестисотенного полка.

Донская дивизия:

Начальник дивизии — оклад 700 рублей.

Начальник штаба дивизии — 600 рублей.

Старший адъютант по строевой части — 450 рублей.

Старший адъютант по хозяйственной части — 450 рублей.

Старший адъютант по инспекции — 450 рублей.

Интендант — 600 рублей.

Делопроизводитель при интенданте — 400 рублей.

Обер-офицер для поручений — 400 рублей.

Казаки нестроевые:

Писаря в штабе — 2 + 5 (оклад не указывался).

Писаря в управлении интенданта — 1 + 2.

Старший урядник — 1.

Для хозяйственной надобности — 4.

Для ухода за лошадьми — 8.

Обозных — 7.

Шоферов — 2.

Мотоциклистов — 14.

Обоз: 7 повозок, 13 машин.

Лошадей: строевых — 15, обозных — 9⁴⁹⁹.

Донской полк:

Командир — 1 — 600 рублей.

Помощники по строевой части — 2 — 500 рублей.

Начхоз — 1 — 500 рублей.

Адъютант — 1 — 450 рублей.

Казначей — 1 — 400 рублей.

Зав. оружием — 1 — 400 рублей.

Начальник обоза (квартирмейстер) — 1 — 450 рублей.

Врачи — 2—450—500 рублей.

Ветеринарные врачи — 2—450—500 рублей.

Делопроизводитель по хозяйственной части — 1—400 рублей.

Капельмейстер 1—400 рублей.

Священник — 1—450 рублей.

Казаки:

Штаб-трубачи — 2.

Трубачи — 20.

Каптенармусы — 2.

В полку 50 офицеров, 1 чиновник, 4 врача, 1 священник, 900 казаков, 239 нестроевых⁵⁰⁰.

Приказом № 76 утверждался «Табель содержания воинским чинам». Взамен жалования, столовых, квартирных, прислужных, фуражных, добавочных на дороговизну все чины армии получали единое месячное денежное содержание.

Казак — 10 рублей⁵⁰¹.

Приказный — 12.

Младший урядник, фейерверкер — 15.

Старший урядник, писарь — 20.

Вахмистр, полковой писарь — 25⁵⁰².

Подхорунжий без должности, сотенный медицинский фельдшер — 50.

Вахмистр-подхорунжий — 100.

Подхорунжий на офицерской должности — 150.

Офицер в строю в качестве рядового — 200.

Младший офицер сотни, батареи (прапорщик, хорунжий, сотник) — 350.

Старший офицер сотни, батареи (хорунжий, сотник, подъесаул, есаул), квартирмейстер, зав. оружием — 400.

Командир сотни, младший полковой врач, старший адъютант штаба дивизии, полковой священник — 450.

Штаб-офицер полка, командир батальона, командир батареи, старший полковой врач, ветеринарный врач, дивизионный интендант — 500.

Командир полка, начальник штаба дивизии — 600.

Начальник дивизии — 700.

Оклад начислялся с 4 (17) апреля 1918 года⁵⁰³.

В «Положении» и «Табели» не оговаривались права добровольцев, поскольку управляющий военным отделом генерал

Денисов запретил прием таковых в части войск Донской армии⁵⁰⁴.

В реальности «Положение» выполнялось далеко не полностью, поскольку организация армии и освобождение области от большевиков шли параллельно и влияли друг на друга.

Хотя П.Х. Попов и заявил на Круге Спасения Дона, что 75 % территории области очищены от большевиков, реально к началу работы Круга восставшие казаки контролировали северную часть Черкасского и Ростовского округов, южную часть Донецкого и «отдельным оазисом весь Верхне-Донской»⁵⁰⁵.

Краснов писал, что во время вступления им в управление Войском Донским «все вооруженные силы Донского войска состояли из шести пеших и двух конных полков при 7 орудиях и 11 пулеметах, составлявших Северный отряд полковника Фицхелаурова, одного конного полка в Ростове и нескольких небольших отрядов, разбросанных по всему войску, сила, численность и вооружение которых ни атаману, ни командующему войсками не были известны. Дон кипел восстаниями и поднялся весь, от Крайнего Севера до юга. Но сведения о восставших, об их силе, об успехах их борьбы первое время приходили лишь со случайными людьми, прорывавшимися сквозь большевиков и привозивших известия в Новочеркасск»⁵⁰⁶. Как явствует из этого заявления, конфликт между «черкасами» и «партизанами», между П.Н. Красновым и П.Х. Поповым привел к тому, что все наработки штаба походного атамана (корпусная система организации повстанцев, разветвленная сеть связи с округами и прочее) оказались невостребованными или просто не были переданы «новому начальству», и новому командующему армией Денисову все пришлось начинать с «чистого листа».

Хорошо, что в этот период противостоящий казакам противник особой боеспособностью не отличался. Многие отошедшие с Украины красногвардейские отряды разложились. Характерна для этого времени дневниковая запись П.А. Лурье от 7 мая: «В Тихорецкой стоит начальник войск Северного Кавказа Соколин. Он собирается разоружить отступающие отряды. Командармы Харченко и Бондаренко этому не препятствуют, так как армии им не подчиняются, а занимаются только грабежом»⁵⁰⁷.

Ситуация менялась, когда казакам противостояли местные крестьяне-добровольцы, сознательно дравшиеся против

повстанцев. Их слободы стали очагами сопротивления внутри области.

Исходя из сложившейся ситуации, главной задачей было «внести полный порядок в организацию армии и боевые действия, построить организацию на началах военной науки и добиться правильного управления отрядами, не нарушая в то же время ее народного характера»⁵⁰⁸.

Непосредственной задачей стало объединить Север и Юг Дона, разрезанные красногвардейцами, отступающими по железной дороге от Лихой на Царицын. Тем более что именно на Верхнем Дону и на речке Белой Калитве местными повстанцами в конце апреля — начале мая были взяты огромные трофеи — оружие, снаряды, патроны. Таким образом, командующий Донской армией генерал Денисов начал развивать действия на север и северо-восток. Отряд генерала Фицхелаурова получил приказ наступать на станицу Каменскую, затем, взяв ее, повернуть на восток, на Нижне-Чирскую, чтобы соединиться с отрядом Мамонтова. В результате предполагалось освободить восточную часть Донецкого и западную часть 2-го Донского округов⁵⁰⁹.

А) ОСВОБОЖДЕНИЕ ДОНЕЦКОГО ОКРУГА И ЧАСТИ 2-го ДОНСКОГО

В состав отряда генерала Фицхелаурова, названного «Северным отрядом», входили:

- Кривянский пеший полк.
- Раздорский пеший полк.
- Сводный пеший полк Каклюгина.
- Сводный пеший полк Климова.
- 1-й конный полк Татаркина.
- 2-й конный полк Слюсарева.
- 12-я Донская казачья батарея Ковалева.
- Заплавская батарея Попова.
- Грушевская батарея Никольского.

Окружная станица Донецкого округа Каменская после четырехдневных боев была 22 апреля (5 мая) захвачена немцами и местными восставшими казаками. Выбитые оттуда донские красногвардейцы и украинские советские войска отходили на восток вдоль железной дороги Лихая — Царицын. Лежавшие к

северу от железной дороги крестьянские слободы с приходом «солдат» начали мобилизацию против восставших казаков. Казачьи станицы, отрезанные от повстанцев Нижнего Дона «железкой» и крестьянскими поселениями, тоже активизировались и стали формировать дружины.

Еще 14 (27) апреля нарочный от походного атамана Попова привез в станицу Милютинскую приказ о мобилизации казаков 1912—1916 годов переписи «для защиты Морозовского района». Предполагалось, что в Морозовский район войдут Вольно-Донская, Морозовская и Милютинская станицы. Начальником обороны района назначался есаул Захаров.

16 (29) апреля милютинцы, отобилизовавшись, выступили и 20 апреля (3 мая) заняли Морозовскую, перерезав железную дорогу Лихая — Царицын. Эшелоны украинских советских войск, таким образом, оказались отрезанными между станциями Чертково — Сулин — Морозовская.

17 (30) апреля из-за вступления Тираспольского отряда 2-й социалистической армии в пределы Верхне-Донского округа (о чем говорилось выше) началась мобилизация в Мигулинской станице. В результате в Верхне-Донском округе произошел антибольшевистский переворот, а Тираспольский отряд был разоружен и перебит. Мигулинцы захватили 12 орудий, 52 пулемета, 2000 винтовок и 15 тысяч патронов.

Узнав о событиях в Мигулинской, 21 апреля (4 мая) провела мобилизацию четырех возрастов самая южная станица Усть-Медведицкого округа Краснокутская.

23—24 апреля (6—7 мая) большевистские отряды с двух сторон — от Царицына и от Белой Калитвы — атаковали Морозовскую и восстановили коммуникационную линию от Лихой на Царицын. В Морозовскую стали стягиваться местные красногвардейские отряды из слобод.

Председатель Донского Совнаркома Ф. Подтелков с агитаторами и отрядом верных ему казаков Каменской местной команды решил пройти от линии железной дороги по крестьянским слободам на север, в Усть-Медведицкий округ, где военным комиссаром был популярный красный казак, войсковой старшина Миронов. Там Подтелков, сам уроженец этого округа, надеялся провести мобилизацию казаков «против немцев и контрреволюции».

От станции Грачи Подтелков с отрядом устремился на север. Сводки отряда Фицхелаурова с опозданием сообщали 30 апреля (13 мая), что среди Пасхальной недели 25 или 26 апреля (8 или 9 мая) через слободы Скасырскую, Процыкову, Большинскую и Голодаевку проследовал (бежал) обоз в 30 повозок с массой вещей, сундуков, ящиков. В обозе были замечены пулеметы. «Встречных лошадей отбирают и вербуют лошадей и повозки, где возможно, и заменяют вместо усталых и наскоро бегут, некоторым жителям, способствующим им, платят за подводы большие деньги по 40, 50 и 60 рублей за подводу на самое короткое расстояние, а многие местные жители, зная это, уводят лошадей от них. Все говорят, что это штаб большевиков во главе с Подтелковым... В слободе Скасырской Подтелков бросил свой автомобиль за неимением бензина или порчи».⁵¹⁰

Как раз в то время, когда Подтелков двигался на север области, красногвардейцы в Морозовской решили «усмирить» близлежащую станицу Милютинскую (ее Подтелков обошел с запада), которая создавала реальную угрозу железной дороге. Командир Милютинского отряда подьесаул Донсков запросил помощи у соседних станиц. 26 апреля (9 мая) делегации от Милютинской приехали в Краснокутскую, Боковскую, Каргинскую станицы просить помощи, сообщив, что Милютинская окружена крестьянами двух слобод и Красной гвардией из Морозовской.

Верхне-Донской округ реально мог выставить отряды Мигулинской и Каргинской станиц (командир подьесаул Цыганков). Остальные станицы округа от подачи помощи уклонились.

«26 апреля. Военный отдел Каргинской станицы. Командующему войсками Верхне-Донского округа полковнику Алферову.

Отсутствие вооруженной помощи милютинцам от станиц Вёшенской, Еланской, Казанской и других произвело настолько скверное впечатление на казаков Мигулинского отряда, что мигулинцы заявили о своем нежелании идти дальше. После долгих разговоров мигулинцы согласились подчиниться требованиям Каргинского отдела выступить вместе с каргинцами в поход против шайки Подтелкова, оперирующего в районе Милютинской станицы.⁵¹¹ Поручиться за то, что мигулинцы в дороге снова не проявят колебаний, нельзя. Да и на каргинцев отсутствие сил других станиц производит не лучшее впечатление, чем на мигулинцев.

Ваше присутствие, как командующего войсками округа, очень и очень желательно. Отряд отправляется из Каргинской станицы в Милютинскую через Боковскую в 12 часов ночи. Председатель военного отдела Лиховидов. Секретарь С. Ушаков».

Однако 26 апреля (9 мая) поднятые на помощь милютинцам казаки столкнулись с отрядом (экспедицией) самого Подтелкова.

В 6 часов вечера в правление Краснокутской станицы был доставлен подтелковский квартирьер К. Мельников, который заявил, что Подтелков идет объявлять мобилизацию, а Красную гвардию им приказано «считать сестрой Дона»⁵¹². В ответ на это станица Краснокутская и хутор Пономарев выставили отряд в 119 человек и двинули навстречу Подтелкову.

О приближении Подтелкова сообщили соседям. Силы его отряда были резко завышены.

«27 апреля командующему войсками Верхне-Донского округа. Ст. Каргинская.

По сообщению Боковского военного отдела, военного отдела Краснокутской станицы и жителей хутора Пономарева Подтелков с отрядом Красной гвардии силою приблизительно 300—400 человек, посаженных на 37 обывательских подводах, 26 сего апреля в 4 часа дня появился в х. Алексеевском, пройдя Шашкин и Рубашкин, направляясь, по-видимому, в слободу Чистяковку. Узнав, что около Чистяковой находятся казачьи силы, Подтелков с х. Алексеевского вернулся через Рубашкин в Свечников. Разведывательные силы казаков х. Пономарева и Краснокутской станицы вошли в соприкосновение с бандой Подтелкова и ни на минуту не выпускают его из наблюдения. В вышеупомянутых донесениях указывается, что Подтелков, держа путь в х. Алексеевский по направлению к Чистяковке, вел свой отряд (размещенный на подводах) на рысях.

Станицей Каргинской для преследования Подтелкова отправлен отряд казаков, состоящий из каргинцев и мигулинцев. Сила отряда: 225 конных, вооруженных винтовками, 3 пулемета, 2 полевых орудия с 300 снарядами. Казаки Каргинской станицы настроены бодро, а мигулинцы за исключением казаков хуторов Наполов, Верхне-Чирский, особенно артиллеристы, очень и очень ненадежны.

Ожидается немедленная вооруженная поддержка от станиц Верхне-Донского округа, не принявших до сих пор никакого участия в выступлениях против Подтелкова с его Красной гвардией. Отряд Подтелкова в 300—400 человек с 3 пулеметами, о которых упоминается в настоящем донесении, является авангардом главных сил, численность которых неизвестна. Председатель Каргинского военного отдела Ф. Лиховидов. За секретаря К. Лиховидов».

Таким образом, силы, собираемые на помощь милютинцам, были брошены против экспедиции Подтелкова.

Каргинцы, мигулинцы и немногочисленные вёшенцы выступили в полночь с 26 на 27 апреля (9—10 мая) с х. Нижне-Яблоновского к х. Свечникову, где сторожили подтелковцев Краснокутский и Пономаревский отряды. На рассвете соединились с отрядом Боковской станицы под командованием подьесаула Попова (Василия Степановича).

В целом против подтелковского отряда в 79 казаков с 3 пулеметами были выставлены Каргинский и Мигулинский отряды под командованием подьесаулов Цыганкова и Каргина, Боковский отряд подьесаула Попова, Пономаревский отряд прапорщика гвардейской батареи З. Спиридонова, Краснокутский отряд подхорунжего Кумова. Позже подошел небольшой отряд Чернышевской станицы 2-го Донского округа. Всего очевидцы насчитали 3 сотни пеших и 5 сотен конных казаков⁵¹³.

27 апреля (10 мая) с Подтелковым вступили в переговоры. Он соглашался сдать оружие при условии, что его с отрядом проводят в станицу Краснокутскую, где он надеялся собрать станичный сбор или митинг и переломить настроение казачьего населения в свою пользу.

Подтелковский отряд сдал оружие, но был отправлен не в Краснокутскую, а в Пономарев. Там по приговору наспех собранного подобия военно-полевого суда 28 апреля (11 мая) подтелковцы были расстреляны, а Подтелков и Кривошлыков — повешены. Многие агитаторы, ехавшие в подтелковском отряде, смогли скрыться, и расстреляны были в большинстве обычные конвоиры из Каменской местной команды, приставленные к «денежному ящику» — подтелковской казне⁵¹⁴.

Даже если экспедиция и попала бы в Краснокутскую или другую станицу Усть-Медведицкого округа, она все равно была

обречена, так как именно 27 апреля (10 мая) в Усть-Медведицком округе началось восстание против большевиков.

В день казни командирами повстанческих отрядов было принято решение, развивая успех, идти немедленно на помощь милютинцам, имея главную задачу — разбить отступающих красногвардейцев, чьи силы были определены в 3500 человек (видимо, имелись в виду украинские советские отряды).

Сводный отряд во главе с подьесаулом В.С. Поповым принял участие в боях с красногвардейцами севернее железной дороги Лихая — Царицын. 29 апреля (12 мая) к нему присоединился отряд, отступивший из Милютинской, под командованием войскового старшины Конькова — 700 конных, 1 орудие, 5—10 пулеметов. Позже, когда красногвардейцы пытались наступать с юга на Усть-Медведицкий округ, на помощь отряду прибыли казаки Усть-Медведицкой станицы. Наступление было остановлено. Участники боев со стороны красных вспоминали: «Со стороны хутора Селиванова пошел в наступление пехотный полк, сформированный совсем недавно из стариков-бородачей. Бородачи упорно в полный пост лезли на красных, видимо, подавая пример молодежи. Даже в то время, когда дружные залпы красногвардейцев опустошали их ряды, старики упорно наступали, норовя вызвать на рукопашную схватку. Каменцы (красногвардейцы станицы Каменской. — А.В.) не выдержали и отошли»⁵¹⁵.

Приказом № 4 от 5 (18) мая Краснов приказал отряды подьесаула Попова и войскового старшины Конькова и другие, действующие в этом районе, объединить в отряд Фицхелаурова, которому двигаться на Морозовскую — Обливскую для соединения с войсками Мамонтова.

Объединиться Попову и Конькову с Северным отрядом Фицхелаурова мешали растянутые по железной дороге эшелоны красногвардейцев. Сводный отряд еще какое-то время действовал отдельно, называясь «Сводным отрядом Верхне-Донского округа», «Сводным отрядом 8 станиц», и, наконец, 12 (25) мая был разделен на три полка:

1-й полк Милютинский — 853 конных, 227 пеших — под командованием войскового старшины Конькова.

2-й полк из казаков Краснокутской станицы (305 конных, 40 пеших), Вольно-Донской станицы (100 конных, 119 пеших),

Усть-Медведицкой станицы (135 конных, 50 пеших) — под командованием подьесаула Клешова.

3-й полк из казаков Мигулинской станицы (227 конных), Каргинской станицы (75 конных), Боковской станицы (200 конных, 100 пеших) — под командованием подьесаула П.Ф. Каргина.

В отряд входил взвод артиллерии есаула Афанасьева — 2 орудия.

Командиром сводного отряда командиры станичных отрядов избрали подьесаула В.С. Попова. Начальником штаба отряда стал хорунжий А.С. Попов, отрядным интендантом — В.Д. Мелихов, зав. оружием — хорунжий Буданов. Приказом № 1 В.С. Попов объявил мобилизацию в ближайших станицах казаков 1912—1918 годов переписи. Кроме этого, приказывалось: «Слово “товарищ” забыть и в отношении своих никогда не произносить, что послужит отличительным признаком от Красной гвардии».

В этом же районе, но западнее, около донецких станиц Каменской, Калитвенской, Усть-Белокалитвенской тоже шло формирование казачьих частей и тоже в боях.

30 апреля (13 мая) окружной атаман Донецкого округа просил немцев очистить от большевиков-«эшелонщиков» донецкие станицы Усть-Белокалитвенскую и Ермаковскую. Немцы ударили по Усть-Белокалитвенской, по хвостам отступающих эшелонов. Большевики откатились из Белой Калитвы до речки Быстрой, бросив на станции разбитые паровозы и вагоны с имуществом. «За день до прихода немцев конный отряд казаков заскочил в комитет и арестовал всех комитетчиков»⁵¹⁶.

К северо-востоку и востоку от Белой Калитвы лежали крестьянские слободы, опираясь на которые, большевики начали создавать местные формирования. Казаки пытались разоружить слободы. Белые сводки от 2 (15) мая сообщали, что в слободе Большинке Подтелков ведет агитацию (сведения о казни Подтелкова дошли сюда лишь к вечеру 2 (15) мая). И на этом основании командование требовало послать туда казаков и «арестовать или расстрелять Подтелкова»⁵¹⁷.

3 (16) мая к Большинской была направлена 1 конная сотня Усть-Белокалитвенского отряда и 1 пешая сотня из Каменской с 1 орудием и 4 пулеметами. Этих сил было явно недостаточно.

Как вспоминали красногвардейцы, «буквально через несколько дней у нас уже была целая крестьянская армия, державшая по речкам Быстрая — Калитва фронт протяженностью 75 км»⁵¹⁸. Вместе с мобилизовавшимися крестьянами силы «эшелонщиков» с 3,5 тысяч возросли до 12 тысяч штыков и около 1000 сабель при 7 орудиях и 22 пулеметах⁵¹⁹.

7 (20) мая казачьи сотни подошли к слободам, но были отброшены. Сотня Каменской станицы отошла к хутору Юрову Калитвенской станицы. Командир сотни подьесаул Попов В.В. начал мобилизацию калитвенских казаков 4-х возрастов—1911—1914 годов переписи, а в ближайших шести хуторах (Юров, Грызунов, Забуддыгин, Верхне-Ерохин, Илюхин, Плешаков) — казаков 1910—1908 годов переписи. Молодежь свели в 2 конные и 1 пешую сотни. Командир 1-й конной сотни — ротмистр Сулацкий, командир 2-й конной сотни — хорунжий Козьмин, командир пешей сотни — сотник Давыдов. Старшие возраста свели в пешую сотню сотника Пятницкова. Командование всем «Калитвенским» («Юровским») отрядом (2 конные сотни, 2 пешие сотни, 1 орудие, 4 пулемета) 9 (22) мая принял подьесаул Попов В.В.

10 (23) мая на помощь отряду прибыл из Калитвенской сводный дивизион под командованием подьесаула Рудакова (1 конная сотня и 1 пешая сотня).

За день до этого, 9 (22) мая окружной атаман Донецкого округа отдал приказ о формировании по станицам округа полков. Однако в более или менее нормальной обстановке формировались полки в Гундоровской, Луганской и Митякинской станицах. Казаки Каменской, Калитвенской и Усть-Белокалитвенской станиц, как мы видим, проходили формирование в боях.

Все время мобилизации и формирования между казаками и «хохлами» шли вялые перестрелки.

Генерал Фицхелауров не стал тратить силы на это «противостояние». Отряд подьесаула В.В. Попова был оставлен в качестве заслона против слобод, а остальные силы, объединенные Фицхелауровым и располагавшиеся в основном к югу от железной дороги, были брошены на захват ключевых пунктов — железнодорожных станций.

В основном это были отряды полковника Шишлова и войскового старшины Старикова (бывший командир этого отряда

полковник Быкодоров был переброшен с частью казаков под Ростов). Для наступления на Морозовскую 17 (30) мая Фицхелауров разделил эти отряды на следующие группы:

Группа полковника Старикова (заместитель полковник Губарев, и.д. нач. штаба гвардии есаул Чеботарев):

Вольно-Донской отряд (1 конная сотня, 0,5 пешей сотни, 2 пулемета).

Екатерининский отряд (2 пешехотные сотни, 2 конные сотни, 2 орудия, 4 пулемета).

Ермаковский отряд (3 конные сотни, 2 пешие сотни, 2 партизанских отряда по 60 человек).

Усть-Быстрицкий отряд (2 пешие сотни, 1 конная сотня), которому были приданы Николаевская конная сотня и Нижне-Кундрюченская конная сотня.

Эта группа наступала на правом фланге на хутора Федорушкин — Быстрый — Рязанкин.

Группа войскового старшины Лазарева:

Усть-Белокалитвенский отряд (5 пешехотных сотен, 2 конные сотни, 2 орудия, 5 пулеметов).

Ермаковский отряд (2 пешие сотни, 1 конная сотня, 1 пулемет), которому были приданы конная сотня Раздорской станицы и 2 конные сотни Верхне-Кундрюченской станицы.

Эта группа наступала в центре на слободу Скасырскую — хутор Чернозубов.

Группа подъесаула Попова⁵²⁰:

Верхне-Кундрюченский отряд (2 пешие сотни, 3 конные сотни, 2 орудия, 3 пулемета).

Эта группа наступала на левом фланге на хутор Корсунский — слободу Голову — хутор Усть-Березовский, имея соседом справа Лазарева, а слева — Калитвенский отряд подъесаула В.В. Попова.

Отряд есаула Миненкова (2 конные сотни, 2 пулемета) стоял в резерве Фицхелаурова у хутора Жирнова.

Общее руководство наступлением осуществлял полковник Татаркин.

Конный дивизион Владимирской станицы, ранее входивший в войска Шишлова и Старикова, был направлен в Зверово в состав 2-го сводного пешего полка Северного отряда (ком. Каклюгин).

Воспользовавшись замешательством большевиков, 18 (31) мая Калитвенский отряд подъесаула Попова захватил слободу Большинскую.

20 мая (2 июня), после того как были заняты крупнейшие слободы Большинская и Скасырская (красногвардейцы из них ушли в Морозовскую), повстанцы начали переформирование и подготовку удара непосредственно на Морозовскую.

Калитвенский и Верхне-Кундрюченский отряды передавались в подчинение войскового старшины Мазанкина, штаб которого организовался в Большинской.

В Скасырской собрались отряды Усть-Белокалитвенской, Раздорской, Ермаковской и части Верхне-Кундрюченской станиц (бывшая группа Лазарева). Приказом по Северному отряду № 3 они были сведены в Усть-Белокалитвенский полк (войсковой старшина Наумов, временно подъесаул Никитин), 3-й конный полк (войсковой старшина Миненков, он же начальник гарнизона) и Верхне-Кундрюченскую батарею.

В Усть-Белокалитвенский полк подъесаула Никитина вошла группа есаула Егорова — отряд обороны Усть-Белокалитвенской станицы (2 конные сотни, 2 пешие сотни, 5 пулеметов).

Согласно приказанию начальника штаба Северного отряда полковника Манакина отряд в Скасырской тоже передавался в распоряжение войскового старшины Мазанкина, но Усть-Белокалитвенский полк позже забирался в группу полковника Старикова под Морозовскую.

Под командованием войскового старшины Мазанкина (начальник штаба капитан Иванов, старший адъютант сотник Туркин) в целом собрался следующий отряд (на 21 мая — 3 июня):

Калитвенский отряд подъесаула В.В. Попова.

1-я особая пешая сотня сотника Пятницкова.

2-я пешая сотня сотника Давыдова.

3-я пешая сотня сотника Юрова.

4-я пешая сотня сотника Попова.

1-я конная сотня ротмистра Сулацкова.

2-я конная сотня сотника Дерябкина.

3-я конная сотня хорунжего Камбурова.

Артиллерийский взвод сотника Плетнякова.

Верхне-Кундрюченский отряд подъесаула Попова (за адъютанта хорунжий А. Сальников): офицеров 10, конных 102,

пеших 413, пулеметов 3, винтовок 432, шашек 85 (в отряд входил артиллерийский взвод урядника Хомутова — 57 казаков, 2 орудия).

3-й конный полк войскового старшины Миненкова (и.д. адъютанта хорунжий А. Егоров): 4 сотни (4 офицера, 449 казаков, 438 винтовок, 438 шашек).

Усть-Белокалитвенский полк подъесаула Никитина (адъютант подъесаул Кононов)⁵²¹.

После отправки Усть-Белокалитвенского и 3-го конного полков к Морозовской в группе Мазанкина произошло очередное переформирование: Калитвенский отряд был разделен на Калитвенский пеший полк под командой есаула Сергеевкова (полковой адъютант сотник Польшинсков) из 4-х сотен (28 офицеров, 580 казаков, 6 пулеметов, батарея) и 7-й конный полк, которым командовал сначала ротмистр Сулацкий, а затем подъесаул Попов В.В. Последний был произведен в есаулы и стал именоваться Попов 2-й. В полку было 4 сотни и 1 пулемет.

Верхне-Кундрюченский отряд был переименован в Верхне-Кундрюченский дивизион, командовал им произведенный в есаулы Попов 1-й. В дивизионе — 3 пешие сотни, 1 конная сотня, 3 пулемета⁵²².

Большевистские эшелоны в боях 15 (28) мая и 19 мая (1 июня) были оттеснены Фицхелауровым к станции Суровикино. Чем создали массу проблем для войск генерала Мамонтова (об этом будет сказано ниже).

25 мая (7 июня) войска Фицхелаурова окружили Морозовскую. В операции принимали участие группа Старикова (с запада), «отряд 8-ми станиц» под командованием подъесаула В.С. Попова (с севера), подошедший отряд войскового старшины Овчинникова станицы Чертковской (с юго-востока) и группа полковника Губарева (с юга).⁵²³

27 мая (9 июня) к Морозовской двинулась группа Мазанкина.

30 мая (12 июня) морозовские красногвардейцы, объединенные в 18 отрядов, и часть мирных жителей — всего до 20 тысяч человек — ушли из Морозовской вслед за украинскими эшелонами на Царицын. Преследуя их, войска генерала Фицхелаурова (9 тысяч, 11 орудий, 36 пулеметов) вступили в тесное взаимодействие с войсками генерала Мамонтова.

Еще один очень небольшой отряд — Новочеркасская офицерская батарея — примерно в это же время был двинут на поддержку Мамонтову от Новочеркасска вверх по течению Дона. Население здесь было преимущественно казачье, и продвижение шло быстро, почти без осложнений.

После боев за Александрово-Грушевск 26 апреля (9 мая) и за Парамоновские рудники Новочеркасская офицерская батарея была направлена в Раздорскую, погружена на пароход и двинулась вверх по Дону. В первый бой батарея вступила у Романовской. Отогнав красногвардейцев от донского берега, батарея добралась до Цимлянкой. Здесь течение Дона новой казачьей властью почти не контролировалось, станицы митинговали.

Батарея получила приказ двигаться пешим порядком на Суворовскую, а попутно обстрелять митингующую Потемкинскую станицу и стрелять «по возможности ближе к станичному правлению»⁵²⁴. Было дано два выстрела, после чего на другой день Потемкинская решила восстать против большевиков⁵²⁵.

Затем батарея двинулась на Нижне-Чирскую и вошла в состав войск генерала Мамонтова, открыв к нему путь от Новочеркасска вверх по Дону.

К.К. Мамонтов, отправленный во 2-й Донской округ походным атаманом П.Х. Поповым, опираясь на станицу Суворовскую, занял окружную станицу Нижне-Чирскую, выходя к железной дороге с юга. В Нижне-Чирской он обратился к казакам с воззванием: «На конь, казаки! Настала пора восстать нам за Тихий Дон наш родной...».

В апреле — мае Мамонтов организовал несколько налетов на железную дорогу. Были захваты станции Суровикино, налеты калмыков на Обливскую, на неделю захватывали Морозовскую.

Местная Красная гвардия пыталась достать Мамонтова в Нижне-Чирской, но неудачно. Повстанцы, костяком которых стала Суворовская дружина, контратаковали. Участник боев с красной стороны Толмачев так характеризовал Суворовскую дружину: «Эти не повернут, не дрогнут в атаке, и, если им приказали идти вперед, они прут, лезут, сопя от злобы, до тех пор, пока их не остановит смерть»⁵²⁶. Подошедшая к Нижне-Чирской Новочеркасская офицерская батарея «прямой наводкой — на коротком прицеле» сбила красные пулеметы⁵²⁷, после чего

красные отошли к железной дороге. «Борьба с Мамонтовым прекратилась — она была не под силу нашим плохо обученным и слабо вооруженным отрядам», — вспоминал очевидец⁵²⁸.

Отряды Мамонтова оживились. Часть мамонтовцев переправилась на левый берег Дона и с 3 (16) мая ввязалась в бои с красными казачьими отрядами, охранявшими большой железнодорожный мост через Дон. Бежавшие от Дона в Царицын красногвардейцы рассказывали о казаках следующее: «Идут в атаку, как один... и если кто раненый у них падает с коня, то сперва втыкает пику в землю, а другой, кто позади был, схватывает эту пикку-то и идет на нас. У них все больше молодые, безусые, есть и постарше, но все в погонах, у офицеров они так и блестят»⁵²⁹.

Севернее железной дороги действовали отряды полковника Макарова и Секретева. 6 (19) мая Макаров захватывает станицу Голубинскую, а 9 (22) мая — Калач (45 казаков выбили гарнизон в 300 красногвардейцев, захватили склад оружия и 2 орудия) и объявляет здесь мобилизацию. Секретев возглавляет 1-й конный полк «Чирского фронта», Макаров — 9-й и 10-й конные и 5-й сводный пеший. К 1 (14) июня формирование этих частей завершается.

В это же время, 10 (23) мая, проходит окружной съезд станиц, волостей и частей 2-го Донского округа. 12 (25) мая решением съезда отменяется выборное начало в повстанческих войсках. 14 (27) мая съезд «просит» Мамонтова очистить части от «небрежных, малодушных и трусливых», для чего создается комиссия из пяти человек: 2 — от делегатов съезда, 2 — от «фронтовиков» и 1 по назначению командующего⁵³⁰.

Станичные отряды сводятся в полки, которые получают номера (конница), но иногда сохраняют названия по станицам — «3-й Суворовский сводный пеший», «5-й Потемкинский пеший» и другие. Всего создается примерно 8 конных и 5 пеших полков.

В период формирования полки не выходят из боев. В один день с захватом Калача 9 (22) мая Есауловский и Суворовский пешие полки Мамонтова и три конных полка налетом заняли станцию Суровикино.

Большевики ушли на левый берег Дона к Кривой Музге. Отряды Мамонтова заняли станцию Чир, отрезав Ворошилова

дорогу на Царицын. «Мамонтов стремился заставить Ворошилова бросить поезда и выйти в поле, надеясь там разбить его по частям», — считали белые эмигранты⁵³¹.

Но в момент, когда Ворошилов двинулся из Морозовской на восток, в мамонтовские войска пришел приказ о демобилизации казаков для полевых работ. Эмигранты впоследствии приписывали этот приказ, распространенный в мамонтовских войсках помимо Мамонтова, начальнику штаба Донской армии И.А. Полякову. Некоторые считали, что это был запоздалый приказ Краснова № 1 с параграфом о роспуске по домам казаков 1912—1917 годов переписи «по мере успокоения Войска». Мамонтов, по свидетельству генерала Апостолова, «рвал на себе волосы» и просил у станиц оставить ему добровольцев⁵³². То же подтвердил адъютант Мамонтова есаул Рудов⁵³³. М. Бугураев в своих воспоминаниях подтверждает, что 25 мая (7 июня) все офицеры его Новочеркасской батареи были откомандированы в Нижне-Чирскую и в Новочеркасск⁵³⁴.

Приказ совпадал с настроениями многих казаков. «Нам говорили: очистим Донщину от большевиков, установим казачью власть. Но ведь большевики сами отходят на Царицын. Зачем же кровь лить? — спрашивали старики офицеров»⁵³⁵.

В это время теснимые Фицхелауровым и донецкими казаками украинские советские войска навалились на Мамонтова с запада, а царицынские отряды большевиков нажали с юга от Котельниково — Ремонтной. Мамонтовцы отскочили от железной дороги и взорвали железнодорожный мост через Дон, отрезав войска Ворошилова от Царицына.

Дважды — 20 мая (2 июня) и 26 мая (8 июня) — Мамонтов отбил атаки красных. Несколько раз сами казаки нападали на железную дорогу, стараясь вклиниться между эшелонами и не дать морозовским красногвардейцам догнать украинские части Ворошилова. После этих боев красные подобрали 400 убитых «морозовцев» и 600 раненых.

«Не раз в это время изнемогавшие в боях казаки пытались пригласить германцев, но Донской атаман всякий раз отклонял эти просьбы»⁵³⁶. Однако Краснов широко опубликовал эти откровенные призывы Мамонтова, чтоб оправдать свою «прогерманскую» политику. Так, письмо от Мамонтова 20 мая (2 июня) гласило: «Поэтому очень прошу Вас призвать на помощь от

немцев материальные средства борьбы или даже самих немцев. Все-таки немецкое господство будет выносимее и дешевле господства русского мужика-разбойника, именуемого красногвардейцем»⁵³⁷.

2 (15) июня большевики прорываются к взорванному железнодорожному мосту, переправляются, используя понтонный мост, и расширяют плацдарм на левом берегу, отгоняя 3-й и 4-й конные полки белых. Одновременно они разворачивают наступление на Нижне-Чирскую против Мамонтова.

6 (19) июня Фицхелауров настигает Ворошилова и атакует, стремясь отвлечь от Нижне-Чирской. На другой день сами мамонтовцы (Суворовский полк) переходят в контратаки.

8 (21) июня Фицхелауров вновь атакует войска Ворошилова, прижатые к Дону.

17 (30) июня, восстановив мост, большевики начали переправу через Дон, отбросили 10-й конный полк казаков на Калач и соединились у Кривой Музги с царицынскими отрядами.

Последняя отчаянная попытка сорвать переправу конной атакой 3-го и 4-го конных полков провалилась. Большевики назвали эту атаку «исключительной по лихости и бессмысленности».

Казаки Иловлинской и Качалинской станиц присоединились к повстанцам лишь в июле 1918 года и создали 8-й и 9-й пешие полки.

Новый фронт между мамонтовцами и «группой Ворошилова» установился по линии Дона.

Соединившись с Мамонтовым, Фицхелауров оставляет ему часть своего отряда, а сам с остальными силами спешит на север, на помощь казакам северных округов.

Б) БОРЬБА НА СЕВЕРЕ ОБЛАСТИ

В северных округах области ситуация с формированием частей Донской армии отличалась от таковой в других округах. Общий принцип восстаний сформулировал известный красный казак Ф.К. Миронов: «Начинали дело офицеры, раздували кадило старики»⁵³⁸.

Казаки составляли здесь подавляющее большинство населения, до 90 %. Конфликтов с крестьянами почти не было, так

как малочисленные крестьяне боялись казаков. Но с другой стороны именно здесь советская власть планировала мобилизацию казаков в Красную армию против немецкого нашествия и вспыхнувшей «контрреволюции».

В целом отношение к новой власти было неприязненное. В середине апреля, во время первых боев за Новочеркасск, инициатор антибольшевистского движения на Хопре прапорщик Дудаков объехал все 25 станиц округа и собрал 23 станичных приговора против советской власти. После этого он с отрядом в 60 человек захватил окружную станицу Урюпинскую. Что должно было стать сигналом к восстанию всего Хоперского округа. Но ни одна из станиц не прислала Дудакову подмоги, а урюпинцы сами заигрывали и с Дудаковым, и с Красной гвардией. Дудаковцы сразу же были выбиты последней из Урюпинской и в большинстве своем рассеялись (об этих событиях говорилось ранее). Сам Дудаков под чужой фамилией скрывался в станице Мигулинской соседнего Верхне-Донского округа. Вместе с ним было несколько офицеров из его отряда.

На севере области временно установилось затишье. Большевики готовили мобилизационные списки казаков и потихоньку набирали добровольцев в Красную гвардию.

Вторым очагом сопротивления стала станица Усть-Хоперская Усть-Медведицкого округа, где вел агитацию против советской власти скрывавшийся здесь войсковой старшина А.В. Голубинцев. О группе Голубинцева местные большевистские власти либо знали, либо догадывались, и Голубинцев, почувствовав это («чувствовалось, что если не начнем, то будем арестованы»), готов был уже бежать на Украину. Там же, в Усть-Медведицком округе, собирал партизанский отряд подьесаул Г.И. Алексеев (служивший ранее в 32-м Донском полку), в апреле у него было 70 бойцов и 23 винтовки.

19—20 апреля (2—3 мая) в связи с вступлением в пределы области отступавших украинских советских отрядов произошел переворот в Верхне-Донском округе. Вступившие на его территорию красногвардейцы были разгромлены (о чем уже говорилось). Пленных казаки погнали в глубь области, во 2-й Донской округ, где по слухам оперировал Мамонтов. По дороге пленные были отбиты крестьянами Чистяковской волости, получившей незадолго до этого оружие от большевиков из окружной станицы

Усть-Медведицкой. Казаки Верхне-Донского округа и соседней Краснокутской станицы осадили Чистяковку. С 22 апреля (5 мая) под слободой начались бои.

24 апреля (7 мая) открылся «Съезд советов станицы Усть-Хоперской». 25 апреля (8 мая) съезд узнал о событиях в Верхне-Донском округе и о боях под Чистяковкой, куда уже выступили на помощь усть-хоперские казаки с хуторов Большого и Каледина под командованием подьесаула Шурупова.

Съезд советов постановил «не подчиняться существующей советской власти и всеми мерами задерживать красногвардейцев». Была объявлена принудительная мобилизация с 17 до 50 лет, начальником гарнизона Усть-Хоперской станицы назначен войсковой старшина Голубинцев, начальником штаба — подпоручик Иванов.

Голубинцев немедленно приказал формировать пешую сотню (поручик Пархоменко) и конную сотню (сотник Красноглазов) — всего 100 конных и 150 пеших казаков.

Пока в окружной станице собирались и грозили мятежникам 120-тысячной армией (реально в станице было 120 красногвардейцев), в Усть-Хоперской в ночь с 26 на 27 апреля (9—10 мая) собрался «Чрезвычайный съезд хуторов и станиц Усть-Медведицкого округа» из представителей станиц Усть-Хоперской, Распопинской, Краснокутской, Перекопской, Клецкой, Кременской, Чернышевской и Ново-Григорьевской (две последние из 2-го Донского округа). Съезд постановил «не подчиняться существующей советской власти и объявить восстание против советской власти с целью изгнания Красной гвардии из пределов округа и восстановления казачьей власти» и объявил мобилизацию до 50 лет. Голубинцев был назначен «командующим освободительными войсками вольных хуторов и станиц Усть-Медведицкого округа». При нем был создан «Совет вольных хуторов и станиц», который осуществлял гражданскую власть.

Вечером 27 апреля (10 мая) в состав «Освободительной армии» уже входили 8 конных сотен, 2 пешие сотни и 25 хуторских отрядов.

В ночь на 28 апреля (11 мая) слобода Чистяковка «после артиллерийского обстрела сдалась, выдав оружие и главарей противоказачьего движения»⁵³⁹. Окружавшие ее казачьи части присоединились к «Отряду 8 станиц» подьесаула В.С. Попова.

В ночь на 29 апреля (12 мая) Голубинцев захватил окружную станицу Усть-Медведицкую. Охрану переправы нес, как оказалось, один пьяный сторож. Выборный начальник красной дружины — прапорщик Сенюткин — перешел к казакам, «почти все дружинники красных на постах сдались и отдали оружие»⁵⁴⁰.

Красное руководство сбежало с деньгами местного казначейства. В надежде перехватить деньги восстали казаки Ново-Александровской и Скуришенской станиц...

Заняв Усть-Медведицкую, Голубинцев объявил мобилизацию по всему округу.

Усть-Хоперский отряд, ставший впоследствии основой Усть-Хоперского полка, был передан под командование есаула Ф.И. Говорухина. Состав этого отряда был следующим.

Начальник Усть-Хоперского отряда — есаул Федор Иванович Говорухин.

Начальник штаба поручик — Александр Антонович Иванов.

Адъютант хорунжий — Андрей Кондратьевич Абрамов.

Комендант станицы — хорунжий Никифор Куликов.

1-я конная сотня — подьесаул Иван Тихонович Шурупов; офицеры сотни — сотник Игнат Каледин, хорунжий Яков Теревятников, прапорщик Капитон Каледин.

1-я пешая сотня — поручик Пархоменков.

2-я конная Усть-Хоперская сотня — хорунжий Ежов.

2-я пешая сотня — поручик Куликов, прапорщик Русаков.

3-я пешая сотня — хорунжий Говорухин.

4-я конная сотня (1-я полусотня из казаков хутора Боброва) — сотник Красноглазов; офицеры сотни — сотник Каледин, подхорунжий Иван Митичкин.

5-я конная сотня — подьесаул Борис Хрисанфович Сутулов (хорунжий Пименов).

6-я конная сотня — сотник Жидкоблиндов (сотник Бирюков); офицеры сотни — сотник Красноглазов, подхорунжий Павел Филиппович Атланов.

7-я конная сотня — хорунжий Пименов (сотник Алексеев).

9-я сотня (из казаков хутора Рыбного) — сотник Степанов.

10-я сотня — есаул Федор Иванович Говорухин; офицеры сотни — хорунжий Порфирий Иванович Говорухин, хорунжий Солдатов, прапорщик Ежов.

12-я конная сотня — хорунжий Сердинов.

Калмыковская пешая сотня — подьесаул Бабкин; офицеры сотни — подьесаул Антонов, корнет Пономарев, сотник Аверин.

Большинская пешая сотня — подьесаул Мельников-Разведенков.

Отряд хутора Еланского — прапорщик Андрей Куликов.

Белавинский пеший отряд — подхорунжий Говорухин.

Пулеметная команда — сотник Киселев.

В Усть-Медведицкой станице стал формироваться Усть-Медведицкий полк. Новый набор дал 12 конных и 2 пешие сотни, но «скомпанованные сотни в большом количестве были составлены из элемента, склонного к ведению войны митингами и делегациями»⁵⁴¹. В большинстве станиц создавались лишь «силы обороны». Так, красная разведка доносила, что в станице Скуришенской начальник обороны — подьесаул Козловский, казаков 1908—1911 годов переписи — 88 конных, 33 пеших, офицеров нет, на складе 35 винтовок, патронов нет⁵⁴².

Ставка местного командования прежде всего делалась на добровольцев, из них были сформированы партизанские отряды подьесаула Бабкина (100 учащихся), сотника Долгова (100 учащихся, казаков и офицеров Клецкой станицы) и добровольческая конная сотня подьесаула Емельянова.

Гражданская власть в округе передавалась «заведующему делами управления окружного атамана» гвардии подьесаулу Хрипунову.

На север, за Дон, в сторону железной дороги, где базировалась Красная гвардия, были высланы разъезды. На юге округа в районе степных хуторов станицы Распопинской (Перелазовский, Липовский, Макаревский и другие) 28 апреля (11 мая) была проведена мобилизация от 20 до 50 лет и сформирована Куртлакская группа гвардии есаула Сутулова, которая вела разведку в сторону 2-го Донского округа.

Такую же разведку в северном направлении вели казаки Верхне-Донского округа.

Центром антибольшевистских сил на севере области стала окружная станица Вёшенская, равноудаленная от железных дорог, а значит, и от Красной гвардии.

Советская власть, «носившая более показной, чем действительный характер»⁵⁴³, была здесь свергнута мирно. Решением окружного съезда 20 апреля (3 мая) полковник Алферов был

избран командующим войсками Верхне-Донского округа и сопредельных станиц. Формально советская власть сохранялась здесь почти две недели. Наконец 2 (15) мая Алферов был избран окружным атаманом Верхне-Донского округа.

Приказом № 45 (18) мая Краснов подчинил Алферову отряды Верхне-Донского округа, войска Голубинцева и другие отряды Хоперского и Усть-Медведицкого округов («район действий — указанные округа»). Видимо, Краснов учитывал, что в распоряжении Алферова огромные трофеи, захваченные в Мигулинской станице у Тираспольского отряда, которые могут стать материальной базой для формирования казачьих войск на севере Дона.

Верхне-Донской округ практически стал единственной территорией, где мобилизация и формирование полков проходили в мирной обстановке и неторопливо. 7 (20) мая были запрошены у станичных атаманов сведения об офицерах. 25 мая (7 июня) хорунжий Харитонов был послан в Донецкий округ (большинство станиц Верхне-Донского округа выделились из Донецкого округа) за списками казаков 1890—1918 годов переписи. 5 (18) июня списки наконец прибыли в Верхне-Донской округ. К этому времени окружная власть взяла под контроль имущество старых 12-го и 29-го Донских полков и Сетраковских лагерей. На Троицу была объявлена мобилизация. Сначала она шла по пути создания хуторских сотен. Так, в Вёшенской были подготовлены Дударевская, Ермаковская и Чигонацкая конные сотни и Ермаковская и Дударевская пешие. На базе сотен началось формирование полков Казанского, Мешковского, Мигулинского, Вёшенского и Еланско-Букановского. На базе «Отряда 8 станиц» были сформированы Краснокутский и Боково-Каргинский полки. В них влились казаки 1912—1916 годов переписи. Из казаков 1911 года переписи создается 1-й Верхне-Донской полк. Кроме того, по округу надо было мобилизовать 3 конные и 3 пешие сотни для пограничного полка.

Для прикрытия мобилизации в округе были созданы районы обороны, наготове стояли станичные сотни. Так, 6 (19) июня границы округа прикрывали Лопатинская, Песковатская и Ермаковская сотни, которые активно вмешивались в события в соседних округах. Так, 26 мая (8 июня) вёшенские и казанские казаки конной атакой взяли слободу Солонку — оплот большевиков

у границ Верхне-Донского округа, захватили 120 пленных, потеряв убитым одного — командира Вёшенской сотни подхорунжего И.Мельникова, первым влетевшего в слободу, и 2-х раненых.

Объектом особого внимания был Хоперский округ, поскольку в штабе Алферова было много офицеров, пытавшихся недавно «поднять Хопер», — Дудаков, Савватеев и другие.

Еще 1 (14) мая военный отдел станицы Казанской, где находились Савватеев и Дудаков, послал в ближайшие станицы Хоперского округа предложение присоединиться к восстанию.

В первых числах мая станица Федосеевская Хоперского округа после трехдневного митинга восстановила атаманскую власть. Это была первая ласточка. Но в это время 2 (15) мая красногвардейцы со станции Михайловка двинулись в карательную экспедицию на Усть-Медведицкую. Одновременно такие же отряды были двинуты на юг Хоперского округа к границам Верхне-Донского.

На территории Усть-Медведицкого округа сопротивление красногвардейцам оказывали лишь партизаны. 4 (17) и 5 (18) мая были убиты командиры партизанских отрядов Бабкин и Емельянов. Отряд Бабкина после боя укрылся в хуторе Затонском, к нему присоединился знаменитый К. Крючков. Мобилизованные сотни либо стояли по хуторам, либо уходили за Дон без сопротивления.

В ночь с 6 на 7 (19—20) мая отряд в 300 красногвардейцев на подводах при двух орудиях занял Усть-Медведицкую и устроил там грандиозную пьянку. Движение в Усть-Медведицком округе было на грани провала. В Усть-Хоперской станице некоторые казаки уже собирались «брать» офицеров. В это время Голубинцеву по приказу Алферова прислали из станицы Каргинской два орудия, прибытие которых и удержало колеблющихся усть-хоперских казаков на стороне восставших.

10(23) мая усть-хоперские казаки и партизаны подьесаула Алексева напали на сторожевое охранение красных (знаменитый К. Крючков снял пост в шесть человек), а затем под командованием подьесаула Гордеева атаковали Усть-Медведицкую. Большая часть красногвардейцев перетонула в Дону, остатки бежали в слободу Михайловку, которую казаки вскоре осадили.

На территории Хоперского округа события сначала приняли характер встречного боя красногвардейцев и верхне-донских казаков. Сообщение Федосеевской станицы о движении на юг Хоперского округа Красной гвардии подняло хоперские станицы. 4 (17) мая в станице Зотовской собрались представители Бурацкой, Тишанской, Акишевской, Усть-Бузулукской, Арженовской, Зотовской, Слащевской, Павловской, Алексеевской, Правоторовской и Дурновской станиц и приняли решение советскую власть не признавать и «просить в вожди Хоперского округа Генерального штаба капитана Анисима Савватеева и поддерживать все меры к ограждению и защите наших руководителей в трудную минуту»⁵⁴⁴.

Откликнулись и соседи. Верхне-Донской округ послал 5 (18) мая одну сотню мигулинцев (сотника Карташева) на помощь федосеевцам (на восток) и две сотни казанцев с двумя пулеметами (сотника Попова) на север — на хутор Упорников.

Мигулинцы на хуторе Попове Федосеевской станицы соединились с сотней Еланской станицы под командованием А. Ежова. Туда же подошла сотня Вёшенской станицы подхорунжего И. Мельникова. Объединенный отряд возглавил есаул Иван Захарович Гаврилов, бывший атаман Еланской станицы. Его отряд (3 сотни, 2 орудия, 4 пулемета) 7 (20) мая вышел через хутор Верхне-Дударевский к станице Арженовской и прикрыл тем самым Зотовскую, Федосеевскую, Слащевскую и Букановскую (позже три последние станицы выставили казаков в Еланско-Букановский и Слащевско-Федосеевский полки Верхне-Донского округа).

Казаки Казанской станицы Верхне-Донского округа независимо от Гаврилова выслали разведку к окружной станице Хоперского округа Урюпинской и узнали, что красногвардейцев там мало, а две тысячи мобилизованных большевиками хоперских казаков требуют удаления Красной гвардии и установления своей «казацкой советской власти».

Эта разведывательная деятельность и бои под Усть-Медведицкой встревожили советское командование. Командующий советскими войсками на Хопре Петров доносил, что казаки наступают по трем направлениям: на Себряково вдоль реки Медведицы из станицы Усть-Медведицкой; на Филоновскую вдоль реки Бузулук из станицы Алексеевской; на станцию Абрамовка

между Таловой и Новохоперском. Исходя из этого 14 (27) мая Высший военный совет дал директиву: «Железная дорога Грязи — Царицын должна быть охранена...»⁵⁴⁵.

В тот же день 14 (27) мая в Хоперском и Усть-Медведицком округах началась очередная мобилизация. Сохранился приказ хуторским атамана Зотовской станицы от 13 (26) мая, исходящий от начальника станичного отряда хорунжего Давыдова. Приказывалось немедленно мобилизовать казаков переписи 1909—1916 годов. Все оружие, которое находилось в руках казаков, не подлежащих мобилизации, сдать хуторским атамана, чтоб вооружить мобилизованных. Мобилизованным с трехдневным провиантом прибыть в Зотовскую. «У кого есть лошади, на лошадях, у кого нет — пешими. Остальные мобилизованные по приказу от 20 до 50 лет получают оружие от округа и останутся на местах для несения службы по охране станицы Зотовской»⁵⁴⁶.

В Усть-Медведицком округе были сформированы несколько 6-сотенных конных полков — Усть-Хоперский, Усть-Медведицкий, Глазуновский, Арчадинский, Клецкий, два пеших батальона (1-й и 2-й). «...Их боеспособность была неудовлетворительна даже с точки зрения Гражданской войны», — писал Голубинцев⁵⁴⁷. Вне полков и батальонов оставался партизанский отряд Алексева (сменил погибшего Бабкина). Всего количество мобилизованных доходило до 10 тысяч человек. На обучение мобилизованных отводилось 10 дней.

Одновременно большевики пытались провести мобилизацию казаков в северных станицах Усть-Медведицкого округа. Сил и дисциплины у них было мало. Как доносили советские работники с мест, «если бы казаки надумали бы перейти границу Дона, то в этот панический момент они без затруднений взяли бы и Балашов, и Борисоглебск»⁵⁴⁸.

В Хоперском округе есаул Гаврилов начал мобилизацию (кое-где под дулами пулеметов, пресекая «нейтралитет, который часто хуже активности»⁵⁴⁹), медленно продвигаясь вверх по Хопру. Мобилизация подпитывалась ценностями, захваченными еще 3 (16) апреля Дудаковым в Урюпинской, но хранившимися в станице Арженовской. После захвата Арженовской Гавриловым ценности (более 1 миллиона рублей) были направлены в Вёшенскую «на текущий счет Хоперского округа».

Попытки большевиков сорвать мобилизацию Гаврилов отбил. 2—3 роты большевиков, двинутые против Гаврилова, потерпели поражение 16 (29) мая у станицы Арженовской. Три сотни Гаврилова (Вёшенская, Еланская, Мигулинская) двинулись им навстречу, а две сотни казанцев с хутора Шумилина зашли им в тыл со стороны хутора Рябова. 50 красногвардейцев было убито, 69 попали в плен, казаки захватили 2 пулемета и 170 винтовок, сами потеряли 2 убитых и 5 раненых.

Вскоре верхне-донские сотни вернулись обратно в свой округ, так как большевики стали концентрировать силы в слободе Солонке на стыке границ Воронежской губернии, Хоперского и Верхне-Донского округов, а казаки Мешковской станицы боялись хохлов из слобод, лежащих южнее округа. Гаврилов же с мобилизованными хоперскими казаками продолжал двигаться вверх по Хопру, а затем и Бузулуку. Бывший в его отряде Генерального штаба капитан Савватеев был избран командующим войсками Хоперского округа, а есаул Моргунов — начальником штаба.

Активные военные действия возобновились 21 мая (3 июня), когда советские войска получили приказ «в связи с мирными переговорами в Киеве обозначить демаркационную линию, выдвинув возможно более к западу наши части по всему фронту между ст. Валуйки и г. Батайском»⁵⁵⁰.

Наступление красных в Хоперском округе сорвалось. 30 мая (12 июня) есаул Гаврилов с отрядом в 700 шашек занял окружную станицу Урюпинскую, выгнав Красную гвардию и мобилизованных большевиками казаков, а затем вышел к Алексиково и перерезал железную дорогу, по которой большевики гнали из Царицына в Москву эшелоны с хлебом, что сразу же привлекло внимание чрезвычайного комиссара на Юге России И.В. Сталина. События в Усть-Медведицком округе сразу же отошли на второй план.

В Усть-Медведицком округе в это время — до 26 мая (8 июня) — было заключено перемирие, и велись переговоры между красными и белыми казаками. Большевики здесь были представлены местными иногородними и немногочисленными красными казаками во главе с бывшим казачьим офицером Ф.К. Мироновым. Противостояние многим казалось разрешением внутренних противоречий.

31 мая (13 июня) казаки вышли от Усть-Медведицкой к станции Арчадинской. Миронов знал, что многие казаки Арчадинской станицы сочувствуют красным, но не успели бежать от белых. Поэтому он с двумя ротами красногвардейцев и двумя орудиями атаковал Арчадинскую и занял ее, а затем с одной ротой преследовал казаков, сломил их сопротивление и отбросил на Скуришенскую и Кепинскую, после чего, забрав из Арчадинской сочувствующих, ушел на Михайловку.

Бои, как видим, велись минимальными силами, и казаки особой активности не проявляли. Активно с их стороны действовали лишь офицеры и партизаны.

А обострившиеся события на Хопре требуют нашего пристального рассмотрения.

Гражданская война на Юге России для большевиков летом 1918 года это во многом — борьба за железную дорогу, по которой они вывозили на север хлеб. Значительный отрезок дороги пролегал по территории Всевеликого Войска Донского, так что само существование этого государства, которое, естественно, стремилось взять железную дорогу под свой контроль, грозило большевикам утерей связи с Югом и усилением голода в центральных городах России. Именно поэтому первый выход казаков на железную дорогу и разрыв сообщений Царицына с Центром привел к первому серьезному столкновению между повстанцами и частями регулярной Красной армии.

Рассмотрение этого сражения целесообразно начать с 20 мая (2 июня) 1918 года, отступив немного назад по времени.

Большевики незначительными силами прикрывали железную дорогу от Поворино до станции Лог. Этот ее отрезок входил в так называемый «Воронежский район», и некоторые станции были заняты отрядами, сформированными в Воронежской губернии. Кирсановский отряд занимал станцию Поворино, Борисоглебский — Себряково, отряд Чернецова (не путать этого красного командира с погибшим полковником!) — станцию Лог.

На территории Хоперского округа железная дорога занималась 1-й Донской армией Петрова силою более 1000 человек. Штаб Петрова стоял на станции Алексиково, имея под рукой 100 человек пехоты с 3 пулеметами. По линии Филоново — Себряково растянулся отряд в 200 человек пехоты с 6 пулеметами и 1 орудием и курсировал бронированный поезд.

Основные силы Петрова, разделенные на две группы, вели наступление: 1) от Филоново вниз по Бузулуку на Дурновскую, Павловскую, Акишевскую (235 человек пехоты, 160 человек кавалерии), выдвинув разъезды от Акишевской на Урюпинскую; 2) от Урюпинской в западном направлении — 485 человек с 6 пулеметами и 4 конными орудиями (части Петрова прибыли в Урюпинскую 16 (29) мая из-за ненадежности местных мобилизованных в Красную армию казаков).

Силы восставших казаков 21 мая (3 июня), по данным красной разведки, располагались: в Вёшенской — около 3000, в Еланской — около 1500, в Усть-Медведицкой — около 700, имея сторожевое охранение по линии реки Хопер вдоль станиц Акишевской, Усть-Бузулуцкой, Арженовской, Зотовской. Разъезды казаков часто выходили к железной дороге, а 15 (28) мая отряд подьесаула Рубашкина испортил пути у Себряково и Качалино. В целом эти данные красной разведки соответствовали действительности.

В связи с уже упоминавшимся приказом Высшего военного Совета от 20 мая (2 июня) выдвинуть войска «возможно более к западу» все вышеперечисленные советские части были приведены в движение. На усиление их была двинута дивизия Киквидзе, 1-я дивизия внеочередного формирования, созданная в Тамбове на базе 4-й социалистической армии, отступившей с Украины. Силы дивизии определяются в 4500 человек. Она состояла из двух полков пехоты (1-го Рабоче-крестьянского и 2-го Интернационального чехословацкого) и двух полков кавалерии (6-го Заамурского и Орденского), двух легких батарей и одной тяжелой.

Дивизия Киквидзе должна была сменить воронежские отряды на территории Усть-Медведицкого и 2-го Донского округов. Освободившиеся части вместе с отрядами Петрова и резервами из Воронежа должны были начать наступление и занять весь берег Хопра и Дона до станицы Усть-Медведицкой, создавая при этом красные казачьи части. Перегруппировку надо было закончить к 25 мая (7 июня) 1918 года⁵⁵¹. Фактически предполагалось вытеснить из нейтральной территории казачьи разъезды и войти в контакт со сторожевым охранением противника.

28 мая (10 июня) части, расположенные на территории Хоперского и Усть-Медведицкого округов, передавались из Воро-

нежского района под начало военного руководства Северо-Кавказского военного округа, но операция продолжалась, красные проводили рокировку частей на железной дороге и наступали по сходящимся линиям вниз по Хопру и Бузулуку. Отряд Гаврилова, как уже было сказано выше, двинулся им навстречу, мобилизуя казаков.

23 мая (5 июня) казаки подошли к Тишанской и после перестрелки оттеснили красные разъезды к Бурацкой. 25 мая (7 июня) отряды Петрова были разбиты у станиц Тишанской и Бурацкой. 26 мая (8 июня) Гаврилов занял станицу Луковскую и создал угрозу железной дороге.

Советское командование приказом от 27 мая (9 июня) послало на помощь Петрову один конный полк из дивизии Киквидзе и отряд в 300 штыков с 6 пулеметами в слободу Солонка, чтобы отвлечь казаков от Урюпинской. Но Солонка, не дождавшись подкреплений, была взята казаками еще 26 мая (8 июня). Полк конницы от Киквидзе тоже не успел на помощь Петрову.

В ночном бою с 27 на 28 мая (9—10 июня) отряд Гаврилова разгромил красных под Провоторовской, взяв большие трофеи. 29 мая (11 июня) были очищены Бурацкая, Провоторовская, Тепикинская. Казачий разъезд обошел Урюпинскую и взорвал пути между Урюпино и Алексиково. Советские войска (все, что осталось после ряда поражений) побежали из Урюпинской.

29 мая (11 июня) дивизия Киквидзе,двигающаяся в эшелонах, растянущаяся и еще не добравшаяся до места назначения, получила приказ освободить местность между Хопром и Бузулуком.

Для выполнения приказа Киквидзе нужно было время. Между тем казаки без боя заняли Урюпинскую. Военрук СКВО Снесарев сообщал: «В ночь с 11-го на 12-е июня благодаря отсутствию командного состава и панике отряда Петрова казачьи отрядами противника занята Урюпинская, и в ночь с 12-го на 13-е взята Алексиково. Утром 13-го казачьи разъезды находились в четырех верстах от Поворино...»⁵⁵².

Со взятием Алексиково линия железной дороги, связывающая Царицын с Центром, была разорвана. «1-я Донская армия» Петрова, «недисциплинированная и не обеспеченная жалованием (до 3 месяцев) с разъехавшимся командным составом»⁵⁵³,

разбежалась и впоследствии была сведена в один полк (3-й стрелковый). Единственной реальной силой, способной восстановить связь по железной дороге и отбить наступление, оставалась дивизия Киквидзе, но и она с захватом казаками Алексиково была разрезана на две части — пехота успела проскочить к Царицыну, а кавалерия осталась в Поворино.

На железной дороге и в рядах красных царил паника. Из Воронежа сообщали, что положение Поворино безнадежно, белые силами в 1 полк конницы, 500 пеших, 2 орудия находятся в 5—6 верстах от Поворино, Борисоглебск и Балашов под угрозой⁵⁵⁴.

Киквидзе, назначенный с 1 (14) июня командующим наново сформированным Хоперским фронтом, организовал наступление на Алексиково. Командование СКВО приказало ему в 48 часов занять Алексиково и Урюпинскую, но 1 полк оставить на станции Арчеда, 1 батальон — в Себряково, 1 батальон с батареями — в Филоново. Силы неприятеля определялись в 800 человек⁵⁵⁵. Таким образом, из оставшейся у него пехоты Киквидзе мог бросить на Алексиково лишь 1 батальон. Кроме того, Киквидзе удалось связаться по телеграфу с Поворино и передать своей кавалерии приказ наступать на Алексиково с севера.

1 (14) июня силы большевиков в районе боя располагались следующим образом: на станции Панфилово — два батальона «армии Петрова» (500 человек пехоты, 30 кавалеристов); на станции Филоново — два батальона Рабоче-крестьянского полка (670 человек), рота чехословаков (110 человек), один батальон «армии Петрова» (200 человек), 1 батарея (4 орудия). Киквидзе с батальоном чехословаков (890 штыков) и батареями (4 орудия) пошел в наступление от Филоново на Алексиково. Навстречу ему по сходящейся из Поворино на Алексиково двигались Орденский и 6-й Заамурский полки (960 сабель) с батареями (4 орудия)⁵⁵⁶.

Обычная тактика казаков — уклоняться от прямого столкновения — в бою 1 (14) июня не просматривается. Видимо, наступление чехословаков на донской территории было воспринято казаками как явное «вторжение», и отряд Гаврилова встал грудью. Но силы оказались неравны. «Дикая сербская сотня т. Грицко врубилась в казачьи сотни и решила бой»⁵⁵⁷. Гаврилов был отброшен, оставив на поле боя (по данным большевиков) 235 трупов. Красные заняли Алексиково.

Киквидзе доносил: «Неприятель численностью до тысячи человек с орудиями разбит, бежит, движение восстанавливается... Неприятель во время кавалерийской атаки потерял двести человек»⁵⁵⁸. Орденский кавалерийский полк (сохранивший кадры 13-го Военного ордена драгунского полка старой армии) и конно-артиллерийская батарея Карпухина преследовали повстанцев.

На другой день, 2 (15) июня, части Киквидзе двинулись к Урюпинской. 1-я бригада — батальон Чехословацкого полка и 6-й Заамурский полк — вела наступление, сам Киквидзе с Орденским полком шел во втором эшелоне.

Отряд Гаврилова, моментально пополнившийся мобилизованными и добровольцами и называемый отныне в белых сводках «Хоперской дивизией», встретил Киквидзе перед Урюпинской. Вверх по Бузулуку в сторону Филоново был послан отряд сотника Данилевского, чтобы занять Дурновскую и Ярыженскую и не допустить подход к Киквидзе подкреплений с Филоново. Очевидцы отметили «прогрессию» роста числа повстанцев по мере продвижения их вверх по Бузулуку. В Павловскую станицу прибыли 25 казаков, в Павловской мобилизовали 300, затем в Дурновской отряд разросся до 600 человек, а когда заняли Ярыженскую и вышли к Филоново, силы повстанцев выросли до 1000.

Под самой Урюпинской, вернее между Алексиково и Урюпинской, согласно сводке повстанцев, 2 (15) июня Хоперская дивизия дала бой на фронте в 7 верст. Две тысячи пехоты противника, 6-й Заамурский конный полк, 1 тяжелая батарея и 1 легкая батарея вели наступление. Казаки заманили их в «вентерь» и разбили⁵⁵⁹.

Сам Киквидзе и местное советское командование, похоже, так и не поняли, что произошло. Киквидзе впоследствии докладывал: «15 июня после шестичасового боя частями первой бригады было занято Урюпино и разгромлен казачий полк...»⁵⁶⁰. Притворное отступление и заманивание внутрь «вентеря» он, видимо, принял за чистую монету. Снизу вверх пошли победные реляции. Военрук СКВО Снесарев в Высший военный совет 15 июня из Алексиково: «Дружными действиями частей Киквидзе, действовавших среди царившей кругом паники, конными Орденским и Заамурским полками с севера и 1 Чехосло-

вацким полком от Филоновской противник был сброшен с линии железной дороги и затем преследуем до Урюпинской, которая сегодня около 17 часов взята с боя.

За отсутствием шифра — подробности почтой»⁵⁶¹.

Нарком Сталин — Предсовнаркома Ленину: «Музга взята нами, Алексиково и Урюпино тоже. Железнодорожное сообщение восстановлено. Сегодня отправлю в Москву и на север пятьсот тысяч, полмиллиона пудов хлеба. Из них 100 тысяч идут между Арчедой и Филоново, остальные выходят с царицынских вокзалов»⁵⁶². Как писал потом Киквидзе, «мы, заняв Урюпино, полагали, что неприятель разбит и этим дело кончено»⁵⁶³.

Но дело только начиналось.

Тот же Киквидзе доносил: «После 40-верстного перехода, к 5 часам вечера наш арьергард обнаружил неприятельскую кавалерию в количестве двух полков с 3 орудиями и пехотой в количестве 300 человек...»⁵⁶⁴. Итак, Киквидзе влез в «вентерь», и ловушка захлопнулась — повстанцы оказались у него в тылу. В другом донесении Киквидзе указывает иное время: «В 18 часов 15 минут противник получил пополнение в количестве двух тысяч штыков и сабель. Наши части, прошедшие с боем свыше сорока верст, утомленные, оставшиеся без патронов и снарядов, были окружены втрое превосходящими силами противника»⁵⁶⁵.

Пехота под командованием Медведовского была окружена. Сам Киквидзе с эскадроном Ястржембовского бросился на выручку. Дальше обратимся к его донесению: «Начались кавалерийские атаки. На 4-й эскадрон наскочили две сотни казаков. 4-й эскадрон, приняв конную атаку, должен был отойти, потеряв 60 % убитыми и ранеными. Дальше я не буду описывать подробности этого ужасного боя, где артиллеристам приходилось отбивать целые сотни атакующих батареи казаков пулеметным огнем... а пехоте приходилось бросаться в штыки на целые кавалерийские части; бой длился 4 часа»⁵⁶⁶.

Как писал один из участников боя, «техника (картечь и пулеметы) сыграла свою роль»⁵⁶⁷. Две батареи Киквидзе отбили 17 конных атак⁵⁶⁸. Чехи смогли прорваться. «В общем наши потери исчисляются в 412 человек, 82 лошади; потери же противника гораздо больше наших... — подводил итог Киквидзе. — Мы остались без снарядов, без винтовочных патронов и без

пулеметных лент. Резервы наши находились, как я выше указал, в Филоново — Арчеда. Я решил отойти, так как по сведениям и по донесению разведки, к неприятелю подходили на помощь свежие пехотные части из больших станиц»⁵⁶⁹. Потеряв 3 орудия и 4 пулемета, отряд Киквидзе откатился на Алексиково и далее на Поворино. В 2 часа ночи с 2 на 3 (15—16) июня казаки вновь захватили Алексиково.

3 (16) июня Сталин вынужден был сообщить Ленину: «Сегодня к утру положение круто изменилось. От Алексиково к северу казачья кавалерия смяла нашу пехоту и отобрала орудия. Железная дорога прервана. Хлеб направляем обратно в Царицын»⁵⁷⁰. Вечером 3 (16) июня из Воронежа в Москву ушло сообщение, что в Поворино «сумятица вследствие загромождения станций войсками Киквидзе. Киквидзе на станции старается восстановить среди бегущих порядок»⁵⁷¹.

Чтобы объяснить такой разгром, большевистское руководство выдвинуло версию об участии в бою немцев. Сводка от 5 (18) июня заявила о том, что в бою под Урюпинской и Алексиково участвовали «немецко-казачьи отряды». «Остатки дивизии Киквидзе, потеряв артиллерию, пробились на Поворино. Сам Киквидзе контужен. Наступлением участвовал отряд кавалерии противника до 4000 человек, в составе которого имеются немцы»⁵⁷².

Части Киквидзе из Поворино отбыли в Тамбов на усмирение вспыхнувшего там мятежа. Другая бригада была окружена на станции Филоново, но удержала станцию при поддержке бронепоезда.

Потери повстанцев тоже были значительны. Большевики говорили о потерях казаков в 1500 человек.

9—11 (22—24) июня советские войска вновь заняли Алексиково и восстановили железнодорожное сообщение. 17 (30) июня Нарком Сталин доносил Ленину: «Алексиково и другие станции севернее Царицына целиком (в) наших руках. Никакого наступления войск Краснова не было и не могло быть, ибо (у) Краснова нет тех войск. Были лишь ночные набеги разбойничьих казачьих банд, взрывавших дорогу и несколько раз прерывавших движение...»⁵⁷³.

В ходе боев и мобилизации хоперцы выставили следующие полки: 1-й Хоперский конный (на Большом Войсковом Круге в

августе — сентябре 1918 года был представлен казаками Зотовской станицы); 2-й Хоперский сводный (сформирован на севере округа, на Круге представлен казаками Михайловской станицы), 3-й Хоперский конный, 1-й Хоперский пеший (на Круге представлен казаками Михайловской станицы), Бузулукский конный (на Круге представлен казаками Дурновской станицы), 2-й Верхнебузулукский конный (на Круге был представлен казаками Анненской станицы), 3-й Бузулукский конный (на Круге представлен казаками Филоновской станицы), Бузулукский пеший (на Круге представлен казаками Ярыженской станицы)⁵⁷⁴, Кумылженский отряд силами до полка (на Круге был представлен казаками Кумылженской станицы).

Судя по ходу военных действий и потерям, полки Хоперского округа были боеспособны и обладали высоким боевым духом, чего нельзя сказать о полках Усть-Медведицкого округа.

Они осадили оплот местных большевиков — слободу Михайловку, но осада затянулась. Затем наступило время полевых работ, и казаки, так же как и местные красногвардейцы, больше думали о своем хозяйстве, чем о войне. Подобные настроения стали распространяться и на соседний Хоперский округ.

Стихийная мирная передышка была сорвана очередным вторжением большевиков в Хоперский округ и занятием ими 22 июня (5 июля) окружной станицы Урюпинской. На этот раз большевики вели наступление по сходящимся направлениям. Дивизия Киквидзе, укрепившись на станциях железной дороги, двигалась с северо-востока вниз по Бузулуку. С севера вниз по Хопру наступала Украинская бригада Сиверса «с массой малолетков и слабой дисциплиной», как признавали сами большевики, и части местного воронежского формирования — «детища хилые губернского совдепа». Эти части, собственно, и заняли Урюпинскую.

В тот же день на помощь хоперцам на фронт были двинуты полки Верхне-Донского округа, которые формировались в наиболее благоприятных условиях.

2 (15) июля верхне-донские части вошли в соприкосновение с противником. Еланско-Букановский полк у хутора Дубова Провоторовской станицы встретил бригаду Сиверса, а три

конные сотни Вёшенского полка и столько же сотен Краснокутского полка были посланы в ночной набег на станцию Филоново, где были сосредоточены силы Киквидзе. Проводником уходившим в набег сотням служил хорунжий Матушкин, один раз уже попадавший в руки красным и неудачно ими расстрелянный.

Налет не застал войска Киквидзе врасплох. Стоявший на станции Рабоче-крестьянский полк отстреливался из окон и дверей вагонов. На поворотный круг станции была поставлена бронеплощадка, которая стала палить картечью во все стороны. Наконец на помощь красным подошел броневик. Казачья конница схлынула, понесся потери. В Вёшенском полку выбыли из строя командир 1-й сотни есаул Н.Н. Кудинов и начальник пулеметной команды хорунжий П.Н. Кудинов.

Налет на Филоново не остановил наступления красных. Киквидзе занял станицу Старо-Анненскую, где его с трудом остановили при поддержке подошедшего Боково-Каргинского полка. В тот же день, 3 (16) июля, войска Сиверса атаковали еланцев и хоперские части у хутора Дубова. Со стороны казаков боем руководил начальник штаба Хоперской дивизии Генерального штаба капитан Сергеев. Наступление красных удалось остановить рейдом конных еланских сотен на хутора Ольховый, Головский и Скворцов.

8 (21) июля красные возобновили наступление. Сражавшиеся против Сиверса еланцы, отразив несколько атак, отошли за Хопер. В боях отличился командир Еланско-Букановского полка войсковой старшина В. Фолометов. Войска Сиверса были измотаны, его ударную силу — броневик — подбила Каргинская батарея.

Войска Киквидзе смогли продвинуться до станицы Дурновской. Здесь в шестидневном бою Бузулукский отряд полковника Ситникова вместе с верхне-донскими полками остановил его. 14 (27) июля казаки возвратили Дурновскую.

15 (28) июля красные начали отступление, прикрываясь чехословацкими и мадьярскими отрядами. В тот же день особая бригада Сиверса, разбитая у хутора Макаровского, тоже стала отходить на Филоново. 16 (29) июля в тылу у отступающих красных казаки надетом взяли станцию Бударино «после крепкого сна» одного из Воронежских полков⁵⁷⁵.

Отступление красных местами превратилось в беспорядочное бегство. Среди разбитых красноармейских частей в белых сводках назывались Орденский полк, 6-й Заамурский полк, 1-й Донской советский полк, 1-й Революционный пролетарский полк, Орловский полк, Новохоперский советский полк, 3-й Интернациональный отдельный батальон, 1-й Купянский боевой отряд, 4-й Отдельный спартаковский батальон, Морской батальон⁵⁷⁶.

К концу июля красные ушли на север, оставив Урюпинскую и Алексиново. Под угрозой нападения казаков вновь оказался железнодорожный узел Поворино. Войска Сиверса и Киквидзе ушли с территории Области на станцию Елань-Камышинская. Преследуя противника, хоперские, бузулукские и верхне-донские части вышли к границам Всевеликого Войска Донского.

Примерно такие же события развивались в это время в соседнем Усть-Медведицком округе.

Активизация военных действий показала слабую боеспособность полков Усть-Медведицкого округа. Из всех мобилизованных полков на Михайловку удалось двинуть 800 человек пехоты и 500 конницы (4 сотни), 3 орудия, 10 пулеметов. В пеших сотнях было по 130 винтовок на 200 казаков, в конных — по 60 на 100 всадников. Лишь в Усть-Хоперской сотне (150 человек) винтовки были у всех, но — старые, итальянские.

Силы красных под командованием Миронова тоже были невелики, но все это время Миронов усиленно вел агитацию среди казаков и даже организовал мобилизацию местного казачьего населения.

Больших боев не было, лишь неопытные партизаны (около 100 человек) успели столкнуться с мироновцами под Зимняками, Кепинской, Арчедой. 7 (20) июня под Кобылянкой они попали в окружение, но прорвались, потеряв 16 раненых. Наконец, в конце июня после боя под Старосельем, где красные, навоев ужас, стреляли разрывными пулями, партизан отвели в Усть-Медведицкую на отдых.

Когда хоперцы и верхне-донцы начали наступление с целью отбить назад Урюпинскую, усть-медведицкие казаки не жали на своем участке. Но противостоявший им Ф.К. Миронов, имея отряд в 400 штыков с 1 орудием (основные его силы тоже в поте лица трудились на уборочной), сам бросился вперед,

ночным маневром обошел казачьи позиции и устремился к Усть-Медведицкой. Войска Усть-Медведицкого округа в панике побежали, станицы Арчединская, Глазуновская, Кепинская и Скуришенская были ими оставлены, весь левый берег Дона на территории округа очищен.

«Успокаивать» Усть-Медведицкую прибыл с карательным отрядом войсковой старшина Лазарев. Командир партизанского отряда Алексеев пожаловался ему на враждебное отношение местных казаков к партизанам и предложил «навести порядок» как представителю Донского правительства.

Лазарев расстрелял красных делегатов, прибывших от Миронова, и провел сбор (или митинг), на котором горячо говорил о казачестве и восстановил пошатнувшийся дух местных казаков.

В конце концов малочисленность отряда Миронова проявилась. 6 (19) июля он был окружен у хутора Шапкина. На «поимку» Миронова бросили конные сотни, карательный отряд Лазарева и партизанские отряды Долгова и Алексеева, пополненные местными гимназистами.

Партизан Алексеевского отряда П. Ветров вспоминал, что перед боем 5 (18) июля в их отряд приехал «пообедать» Лазарев «со своим “обозом” из двух подвод, на котором была только водка», и вскоре «весь отряд был полупьян». «А вечером в тот же день наш отряд был двинут к хутору Шапкину. Примерно в четыре часа утра завязался жестокий бой...»⁵⁷⁷. Перед строем гимназистов на коне и с шашкой разъезжала учительница Мажарова.

Миронов, построив свой отряд полукругом — орудие в центре и 10 пулеметов на повозках по всему фронту, — прорвался к станице Ново-Александровской и ушел обратно к железной дороге.

Мучимые похмельем партизаны-алексеевцы (попробуйте в 17 лет «пообедать» с таким гулякой, как Роман Лазарев, проделать ночной марш и в 4 утра ввязаться в бой с таким рубакой, как Миронов) Миронова, естественно, упустили. Ветров пишет, что партизан во время боя дважды окружала пехота и один раз конница (хотя в отряде Миронова конницы не было). Видимо, попавшие в пекло боя мальчишки отстреливались от всех — своих и чужих. Они потеряли 17 убитыми и 134 ранеными (в отряде

*Атаман Всевеликого Войска Донского
Петр Николаевич Краснов*

Антон Иванович Деникин в Ростове

*Африкан Петрович Богаевский с кадетами.
Болгария, 1920-е гг.*

*Генерального штаба полковник
Александр Ильич Кислов*

*Командующий Северным фронтом Донских армий Всевеликого
Войска Донского, генерального штаба генерал-майор
Матвей Матвеевич Иванов*

*Генерального штаба генерал-майор
Сергей Степанович Яковлев*

*Командующий Южной армией, генерал от артиллерии
Николай Иудович Иванов*

Генерал-майор Иван Алексеевич Поляков

Генерал-майор Константин Константинович Мамонтов

*Генерал-майор Александр
Петрович Фицхелауров*

Князь Д.Д. Тундутов

Похороны Лавра Георгиевича Корнилова

*Генерал от кавалерии
Алексей Максимович Каледин. 1918 г.*

Знак Гундоровского полка, утвержденный П.Н. Красновым

Генерального штаба
полковник В.К. Манакин

Генерального штаба
генерал-майор Исаак
Фёдорович Быкадоров

Карта военных действий на Дону в августе —
ноябре 1918 г.

Пал смертью храбрых...

П.Н. Краснов в Новочеркасске. 1918 г.

Донская кавалерия. 1918 г.

Казачи одной из донских станиц

*Здание судебных установлений,
где проходил Круг Спасения Дона.
Предреволюционный снимок*

Здание штаба Донской армии. Предреволюционный снимок

*Знаки отличия, памятные
жетоны и полковые знаки
Корниловского Ударного полка*

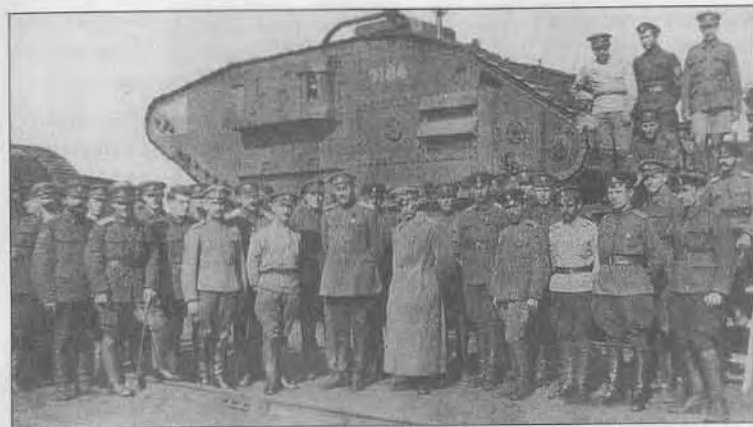
Знак Гундоровского полка

Область Войска Донского в начале XX в.

Броневик «Атаман Богаевский»

*Чины Донской армии (в центре генерал-майор В.И. Сидорин).
1919 г.*

Белые казаки в станице Старочеркасской

Полномочный представитель Добровольческой армии при Донском атамане генерале П. Н. Краснове генерального штаба генерал-лейтенант Евгений Феликсович Эльснер

Атака красной конницы

было 300—350 человек). 17 партизан попали в плен. Всех их мироновцы по дороге расстреляли (2 недобитых выжили).

По данным П. Ветрова, мироновцы потеряли убитыми 115 бойцов и 34 лошади (о раненых и пленных не говорится; видимо, их уничтожили, и они считаются убитыми).

Убитых гимназистов похоронили на горе возле Усть-Медведицкой и на кресте вырезали надпись из стихотворения Ф. Крюкова «Родимый край»: «Во дни безвременья, в минуту смутную развала и смятенья духа я, ненавиза и любя, слезами горькими оплакивал тебя, мой край родной...».

4 (17) июля на помощь Усть-Медведицкому округу подошли войска генерала Фицхелаурова. «В тот же день, на состоявшемся совещании старших начальников, решено части «Освободительной армии Вольных хуторов и станиц Усть-Медведицкого округа» включить в Донскую армию»⁵⁷⁸. Фицхелауров стал командующим войсками Усть-Медведицкого района.

Пока партизаны и каратели Лазарева сражались с мироновцами, Фицхелауров провел реорганизацию подчинившихся ему отрядов и полков. Молодые казаки были направлены на службу в «Молодую армию». Полки округа получили номера и сводились в две дивизии, называемые «отрядами». Конные полки оказались в 4-м конном отряде Голубинцева и получили номера 13, 14, 15 и 16-й Пешие полки сводились в 3-й пеший отряд есаула Сутулова.

С 12 (25) по 17 (30) июля Фицхелауров в жестоких боях теснит на север советские войска Миронова. Встревоженный Миронов доносит 12 (25) июля: «против Арчады — Себряково действуют отборными частями. Имеются полки черкесов. Видна дисциплинированность частей. Части находятся в руках командного состава, видимо, обладающего боевым опытом...»⁵⁷⁹. Затем — 26 июля: «Потеряны три орудия и семь пулеметов, действует не менее дивизии против Арчады... Противник настойчив, находится в опытных руках командного состава, есть полк черкесов»⁵⁸⁰. Высшее начальство (Подвойский) пытается успокоить его: «Сил, налегающих на вас, не более 1800 (человек), никакого полка черкесов нет, а есть только русские...»⁵⁸¹.

Фицхелауровым занимаются ключевые железнодорожные станции. Попутно разоружаются слободы.

«Телефонограмма. Обществу Сидор. 17 (30) июля 1918. 9—20. х. Миронов.

С получением сего предлагаю вам сдать оружие. Если оружие не будет сдано через два часа со времени отправления ультиматума, я спалю слободу Сидоры и уничтожу всех жителей. Нач. бригады полк. Губарев»⁵⁸².

Краснов шлет в войска Фицхелаурова приветственные телеграммы (16—29 июля): «Не сомневался в доблести отряда Татаркина и лихости милого моему сердцу, но беспутного Романа Лазарева... Лихим атаманам-казакам земной поклон их старика-атамана»⁵⁸³.

20 июля (2 августа) войска Усть-Медведицкого округа вышли к границам Саратовской губернии. Генерал Фицхелауров отдал войскам округа приказ № 55. «20 июля последние остатки мироновских банд изгнаны из пределов области и перешли границу Саратовской губернии. Ныне ни одного явного красновардейца не осталось в Усть-Медведицком округе, с тайными врагами расправа будет твердая и быстрая... С вверенными мне войсками я имею честь проходить уже пятый округ, повсюду восстанавливая права казачьи на казачью землю и освобождая казаков от позорного рабства... За пять суток весь округ очищен от чуждой казачеству власти, и сам «непобедимый» Миронов едва спасся бегством за пределы области»⁵⁸⁴.

Действительно, части Миронова, оторвавшись от противника и от соседей, отошли в район станций Елань — Камышинская.

Двигаясь вверх по Медведице, белые сформировали в станциях Раздорской-на-Медведице, Сергиевской, Березовской, Островской, Малоделской полки 17, 18 и 19-й конные.

Кроме того, на Большой Войсковой Круг прибыли казаки Усть-Медведицкого округа от полков 1-го Куртлакского (Распопинской станицы), 6-го конного (Ново-Александровской станицы) и 12-го Донского (Березовской станицы).

Боеспособность мобилизованных, которых бросили на Царицын (о чем ниже), была невысокой. Казаки 15-го конного полка (Клетской станицы), попавшие в плен к Миронову, показали, что мобилизованы под давлением карательного отряда Каргальского, прибывшего из Новочеркасска⁵⁸⁵. Войсковой старшина Широков, командир 13-го Усть-Хоперского полка, писал в Усть-Медведицкий округ: «До этого под Царицыным у нас дела были великолепны и мы уже заняли Дубовку и подхо-

дили наши разъезды к Французскому заводу в Царицыне, но благодаря измене мобилизованных нами казаков Иловлинской и Качалинской станиц и отказу драться 18-го полка (из Березовской станицы) и 12-го полка принуждены были отойти от Царицына. Вообще ваши станичники и их соседи негодяйские дали полки. Продолжают митинговать изредка, и, вообще, духа мироновского много в них... Лучшая станица из по-медведицких — это Островская, там настоящие казаки, а все эти естеревские, раздорские, сергиевские, малоделские, березовские — сволочь»⁵⁸⁶.

В) БОРЬБА В ЗАДОНЬЕ

После утверждения казачьей власти в Низовьях Дона и установления связи с северными округами началось очищение от большевиков Среднего Дона и Задонья. Последняя операция была тесно связана с немецкими попытками форсировать Дон и выйти отсюда на Кавказ и с военными действиями Добровольческой армии, которая, как уже говорилось, до 10 (23) июня была пассивна.

Первые попытки немцев форсировать Дон и захватить Батаяк были еще 25 апреля (8 мая), как только они заняли Ростов. 8 тысяч пехоты с 36 орудиями (из них 12 шестидюймовых) двинулись через Дон по мосту. Но советские украинские отряды П.Г. Родионова и А.В. Мокроусова (около 5 тысяч бойцов), успевшие укрепиться и отрыть окопы на левом берегу Дона, сорвали эту попытку.

По левому берегу Дона большевиками стал срочно создаваться новый антигерманский фронт с опорой на советские войска Кубани и мобилизованное кубанское казачество, а на железнодорожную линию Тихорецкая — Царицын с востока стали выходить ставропольские советские войска. Все это время советское и германское руководство вели переговоры об установлении демаркационной линии.

27 апреля (10 мая) казаки и «добровольцы» вышли на железнодорожную дорогу Ростов — Тихорецкая в тылу советских украинских войск, но подошедшие кубанские советские части очистили железную дорогу и нанесли ответный удар по станицам Кагальницкой и Мечетинской.

После боев 30 апреля — 1 мая (13—14 мая) советские войска укрепились на железнодорожной линии от Батайска до Тихорецкой. Соседнюю железнодорожную линию от Батайска на Торговую в районе станиц Хомутовской — Кагальницкой — Егорлыкской занимали «добровольцы» Деникина и Задонская группа И.Ф. Быкадорова. Силы тех и других были незначительны. «Задонскую группу» (3,5 тысячи штыков и сабель, 8 орудий) в военной исторической литературе специалисты называли — «отряд донских ополченцев»⁵⁸⁷.

В это же время, с 1 (14) мая, немцы и большевики вели переговоры, которые были прерваны вечером 2 (15) мая. Немцы перешли через Дон у Ольгинской и двинулись на Хомутовскую, обходя Батайск с фланга. Подошедший на помощь большевикам Бакинский полк дела не поправил.

К 5 (18) мая немцы (до 16 тысяч) вышли к Злодейской и были в 2—3 верстах от станции Каяла. Кагальницкий конный полк, помогая им, атаковал поселок Васильево-Шамшино.

8 (21) мая Родионов и Мокроусов запросили помощи у советских властей на Кубани и в Царицыне. На Кубани в это время в советских верхах шла борьба за власть, которая закончилась смещением главкома А.И. Автомонова. Тем не менее советские кубанские части пришли на помощь украинским. 9 (22) мая немцы были выбиты за Дон и, если верить большевикам, потеряли до 5 тысяч убитыми. Большевики вошли в Батайск, но сразу же оставили город и закрепились в 3—4 верстах от него. Линия фронта тянулась от Злодейского леса через Койсуг, Кулешовку, Азов, Кагальник до Ейского лимана.

Назначенный 13 (26) мая новый советский главком Калнин стал наращивать силы, чтобы преградить немцам дорогу на Кубань. Вскоре на трех боевых участках от Азова до Торговой он собрал 50—60 тысяч бойцов. Это были: 2-я колонна Мокроусова, 1-я внеочередная дивизия Зоненко, Латышский полк Калнина, кавалерийский отряд Кочубея, бригада Родионова, отряды Зазорова, Щербины, Кочергина. Собранные отряды сводились в дивизии. Штаб армии стоял на станции Каяла.

17 (30) мая, выждав, когда разлившаяся донская вода спадет, немцы (8 тысяч пехоты, 16—20 орудий и немного конницы) вновь перешли в наступление. Советское командование доносило: «Демонстрируя у Батайска, они повели наступление

на Ольгинскую и Хомутовскую. Им удалось взять эти станицы, а затем движением во фланг нашим обороняющимся захватить и Батайск»⁵⁸⁸. Содействуя немцам, Новочеркасский и Кривянский казачьи полки атаковали станцию Злодейскую.

Чтобы восстановить положение, советское руководство решило сперва встречным ударом кубанских советских войск от линии железной дороги Батайск — Тихорецкая и ставропольских и донских советских частей от Великокняжеской отбросить казачков и «добровольцев» к Дону (диспозиция № 1 от 2 июня н.с.)⁵⁸⁹, а затем атаковать Батайск и Ростов.

20 мая (2 июня) советские войска Федько атаковали Мечетинскую и Егорлыкскую, где были встречены «добровольцами» и остановлены. Наступление со стороны Торговой и Великокняжеской развивалось вяло, ставропольские красногвардейцы неохотно шли вперед, а местные держались за свои слободы.

Основная масса советских войск, которая 29 мая (11 июня) должна была ударить на Батайск и Ростов, отвлеклась на авантюру с Таганрогским десантом (3—13 июня н.с.) и в наступлении на задонские станицы не участвовала.

Высадка красного десанта под Таганрогом закончилась провалом. Возобновились советско-германские переговоры. Весь июнь между советскими и германскими войсками серьезных столкновений не было. Донская армия в это время начала переброску частей из Донецкого округа в 1-й Донской и под Батайск.

Станицы западной части Донецкого округа к этому времени успели отмотилизовать свои станичные полки. Так, к 24 мая (6 июня) был сформирован знаменитый впоследствии Гундоровский полк в составе 4-х пеших сотен, 1 конной сотни, пулеметной и нестроевой команд. Командовал полком войсковой старшина А.К. Гусельщиков. Полк состоял из казаков переписей 1912—1917 годов.

25 мая (7 июня) полк был переведен в Каменскую, где нес гарнизонную службу, а вечером 3 (16) июня погрузился в Каменской в вагоны и был отправлен на Батайский фронт. 4 (17) июня гундоровцы высадились на станции Аксай и вечером того же дня прибыли в Ольгинскую. В тот же район и в это же время прибыл Митякинский полк.

1 (14) июня образовавшееся руководство Северо-Кавказского военного округа большевиков поставило войскам своего

Кубанского фронта задачу отбросить противника за реку Дон на участке от устья Цимлы до устья Дона.

Донское командование опередило большевиков и начало операцию по очищению от большевиков среднего течения Дона.

5 (18) июня Каменский пеший полк и Камышевский отряд при поддержке пароходов «Новочеркасск» и «Донец» выбили красных из станицы Каргальской, 6 (19) июня заняли Романовскую. Цимлянский, Нижне-Курмоярский и Потемкинский отряды переправились на левый берег Дона и очистили его в пределах своих станиц.

Борьба была перенесена на территорию Сальского округа. Здесь большевики имели поддержку в крестьянских слободах и постоянно могли получать подкрепления из Царицына и с Кубани благодаря железной дороге.

Большую часть июня противостояние здесь развивалось вяло.

Еще во время боев за Новочеркасск казаки левого берега Дона создали «Манычский фронт» по левому берегу Маныча, опираясь на зимовники Янова — Жеребкова — Ивана Королькова — Кузнецова, против Казенного Моста на Маныче. Силы здесь были невелики — Богаевско-Манычский конный полк есаула Табунщикова, дивизион сотника Королькова (из Западенской сотни хорунжего Беляева и Платовской сотни калмыка хорунжего Давида Николаева), батарея подьесаула Траилина (4 орудия) и пулеметная команда поручика Сомова (10—12 пулеметов). Общее руководство осуществлял войсковой старшина Иванов⁵⁹⁰.

Красный фронт тянулся по правой стороне Маныча от Казенного Моста до реки Юла. Станица Платовская и село Орловка были заняты красными. Силы красных доходили до 3 тысяч пехоты и имели 16 пулеметов и 3 батареи по 4 орудия. Ключ позиции — Казенный мост — удерживали отряд Думенко (110 сабель, 250 штыков, 4 пулемета) и Шевкоплясова (200 штыков, полуэскадрон кавалерии, 3 пулемета)⁵⁹¹.

Среди противостоявших казакам красногвардейских отрядов, как мы помним, в конном полку из мобилизованных казаков (900 шашек, 2 пулемета) вызрел заговор. Полк под музыку (две гармошки, две скрипки и несколько старых труб) выступил на фронт. В тылу для связи с подпольной группой есаула

Дукмасова была оставлена запасная сотня хорунжего Мельникова⁵⁹². Но ни восставать, ни переходить к «белым» заговорщики не торопились. «Силы “белых” как бы находились в мышеловке... — рассуждали они, — пополнять эту мышеловку возможными жертвами, без всякой пользы для освобождения родного края, было неразумно»⁵⁹³. Тем не менее представители полка — вахмистр Ажогин и казак Шехватов — 3—4 раза выезжали на связь с белыми и договорились с Ивановым и Траилиным о совместных действиях. Впрочем, полного доверия между переговорщиками не было, и к активным действиям не переходили.

10 (23) июня Добровольческая армия и части Задонского района Донской армии перешли в наступление. Силы «добровольцев» состояли из трех пехотных дивизий и одной конной. 1-я пехотная дивизия — 1079 штыков и шашек; 2-я пехотная дивизия — 1669 штыков и шашек; 3-я пехотная дивизия — 1652 штыка и шашки; конная дивизия — 3271 шашка. Всего 7671 активный боец, 103 пулемета, 20 орудий, 353 320 патронов. Примерно 50 патронов на человека...

Генерал Марков с 1-м Кубанским стрелковым полком, 3 орудиями 1-й Отдельной батареи подполковника Миончинского и Мечетинским конным полком (при одном орудии) выступил на линию железной дороги Великокняжеская — Торговая.

В тот же день на Маныче дозоры Западенской сотни задержали парламентариев от полка красных казаков Орловской станицы сотника Сметанина. Сметанин предупреждал о наступлении красных на следующий день и обещал перейти с полком на сторону Донской армии.

Но 11 (24) июня красные не наступали, зато казаки Богаевско-Манычского полка обнаружили слабость правого фланга красных и пошли в глубокий обход, а с фронта открыла беглый огонь батарея Траилина. Красные, удерживавшие плацдарм на левом берегу Маныча, стали откатываться на правый берег, неся потери от пулеметов поручика Сомова. Казаками были заняты зимовники Супрунова и Кирилла Королькова, на последнем на их сторону перешел полк Сметанина.

Сподвижники Сметанина вспоминали, что они восстали и с тыла атаковали красную артиллерию. Командир 1-й сотни сотник Кузнецов напал на правофланговую батарею, командир 2-й сотни

хорунжий Седов — на среднюю, захватил ее и ударил картечью по красным окопам. Остальные силы ударили во фланг отряду Думенко и опрокинули его. Затем отряд казаков переправился через речку и захватил левофланговую батарею. Красный фронт был расстроен. Полусотня хорунжего Юрьева поскакала в хутор Островянский, где есаул Дукмасов начал мобилизацию второго полка казаков, который сразу же взял под свой контроль хутора Орловской и Великокняжеской станиц.

Но, как утверждал А. Мефодиев, белые фронтальной атакой выступление полка Сметанина не поддержали. Красная пехота, опомнившись, пошла из окопов на восставший полк, тот откатился в балку, спешился и начал перестрелку. Ситуацию переломила 5-я сотня сотника Дьякова, которая обошла красных, спешилась, зашла в их окопы и открыла оттуда огонь. Затем последовала общая конная атака. 400 красных зарубили, 900 взяли в плен, захватили 9 орудий, 14 пулеметов, 2000 винтовок, 120 лошадей. Вечером от белых подошла сотня есаула Климова...⁵⁹⁴.

Как бы ни было, но фронт красных на Маныче был прорван.

Тогда же, 11 (24) июня, отряд Маркова столкнулся с красными у разъезда «Маныч» и отошел к зимовнику Супрунова, а 2-я пехотная и 1-я конная дивизии «добровольцев» атаковали село Средний Егорлык (Лежанка) и выбили оттуда части Жлобы (2-й Северо-Кавказский, 1-й Тихорецкий, 1-й Донской, 2-й Донской и Таганрогский полки). Одновременно казаки, оставшиеся в Егорлыкской, Кагальницкой и Мечетинской, начали наступление на слободу Гуляй-Борисовка и станцию Злодейская — во фланг советским войскам под Батайском.

Заняв Лежанку, «добровольцы» повели наступление на Торговую и 12 (25) июня заняли ее.

Казаки «Манычского фронта» (группа Иванова) в ночь на 12 (25) июня пошли в набег на станицу Великокняжескую и уже перешли Маныч, но были возвращены и получили приказ войти в связь с войсками генерала Маркова.

В этот день Марков отправил донцов (Мечетинский полк) взорвать пути между разъездом «Маныч» и Великокняжеской, а сам с кубанскими стрелками атаковал Шаблиевку, когда к ней стали откатываться большевики от Торговой. Возвращенные из набега и прибывшие на подкрепление к Маркову казаки «Ма-

нычского фронта» отнеслись к действиям Маркова критически, у них даже сложилось впечатление, что «добровольцы» специально пропускали красных через Торговую на Царицын. Красные эшелоны двигались медленно, «добровольцы» «изредка постреливали», те изредка отвечали⁵⁹⁵. Между тем паровоз очередного большевистского эшелона был подбит снарядом, большевики стали под огнем высаживаться и уходить в селение. Кубанцы преследовали их. Марков, находившийся на чердаке одного из амбаров⁵⁹⁶, около которых стояли орудия Миончинского, стал спускаться по лестнице. В это время последний снаряд красного бронепоезда разорвался у подножья лестницы. Марков был смертельно ранен⁵⁹⁷.

13 (26) июня кубанцы удерживали Шаблиевку и отбили атаку красной кавалерии. 14 (27) июня подошла дивизия Дроздовского. В ночь на 15 (28) июня Дроздовский и Кутепов, сменивший Маркова, двинулись на Великокняжескую.

Дроздовцы наступали на Великокняжескую с юга, вдоль железной дороги. На правом фланге, восточнее, шла конница Эрдели. На левом фланге, западнее дроздовцев, наступал Кутепов и еще западнее были донские части.

Окружная станица Великокняжеская была занята 15 (28) июня. По одним данным первой в нее ворвалась 4-я Донская сотня конного полка дивизии Дроздовского. Впрочем, сами казаки этой сотни о бое в Великокняжеской не упоминают, а говорят лишь о ночлеге в этой станице⁵⁹⁸. По другим данным первым в станицу вошел разъезд Мечетинского полка и конная разведка батареи Миончинского.

Мефодиев дает свою версию боя за Великокняжескую. Приказ атаковать станицу получил полк Сметанина, имея справа калмыцкую сотню и далее «добровольцев». Казаки бывшего «Манычского фронта» (бригада Тацына) одним полком пошли через Казенный Мост на Каменку — Куберле, совершая глубокий обход станицы с запада, а дивизион под командованием войскового старшины Иванова оставили в резерве.

Полк Сметанина, наступая на Великокняжескую, увяз в болотах, спешился и завязал огневой бой. Калмыцкая сотня сотника Земцова обошла болота справа и первой ворвалась в станицу. Казаки Сметанина перешли болото и сбили красную пехоту. Было захвачено 350 пленных, 400 винтовок, 4 пулемета.

Далее полк Сметанина атаковал красных, отходивших на Эльмут, и захватил два поезда — санитарный и товарный.

В работе И.Н. Комендровского «Торгово-Великокняжеская операция Добровольческой армии» говорится, что фронт красных был прорван донцами и «добровольцами» Кутепова на левом фланге. Красные здесь стали отходить на север к Платовской, а донская конница вместе с конной разведкой батареи Миончинского «хлынула» на Великокняжескую и заняла ее в 14 часов⁵⁹⁹.

Мефодиев отмечал «тяжелые сцены расправы калмыков с казаками, служившими у красных или же им сочувствующими»⁶⁰⁰.

Полностью окружить Великокняжескую и захватить все красные эшелоны не удалось, так как на правом фланге кубанцы и черкесы дивизии Эрдели не смогли преодолеть сопротивление красной кавалерии Думенко.

С. Калтыканов вспоминал, что оставленная большевиками Великокняжеская была занята после полудня 14 (27) июня казаками группы Иванова, причем захватили всего один зарядный ящик и потеряли убитым хорунжего Беляева. «Комендантом станицы войсковой старшина Иванов неудачно назначил хорунжего Земцова (местного уроженца. — А.В.), который в первую же ночь без суда приказал расстрелять около 20-ти человек, как потом выяснилось, личных своих врагов, в том числе двух георгиевских кавалеров и начальницу гимназии»⁶⁰¹.

16 (29) июня в Великокняжеской была назначена дневка, затем «добровольцы» двинулись обратно на юг, а казаки войскового старшины Иванова — на север вдоль железной дороги и без боя заняли станицу Орловскую. Там к ним присоединился отряд есаула Дукмасова — 150 казаков с 30—40 винтовками, — который до этого «отсиживался» на зимовнике Подкопаева⁶⁰². По другим данным к Иванову присоединился полк повстанцев из Великокняжеской, Орловской и Ново-Алексеевской станиц (опять же сформированный Дукмасовым).

Преследуя красных, казаки двинулись по железной дороге к Царицыну, заняли Зимовники и, перейдя Сал, — Ремонтную. У станции Ремонтной начались сильные бои. Сюда красные подвели 3 броневика, 2 бронепоезда и пехоту из Царицына. Казаки отошли на Зимовники, где фронт на время стабилизировался.

22 июня (5 июля) донцы окружили слободу Б. Мартыновку — один из центров местной Красной гвардии.

В Великокняжеской была установлена власть окружного атамана (войскового старшины Гнилорыбова) и началось формирование на базе повстанцев трех полков — Орловского, Великокняжеского и Зюнгарского калмыцкого (последний из «разбукшей» Платовской сотни). Кроме того, формировались охранные сотни станиц.

Таким образом, с 5 (18) июня по 22 июня (5 июля) течение Дона на территории Области было очищено от большевиков, а связь большевиков по железной дороге между Царицыным и Тихорецкой прервана.

В Задонском районе казачья конница встретила неожиданный отпор зарождающейся красной кавалерии. Местные коренные крестьяне (зачастую потомки бежавших на Дон украинских реестровых казаков) и частично иногородние, в прошлом служившие в регулярной русской кавалерии, объединились в конные отряды, которые стали собираться вокруг красного «самородка», сверхсрочного вахмистра конной артиллерии Б.М. Думенко.

В задонских степях возродился вековой спор между регулярной кавалерией (вернее, ее слабым пока подобием в лице думенковских конников) и иррегулярной конницей — казаками.

У каждого был свой навык, своя манера. Даже удары шашечные отличались: по-драгунски, наотмашь, вознося клинок на прямой руке, напрягая до предела правую сторону груди, лопатку и «закрылки», или по-казачьи, сплеча, из-за левого уха, всем плечевым поясом, рукой, кистью, и даже особо отставленным мизинцем. Последний удар — режущий, страшный. Казаки так и говорили: «Резанул я его...».

В последние годы, перед самой германской войной, казаки взяли верх — всю кавалерию велено было обучать на казачий манер. Но старые кавалеристы знали за казаками слабинку: затяжного рукопашного боя не выдерживают, шашки у них не рассчитаны на соприкосновение с оружием противника. Первый же принятый удар грозит казаку потерей пальцев — гарды у казачьей шашки нет, чуть оскользнется сталь по стали — и нет пальцев. Отсюда и тактика — налететь, резануть, отскочить и

рассеяться, замотать, обессилить врага. И зная всю эту премудрость, кидался Думенко на казаков как бешеный, любое дело старался довести до удара холодным оружием. А опрокинув, гнал и рубил «до дна», пока кони не уморятся...

В конце июня н.с. Чрезвычайный комиссар на Юге России Г.К. Орджоникидзе, встревоженный успехами «добровольцев» и казаков в 1-м Донском и Сальском округах, отдал приказ советским войскам Сорокина, стоявшим под Ростовом и Батайском, ударить на восток, на казачьи станицы Хомутовскую, Кагальницкую, Мечетинскую, Егорлыкскую.

Наступающих красногвардейцев на подступах к станицам Кагальницкой, Мечетинской у станции Злодейской и слободы Гуляй-Борисовки встретили казаки Кагальницкого пешего, Кагальницкого конного, Егорлыкского пешего и Мелеховского полков.

Поскольку немцы подписали соглашение о демаркационной линии, Ростовский район, где станиц было мало, и рассчитывать на местные дружины не приходилось, сразу же был прикрыт наиболее стойкими полками соседних округов: Гундоровским, Митякинским и 6-м сводным, переброшенными с верховой Донца, и Ново-Николаевским, сформированным в Таганрогском округе.

Своеобразным исключением являлся 7-й Донской конный полк, восстановленный на базе старого 7-го Донского полка, формировавшегося до революции в Черкасском округе.

Первые столкновения с красными под станицей Хомутовской 15 (28) июня закончились контратакой из резерва двух пеших гундоровских сотен, которые отбросили противника и взяли 2 пулемета.

Пока «добровольцы» вели бои у Николаевки и Песчанокопской и готовились нанести удар на Белую Глину, 22 июня (5 июля) красные, начав наступление, едва не заняли Кагальницкую и Мечетинскую. Но на помощь донцам подошли Офицерский полк и 1-й конный полк Добровольческой армии и оттеснили красных «от непосредственных подступов к станице»⁶⁰³ Мечетинской. Где расположился штаб генерала Покровского, назначенного командующим войсками района станиц Кагальницкой, Мечетинской и Егорлыкской.

Согласно приказу, Покровский перебросил в район станции Белоглинской (далее во фланг красным) Офицерский, Корниловский и 1-й конный полки, а сам остался со 2-м Кубанским казачьим полком и «небольшими, к тому же понесшими громадные потери, гарнизонами станиц», имея против себя 12—14 тысяч красных при 18—20 орудиях⁶⁰⁴. Осознавая, что нельзя «рассчитывать на возможность дальнейшего сопротивления», Покровский 25 июня (8 июля) обратился за помощью к донскому командованию. Он сообщал: «Силы, которыми я располагаю после девятидневного непрерывного боя, стали настолько ничтожны и измотаны, что удержать только с ними этот ответственный фронт — возможным вряд ли представляется. Я слышал, что под Новочеркасском собрано молодых казаков до 20 тысяч. Лучшей школой для них, естественно, явился бы фронт». Покровский просил 2—3 тысячи пехоты при минимуме конницы и артиллерии⁶⁰⁵.

26 июня (9 июля) части Добровольческой и Донской армий остановили и отбросили противника (молодых казаков к Покровскому, естественно, не послали, справились без них). «Нас особенно изматывала вражеская конница», — вспоминали красногвардейцы⁶⁰⁶. Дело в большей степени было решено маневром гораздо южнее, на границе Ставропольской губернии, красные там побежали, и «кадеты волной стали заходить в тыл третьей колонны» (Федько),⁶⁰⁷ которая насаждала на Кагальницкую и Мечетинскую.

1 (14) июля «добровольцы» окружили и заняли Тихорецкую, главком большевиков Калнин бежал, бросив сапоги. «Добровольцы» сразу же повернули часть войск на север, в тыл батайской группировке большевиков.

Донские части немедленно активизировались. В тот же день они нанесли большевикам удар в районе станции Злодейской. Отряд в составе Гундоровского, Митякинского, Ольгинского и Мелиховского полков под общим командованием полковника Фетисова сбил красных и захватил высоты юго-западнее железной дороги Батайск — Торговая. Атака произошла на рассвете. Одни гундоровцы захватили 4 пулемета и 150 пленных⁶⁰⁸.

8 (21) июля красные начали отход на азовском и кущевском направлениях и 13 (26) июля ушли за пределы области.

Гундоровцы преследовали их и нанесли отступающим удар у деревни Ново-Батайское 9 (22) июля.

Тогда же донцы начали операцию по захвату Азова, закончившуюся 18 (31) июля занятием города, по официальной версии, комбинированным ударом с суши и с моря. Был подготовлен десант на двух пароходах, «Новочеркасск» и «Кубанец». На пароходы установили по 2 полевые пушки и разместили на них сотню казаков — 80 человек. Пароходы двинулись вниз по Дону, подошли к Азову, где в порту их встретили два прапорщика и сообщили, что красные из города ушли.

Тогда десант решено было высадить в Ейске. Пароходы направились к Ейску, причем ночью шли по звездам, так как карт не было. Тем не менее лейтенанты Герасимов и Ваксмут вывели пароходы к Ейску, захватили на подходе «блиндер» — баржу с 6-дюймовым орудием. В полночь начали высадку на шлюпках, которая была отбита. Пароходы сумели подобрать около 40 раненых (остальные десантники погибли) и ушли на Таганрог, где сдали раненых немцам⁶⁰⁹.

После этих боев многие участвовавшие в них казачьи полки были отведены в родные станицы или в Новочеркасск на переформирование.

Таким образом, в конце июля «добровольцы» устремились в свой новый «2-й Кубанский» поход, а части Донской армии, убедившись в отсутствии угрозы для Дона с юга, активизировались на восточном и северном направлениях, начали наступление на Царицын.

Г) ЗАВЕРШЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ «МОБИЛИЗОВАННОЙ АРМИИ»

В середине 1918 года, когда в Новочеркасске стали собирать молодых казаков и формировать из них регулярные полки, появились новые названия. Регулярные полки из молодежи стали называть «Молодой армией» или «Постоянной армией» (о ней речь ниже), а все остальные части, сражающиеся с большевиками, стали называть «Мобилизованной армией» или «Армией на фронте». И те, и другие объединялись общим названием — «Донская армия».

К этому времени создание полков «Мобилизованной армии» фактически завершилось. Атаман П.Н. Краснов отметил общую

тенденцию: «Полки имели дружинную, станичную организацию. Каждая станица выставляла свой полк из казаков-охотников, добровольцев. Сила полков была разная и колебалась от величины станицы и от того, каков был патриотический подъем в станице. Обыкновенно после прочтения воззвания и речей служили молебен, и после молебна выходило на фронт очень много. Но по пути многие отдумывали, других отговаривали жены. Шли старики и юная зеленая молодежь, фронтовики серьезные, ждали приказа, и если собирались, то «своим» полком, и тогда были по большей части отлично одеты и сорганизованы. От этого и сила полков была разная. Одни станицы выступали почти поголовно и дали полки 2—3 тысячи человек, в других, напротив, едва насчитывалось 300—500. Полки были пешие, но при каждом полку была непременно своя конная часть от 30 до 200—300 человек»⁶¹⁰.

Историограф лейб-гвардии Казачьего полка И.Н. Оприц писал: «Дружинный характер организации определял и силу, и слабость Донских полков: силу — ибо возникновение их по почину снизу обеспечивало им глубоко народный характер, что в те времена, когда «приказ» властей имел еще условное значение, являлось особенно важным.

Слабость — ибо полки были связаны своим районом, и использование их в каком-либо другом было затруднительным»⁶¹¹.

Руководство такими частями требовало особой гибкости. Так, генерал Денисов объяснял диспозицию по атаке Новочеркасска следующим образом: «...пришлось на флангах атаки пустить крепкие колонны — полки Новочеркасский и Кривянский, направив Новочеркасский полк для захвата и освобождения своей родной станицы (сев.-вост. окраина города), Кривянскому полку предоставить для атаки ненавистный ему привокзальный район (в этом районе Кривянский полк, "наводя порядок", увяз на два дня. — А.В.); более слабые по духу полки (Бессергеновский и Заплавский) пришлось направить для атаки в центре и несколько позже фланговых колонн, а по овладении городом — выбросить в направлении, удаляющем эти полки от их станиц, дабы исключить возможность для малодушных заглянуть домой»⁶¹².

Важную роль играл возрастной характер. Бывший красный командир И.П. Толмачев вспоминал: «...части, только сформированные».

рованные из казаков-юнцов или побывавших на войне фронтовиков, обычно не выдерживали ни наших огневых ударов, ни рукопашных схваток.

Иное дело бородачи, да еще староверы»⁶¹³.

Краснов усиленно подчеркивал, что армия на Дону создавалась «снизу»: «На Дону народ поднялся против большевиков, собрался в дружины, дружины призвали офицеров, а затем уже работою командующего армией генерала Денисова и его штаба эти дружины выкристаллизовались в полки, дивизии, корпуса и армии и туда пришлось назначать соответствующих начальников»⁶¹⁴.

«В атаке казаки были беспощадны, — писал Краснов. — Так же они были беспощадны и с пленными»⁶¹⁵.

Следует помнить, что Краснов характеризовал этот этап как народную войну «казачьей народной армии против разбойничьих шаек большевиков — Красной гвардии». Противник на этом этапе войны расценивался, как «разбойничьи шайки большевиков». С «разбойниками» и обращение было соответствующее. Пленные красногвардейцы всегда рассматривались как преступники. Подняв руки, они попадали в цепкие лапы военно-полевых судов, созданных при частях Донской армии (о чем ниже).

На Низу и в Задонье после установления твердой донской власти шел процесс переформирования. Полки, выставленные станицами путем поголовной мобилизации (станция Кагальницкая выставила два полка — пеший и конный), после очищения низовий Дона от большевиков стали редеть. Уже 13 (26) мая в приказе № 6 Краснов разъяснял казакам, что домой их распустят, когда враг будет разбит. 26 мая (8 июня) распустили по домам казаков Черкасского округа переписи 1895 года и старше (то есть старше 41 года), зато затребовали в ряды войск всех казаков переписи 1912—1917 годов.

Приказом № 233 от 12 (25) июня отпустили из полков для полевых работ казаков переписи 1906 года и старше (в Сальском округе перепись 1906 года из-за боев уволили 14 (27) июля). Казаки переписи 1907—1911 годов пока оставались в строю «из-за боев на севере». Приказ № 292 так и оставил казаков этого возраста в действующей армии, увеличив вдвое количество возрастов, определенных в приказе № 1.

К моменту выборов на Большой Войсковой Круг в Войске были составлены списки всего взрослого населения, мужского и женского (с 21 года). По этим спискам видно, какая часть казаков была привлечена к борьбе в рядах Донской армии. Взяв произвольно хутора Мигулинской станицы Верхне-Донского округа, увидим: поселение хутора Мешковского — из 357 человек в армии 37; хутор Верхне-Назаров — из 443 в армии 14; хутор Нижне-Назаров — из 454 — 41; хутор Нижне-Павлов — из 210 — 27; хутор Нижне-Сетраков — из 323 — 11; хутор Ежов — из 246 — 28⁶¹⁶. Таким образом, от 3 до 12 процентов взрослого населения уже было призвано в Донскую армию.

В августе, когда почти вся территория Всевеликого Войска Донского была очищена от красных, Краснов, готовый выйти за пределы области и двинуться на освобождение всей России, призвал в армию еще 15 возрастов. Приказ № 756 от 16 (29) августа приказал мобилизовать в пятидневный срок казаков 1891—1905 годов переписи. Для переписи 1891—1895 первый день мобилизации — 17 (30) августа, для переписи 1896—1900 — 28 августа (10 сентября), для переписи 1901—1905 — 7 (20) сентября.

По другим данным⁶¹⁷ призыв казаков переписи с 1900 по 1896 год включительно был проведен по приказу № 947 от 17 (30) сентября, а переписи с 1905 по 1901 — по приказу № 1129 от 5 (18) октября 1918 года.

Приказ № 1827 от 14 (27) декабря 1918 года возвратил в Донскую армию всех военнообязанных донских казаков из Добровольческой армии. Приказ № 1852 от 17 (30) декабря 1918 года призвал всех казаков, находившихся за пределами Области, «явиться к исполнению своего долга на Дон»⁶¹⁸.

Была организована борьба с дезертирством (приказ № 1341 от 27 октября (9 ноября) 1918 года).

Иногороднее население переписи 1895—1917 гг. не служило в Донской армии, и «в видах справедливости» его обложили военным налогом (приказ № 1768 от 10 (23) декабря 1918 года). Неказаки Таганрогского, Ростовского, Черкасского, Донецкого округов несли еще и натуральную подводную повинность.

От службы освобождались: 1) служащие в правительственных учреждениях; 2) служащие на рудниках (за исключением 1918—1920 годов переписи); 3) служащие на железной дороге;

4) по семейному и имущественному положению (освобождение заменялось месячным отпуском домой)⁶¹⁹.

Ясно было, что эта нагрузка на казачье население чрезмерна, и осенью несколько старших возрастов отпустили по домам. Приказом № 1210 от 15 (28) октября казаки переписи 1891 года отпускались домой с 20 октября (2 ноября), казаки переписи 1892 года — с 25 октября (7 ноября). Еще три возраста—1893—1895 — обещали отпустить «вскоре». 14 (27) декабря приказом № 1822 2 возраста—1893—1894 — отправили с фронта служить в гарнизонных сотнях.

На базе этих призывов все лето шло переформирование полков. «Станичные полки сводились по несколько в один, — писал Краснов, — образуя номерные пешие полки двух- и трехбатальонного состава по 1000 штыков в батальоне при 8 пулеметах на батальон, конные полки были сведены в шестисотенные полки, по 16 рядов во взводе при 8 пулеметах на полк, орудия были выделены из состава полков, сведены в четырехорудийные пешие и конные батареи»⁶²⁰.

Все время формирования и переформирования полков и батарей Краснов и Денисов пытались построить организацию и управление отрядами Донской армии, «не нарушая в то же время ее народного характера.

12 (25) мая войсковому штабу было подчинено 14 самостоятельных отрядов»⁶²¹.

13 (26) мая приказом по войскам Донской армии № 1 все отряды переформировывались по образцу дивизий, но сохраняли название «отряд» по имени командующего. Переформирование надо было закончить к 25 мая (7 июня).

К 1 (14) июня отряды были сведены в 6 групп: полковника Алферова — на севере Дона, генерала Мамонтова — под Царицыным, полковника Быкадорова — под Батайском, полковника Киреева — под Великокняжеской, генерала Фицхелаурова — в Донецком районе и генерала Семенова — в Ростове.

К 1 августа, когда казаки вышли к границам области, войска «мобилизованной армии» делились на «районы»:

Задонский район — полковник Быкадоров (в августе в официальной переписке эти войска именовались еще и «корпусом», а Быкадоров — «комкором») ⁶²².

Цимлянский район — полковник Тапилин.

Чирский район — генерал-майор Мамонтов.

Усть-Медведицкий район — генерал-майор Фицхелауров.

Северо-Западный район — полковник Алферов.

Ростовский район — генерал-майор Греков.

Помимо этого деления каждый район делился на группы или отряды. Так, например, Задонский район делился на «левую группу» войскового старшины Илларионова, «центральную группу» полковника Постовского и отдельно действующий («справа») Зюнгарский конный полк.

17 (30) августа в войска был послан запрос: «По приказанию командарма прошу срочно телеграфировать нумерацию полков вверенных вам войск, а также из каких станиц укомплектован каждый полк. Дегенарм Бондарев»⁶²³.

24 августа (6 сентября) 1918 года полкам, входившим в состав «районов» (за исключением Усть-Медведицкого района), были изменены номера, они получили единую для всей армии нумерацию.

По Цимлянскому району:

9-й Филипповский пеший полк — 61-й Донской пеший полк.

10-й Мариинский пеший полк — 62-й Донской пеший полк.

Вновь сформированный — 63-й Донской пеший полк.

9-й Терновский конный полк — 61-й Донской конный полк.

10-й Чертковский конный полк — 62-й Донской конный полк.

11-й романовский конный полк — 63-й Донской конный полк.

1-я Цимлянская батарея — 61-я Донская батарея.

2-я Камышевская батарея — 62-я Донская батарея.

По Задонскому району:

1-й Сальский пеший полк — 76-й Донской пеший полк.

1-й сводный пеший полк — 77-й Донской пеший полк.

1-й пеший полк Задонского района (Кагальницкий) — 78-й Донской пеший полк.

1-й Задонский пеший полк — 80-й Донской пеший полк.

1-й Сальский конный полк (отряд Илларионова) — 76-й Донской конный полк.

1-й Задонский конный полк — 77-й Донской конный полк.

1-й Сальский конный полк (отряд Постовского) — 78-й Донской конный полк.

1-й Мечетинский конный полк — 79-й Донской конный полк.

Зюнгарский калмыцкий полк — 80-й Донской конный полк.

2-й Сальский конный полк — 81-й Донской конный полк.

1-й сводный конный полк — 82-й Донской конный полк.

Орловская батарея — 76-я Донская батарея.

Великокняжеская батарея — 77-я Донская батарея.

Кагальницкая батарея — 78-я Донская батарея.

Мечетинская батарея — 79-я Донская батарея.

Сводная батарея — 80-я Донская батарея.

Батарея бронепоезда — 81-я Донская батарея.

Грушевский взвод — 82-я Донская батарея.

Егорлыкская батарея — 83-я Донская батарея.

По Ростовскому району:

Митякинский пеший полк — 96-й Донской пеший полк.

6-й сводный пеший полк — 97-й Донской пеший полк.

Новониколаевский пеший полк — 98-й Донской пеший полк.

7-й Донской казачий полк — 96-й Донской конный полк.

Митякинская батарея — 96-я Донская батарея.

По Чирскому району:

3-й сводный пеший полк (отряд Донскова) — 41-й Донской пеший полк.

2-й пеший полк (отряд Донскова) — 42-й Донской пеший полк.

5-й пеший полк (отряд Зудилина) — 43-й Донской пеший полк.

6-й пеший полк (отряд Антонова) — 44-й Донской пеший полк.

5-й сводный пеший полк (отряд Александрина) — 45-й Донской пеший полк.

Каменский пеший полк — 46-й Донской пеший полк.

2-й сводный пеший полк (отряд Толкушкина) — 47-й Донской пеший полк.

3-й Луганский пеший полк — 48-й Донской пеший полк.

4-й сводный пеший полк (отряд Толкушкина) — 49-й Донской пеший полк.

Бессергеновский пеший полк — 50-й Донской пеший полк.

Заплавско-Мелеховский пеший полк — 51-й Донской пеший полк.

Багаевский пеший полк — 52-й Донской пеший полк.

5-й конный полк (отряд Зудилина) — 41-й Донской конный полк.

6-й конный полк (отряд Антонова) — 42-й Донской конный полк.

9-й конный полк (отряд Антонова) — 43-й Донской конный полк.

10-й конный полк (отряд Антонова) — 44-й Донской конный полк.

1-й конный полк (отряд Попова) — 45-й Донской конный полк.

2-й конный полк (отряд Попова) — 46-й Донской конный полк.

3-й конный полк (отряд Попова) — 47-й Донской конный полк.

4-й конный полк (отряд Попова) — 48-й Донской конный полк.

5-й конный полк (отряд Толкушкина) — 49-й Донской конный полк.

1-я Нижне-Чирская батарея — 41-я Донская батарея.

2-я Нижне-Чирская батарея — 42-я Донская батарея.

3-я Нижне-Чирская батарея — 43-я Донская батарея.

Потемкинская батарея — 44-я Донская батарея.

9-я батарея — 45-я Донская батарея.

10-я батарея — 46-я Донская батарея.

11-я батарея — 47-я Донская батарея.

Новочеркасская батарея — 48-я Донская батарея.

3-я Верхне-Кундрюченская батарея — 49-я Донская батарея.

4-я Калитвенская батарея — 50-я Донская батарея.

8-я Екатерининская батарея — 51-я Донская батарея.

1-я Курмоярская батарея — 52-я Донская батарея.

3-я Курмоярская батарея — 53-я Донская батарея.

2-я Вольных казаков батарея — 54-я Донская батарея.

Багаевская батарея — 55-я Донская батарея.

Заплавская батарея — 56-я Донская батарея.

1-я Нижне-Чирская тяжелая батарея — 41-я Донская тяжелая батарея.

Калачевская тяжелая батарея — 42-я Донская тяжелая батарея.

По Северо-Западному району: 1-й Хоперский пеший полк — 21-й Донской пеший полк.

Бузулуцкий пеший полк — 22-й Донской пеший полк.

Гундоровский пеший полк — 23-й Донской пеший полк.

Сводный полк Черкасского округа — 24-й Донской пеший полк.

1-й Хоперский конный полк — 21-й Донской конный полк.

2-й Хоперский конный полк — 22-й Донской конный полк.

3-й Хоперский конный полк — 23-й Донской конный полк.

1-й Нижне-Бузулукский конный полк — 24-й Донской конный полк.

2-й Верхне-Бузулукский конный полк — 25-й Донской конный полк.

3-й Бузулукский конный полк — 26-й Донской конный полк.

Кумылженский сводный конный полк — 27-й Донской конный полк.

1-й Верхне-Донской конный полк — 28-й Донской конный полк.

Казанский конный полк — 29-й Донской конный полк.

Мешковский конный полк — 30-й Донской конный полк.

Мигулинский конный полк — 31-й Донской конный полк.

Вёшенский конный полк — 32-й Донской конный полк.

Еланско-Букановский конный полк — 33-й Донской конный полк.

Слащевско-Федосеевский конный полк — 34-й Донской конный полк.

Краснокутский конный полк — 35-й Донской конный полк.

Каргинско-Боковский конный полк — 36-й Донской конный полк.

Хоперская конная батарея — 21-я Донская батарея.

2-я Хоперская конная батарея — 22-я Донская батарея.

3-я Хоперская конная батарея — 23-я Донская батарея.

4-я Хоперская конная батарея — 24-я Донская батарея.

5-я Хоперская конная батарея — 25-я Донская батарея.

Каргинская батарея — 26-я Донская батарея.

Мешковская батарея — 27-я Донская батарея.

Казанская батарея — 28-я Донская батарея.

Вёшенская батарея — 29-я Донская батарея.

Верхне-Донская конная батарея — 30-я Донская батарея.

Гундоровская батарея — 31-я Донская батарея.

1-я Хоперская гаубичная батарея и Верхне-Донская гаубичная батарея — 21-я Донская гаубичная батарея.

Поменяв нумерацию, полки упорно сохраняли названия своих станиц. 41-й пеший полк (он же 3-й сводный) упорно называл себя Суворовским, 46-й — Каменским, 23-й — Гундоровским. Подобные примеры бесчисленны. Эти наименования сохранились и в официальной переписке.

К октябрю в войске было свыше 95 тысяч мобилизованных казаков⁶²⁴. Адьютант Краснова есаул Перфильев заявлял в то время, что Краснов имел «около 100 тысяч вполне удовлетворительной в общем и прекрасной по частям армии»⁶²⁵.

Глава 12

«МОЛОДАЯ АРМИЯ»

Особую надежду Краснов возлагал на «Молодую армию». Очевидцы писали впоследствии, что план формирования постоянной «молодой» Донской армии начал разрабатываться в штабе походного атамана в станице Нижне-Курмоярской еще 3 (16) апреля 1918 года. «Закончен он был в станице Константиновской и Раздорской и полностью был принят и приведен в жизнь атаманом Красновым»⁶²⁶.

«Молодая армия», как писал Краснов, состояла «из молодых казаков 19- и 20-летнего возраста. Эта молодежь, не бывшая на русско-германской войне, не усталая, не развращенная большевистской пропагандой, не знавшая ни комитетов, ни комиссаров, была собрана в 3 лагерях — Персиановском,

Власовском и Каменском и составила 2 пехотные бригады — пластунскую и стрелковую, 3 конные дивизии, саперный батальон и технические части, а также легкую конную и тяжелую артиллерию. Части эти были нормального российского штата, имели казенных лошадей и все казенное обмундирование и снаряжение от войска, штатный обоз, были воспитаны, муштрованы и обучены по старым русским уставам и составляли гордость войска Донского»⁶²⁷.

Приказом № 4 от 5 (18) мая началось формирование полков «Молодой армии»:

№ полка округ.

1-й Черкасский.

2-й, 1-й Донской.

3-й Калмыцкий Сальский.

4-й 1-й Донской.

5-й, 2-й Донской.

6-й, 2-й Донской.

7-й Донецкий.

8-й Донецкий.

9-й Усть-Медведицкий.

10-й Хоперский.

11-й Хоперский.

12-й Верхне-Донской.

1-й пластунский — Черкасский, 1-й Донской, 2-й Донской, Ростовский, Таганрогский.

2-й пластунский — Донецкий, Усть-Медведицкий, Хоперский, Верхне-Донской.

Началось формирование 6 Донских конных батарей (2-я называлась «Калмыцкой») и одной тяжелой.

«Штат конного полка в 6 сотен, пулеметной команды и команды связи состоял:

Людей—1326, из коих строевых 1061, нестроевых 265.

Лошадей—1223, из коих строевых 1061, обозных 162.

Винтовок — 981.

Шашек—1326.

Пулеметов — 6»⁶²⁸.

Пластунский полк состоял из 3-х батальонов по 4 сотни⁶²⁹, то есть количественно вдвое превосходил конный полк.

Приказ по армии № 16 от 18 (31) мая определил штаты команды связи отряда или полка, подрывной команды при конном полку и саперного взвода при пешем полку.

Согласно приказу № 77 от того же числа по Войску постоянная «молодая» армия выводилась в лагерь:

1-я конная дивизия (полки 1—4) — в Персиановский военный лагерь и Новочеркасский военный городок;

2-я конная дивизия (полки 5—8) — в Черкасский военный лагерь в хутор Власов;

3-я конная дивизия (полки 9—12) — побригадно в станицу Каменскую и Тарасовский лагерь;

1-я Донская пластунская бригада 1-й Донской саперный батальон, Донской химический взвод, Донской самолетный дивизион и Донской броневой автомобильный дивизион — в казенные бараки на Хотунке.

20 мая (2 июня) штабы дивизий отбыли в лагерь и стали там принимать и обучать прибывающих казаков. Краснов сам их инспектировал и, когда нужно, устраивал разнос. Так, побывав в 3-м Калмыцком полку, он отдал в приказе № 571 от 24 июля (6 августа) 1918 года: «В казармах и конюшнях грязь и мерзость запустения. Начальнику 1-й Донской дивизии донести мне, когда можно будет снова приехать в полк и увидеть полк, а не въезжую избу»⁶³⁰.

Зато после конного праздника во 2-м Донском полку Краснов отметил в приказе: «Я преклоняюсь перед тем, что достигнуто во 2-м Донском казачьем полку» — и надеялся, что «шутя, играми и спортом подготовим нашу молодежь к исполнению великого и святого долга на фронте»⁶³¹.

К августу 1918 года «Молодая армия» так и не была укомплектована до штатного состава.

Начальник штаба Донской армии докладывал в августе, что в постоянную армию требовалось призвать 27 тысяч казаков. К 22 августа (4 сентября) некомплект в постоянной армии составлял 9477 человек (отчасти из-за неприбытия казаков из Хоперского, Усть-Медведицкого и Сальского округов, где шли бои). Если требуемые казаки из этих округов и прибыли бы, то некомплект составлял бы 6—7 тысяч из-за общей нехватки казаков данного возраста. Поэтому начальник штаба предлагал призвать казаков 1920 года переписи⁶³².

29 августа (11 сентября) в постоянной армии было 17 593 казака⁶³³. Приводилась следующая таблица:

Положено по штату. На лицо. Недостаток.

1-я конная дивизия — 5798 38 921 906.

2-я конная дивизия — 5798 42 071 591.

3-я конная дивизия — 5798 35 512 247.

1-я пластунская дивизия — 1 152 452 376 299⁶³⁴.

Проблемой сразу же стало оснащение частей конским составом за счет войска. Некоторые казаки, правда, прибыли на службу по обычаю на своих лошадях. Так, 12 (25) июля 1918 года Краснов объявил: «Начальник 3-й Донской дивизии донес мне, что на укомплектование 12-го Донского казачьего полка прибыли 1146 казаков станиц Верхне-Донского округа, из которых только Каргинская станица, помня старые заветы Тихого Дона, снарядила всех своих казаков конными (69 конных казаков с конским снаряжением), составила из них полусотню, дала значок и, благословив иконою, отправила на службу Дону.

Отрадно слышать о столь высоком и разумном понимании каргинцами святого долга перед Тихим Доном»⁶³⁵.

Все же при всем старании даже в наиболее опекаемом 1-м Донском полку лошадей получили лишь 50 % казаков⁶³⁶. В 11-м Донском лошадей не было даже в конце 1918 года, когда полк отбыл на фронт.

26 августа (8 сентября) 1918 года в Персиановке был устроен парад для членов Большого Войскового Круга. Постоянная армия была представлена 7 батальонами, 33 спешенными сотнями, 6 батареями, 16 конными сотнями, одной мортирной батареей и 5 аэропланами⁶³⁷. Части представились блестяще. «Былая славная Армия 1914 года возродилась в лице этих храбрых юношей, отлично кормленных, развитых гимнастикой, прекрасно выправленных, бодро маршировавших в новой, шегольски пригнанной одежде», — писал Краснов.

После парада на Круге был возбужден вопрос о наименовании исторических Донских полков. 4 (17) сентября 1918 года был отдан приказ № 391 Всевеликому Войску Донскому: «Согласно с постановлением Большого Войскового Круга, в 3-й день сего сентября состоявшегося в увековечение доблести и воинской славы казачьих полков, победами и кровью заслуживших себе Георгиевские штандарты и знамена, и дабы история подвигов

их, передаваемая из рода в род, от отца к сыну, запечатлевала в сердцах казачьих былую мощь казачью и удаль, и благородство, и красоту воинских подвигов, кои хранились в заветах предков, в их старых обычаях, в полковых маршах и почитании святых покровителей полков, преемственно благословивших полки на подвиги; сохраняя в неприкосновенности полное равенство в чинах и окладах содержания и не давая никаких преимуществ по службе, приказываю: 1-му Донскому казачьему и 2-му Донскому казачьему полкам, как составленным из казаков Черкасского и 1-го Донского округов, — самых старинных казачьих станиц низовой вольницы Донской, приять отныне и впредь наименование, боевые Георгиевские штандарты, бунчук и знамена, серебряные трубы, отличия на шапки и боевые марши, историю и дни полковых праздников:

1-му Донскому Казачьему полку — лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка и именоваться впредь лейб-гвардии Казачьим полком.

2-му Донскому Казачьему полку — лейб-гвардии Атаманского Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка и именоваться впредь — лейб-гвардии Атаманским полком.

6-й Донской Казачьей батарее — формируемой из казаков Хоперского, Усть-Медведицкого и Верхне-Донского округов старейших казачьих поселений по Хопру, Медведице и Бузулуку старинной верховой вольницы казачьей, приять наименование, серебряные Георгиевские трубы, историю и марш Гвардейской конной артиллерии лейб-гвардии 6-й Донской Казачьей Его Величества батареи и именоваться впредь лейб-гвардии 6-й Донской батареей...».

Так фактически была восстановлена Донская гвардия.

Тем же приказом передавались Георгиевские знамена и наименования старых Донских казачьих полков всем другим частям «Молодой армии».

4-му — Георгиевский штандарт 26-го Донского полка.

5-му — Георгиевское белое знамя 5-го Донского полка.

6-му — Георгиевское знамя 6-го Донского полка.

7-му — Георгиевское белое знамя 7-го Донского полка.

8-му — Георгиевское знамя 8-го Донского полка.

9-му — Георгиевское знамя 9-го Донского полка.

10-му — Георгиевское знамя 10-го Донского полка.

11-му — знамя 17-го Донского полка, знаки на шапки того же полка, полковой значок генерала Бакланова, украшения на шапки и черные башлыки того же полка.

12-му — Георгиевское знамя 11-го Донского полка и отличия на шапки того же полка.

3-й Калмыцкий полк сохранил название «Калмыцкого». Особое знамя ему было поднесено калмыками.

1-й Донской пластунский полк стал преемником 1-го Донского пластунского батальона.

2-й Донской пластунский полк — 4-го Донского пластунского батальона.

Следует повторно отметить, что старый 7-й Донской Войсковой Атамана Денисова полк, формировавшийся из казаков Черкасского округа, сохранил свой состав, но 6 (19) августа был переименован в 96-й конный.

Казаки полка обратились к Круту и атаману с просьбой не переименовывать их полк, описали подвиги полка в боях с немцами на Румынском фронте, рассказали, что на базе полка был создан партизанский отряд Ф.Д. Назарова (особо отметили, что Ф.Д. Назаров атаманом А.М. Назаровым был произведен в есаулы, в чем возникли сомнения с приходом к власти Краснова, который холодно относился к партизанам), что полк оставался единственным верным правительству зимой 1917—1918 годов и последний бой с большевиками принял 12 (25) февраля у Каменобродского, где был окружен, но прорвался и ушел в Новочеркасск. Здесь «для безопасности» полк назвал себя «революционным», командиром избрал казначея Сухарева, взял под охрану казначейство и святыни и исправно скрывал всех офицеров и партизан из своего полка. Полк сохранил свое белое Георгиевское знамя, и даже брошенное знамя 16-го Донского полка. Казаки особо отмечали, что полк отказался «принять какое-либо активное участие в операциях Голубова под станицей Великокняжеской, зовущего идти отбивать золото у партизан генерала Попова». Когда началось восстание, полк принял участие во всех операциях Южной группы⁶³⁸.

Тем не менее сохранивший свой состав и знамя старый 7-й Донской полк стал 96-м конным, поскольку «Молодая армия» комплектовалась исключительно молодыми, не служившими казаками.

17 (30) июня Краснов приказал создать 3-й стрелковый полк из донских крестьян переписи 1918 и 1919 годов. Призыв коренных казаков переписи 1918 и 1919 годов был назначен на 31 августа (13 сентября).

К 1 (14) августа 1918 года пехота «Молодой армии» составила Пластунскую дивизию из трех полков (2 пластунских, 1 стрелковый). При дивизии был тяжелый артдивизион и химический взвод.

11 (24) августа приказом № 729 3-й стрелковый полк был развернут в два полка по два батальона. Формирование шло с трудом. 16 (29) августа выходил приказ № 752 о пресечении агитации в полку, об аресте агитаторов и предании их военно-полевому суду. Семьи арестованных приказывалось выслать с территории Войска с конфискацией имущества, так же высылались вместе с семьями подозреваемые в агитации. 31 августа (13 сентября) 1918 года переформирование завершилось. 3-й стрелковый полк был развернут в Донскую стрелковую бригаду — 3-й и 4-й стрелковые полки. Пластунская дивизия с изъятием 3-го стрелкового полка сводилась в Пластунскую бригаду.

Тяжелый артдивизион был выделен из состава «Молодой армии» и 9 (22) сентября 1918 года (приказ № 952) подчинен начальнику артиллерии Войска. В Пластунской бригаде был сформирован Пластунский артдивизион, в Стрелковой — Стрелковый артдивизион. Оба из двух батарей по 4 легких орудия в батарее.

После боевого крещения Пластунской бригады под Сарептой (о чем ниже) пластуны были отведены в тыл (1-й полк — в Каменскую, 2-й — в Ростов), где пополнены донскими крестьянами; «все это были старые солдаты»⁶³⁹, которые ударились в дезертирство, после чего полки вновь были пополнены молодыми казаками.

3-й стрелковый полк 26 ноября (9 декабря) был переименован в лейб-гвардии Финляндский, ему было передано знамя лейб-гвардии Финляндского полка.

Когда Донская армия закрепились на границах, по приказу № 750 от 13 (26) августа стала формироваться 4-я пограничная дивизия из 4-х полков. Каждый полк состоял из 6 сотен — 2 пеших и 4 конных. 1-й полк дислоцировался в Урюпинской, 2-й в Вёшенской, 3-й — в Каменской, 4-й — в Кагальницкой. Коман-

довать дивизией был назначен командир бывшего 20-го Донского полка Генерального штаба полковник К.П. Шумилин (с производством в генерал-майоры), начальником штаба дивизии стал войсковой старшина Базикин⁶⁴⁰.

Так в общих чертах оформилась «Молодая» постоянная армия, в состав которой входила восстановленная Донская гвардия. Рядовой состав Донской гвардии качественно изначально не отличался от состава обычных армейских полков. Как мы видим, в лейб-гвардии Казачий полк попадали лишь юноши, родившиеся в Черкасском округе. С другой стороны, молодой «черкасне» было два пути — либо в элитные лейб-казаки, либо в пластуны (в пехоту). А вот молодежь 2-го Донского, Донецкого, Таганрогского, Ростовского округов в гвардию попасть не могла вообще.

Настоящим преемником наименования, знамен, труб и истории старых полков отчасти стал офицерский состав новой «Молодой армии».

Глава 13

ДОНСКИЕ ОФИЦЕРЫ

А) ДОНЦЫ

1 мая 1917 года в Войске Донском числилось 3746 офицеров. 2781 был в строевых частях, 758 — в запасных и нестроевых. 97 — на административных должностях⁶⁴¹. Большинство их было офицерами военного времени. До объявления мобилизации в августе 1914 года Дон имел 850 офицеров⁶⁴².

В Донской армии к концу 1918 года, по данным Краснова, было 1282 офицера, то есть втрое меньше, чем в 1917 году.

По данным самого донского командования, в период временного господства на Дону большевиков зимой — весной 1918 года были расстреляны около 300 офицеров, из них 200 в Новочеркасске⁶⁴³. М. Бугураев считал, что в период с 12 (25) февраля по 23 апреля (6 мая) 1918 года в Новочеркасске расстреляли 600 офицеров, потери достигли 30 % кадровых офицеров⁶⁴⁴. Генерал Денисов назвал более точные данные: с 13 (26) февраля по 1 (14) апреля было расстреляно более 500 офицеров, из них

14 генералов, 23 полковника, 292 кадровых офицера⁶⁴⁵. В эмиграции донцы пришли к выводу: «В результате расстрелов Дон потерял свыше 30 процентов кадрового состава офицеров, причем большой процент выпал на долю старшего командного состава»⁶⁴⁶.

300 или даже 600 расстрелянных — огромная потеря для донского офицерского корпуса, но это все же не две трети личного состава.

Сопоставляя цифры, почему-то вспоминаешь выступление есаула Чернецова в офицерском собрании в Новочеркасске в декабре 1917 года: «Господа, пора взяться за оружие! Если придут сюда большевики, будет поздно. Необходимо организоваться и стать стеной у границ области. Если погибну я, то по крайней мере буду знать, что погиб не даром, будет обидно, если нас всех, не ставших на защиту Дона сейчас, начнут потом расстреливать по углам».

Впрочем, Чернецов, что называется, «метал бисер...». О Новочеркасском офицерском собрании очевидцы в основном говорили одно и то же: «Большинство этих офицеров, “прапорщики военного времени”, наполняли запасные сотни; настоящей службы они не знали и на фронт не стремились»⁶⁴⁷. Даже в рядах Добровольческой армии тогда ощущалась нехватка кадровых командиров. Начальник гарнизона «добровольческих» частей в Новочеркасске полковник Булюбаш вспоминал: «Офицерскими ротами командовали офицеры ускоренных четырехмесячных курсов подготовки. Штаб-офицеров для батальонных командиров не хватало. Юнкерским батальоном командовал штабс-капитан Парфенов, военной подготовки из вольноопределяющихся, с 4-мя степенями ордена Военного знака (правильно — Знака Военного ордена. — А.В.)»⁶⁴⁸.

Что касается боевых офицеров, особенно дисциплинированных, тех, кто оставался с полками до момента окончательного роспуска казаков по домам, то их жизнь осложнилась до предела. Некоторые полки прибыли с фронта на Дон к местам своего формирования и разошлись по домам поздно. Так, 1-й Донской полк был распущен только 1 апреля 1918 года. Казаки разъехались по близлежащим родным станицам, а офицеры, которые подбирались в полк отнюдь не по принципу землячества, остались одни, без прикрытия и поддержки, в подавляющем

большинстве случаев — на чужой территории (в чужом округе, на другом краю Области). Сразу же оказавшись в смертельной опасности, преследуемые новой властью как заведомые враги, они первыми пытались оказать сопротивление, но не встретили тогда поддержки казаков.

Характерны воспоминания участника первого неудачного налета на Урюпинскую: отряду был дан приказ расходиться, и они, 7 офицеров, уходили из станицы под взглядами мирно паших казаков. «Задают вопросы. Слышится ирония, а порою и явное глумление». Инициаторы налета уехали, и офицерам, брошенным на произвол судьбы, пришлось скрываться на родном Дону (!) у казаков своего полка, своих вестовых, и в условиях господствовавшего антиофицерского настроения ждать общего восстания⁶⁴⁹.

И все же на фоне массовых казачьих восстаний, когда станицы выставляли на фронт все мужское население от 18 и иногда до 60 лет (но, пройдя свой юрт или свой округ, станичные дружины заметно редели), донское офицерство выглядит довольно бледно.

С конца мая 1918 года, как только часть территории Дона была освобождена, начинается отток офицеров из рядов армии «по домашним обстоятельствам». Приказом № 108 от 23 мая (5 июня) 1918 года увольняются сразу 12 подъесаулов, 21 сотник, 55 хорунжих и 8 прапорщиков.

Приказом № 272 Краснов запрещает увольнять «по домашним обстоятельствам» офицеров моложе 31 года. Но 14 июля, 19 июля и 28 июля (ст.стиля) вновь следуют приказы с длинными списками офицеров, уходящих из Донской армии. Так, приказом № 628 от 28 июля (10 августа) увольняются 6 есаулов, 3 подъесаула, 5 сотников, 1 поручик, 22 хорунжих, 3 прапорщика. Из 6 есаулов удалось идентифицировать 5-х. Четверо из них — офицеры-фронтовики, награжденные многими орденами, 1 — преподаватель Новочеркасского юнкерского училища.

Среди уходящих офицеров Верхне-Донского округа (Приказ № 545 от 19 июля 1918 г.), например, явно видна еще одна тенденция — уходят учителя хуторских школ, ставшие офицерами военного времени — хорунжий Выпряжкин Арсений Феофанович (Мигулинской станицы), учитель с хутора Калинова; хорунжий Сытин Андрей Афиногенович (Мигулинской станицы), той же

школы (А.А. Сытин успел побывать депутатом от Мигулинской станицы на I съезде Советов Донской республики в апреле 1918 года); Ушаков Пантелей Иванович (Еланской станицы), учитель Еланского станичного двухклассного училища. Впрочем, скоро всех троих мы вновь увидим активными участниками борьбы...

Краснов писал: «Офицеры в полках были свои же станичники. Если их не хватало, брали казаков-офицеров из других станиц, брали офицеров и неказачьих, но им первое время не доверяли и к ним присматривались. Если офицер оказывался молодец, его зачисляли к себе в станицу казаком и не отказывали в земельном пае... Младшие офицеры были хороши, но в сотенных и полковых командирах ощущался большой недостаток. Пережившие за время революции слишком много оскорблений и унижений, старшие начальники недоверчиво относились к казачьему движению и первое время прятались по станицам и в Новочеркасске, избегая идти на фронт»⁶⁵⁰.

Если мы рассмотрим Сводный отряд Верхне-Донского округа («отряд 8 станиц»), собранный для «отражения Подтелкова» и участвовавший в боях за Милютинскую и Морозовскую с войсками Ворошилова и местной Красной гвардией, то обнаружим следующее. В приказах встречаются 50 фамилий офицеров этого отряда. В подавляющем большинстве это прапорщики, хорунжие и сотники. Всего два войсковых старшины — Ушаков Николай Александрович (Краснокутской станицы), который никакой командной должности не занимает (позже, осенью 1918 года, он некоторое время будет командовать Краснокутским полком), и командир Милютинского полка Коньков Николай Яковлевич, участник Русско-японской войны, отправленный в начале 1914 года на пенсию. Из пяти высших должностных лиц — командира отряда, начальника штаба и трех полковых командиров — кадровых офицеров трое: командир отряда подъесаул Попов Василий Степанович (Еланской станицы), выпущенный из Новочеркасского училища в 1908 году, уже названный войсковой старшина Коньков (Милютинской станицы) и командир 2-го полка подъесаул Давид Васильевич Клешов, закончивший в 1913 году Кубанское Алексеевское училище и служивший во время Мировой войны в 11-м Донском полку полковым адъютантом.

Командир 3-го полка подъесаул Пантелей Фомич Каргин (Вёшенской, затем Каргинской станицы) в 1907 году поступил в Новочеркасское юнкерское училище, но 31 января 1909 года был отчислен «за дурное поведение», службу проходил в 11-м Донском полку, где в 1913 году был произведен в подхорунжие. Офицерский чин он получил уже в годы войны.

Начальник штаба отряда хорунжий Афанасий Степанович Попов, родной брат командира отряда, был офицером военного времени, до войны служил учителем в Поповской (на Чиру) хуторской школе.

Как видим, все начальство местное и не в больших чинах.

Среди сотенных командиров кадровых офицеров было еще меньше. Примером может служить Вёшенский полк, формировавшийся в июне 1918 года в окружной станице в спокойной обстановке вдали от линии фронта. Командовал полком войсковой старшина Афанасий Леонтьевич Агафонов (Казанской станицы). Он отслужил срочную службу в артиллерии, сдал экстерном экзамены на права вольноопределяющегося, затем поступил в Новочеркасское юнкерское училище, которое закончил в 1904 году. Долгое время он служил в Казанской станице обучающим офицером, готовил молодых казаков к службе.

Полк выставил на фронт три конные сотни (пешие остались в окружной станице нести гарнизонную службу). Все сотенные командиры были из Вёшенской станицы. Кадровым из них являлся лишь командир 1-й сотни есаул Кудинов Николай Николаевич, выпущенный из Новочеркасского юнкерского училища в 1901 году подхорунжим в 12-й Донской полк. 2-й сотней командовал сотник Илья Гурьевич Сафонов, он имел базовое сельскохозяйственное образование, закончил Новочеркасское юнкерское училище (3-месячные курсы) в 1915 году, служил во 2-м Донском запасном полку, где муштровал молодых казаков. Когда началась Гражданская война, он короткое время был начальником разведки войск Верхне-Донского округа. Прекрасный наездник, после войны в эмиграции возглавлял труппу цирковых джигитов. 3-й сотней командовал сотник Афанасий Ефремович Стефанов, закончивший Новочеркасскую учительскую семинарию и ускоренные курсы Новочеркасского юнкерского училища (1916 год). Во время Мировой войны А.Е. Стефанов служил рядовым в 12-м Донском полку (ранен, награжден «Ге-

оргием» 4-й степени), а после училища — в 3-м пешем батальоне на Турецком фронте.

В целом количество и качество офицерского состава казачьего полка можно рассмотреть на примере Казанского и Мигулинского полков Верхне-Донского округа.

В приказах времен атаманства Краснова встречается 31 фамилия офицеров 29-го Казанского казачьего полка.

Командовал полком войсковой старшина Борис Михайлович Жиров (станция Терновской), явно присланный с «Нижнего Дона». В рядах полка есть один неказак — поручик Федотов В.В. Все остальные — Казанской станицы. Нет ни одного кадрового довоенного производства. Два учителя — хорунжий Колычев П.А. и прапорщик Улитин Г.А. Один — с правами вольноопределяющегося по образованию. Три подъесаула произведены в офицеры из казаков «за отличия» в 1915 году. Один из них — Чеботарев Яков Степанович — сверхсрочный вахмистр лейб-гвардии Атаманского полка, полный Георгиевский кавалер, кресты 2-й и 3-й степени ему вручал сам император Николай II. Остальные упоминающиеся в приказах офицеры произведены уже во время Гражданской войны. Последние 12 — в начале 1919 года. Подавляющему большинству этих хорунжих и сотников далеко за 30.

Да, перед нами истинно народная армия.

Несколько лучше была ситуация в 31-м Мигулинском полку. Из 27 известных нам офицеров полка кадровых гораздо больше. Это сменявшие друг друга командиры — Толоконников Петр Николаевич (Мигулинской станицы), переведенный командовать 12-м Донским полком «Молодой армии»; Коренюгин Александр Иванович (Казанской станицы), бывший станичный атаман Мигулинской станицы, переведенный командовать 2-м пограничным полком, и Бирюков Иван Романович (Кочетовской станицы), бывший атаман Каменской станицы.

Наиболее заметная фигура из них — Коренюгин, закончивший Елизаветградское кавалерийское училище еще в 1886 году, принявший полк в возрасте 54 лет. Уже в эмиграции, в 1922 году, начальство давало ему следующую характеристику: «Умственно высок. Военное дело любит. Начальникам верит. С сослуживцами дружен. С подчиненными строг. К спиртному беспристрастен. Вынослив, мужествен».

Кадровыми были подъесаулы Александр Иванович Коршунов, Николай Иванович Попов, Дмитрий Андреевич Чайкин.

Два подъесаула — Яков Доманов и Иван Колычев — были произведены в офицеры во время войны. Один из офицеров — Выпряжкин Арсений Феофанович — учитель, был произведен при Керенском, а в июле 1918 года подавал в отставку «по домашним обстоятельствам», не хотел служить при Краснове.

Четверо офицеров полка — неказки: подпоручики Трощенко Алексей, Смирнов Михаил, Павлов Петр, Павлов Прокофий.

Пятеро стали прапорщиками в мае 1918 года, пятеро получили офицерские чины в декабре 1918 года. Все они — местные мигулинские казаки, большая часть — моложе 30 лет, выбились «за отличия».

Интересна служба одного из них — Буханцова Георгия Захаровича. Родился 20 апреля 1891 года. Образование домашнее. Призван в 12-й Донской полк. Во время Мировой войны заслужил 4 Георгиевских креста и 1 Георгиевскую медаль. Подхорунжий. В Мигулинской сотне отряда есаула Гаврилова 5 (18) мая отправился «поднимать Хопер». 31 мая (13 июня) 1918 года произведен в прапорщики «за боевые отличия». С 1 (14) июля 1918 года — в Мигулинском конном полку. С 7 (20) июля временно командир сотни, с 1 (14) августа 1918 по 24 июня (7 июля) 1919 года — командир сотни. 19 декабря 1918 года (1 января 1919 г.) произведен в сотники (старшинство с 13 октября 1918 г.). 31 января (13 февраля) 1919 года награжден орденом Св. Анны III степени. 24 июня (7 июля) 1919 года переведен в 96-й полк (до 23 сентября 1919 г.). 29 марта (11 апреля) 1920 года произведен в подъесаулы. Со 2 (15) июня 1920 года временно командир сотни 62-го конного полка. Со 2 (15) октября по 22 декабря 1920 года — командир сотни этого полка.

Ранен — 21 декабря 1918 года.

12 июля 1919 года.

22 июля 1920 года.

6 августа 1920 года.

Современники признавали: «Строго говоря, в Гражданскую войну в строевых казачьих частях настоящих офицеров, т.е. старых кадровых, почти не существовало.

— У нас все офицеры “химические”, — часто говорили в полках.

— А что это значит?

— Произведены на фронте из простых казаков. Где там достанешь настоящие погоны? Вот ему и чертят химическим карандашом звездочки. Иные настоящих погон, из позумента, за всю службу ни разу не носили.

Иногда казаки говорили про “химических” офицеров:

— Какой он офицер? Такой же казуня, как и все. Прапорщик от сохи»⁶⁵¹.

В «низовых», особенно в «черкасских» полках положение с офицерами было лучше. Например, 28 июля (10 августа) 1918 года в Богаевском пешем полку в полковники произведены сразу трое — Концов Алексей, Макеев Николай и Раздоров Леонид. Все, естественно, кадровые, участники Мировой войны, награжденные многими орденами. Концов командовал 57-м Донским полком, Макеев служил в 29-м, Раздоров — в первоочередном 14-м.

Традиционно донское дворянство и донская служилая верхушка группировались вокруг Черкаска, а затем — Новочеркаска. Это сказалось и в ходе Гражданской войны. Так, в приказах по Новочеркасскому пешему полку проходят 42 офицера, половина из них — от подъесаула и выше. Неказиков — 7. Произведенных уже в ходе Гражданской войны — 10.

Молодые офицеры ускоренных военных выпусков (в том числе и неказики) направляются из Новочеркаска в округа в распоряжение окружных атаманов, которые, в свою очередь, направляют их в полки местного формирования. Так, в Сальский округ в июле 1918 года постоянно прибывают из Новочеркаска группы офицеров, в основном — неказиков. 6 (19) июля в штаб Задонского отряда прибыли и были распределены в Великокняжеский полк капитан Прохоров и прапорщик Пронин, а в Орловский полк — подпоручик Безуглов, корнет Побединский и юнкер Фролов⁶⁵². 14 (27) июля прибыли в Сальский округ еще 9 офицеров-неказиков.

Гораздо лучше обстояло дело в полках «Молодой армии», особенно в 1-й бригаде 1-й Донской дивизии — в лейб-гвардии Казачьем и лейб-гвардии Атаманском полках. По данным И.Н. Оприца, из 50 офицеров нового лейб-казачьего полка 28 принадлежали к составу старого лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка⁶⁵³. Из 44-х (из них 3 прикомандированных)

офицеров Атаманского полка нового состава 22 служили еще в старом лейб-гвардии Его Высочества Наследника Цесаревича Атаманском полку.

В других полках «Молодой армии» подобная последовательность почти не просматривалась.

4-й Донской полк по идее должен был наследовать 26-му Донскому полку (чье Георгиевское знамя он получил). Но если мы сверим списки 26-го Донского полка, составленные в 1917 году перед выборами на Большой Войсковой Круг, — 43 офицера⁶⁵⁴, и опубликованные при Краснове списки офицеров 4-го Донского полка «Молодой армии» — 45 офицеров полка и 7 прикомандированных, — то совпадут лишь 5 фамилий — сам командир полка полковник Григорий Петрович Лобов, есаул Леонтий Константинович Дронов и сотники Аханов Александр Николаевич, Фетисов Виктор Михайлович и Мельников Сергей Николаевич.

В других полках ситуация сложилась еще хуже. В 9-м Донском полку не было ни одного офицера прежнего 9-го полка; в 10-м Донском — ни одного офицера прежнего 10-го (хотя некоторые служили в той же дивизии, в 11-м и 12-м полках; 11-й Донской полк, унаследовавший громкое имя «Баклановского», значок с черепом и костями и прочие «баклановские» отличия, не имел в своих рядах ни одного офицера прежнего 17-го Донского генерала Бакланова полка (хотя там были из прежних 1, 10 и 13-го полков); в 12-м Донском полку, унаследовавшем знамя, знаки отличия и историю прежнего 11-го, оказалось всего трое офицеров из старого состава — есаул Свеколкин Иосиф Дмитриевич, подъесаул Фетисов Владимир Филиппович и подъесаул Каргин Никита Максимович.

Командный состав 3-го Калмыцкого полка был составлен в основном из офицеров второочередных полков. Калмык среди них был один — хорунжий Буриков Эрдне Сарникович. К основному составу полка (25 офицеров) прикомандировывались 6 офицеров, 5 из них, будучи казаками, служили ранее в кавалерийских полках — ротмистр Скачков, штаб-ротмистр Янов и др.

В 1-м и 2-м Пластунских полках преемственность офицерского состава тоже не прослеживается. 1-м полком командовал полковник Булюбаш — бывший курсовой офицер Павловского училища, который проявлял своеобразные педагогические

качества в боевой обстановке — чтобы ликвидировать панику, заставлял казаков делать ружейные приемы и читать «Отче наш»⁶⁵⁵.

Зная о возрождении многих полков старой Российской императорской армии в рядах Вооруженных сил Юга России, в рядах других белых армий, мы можем сравнить эти явления с возрождением старых Донских полков. Обычно спаянная группа офицеров (иногда с наиболее преданными унтер-офицерами) какого-либо полка старой армии являлась, преодолев разные препоны, с полковым знаменем или штандартом к белому командованию и изъявляла желание возродить полк. Костяком возрождаемого полка становились его старые офицеры, рядовой состав набирался из местных мобилизованных или даже военнопленных. Процесс возрождения шел снизу, от офицеров полка.

На Дону возрождение идет сверху и, за исключением лейб-гвардии Казачьего и лейб-гвардии Атаманского полков, фактически на пустом месте.

Во многом это объясняется тем, что, за исключением всё тех же гвардейских казачьих полков, офицерский состав старых Донских полков в мирное время был не постоянным, а переменным. После окончания училища офицер какое-то время (2—4 года) служил в полку, а затем мог быть отправлен «на льготу», на половинное жалование, потом его снова могли направить в полк на службу и снова «на льготу» — быть резервом на случай всеобщей мобилизации. Практиковался переход из одного полкового звена в другое. Будучи «на льготе», офицеры часто устраивались на какую-либо должность при войсковой администрации — смотрителями войсковых складов, лесов и рыбных ловель — или шли на общественную службу — избирались атаманами станиц. Таким образом, они не были так привязаны к своему полку, как «русские» офицеры или те же лейб-казаки и атаманцы.

Когда началось восстание, многие офицеры продемонстрировали более тесную связь со своими станицами, чем со своими старыми полками, и вступили в станичные дружины или в станичные полки. Из того же 11-го Донского полка, чье знамя, история и т.д. были переданы 12-му полку «Молодой армии», есаул Попов Никита Иванович командовал 17-м полком Усть-Медведицкого округа, подъесаул Давид Клешов командовал 2-м

полком Сводного отряда Верхне-Донского округа («отряд 8 станиц»), есаул Николай Туроверов возглавил 4-й пограничный полк, вышедший в офицеры из подхорунжих Фаддеев Тимофей Алексеевич (станичная кличка — «Тимофей Ветряк») возглавил Каргинский станичный отряд, три сотника — Бондарев Иван Данилович, Киселев Григорий Тимофеевич и Сухарев Николай Евграфович — оказались в штабе окружного атамана Верхне-Донского округа. Сам командир полка (предпоследний) генерал Святослав Варламович Денисов командовал всей Донской армией...

Полковая спайка все же сказывалась — в течение 1918 года в 12-й полк разными путями попадают еще три офицера старого 11-го Донского полка — войсковой старшина, а потом — полковник и генерал Дмитрий Степанович Кривов и сотники Голованов Алексей Федорович и Косоногов Александр Николаевич.

Бросается в глаза, что офицеры «тасуются» по полкам «Молодой армии» с учетом характеристики рядового состава. Так, 11-й полк «Молодой армии» назывался теперь «Баклановским» и формировался из казаков Хоперского округа. Старый 17-й Донской генерала Бакланова полк всегда пополнялся казаками Усть-Медведицкого округа. В этом отношении преемственность «№ полка — округ» сохранили лишь 5, 6 и 12-й полки «Молодой армии». В новый «Баклановский полк» не попал ни один офицер старого 17-го «Баклановского» полка, зато были посланы офицеры старых 1-го и 13-го полков, ранее командовавшие хоперскими казаками. Принял полк войсковой старшина старого 13-го полка Арсений Васильевич Овчинников, сам хоперский казак Ярыженской станицы.

Можно отметить широкое распределение по полкам «Молодой армии», а затем и 4-й пограничной дивизии офицеров старого 10-го Донского генерала Луковкина полка, любимого полка атамана Краснова, которым он командовал в начале Первой мировой войны. Возможно, в них Краснов видел цементирующую основу молодых полков. В то же время некоторые офицеры старого 10-го Донского полка действовали в качестве самостоятельных командиров отрядов (знаменитый Роман Лазарев), а Евгений Тапилин поднялся в 1918 году до командира войск Цимлянского района.

Пластунские полки были укомплектованы в основном офицерами старых второочередных и третьоочередных полков и нестроевых частей. В полках 4-й пограничной дивизии кадровых офицеров тоже много, но заметно присутствие среди уроженцев именно тех округов, где расквартирован пограничный полк (особенно это заметно во 2-м пограничном полку в Вёшенской), либо офицеров, которые служили в старых полках, формируемых в этих округах (так в 3-м пограничном полку, расквартированном в станице Каменской Донецкого округа, много офицеров старых 10-го и 27-го полков).

В целом можно выделить три группы донских офицеров — немногочисленные кадровые, довоенных выпусков, которые постепенно заняли в армии высокие должности (от командира полка и выше); более многочисленные офицеры военного времени, закончившие трехмесячные курсы юнкерских училищ, плотно занявшие посты на уровне командиров сотен и батарей (среди них много учителей, агрономов, ветеринаров, недоучившихся студентов); такая же многочисленная группа офицеров, произведенных «за отличия» из простых казаков (немногие произведены еще во время Первой мировой войны, гораздо больше — в годы Гражданской). Из последних двух категорий многие «самородки» достигли уровня командиров полков, и даже поднялись выше.

Типичными представителями первой категории можно считать нескольких офицеров Казанской станицы — Дроновых.

Дронов Алексей Никифорович, старший по возрасту, был выпущен из Новочеркасского юнкерского училища еще в 1887 году, служил в строевых частях и «по выборам» (избирался атаманом Милютинской станицы), в 1905 году был, наконец, произведен в есаулы. За довоенный период заслужил три ордена (Святого Станислава III и II и Святой Анны III степени) и получил Высочайшее благоволение за отличное окончание офицерской кавалерийской школы. Первую мировую войну начал командиром 1-й сотни 12-го Донского полка, затем стал завхозом полка, с 17 августа 1915 года временно командовал полком, произведен в войсковые старшины и полковники (с 26 апреля 1915 г.), заслужил еще одну Анну и два Владимира. В апреле 1917 года назначен командиром 27-го Донского полка 5-й Донской дивизии. Однако в Гражданской войне в боевых операциях

не участвовал. Был помощником инспектора кавалерии Донской армии.

Дронов Василий Никитович, 1883 года рождения, закончил училище в 1906 году и был выпущен хорунжим во 2-е полковое звено, в 1908 году переведен в 11-е звено и служил адъютантом 45-го Донского («кадрированного») полка, затем все же попал в первоочередной 11-й Донской полк и, проходя там службу, заслужил Станислава III степени (1911 г.) и выиграл приз за стрельбу (1912 г.). Мировую войну начал в рядах второочередного 28-го Донского полка, произведен в подьесаулы и есаулы (с 15 октября 1916 г.). В 1917 году — председатель полкового комитета и делегат от полка на Большом Войсковом Круге.

В мае 1918 года произведен в войсковые старшины, назначен командиром 30-го Мешковского полка. 5 ноября 1918 года произведен в полковники за отличия в боях. С 21 сентября 1919 года — окружной атаман Верхне-Донского округа.

Дронов Леонтий Константинович, 1884 года рождения, в 1905 году поступил в 12-й Донской полк казаком, а в 1906-м, пользуясь правами по образованию 2-го разряда, — в Новочеркасское юнкерское училище сверх комплекта. В 1909 году выпущен из училища хорунжим в 16-й Донской полк. В 1914 году, будучи сотником 16-го Донского полка, награжден Станиславом III степени. Во время Мировой войны по мобилизации попал в 26-й Донской полк, где был заведующим оружием, временно командовал 2-й и 4-й сотнями. Заслужил еще одного Станислава, две Анны (III и IV степени) и «Георгиевское оружие». 23 сентября 1915 года в конной атаке ранен пулей в левую ногу с переломом обеих костей голени. 18 декабря 1915 года произведен в подьесаулы с 23 сентября 1915 года. После лечения вернулся в полк, командовал сотней особого назначения 4-й Донской дивизии и 6-й сотней своего полка. В 1917 году произведен в есаулы.

В 1918 году зачислен в 4-й Донской полк «Молодой армии». В 1920 году — в административном отделе штаба 1-й Донской дивизии.

Как видим, среди уставших на Мировой войне «кадровых» четко просматривается тенденция устроиться в конце концов на нестроевую штабную должность. И высшее начальство, само «кадровое», видимо, проявляет понимание. Впрочем, были и

яркие исключения, люди, влюбленные в войну. Таким видится нам офицер той же Казанской станицы Василий Васильевич Фолометов.

Василий Фолометов родился 9 (21) апреля 1886 года, закончил Усть-Медведицкое духовное училище. В 1904 году добровольно вольноопределяющимся поступил в 1-й Донской полк, а оттуда в Новочеркасское юнкерское училище, откуда дважды отчислялся, второй раз в 1909 году «за дурное поведение». Поскольку зачисление и отчисление сопровождалось переводом в другой полк, Фолометов успел послужить в 1, 4, 8 и 11-м полках и в 1-й отдельной сотне, пока в 1910 году не закончил курс военных наук по 2-му разряду.

Во время Первой мировой войны он сражался в рядах 37-го Донского полка (с 16 августа 1914 по 4 декабря 1917 г.), два года командовал конно-саперной командой, 1 год и 4 месяца командовал сотней, был ранен и контужен, заслужил ордена «Святого Станислава III степени, Святой Анны IV и III степеней и Святого Владимира IV степени. За отличия досрочно произведен в подьесаулы (с 1 сентября 1915 г.) и есаулы (с 5 октября 1916 г.).

В боях с большевиками, как указано в послужном списке, участвовал с 15 февраля 1918 года.

Самое активное участие Фолометов принял в восстании на территории Верхне-Донского округа, вел переговоры с большевиками, обманом захватил командира Тираспольского отряда 2-й социалистической армии Венедиктова. 31 мая 1918 года Фолометов был назначен командиром отряда из 2-х сотен против слободы Солонка, в тот же день произведен в войсковые старшины (с 30 апреля 1918 года).

В июне 1918 года Фолометов получил назначение командиром Еланско-Букановского полка. Это был его звездный час. Ни про одного полкового командира (разве что про Гусельщикова) не печатали столько статей, сколько про Фолометова, в донских газетах за 1918 год.

Зимой 1918—1919 годов, отступая с отрядом генерала Гусельщикова, Фолометов принял под свое командование Гундоровский Георгиевский полк, но с гундоровцами у него не заладилось, и Гусельщиков, 1-й командир полка, обвинил Фолометова в трусости, за что тот влепил Гусельщикову пулю в грудь и сел на гауптвахту.

Во время Гражданской войны Фолометов заслужил еще четыре ордена — Святой Анны II степени, Святого Станислава II степени, Святого Владимира III степени, и даже Святого Николая II степени, — был снова ранен и контужен. В сумме в этой войне 4,5 месяца был помощником командира полка, 9 месяцев — командиром полка, 4 месяца — командиром бригады, 1 месяц — начальником обороны Черноморского побережья. Отслужив в 7-м Донском полку в Крыму у Врангеля, Фолометов ушел в эмиграцию, где был зачислен рядовым в тот же Гундоровский полк, и тот же Гусельщиков писал на него аттестации: «Умственно очень хорош, может обучать, требователен, но к спиртному пристрастен, что и портит службу». Впрочем, позже Фолометов «выправился» и... возглавил Гундоровский полк.

В качестве представителей второй категории офицеров можно привести двух Колычевых из той же Казанской и соседней Мигулинской и Митченкова, казака станицы Мигулинской.

Тимофей Ионович Колычев родился 22 января 1887 года, закончил городское училище и работал учителем в Поздняковской хуторской школе Мигулинской станицы. В армию он был призван 27 мая 1915 года рядовым казаком, 20 июля 1915 года попал на фронт, затем 1 января 1916 года поступил в Новочеркасское юнкерское училище. 1 мая 1916 года он был произведен в прапорщики и направлен в запасной полк, в 1917 году произведен в хорунжие. От своей станицы посылался делегатом на Большой Войсковой Круг. В Гражданской войне участвовал с 1 (14) апреля 1918 года, служил в 30-м Мешковском полку, произведен в сотники, награжден Станиславом III степени и Анной IV степени. Три раза ранен. 6 месяцев командовал сотней, 4 месяца был завхозом полка. В Крыму при Врангеле был произведен в подьесаулы (13 августа 1920 г.) и в тот же день — в есаулы за отличия. В эмиграции был взводным командиром в Гундоровском полку.

Так же начинал свой боевой путь Петр Андреевич Колычев (родился 29 июня 1893 года), который успел закончить Усть-Медведицкую учительскую семинарию. 27 мая 1915 года — казак запасного полка, 5 августа 1915 года — в 29-м Донском полку, 14 декабря 1915 года направлен в Новочеркасское училище, откуда (вместе с предыдущим) выпущен прапорщиком 1 мая 1916 года. 5 мая 1916 года отправлен в Майские лагеря, затем

14 июля 1916 года — в 44-й Донской полк. 7 мая 1917 года произведен в хорунжие.

В Гражданской войне участвовал с 20 апреля 1918 года, с момента восстания Казанской станицы. Служил младшим офицером в 29-м Казанском полку. В январе 1919 года командирован на Царицынский фронт, где служил в Царицынском ударном батальоне и сводном стрелковом полку. В 1920 году у Врангеля произведен, наконец, в сотники (10 мая 1920 года, старшинство — с 1 января). Ушел в эмиграцию.

Митченков Дмитрий Федорович (родился 23 октября 1896 года) закончил Богучарскую гимназию, обучался в Харьковском университете на юридическом факультете. Во время Мировой войны направлен в Ташкентское военное училище, откуда выпущен прапорщиком 12 апреля 1916 года. В сражениях Мировой войны не участвовал, зато в Гражданской войне участвовал с 23 апреля 1918 года. Сменил шесть полков — 29-й Казанский (23 апреля — 5 июля 1918 г.), 32-й Вёшенский (5 июля — 7 августа 1918 г.), 30-й Мешковский (10 августа 1918 — 4 ноября 1919 г.), 84-й конный (4 ноября 1919 — 1 февраля 1920 г.), 96-й конный (1 февраля — 1 августа 1920 г.), конный полк конвоя командующего Донской армией (у Врангеля полк назывался «2-й Донской»). 3 раза ранен. Заслужил 5 орденов: Святого Станислава III степени — 30 октября 1918 года, Святой Анны III степени — 10 декабря 1918 года, Святой Анны IV степени — 3 июня 1919 года, Святого Владимира IV степени — 20 мая 1919 года, Святого Станислава II степени. С 20 марта 1920 года — подьесаул.

Перед нами, как видим, бессменные «медные котелки», которым служить и служить... Кроме того, у них нет пресловутой «лапы» в верхах.

Видимо, бывшие хуторские учителя, люди терпеливые, и другие хуторские «интеллигенты» лучше вписывались в народную армию, созданную их бывшими учениками, и легче находили общий язык с рядовыми казаками, чем отрицавшие любую «партизанщину» кадровые офицеры.

Еще легче вписывались в контекст народной армии офицеры, закончившие ускоренные курсы во время Мировой войны, но не имеющие серьезного базового образования, отслужившие длительный срок рядовыми казаками и урядниками. Именно

они чаще (по сравнению с бывшими учителями, студентами, агрономами и ветеринарами) занимают должности командиров полков, и даже выше.

Примером могут служить казак Вёшенской станицы Петр Григорьевич Богатырев и казак Еланской станицы Афанасий Ежов.

Ежов, казак переписи 1902 года, в 1903 году поступил добровольцем в 10-й Донской полк, пользуясь правами по образованию 2-го разряда. В 10-м полку он был произведен в младшие урядники, старшие урядники и подхорунжие (5 июня 1907 года) и остался на сверхсрочную. Во время Первой мировой войны он стал офицером. Закончил войну сотником. Когда началось восстание, Ежов во главе сотни Еланской станицы ходил с есаулом Гавриловым «поднимать Хопер», затем командовал сотней в Еланско-Букановском полку. Был произведен в подъесаулы, есаулы, войсковые старшины. В начале 1920 года командовал 20-м Вёшенским полком.

Петр Григорьевич Богатырев (родился 18 июня 1890 года) был призван на службу в 12-й Донской полк. Перед отправкой в полк в 1912 году получил в майских лагерях 2-й разряд по наездничеству. В полку произведен в младшие урядники (25 мая 1914 года). Во время Первой мировой войны заслужил два Георгия и две медали, произведен в старшие урядники. В 1917 году послан в Новочеркасское юнкерское училище, закончил ускоренные курсы 1 июня 1917 года. В 1918 году активно участвовал в восстании, был назначен начальником окружной милиции Верхне-Донского округа, произведен в сотники. В апреле 1919 года летал на самолете за линию фронта на связь с повстанцами Верхне-Донского округа, остался у повстанцев и возглавил 6-ю повстанческую дивизию (с 1 (14) мая по 16 (29) июля 1919 г.), произведен в есаулы (3 (16) июня 1919 г.). После расформирования повстанческой армии — помощник командира 19-го Еланского полка (с 10 (23) августа 1919 по 14 (27) марта 1920 года). Делегировался от полка на Большой Войсковой Круг. В эмиграции был рядовым в Гундоровском полку, аттестовался положительно: к начальству относится с верой и уважением, к подчиненным строг и внимателен, в отношении к спиртному воздержан, обладает отличным здоровьем...

И, наконец, не менее многочисленная третья категория — офицеры, произведенные «за отличия» из рядовых во время Первой мировой и уже в годы Гражданской войны.

Таков казак Казанской станицы Попов Павел Гаврилович, 1883 г. рождения, сверхсрочник, произведенный в офицеры 1 мая 1915 года «за отличия». Первую мировую войну он закончил сотником. В Гражданской войне участвовал в рядах Казанского полка с 18 апреля 1918 года, с начала восстания. В неразберихе первых месяцев войны с большевиками трижды производился в подъесаулы — 31 мая 1918 года за отличия в боях Верхне-Донского отряда, 21 июля 1918 года за бои в составе Сводного отряда Верхне-Донского округа (21 июля тем же приказом он производился в есаулы) и 24 октября 1918 года за отличия в боях Северо-Западного района. Вот так! Три внеочередных производства, а всего лишь подъесаул... В январе 1919 года переведен командиром сотни в 41-й конный полк. До конца войны был помощником командира этого полка, произведен в войсковые старшины.

Таков казак Мигулинской станицы Мешков Николай (родился 6 декабря 1882 года). Действительную службу проходил в 12-м Донском полку, младший урядник (12 апреля 1908 года). В Мировой войне участвовал в рядах третьего очередного 46-го Донского полка, подхорунжий, в 1917 году член полкового комитета. 20 октября 1917 года произведен в прапощики «за отличия». В восстании с 1-го дня — с 18 апреля. Командир сотни 30-го Мешковского полка (18 апреля — 2 ноября 1918 года). С 18 апреля по 22 августа 1919 года командир сотни 96-го конного полка. С 1 ноября 1919 года — командир сотни полка конвоя командующего Донской армией. Есаул. Ушел в эмиграцию. В аттестации, похожей на другие, одна необычная деталь — «любил литературу».

Все той же Казанской станицы Тимофей Дмитриевич Разогреев (родился 13 мая 1887 года), кавалер двух Георгиев и трех медалей, в хорунжие произведен 5 июля 1919 года. Служил в 29-м Казанском полку, в 1919-м — участник Верхне-Донского восстания, командир полка (за восстание и произведен в офицеры). Затем — в 43-м конном полку и в полку конвоя командующего Донской армией. Последний чин — сотник.

Соседней Мигулинской станицы казак Лагутин Савва Сергеевич (родился 5 декабря 1886 года), кавалер двух Георгиев, произведен в хорунжие 29 марта 1920 года, до этого сражался в рядах 31-го Мигулинского полка, участвовал в Верхне-Донском восстании (командир сотни), переведен в 96-й конный полк, затем в 4-й сводный и, наконец, в 62-й конный. Трижды ранен — 24 ноября 1918 года, 10 апреля 1919 года и 24 октября 1920 года, контужен 6 августа 1920 года.

А вот путь наверх на первый взгляд довольно гладкий: казак Вёшенской станицы Афонин Иван Петрович (родился 24 июня 1889 года). Действительную службу проходил в 11-м Донском полку, младший урядник (12 ноября 1912 года). Ни особого роста, ни особых наград. В Гражданскую же рванул вверх — хорунжий с 8 ноября 1918 года «за отличия», сотник с 18 февраля 1919 года «за отличия», подъесаул с 9 сентября 1919 года «за отличия», есаул с 5 сентября 1920 года «за отличия». Почему так быстро? Есть объяснение: должность — начальник пулеметной команды — 1 год 8 месяцев.

Б) ИНОГОРОДНИЕ «РУССКИЕ» ОФИЦЕРЫ

Бич любого народного восстания, любой народной армии — отсутствие кадров. Но поскольку Гражданская война в России носила бесспорно классовый характер и явно просматривалось еще и культурное противостояние, Донская армия, как армия антибольшевистская, гарантированно получала поддержку других противников нового российского режима и сама служила им прибежищем.

Для «русских» офицеров, попавших на Дон, было, в зависимости от квалификации и военной специальности, три пути — в штабы (о чем ниже), в строевые части или в технические части Донской армии. Административные должности, согласно приказу № 621 от 30 июля 1918 года, могли занимать только казачьи офицеры⁶⁵⁶.

Офицеры-неказаки явно просматриваются в строевых частях армии. Ими были укомплектованы пластунские и стрелковые полки «Молодой армии». Ко 2-му пластунскому полку был прикомандирован 71 офицер-неказак (из 114 офицеров полка). В 3-м стрелковом полку на 3 офицера-казака приходилось 56 не-

казаков. В 4-м стрелковом полку в начале формирования все офицеры (31 человек) были неказаки.

В чисто казачьих полках они нередко занимали командные посты. Например, в 36-м Боково-Каргинском полку командиром 1-й пешей сотни был поручик Громошенко Иван, в 33-м Еланско-Букановском сотней командовал штабс-капитан Рыкалов Сергей.

В технических частях армии офицеры-неказаки составляли 60 % офицерского состава⁶⁵⁷.

Многие эти офицеры были уроженцами Донской области — выходцами из иногородних или коренных крестьян, из городских слоев.

Примером могут служить три брата (из пяти братьев) Рыкалова — Герман, Семен и Сергей Емельяновичи, иногородние Еланской станицы. Все трое участвовали в Мировой войне и получили офицерские чины. Затем все трое служили в Еланско-Букановском полку и были «приняты в казаки» — зачислены в сословие.

Герман Емельянович, до войны — учитель в соседней слободе Криуше, дослужился до сотника (25 октября 1918 года, старшинство с 9 июля 1918 года). Семен Емельянович, младший офицер 136-го Таганрогского полка, одним приказом с братом был произведен в сотники. Но в 1920 году в Крыму при Врангеле его, служащего в Донском стрелковом полку, производят в капитаны (28 августа 1920 года, старшинство с 26 августа). Видимо, в русской армии принадлежность к казачьему сословию потеряла для Семена Рыкалова какую-либо ценность. Сергей Рыкалов, дослужившийся до чина войскового старшины, даже в эмиграции остался с казаками, в Гундоровском полку. Интересен его послужной список.

Родился Сергей Рыкалов 5 октября 1894 года. С 3 января 1915 года — вольноопределяющийся. Экстерном закончил Петроградскую 2-ю студенческую школу прапорщиков 15 августа 1915 года, получил чин прапорщика. На фронте с 3 февраля 1916 по 3 января 1918 года. Служебный рост довольно быстрый — корнет с 29 июня 1916 года, старшинство с 15 августа 1915 года (судя по чину, С. Рыкалов служил в регулярной кавалерии, куда охотно брали уроженцев Дона); поручик с 31 февраля (?) 1916 года, старшинство с 3 февраля 1916 года (с момента

прибытия на фронт); штабс-капитан с 12 октября 1917 года, старшинство с 3 сентября 1917 года. Один раз ранен, два раза контужен. Заслужил ордена Святого Станислава и Святой Анны, оба III степени. Занимаемые должности — командир роты — 9 месяцев, командир батальона — 11 месяцев (судя по последнему чину и должности, он затем все же попал в пехоту).

В Донской армии — с 20 апреля 1918 года по 1 ноября 1920 года. С 12 сентября 1918 года — есаул, старшинство с 18 июня 1918 года. С 21 июля 1920 года — войсковой старшина, старшинство с 13 января 1920 года. Занимаемые должности — командир сотни 1 месяц, завхоз полка — 11 месяцев, помощник командира полка — 5 месяцев. Заслужил ордена Святого Станислава и Святой Анны, оба II степени.

А вот типичный русский офицер, не казак и не уроженец Донской области, сделавший неплохую карьеру в Донской армии.

Николай Васильевич Дарин, мещанин города Богучара (впоследствии принятый в казаки). Родился 9 мая 1895 года. Закончил высше-начальное училище и двухгодичные учительские курсы. С 14 мая 1915 года призван в армию рядовым. Закончил 4-месячные курсы Виленского училища 1 июня 1916 года, получил чин прапорщика. С 9 августа 1916 по 27 декабря 1917 года — на фронте. Один раз контужен. Начальник пулеметной команды — 3 месяца.

С 27 июня 1918 года участвует в боях против большевиков в рядах Богучарского добровольческого отряда. 7 ноября 1918 года производится в подпоручики со старшинством с 23 марта 1917 года, затем «за отличия» в поручики со старшинством с 28 октября 1918 года.

В марте 1919 года избирается восставшими казаками Вёшенской станицы командиром 1-го Вёшенского полка, командует повстанческой дивизией. 24 июля 1919 года производится в подъесаулы «за отличия»; 26 ноября 1919 года — в есаулы «за отличия»; 18 апреля 1920 года — в войсковые старшины «за отличия» со старшинством с 19 июня 1919 года.

Во время Гражданской войны последовательно занимает должности — командира пулеметной команды — 5 месяцев (в Богучарском отряде); командира полка — 3 месяца; начальника дивизии — 2 месяца; командира сотни (когда повстанческие

дивизии расформировали) — 3 месяца; помощника командира полка — 3 месяца. Награжден Анной IV степени «За храбрость».

Первые годы эмиграции был рядовым в 4-й сотне Гундоровского полка. В аттестации на него, между прочим, отмечалось: «умственно высок... военное дело любит».

Раздел III

ДОНСКАЯ АРМИЯ В ПЕРИОД АТАМАНСТВА КРАСНОВА

Глава 14

КОМАНДОВАНИЕ

А) ВОЖДИ ВОССТАВШИХ КАЗАКОВ

Народная армия предполагает наличие народных вождей (или хотя бы народных вожаков).

Кто поднимал казаков на восстание?

Подавляющее большинство станиц и хуторов ПРИСОЕДИНИЛИСЬ к восстанию. Толчок шел извне. Политработник Ефремов опубликовал в «Известиях ВЦИК» статью «Во власти слухов и провокаций», где показал «анатомию» выступления заолупного хутора: «Наконец прилетает приказ, якобы от походного атамана Донского войска. Офицеры надевают погоны и читают его, собравши сход.

Старики сразу же ловятся на провокацию, молодые казаки-фронтовики не поддаются. Тогда разносится слух, что в таком-то хуторе Красная гвардия вырезала казаков и что казаки хутора призывают всех отомстить, кто не пойдет к ним на подмогу, тому плохо придется.

Наконец небольшой отряд смущенных казаков под предводительством какого-нибудь офицера, почти невооруженный, выступает из хутора...

Совет получает известие о выступлении и приближении отряда казаков и в самом деле высылает против него красногвардейцев. Происходит столкновение, казаки убеждаются, что их

руководители говорят правду о выступлении Красной гвардии, озлобляются и хуторами берутся за... оружие, которого, кстати сказать, у них почти совершенно нет»⁶⁵⁸.

Но были хутора, которые сами поднимались. Интересен рассказ о событиях в хуторе Липовском Распопинской станицы, узнавшем о восстании в соседней станице: «Хутор Липовский и ближайшие к нему хутора Распопинской станицы волновались и не могли решить, какую сторону принять, наибольший процент был или остаться нейтральными, или идти к красным. Вахмистр Кузнецов и здесь первым выступил за то, чтобы не медля ни дня, ни часа идти к восставшим, но в течении двух-трех дней не добившись никакого толку — сказал: «Довольно разговоров — кто со мной, тот за мной. Я иду седлать коня и еду». К нему примкнуло еще 12 казаков, и они уехали, а потом через 4 — 5 дней присоединились к ним и другие, что и составило Куртлакский отряд есаула Сутулова»⁶⁵⁹.

Как видим, поднимал вахмистр Кузнецов, возглавил есаул Сутулов. Поднимают одни — возглавляют другие.

Инициаторы (зачастую — общественные деятели, иногда — авантюристы) теряют свои позиции, когда создается армия (пусть и народная).

Так, в Мигулинской поднимал казаков на восстание отставной подьесаул Иван Федорович Дрынкин, произведенный в подьесаулы еще 20 января 1912 года «за выслугу лет с увольнением в отставку». Ему было уже за 70. Постоянным местом жительства его был хутор Верхне-Чирский, где в наемной полуразрушенной, разгороженной хате жили его жена и «четверопятеро взрослых детей», не имеющих определенных занятий. В 1914 году Дрынкин баллотировался в станичные атаманы, собрал большинство голосов, но не был утвержден «по весьма преклонному возрасту» и как «употребляющему спиртные напитки, оставившим это зло месяцев 6 тому назад, по всей вероятности, благодаря одному — что их достать негде, ввиду прекращения торговли...».

В 1917 году Дрынкин благодаря «демократическим тенденциям» прошел в станичные атаманы, в марте 1918 года после долгих оттяжек «перекрасился» в председатели станичного Совета, а через полтора месяца поднял станицу против Красной гвардии.

26 июня 1918 года приказ № 350 объявил: «Станичный атаман Мигулинской станицы в отставке Дрынкин награждается орденом Святого Владимира IV степени за то, что при господстве большевиков на все требования их подчиниться советской власти категорически противодействовал этим требованиям, убеждая станичников твердо стоять на страже войсковых интересов. Когда же 17 апреля с.г. во время станичного сбора была получена телеграмма о готовящемся занятии х. Сетракова эскадронами краснойгвардейской конницы и пехотой — им была предложена сбору всеобщая мобилизация, в результате которой утром 18 апреля ближайшие хутора выступили на сборный пункт, взяв 19-го утром две батареи, а вечером разогнав пехоту».

Дальнейшая деятельность Дрынкина протекала все в той же Мигулинской.

В станице Каргинской казаков поднимал старший урядник Федор Дмитриевич Лиховидов, прекрасно описанный в романе «Тихий Дон», отчисленный в 1900 году из Новочеркасского юнкерского «за явку из отпуска в нетрезвом виде», искавший счастья в Персии и на Балканах. За заслуги перед Доном во время восстания он был произведен «в хорунжие в отставку» 15 августа 1918 года и оставлен на посту станичного атамана. Как видим, в ряды армии «инициаторы» не спешили. Да их туда, впрочем, особо не приглашали.

Известный «вождь хоперского восстания» Павел Романович Дудаков, агроном, ставший героем донского фольклора — «Ленин, Троцкий, Дудаков нас стравили дураков...» — был офицером военного времени, и место его было в войсках. Одним приказом № 840 от 27 августа 1918 года он был произведен в подесаулы, как «поднимавший много раз восстания против советской власти», и сразу же в есаулы «за боевые отличия при поднятии восстаний против советской власти в Хоперском округе». Но по мере организации регулярной армии командование стало вытеснять его. 4 (17) ноября генерал Савватеев (вместе с Дудаковым в апреле 1918 года поднимавший Хопер) сообщал в штаб Донской армии, что приезд Дудакова в Хоперский округ принесет только вред, и просил отменить его командировку.

Наконец, дослужившись до чина войскового старшины, Дудаков нашел себя на посту помощника управляющего отделом осведомления (то есть агитации и пропаганды. — А.В.).

Впрочем, иногда «инициаторами» были и профессиональные военные. Таков был проводивший мобилизацию хоперских казаков есаул Иван Захарович Гаврилов. Но и Гаврилов, подобно Дрынкину, тяготел к административной деятельности — несколько сроков был атаманом Еланской станицы, на фронте же исполнял обязанности дивизионного интенданта.

Поднять казаков на восстание мало. Надо руководить военными действиями. Естественно, вначале в любом повстанческом войске господствует выборное начало. Иногда это был выбор из своей среды. В таком случае казаки, по-своему понимавшие военное искусство, честно выбирали самого храброго и везучего из своих. Критерием служило количество наград и время их получения. Так, казаки Вёшенской станицы командиром своей Вёшенской сотни избрали подхорунжего Илью Васильевича Мельникова, первым из всего 12-го Донского полка заслужившего четыре Георгиевских креста (Георгий I степени — 30 июля 1915 года).

Мельников при всей его храбрости и полководческих талантах пал единственной жертвой в первом же бою, возглавив конную атаку на слободу Солонку.

Но гораздо чаще восставшие казаки, отдавая должное военному образованию, выбирали офицеров. Как и всегда при выборном начале на войне, у них бывали сбои. Иногда для выбора было достаточно, что претендент имел офицерский чин, и чем выше, тем лучше. Так, во главе восставших казаков 2-го Донского округа сначала оказался жандармский полковник Расстегаев. Во главе казаков задонских станиц Черкасского округа — отставной генерал-майор П.Т. Семенов, не имевший боевого опыта, прошедший всю службу на административных постах.

Во главе войск Верхне-Донского округа стал полковник З.А. Алферов, никогда не участвовавший в боях.

Урядники-черкасцы, правда, сделали достойный выбор — первым командующим Донской армией ими был поставлен генерал Константин Семенович Поляков, отлично дравшийся в рядах 1-й Донской дивизии на фронтах Мировой войны, кавалер ордена Святого Георгия.

Но Поляков при первой же возможности запросился в отставку. 12 (25) апреля он заявил походному атаману, что «он не стремится быть не только «командующим Донской армией», но

и ни к какому командованию, что он принял его в тяжелую минуту, чтобы спасти — что можно, что он сделал — что мог, и теперь, с приездом походного атамана, он ни на что не претендует, а просит уволить его в отставку, так как он не привык служить в атмосфере «дрязг»⁶⁶⁰.

Гораздо охотнее на «зов восставших казаков» шли люди с авантюрной жилкой, азартные, которым было тесно в рамках будничной армейской дисциплины. И.З. Гаврилов, мобилизовавший хоперцев, и командир «отряда 8 станиц» В.С. Попов, не побрезговавший лично повесить Подтелкова и Кривошлыкова, до войны активно занимались конным спортом, постоянно «снимали призы» на окружных скачках. Каргинские вожаки — станичный атаман Лиховидов и командир Каргинского отряда Каргин — отчислялись из юнкерского училища, той же участи дважды подвергался командир Еланского полка В.В. Фоломев. И Дрынкин и Фоломевы, как мы видим злоупотребляли спиртным, а первый вожь отбивших Новочеркасск «низовцев» М.А. Фетисов имел прозвище «Ахмет мирза Пей Наливай Бей Выталкивай Выгоняй Бек Фетисов».

Иногда во главе восставших становились бывшие члены или председатели полковых комитетов, такими были прапорщик Назаров (7-й Донской полк), прапорщик Ежов (11-й Донской полк), которых (председателей) донской командарм Денисов тем не менее назвал «лишними и вредными для войны людьми»⁶⁶¹.

И лишь позже, когда армия становилась армией, эти люди оттеснялись от «руля», уступали место другим.

Б) САМОДЕРЖЕЦ «ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО» КАЗАЧЕСТВА

Верховное командование всеми вооруженными силами Дона осуществлял Донской Атаман.

Петр Николаевич Краснов (1869—1947) был потомственным донским казаком из почитаемого на Дону рода. Когда в 1904 году семнадцати первоочередным донским полкам присвоили имена почетных шефов, то в один ряд с Суворовым, Кутузовым, Ермаком Тимофеевичем, Платовым, Потемкиным, Баклановым был поставлен и генерал-майор Иван Кузьмич Краснов,

прямой предок П.Н. Краснова. Вот только полк, носивший его имя, в 1918 году почти в полном составе ушел к большевикам...

В XVIII—XIX веках власть на Дону крепко держали «низовцы». Казакам «верхних» станиц (а Красновы были с Верхнего Дона) на административных и иных поприщах больше везло вне пределов Войска. И Красновы, сохраняя принадлежность к казачеству и службу, постепенно перебрались в Петербург.

Служившие и жившие вдали от донских берегов казачьи генералы (а отец нашего героя, Н.И. Краснов, был казачьим генералом и служил в Петербурге) все же числились казаками той или иной станицы, где им и их детям полагались земельные паи. Отец П.Н. Краснова числился по Вёшенской станице, и землю ему отвели на правом берегу Дона около хутора Каргина.

Старший сын Николая Ивановича Краснова, Андрей Николаевич, оценивается в нашей отечественной истории как «выдающийся ученый-естествоиспытатель, классик отечественной ботанической и физической географии, основоположник современной науки о ландшафтах и один из основоположников экологического направления в естествознании и географии». Друг В.И. Вернадского, первый донской казак, совершивший кругосветное путешествие, создатель Батумского ботанического сада... Андрей Николаевич умер до революции и похоронен на территории Батумского ботанического сада. И даже при советской власти над могилой его возвышался памятник. Может быть, власти не догадывались, чей это родственник, чей брат...

Второй сын Николая Ивановича Краснова, Платон Николаевич, известный математик и видный железнодорожный деятель. Много занимался переводами западной лирики на русский язык, писал критические и историко-литературные статьи. Он близко сошелся с литературными кругами столицы, был женат на писательнице Екатерине Андреевне Бекетовой, родной тетке Александра Блока.

И лишь третий из сыновей, Петр Николаевич, наш герой, пошел по стезе предков, поступил на военную службу.

Петр Краснов закончил пять классов 1-й классической гимназии в Петербурге, перевелся в Александровский кадетский корпус, закончил его по первому разряду и был зачислен в 1-е Павловское военное училище. Павловское училище готовило офицеров для русской пехоты и отличалось строгой дисциплиной

и особо «отчетливо» поставленной строевой подготовкой. Юный Краснов за особые успехи, дисциплину и рано проявившиеся организаторские способности был назначен фельдфебелем «роты Его Величества», роты, над которой шефствовал сам царь. В 1889 году Павловское училище было закончено Красновым по первому разряду с занесением имени выпускника на мраморную доску.

Первый разряд давал право выпускнику выбирать полк, в котором он хотел бы служить. Однако для тех, кто выбирал какую-либо гвардейскую часть, необходимо было заручиться согласием офицеров этой части принять в свою среду нового члена. Так складывалась гвардейская корпоративность. Красновы служили в 6-й лейб-гвардии Донской батарее, дед нашего героя несколько лет командовал лейб-гвардии Казачьим полком и собирал материал по его истории. Но Петр Николаевич Краснов выбрал лейб-гвардии Атаманский полк, второй из донских гвардейских полков.

Атаманский полк был создан в 1775 году как личный десятиротный полк атамана А.И. Иловайского. С тех пор эта воинская часть традиционно считалась донской гвардией. Сменялись атаманы, но оставался Атаманский полк. При Николае I Атаманом всех казачьих войск был объявлен наследник престола, и Атаманский полк через какое-то время перевели с Дона в столицу и уравнили в правах с гвардией. Отныне он назывался лейб-гвардии Атаманским Наследника Цесаревича полком.

Атаманский полк традиционно пополнялся «верховцами» (а Краснов считал себя «верховцем»), лейб-казачий полк так же традиционно формировался из «низовцев».

В Атаманском полку вакансий не было, и первый год Краснов числился «прикомандированным». А затем уже стал «коренным атаманцем».

Казалось, что Петр Краснов просто создан для кавалерийской службы. Небольшого роста, мускулистый, выносливый, прекрасный наездник, знаток и любитель лошадей. В первый же год он зарекомендовал себя в полку как четкий, быстрый, организованный, точный, гибкий, умный и надежный работник. В 1891 году в военном издании «Русский инвалид» появились его первые печатные работы. Впоследствии он сотрудничал с «Петербургским листком», «Биржевыми ведомостями»,

«Петербургской газетой», «Отдыхом», «Нивой», «Военным сборником». Помимо военно-теоретических статей он писал рассказы, повести, и даже романы.

В 1892 году Краснов поступил в Академию генерального штаба, но в следующем году был отчислен «за невыдержанием переводного экзамена». Некоторые биографы считают, что из Академии он ушел по собственному желанию, так как по отношению к нему была допущена бестактность со стороны начальника Академии.

В родном полку Краснова ждало производство в сотники, а в следующем 1894 году он назначается полковым адъютантом, практически начальником штаба полка, человеком, отвечающим за всю полковую документацию.

В 1897 году он в качестве начальника конвоя отправляется с первой дипломатической русской миссией в Эфиопию. После возвращения награждается орденом Святого Станислава II степени, получает орден Почетного легиона от союзников-французов и производится в подьесаулы.

После возвращения из командировки Краснов женился на Лидии Федоровне Гринейзен, евангелическо-лютеранского исповедания, дочери действительного статского советника. С ней прожил в мире и согласии 45 лет.

В 1899—1900 годах Краснов командовал сотней в своем полку, регулярно направлялся в командировки — в Казанскую губернию, в Закавказье, на Дальний Восток — участвовал в Курских маневрах в качестве ординарца при Куропаткине.

В годы Русско-японской войны Краснов работает на Дальнем Востоке в качестве корреспондента «Русского инвалида». Официально он приписывается к штабу Забайкальской казачьей дивизии и участвует вместе с дивизией в боях. За бои награждается Святой Анной IV степени «За храбрость» и Святым Владимиром IV степени с мечами и бантом.

В 1906 году Краснов принимает 3-ю сотню Атаманского полка, а в 1907-м командиром в Офицерскую кавалерийскую школу. В том же году он производится в есаулы «за выслугу лет» со старшинством с 10 августа 1901 года.

После обучения в Офицерской кавалерийской школе Краснова начинают считать лучшим инструктором и знатоком конного дела на Дону. Он остается в школе начальником казачьего

отдела и производится в войсковые старшины. В 1910 году за выдающиеся успехи по службе Краснов производится в полковники.

В 1911 году Краснов получает в командование 1-й Сибирский казачий имени Ермака Тимофеевича полк, а в 1913-м — 10-й Донской казачий.

По своим убеждениям он остается монархистом. Позже он так описал сцену, когда царь знакомил Наследника престола, атамана всех казачьих войск, с его Атаманским полком: «Государь взял на руки Наследника и медленно пошел с ним вдоль фронта казаков. Я стоял во главе своей 3-й сотни и оттуда заметил, что шашки в руках казаков 1-й и 2-й сотен качались... И по мере того, как Государь шел с Наследником вдоль фронта, плакали казаки и качались шашки в грубых мозолистых руках, и остановить это качание я не мог и не хотел...».

Мировая война предоставила Краснову новые возможности для роста. В первые же дни войны Краснов с казаками идет в набег на австрийскую территорию, на железнодорожную станцию Любеч, базу развертывания австро-венгерских войск. Стремительный конный бросок заканчивается атакой станции в пешем строю, где Краснов «личным примером под огнем увлек спешенные сотни», захватил станцию и взорвал мост. За этот подвиг он был награжден «Георгиевским оружием», а в ноябре 1914 года произведен в генерал-майоры.

Командуя 10-м Донским полком, а затем бригадой из 9-го и 10-го полков, Краснов воюет лихо, дерзко и эффективно, умудряется водить казаков в картинно-красивые конные атаки под развернутыми полковыми штандартами и при этом почти не несет потерь.

21 октября 1914 года в районе Хмелинки 10-й Донской полк в конном строю атаковал венгерских гусар. В разгар рубки резервная сотня во главе с командиром полка под полковым штандартом ударила мадярам в левый фланг. Гусары были смяты, их командир полка убит, штандарт захвачен⁶⁶².

Атаки казаков под Незвиской, Баламутовкой, Ржавенцами в начале 1915 года упрочили боевую репутацию Краснова, раненого, но оставшегося в строю. В апреле 1915 года он назначается командовать 3-й бригадой Туземной («Дикой») дивизии, состоявшей из добровольцев, горцев Кавказа. В мае следует

новое отличие у местечка Дзвиняч и награждение орденом Святого Георгия IV степени.

В июле, в тяжелые дни отступления русской армии, Краснов назначается начальником 3-й Донской дивизии, но сразу же переводится во 2-ю Сводно-казачью, прикрывающую отступление армии на самом опасном участке. Начальником штаба дивизии был назначен молодой донской полковник Святослав Варламович Денисов.

Прикрывая отступление армии, Краснов прекрасно маневрирует, устраивает ночные атаки, дважды прорывает немецкие боевые порядки и уходит в рейд по вражеским тылам.

Когда готовился знаменитый Брусиловский прорыв, командование предполагало бросить конницу Краснова по австрийским тылам на крупный железнодорожный узел Ковель. С другой стороны туда же должна была ударить армия Каледина. В случае успеха — прорыва австрийского фронта в двух местах и захвата Ковеля — вся операция превратилась бы для австрийцев в огромные «Канны», крупнейший «котел», пленение армии.

В целом план не удался. Каледин фронт прорвал, а перед частями Краснова пехота не смогла взломать австрийскую оборону, и Краснов вместо того, чтобы ворваться в прорыв и мчаться по тылам противника, бросил своих казаков в пешем строю прорывать линию австрийских окопов. Бои в условиях болотистой местности достигли невиданного накала. Австрийцы стали перебрасывать против Краснова войска с других участков, и этим он способствовал общему успеху.

После мытарств 1917 года, которые описаны в первой главе данного исследования, в первых числах февраля 1918 года Краснов прибыл в Новочеркасск.

Он не участвовал ни в Ледовом, ни в Степном походах. Разуверившись в предавших его казаках, он укрылся в станице Константиновской и жил там под немецкой фамилией (возможно, жил там под фамилией жены).

До мая 1918 года Краснов уклонялся от участия в борьбе. Казаки Константиновской станицы обращались к нему и предлагали возглавить местное антибольшевистское движение. Но это были те самые ребята из 9-го Донского полка, которые под Петроградом уже чуть было не разменяли Ленина и Троцкого

на Керенского и Краснова. И Краснов ответил: «Я эту сволочь прекрасно знаю и никакого дела с ней иметь не хочу».

Затем в Константиновскую вступили партизаны генерала Попова. Но и в них Краснов не поверил и не присоединился к отряду.

Но вскоре партизаны и повстанцы, используя немецкое наступление, взяли Новочеркасск и созвали Круг Спасения Дона. И, тогда по предложению полковника Денисова, Краснов был приглашен на Круг с просьбой «высказаться о современной политической обстановке».

Может быть, такова участь всех «петербургских казаков»... Человек практического ума, Краснов раньше восторженно писал о казаках. Они его предали, позволили арестовать, готовы были выдать, и он уже высказал, что он думает о некоторых конкретных представителях казачества. Но Круг пригласил его... И Краснов явился.

Знал ли он о перспективах подобного приглашения? Да, это было практически приглашение в атаманы. Почему именно его? Краснов объяснял это тем, что был в тот момент «старшим по службе из донских генералов», последняя должность — командир корпуса. Объяснял тем, что «члены Круга знали генерала Краснова как молодого офицера, знали как полкового командира, как начальника дивизии и командира корпуса, они видели его в боях, привыкли верить ему и повиноваться ему, а главное — суеверно верили в его СЧАСТЬЕ, потому что не раз на войне он выходил победителем из очень сложных и тяжелых положений. Про него знали, что он любит и ЖАЛЕЕТ донских казаков, и каждый знает, что простой народ этому слову ЖАЛЕТЬ придает особое значение».

Краснов, знаток донской жизни и донской истории, знал, но умолчал, что Круг вообще-то искал жертву. Любое замкнутое общество, а Войско Донское таковым являлось, ввязываясь в сомнительное предприятие, лидера, вождя предпочитает брать со стороны, чтобы не было усиления того или иного клана среди своих, чтобы никому из своих не было обидно, чтоб не жалко было сдать «чужака» в случае провала. Такова судьба Разина, Пугачева, Булавина. Краснов «любил и жалел донских казаков»... Но так говорят о чужих. Донских казаков любит и жалеет казак «петербургский»; свой донец знает цену всем и каждому,

такие слова к нему неприменимы, как глупо было бы сказать, что сосед «любит и жалеет» всех своих соседей, восхищается ими. Свой своим не восхищается.

И все же Краснов откликнулся и пошел, потому что он был «петербургский» казак, с комплексами, с ностальгией, с любовью «ко всему казачьему».

3 (16) мая Краснов был избран Донским Атаманом. Круг наделил его самыми широкими полномочиями. Кое-кто даже назвал его самодержцем «демократического казачества». Краснов, как мы видим, сумел распорядиться своей властью.

К августу 1918 года область была освобождена от большевиков. Многочисленные беженцы в один голос говорили, что на Дону при Краснове «все отражало присутствие твердой хозяйской руки». Их сравнение порядков на Дону и на Кубани или на другой территории, где организация мирной жизни велась Добровольческой армией, всегда была не в пользу «добровольцев»⁶⁶³.

Представитель союзников генерал Пуль, который видел много белых генералов, считал Краснова самым способным российским офицером из всех им встреченных, а организацию Донской армии — на более высоком уровне, чем где-либо еще в России⁶⁶⁴.

Собравшийся Большой Войсковой Круг произвел Краснова в генералы-от-кавалерии. Но донская интеллигенция — кадеты, — опираясь на Деникина с его «союзнической ориентацией», повела атаку на атамана, обвиняя его в «немецкой ориентации». Характеризуя их, Краснов в подражание Столыпину заявил: «Нам нужно Всевеликое Войско Донское — некоторым людям нужны великие потрясения»⁶⁶⁵.

Краснов сделал ставку на рядовое казачество. «Дон для донцов!» — провозгласил он. Казакам он заявил, что не верит в иноземную помощь: «Помните, не спасут Россию ни немцы, ни англичане, ни японцы, ни американцы — они только разорят ее и зальют кровью... Спасет Россию сама Россия. Спасут Россию ее казаки! ...И тогда снова, как встарь, широко развернется над дворцом нашего атамана бело-сине-красный русский флаг — единой и неделимой России».

Таким образом, подтвердив казакам, что хозяева на Дону — они, Краснов открыто сказал «добровольцам» и либеральной

оппозиции, что цель у него такая же, как у них, — единая и неделимая Россия. Разница была в методах.

Тем не менее борьба с переменным успехом шла до выборов, которые были назначены на 12 (25) сентября.

В дело вмешались немцы. Их вполне устраивал Краснов. Они не желали передачи власти на Дону проденикински настроенному А.П. Богаевскому, которого усиленно двигала на атаманский пост либеральная оппозиция. Перед выборами на закрытом заседании Круга была зачитана телеграмма немецкого командования, которое требовало вновь избрать атаманом Краснова и угрожало в противном случае изменить существующие доброжелательные отношения к Дону со стороны немцев.

В результате голосования 234 голоса были поданы за Краснова, 70 — за Богаевского, 33 делегата подали пустые бюллетени. Краснов остался на своем посту.

Члены Круга разъехались по станицам и полкам. Перед отъездом они составили указ, в котором были слова: «Одна мысль, одна воля да объединит нас: помочь Атаману в его тяжелом и ответственном служении Дону...».

Не разъехалась лишь оппозиция. Оппозиционеры, в большинстве своем новочеркасские жители, остались с председателем Круга В.А. Харламовым в Новочеркасске в законодательной комиссии и повели, как считал Краснов, «серьезную подпольную работу для замены атамана Краснова — “Германской ориентации” атаманом Богаевским — “союзнической ориентации”».

В) АРМЕЙСКОЕ КОМАНДОВАНИЕ

Непосредственное руководство Донской армией осуществлял управляющий военным и морским отделом Донского правительства, командующий Донской армией с 5 (18) мая 1918 года генерал-майор Святослав Варламович Денисов (1878—1957).

Денисов происходил из дворян Войска Донского. Предки его владели обширными земельными пожалованиями в Донецком округе (под Шептуховкой). Он получил прекрасное образование: Донской кадетский корпус, Михайловское военное училище, Николаевская академия генерального штаба. Службу Денисов проходил в лейб-гвардии Атаманском полку. И. Калинин писал, что будущий донской главком имел прозвище «Светик»⁶⁶⁶.

Большую часть Первой мировой войны (16 августа 1915—21 марта 1917 гг.) Денисов прослужил начальником штаба 2-й Сводно-казачьей дивизии, которой командовал П.Н. Краснов. Полгода прокомандовал полком.

Во время господства большевиков на Дону он скрывался в станице Богаевской. Когда началось восстание, стал начальником штаба при командующем Донской армией генерале К.С. Полякове. Когда в командование вступил П.Х. Попов, Денисов принял на себя руководство Южной группой. Сторонники Попова считали, что Попов назначил Денисова командовать, «чтобы не обижать» его⁶⁶⁷.

Характером Денисов был крут. На рапорте об убийстве в слободе Степановка Таганрогского округа одного казака наложил резолюцию: «Приказываю в слоб. Степановке повесить 10 жителей, наложить контрибуцию в 200 000 рублей и сжечь всю деревню». Лишь вмешательство Войскового Круга спасло деревню от казней и поджога, и дело об убийстве было передано в военный суд⁶⁶⁸. В своих записках, вышедших после Гражданской войны, Денисов признавал, что после занятия Новочеркасска «лиц, уличенных в сотрудничестве с большевиками, надо было без всякого милосердия истреблять. Временно надо было использовать правило: “лучше наказать десять невинных, нежели оправдать одного виновного”»⁶⁶⁹.

Атаман Краснов, имея опыт совместной работы с Денисовым, назначил его командовать Донской армией. Он писал: «Командующему армией генералу Денисову Атаман безусловно верил. Он с ним сжился за время войны... Они думали одними думами и понимали друг друга с полуслова»⁶⁷⁰.

Учитывая малый командный, но большой штабной опыт Денисова, а также волевые качества и жизненное кредо Атамана Краснова, можно предположить, что Краснов отводил Денисову роль нештатного начальника штаба при своей особе (штатным начальником штаба был еще более молодой генерал И. Поляков), послушного исполнителя воли Атамана.

В составе высшего командного состава Донской армии ясно просматривается преемственность с командным составом казачьих частей старой русской армии. Из 18 донских генералов, которые в 1917 году командовали дивизиями, по меньшей мере 13 оказались в рядах Донской армии или на дипломатических

или административных постах во Всевеликом Войске Донском. Так же были задействованы по меньшей мере 13 бывших бригадных командиров.

Из 66 командиров полков и пеших батальонов примерно половина оказалась на службе Всевеликому Войску Донскому. Однако, как мы уже указывали, все эти чины тяготели к административным постам. На строевые должности — командиры отрядов, полков — пробились многие, закончившие Мировую войну сотенными командирами.

Во многом тяготение высших военных чинов к административным и иным нестроевым должностям объясняется характером борьбы и установлением на территории области военного режима, концентрацией всей власти в руках военных; одно лицо становилось и окружным атаманом, и командующим войсками (Мамонтов, Алферов). И Краснов, исходя из способностей каждого начальника, с июля 1918 года стал освобождать военачальников от административных обязанностей.

Во-вторых, это было нежелание и неумение воевать в непривычных условиях и непривычными средствами (о чем ниже).

В-третьих, — естественная усталость от Мировой войны. Ниже мы увидим, как многие лихие вояки из рядовых, георгиевские кавалеры при первой возможности дружно полезли в станичные коменданты, в милицию и т.д.

Что касается деловых качеств высшего командного состава Донской армии, они были достаточно высоки. Соперники «добровольцы», боровшиеся за влияние на рядовое казачество, пытались распространить мнение, «что казаки низы способны и доблестны, а верхи бездарны и невежественны» (впрочем, это относилось к кубанцам). Даже верховный вождь «добровольцев» М.В. Алексеев говорил, что у казаков «некоторые сотенные командиры были на своих местах, но выше — сплошные неудачники». В унисон с Алексеевым звучат слова донского офицера И. Плахова: «У нас были хорошие командиры полков (часто из прапорщиков) и очень часто плохие генералы...»⁶⁷¹.

Исключение в глазах «добровольцев» составляли донцы, ушедшие на службу в Добровольческую армию. П.Н. Врангель, неоднозначно относившийся к донским генералам (Мамонтова он терпеть не мог), о тех из них, кто служил у «доброволь-

цев», отзывался очень хорошо: «...выдающийся кавалерийский начальник, кавалер ордена Св. Георгия IV и III степени, генерал Савельев»⁶⁷², «блестящий кавалерийский начальник, прекрасно разбиравшийся в обстановке, храбрый и решительный...» — о том же Савельеве⁶⁷³. Справедливость требует сказать, что Виктор Захарович Савельев был действительно выдающимся военачальником, заслужившим за время Мировой войны «Георгиевское оружие» и два ордена Святого Георгия. Заслужил он их на посту начальника штаба 1-й Донской дивизии, а затем командира уланского полка.

Впрочем, когда проблема влияния на казаков сгладилась, генерал Слащев, которого трудно обвинить в предвзятости, о казачьих генералах, попавших под его командование, говорил коротко, но в общем доброжелательно: «Калинин и Морозов были очень энергичными офицерами и продуктивными работниками, хотя и с большой хитрецей»⁶⁷⁴ (сами донцы характеризовали генерала Калинина так: «умный и талантливый... обладающий большой и инициативной энергией») ⁶⁷⁵. Видимо, по своим боевым качествам донские генералы не слишком отличались от прежней Российской армии. Особенностью было то, что среди них преобладали кавалеристы, представители устаревающего, отживающего рода войск, но в то же время — люди, более дружные ориентированные на маневр и удар, на беспощадное преследование.

Краснов, неустанно и целенаправленно проводивший, как теперь говорят, «кадровую политику», безжалостно и не стесняясь в выражениях «разносил» и отчислял нерадивых и выдвигал проявивших себя начальников. Особо тщательно подбирался командный состав «Молодой армии». Причем перевод в «Молодую армию» происходил с заметным понижением. Так, занять вакантную должность командира бригады 3-й Донской дивизии 12 (25) октября 1918 года было предложено двум генералам — командиру отряда (фактически — дивизии) Тапилину и командующему войсками района (фактически — корпусному командиру) Александрину⁶⁷⁶.

В целом была создана целая плеяда талантливых донских генералов. В результате ко второй половине 1918 года во главе войск стали подготовленные, опытные, отмеченные наградами командиры.

На северном направлении одним из отрядов, а затем и войсками Северо-Западного района (до 8 октября 1918 г.) командовал генерал-майор (с 31 июня 1918 года) Захар Акимович Алферов. Значительную часть своей службы он провел обучающим офицером в родной Еланской станице, муштровал молодых казаков. В 1906 году он закончил по 2-му разряду военно-педагогическое отделение Академии Генерального штаба, в 1913 — Петербургские военно-педагогические курсы. Почти всю Мировую войну Алферов прослужил в Ташкентском кадетском корпусе, на фронт попал лишь в 1917 году, временно командовал 24-м Донским полком, но вскоре был послан на Большой Войсковой Круг.

Ясно, что Алферов всю жизнь больше тяготел к административной и педагогической деятельности, чем к военной. Впоследствии он одно время даже возглавлял Донское правительство. Но и в 1918 году, учитывая характеристики и вообще «лихость» его подчиненных (Лиховидов, Фолометов), педагогические дарования, видимо, пригодились Алферову не менее военных. Тем более что рядом с Алферовым в это время был такой знающий, энергичный и решительный офицер Генерального штаба, как Онисим Иванович Савватеев.

Затем на северном направлении Алферова сменил генерал Матвей Матвеевич Иванов (1872—1928), станицы Семикаракорской. Прекрасный боевой офицер, закончивший Донской кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище, Николаевскую Академию Генерального штаба (по 2-му разряду), Офицерскую кавалерийскую школу, провоевавший всю Мировую войну командиром батареи и командиром полка (13-го Донского казачьего), кавалер «Георгиевского оружия» и ордена Святого Георгия IV степени.

Во время Гражданской войны он уже участвовал в 1-м Кубанском походе Добровольческой армии, перешел в Донскую, был назначен начальником 3-й Донской дивизии («Молодой армии») и 30 июня 1918 года по статуту произведен в генерал-майоры (с 22 февраля 1917 года).

На северо-восточном направлении действовали войска генерала (с 1918 года) Александра Петровича Фицхелаурова (1878—1928), Новочеркасской станицы, закончившего Донской кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище

(по 1-му разряду) и выпущенного в 1899 году в Атаманский полк. В составе 6-го Сибирского казачьего полка Фицхелауров участвовал в Русско-японской войне, затем был обучающим офицером в Новочеркасске, в 1912 году командовал сотней малолетков на Бородинском поле, был членом распорядительного комитета военного собрания Донского казачьего войска, председателем правления экономического общества. Современники (И. Калинин) считали, что Фицхелауров — «прекрасный администратор и веселый человек».

Во время Мировой войны (с 1915 года) он последовательно командовал тремя полками (20, 53, 36-м Донскими), к концу ее имел Владимира III степени и Анну II степени с мечами.

Подчиненные Фицхелаурову командиры отрядов — Татаркин, Стариков, Голубинцев, Сутулов — имели опыт Мировой войны. Татаркин до войны закончил Академию генерального штаба. Все они впоследствии удачно командовали дивизиями.

Там же, в войсках Фицхелаурова, начинали свой стремительный взлет впоследствии самые молодые генералы Донской армии — Григорий Иванович Долгопяттов (1897—?) станицы Калитвенской и Алексей Григорьевич Рубашкин (1895—1966) станицы Новочеркасской.

Долгопяттов, ставший офицером лишь в 1915 году, отличавшийся в рядах 4-й Донской дивизии, попал к Фицхелаурову в составе 9-го пешего полка, быстро выдвинулся, возглавил 18-й конный полк, казаки которого его боготворили. И.М. Калинин, хорошо знавший донской офицерский корпус, называл его «дельным малым, который в течение всей Гражданской войны ни на один день не покинул фронта»⁶⁷⁷.

Алексей Рубашкин был выпущен из Николаевского кавалерийского училища 1 октября 1914 года в лейб-гвардии Атаманский полк. Мировую войну закончил гвардии подьесаулом. Во время Гражданской войны командовал партизанским отрядом, 51-м Донским полком, 12-й конной бригадой. 24 декабря 1919 года был произведен в генерал-майоры. И.М. Калинин назвал его: «Шкуро в миниатюре»⁶⁷⁸, имея в виду храбрость, лихость и грабительские замашки известного кубанца.

Уже в эмиграции, когда количество казаков в полках резко сократилось и рядовыми служили полковники и даже генералы, Рубашкин был помощником командира полка, и в мирной

обстановке вскрылось, что полкового хозяйства он не знает и «вообще...», но высшее начальство наложило резолюцию, где назвало Рубашкина «самородком» и оставило на прежней должности.

На восточном направлении практически весь 1918 год войсками Донской армии командовал известнейший и славнейший генерал Константин Константинович Мамонтов (16.10.1869—1.2.1920), не казак, но человек, любящий казаков и любимый казаками. Как писал современник, Мамонтов «имел характер гордый и независимый, был казаком по духу, знал казаков, и они его любили»⁶⁷⁹.

К.К. Мамонтов (настоящая фамилия — Мамантов) происходил из дворян. Он рано осиротел, и воспитывал его дядя — сенатор — Валерий Николаевич Мамонтов, женатый на родной сестре графа В.Н. Коковцева — премьер-министра. Юный Константин Мамонтов закончил Николаевский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище (1890 г.), был выпущен в лейб-гвардии Конно-гренадерский полк (по другим данным — в Кирасирский Ее Величества), за дуэль отчислен из полка, затем причислен к Войску Донскому и приписан к Раздорской-на-Дону станице. В Донском Войске он служил в 9-м Донском полку. В чине есаула Мамонтов участвовал в Русско-японской войне в составе 1-го Читинского полка Забайкальского казачьего войска. После войны продолжал службу в Донском Войске. 26 февраля 1908 года был произведен в войсковые старшины. Был помощником командира полка в 1-м Донском и 3-м Донском полках.

С начала Мировой войны Мамонтов возглавил 19-й Донской полк, в ноябре 1914 года был произведен в полковники (с 24 августа 1914 года). Затем командовал 6-м Донским полком и (под конец войны) бригадой 6-й Донской дивизии. По свидетельству очевидцев, ему покровительствовали, но тормозили его в чинах. В 1916 году Мамонтов дважды выезжал в Петербург узнать о производстве в генералы.

Зимой 1917—1918 гг. он создал во 2-м Донском округе партизанский отряд и 19 января 1918 года был назначен исполняющим обязанности окружного атамана 2-го Донского округа по просьбе представителей станиц, но ушел с отрядом из округа и привел его на защиту Новочеркасска. Там он сменил генерала

Абрамова на посту командующего «Северным фронтом». Затем, как мы знаем, после Степного похода был снова направлен П.Х. Поповым во 2-й Донской округ, где возглавил восставших казаков. В это время он был произведен в генерал-майоры, а 26 августа (8 сентября) 1918 года — в генерал-лейтенанты.

Сам Мамонтов не пил водки (позволял себе немного хорошего вина), не терпел пьяных и небрежно одетых офицеров и всегда делал замечания, несмотря на чин. Увлекался скачками и порфосной охотой, шведской гимнастикой. Окружающие отмечали его спокойствие и барские замашки. Женат первым браком был на баронессе фон Штемпель, ее два брата командовали полками в 6-й кавалерийской дивизии.

Войсками Цимлянского района командовал генерал (с августа 1918 г.) Евгений Иванович Тапилин (1871 —?), станицы Кумшацкой, закончивший Новочеркасское юнкерское училище, участник Русско-японской войны, где в рядах 19-го Донского полка получил Анну IV степени «За храбрость». Меж двумя войнами Тапилин служил исправно и был награжден еще одной Анной и двумя Станиславами. Мировую войну он начал под командованием П.Н. Краснова есаулом 10-го Донского полка, отличился и получил в награду еще одну Анну, Святого Владимира IV степени и «Георгиевское оружие» за бой 7 ноября 1914 года у Шиповице, где во главе 4-й сотни полка взял в плен 2 австрийских офицеров и 120 солдат.

В конце войны Тапилин был произведен в полковники и командовал 29-м Донским полком. Командование Донской армии считало его «поклонником маневренной войны».

На южном фланге армии войсками Задонского района командовал генерал-майор Исаак Федорович Быкадоров (1882—1957), станицы Нижне-Кундрюченской. Он закончил Ростовскую классическую гимназию, Новочеркасское юнкерское училище (1902 г.) и Николаевскую Академию Генерального штаба (1910 г.) (по другим данным — не закончил по семейным обстоятельствам). В составе 4-го сводного полка нес службу в Центральной России в годы 1-й русской революции. 8 апреля 1912 года, будучи подьесаулом и неся службу в Новочеркасском юнкерском училище, за связь со своей женой застрелил студента Санкт-Петербургского университета Николая Голубова и был отдан под военно-окружной суд. На решении суда Николай II

наложил резолюцию отправить Быкадорова на 6 месяцев в крепость и ограничить в правах.

Во время Мировой войны И.Ф. Быкадоров несколько раз отличился в рядах 30-го Донского полка и заслужил орден Святого Владимира IV степени, «Георгиевское оружие» и орден Святого Георгия IV степени за бой в Карпатах 22 ноября 1914 года у города Старый Сандец, где Быкадоров с казаками был окружен, но прорвался, вышел к своим и вынес трофеи. Во время войны был тяжело ранен и потерял глаз. К концу войны был произведен в полковники и командовал 30-м полком, а затем 8-м и 58-м Донскими.

Во время Гражданской войны Быкадоров возглавил восстание казаков ряда станиц 1-го Донского округа и был сразу же переброшен командованием в Задонье, где проявил себя под Батайском.

Писал теоретические военные труды, а после войны, в эмиграции, — труды исторические.

Г) ШТАБНЫЕ РАБОТНИКИ

На высоком уровне была штабная работа.

Штаб армии был создан на базе Войскового штаба. Вернее, приказом № 49 от 14 (27) мая произошло переименование. Управляющий военным отделом правительства стал командующим Донской армией, начальник штаба Всевеликого Войска Донского — начальником штаба армии, главный начальник военного снабжения Всевеликого Войска Донского — начальником снабжения армии и так далее.

Возглавил штаб армии подполковник (затем — полковник и генерал-майор) Иван Алексеевич Поляков (1886—1969), молодой офицер, закончивший военную академию в 1914 году, имевший базовое военное образование военного инженера. Достаточного опыта для руководства штабом армии он не имел и, скорее всего, был статистом при настоящем начальнике штаба — Денисове, который лишь назывался командующим Донской армией, реально же ею командовал сам Краснов.

Войсковой штаб, ранее — военная составляющая аппарата управления Области Войска Донского, разветвленная проверенная временем организация, никогда, правда, не осуществлявшая оперативного руководства войсками, была хорошей базой для организации штаба армии.

Оперативное отделение штаба возглавил полковник (с 13 июня 1918 г.) Константин Тимофеевич Калиновский (1885—1962), станицы Аксайской, закончивший учительскую семинарию, Новочеркасское юнкерское училище и Николаевскую военную академию (1914 г.) по 1-му разряду. Опыт штабной работы у него составлял около 2 лет.

Штабы отрядов создавались наново. «Штабы были маленькие, — писал Краснов. — Штаб отряда, ведшего совершенно самостоятельные операции, состоял из начальника штаба и одного-двух адъютантов»⁶⁸⁰. Более надежной базой стали штабы командующих войсками того или иного округа, создаваемые (или восстанавливаемые) на базе военных отделов окружных правлений, которые ранее ведали мобилизацией, снабжением, подготовкой молодых казаков и переподготовкой запасных. Впоследствии, когда фронты передвинулись и штабы окончательно сформировались, окружные правления были «возвращены в первобытное состояние».

Среди способных к военным наукам донцов нашлось немало вдумчивых работников, возглавивших штабы «отрядов». Таковыми стали: Манакин, Г.С. Рытиков, П.И. Коновалов, Ф.Ф. Одноглазков, уже известный нам О.И. Савватеев (этот вскоре ушел на самостоятельное командование) и другие.

Кроме того, кадры штабных работников были подобраны из прибывших на Дон офицеров Генерального штаба. Я.М. Лисовой приводил следующие данные. По количеству офицеров Генерального штаба Донская армия была на 7-м месте. На 1-м в этом отношении стояла Красная армия. Вторая по количеству группа офицеров Генерального штаба уклонялась от службы в какой-либо армии. Третья по количеству группа генштабистов нашла прибежище на Украине, у гетмана П. Скоропадского (не зря М. Булгаков местом действия своей «Белой гвардии» выбрал Киев). Режим там был «старый», и войны до ноября 1918 года не было. На 4-м месте стояла группа Генштабистов Добровольческой армии. Она составляла 10 % офицеров Генерального штаба. 5-ю по количеству группу офицеров Генштаба к тому времени (конец 1918 года) составляли погибшие или умершие. 6-ю — офицеры национальных армий (польской, финской и др.). На 7-м месте, как уже сказано, стояли генштабисты Донской армии — 3 % офицеров Генштаба старой русской армии. Далее —

генштабисты Сибирской армии, Южной, Астраханской, Саратовского корпуса...

На Дон офицеры Генштаба стали прибывать в мае 1918 года (это был своеобразный взлет их притока), затем приток их стал иссякать, но небольшой рост количества все же был, и к ноябрю 1918 года Донская армия имела комплект офицеров Генерального штаба, а в декабре из-за потерь и сокращения армии — двойной комплект. Для сравнения можно сказать, что у «добровольцев» максимальный приток был в августе и ноябре 1918 года, за это время прибыло 80 % генштабистов этой армии.

Половину генштабистов Донской армии составляли генералы, 46 % — штаб-офицеры, 4 % — обер-офицеры (у «добровольцев» штаб-офицеры составляли 55 %, генералы — 28 %, обер-офицеры — 17 %) ⁶⁸¹. В количественном же отношении одних генералов Генштаба в Добровольческой армии было столько же, сколько всех генштабистов во всей Донской армии.

Таким образом, для штабной работы кадры были. Но на уровне окружных штабов и штабов отрядов не все было гладко.

Интересен состав штабов командующих войсками того или иного округа. Например, в штабе войск Верхне-Донского округа, ставшего впоследствии основой для штаба Северного фронта и правления окружного атамана, вокруг З.А. Алферова собрались: единственный гвардейский офицер на всю окружную станицу, подъесаул прежней 6-й лейб-гвардии Донской батареи Николай Федорович Фолимонов, родственник жены Алферова — сотник Иван Симонов, сотник прежнего 11-го Донского полка и делегат всех казачьих Кругов и съездов 1917 года Иван Данилович Бондарев, его однополчанин и член полкового комитета сотник Николай Евграфович Сухарев, присланный из Новочеркасска на связь хорунжий Григорий Харитонов. То есть в первые недели восстания, отправив выбившихся в офицеры рубак воевать, в штабе прочно окапываются местные «политики» и их родственники.

При известной и осознаваемой низкой продуктивности подобных организаций члены их нуждаются в «рабочих лошадках». На эту роль не подходят профессиональные генштабисты (особенно — из своих), осознающие разный уровень компетенции и знающие себе цену. Их особо и не приветствовали. Роль «рабочих лошадей» отводилась офицерам военного времени из своих только тем, кто пограмотнее. Так, разведкой в штабе одно

время руководил сотник И.Г. Сафонов (ветеринар), которого потом безжалостно задвинули сотенным командиром в Вёшенский полк. Однако особое предпочтение отдавалось учителям. Видимо, эта профессия наиболее соответствовала тем требованиям, что предъявляли штабному офицеру. Педагогическое образование, кстати, имели Рытиков (Тамбовский педагогический институт) и Коновалов (учительская семинария), да и сам Калининский, как мы помним.

Возможно, по этой причине в штаб войск округа был отозван из Вёшенского полка сотенный командир сотник Афанасий Ефремович Стефанов, который, впрочем, удержался и в штабе Северного фронта.

А.Е. Стефанов получил базовое образование в Новочеркасской учительской семинарии, воевал с австрийцами в составе 12-го Донского полка рядовым, закончил трехмесячные курсы Новочеркасского юнкерского и был выпущен в 3-й Донской пеший батальон на Кавказский фронт. После войны какое-то время работал учителем, затем 20 мая 1918 года был призван в Донскую армию, поставлен командиром сотни и, наконец, 1 сентября 1918 года попал в штаб Северного фронта на должность помощника старшего адъютанта оперативного отделения, а затем (с 10 декабря 1918 г.) — старшего адъютанта оперативного отделения, был произведен в подъесаулы и есаулы (2 октября приказ № 1339 и 15 ноября приказ № 1527) и только 1 апреля 1919 года, когда штаб Северного фронта был ликвидирован, получил спокойную должность командира Отдельной конной сотни штаба 2-й Донской армии. На этой должности он прослужил до самого распада Донской армии.

Обуреваемый родственными чувствами автор полностью приводит аттестат на А.Е. Стефанова, составленный уже в эмиграции и утвержденный генералом А.К. Гусельщиковым.

«Аттестат на младшего офицера 8-й сотни Донского Гундоровского Георгиевского полка войскового старшину Стефанова Афанасия Ефремовича. Составлен 13 марта 1922 г.

Общее умственное развитие хорошее.

Отличается любовью к изучению военного дела. Умеет обучать, руководить и воспитывать своих подчиненных в духе законности и сознания долга службы и заботиться о подчиненных.

Дисциплинирован, приказанья исполняет точно.

Отношение к начальникам хорошее.

Отношение к подчиненным хорошее.

Хороший товарищ, пьет в меру.

В полной мере обладает как военным, так и гражданским мужеством.

Тверд волей. Энергичен, способен к проявлению разумной инициативы — способен в нужных случаях принять самостоятельное решение и взять на себя ответственность. Обладает хорошим здоровьем, выносливостью на походе и в бою.

К командованию сотней подготовлен.

Общий вывод: «хороший, достоин к выдвижению на должность командира сотни.»

Командир 8-й сотни полковник Сиволобов.

«Хороший, достоин к командованию сотней.»

Гусельщиков»⁶⁸².

Глава 15

БОЕВЫЕ КАЧЕСТВА АРМИИ

А) ТАКТИКА, БОЕВАЯ ПОДГОТОВКА

Гражданская война на Дону разгоралась, когда все еще шла Первая мировая война, которая внесла свои глобальные поправки и в стратегию, и в тактику, и в боевую подготовку войск.

Почти на нет сошла кавалерия. «Великая война нанесла ей такой тяжелый удар, что она и доныне не вполне оправилась от него», — писали в 1934 году военные специалисты⁶⁸³. «Действовать в конном строю по старым шаблонам не позволяла сила огня, сражаться, как пехота, по многим причинам, было нельзя (главное — не доставало огневых средств), о комбинации огня, маневра и конной атаки никто не думал»⁶⁸⁴.

«...Единственный для всей войны на Европейских театрах случай, когда две кавалерийские дивизии дошли до столкновения в конном сомкнутом строю» — бой 8 августа 1914 года под Ярославцем между 10-й русской и 4-й австро-венгерской кавалерийскими дивизиями, когда с обеих сторон сошлись по 7—8 эскадронов⁶⁸⁵.

«Французы и немцы стали строить свою тактику на силе артиллерийского огня». Потери от артиллерийского огня составляли 75 % всех потерь. Во французской армии количество артиллеристов и пехотинцев соотносилось как 3 к 4—620 тысяч артиллеристов и 800 тысяч пехотинцев. До войны в войсках было 1 орудие на 1000 человек, в конце войны — 1 на 500 человек⁶⁸⁶.

Главным оружием пехоты стал пулемет, загнавший пехоту в окопы. «Траектория тяжелых пулеметов очень полого, поэтому их огонь чрезвычайно губителен по открытым целям»⁶⁸⁷.

Резко возросла мощь огня. «Современная сила огня так велика, что выдержать ее могут только высокодисциплинированные, стойкие части», — считали военные⁶⁸⁸.

Тактика и боевая подготовка Донской армии определялись характером борьбы и характером (народным) самой армии.

На восстание, по крайней мере когда война подходила к порогу каждой отдельной станицы, зачастую поднималось все население. Воспоминания участников войны со стороны красных пестрят эпизодами типа «...с рассветом многочисленная банда, в которой были и старики и женщины, с гиканьем и криками бросилась на полк в атаку...» (из истории 5-го Заамурского полка)⁶⁸⁹. Позже в строю оставалось более устойчивое ядро. Но в сумме примерно половина участников боевых действий не имела опыта Первой мировой войны. Зато все без исключения мужское казачье население имело приобретенные в армии или здесь, в станице, навыки службы в иррегулярной коннице. Участник боев под Мигулинской 18 апреля (1 мая) 1918 года вспоминал, что за несколько часов до боя «достаточно было нескольких перестроений, как казаки поняли и приспособились к конному делу»⁶⁹⁰.

В приказе № 4 от 5 (18) мая 1918 года Краснов приказал создавать конные части и мотивировал это так: «В последних действиях против Красной гвардии наши вольные дружины в пешем строю с трудом выдерживали даже дальний огонь, конные же сотни с одними шашками в руках атаковали и пехоту, и артиллерию противника»⁶⁹¹.

Естественно, пешие дружины из стариков и подростков (фронтвики, как мы знаем, поднимались последними), впервые попав под пули, терялись, а конные, сразу вспомнив вбитые навыки, бросались в атаку, благо противостоящие силы в

начале боев были невелики, а огневая мощь противника (если ее можно назвать «мощью») — явно недостаточна.

Поднимая казаков на борьбу, красновские приказы (603 от 25 июля 1918 г.) ставили примером стариков, таких как казак хутора Б. Терновы (Нижне-Чирской станицы) Федор Ефимович Лагутин, 76 лет, участник Русско-турецкой войны, который неся в атаку с пикой на неоседланной лошади впереди сотни (произведен в хорунжие и уволен в отставку)⁶⁹².

На начальном этапе войны, когда бои велись малыми силами, без хорошего руководства, особенно сказывалась индивидуальная подготовка казаков, их боевые качества. Профессионалы-военные сразу же отмечали ее. Дроздовский, вступивший с отрядом в первую казачью станицу — Новониколаевскую, — записал в дневнике 17 (30) апреля: «Казаки понадевали погоны, лампасы, шпалерами пешая и конная сотни, отдавание чести, воинский вид... Казаки очень сплочены, много выше по качествам, особенно боевым... Много добровольцев из простых казаков — сразу видно, воины»⁶⁹³.

Видимо, за счет массового подъема и индивидуальных боевых качеств область и была освобождена так быстро.

Впоследствии сами белые признавали: «Легкие успехи побуждали недооценивать возможностей противной стороны и приучали к врахоглядству.

Белые войска, конечно, во всех отношениях превосходили по духу и искусству Красную армию. Однако надо признать, что в период Гражданской войны мы грубо нарушали элементарные основы военного дела... Необычайно быстро войска забыли и требования полевого устава, и богатый опыт Великой войны... Простейшие тактические истины воспринимались как откровение...»⁶⁹⁴.

Военные специалисты, оставшиеся с красными, оценили тактические особенности Донской армии по-своему: «Конница противника, состоявшая в массе из казачества, в тактическом отношении наиболее косных и консервативных кадров старой царской конницы, особенно охотно и быстро вернулась (с поправкой за счет применения пулеметов) к тактике шока (конная атака и удар холодным оружием. — А.В.) и стимулировала этим такой же уклон у нас... Высшим отражением тактики этого периода явились конные побоища «большого стиля»⁶⁹⁵.

Действительно, многие донские генералы, проскучав в окопах Мировой войны, с упоением стали возрождать тактику стремительных ударов. Генерал Исаак Федорович Быкадоров основы организации боя казачьей конницы искал вообще в начале XIX века. Он писал, что есть три фазиса: «(завязка, подготовка, решение), своевременно-быстрое принятие идеи боя (выделение ударной группы), захват инициативы действий, нанесение решительного удара маневренной группой, осуществление принципа внезапности, творчество в комбинации способов, средств и приемов борьбы.

Все это приемлемо и правильно для ведения боя конницы и в современных условиях»⁶⁹⁶. Быстрота и инициатива ставились во главу угла даже в ущерб разведке. «Стремление к полноте сведений о противнике ведет к утере инициативы действий и к подчинению воле противника», — предупреждал Быкадоров⁶⁹⁷.

В боях сказывалось ожесточение, проявившееся с первых же дней восстания. Но проявлялось оно выборочно. Так, например, бои между казаками и коренными крестьянами до определенного момента велись с большой «прохладицей», как это случилось к северу от железной дороги Лихая — Царицын. Как докладывал 9 (22) мая подьесаул Попов из-под слободы Шараповки: «Противник никаких активных действий не проявляет. Разъезды болтаются по всему фронту от слободы Голово до слободы Степановка. По нашим разъездам открывают огонь с двух верст, а потом уходят в слободы». Однако чувствовалось общее положительное отношение крестьян к Красной гвардии и негативное к казакам («Жители относятся, по словам офицера, холодно и злобно») ⁶⁹⁸.

Казаки, в свою очередь, чутко прислушивались к настроениям населения на территории слобод. 7 (20) мая Попов докладывал: «Красногвардейцы держат себя нахально только потому, что, вступая в слободу, они рассчитывают на поддержку хохлов, которые наружно показывают благожелательность, а получается совершенно обратное.

Казаки ведут себя не воинственно и при первом случае удирают. Приказания точно не исполняют, многие приехавшие самовольно уехали»⁶⁹⁹.

14 (27) мая подьесаул Попов доносил: «Сильно заметно желание присутствия немцев. Казаки не особо доверяют офицерам».

Повстанцы смущались присутствием в их рядах казаков старых 27, 44, 28 и 2-го запасного полков, бывших «голубовских», «и еще близостью хохлов, так как считают их своими братьями, почему и производят без моего ведома мирные переговоры»⁷⁰⁰.

Потери во время таких боев были минимальны. Так, при попытках захвата слобод 12 (25) мая — 2 казака ранено, 2 лошади убито, 14 (27) мая — ранен 1 подводчик.

Офицеры как могли «подогревали» казаков, понуждали к более активным действиям. Так, 10 (23) мая «разъезд юнкера Хоперского атаковал конный пост противника к югу от Колушкина, который разбежался, а он ворвался в Колушкин, где выпорол попавшихся ему мужиков»⁷⁰¹.

Иногда, чтобы избежать кровопролития, казаки принуждали крестьянские поселения держать нейтралитет. Сохранилось постановление Васищевского товарищества в ответ на требование красногвардейцев прислать лошадей: «Лошадей отпустить в Шарпаевку рискованно, так как весь хутор будет разграблен казаками, потому что разведчики-казаки приезжают в хутор и делают проверку как солдатам (военнообязанным крестьянам. — А.В.), так и лошадям, категорически указывая на то, что если хутор перестанет быть нейтральным, то тогда пусть не гневается... Если же будут брать сегодня товарищи солдаты, а завтра господи казаки, то от хутора Васищева останется одно воспоминание»⁷⁰².

Краснов отмечал такой же случай с крестьянской слободой Мартыновкой в 1-м Донском округе: «Казаки долго не могли овладеть Мартыновкой лишь потому, что против нее действовали полки 1-го Донского округа. Большинство казаков имело своих жен из Мартыновки и, наоборот, многие крестьяне слободы были женаты на местных казачках. Борьба между родичами обращалась в нелепость. Ни казаки, ни слободские большевики не подходили друг к другу ближе, чем на две версты, боясь поранить своих. Только тогда, когда атаману удалось вывести части 1-го Донского округа на фронт 2-го Донского округа, а к Мартыновке направить полки Донецкого округа, «родственная» война окончилась»⁷⁰³.

Похожая картина наблюдается в Усть-Медведицком округе, где казаки сталкиваются с такими же казаками («мироновцами»).

На границе Дона и соседних губерний противники тоже старались держаться друг от друга подальше. Так, латыши-артиллеристы, прибывшие на донскую границу, жаловались, что наблюдательные пункты, и даже артиллерийские позиции, им приходилось выбирать «по обыкновению в настоящей войне впереди пехотных цепей»⁷⁰⁴.

Ситуация меняется (собственно и восстание отчасти из-за этого вспыхнуло), когда крестьяне (коренные или иногородние) или красногвардейцы входят на исконно казачью территорию. Накал борьбы сразу же резко возрастает. Так случилось, когда чехи и регулярная русская кавалерия (дивизия Киквидзе) двинулись по хоперским станицам. Так началось, когда украинская социалистическая армия Ворошилова стала прорываться на Царицын через донскую территорию.

Участник похода Ворошилова И.М. Мухоперец вспоминал, описывая один из дней, что на подступах к Обливской «десятки раз ходили в атаку пешие и конные белые части... Дважды дело доходило до рукопашных схваток, яростных, кровавых»⁷⁰⁵. Уже одно это прекрасно характеризует боевые качества зарождающейся Донской армии. «Штыковой удар при современном огне почти невозможен, — считали специалисты. — Но тем не менее способность доходить до него остается величайшим проявлением мужества, смелости, отваги, решимости, жертвенности, величайшее проявление боеспособности»⁷⁰⁶.

Ожесточение и отсутствие боеприпасов вызывали стремление казаков довести дело до рукопашной, где они несомненно были сильнее; изначально слабое руководство и устаревшая тактика способствовали такому развитию событий. Вспомним, как на Хопре храбрый интендант И.З. Гаврилов 17 раз водил казаков в конном строю на красные батареи.

Подобные боевые действия были чреваты огромными потерями. Тот же Мухоперец так описывает бой за Рычковские высоты, когда армия Ворошилова стала переправляться через Дон и передовые части ее заняли удобный плацдарм: «Не вытерпев или не надеясь на пехоту, конная бригада выстроилась на виду и с гиком бросилась на окопы Морозовского полка. Густая лавина всадников, сверкая на солнце шашками, стремительно приближалась... Ее косили из пулеметов, в упор били из винтовок, кромсали осколками снарядов, а она все катилась, умирая на лету...

Около сорока всадников перемахнули через наши головы и очутились в тылу, но там их тоже стерегла смерть: все они легли от картечи.

Исключительная по лихости и бессмысленности кавалерийская атака дорого обошлась белым... — бригада погибла целиком»⁷⁰⁷.

Большевики позже утверждали, что в этой атаке участвовали 47-й и 48-й конные полки белых. Но в тот период — июнь 1918 года — донские полки таких номеров не имели, с сентября 1918 года эти номера — 47-й и 48-й — получили 3-й и 4-й конные полки отряда войскового старшины Попова.

Возможно, определенную роль в таких атаках играло желание самих казачьих командиров подраться. Так, есаул (а затем генерал) А.М. Сутулов до войны преподавал фехтование в Николаевском кавалерийском училище и при каждом удобном случае демонстрировал свои навыки владения холодным оружием.

Впрочем, казаки не были самоубийцами и быстро извлекали уроки. Мухоперец, принявший участие в обороне Царицына, вспоминал: «Если в период первого окружения можно было наблюдать атаки конных масс на пехоту, то в период второго окружения (Царицына. — А.В.) конные массы стали играть роль ездящей пехоты»⁷⁰⁸.

Самоорганизация армии, выдвижение более способных командиров помогли донцам «выправиться» в короткий срок и разработать свою тактику.

В частности, Краснов описывал боевые действия, видимо, в более поздний период так: «Бой был краткотечен. Если он начинался с рассветом, то обыкновенно к полудню он уже завершался полной победой. Окопов и укреплений не строили. Самое большое, что окапывались лункой для защиты плеч и головы, большею же частью лежали открыто. Шанцевого инструмента было мало, да и окапываться мешала природная казачья леность. Тактика была проста. Обыкновенно на рассвете начинали наступление очень жидкими цепями с фронта, в то же время какою-либо замысловатой балкою двигалась обходная колонна главных сил с конницей во фланг и тыл противнику. Если противник был в десять раз сильнее казаков — это считалось нормальным для казачьего наступления. Как только появлялась обходная колонна, большевики начинали отступать, тогда на

них бросалась конница с леденящим душу гиком, опрокидывала их, уничтожала и брала в плен. Иногда бой начинался противным отступлением верст на двадцать казачьего отряда, противник бросался преследовать, и в это время обходные колонны смыкались с ним, и он оказывался в мешке. Такою тактикою полковник Гусельщиков с Гундоровским и Мигулинским полками в 2—3 тысячи человек уничтожал и брал в плен целые дивизии Красной гвардии в 10—15 тысяч, с громадными обозами и десятками орудий. Отличное знание местности, природная военная сметливость казаков, их неутомимость в преследовании сильно помогали им в этой тактике, всегда основанной на маневре»⁷⁰⁹.

В масштабе округа операция разворачивалась примерно по следующему сценарию: местные дружины упорно держались возле своих станиц, создавая устойчивую линию фронта или очаг обороны, а подвижная группа из полков и отрядов внутренних, не соприкасающихся с большевистской территорией округов перебрасывалась с места на место и вела, собственно, маневренную войну.

Малочисленность войск и богатые конские ресурсы региона привели к более широкому использованию гужевого транспорта для переброски войск с места на место. Первыми это применили «добровольцы», ушедшие из Ростова с 500 повозками и вернувшиеся с 1500⁷¹⁰. Донцы массовое использование повозок в боях и походах (что вело к такой же массовой потере конского состава) применили позже, когда не надо было привлекать лошадей из собственного хозяйства.

Роль подвижной группы на территории Усть-Медведицкого округа играли донецкие полки отрядов Фицхелаурова, на территории Хоперского — верхне-донские полки.

Эти подвижные группы, предназначенные для маневра и удара, выработали свою тактику, которую можно проследить на примере действий отряда генерала Гусельщикова.

Движение навстречу противнику осуществлялось следующим образом: за разъездами шел небольшой авангард во взводных колоннах, за ним — чтоб не отстали — интендантские команды, лазареты и штаб, далее — строевые части. То есть особой маневренности и активности от противника не ожидалось.

Войдя в соприкосновение с противником, пехотные части отряда (Гусельщиков охотно использовал «русские» отряды из добровольцев, такие как Богучарский отряд) рассыпали редкую цепь. Обозы и лазареты съезжали в сторону, в какую-нибудь низинку. Часть конницы разъезжалась, стремясь выиграть фланги противника. Три четверти отряда служили подвижным резервом и держались генералом в кулаке.

Авангард и пешая цепь нашупывали слабое место противника, одновременно концентрировалась отрядная артиллерия. Определялось место решающего удара.

Когда решение принималось, артиллерия открывала огонь, создавая огневую завесу, под прикрытием которой войска (в пешем строю) устремлялись вперед, не отвлекаясь на попытки обхода со стороны противника. Часть орудий выдвигалась прямо в цепь, на прямую наводку. Атака проводилась быстро, бурно, со стремлением довести дело до штыкового боя.

В критические моменты сам генерал бросался вперед с криком: «Противник бежит! Гляди — бежит!».

Довольно часто в боях ставка делалась на высокий боевой дух, на моральное воздействие.

Нечто подобное описывал генерал А.Г. Шкуро, когда рассказывал о бое под Горловкой (правда, в бою участвовали кубанцы и терцы): «Атака велась в конном строю. Казаки шли цепью, верхом и не стреляя. Артиллерия и пулеметы на тачанках выносились карьером на 500—1000 перед фронтом и открывали огонь. По мере приближения казаков стрельба красных становилась все более нервной, а потери наши уменьшались. Когда красные начали шевелиться, казаки обнажили шашки и с криком «ура» бросились вскачь. Большевики разбежались враспынную; казаки преследовали их, рубя и забирая в плен»⁷¹¹.

Всегда прослеживается стремление казаков (на всех уровнях) хоть как-то дезорганизовать противника и при первом признаке дезорганизации («начали шевелиться») — атаковать.

Как вспоминал один из эпизодов Гражданской войны маршал К.А. Мерецков, «вдоль лесной опушки гарцевали донцы, стремясь побудить нас к неорганизованным действиям». А как только малейшая неорганизованность проявилась, последовала атака — «Казаки мчались с гиканьем и свистом, свесившись набок с лошадей и выставив пики»⁷¹².

В случае поражения (особенно если бой велся на чужой территории) казаки предпочитали просто разбежаться, а затем собраться в условном месте.

Генерал Голубинцев вспоминал, как после поражения «разрозненные во время боя части к вечеру быстро собрались со свойственной казакам способностью быстро ориентироваться и находить свои части»⁷¹³.

Казаки не стремились (до определенного момента) уцепиться за территорию. Почти не практиковалось рытье окопов. «...Я совершенно не признаю сидения в окопах — на это способны только очень хорошо выученные войска, — считал известный генерал Слащев, — мы не выучены, мы слабы и потому можем действовать только наступлением...»⁷¹⁴.

Подобная тактика предполагала и соответствующие боевые порядки.

В пешеходных частях это была всем известная стрелковая цепь, только более редкая, чем в период Первой мировой войны.

В боях за Беловодск в 1919 году лейб-казаки развернули в боевой порядок повозки, на которых ехали их пешие сотни. «Пехота, подойдя на версту к городу, не слезая с повозок, построила фронт и рысью направилась к Беловодску. Подойдя на 700—800 шагов, казаки соскочили с повозок и под сильным огнем бегом атаковали противника»⁷¹⁵. Картина очень напоминает современную атаку с высадкой стрелков из БТРов и БМП.

Изменились боевые порядки пехоты для отражения атаки конницы. Если раньше, в период Мировой войны и в начале Гражданской войны пехота сбивалась в двухшереножный строй и вела огонь (2-я шеренга — стоя, 1-я шеренга — с колена), то при более редкой цепи порядок был другой. «При атаке они сбегались в малые группы, очевидно, повзводно, образовали ежа, то есть круг, ошетиненный винтовками»⁷¹⁶.

В коннице идеальным боевым порядком оставалась лава, корни которой терялись в скифских временах. В 1912 году этот казачий боевой порядок был принят всей русской кавалерией.

Лава представляла собой рассыпной строй, состоящий из звеньев (полувзводов). В зависимости от обстановки каждое звено могло самостоятельно сомкнуться, развернуться в одну шеренгу, рассыпаться в редкую цепь, спешиться прямо в боевых порядках и так далее. На флангах рассыпного строя выделялись

особые звенья — «крылышки». Позади — подвижный резерв, поддержка, называемая «маяком».

Ставка делалась на сработанность, слаженность каждого звена, на осознание задачи и точное беспрекословное выполнение любой команды каждым рядовым участником. Такая «сработанность» звеньев и казаков внутри каждого звена были естественным явлением в казачьих полках XVIII — XIX веков, когда в один полк и в одну сотню уходили служить казаки одной станицы, одного хутора, зачастую — родственники, которые знали друг друга с малых лет и понимали без слов. И возвращаться с войны им приходилось в родную станицу, где с каждого и за каждого спросят. При выборности командиров из своей среды (как было в XVIII веке и как вновь случилось на начальном этапе восстания) такая же внутренняя безмолвная связь в боевой работе была присуща взаимоотношениям между казаками и командным составом.

Внешне беспорядочный строй по безмолвному знаку мог сомкнуться и пойти стеной, рассыпаться, схлынуть, вновь налететь, обойти слева, справа, всем вместе или звеньями. Часть звеньев могла здесь же спешиться, не боясь подвергнуться удару, и спокойно обстреливать противника. Лучший рубака сотни (или просто звена) бесстрашно бросался вперед, зная, что звено прикроет ему бока и спину. В случае неудачи или заминки, когда судьба схватки висела на волоске, можно было отскочить, зная, что сзади есть еще лучшие из лучших — «маяк», которые прикроют.

В регулярной кавалерии такой слаженности действий стремились достичь усиленным обучением, но, как вспоминал отслуживший в гусарах, а затем попавший в лейб-казаки С. Голубинцев, казачья лава, состоявшая из земляков, станичников, на учениях всегда переигрывала ту «лаву», как ее понимала и составляла («рассыпала») регулярная кавалерия.

Б) ВООРУЖЕНИЕ

Вооружение Донской армии целиком досталось ей в наследство от Российской армии времен Первой мировой войны. Немцы с Украины поставляли такие же русские винтовки, захваченные на русских военных складах.

Винтовка Мосина образца 1891 года, калибр 7,62 мм, пятизарядная, со скорострельностью 10—12 выстрелов в минуту, прицельной дальностью 2000 метров (живую мишень могла поразить за 4 версты) и дальностью прямого выстрела по поясной мишени около 450 метров, была мощным и надежным оружием.

При ограниченности боеприпасов скорострельность большой роли не играла, на первый план выходила меткость стреляющих. Участники боевых действий отмечали, что проблемы со стрельбой возникли в «Молодой армии», так как молодые казаки «прошли очень малый курс стрельбы, ибо на их учебную стрельбу было отпущено очень мало патронов... Как общее правило, противнику на дистанции 1500—2000 шагов поражения не наносилось, а между тем огонь на этой дистанции уже должен быть действительным. Выручало то, что красные стреляли еще хуже»⁷¹⁷.

Кроме русских винтовок Мосина в источниках есть упоминания о наличии у повстанцев винтовок французских, итальянских, австрийских, германских, японских, румынских.

В качестве холодного оружия продолжали верно служить шашка и вплоть до конца Гражданской войны — пика (причем очевидцы говорили о белых флажках — значках — на пиках у казаков)⁷¹⁸.

Казачья шашка — холодное рубяще-колющее оружие с эфесом без гарды, традиционное оружие легкой иррегулярной конницы, была рассчитана на скоротечный бой, практически на первый и единственный упреждающий удар. Отсутствие гарды на эфесе не позволяло парировать ответные удары. Сама форма оружия предполагала для его владельца схему боя — налет, удар и отскок в случае отпора.

На вооружении донских казаков были шашки, введенные в русской армии еще при Александре III, в 1881 году. «Холодное оружие «системы 1881 года» за исключением некоторых изменений в эфесах офицерских шашек просуществовало вплоть до революции 1917 года и даже сохранилось до наших дней на вооружении Советской армии»⁷¹⁹.

При создании этой шашки за образец клинка были взяты кавказские клинки «волчки», «как оружие, оказывающее необыкновенные достоинства при рубке» (приказ по военному

ведомству № 222. 1881 г.). Шашка носилась на плечевой портупее лезвием назад. Е. Молло представил следующее описание казачьей шашки: «Кленок слегка искривленный, заостренный с одной стороны, но с концом заостренным и со стороны обуха, с одной широкой долой. Эфес медный. Гарда отсутствует. Рукоять деревянная, с вырезанными на ней диагональными желобками. Верхняя часть рукояти оканчивается медной головкой кавказского типа, с круглым отверстием посередине для темляка. Нижняя часть рукояти оканчивается медным наконечником. Клинок привинчивается к эфесу при помощи гайки, врезанной в головку. Ножны кожаные, с медным верхним и нижним наконечником и с двумя гайками. Верхняя гайка насажена на верхний наконечник т. о., что между наконечником и гайкой остается промежуток, в который пропускается верхний пасовый ремень портупеи. Нижняя гайка имеет кольцо для длинного пасового ремня портупеи. Длина клинка — 87 см»⁷²⁰.

Офицерская шашка отличалась клинком — с одной широкой и двумя узкими долами, медные части шашки и ножен были вызолочены. Рукоять деревянная, вычерненная. Длина — 71, 74, 76 и 81 см⁷²¹.

Возрождение роли и значения холодного оружия, его массовое применение породили массу легенд о страшных ударах, разрубающих человека пополам, об отрубленных головах и т.д.

Интересен в этом отношении диалог между двумя офицерами, приводимый С. Мамонтовым:

— Видишь иногда прекрасные удары: череп рассечен наискось, а вот отрубленных голов я не видел...

— Чтобы отрубить голову, вовсе не надо слишком сильного удара. Это вопрос положения, а не силы. Нужно находиться на том же уровне и рубить горизонтальным ударом. Если конный противник нагнется, а он всегда нагибается, то горизонтальный удар невозможен. Пехоту же мы рубим сверху вниз... Вот чтобы разрубить человека от плеча до пояса, нужна сила⁷²².

Пика (сохранившаяся в Красной армии до 1931 года) была простейшим в изготовлении оружием, но чтоб научиться владеть ею, требовалось гораздо больше времени. Зато всадник, хорошо владеющий этим оружием, становился в ближнем бою неуязвим и недосягаем. Офицер-«доброволец» отмечал в воспоминаниях: «Пика очень неудобна на походе. Но кто хорошо

ею владеет, тот обладает страшным оружием... Рана пикой почти всегда смертельна, во всяком случае, выводит из строя»⁷²³. Зная эту особенность, вся регулярная кавалерия Добровольческой армии носила пики.

Пика — традиционное оружие донских казаков — прекрасно зарекомендовала себя в Первую мировую войну. В кавалерийских боях «австрийцы не выдерживали вида пики и до стычки падали с лошадей»⁷²⁴.

Шашки, приобретавшиеся казаками при выходе на службу за свои средства, были фактически в каждом доме. Пики с 1912 года казакам стали выдавать уже на службе.

В противостоящих армиях широко применялось автоматическое оружие — станковые пулеметы «Максим» и «Виккерс» и ручные «Льюис». Маневренный характер войны и отсутствие достаточного количества артиллерии главным оружием делали пулемет.

В Донских полках были пулеметные команды — 6 пулеметов с прислугой. Опыта использования этого оружия было недостаточно. В русской кавалерии было 8 пулеметов на дивизию. «И притом их так берегли, что очень редко употребляли в дело»⁷²⁵. Но все же «набившие руку» пулеметчики, ветераны Мировой войны, творили чудеса. «Огонь был удачный: по хорошо видимым рикошетам страшно удобно было стрелять... удачной лентой на постоянном прицеле удалось уложить передовую цепь... Противник стремился теперь скрыться в Андреевку, а чем ближе к деревне, тем плотнее сбивались его кучки и тем разительнее был огонь нашего пулемета», — так описывается один из боев лейб-гвардии Казачьего полка⁷²⁶.

Однако общей бедой противостоящих сил была «разболтанность» оружия и низкая эффективность огня. Компенсацию искали в увеличении количества пулеметов и в их повышенной маневренности.

Своего рода новинкой Гражданской войны стало применение пулеметных тачанок, т.е. помещение пулемета на тачанку и создание таким образом подвижной огневой точки. Авторство этой «новинки» приписывали себе махновцы и красная кавалерия (дугенковцы и буденновцы).

В 1919 году пулеметы на тачанках стали применять и белые. Пулеметы на повозках использовались казаками еще в Степном

походе, но для стрельбы они сгружались. «Мы скачем к гребню. Житков плетью указывает место каждому пулемету. Схватываем их с повозок, устанавливаем их на гребне», — вспоминал участник похода⁷²⁷.

Шкуро применял пулеметы на тачанках в марте 1919 года под Горловкой. «Артиллерия и пулеметы на тачанках выносились карьером шагов на 500—1000 перед фронтом и открывали огонь»⁷²⁸. В Донской армии поставил на тачанки свои «Виккерсы» Атаманский полк⁷²⁹. Пулеметные тачанки осуществляли боковое охранение корпуса Мамонтова во время рейда в 1919 году⁷³⁰.

Впрочем, ряд источников сомневается в действенности такого пулеметного огня. Чтобы вовремя «с налета, с поворота» точно поразить цель, необходимо было добиться предельной сработанности возницы и номеров расчета, иметь хорошо обученных, привыкших к звукам выстрелов лошадей. В противном случае пулеметный огонь с тачанок вряд ли был действенным. Так описывал бой лейб-казаков с думенковцами генерал Дьяков: «На правом фланге его сотни стоял пулемет и бешено, но вряд ли в этот момент удачно сыпал свинцом: лошади от волнения плясали, танцевала с ними и двуколка»⁷³¹.

Огонь тачанок был страшен, когда велся одновременно несколькими пулеметами, не жалевшими патронов, и почти в упор. Генерал Голубинцев, участвовавший в бою под Белой Глиной в феврале 1920 года, так рассказывал о поражении своей 14-й конной бригады: «Бригада, выдвигаясь вперед, успевает развернуть два правофланговых полка и переходит в атаку на красных, идущих в линии колонн; в интервалах у красных пулеметы на тачанках. Крики «Ура!», и в одну минуту моя бригада от пулеметного огня теряет 150 всадников и лошадей...»⁷³².

Наученные горьким опытом Мировой войны казаки высоко ценили артиллерию. В начальные дни восстания «некоторые даже со слезами целовали пушки», прибывшие им на помощь⁷³³.

Донская артиллерия, сначала крайне малочисленная, состояла из легких орудий, «трехдюймовок» — скорострельных пушек калибром 76 мм образца 1902 года — и тяжелых полевых орудий калибром 122 мм.

Опираясь на опыт первых лет Мировой войны, армии воюющих европейских стран увеличили количество именно тяже-

лой артиллерии, доведя ее до 50 % всех оружейных стволов. Однако в Донской армии соотношение легких и тяжелых полевых орудий было примерно 10:1 в пользу легких.

Значительная часть орудий была отбита у большевиков. Даже когда поставки от немцев и союзников наладились, трофейные орудия не сбрасывались со счетов. Летом 1919 года генерал Мамонтов писал полковнику Голубинцеву, формирующему конную дивизию: «... пушки, если сами не отобьете, будут присланы»⁷³⁴.

Тяжелых осадных орудий почти не было. Об их покупке велись переговоры и с немцами, и с союзниками. Особенно резко вопрос о них стал при осаде Царицына.

Донские артиллеристы, имеющие опыт Мировой войны, были обучены как конная артиллерия, род войск, отличающийся быстротой, решительностью, точностью огня. Беспристрастные противники — латыши — постоянно отмечали меткую стрельбу донской артиллерии⁷³⁵.

На вооружении Донской армии были и бронепоезда, и броневики, и самолеты. Но части эти были в зачаточном состоянии (о чем ниже). На фронте летом 1918 года их почти не видели. И военную технику в начале восстания казаки иногда просто боялись. Как вспоминал генерал Голубинцев, столкновение с красными броневиками «навело большую панику на наши части, особенно на пехоту, и мы были принуждены отойти к границам области»⁷³⁶.

В) СНАБЖЕНИЕ

Проблемы вооружения напрямую связаны с проблемами снабжения. У восставших казаков сначала почти не было огнестрельного оружия. Оно было сдано расходившимися с Первой мировой войны полками на войсковые склады, которые к весне 1918 года оказались в руках большевиков.

Восставшие, по воспоминаниям генерала Голубинцева, имели примерно одну винтовку на трех всадников и по 5—10 патронов на винтовку. «У пеших хуторских отрядов винтовок совершенно не было...»⁷³⁷. Шашки и пики офицерами, имевшими опыт Мировой войны, как оружие всерьез не воспринимались.

Первоначально оружие захватывалось повстанцами у Красной гвардии и получалось от немцев. Тот же Голубинцев во главе усть-хоперских повстанцев захватил в Усть-Медведицкой 9 (22) мая 1918 года 9 пулеметов, 700 винтовок и несколько десятков тысяч патронов. В тот же день он получил первый транспорт с оружием от немцев — 8 пулеметов, несколько сотен винтовок, 50 снарядов. Затем вторично получили транспорт — 700 винтовок, 6 пулеметов, 50 снарядов⁷³⁸.

Впрочем материальную поддержку от немцев не следует переоценивать. Генерал Деникин приводил следующую таблицу к 1 августа 1918 года.

Донские казаки отбили у большевиков, получили у немцев:
Орудий — 1625.

Пулеметов — 7979.

Винтовок — 14 000, 11 700.

Снарядов — 7 600, 119 000.

Патронов — 4 322 тыс., 13 917 тыс.⁷³⁹

Учитывая, что на вооружении Донской армии к этому моменту числилось 93 орудия и 270 пулеметов⁷⁴⁰ (Краснов говорит о 175 орудиях и 610 пулеметах)⁷⁴¹, можно сделать вывод, что за исключением боеприпасов германские поставки не многим разнились с количеством обычных военных трофеев, а те и другие вместе взятые, без учета потерь, покрывали нужды армии на 50 %, а то и меньше.

Необходимо учитывать наличие на территории Дона старых складов оружия. Так, при занятии Великокняжеской и при формировании полков Сальского округа из окружных складов было выдано 6 июля 1918 г.

В Орловский полк — 400 винтовок, 24 тыс. патронов, 2 пулемета, 3 ленты.

В Зюнгарский калмыцкий полк — 2000 патронов.

В Великокняжеский полк — 2 винтовки, 2 пулемета, 8 лент, 1 орудие.

Охранной сотне Платовской станицы — 100 винтовок, 3000 патронов.

Охранной сотне Денисовской станицы — 100 винтовок, 3000 патронов.

Охранной сотне Орловской станицы — 100 винтовок, 3000 патронов.

Охранной сотне Иловайской станицы — 50 винтовок, 1500 патронов⁷⁴².

Мы видим, что наново формируемые полки (Орловский) и уже успевшие повоевать (Великокняжеский) снабжались в зависимости от потребностей. Видна и норма снабжения боеприпасами — 60 патронов на человека в полках, 30 — в гарнизонах.

Ясно, что войсковых запасов для ведения войны было недостаточно, хотя в Новочеркасске работала оружейная мастерская, а Азово-Донской завод производил снаряды. Краснов писал, что «артиллерийским и интендантским довольствием Донское войско снабжалось сначала исключительно ввозом из Украины...»⁷⁴³. В августе 1918 года было заключено секретное соглашение, по которому Украина передавала Дону оружие на вооружение трех корпусов⁷⁴⁴. Однако Краснов планировал наладить собственное военное производство. В ноябре 1918 года на Дону уже производилось 300 000 патронов ежедневно. «С весны 1919 года Донская армия должна была совершенно выйти из-под иностранной опеки...», — писал Краснов⁷⁴⁵.

Снабжение воинских частей (станичных полков и дружин) одеждой и продовольствием было сначала возложено на их станицы. «Для хозяйственных целей сами станицы отряжали к отряду несколько “общественных деятелей”, представителей кооперации или торговых казаков, которые распределяли добычу, взятую у неприятеля, и заботились о правильном снабжении всем необходимым отряда. Добыча, из чего бы она ни состояла, считалась собственностью отряда и сейчас же шла: одежда и оружие на пополнение отряда, а остальное отправлялось в станицу, к себе, в дома, или в общую станичную казну»⁷⁴⁶.

В армии господствовал режим экономии. Приказом № 77 от 21 июля табачное довольствие выдавалось только тем, кто купит, выдача денег взамен табаку не производилась⁷⁴⁷.

Г) ТЕХНИЧЕСКИЕ ЧАСТИ

Технические части армии были в зачаточном состоянии. К 1 (14) августа в них входил Донской самолетный отряд из 10 самолетов (14 офицеров, 156 казаков), из них 4 были исправны, 6 неисправны.

Донской броневой железнодорожный дивизион был создан и начал действовать в июле 1918 года, после того как в Азове нашли 2 брошенные большевиками броневые площадки. Их дополнили вагонами, забронировали в Юго-Восточных железнодорожных мастерских и направили в Задонский район, где они отличились у Зимовников, Ремонтной, ст. Гашун. Судя по отчету генерала Денисова, к 1 (14) августа в состав броневого железнодорожного дивизиона входило 5 бронепоездов (32 офицера, 210 казаков), из которых исправных было 3. Сохранился приказ № 656 от 3 (16) августа о формировании бронедивизиона из 3 бронепоездов под командованием военного инженера подполковника Кондырина и о пополнении его за счет казаков последнего призыва.

Броневой автомобильный дивизион к 1 (14) августа 1918 года состоял из 2-х броневиков, отбитых у красных и отремонтированных в Новочеркасске. Там же стали строить новый броневик на базе грузового 5-тонного автомобиля «Пирс-Арроу». К середине сентября 1918 года он был готов. В составе броневого дивизиона числилось 8 офицеров и 38 казаков⁷⁴⁸.

Существовала команда самокатчиков, в нее входили 10 самокатов и 6 мотоциклов (2 офицера, 30 казаков).

Химзвод (2 офицера, 30 казаков) имел 257 баллонов с хлором и 15 тысяч дымовых шашек.

Всего в технических войсках числилось 58 офицеров и 470 казаков.

Действовала Донская военная флотилия. Костяк ее составляла атаманская яхта «Пернач» (бывшая «Колхида»), которая с конца 1916 года находилась в ремонте в Ростовском порту. Вооружение ее состояло из двух 120-миллиметровых орудий.

В боевых действиях приняли участие речные канонерские лодки «Донец», «Кубанец», «Вольный казак», «Цимла».

В августе 1918 года «Донец» и «Кубанец» двинулись из Ростова вверх по Дону. «Кубанец» не смог преодолеть Нагавского переката и вернулся. «Донец» же фланговым огнем поддерживал наступление казачьих частей от Нагавской и выше, у хутора Быстрянского сбил красную артиллерию, а затем отразил наступление красных на станицу Потемкинскую. Туда же, на Потемкинскую, была направлена канонерская лодка «Вольный

казак», которая до этого участвовала в боях за очищение «левого» (восточного) берега Азовского моря. Последней к флотилии присоединилась отремонтированная канонерская лодка «Цимла», принявшая участие в бою у хутора Красный Яр.

17 (30) августа приказом № 776 в состав флотилии были включены отбитый в Ейске ледокол «Горгипия», переименованный в «Атаман Каледин», и паровой катер «Ворон», переименованный в «Генерал Бакланов».

Д) РАЗВЕДКА И КОНТРРАЗВЕДКА

Разведка и контрразведка, как организации, были на Дону делом новым и имели здесь слабую базу. Большинство донцов, как и все истинные рубаки, к этим организациям относились с нелюбовью. Разведчики-профессионалы жаловались, что «строгие начальники к политической части относились с каким-то предубеждением, почти никогда не оказывали никакого содействия...»⁷⁴⁹. Профессионалы же, как мы видим из первого заявления, тесно связывали разведку, контрразведку и политическую работу. Сами донцы старались с этим делом не связываться.

В 1917 году начальником контрразведки на Дону был назначен генерал Жерве, «генерал радио-телеграфной службы», а штатом осведомителей заведовал подъесаул Б., носивший «наставную бороду»⁷⁵⁰. Генералу Жерве подчинялся карательный отряд донской контрразведки — «отряд особого назначения прапорщика Орла», которым реально руководил поручик Кравцов — офицер для особых поручений при Жерве.

«Первый блин — комом». Деятельность донской контрразведки в этот период трудно назвать удачной. Недоброжелатели в эмиграции вспоминали, что контрразведка упустила хорунжего Автономова, будущего красного главковерха, зато обстреляла автомобиль начальника обороны Новочеркасска полковника К.А. Туроверова. Венчало все драка «особого отряда» с мобилизованными «стариками»⁷⁵¹.

2 (15) февраля генерала Жерве отрешили, контрразведку возглавил начальник офицерского резерва генерал Груднев, который со взводом чернецовских партизан с 2 (15) по 12 (25) февраля провел аресты сочувствующих большевикам.

В это же время на территории Дона существовала и более профессиональная организация — при штабе командующего войсками Ростовского военного округа (командующий войсками — А.П. Богаевский, начальник штаба — генерал Степанов) было Особое отделение (начальник отделения — Д.М. Афанасьев) и в нем чиновники для особых поручений⁷⁵². В другом месте А. Падалкин говорит, что при штабе командующего войсками Ростовского округа был политический отдел, а в нем — офицеры для секретных поручений⁷⁵³.

После эвакуации Ростова чиновники особого отделения штаба Ростовского округа были прикомандированы к штабу походного атамана. А. Падалкин вспоминал, что когда уходили в Степной поход, «в это же время полковник Сидорин с начальником особого отделения (политическим) Д.М. Афанасьевым в штабе походного атамана инструктировали лиц, оставляемых для секретной работы в Новочеркасске, Ростове и других местах области, снабжая их деньгами и соответствующими документами. Таких лиц было оставлено в Новочеркасске около 20 человек, главным образом студентов и молодых офицеров. Одни из них погибли, другие блестяще выполнили возложенные на них задания»⁷⁵⁴. Таких же агентов оставило в Ростове командование Добровольческой армии. Во главе этой подпольной организации стоял И.А. Добрынский, который с марта 1918 года поддерживал связь с «добровольцами» через капитана Натуса — начальника команды связи Корниловского полка⁷⁵⁵.

Попов «при помощи Особого отделения своего штаба руководил всей работой по подготовке казачьих восстаний, не жалея никаких средств и не упуская ни одной возможности»⁷⁵⁶.

В отряде Попова обе организации действовали параллельно: «Обязанности начальника разведывательного и контрразведывательного отделения выполнял начальник военно-следственной комиссии генерал Жерве... Особое место при штабе занимало Особое отделение штаба Ростовского Военного округа под начальством инженера Д.М. Афанасьева, с помощником на должности чиновника для особых поручений А.П. Падалкиным и 16 секретных сотрудников»⁷⁵⁷.

«Генерал Попов всегда придавал большое значение, как одному из видов борьбы с красными, пропаганде и политической разведке в их стане, — вспоминал Падалкин. — Пользуясь трех-

дневной остановкой в Веселом, он приказал начальнику Особого отделения Д.М. Афанасьеву собрать всех сотрудников и провести с ними двухчасовую «беседу» об их работе среди местного населения, где будут проходить партизаны, о среде Красной гвардии, о казачьих настроениях, о мероприятиях советской власти на Дону и т.д. и просил Афанасьева два раза в неделю представлять ему сводки «казачьей температуры». В этом отношении он оказался очень требовательным и никогда не довольствовался сухими докладами, но требовал материалы, на основании которых эти доклады основывались, и глубоко вникал во все слышанное. Основываясь на полученных сведениях, он сам вел особые таблицы по округам, отмечая изменение казачьих настроений и мероприятий советской власти, и, принимая то или иное решение, всегда пользовался собранным у него материалом»⁷⁵⁸.

Агентурная разведка приступила к работе немедленно. Так, перед занятием Великокняжеской туда были посланы агенты Особого отделения. Хорунжий Калмыков донес, что станица занята красным отрядом Кулакова.

В Великокняжеской количество членов Особого отделения было увеличено на 6 человек «из числа партизан, имевших склонность к «сильным ощущениям», для установления связи с подпольными организациями»⁷⁵⁹.

Оставшийся в Новочеркасске по приказанию П.Х. Попова сотник Кузнецов разослал по станицам для организации восстаний много студентов, учащейся молодежи. Сразу же появились первые жертвы среди подпольщиков — в Кривянской были расстреляны студенты В. Стефанов и С. Ершов.

Большевистская разведка предприняла ответные шаги — «из-за разбросанности отрядов в них велась пропаганда неизвестно как проникающей советской агентуры»⁷⁶⁰.

Хорошо поставленная агентурная разведка дала свои плоды. Решение о походе из степей на Дон было принято 16 (29) марта после того, как Афанасьев сделал «доклад о положении на Дону на основании советских газет, показаний населения, пленных и наших агентов»⁷⁶¹.

«Начиная с ночи 17 марта, в штаб походного атамана начали возвращаться посланные в разные концы Войска агенты Особого отделения», из их докладов вытекало, что температура «поднялась до вспышки»⁷⁶².

Из Аксайской в Добровольческую армию был послан агент Особого отделения старший урядник Зацепин⁷⁶³, что обеспечило «добровольцев» информацией о событиях на Дону.

После создания Донской армии органы разведки и контрразведки были организованы при штабе армии и при штабах командующих войсками округов. Процесс этот затянулся. Так, еще 19 августа (1 сентября) 1918 года в войска было послано приказание в связи с активизацией разведки противника «установить самое строгое и бдительное наблюдение за прибывающими в части районов офицерами». Приказание было подписано начальником управления дежурного генерала генерал-майором Бондаревым и начальником отдела 1-го инспектора полковником Мягковым.

Руководство этими структурами в округах поручалось младшим офицерам. Так, начальником разведки в Верхне-Донском округе был сотник И.Г. Сафонов, а «заведующим фронтовой разведкой штаба войск Усть-Медведицкого района» в сентябре 1918 года был прапорщик Федоров.

Довольно часто разведкой и контрразведкой руководил один человек, объединяющий в одной структуре эти службы в нескольких армиях или фронтах. Так, разведкой, а заодно контрразведкой Южной армии, Северного фронта и Северо-Западного района Донской армии руководил полковник Иван Макри (он же Бармин).

Оперативная служба всегда была тесно связана со службой разведки. Полковник Добрынин, начальник разведки, затем стал начальником оперативного отдела штаба Донской армии, а переводчиком разведотдела с 1 (14) ноября 1918 года стал сотник В. Греков — бывший помощник начальника оперативного отдела.

Осенью с созданием фронтов при них стали создаваться контрразведывательные пункты. Так, 28 сентября (10 октября) начальник штаба Донской армии Поляков телеграфировал командующему Северным фронтом генералу Иванову: «Прошу поручить организацию контрразведки при штабе Северного фронта в Вёшенской полковнику Макри». 3 (16) октября начальник контрразведки Донской армии полковник Кунаков телеграфировал начальнику штаба Северного фронта Зембрицкому: «При вверенном вам штабе будет организован контрразведывательный

пункт с непосредственным подчинением таковому же отделению Войскового штаба». 7 (20) октября Зембрицкий получил уточнение от полковника Кислова: «Полковнику Макри предоставляется самому решать вопрос о расположении пункта, докладывая результаты работы штабу Северного фронта».

Однако на местах возникали осложнения. 19 декабря (1 января) Зембрицкий жаловался, что полковники Савватеев и Рытиков выгнали контрразведчиков из вверенных им частей.

Можно сказать, что контрразведка в Донской армии реально стала складываться на рубеже 1918 и 1919 годов. 21 декабря (3 января) Зембрицкий просит утвердить штаты и денежные авансы и выслать контрразведчиков в штаб фронта. В тот же день полковник Одноглазков ходатайствует об организации контрразведки в войсках Северо-Западного района под началом полковника добровольческого отряда Волкова.

Весной 1919 года в полках, державших оборону по Донцу, были образованные разведывательные пункты. Эти пункты высылали в качестве агентов на территорию противника женщин, и даже представителей духовенства⁷⁶⁴. Зачастую разведывательная деятельность этих агентов сочеталась с агитационной. На фронте создавались агитационные отряды, агенты которых высылались на территорию противника и занимались там, естественно, не только агитацией.

В конце 1919 года ситуация не стала лучше. Так, стремясь польстить командовавшему в то время Донской армией генералу Сидорину, офицер разведки А. Падалкин осветил вопиющие факты: «Сидорин сам пишет воззвания и обращения к Красной армии и ее командованию и сам же разбрасывает эту литературу на позициях и в тылу противника. Нередко в таких случаях, как и для разведки, он вылетал сам без пилота»⁷⁶⁵.

Окончательно структура контрразведки была сформирована лишь в 1920 году. У Врангеля в Крыму в штабе Донского корпуса было создано политуправление под командованием полковника К.В. Моргунова и в штабах дивизий политические пункты из 2-х штаб — и обер-офицеров для поручений по политической части⁷⁶⁶.

Масса огрехов было в постановке этой работы и у красных. Так, начальник разведки Инзенской дивизии «Мамонтов — сам рабочий Луганска — регулярно переходил линию фронта,

объезжал своих друзей и знакомых в тылу противника, получал от них нужные сведения, и в обобщенном виде мы представляли их командованию дивизии», вспоминал «особист» этой дивизии⁷⁶⁷.

Наряду с обычной полевой и агентурной разведкой казакам на Дону была гарантирована поддержка местного населения и информация от него. Как вспоминал К.А. Мерецков, в то время служивший в 14-й стрелковой дивизии Красной армии, «женщины-казачки, и даже их дети, не сообщали нам сведений ни о чем. Зато армия генерала Сидорина имела впереди себя много глаз и ушей и располагала поэтому достаточной информацией о всех наших передвижениях»⁷⁶⁸.

В каждом деле важен результат. Если мы обратим внимание на разведывательные карты войск Хоперского округа за лето — осень 1918 года, хранящиеся в ГАРО, то увидим, что нанесенные на них данные о противнике очень четкие, детальные и верные (иногда численность красных слегка преувеличена). Одну погрешность позволяли себе штабисты — командующий против них красный казак Миронов иногда на картах пишется как «Миронович».

Е) КАРАТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

Еще до освобождения Новочеркасска был создан Суд «Защиты Дона», который своими правами был равен военно-полевому суду. В суд входили 5 лиц: 2 от «Совета обороны», 2 представителя от полков, 1 (председатель) по назначению командующего армией⁷⁶⁹.

«По освобождении Новочеркасска были учреждены особые Народные суды для разбора политических дел». Такой суд был учрежден в станице Манычской, в него входили представители станиц Богаевской, Манычской, Ольгинской, Старочеркасской, Егорлыкской, Кагальницкой, Мечетинской и Хомутовской. Эти суды были упразднены в августе 1918 года⁷⁷⁰.

Позже в условиях жестокой войны (в некоторых районах она приняла характер войны на уничтожение) орудием борьбы стали военно-полевые суды. Приказ об их учреждении за № 73 вышел 17 (30) мая 1918 года. Они учреждались временно распоряжением командиров полков и высших военных начальников,

окружных атаманов, начальников гарнизонов в составе трех лиц и делопроизводителя: «председатель из строевых офицеров (по возможности с юридическим образованием) и два члена из воинских чинов без различия чина и звания». Под военно-полевой суд попадали за дела, «виновность в совершении которых подсудимых настолько очевидна, что по ним не требуется предварительного следствия».

Таким судам были подсудны и военные чины, и гражданское население. Гражданские — за службу на руководящих и ответственных должностях в органах советской власти; за выдачу лиц, «своей общественной или военной деятельностью служивших интересам защиты Родины»; за «участие в вооруженных организациях, преследующих задачи подчинения Родины большевистской власти» и т.д.

Под военно-полевой суд попадали за умышленные убийства, изнасилования, разбои, грабежи и умышленные поджоги; за организацию стачек в местности, объявленной на осадном или военном положении; за шпионаж и т.д.

За все это судились и военнопленные.

Суд мог приговорить к расстрелу. При смягчающих обстоятельствах — к каторге на срок от 4 до 20 лет. Минимальное наказание — арест до 3 месяцев и штраф 3000 рублей⁷⁷¹.

Примером может служить приговор 25 августа (7 сентября) 1918 года. «Военно-полевой суд 97-го Донского казачьего пешего полка признал мещанина города Азова Семена Козьмина Евтушенко виновным в службе в Азовском революционном полку на должности полуротного командира — на руководящей и ответственной должности в большевистской организации и приговорил его к лишению всех прав состояния и смертной казни через расстрел.

25 того же августа этот приговор приведен в исполнение»⁷⁷².

К Красной гвардии, как видим, относились как к преступной организации.

Такие суды, естественно, служили подтягиванию дисциплины. 5 октября в Урюпинской засудили 30 человек — пулеметную команду 1-го Хоперского пешего полка. Получившие от 1 года до 10 лет казаки подали прошение: «Раньше мы не знали, что был приказ и постановление Большого Войскового Круга о том, что все приказы начальников должны исполняться беспрекословно без

всяких разговоров. Теперь мы узнали об этом и глубоко раскаиваемся в своем проступке». Далее казаки просили направить их на позиции воевать⁷⁷³.

Впрочем, хоперцы еще легко отделались.

В мае 1918 года 300 казаков Елизаветинской станицы отказались выступать на Батайский фронт, просили оставить их в станице, так как опасались наступления на Елизаветинскую большевиков из Азова. 8 из них были арестованы и трое — Аханов, Пустынников и Терезников — 2 июня расстреляны.

Были, конечно, и перехлесты. Так, 4 казаков Михайловской станицы, мобилизованные в Красную армию и перебежавшие 3 (16) сентября 1918 года с оружием и лошадьми к белым, получили у тех же белых по 4 года за службу в Красной армии⁷⁷⁴. Может быть, их лошади кому-то из казачьего начальства понравились.

В округах, удаленных от Новочеркасска. Судебная система прошла примерно такой же путь. Как и в центре. Так, в Усть-Медведицкой 14 (27) мая была создана Следственная комиссия, которая вела следствие, а «судил» начальник гарнизона. Затем, в начале июня был создан Военно-народный суд (при нем — следственная комиссия) и, наконец, 13 (26) июля он был упразднен и учрежден военно-полевой суд. Окружная следственная комиссия была сохранена и состояла из 8 человек, имеющих юридическое образование⁷⁷⁵.

Судебная часть в войсках, как и разведка, была отдана под начало младших офицеров. Так, заведующим судной частью войск Усть-Медведицкого района был хорунжий Зотов⁷⁷⁶.

Прокурор Донской армии И. Калинин писал впоследствии об очень серьезных нарушениях. В Ростове начальником контрразведки и военно-полевого суда был войсковой старшина Икаев (впоследствии начальник партизанского отряда), «хулиган по поведению», о котором градоначальник Греков писал в приказе: «Он хотя и не юрист, но дело понимает... Отправление правосудия начиналось с вопроса, сколько подсудимый может дать, чтоб его отпустили с миром»⁷⁷⁷.

В это же время создавались различные отряды «Особого назначения», которые тоже выполняли функции суда и расправы. Деятельность их так описывает очевидец: «Наши казаки ушли под Царицын воевать с красными. После ухода луганских поездов

и остатков отрядов Щаденко и Романовского в станицу пришли казаки Романа Лазарева — крутинский летучий отряд. За убитых казаков и сожженные хутора казаки отряда сожгли слободу Головку и половину Скасырской. Лазарев с отрядом рыскал по хуторам, искал спрятавшихся участников поджогов и убийств. Сам он был тоже полубандит, песни пел да танцевал с бабами в станице, пока другие погибали под Царицыным...»⁷⁷⁸.

Роман Лазарев, любимец П.Н. Краснова, служивший под его началом в Мировую войну в 10-м Донском полку, известен был «храбростью и удалым бесшабашным характером, разгульным пьянством и веселою гульбою с казаками».

Известно было, что карает он хутора и станицы «лишь только за то, что по велению Лазарева хутор или станица не давали требуемого количества самогона, или не приводили для забав лазаревской опричнины красивых девок...»⁷⁷⁹.

В начале июля, в весьма напряженное время, он прибыл с отрядом в Усть-Медведицкую, где чуть не выпорол героя Мировой войны Козьму Крючкова. А затем собрал на площади станичный сбор и демонстрировал народу веревку, на которой завтра повесит Миронова, хвастал, что приведет Миронова «на веревочке как бычка»⁷⁸⁰.

Речь Лазарева произвела очень глубокое впечатление на присутствующих: «Давно не слышал таких речей... Ах, и прекрасно гутарил, дай ему Бог здоровья! До чего душа истосковалась об казачестве... слеза текеть», — говорил один старик⁷⁸¹.

В Усть-Медведицкой Лазарев лично расстреливал по 2—3 человека в день. Всего расстрелял 22.

Невзирая на бандитские наклонности, руководители карательных отрядов могли рассчитывать на всепрощение властей. Так, 9 (22) января 1919 года военный суд приговорил войскового старшину А.В. Икаева, начальника 1-го партизанского отряда, за умышленное в состоянии раздражения убийство при уменьшающих вину обстоятельствах к 10 годам тюрьмы с лишением чинов. Но сам же суд подал ходатайство о полном помиловании, и 14 (27) января сам Денисов «даровал помилование» Икаеву⁷⁸², который сразу же отбыл со своим отрядом на фронт.

Были случаи, когда «партизанские» и «карательные» отряды создавались самочинно с целью сведения личных счетов.

14 (27) июня 1918 года Верхне-Донской окружной атаман Алферов жаловался Донецкому окружному атаману Краснянскому на то, что из Каменской в Краснокутскую и Боковскую пришел некий «карательный отряд»: «Имею сведения, что некоторые лица, опираясь на отряды, потеряли чувство меры»⁷⁸³. 4 (17) июля Краснянский телеграфировал Алферову: «Появляющиеся в районе вашего округа с целью ареста жителей партизанские отряды — самочинные и подлежат задержанию и аресту»⁷⁸⁴.

В целом у жителей к таким отрядам было отрицательное отношение. Известный калмыцкий деятель Абуша Алексеев участвовал в формировании калмыцкого полка, «имея ввиду этим избавить калмыков, рассеянных по разным частям, от роли исполнителей всяких карательных мероприятий, что должно было повести к озлоблению мужиков по отношению к калмыкам просто на национальной почве»⁷⁸⁵.

Отрицательное отношение к карательным отрядам прослеживается и у казачьей интеллигенции: «Эти отряды не думали, не жалели, не судили и не миловали. Они делали только единственное — карали... Эти “карательные отряды” (придуманные каким-то умником) немало казаков поделали “красными”⁷⁸⁶. То есть, боясь их, многие казаки бежали к красным.

Ж) ФОРМА ОДЕЖДЫ, НАГРАДЫ, ЗНАМЕНА

Гражданская война всегда отличается своеобразием в области военной формы. Гардемарины, бежавшие на Дон и получившие в Новочеркасском казачьем училище кавалерийские шинели, выглядели так: «брюки навывпуск, кавалерийская шинель и морская фуражка с ленточками»⁷⁸⁷.

Любая народная армия сталкивается с проблемой единой униформы. Роман Гуль так описывал казаков-стариков, поднявшихся против большевиков в начале февраля 1918 года: «Кто в чем, бородатые, на разномастных конях, с разнообразным оружием, казаки напоминали войска Ермака, Разина, Булавина». Но на Дону, как и в других казачьих областях, этот вопрос был легко разрешим. Еще в середине XIX века Донской Атаман М.Г. Хомутов (первый неказак, занявший этот пост) отдал приказ по Войску, чтобы казаки и будучи не на военной службе носили военную форму. Хомутов мотивировал это тем, что предки

наши не знали иных украшений, «кроме воинских доспехов». А кроме того, надо помнить, что Войско в тот период подчинялось Департаменту военных поселений.

С того времени военная форма стала повседневной одеждой донцов и на службе, и дома, в будни, и в праздники, и превратилась в своего рода национальный костюм, который менялся по мере того, как менялась военная форма русской армии.

К началу описываемых событий «молодежь» — участники Первой мировой войны — естественно, имела форменную одежду казачьих войск. Это были гимнастерки из «материала зеленовато-серого цвета», такого же защитного цвета фуражки с ремешком на твердом каркасе, серо-синие шаровары с лампасами, сапоги. Зимой носилась шинель и папаха черного меха с красным верхом. С. Мамонтов описывал донцов так: «Донцы одеты в фуражку, гимнастерку, синие шаровары с широким красным лампасом... Шпор казаки не носят, а нагайку. Она надевается на кисть правой руки или накидывается на высокую переднюю луку седла»⁷⁸⁸.

Так же одевались офицеры. Кубанский полковник Ф. Елисеев так описал увиденного им весной 1920 года донского сотника: «Одет он был в темно-синие бриджи с красными лампасами, в фуражке, в гимнастерке, поверх которой была добротная меховая тужурка. На нем хорошего качества боксовые сапоги»⁷⁸⁹.

«Старики» donaшивали мундиры старых образцов (до реформы 1907—1909 годов). Образцы эти отличались и покроем и цветом, но определенное однообразие все же прослеживалось. Тот же Роман Гуль описывал увиденных им весной 1918 года на станции Лежанка первых восставших казаков: «В синих полуподдевках, шаровары с красными лампасами, фуражки лихо сбиты набекрень, из-под них торчат громадные вихры волос». «Синяя полуподдевка» — это старая форма. И дальше, в станице Егорлыкской, Гуль увидел казаков в одежде таких же цветов: «Попадают пешие вооруженные казаки, в синих кафтанах, в шароварах с лампасами. Едут верховые на рыжих лошадях...».

Чтобы носимая казаками одежда стала настоящей военной формой (хотя бы старого образца), достаточно было прикрепить к ней погоны (что и было приказано Кругом Спасения Дона), а к головным уборам — кокарды.

Если кто и не имел военной формы на начальной стадии восстания, так это командный состав восставших. Сказывались широко распространенные и сохранившиеся до мая 1918 года антиофицерские настроения, поэтому даже приглашенные, «призванные» казаками вожди не рисковали носить офицерские шинели. Прибывшие в Новочеркасск «дроздовцы» такими увидели вождей восставших казаков: «...в пустой и холодной комнате увидели сидящего на единственном стуле за столом человека в штатском пальто — походного атамана Войска Донского — генерала Попова»⁷⁹⁰. Руководивший боем генерал Денисов был «в черном пальто с белой повязкой на рукаве»⁷⁹¹.

Первый приказ об упорядочении военной формы исходил от походного атамана П.Х. Попова 13 (26) апреля 1918 года: «Во время пребывания в войсках Южной группы, походный атаман обратил внимание, что не только казаки, но и большинство офицеров не только не носят погон, но не имеют и военной формы, и поэтому их не всегда можно отличить от красногвардейцев. Во избежание “недоразумений” во время боевых действий, генерал Попов отдал приказ всем имеющим форму носить погоны, а кто ее не имел — нашить на головные уборы белые полосы, которые должны были их отличать от красных. Этот отличительный знак сохранился в Донской армии всю Гражданскую войну»⁷⁹². Иногда белые ленты на фуражках содержали какую-либо надпись. Так, пешие части отряда генерала Гусельщикова имели надпись «Смерть красным»⁷⁹³.

Очевидцы так описывали казачьи полки, вступавшие 17 (30) июля в слободу Михайловка: «На фуражках, рукавах белые знаки», «...казачьи полки с белыми знаками жизни на рукавах...»⁷⁹⁴. «Знак жизни» — «V» — «Vita».

Можно утверждать, что после соответствующих решений Круга Спасения Дона восставшие казаки «мобилизованной» армии были одеты либо в обычную форму времен Первой мировой войны, либо в форму «мирного времени», если можно так выразиться — времен Русско-японской войны. А.Н. Толстой в романе «Хлеб» так описал восставших «стариков»: «Десять бородатых казаков, с лампасами на штанах, с погонами на узких черных мундирах, проскакали вслед, высоко стоя в седлах, неуклюже и тяжело махая шашками».

Казаки Дзюнгарского калмыцкого полка обмундированием не отличались, но предпочитали носить фуражки мирного времени с синим верхом.

Впрочем, сами казаки часто шли на нарушение формы еще до Первой мировой войны. Возвращаясь со службы, «дембеля» специально тупили кончики пик, «наращивали» голенища сапог, меняли свои фуражки с широкой тульей на твердом каркасе («хлебoreзки») на фуражки «немецкого образца» и т.д.

Новые элементы в существующей форме одежды Краснов ввел для «Молодой армии»: «фуражка защитного цвета, мундир защитный, воротник полутложной с петлицами, шаровары серо-синие с лампасами, папах без кокарды, шинель без пуговиц, полушубок». Интересно то, что мундир с полутложным воротником по форме больше напоминал немецкий, чем русский.

Дивизия от дивизии в «Молодой армии» отличались цветом папах. В 1-й дивизии они были черные, во 2-й — коричневые, в 3-й — белые (исключение в 3-й дивизии составлял 11-й полк, носивший «баклановскую» форму).

Цвет погон сохранился от старой армии. 3-й Калмыцкий полк носил желтые погоны.

Казакам самолетного отряда были присвоены алые погоны (офицерам — серебряные) с эмблемой — вертикальный пропеллер и «крылышки» и шифровкой «1 Д».

Многочисленные партизанские отряды отличались и шифровкой, и формой. Еще зимой 1917—1918 годов в боях под Таганрогом партизаны Семилетовского отряда на воротниках полушубков выводили химическим карандашом букву «С». Уже после создания Донской армии особую форму носили партизаны Алексеевского отряда в Усть-Медведицкой. Во время боев за Усть-Медведицкую партизаны отбили у красногвардейцев имущество женского Преображенского монастыря. «В благодарность монастырь преподнес каждому партизану белую гимнастерку с синим треугольником на левом рукаве, на котором были белый вышитый череп, две скрещенные кости и по углам треугольника три белые буквы: АРО»⁷⁹⁵.

Донские казаки к полковым знаменам, как символу чести, доблести и героизма, особо трепетно никогда не относились и у других такого отношения не предполагали. До середины 70-х

годов XIX века донские полки были переменного состава, постоянно формировались и через 3—4 года распускались. За долгую службу казак успевал поменять как минимум 2—3 полка. И службу нес всякий раз под новым знаменем.

Знамена, выдаваемые в этот период полкам, отличались и цветом, и символикой. Так, в 1862 году сформированным полкам выданы следующие знамена: полку № 3 — шелковое алое знамя с изображением Воскресения Христова с серебряной бахромой, серебряными шнурами и серебряными кистями; полку № 5 — шелковое белое знамя с изображением Нерукотворного образа Иисуса Христа с серебряной бахромой, серебряной тесьмой и серебряными кистями; полку № 14 (уходившему на Кавказ) — знамя лилового цвета, с одной стороны изображалось Рождество Господа, с другой — Георгий Победоносец; полку № 6 (уходившему в Грузию) — штофное алое знамя с золотой каймой с изображением Животворного Креста из золотого галуна.

С середины 70-х годов, когда полки 1-й очереди получили постоянный состав и постоянное место дислокации, казаки 2-й и 3-й очереди, отслужив действительную службу, в случае войны или мобилизации все равно служили в другом полку и под другим знаменем. Тем не менее в полках стала складываться традиция особого отношения к знамени. Полкам были присвоены знамена, некогда заслуженные старыми, давно распущенными полками. Так, сформированные в 1873 и 1872 году (под номерами 29-й и 31-й) 9-й и 10-й Донские полки имели Георгиевские полковые знамена за подвиги, оказанные в Отечественную войну 1812 года и при Краоне и Лаоне, ранее пожалованные в 1816 году полкам Мельникова 4-го и Мельникова 5-го. Полки эти (9-й и 10-й Донские) гордо именовались «Краонской бригадой».

Генерал П.Н. Краснов, будучи полковым (в частности, 10-го Донского полка), бригадным и дивизионным командиром, не упускал возможности бросить казаков в конную атаку не «просто так», а под развернутым полковым знаменем.

За годы Мировой войны казаки потеряли одно знамя — 42-го Донского полка войскового старшины Краснушкина в бою 3 ноября 1914 года у деревни Негово⁷⁹⁶.

Донские полки регулярной русской армии, вернувшись с Мировой войны, как правило, сдавали свои знамена на хранение в местные церкви в местах формирования полка.

На начальном этапе Гражданской войны у восставших казаков появилась новая символика. Прежде всего, это были отрядные значки.

Сохранилось описание значков отрядов, участвовавших в Степном походе. Штаб походного атамана имел русский национальный трехцветный флаг. Значок отряда Семилетова — синее поле с золотой оторочкой, с одной стороны серебряный Георгиевский крест, с другой — золотая буква «С»; отряд войскового старшины Мартынова, вошедший в Семилетовский, — черное поле с серебряной оторочкой, с одной стороны четырехконечный степной крест, с другой — серебряная буква «М»; Мамонтовский отряд — белое поле с золотой оторочкой, с одной стороны шестиконечный золотой крест, с другой — золотые буквы «ОМ»; юнкерский отряд — голубое поле с серебряной оторочкой и серебряные буквы с двух сторон «ЮН» и «ОТ»; Назаровский отряд — синее поле с золотой оторочкой, с одной стороны золотые лучи восходящего солнца, с другой — золотые буквы «ОН»; Атаманский отряд — значек лейб-гвардии Атаманского полка; Офицерская боевая дружина Гнилорыбова — белое поле с золотой оторочкой, с обеих сторон золотые буквы «ОБД»; Конно-офицерская сотня Чернушенко — синее поле с серебряной оторочкой, с обеих сторон серебряные буквы «КОС»; инженерная сотня — белое поле с красной оторочкой и серебряные буквы, с одной стороны — «ИН», с другой — «СОТ»; Штаб-офицерская дружина генерала Базова — черное поле с серебряной оторочкой и с одной стороны буквы «ШОД»; управление начальника артиллерии — синее поле с красной оторочкой и с одной стороны красные буквы «УНДА»; батарея Неживова — белое поле с красной оторочкой и с двух сторон красные буквы «БН»; батарея есаула Кузнецова — синее поле с красной оторочкой и с двух сторон красные буквы «БК»; калмыцкие сотни — желтое поле с красной оторочкой и с двух сторон литеры «1 КС», «2 КС» и так далее — всего 4 сотни⁷⁹⁷.

После победы восстания и захвата Новочеркасска некоторые значки перешли к сотням и полкам «Мобилизованной армии». Так, значок партизанского отряда К. Попова, сражавшегося на севере Дона, стал значком 2-й Зотовской сотни 1-го Хоперского конного полка.

Полки «Молодой армии» получили знамена и штандарты старых Донских полков (о чем сказано выше). Что касается основной массы знамен «Мобилизованной армии», то единого штандарта здесь не было. Так, Зюнгарский калмыцкий полк имел знамя «желтого цвета с изображением ОКОН-Тенгер, Небесной Девы, покровительницы полка»⁷⁹⁸.

Донская армия сохранила систему наград Российской империи. Но при атамане Богаевском в 1919 году, когда Донская армия уже входила в состав Вооруженных сил Юга России, офицеров Донской армии перестали награждать орденами⁷⁹⁹.

Помимо боевых наград Российской империи Донское Войско ввело и свои особые знаки. «Крест партизан-чернецовцев» был установлен приказом Донского Атамана в 1918 году для всех участников отряда. Описание: «Штампованный крест из оксидированного серебра с равными сторонами (39 мм), пересеченный по диагонали, с одной стороны казачьей шашкой с темляком (слева направо лезвием вверх, темляк свисает с левого угла. — А.В.), а с другой — дубовой ветвью. На верхней и нижней сторонах креста даты “1917” и “1918”, а на поперечных надписи славянскими буквами “Чернецовцы”. Обратная сторона гладкая и имеет номер. Крест носится на розетке из Георгиевской ленты на правой стороне груди на винте»⁸⁰⁰. Для изготовления этих крестов некоей ростовской купчихой были пожертвованы серебряные рубли.

«Крест за Степной поход», «напоминающий могильный крест, встречающийся на степных курганах», был введен приказом № 696 Донского Атамана 26 апреля 1919 года.

Крест предназначался для ношения на левой стороне груди на Георгиевской ленте. Сам крест был из оксидированного серебра, но — темно-стального цвета. «Крест железный, полукруглой профили, массивный, без надписей. Верхняя и боковая его стороны—11 мм, нижняя—13 мм, высота — 37 мм, ширина — 34 мм». На обороте выгравирована надпись: на верхней стороне №, ниже «За», на поперечных сторонах «Степной поход», на нижней «1918» и ниже «12/II — 5/V»⁸⁰¹. Награждено 1100 человек. По другим данным крест получили 610 человек, остальные к моменту выпуска уже погибли⁸⁰².

В 1919 году командир 22-го Хоперского полка полковник Попов предлагал выпустить знак «Во славу вольного казачества;

1918 год на берегах Хопра» на георгиевской ленте⁸⁰³. Предложение осталось без последствий.

Наряду с общепринятыми наградами на Дону существовало такое отличие, как принятие в почетные казаки какой-либо станицы. Так, 13 (26) мая Екатерининская станица предложила стать своим почетным гражданином полковнику Быкадорову, который спас ее от прихода большевиков⁸⁰⁴. Краснов был принят в почетные казаки Ольгинской, Новониколаевской, Усть-Бузулукской и Чернышевской станицами. Впрочем, Чернышевская станица приняла в почетные казаки всю верхушку — Краснова, Богаевского и Денисова. Аксайская станица приняла в почетные казаки полковника А.В. Васильева.

В 1-й Пластунской бригаде наградой служила «переходящая» шашка умершего от ран генерала Н.А. Краснова, первого начальника дивизии. Каждый год она вручалась лучшему офицеру бригады⁸⁰⁵.

Глава 16

НАСТУПЛЕНИЕ НА РОССИЮ. ВОЙНА В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

А) ПОГРАНИЧНАЯ БОЛЕЗНЬ

25 июля (7 августа) 1918 года Краснов отдал приказ № 575, в котором говорилось: «Донская армия имеет задачей исключительно изгнание из пределов области пришлых красновардейских грабительских банд...»⁸⁰⁶.

Выход на границы области ставил Донскую армию и ее командование перед вопросом: что делать дальше?

Поднятые по мобилизации северные почти поголовно казачьи округа верили, что война действительно идет против «разнужданных красновардейских шаек», и выход к границам области кладет ей предел, надо лишь хорошо охранять границу.

Немногим лучше был настроен донецких и низовых казаков, которые втянулись в войну на истребление. Их враг, местные шахтеры и хохлы, оставив семьи, уходил вместе с красновардейцами из пределов области на Царицын. Но семьи-то оставались...

да и настрой у уходивших был — «Пока все казачье не истребим, мира на Дону не будет». Значит, казакам надо было брать Царицын, истребить прижатого к Волге врага и тем самым прекращать войну.

И лишь Атаман Краснов мечтал втянуть казаков в затяжную войну с большевиками и повести на Москву. Делать это надо было постепенно, прикрываясь фразами об упрочении границ, играя на желании пограбить, захватить добычу. Еще 27 июля (9 августа) казаки Верхне-Донского округа перешли границу и заняли уездный город Богучар, «дабы прекратить разбойничьи нападения» со стороны красных. И это обнадеживало.

11 (24) августа Краснов отдал приказ № 725 занять Царицын, Дубовку, Камышин, Балашов, Борисоглебск, Новохоперск, Таловую, Калач.

«...Приказываю широко оповестить об этом казаков, объяснить им при этом, что границы Области столь велики, что прикрыть их от вторжения противника можно лишь путем занятия узлов железных дорог и больших населенных пунктов, находящихся вне области, что уже и делается на западной нашей границе, где нами занято ближайшее гнездо красновардейцев — г. Богучар. В частности, города Камышин и Царицын обвеяны славой казачьей вольницы, в них гуляли старые казачьи атаманы — Стенька Разин... старая донская река Волга прикроет границы и хутора наши с востока до Астраханской границы, где останут соседние с нами Астраханские казаки; на севере реки Подгорная, Хопер, Елань. Терса и Камышинка дадут возможность сохранить наш фронт и облегчить пограничную службу.

Донцы! Еще одно последнее усилие для полной свободы Донского Края!»⁸⁰⁷.

На востоке под Царицыном в это время шли бои, и в пору было думать не о переходе границы, а об ее обороне. А вот на севере, где широкомасштабных боевых действий не велось, войска Усть-Медведицкого района при переходе границы заколебались.

Недавно получавшие от Краснова телеграммы с «земными поклонами» «лихие атаманы-казаки» отряда Татаркина чуть не передрались между собой. Фицхелауров доносил, что 1-й и 4-й полки и Милютинский дивизион 3-го конного полка не хотели переходить границу, казаки Морозовской станицы «подняли руку» на казаков Вольно-Донской, которые за границу пошли.

Очевидец событий, казак Лагутин, вспоминал, что пример подавал выборный командир 3-го конного полка Коньков, который открыто заявил, что он войну закончил и за границу не пойдет. Доводом служило заявление самого Краснова, неосторожно сделанное им на станции Обливской, что «наша задача — выгнать красновардейцев из пределов Донской области, а там не наше дело». Молодые офицеры соглашались с Коньковым, но большинство офицеров все же было на стороне известного есаула Спиридонова, командира батареи, который был готов идти за границу.

16 (29) августа генерал Татаркин приказал переходить границу. Коньков же к полку не вышел и соответствующего приказа не отдал, более того — 1-й (Милютинский) дивизион сотника Суровикина стоял наготове, чтоб никто не арестовал Конькова. 2-й дивизион (морозовцы и вольно-донцы) тоже не пошел за границу. Пошла одна батарея Спиридонова. Вахмистр батареи Павлов прискакал в полк с сообщением об этом и просил помощи. Суровикин послал казаков, чтоб возвратили батарею, и Спиридонов подчинился...⁸⁰⁸.

В довершение разложения 3-й конный полк на станции Арчеда захватил 60 ведер спирта и вообще перестал слушать Фицхелаурова.

Конькова отправили в тыл. Но он был выборный командир, казаки требовали его возвращения. Его вновь вернули, и вскоре он погиб...

Неожиданную склонность к митингам проявили казаки Верхне- и Нижне-Кундрюченских станиц. Мотивировка была одна — нежелание войны с Россией. Так, в конной сотне Куртлакского полка юнкер Василий Алексеев вел агитацию, что «границы переходить не нужно, а то на нас встанет вся Россия». Многие стали расходиться по домам. Так, в 3-й сотне пешего Куртлакского полка из 142 казаков в строю осталось 60, остальные дезертировали, так как не хотели «наживать новых врагов в лице России».

Советская разведка доносила, что казаки не хотят «восстановить против себя всю Россию», ищут «пути к ликвидации братоубийственной войны, которая на руку только немцам»⁸⁰⁹. Перебежчики сообщали красным, что в 15-м полку (из казаков Клетской станицы) «казаки волнуются — не знают, за что воюют.

Прапорщик Макаров Владимир Порфирьевич, Клетской станицы, хутора Манойлин (учитель), объясняет политические события и настаивает на посылке мирной делегации. Но все офицеры мешают». В противовес таким, как Макаров, командир карательного отряда полковник Каргальский говорил, что красногвардейцы хотят уничтожить всех казаков до 3-летнего возраста⁸¹⁰. Казаки, конечно, не верили.

Начались срывы военных операций. На Хопре 1-й батальон пешего Бузулукского полка (за исключением сотни Преображенской станицы) отказался выполнять приказ, и из-за этого не смогли взять станцию Поворино.

На Медведице не удалось разбить Миронова. «При занятии слободы Ореховки, когда группировкой войск конного отряда Татаркина намечался решительный и окончательный удар Миронову, казаки Раздорской, Малодельской, Сергиевской и Етеревской станиц отказались выполнять боевой приказ, не желая во время боя перейти на 5 верст в пределы Саратовской губернии»⁸¹¹. Начальники обвиняли казаков в том, что они не дали окружить бригаду Миронова, а казаки заявляли, что начальство само открыло Миронову дорогу из окружения, чтобы заманить за ним казаков на территорию Саратовской губернии.

Командующий войсками района генерал Фицхелауров жаловался на настрой усть-медведицких полков. «Были случаи, когда полки Усть-Медведицкого округа совершенно отказывались выполнять боевой приказ; казаки же Первого Донского и Донецкого округов выполняли его беспрекословно, но с категорическим мне заявлением, что, если на будущее время повторятся подобного рода явления, казаки Первого Донского и Донецкого округов в лучшем случае оставят Усть-Медведицкий округ и уйдут в свой округ или на другие фронты»⁸¹².

Фицхелаурову вторил полковник Стариков, который считал, что Усть-Медведицкий округ вообще мобилизовать нельзя, так как он разложит остальных. «Казаки 1-го Донского и Донецкого округов чувствуют себя песчинкой в этом мире агитации, измены и общего развала».

Сначала была надежда, что казаки пойдут за границу, если на то будет решение Войскового Круга. 17 (30) августа Фицхелауров докладывал, что, несмотря на приказ № 1122 о переходе границы, все части, кроме 2-го конного и 10-го пешего полков,

отказались ее переходить. «Дальше своей границы казаки не пошли, ожидая мнения Большого Войскового Круга»⁸¹³.

Созыв Круга положения не исправил. 25 августа (7 сентября) Фицхелауров докладывал Денисову, что «настроение большинства частей падает с каждым днем, в некоторых частях доходило до выборного начала и даже до открытого восстания с оружием в руках против начальствующих лиц и между собой». Фицхелауров отметил, что части не желают повиноваться и решениям Большого Войскового Круга, если они не совпадают с настроением полков, заболевших «пограничной болезнью», и просил свежую дивизию.

Командование армии отреагировало в лучших традициях — сместило самого Фицхелаурова. 25 сентября (8 октября) Фицхелауров сдал командование войсками Усть-Медведицкого района генералу Яковлеву (генерал-майор Яковлев Сергей Степанович был произведен в этот чин 16 июля приказом № 511 за бои под Александро-Грушевском).

Большой Войсковой Круг между тем провозгласил задачи армии: не преследуя завоевательных целей, защищать свою землю от посягательств «от кого бы они ни исходили», не останавливаясь перед занятием стратегических пунктов на чужой территории⁸¹⁴.

В основу военных действий был положен приказ № 844: «Для наилучшего обеспечения наших границ, Донская армия должна выдвинуться за пределы области, заняв города Царицын, Камышин, Балашов, Новохоперск и Калач в районах Саратовской и Воронежской губерний»⁸¹⁵.

Б) НАРАЩИВАНИЕ СИЛ

На начало августа 1918 года в рядах «Мобилизованной армии», сражавшейся с большевиками, было всего 782 офицера, 31 300 бойцов, 79 орудий, 267 пулеметов. В это же время в тылу формировалась постоянная «Молодая армия».

Предстоящая наступательная война против Советской России требовала наращивания вооруженных сил.

3 (16) сентября Большой Войсковой Круг принял постановление об организации Донской постоянной армии («Молодой армии»). Согласно ему пехота и конница должны были сравняться

количественно. Пехота должна была состоять из 4-х пеших 3-батальонных полков, в батальоне — 4 сотни. Итого 48 пеших сотен — 13 418 строевых и 2012 нестроевых. Всего — 15 430 бойцов.

Конница — 3 конные дивизии — 12 шестисотенных полков. Итого: 72 конные сотни — 13 482 строевых и 3621 нестроевой. Всего — 17 103 бойца.

Состав пограничной дивизии был определен: пешие сотни — 1928 строевых, 588 нестроевых; конные сотни — 2980 строевых, 472 нестроевых. Всего — 5968 бойцов.

В целом получалось — 38 501 боец.

Чтобы набрать такое количество людей, пришлось призвать казаков и иногородних не только 1918 и 1919 годов переписи, но и 1920 года. Это дало новых 11 451 казака и 8654 иногородних.

Новый набор не коснулся иногородних Таганрогского округа, поскольку новобранцы этого округа 1918 и 1919 годов переписи прославились массовым дезертирством. Теперь подлежащие призыву из этого округа облагались налогом в 250 рублей и направлялись на государственные принудительные работы (Приказ № 1274 от 12 октября 1918 г. и приказ № 1512 от 15 ноября 1918 г.)⁸¹⁶.

В результате «Молодая армия» выросла:

	Пехота	Кавалерия	Артиллерия	Спец. войска	Строевые лошади
1 сентября	5769	12 276	1201	1103	4332
1 октября	7672	12 977	1720	946	5396
1 ноября	10 117	12 597	1746	1761	5231
1 декабря	13 756	15 819	2061	2844	5377

Как видно из таблицы, приблизительное равенство между пехотой и конницей было формальным, конные части были обеспечены лошадьми лишь на треть. Войско, объявив, что отныне молодые казаки снаряжаются на службу целиком за счет войсковой казны, не смогло обеспечить их самым существенным — казенными лошадьми.

В результате не было выполнено и решение Круга — при каждой пешей дивизии сформировать одну конную сотню. Вместо этого при каждой бригаде создали по две команды конных ординарцев⁸¹⁷.

Еще до участия «Молодой армии» в боях была создана легенда, что это будут лучшие, элитные части белых, «как чехословаки»⁸¹⁸.

В результате мобилизаций старших возрастов (о чем было сказано в предыдущих главах) увеличилось количество «Мобилизованной армии» — фронтовых частей.

	Пехота	Конница	Орудия	Пулеметы
1 сентября	22 434	25 001	107	411
1 октября	22 781	27 768	175	596
1 ноября	22 850	26 040	148	581
1 декабря	23 478	28 862	170	619

Согласно приказу от 9 сентября 1918 года из полков были изъяты 2-орудийные батареи и конно-артиллерийские взводы и сведены в легкие конные батареи 4-орудийного состава.

Приказ Денисова № 173 от 22 октября 1918 года о переформировании станичных пеших полков и доведении их до 3-батальонного состава был выполнен кое-где «частично» «ввиду постоянных боев на фронте и большого протяжения фронта, выпадающего на долю одного полка»⁸¹⁹.

В сентябре 1918 года оказалось, что «расход офицеров на фронте превышает их поступление»⁸²⁰. Чтобы исправить положение, приказом № 1130 призвали в армию офицеров-неказачков до 47-летнего возраста (это дало 500 офицеров). Приказом № 213 Денисов направил на фронт с административных постов всех здоровых офицеров.

Приказы Краснова № 621 и 1258 определили, что административные должности могут занимать лишь офицеры-казаки, офицеры-неказачки на этих постах могут быть лишь раненые, но их число не должно превышать 25 % от общего числа офицеров-администраторов.

Для усиления контроля, согласно приказу № 1588, все перемещения офицеров производились приказом по Войску.

Приказ № 1456 предписывал увольнять из Донской армии пьяниц и буянов. Командиры, покрывающие их, подлежали увольнению⁸²¹.

«Оказавшиеся негодными на фронте в боевом отношении» мест в тылу не получали, а увольнялись в отставку⁸²².

Организационно к 1 (14) сентября 1918 года войска «Мобилизованной армии» продолжали делиться на «районы». В состав их не входил отдельный Батайский отряд генерала Филимонова.

Был ликвидирован «Цимлянский район», войска его были включены в состав «Задонского района».

Организационно «районы» делились следующим образом.

Задонский район генерала Александрина:

Отряд полковника Постовского.

Отряд войскового старшины Илларионова.

Цимлянский отряд полковника Овчинникова.

Чирский район генерала Мамонтова:

Отряд полковника Зудилина.

Конный отряд полковника Попова.

Отряд генерала Толкушкина.

Отряд полковника Донского.

Калачевский отряд полковника Антонова.

Отряд полковника Якушова.

Отряд генерала Попова.

Партизанский отряд полковника Лазарева.

Усть-Медведицкий район генерала Фицхелаурова:

Отряд войскового старшины Сутулова.

Отряд генерала Татаркина.

Отряд войскового старшины Голубинцева.

Отряд полковника Старикова.

Отряд войскового старшины Кравцова.

Северо-Западный район генерала Алферова:

Верхне-Донской отряд полковника Сергеева.

32-й Вёшенский конный полк.

33-й Еланско-Букановский конный полк.

34-й Слащевско-Федосеевский конный полк.

26-я Каргинская батарея.

Кумылженский отряд полковника Моргунова:

27-й Кумылженский сводный конный полк.

25-я (5-я Хоперская) батарея.

Хоперский отряд полковника Аврамова:

21-й конный (1-й Хоперский) полк.

22-й конный (2-й Хоперский) полк.

23-й конный (3-й Хоперский) полк.

21-й пеший (1-й Хоперский) полк.

23-я (3-я Хоперская) батарея.

Западный отряд:

28-й Верхне-Донской конный полк.

29-й Казанский конный полк.

30-й Мешковский конный полк.

31-й Мигулинский конный полк.

Особый отряд полковника Попова:

35-й Краснокутский конный полк.

36-й Боково-Каргинский конный полк.

Бузулукский отряд полковника Ситникова:

24-й конный (1-й Нижне-Бузулукский) полк.

25-й конный (2-й Верхне-Бузулукский) полк.

26-й конный (3-й Бузулукский) полк.

22-й пеший (Бузулукский) полк.

22-я (2-я Хоперская) батарея.

24-я (4-я Хоперская) батарея.

К 1 октября 1918 года сохранялся отдельный Батайский отряд.

Из Задонского района был выделен самостоятельный отряд полковника Постовского.

Задонский район делился на два отряда: полковника Духопельникова — 76-й пеший полк, 76-й конный, 77-й конный, 79-й конный, 82-й конные полки, 8, 9, 11-я легкие батареи, половина 10-й батареи, горная батарея; генерала Топилина — 61, 62, 63-й конные полки, Отдельная Баклановская сотня (с 13.10.18), 61, 62, 63-й пешие полки, 61-я и 62-я легкие батареи, два бронепоезда.

Чирский район генерала Мамонтова состоял из конного отряда полковника Попова, отряда полковника Зудилина, отряда генерала Толкушкина, отряда полковника Донского, отряда полковника Антонова, отряда генерала Тарасенкова, партизанского отряда Лазарева.

Усть-Медведицкий район состоял из отряда генерала Татаркина, отряда полковника Старикова, отряда полковника Голубинцева, отряда войскового старшины Сутулова.

Хоперский район состоял из отряда полковника Авраамова, Бузулуцкого отряда генерала Ситникова, Верхне-Донского отряда полковника Сергеева, 1-го сводного отряда полковника Попова (из Особого отряда полковника Попова и Кумылженского отряда полковника Моргунова).

Был вычленен самостоятельный Северо-Западный район.

В своей работе «Все великое Войско Донское» Краснов писал, что дивизии были сведены в корпуса, которые поставлены на 4 фронтах: «северном — для наступления на Воронежскую губернию, северо-восточном — для обороны Балашовского направления — между Урюпинской и Усть-Медведицкой станицами, восточном — у Царицына и юго-восточном — у станицы Великокняжеской»⁸²³.

Однако объединение отрядов и создание фронтов (вернее, преобразование «районов» во «фронты») прошло ряд этапов.

К 1 ноября 1918 года в организационной структуре Донской армии царил разноречивый. 5 (18) октября Батайский отряд был упразднен.

Сохранялся самостоятельный Сальский отряд.

На базе Задонского и Чирского районов был создан Восточный фронт:

Южная группа:

Отряд полковника Фетисова.

Отряд полковника Духопельникова.

Центральная группа:

Бригада генерала Безмолитвенного.

Конный отряд полковника Попова.

Бригада полковника Донскова.

Северная группа:

Калачовский отряд.

Сохранялся самостоятельный Усть-Медведицкий район из прежних отрядов полковника Старикова, войскового старшины Сутулова, полковника Голубинцева, генерала Татаркина.

Был образован Северный фронт, объединивший Хоперский район и отдельный Северо-Западный отряд.

Хоперский район делился на Хоперский отряд, Верхне-Донской отряд, 1-й сводный отряд, Бузулуцкий отряд.

И лишь к 1 декабря 1918 года окончательно оформились четыре фронта.

Юго-Восточный фронт объединял Астраханский корпус (из астраханских казаков и калмыков) и Сальский отряд Золотарева: 80-й и 81-й Донские пешие полки, 80-й и 83-й Донские конные полки (1500 человек, 7 орудий).

Восточный фронт делился на Южную группу (Цимлянский отряд и Задонский отряд), Центральную группу (Отряд полковника Донскова, Чирский конный отряд, Потемкинский конный отряд, бригада полковника Кривова) и Северную группу (Калачовский отряд).

На базе Усть-Медведицкого района образовался Северо-Восточный фронт:

1-й пеший отряд.

3-й пеший отряд.

1-й конный отряд.

4-й конный отряд.

Группа полковника Манакина.

Северный фронт сохранял в основном прежнюю структуру.

Хоперский район:

Урюпинский отряд (2-й сводный):

23-й Хоперский конный полк.

27-й пеший полк.

25-й пеший полк.

21-я конная батарея.

Филоновский отряд (1-й сводный):

27-й Кумылженский сводный конный полк.

35-й Краснокутский конный полк.

36-й Боково-Каргинский конный полк.

26-й пеший полк.

28-й пеший полк.

25-я конная батарея.

Верхне-Донской отряд:

32-й Вёшенский конный полк.

33-й Еланско-Букановский конный полк.

34-й Слащевско-Федосеевский конный полк.

1-й пеший полк.

26-я конная батарея.

Хоперский отряд:

21-й Хоперский конный полк.

22-й Хоперский конный полк.

39-й конный полк.

21-й Хоперский пеший полк.

Партизанский отряд.

23-я конная батарея.

Бузулукский отряд:

24-й Нижне-Бузулукский конный полк.

25-й Верхне-Бузулукский конный полк.

26-й Бузулукский конный полк.

22-й Бузулукский пеший полк.

Пеший дивизион.

22-я конная батарея.

24-я конная батарея.

Северо-Западный отряд был развернут в Северо-Западный район и включал в себя Северный отряд и Западный отряд.

Продолжалось наращивание технических средств. Приказом Денисова № 118 от 8 сентября технические войска были подчинены начальнику технического отдела управления 2-го генерал-квартирмейстера Войскового штаба на правах начальника дивизии. Техническое отделение в конце ноября развернулось в самостоятельное управление.

Большое внимание уделялось развитию авиации, поскольку начальником военно-технического управления штаба был военный летчик полковник Усов.

Самолеты вывозились запчастями с Украины, со старых военных складов. Всего четыре эшелонами с Украины было вывезено 45 самолетов с запчастями.

Цена одного самолета по тем временам достигала 50 тысяч рублей, но донцы хвастались, что вывезли их практически бесплатно. Видимо, украинские власти затруднялись оценить самолеты, находящиеся в разобранном виде. «Кроме того, временно перелетевшими из Совдепии летчиками доставлено еще 13 самолетов»⁸²⁴.

Всего к январю 1919 года в Донской армии было 68 самолетов, что вместе с запчастями тянуло на 5 миллионов рублей.

В сентябре 1918 года самолетный отряд был развернут в два отряда (самолетный дивизион) и авиапарк для монтажа самолетов. 20 октября прибавился 2-й самолетный отряд — 9-й армейский в составе 6 самолетов, «перелетевший из Совдепии»⁸²⁵.

Авиапарк в 4 месяца отремонтировал и собрал 18 самолетов и 18 моторов, хотя ощущал «недостаток специалистов и полное отсутствие квалифицированных рабочих»⁸²⁶.

В конце декабря был создан поезд-мастерская в 10 вагонов «для ремонта самолетов и автомобилей на фронте».

С 5 октября 1918 года дивизион подчинялся начальнику технического отделения как инспектору авиации.

Управление дивизиона и самолетный парк находились в Новочеркасске. 1-й самолетный отряд был причислен к Восточному (Царицынскому) фронту и базировался на станции Чир. 2-й самолетный отряд предназначался для Северного фронта (но из-за зимних погодных условий работал мало) и базировался на станции Лихая.

9-й армейский отряд не успел развить своей деятельности, располагался он в г. Калач и на станции Миллерово. Поезд-мастерская в основном находился на станции Чир⁸²⁷.

Всего в Донской армии было 39 разведывательных двухместных самолетов (из них системы «Вуазен» — 11, «Фарман» — 12, «Сопфич» — 7, «Декан» — 5, «Лебедь» — 3, «Бранденбург» — 1) и 29 одноместных истребителей (из них «Ньюпоры» — 25, системы «Спад» — 2, «Монокот» — 2).

Далеко не все они были исправны. В сентябре исправных самолетов было 8, неисправных — 10; в октябре исправных — 10, неисправных — 15; в ноябре исправных — 12, неисправных — 26; в декабре исправных — 16, неисправных — 40; в январе 1919 года исправных — 22, неисправных — 46.

Боевая работа с сентября 1918 года стала более интенсивной. Появились первые потери среди личного состава и техники. 9 (22) сентября во время полета в Задонский район был сбит военный летчик есаул Попов Виктор Эрастович. Сам он скончался от ран.

	Полетов	Сброшено бомб	Сброшено листовок	Потери
Сентябрь	117	178	15 000	1 (летчик погиб)
Октябрь	62	86	20 000	
Ноябрь	19	16	20 000	
Декабрь	16	20	5 000	1

Предполагалось по мере исправления самолетов довести количество отрядов до 8 и создать авиационную школу летчиков⁸²⁸.

Развивались броневые железнодорожные силы. В сентябре бронепоездов было 5, в октябре — 8, в ноябре — 13, а в декабре — 14 (2 отбиты у красных).

К 1 января 1919 года броневые силы, объединенные в дивизионы, состояли из 12 бронепоездов (некоторые были в полубронированном состоянии) и 2 тяжелых орудий Кане на площадках. На бронепоездах было 16 трехдюймовых орудий, 90 пулеметов, их обслуживали 135 офицеров и 776 казаков. С их помощью было захвачено 26 станций⁸²⁹.

Предполагалось развернуть бригаду из 4-х дивизионов по 5 бронепоездов в каждом⁸³⁰.

С броневыми автомобилями дело обстояло хуже. В сентябре исправных было 2, неисправных — 2; в октябре исправных — 2, неисправных — 3; в ноябре исправных 2, неисправных — 2, в декабре исправных — 4, неисправных — 4.

В октябре 1918 года на Восточном фронте были отбиты у большевиков еще 4 броневика. К декабрю их отремонтировали и отправили на фронт. Но они снова сломались, «не выдержав тяжелых дорог»⁸³¹. Судя по тому, что в отчете указаны 24 отремонтированных с мая по декабрь броневика, они ломались беспрестанно.

Всего броневики участвовали в 22 боях, прошли 2608 верст.

Еще в августе 1918 года с Украины прибыли 200 самокатов, в конце ноября — еще 250. Были закуплены 150 мотоциклеток, но их по дороге перехватили петлюровцы⁸³².

Наличные самокаты и мотоциклы распределили следующим образом:

	Самокаты	Мотоциклы
Молодая армия	99	8
Северный фронт	23	3
Северо-Восточный фронт	25	2
Восточный фронт	30	3
Юго-Восточный фронт	23	2
Всего	200	18

Однако команды разведчиков-самокатчиков созданы не были.

Химическое дело не нашло должного развития. Запасов (257 баллонов с хлором) хватило бы на одну атаку и создание волны в 2 версты, глубиной 3—4 версты⁸³³. А. Падалкин впоследствии вспоминал, что по инициативе начальника штаба Донской армии И.А. Полякова хотели организовать газовую атаку на Царицын. Сам Падалкин, побывав в качестве разведчика в Царицыне, был вызван к Краснову. Тот задал вопрос: «Насколько пострадает население города в случае газовой атаки и как оно к этому отнесется?». Падалкин заявил, что в случае газовой атаки население города пострадает больше войск и никогда не простит этого казакам. И Краснов якобы сказал: «Значит, газов применять нельзя»⁸³⁴.

В отчете же генерала Денисова сказано, что газы не применили против Царицына, потому что все время дул встречный восточный ветер. Химический взвод был переброшен в Таганрог «для морального воздействия на население»⁸³⁵.

За неимением химических заводов химвзвод предполагалось реорганизовать в противогазовую команду, чтоб обучали пользоваться противогАЗами. Мера эта была весьма кстати, поскольку красные широко применяли химические снаряды. Так, командир латышской батареи в ноябре 1918 года докладывал о боях под Новохоперском: «...Прогнал кавалерию из лесного района то шрапнелью, то химическими снарядами... беглым огнем как шрапнелью, так и гранатой и химическими снарядами стал метко стрелять по неприятельской артиллерии»⁸³⁶.

Развивалась система войсковой связи. С Украины завезли 3000 верст кабеля и 2000 телефонов.

С августа 1918 года по январь 1919 года было отбито 2915 верст телеграфной линии и построено 750 верст. Было отбито 395 телеграфных аппаратов и приобретено 100, всего в Донском Войске их стало 900.

За это же время было протянуто 470 верст временной телефонной связи, отбито — 4 версты, приобретено кабеля — 4280 верст, телефонных аппаратов отбито 345, приобретено — 2130. Радиостанций приобретено 15.

На территории области существовали провода системы Морзе, Юза и Бодо.

Расширение инженерного оборудования потребовало смены структуры управления. Было создано Военно-техническое управление Войскового штаба (ранее было в составе управления 2-го генерала-квартирмейстера) и Управление начальника военных инженеров (ему подчинялись: а) Военно-инженерное управление с подчинением Главному начальнику военных снабжений и б) Управление войскового инженера в составе Войскового штаба).

В «Молодой армии» были сформированы бригадные инженерные сотни и полковые саперные команды. Была введена должность дивизионного инженера (командира бригадной инженерной сотни).

Тогда же была изменена структура дивизионной артиллерии. Из-за нехватки орудий и «необходимости иметь более легкоуправляемую боевую единицу» создавались конно-артиллерийские дивизионы в составе 2-х батарей по 4 орудия⁸³⁷.

Радиотелеграфные станции в штате конно-саперных сотен развернуты в радиотелеграфные отделения по 1 на дивизию в составе 2 радиостанций дневной мощности: одни в 2 кВт 250 верст, другие 0,6 кВт 60—70 верст⁸³⁸.

Чтобы снабдить войска всем необходимым, надо было иметь налаженную систему снабжения, систему воспроизводства оружия и боеприпасов.

Большую роль продолжали играть трофеи.

С 1 августа по 20 ноября 1918 года Донская армия захватила 94 трехдюймовых орудия, 14 тяжелых орудий, 348-линейных гаубицы, 648 пулеметов, 8 бомбометов, 14 189 винтовок, 13 185 снарядов, 2 082 000 патронов, 651 зарядный ящик, 7 телеграфных аппаратов, 115 телефонных аппаратов, 328 верст кабеля,

7 броневинов, 2 легковых автомобиля, 2 грузовых, 1 трактор, 70 паровозов, 10 тысяч пудов пшеничного хлеба, 8 тысяч пудов муки, 2 тысячи пудов сахара⁸³⁹.

Но «главное питание армии артиллерийскими припасами и инженерным имуществом было на счет вывезенного с Украины»⁸⁴⁰. «Имущество получалось условно за деньги, но фактически бесплатно и правительству Войска Донского оно обошлось пока что лишь по стоимости фрахта, погрузки и разгрузки...»⁸⁴¹. Командование считало, что «если бы не восстание петлюровцев, то инженерное имущество было бы вывезено со всех военных складов с Украины...»⁸⁴². По рыночным ценам было вывезено на 12 миллионов рублей.

В октябре 1918 года было реквизировано имущество Ростовского-на-Дону областного военно-промышленного комитета, что на долгое время обеспечило войска⁸⁴³.

Важным поставщиком оставались германские войска.

С 10 августа 1918 по 20 января 1919 года было получено (см. след. стр.):

Помимо оружия и боеприпасов перед армией встала проблема обмундирования и продовольствия.

По расчетам армия нуждалась в следующем количестве предметов обмундирования и снаряжения:

	Необходимо	Реально покрывалось Войском
Шинелей	76 505	89 %
Рубах	76 505	85 %
Шаровар	76 505	87 %
Белья	229 515	65 %
Папах и фуражек	153 010	43 %
Обуви	153 010	26 %
Седел	25 305	0,5 %
Патронташей	153 010	32 %
Поясных ремней	76 505	79 %

Обмундирование войск производилось в основном за счет старых запасов. Напрягая все «производственные мощности» Области, было произведено наново гимнастеров — 8400, шаровар летних — 4400, полушубков — 1090, шинелей — 7330, сапог —

Орудий	Полевых	Горных	Тяжелых		
От немцев	23	1	16		
Трофейных	30	3	3		
Пулеметов	Максима	Кольта	Льюиса		
Было на складах	21	11	95		
От немцев	22		8		
С Румынского фронта	41				
Трофейных	51	36	32		
Винтовок	русских	Иностранных			
Было на складах	6053	3727			
С Украины	11 978				
От немцев	6933				
Трофейных	22 521	6305			
Револьверов					
Трофейных	131				
Куплено	188				

	Артиллерийских снарядов	горных	48-лин.	6-двойм.	Винтовочных патронов	
					русских	иностранных
Было на складах	27 986	5111	398	570	3 431 000	783 000
С Украины	343 219		13 556		48 979 784	
От немцев	14 084	32 210	940	4981	12 701 400	2 137 414
От Добровольческой армии				248	3 290 300	
С Румынского фронта				1000	1 892 600	
Трофейных	6370	1999	32	734		2 051 996
С Луганского завода					4 236 000	882 190
Изготовлено					90 416	

9600, папах — 5800. В октябре 1918 года с Украины успели завезти 24 000 шинелей.

Как видим, объявив, что казаки отныне будут собираться на службу за счет Войска, войсковые «правители» поторопились: лошадей, седел и сапог не хватало даже для «Молодой армии».

Проблему невозможно было разрешить только за счет Войска. Организованная суконная фабрика выпускала лишь 500 аршин сукна в месяц⁸⁴⁴. Скупка валенок и полушубков по Области тоже не могла решить проблемы.

В целом казаки были одеты хуже противостоящих им красноармейских частей. И по архивным данным, осенью 1918 года со стороны красных можно было услышать команду: «По оборванцам — пли!»⁸⁴⁵.

Не лучше обстояло дело с продовольствием. 1918 год оказался засушливым. Из-за боев многие казаки не обработали и не засеяли поля. На Дону при Краснове была введена монополия на хлеб и установлены твердые цены на продукты первой необходимости, был создан Отдел продовольствия «с невыясненными функциями»⁸⁴⁶. Однако частям, чтобы не разводить волокиту, разрешили самим закупать продукты по рыночным ценам⁸⁴⁷. 19 ноября (2 декабря) 1918 года вышел приказ 153 — покупать продовольствие по рыночным ценам «не выше заготовительных и предельных».

В каждом округе были созданы расходные магазины (в некоторых округах — 2—3), заведены гурты скота, создан войсковой мыловаренный завод, молочная ферма и войсковая хлебопекарня (в Новочеркасске).

Окружные интенданты должны были пополнять магазины и содержать в них 8-дневный запас продовольствия на все войска округа⁸⁴⁸. Реально имели запас на 2—3 дня.

Осенью 1918 года на Дон начали завозить хлеб с Кубани (80 вагонов), с территории, занятой «добровольцами» (46 вагонов). К зиме стал вопрос о ввозе на Дон сена⁸⁴⁹.

Вот как описывает очевидец систему закупок и снабжения фронта под Царицыным: «Ежедневно, несмотря на погоду, от двадцати до тридцати очередных стариков, на “обывательских”, то есть на собственных подводах, под командой фронтовых артельщиков и фуражиров, выезжают на хутора — в станицах уже давно было съедено, — покупают там продукты и фураж и к

утру на следующий день, уставшие и замерзшие, довозят все это до своих базов, отогреваются малость, перепрягают не менее уставших, похудевших от недоедания и ежедневной тяжелой работы лошадей, — происходит смена — и отправляют тяжелые возы в лес, где у замерзшего Дона в рваных поддевках коченеют их защитники...»⁸⁵⁰.

Не были забыты и семьи мобилизованных. 19 сентября (2 октября) 1918 года постановлением Круга было определено пособие их женам и детям до 15 лет по 10 рублей в месяц на каждого. Поскольку на 1 призванного приходилось 4 нуждающихся, а мобилизованных в октябре 1918 года было свыше 95 тысяч, то донские власти выделили на пособия 98 миллионов рублей⁸⁵¹.

Бесперебойную связь фронта и тыла поддерживали и за счет мобилизации подвод у неказачьего населения. Приказ № 151 по армии и флоту от 14 (27) ноября 1918 года дал разнарядку на подводы с неказачьего сословия: по Черкасскому округу — 300 подвод, по Донецкому — 500, по Ростовскому — 800, по Таганрогскому — 800.

С подводами призывались мужчины в возрасте старше переписи 1918 года. Им гарантировали казенный корм и фураж, но одежда у них должна была быть своя. Служба должна была длиться 3 месяца со дня прибытия.

На Северный фронт были направлены 500 подвод из Донецкого округа, 300 — из Черкасского и 550 — из Ростовского.

На Восточный фронт направили 250 подвод из Ростовского округа и 200 из Таганрогского.

В Задонье направились 450 подвод из Таганрогского округа.

В резерве Войскового штаба оставались 150 подвод из Таганрогского округа.

Транспорт в 150 подвод делился на три взвода. Таким образом, на Северный фронт было отправлено 9 транспортов (по три на округ), на Восточный фронт — 3 транспорта и в Сальский район — 3 транспорта.

Осенью, опасаясь, что Дон замерзнет, ушли в Ростов, а оттуда в Таганрог, речные канонерские лодки «Донец» и «Кубанец».

С сентября 1918 года к работе по доставке грузов подключились две морские канонерские лодки «Христофор» и «Сосиет». Ими были доставлены 12 морских орудий Кане (6 дюймов)

(2 из которых сразу же были установлены на платформы и направлены на Восточный фронт), 4 легких орудия, около 100 пулеметов, 9 аэропланов, 500 000 патронов, 10 000 снарядов.

Осенью начались занятия в военно-учебных заведениях, которые подчинялись начальнику соответствующего отделения, подчиненному 2-му генералу-квартирмейстеру, генералу Цыганкову.

21 октября сделали выпуск четырехмесячные «повторительные» курсы Новочеркасского казачьего военного училища (его начальником был назначен генерал А.И. Семенченков), на которых обучались юнкера, уходившие в Степной поход в составе Юнкерского отряда Н.П. Слюсарева. 50 офицеров были направлены в «Молодую армию», 91 — в «Мобилизованную». Занятия в училище начались с 1 октября. Всего набрали 120 юнкеров. Были открыты новые классы — инженерный, стрелковый, артиллерийский, сформирована библиотека, восстановлен тир. Большинство новых юнкеров тоже имело опыт Степного или Ледового похода и «чины от приказного до хорунжего включительно»⁸⁵².

1 октября начались занятия в Кадетском корпусе. Состав учащихся (обычно 420 кадет) вырос на 200 человек за счет беженцев. Постоянным явлением стали побеги учащихся на фронт.

С 15 августа начались занятия в Донской офицерской школе. Это были своего рода «курсы повышения квалификации». Сюда на 4 месяца командировались кадровые офицеры, имевшие как минимум 2-летнее военное образование.

В) НЕКАЗАЧЬИ ФОРМИРОВАНИЯ

Очищение области от большевиков и переход к новой задаче — очищения от них всей России — поставили вопрос о новых вооруженных силах, которым эта задача была бы по плечу.

Поход на Москву планировался как немцами (в качестве одного из вариантов «русской политики»), так и Добровольческой армией. 20 сентября 1918 года генерал Алексеев писал: «Операции на Кубани надлежит считать частной операцией, главная же — скорейший выход к северу и объединение всех элементов борьбы в одну армию»⁸⁵³.

Но Добровольческая армия увязла на Кубани, Алексеев 8 октября умер, и Краснов, поддерживавший с ним переписку и допускаявший подчинение Алексею при условии такой же подчиненности последнему Деникина и Добровольческой армии, окладел к идее совместного похода на Москву донцов и «добровольцев». Выход Краснов видел в создании на Дону неказачьей армии, которую можно было послать на Москву.

Еще летом 1918 года немцы рассматривали возможность создания промонархических вооруженных сил — «отдельных батальонов в разных местах Украины и одновременно и в Богучарском уезде всего до корпуса военного времени», — и посол Краснова к императору Вильгельму генерал-майор герцог Н.Н. Лейхтенбергский в июле 1918 года советовал Атаману «немедленно приступить к формированию новой, пока что связанной с Доном, Добровольческой армии в Богучарск[ом] уезде или станице Констант[иновской]»⁸⁵⁴.

24 июля (6 августа) 1918 года герцог Лейхтенбергский сообщал Краснову, что «немецкое правительство дало свое согласие на формирование монархических отрядов на Украине — с подчинением временно немецкому командованию — и на Дону (в Богучарском уезде) с обязательным подчинением Вам»⁸⁵⁵.

6 (19) августа приказом № 669 Краснов приказал военному губернатору Богучарского и Новохоперского уездов генерал-майору В. Семенову приступить к формированию местных регулярных воинских частей на основании «Положения о военной службе казаков Донского Войска» и по вольному найму. Эти части были в оперативном подчинении Донской армии⁸⁵⁶.

В Киеве был образован штаб армии, которая была названа Южной (параллельно в Прибалтике монархистами формировалась Северная армия). Начальником штаба стал генерал-майор К.К. Шильдбах, начальником контрразведки — подполковник П.Р. Бермондт-Авалов. На Украине началась вербовка офицеров и солдат. 25 вербовочных бюро в течение трех месяцев направили на Дон 16 тысяч добровольцев, 30 % которых составляли офицеры⁸⁵⁷. В Богучарском и Новохоперском уездах стала формироваться 1-я дивизия генерал-майора В.В. Семенова, в августе 1918 года в Миллерово — 2-я дивизия генерал-лейтенанта Г.Г. Джонсона. Основой их стали кадры 19-й и 20-й пехотных дивизий старой Российской армии, направленные на Дон

гетманом Скоропадским. Были предложения от офицерских объединений других полков старой армии, желавших поступить на службу при условии сохранения их частей⁸⁵⁸. Но переброска сил с Украины шла медленно, и к концу августа 1918 года в Черткове был сформирован всего эскадрон 1-го конного полка (полковник Якобсон) и батальон пехоты в Богучаре. В Шахтной и Миллерово были развернуты 1-й и 2-й самолетные отряды Южной армии⁸⁵⁹.

30 сентября (13 октября) 1918 года Краснов отдал приказ № 1192 о формировании Особой Южной армии. Во многом это было продиктовано тем, что в некоторых кругах германского руководства в октябре 1918 года появилась идея «сбросить Московское правительство», чтобы иметь на мирной конференции поддержку «благодарных русских». Исходя из дипломатических договоренностей и учитывая, что из двух прогерманских сил — режима гетмана и режима Краснова — последняя являлась более боеспособной, немцы увеличили переброску монархически настроенных офицерских кадров с Украины на Дон. Тем более что такие же монархические настроения существовали среди офицеров «Молодой армии», особенно в гвардейских полках⁸⁶⁰.

Параллельно формировались органы власти на занятых территориях «русских губерний». В августе были назначены генерал-губернаторы в Воронежскую губернию (генерал Семенов) и в Саратовскую (полковник Манакин), хотя в этих губерниях под контролем донцов в лучшем случае было по одному уезду.

Командование новой армией было поручено генералу-артиллерии Н.И. Иванову, начальником штаба стал генерал П.И. Залесский. Армию предполагалось создать из трех корпусов: Воронежского (бывшая Южная армия), Саратовского (бывшая Русская народная армия), формируемого из саратовских крестьян-беженцев полковником Манакиным, и Астраханского, возглавляемого астраханским атаманом князем Тундутовым⁸⁶¹. «Впоследствии предполагалось каждый корпус развернуть в армию и создать южный фронт, в который должна была влиться Донская армия», — писал Краснов⁸⁶².

Штаб Воронежского корпуса с личным составом перевели из Киева в Кантемировку. Командовал корпусом генерал Семенов. Советская разведка доносила 14 (27) ноября 1918 года, что в Южной армии в районе Евстратовки, Чертково. Милле-

рово, Каменской, Валук (то есть в расположении Воронежского корпуса) примерно 21 тысяча бойцов⁸⁶³. Но на первом смотре оказалось, что в корпусе едва насчитывалось 2000 человек. «Из них не более половины было боеспособных... В боевом отношении армия эта немногого стоила»⁸⁶⁴. В корпусе существовали штабы несуществующих полков, дивизионов и эскадронов (более 40 штабов), но реальных сил было немного. Так, 1-й конный полк корпуса формировался на станции Чертково в имении господ Чертковых. «Полк» располагал полувзводом в конном строю, который вскорости погиб в разведке. «Этот полк возглавлялся полковником Якобсоном с группой своих офицеров (13-го драгунского Военного ордена полка), недурно проводивших время в господском доме»⁸⁶⁵.

Восстановленный 80-й Кабардинский генерал-фельдмаршала князя Барятинского полк был одной из немногих частей, принявшей участие в боях.

«Саратовский корпус никак не мог вырасти больше бригады, — писал Краснов. — Бригада эта, составленная преимущественно из крестьян, ушедших от большевиков из Саратовской губернии и крепко их ненавидевших, отлично дралась вместе с казаками на царицынском, камышинском и балашовском направлениях»⁸⁶⁶. В корпус входили кадры старых русских полков — 42-го Якутского, 187-го Аварского⁸⁶⁷. Полки получили нумерацию — 5, 6 и 7-й Саратовские стрелковые полки.

Астраханские войска формировались в Сальском округе. В августе 1918 года они уже вели разведку в районе станицы Граббевской. В это же время их главные силы, названные «Великокняжеским отрядом», «продолжают формирование, составляя резерв Донских войск, действующих в Сальском округе»⁸⁶⁸. В Морозовской стала формироваться Астраханская казачья дивизия. Один полк составляли казаки верхних станиц Астраханского войска Пичужинской и Александровской (казаки низовых астраханских станиц ушли к уральцам) и три полка составляли калмыки. Затем дивизия была развернута в Астраханский корпус и Астраханскую армию⁸⁶⁹. Реально кроме упомянутых казачьих и калмыцких частей в «армии» был сформирован лишь 1-й Астраханский пехотный (1-й Астраханский добровольческий) полк⁸⁷⁰. В период именованья всех этих частей «корпусом» во главе их стоял князь Тундутов, который «играл роль не то

царя, не то полубога у калмыков»⁸⁷¹, начальником штаба у него был полковник Рябов.

Как писал один из донских офицеров, «при первом знакомстве с порядками Астраханской армии являлось желание с ней расстаться»⁸⁷². При армии существовал «политический кабинет», возглавляемый И. Добринским. «Кабинет» поддерживал тесную связь с донскими местными и приезжими монархистами.

По мнению Краснова, в армии было 4000 бойцов (3 тысячи пехоты и 1 тысяча конницы). Деникин считал, что в этой армии до 3000 бойцов. В феврале 1919 года на фронте Астраханская армия имела 1753 бойца.

Ходили упорные слухи (больше, чем о какой-либо другой части), что армия создается на немецкие деньги. В действительности немцы, узнав, что «армия» состоит всего из 1500 человек, прекратили давать деньги, хотя князь Тундутов и утверждал, что «угрожает левому флангу Восточного фронта Стран согласия» (то есть чехословакам)⁸⁷³. Но и эти жалкие крохи Тундутову, а вернее — Астраханскому корпусу, впрок не пошли. «Его калмыки были босы и оборваны, сидели на двухлетках и трехлетках, большинство не имело седел и оружия»⁸⁷⁴. Корпус, «несмотря на всю безалаберность управления, все-таки хорошо дрался и довольно крепко оборонял восточные степи за Манычем от бродячих шаек Красной гвардии»⁸⁷⁵.

«Приазовский край» 28 сентября (11 октября) сообщил, что Астраханская армия вступила в пределы своего края. Войсковое правительство реконструируется в Астраханское краевое правительство (по образцу Донского).

Святослав Голубинцев вспоминал, как товарищ по кадетскому корпусу, александрийский гусар, корнет Н. Чегодаев уговаривал его вступить в Астраханскую армию, «единственную, по его мнению, имевшую явно выраженные монархические идеи...» «Я советую вам записаться в нашу Астраханскую армию, возглавляемую князем Тундутовым. Он бывший паж и полковник гродненских гусар, а теперь выборный атаман Астраханского казачьего войска. Пистолет мужчина! Разгуливает себе в серой черкеске и ни с кем не ссорится, молодчага калмычонок! Уверяю вас, все монархисты должны объединиться в нашей армии!»⁸⁷⁶. С. Голубинцев, кроме того, описал форму «астраханцев», у его товарища на черной гимнастерке на левом рукаве

«была нашита углом романовская ленточка», то есть — бело-черно-желтая.

Помимо военных задач на фронте на части Южной и Астраханской армий возлагались задачи политические — их «филиалы» в Киеве должны были взять власть в городе в случае ухода немцев, падения гетмана и так далее. 17 (30) октября советская разведка доносила: «Киев сейчас находится во власти белогвардейских групп Астраханской и Южной армии, а также офицерских дружин»⁸⁷⁷.

Заволновавшихся после появления на Дону «монархических армий» донских демократов Краснов успокоил приказом № 932: «Никакой ответственности за разрешенные мною формирования Донское войско не несет и помогает им лишь в той мере, в какой эти армии в будущем обеспечат его границы. Политической программой этих армий Войско не интересуется и их не разделяет, имея одну цель — создание сильного государства — Всевеликого Войска Донского». Тогда же было опубликовано «кредо» Русской народной армии полковника В.К. Манакина (будущий Саратовский корпус): армия «без ориентаций», цель — восстановление русского государства; Земский собор; наилучшие отношения с Добровольческой, Южной и Астраханской армиями; с немцами, французами, чехами отношения строго корректные, как с временными гостями России; «армия Донская является матерью Русской народной армии»⁸⁷⁸.

Тогда же деникинские сторонники попытались оказать воздействие на пришедшие с Украины формирования или же создать под этой маркой свои, но Краснов сразу же пресек эти попытки, отдав приказ, что «некоторые узко-партийные круги» пытаются формировать свои дружины, но все они, за исключением Южной армии (штаб — Кантимировка), Астраханской армии (штаб — Морозовская) и Русской народной армии (штаб — Михайловка), должны в три дня покинуть пределы Всевеликого Войска Донского⁸⁷⁹.

Запоздалая идея немцев о походе на Москву в жизнь не воплотилась. Военный крах Германии был очевиден, и Краснов не стал ввязываться в эту авантюру. 31 октября в германское Министерство иностранных дел поступило сообщение: «Ввиду неустойчивого политического положения в Донбассе Краснов не может предоставить своих казаков для наступления против

большевиков, так как они нужны ему для поддержания порядка в своем районе, не говоря уже о том, что казаки не захотят оставить свою область»⁸⁸⁰.

В ноябре, когда Германия потерпела поражение, Южная армия попала в еще большую зависимость от Краснова. Формально она была независима от Дона, но ясно было, что хозяин в ней не командующий генерал Н.И. Иванов, человек с «несколько расстроенными умственными способностями», как высказался о нем Краснов, а сам Донской Атаман. Кроме того, в ноябре 1918 года в связи с болезнью Н.И. Иванова Южную армию возглавил генерал-майор Н.П. Щербаков (бывший командир 6-го уланского полка старой армии). И Краснов вскоре, выступая в Таганроге, взял на себя задачу освобождения России от большевиков и занятия Москвы, все это в качестве верховного вождя Южной Российской армии⁸⁸¹.

Первые же вторжения на территорию великорусских губерний русских монархических и казачьих частей — своего рода генеральная репетиция деникинского похода — показали обреченность этой идеи. В обращении к «Русским людям Воронежской, Тамбовской и Саратовской губерний» донское командование заявило: «Мы идем не для насилий, мы только хотим, сбросив власть комиссаров окончательно, помочь вас сделать то же... На Дону мы сами решаем свои дела, а большевики разогнали ваших и наших выборных в Учредительное собрание и до сих пор не созывают его»⁸⁸². Генерал Семенов, военный губернатор Воронежской губернии руководствовался при управлении законами Всевеликого Войска Донского как «наиболее отвечающими укладу русской жизни»⁸⁸³. Однако жизнь все ставила на свои места. В Богучарском уезде Южная армия восстановила старшин и старост и стала взимать земские налоги за 1917 и 1918 годы⁸⁸⁴. Сами белогвардейцы характеризовали отношение Южной армии к крестьянам как «ужасное»⁸⁸⁵. Дружины воронежских крестьян, выступившие было против советской власти, при вступлении в их места монархических отрядов Южной армии разбежались⁸⁸⁶. Так, по сведениям самих донцов, в Бутурлиновке осенью был отряд добровольцев в 10 тысяч человек, но из-за поведения Южной монархической армии осталось несколько сотен⁸⁸⁷.

Поэтому добровольческие отряды из местных повстанцев, примкнувшие к донцам, не всегда передавались в состав Юж-

ной армии, так 7 (20) октября Краснов и Поляков дали телеграмму командующему Северным фронтом генералу М.М. Иванову: «Добровольческие отряды передайте на усиление Южной армии, оставив их там для работы, где признаете нужным». Резолюция Иванова 8 (21) октября: «Передать на довольствие в Южную армию, а оставить в нашем распоряжении».

Еще одной бедой для донцов стало то, что Южная армия попыталась проводить самостоятельную агитацию и пропаганду. Краснов вынужден был телеграфировать генералу Алферову: «Прекратить всякие занятия политикой, запретить Бармину (с 10 сентября 1918 года — штаб-офицер для особых поручений при Воронежском генерал-губернаторе. — А.В.) пропаганду, не отвечающую действительности. Предложите Южной армии заниматься очисткой Воронежской губернии от большевиков, а не вздорными сплетнями». В целом остается открытым вопрос, чего больше было в деятельности Южной армии для Дона — пользы или вреда.

Кроме частей Южной армии в это время на Дону формировался из казаков Чугуевский уланский полк (приказ № 1501 от 12 ноября) и планировалось начать формирование Черниговского гусарского полка «в виду наличия офицеров этих полков»⁸⁸⁸. Впрочем, офицеры-черниговцы, возрождавшие свой полк в составе Добровольческой армии, об этой попытке не упоминают⁸⁸⁹. С. Голубинцев вспоминал, что 6 октября 1918 года в Новочеркасске решено было возродить Изюмский гусарский полк⁸⁹⁰.

Естественно, конные и кавалерийские полки формировать было труднее, чем пехотные. Поэтому гораздо быстрее, чем гусарские и уланские полки, были сформированы пехотные части — Астраханско-Поволжский полк из крестьян Астраханской губернии деревень Цаца, Райгород, Дубовый овраг (к югу от Царицына), 1-й и 2-й Царицынские ударные батальоны из пленных (сформированы в Нижне-Чирской, 1-му придана конная сотня из казаков).

Раздел IV

БОИ ДОНСКОЙ АРМИИ ПРОТИВ РЕГУЛЯРНОЙ КРАСНОЙ АРМИИ

Глава 17

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1918 ГОДА

По созданной самим Красновым хронологии борьбы донских казаков с большевиками наступил второй период: «народная война казачьей народной армии против Красной рабочей-крестьянской народной армии за целостность своих станиц»⁸⁹¹. Белое командование отмечало, что с июля 1918 года (старого стиля) у красных наблюдалось «увеличение и переустройство армии на общевоинских началах»⁸⁹².

Привыкшие к эшелонной войне красные войска не были способны к полевым операциям вдали от железной дороги. 20 июля 1918 года командир украинской бригады Р.Ф. Сиверс докладывал Троцкому: «Отсутствие достаточного обоза затрудняет снабжение войск и ставит в безвыходное положение части фронта, удаленные от линии железной дороги до 60 верст...»⁸⁹³.

То, что казаки местами сбили красногвардейцев с железной дороги, заставило последних организовать обозы и начать правильную полевую войну.

11 сентября 1918 года из войск Брянского, Курского, Воронежского, Поворинского, Балашово-Камышинского участков, отдельной Северо-Кавказской армии и Астраханской группы был создан Южный фронт. Позже части фронта были разделены на

армии: 8-ю (создана 26 сентября 1918 г.), 9-ю (3 октября 1918 г.) и 10-ю (3 октября 1918 г.), действовавшие против Дона, и 11-ю и 12-ю, действовавшие на Северном Кавказе. Войска фронта, противостоящие донским казакам, состояли из украинских и донских красногвардейских отрядов, выбитых с территории Дона, из сохранившихся полков старой русской армии, присланных на юг из Центра, и из полков местного (губернского) формирования (последнее особо характерно для частей правофланговой 8-й армии). Наиболее надежными из прибывших считались латышские полки. «Мы сражались с казаками, с теми самыми казаками, ногайки которых в тысяча девятьсот пятом году секли наших отцов», — вспоминали латыши⁸⁹⁴.

Создаваемый мощный военный механизм предназначался для «ликвидации красновской авантюры», соединения 8, 9 и 10-й армий с советскими войсками на Северном Кавказе и выхода к Баку⁸⁹⁵.

Поскольку красновский план предполагал выход за границы области и занятие ключевых пунктов на территории российских губерний — Царицына, Камышина, Балашова и других, — создавались предпосылки для целого ряда встречных сражений на донских границах.

Наименее опасным для Краснова был участок между 10-й и 11-й армиями красных, получивший название «Степной фронт», «на этом фронте можно было наблюдать целые части, которые называли себя “большевиками”, а не коммунистами, и занимали “нейтральный фронт”, не воевали ни с белыми, ни с красными»⁸⁹⁶.

Наиболее многочисленная и боеспособная группа войск Южного фронта — 11-я и 12-я армии (более 100 тысяч бойцов, 185 орудий, 12 бронепоездов) — была скована на Кубани и Северном Кавказе боями с «добровольцами», кубанцами и терцами, так что за южные и юго-восточные границы области Краснов был относительно спокоен. Западные границы были надежно прикрыты немцами. Ареной боев становились восточное (царицынское) и северное направления.

Как мы видим, в деле организации регулярной армии Дон, опираясь на традиции казачества, опережал своих противников. Соответственно, в описываемый период, инициатива в ведении боевых действий все еще была в руках Донской армии. Среди

большевиков господствовало насаждаемое разведкой мнение: «Дон — враг серьезный, которого силою оружия подавить никогда нельзя»⁸⁹⁷.

Советские войска, несмотря на приказы наступать, вынуждены были обороняться на северном направлении, удерживать Царицын на восточном и лишь на северо-восточном направлении они периодически пытались переходить в наступление, да и то с целью восстановить связь с осажденным Царицыным.

А) «ПЕРВЫЙ ШТУРМ» ЦАРИЦЫНА

В советской исторической науке всегда говорилось о трех неудачных осадах Царицына красновцами. Первая осада имела место в июле — сентябре 1918 года, и к ней относились следующие события: отряд полковника Полякова (около 10 тысяч штыков и сабель) наносил удар по Царицыну с юга, от Великокняжеской, ему противостояла равная по силам Сальская группа Шевкоплясова; «оперативная группа Мамонтова (около 12 тысяч штыков и сабель)»⁸⁹⁸ наступала непосредственно на Царицын, который обороняли советские войска Царицынского участка (около 23 тысяч штыков и сабель, 162 пулемета, 82 орудия); «оперативная группа» Фицхелаурова (около 20 тысяч штыков и сабель) наносила удар по Царицыну с территории Усть-Медведицкого округа, ей противостояли войска Усть-Медведицкого участка (около 8 тысяч штыков и сабель).

Наступление Мамонтова, начатое 29 июля (11 августа), велось явно недостаточными силами, на направлении главного удара, как видим, атакующие количественно вдвое уступали обороняющимся. Ощущалась острая нехватка боеприпасов. Так, в разгар боев на подступах к Царицыну 3 (16) августа советская сводка гласила: «Между Воропоново и Бекетовкой нажим противника. Бекетовка обстреляна десятью снарядами...»⁸⁹⁹.

Возможно, имела место недооценка большевистских войск. Царицынские большевики докладывали в Москву: «Противник был так уверен во взятии Царицына, что за войсками шли обозы с женщинами за мануфактурой и прочими товарами»⁹⁰⁰.

Большевики пытались отразить удар за счет маневра с юга Сальской группой и за счет подтягиваемых сил с Северного Кавказа. Мамонтов пытался нарастить удар за счет группы Фиц-

хелаурова, который бросил часть сил на Камышин, а часть — резко на юго-восток, на Царицын. Но, как нам известно, казаки Фицхелаурова, выйдя к границам области, заколебались.

И все же мамонтовцы подходили к Царицыну. 1 (14) августа штаб Царицынского фронта большевиков писал распоряжение начальнику 1-й Морозовско-Донецкой дивизии: «Приостановить всякие передвижения и принять самые энергичные меры к задержанию наступления противника, ибо нам уже некуда больше отступать. За оставление ст. Воропоново придется нам строго поплатиться»⁹⁰¹. 2 (15) августа донская конница, части Старикова и Антонова заняли Котлубань и Тингуту, 2-й конный полк занял хутор Песковатку.

Отвлекая внимание большевиков, в ночь на 4 (17) августа 13-й Усть-Хоперский полк совершил налет на перегон Камышин-Балашов и взорвал железнодорожный мост через речку Вязовку у Елани.

К 5 (18) августа отряд Старикова выдвинулся к Гумраку. 6 (19) августа донцы заняли Громославку и Ивановку. 10 (23) августа они увидели город Царицын.

Тем не менее, опираясь на бронепоезда, на превосходство в артиллерии и живой силе, большевики отразили наступление Мамонтова и стали теснить его к Дону. 8-й и 9-й пешие полки Иловлинской и Качалинской станиц (в них были казаки старого 4-го Донского казачьего полка), заявив начальству: «Будя головы морочить», ушли к красным. Другие казаки группы Мамонтова, зная, что Иловлинская и Качалинская станицы постоянно торговали на царицынском базаре (это во многом сказалось на решении изменников), дали казакам упомянутых станиц кличку «Базарники».

Когда собрался Большой Войсковой Круг — 15 (28) августа, — контрнаступление большевиков на Мамонтова было в разгаре, и впору было думать об обороне границ области, а не о наступлении за их пределы. 15 (28) августа донская сводка донесла, что красные густыми цепями атаковали позиции казаков у Карповки, но казачьи пулеметы и «ловкий маневр бронированного автомобиля» отбили красных⁹⁰². И все же 16 (29) августа красные продолжали сосредотачивать силы у Котлубани и Карповки, усилили натиск и 19 августа (1 сентября) местами вышли к Дону. 25 августа (7 сентября) донские части на царицынском

направлении ушли за Дон. Эта дата считается окончанием первого штурма Царицына.

Б) НА ФЛАНГАХ ЦАРИЦЫНСКОЙ ОПЕРАЦИИ

В этот же период начинает официально воплощаться в жизнь задуманная Красновым операция по выходу за пределы области и занятии там ключевых пунктов с целью обезопасить границы Дона. Эта глобальная операция, имеющая своей подоплекой втянуть Дон в затяжную войну с Советской Россией, состояла из ряда частных операций.

Пользуясь тем, что внимание красных было сосредоточено на царицынском направлении, казаки повели наступление на своем левом фланге, опираясь на стоящий на стыке доно-российско-украинской границы, прикрытый с севера Доном город Богучар. Сюда были переброшены с юга наиболее стойкие полки, 23-й Гундоровский и 24-й Сводно-Черкасский, которые усилили группу местного формирования — 28-й Верхне-Донской, 29-й Казанский, 30-й Мешковский и 31-й Мигулинский.

Проблемы с переходом границы были и здесь. В частности, чуть не возник конфликт между 1-й и 2-й сотнями 28-го Верхне-Донского полка — 10 (23) августа 2-я сотня пыталась препятствовать, когда 1-я под командованием старого чернецовца есаула Е.И. Брыкина пошла через границу⁹⁰³. Затем 1-я сотня (состоявшая из мигулинских казаков) заставила перейти границу другие сотни полка⁹⁰⁴.

Однако первый бой был для полка удачным. У деревни Старая Меловая 20 августа (2 сентября) 10 казаков захватили 1-ю Советскую батарею (красных случайно захватили сонными и перекололи штыками). Всего согласно сводке взяли 2 орудия, 3 зарядных ящика, 15 пулеметов. После этого полк «рвался в бой».

Прибывшие из-под Батайска гундоровцы довольно быстро очистили от красных правый берег Дона к западу от Верхне-Донского округа. Ими были взяты Монастырщина (где казаки захватили обоз и денежный ящик красных), а после занятия Богучара — села Перещепное, Гадючье и Цапково. Под Цапково, по данным донского командования, взвод гундоровцев под командованием хорунжего Сухова два дня сдерживал на буграх

атаки двух полков красной пехоты и полка кавалерии при 3 тяжелых и 6 легких орудиях, пока основные силы Гундоровского полка не обошли красных и не атаковали их с тыла.

Входившие в состав тех же войск (генерала З.А. Алферова), но действующие на севере Хоперского округа казачьи полки все это время вели бои местного значения за приграничные слободы — Александровку, Николаевку, Мачеху, Тростянку, Купаву.

Удачным был набег Бузулукского полка на слободу Александровку 10 (23) августа, в ходе которого дивизион хорунжего Якушова разбил два батальона 2-го Витебского полка красных⁹⁰⁵, потеряв при этом 1 убитого и 6 раненых.

Красные здесь обычно вели наступление с трех сторон, по Хопру, Кардаилу и Бузулуку, по сходящимся направлениям. Казаки, прикрывая эти три направления, маневрировали конницей, перебрасывая ее от речки к речке, и тем самым создавали численное превосходство в решающий момент в нужном месте. Так, во время наступления красных по Бузулуку (Киквидзе) и Кардаилу (Сиверс) казаки оставили на Бузулуке против Киквидзе (2 тысячи пехоты, полк кавалерии, 6 орудий, 3 броневика) слабый отряд полковника Моргунова (3-й Бузулукский полк и Сводный полк — 1000 сабель, 150 штыков, 3 орудия) и маневром Бузулукского отряда с Бузулука на хутор Верхне-Кардаильский (река Кардаил) 23 августа (5 сентября) у слободы Николаевки разбили бригаду Сиверса, разметали Китайский батальон и Борисоглебский конный полк. Стянувшая с других участков казачья конница дружно надела на отступающую бригаду. 33-й Еланский полк «сбил» 500 матросов и «гнал до Балашова». Один Хоперский отряд отбил в этот день 19 пулеметов и 26 пулеметных стволов⁹⁰⁶. После этого обходом с севера и атакой отряда Моргунова в лоб казаки заставили отступить вверх по Бузулуку войска Киквидзе.

На северном направлении, преследуя Сиверса, хоперцы и бузулукцы вышли за пределы области.

25—26 августа (7—8 сентября) Алферов нанес удар по железной дороге вне пределов области. Его правое крыло (хоперские полки) перерезало пути между станциями Поворино и Кардаил, отрезая Воронежскую губернию от Саратовской (2-й батальон Бузулукского пешего полка потерял в этом бою у станции

Самодуровка 5 офицеров и 30 казаков, был убит командир сотни Кириллов). Только отказ 1-го батальона Бузулукского пешего полка переходить границу области спас от захвата казаками станцию Поворино. Левое крыло войск Алферова (гундоровцы и верхне-донцы) переправилось через Дон, здесь гундоровцы с боем заняли Нижний Мамон, а верхне-донцы, как уже говорилось, Старую Меловую. Затем левое крыло войск Алферова захватило железнодорожную станцию Калач и двинулось по ветке к узловой станции Таловая.

Вспокоившееся советское военное руководство участка воззвало о помощи, просило перебросить части из-под Балашова или Камышина. «На калачовском участке группа войск, оборонявшая Калач, после взятия его казаками совершенно деморализовалась и отступила в направлении к ст. Таловая, оставив Бутурлиновку. Означенным положением образовался прорыв между этой группой войск участка и группой, находящейся к югу от Павловска»⁹⁰⁷. Советское командование не рискнуло перебрасывать просимые войска с Балашово-Камышинского участка. Из-под Валуек, оголив границу с Украиной, был снят Алексеевский (советский) пехотный полк и послан закрывать прорыв.

Все это время на крайнем правом фланге Донской армии войска Задонского района медленно с боями двигались по железной дороге от Великокняжеской на Царицын. С 1 (14) августа по 25 августа (7 сентября) шли бои за станцию Куберле. Группа полковника Постовского наносила удар с юга, группа войскового старшины Илларионова — с запада. На восток, до астраханской границы, вел разведку и прикрывал правый фланг Зюнгарский конный полк.

Наступление началось с налета самолета хорунжего Соколова на станцию Куберле, где он сбросил две бомбы, сделанные из артиллерийских гранат, и открыл огонь из пулемета «Льюиса»⁹⁰⁸.

Красные, состоящие в основном из местных жителей, прикрываясь речкой Куберле, оказывали упорное сопротивление. Казачья разведка доносила, что у них пять полков пехоты и конный полк Думенко, в ротах по 160—280 человек. Местные не хотели отступать на Царицын и заявляли о готовности «или умереть или сдаться»⁹⁰⁹.

3 (16) августа шел «непрерывный бой в течение всего дня». Белый бронепоезд выходил на линию цепей. Самолет был подбит (разбит радиатор) и сел в станице Орловской. За день боев казаки продвинулись на полторы версты. Были убиты два сотенных командира (хорунжие Урхусов и Мусов) и два сотенных командира ранено.

5 (18) августа войсковой старшина Илларионов с конницей ударил по красным с запада и взял 450 пленных, 8 пулеметов, 500 винтовок и 30 тысяч патронов. Красные контратакой отбросили Илларионова.

7 (20) августа части полковника Тапилина (войска Цимлянского района) ударом с северо-запада заняли станцию Зимовники и Амата, отрезав красным дорогу на Царицын. 61-й конный полк есаула Боброва с 2 орудиями двинулся на соединение к отряду Илларионова, а пехота преследовала красных по линии железной дороги на Куберле⁹¹⁰.

Красные в Куберле фактически были взяты в кольцо. Осада грозила затянуться надолго. Казаки указывали: «Замечается удивительное упорство и устойчивость противника»⁹¹¹.

Войска Цимлянского района должны были спешить к Царицыну. Но перед их уходом была организована общая атака на Куберле.

16 (29) августа войска полковника Овчинникова (сменил временно Тапилина) атакой заняли хутора Русский и Лодин «и овладели частью окопов противника»⁹¹². Войска Постовского нажали с юга, но под огнем смогли пройти всего 200 шагов (успехи прямо как под Верденом).

Красные сбили Овчинникова, выдвинулись на запад до хутора Жирного и бросили свою конницу на станицу Кутейниковскую.

Отряд полковника Духопельникова (сменил Илларионова) восстановил положение. Но Овчинников вынужден был уходить на Царицын, и «ввиду отозвания войск Цимлянской группы войска Задонского района прекратили активные действия»⁹¹³.

Тем не менее в ночь на 18 (31) августа Постовский овладел хутором Верхнеломовским, фактически прорвал оборону красных и навис над Куберле.

Не теряя времени, командование приказало 21 августа (3 сентября) отряду Духопельникова очистить от красных территорию

до реки Курмойрский Аксай (от устья до хутора Караичева). Курмойрский Аксай стал границей действий Задонского корпуса.

Отрезанные от главных сил красные, по данным казачьей разведки, все же приняли решение «присоединиться к Царицынской группе войск, чтобы идти затем в Россию. Главковерх Шевкоплясов сменен, и на его место выбран Ковалев»⁹¹⁴.

22 августа (4 сентября) Постовский вновь перешел в наступление. Через три дня красные отошли на Зимовники и на Гашун. Отрезая им дорогу, отряд Овчинникова атаковал 25 августа (7 сентября) станцию Семичная, которая весь день переходила из рук в руки.

За весь этот период в боях за Куберле отличились 77-й пеший, 78, 79 и 82-й конные Донские полки.

В) «ВТОРОЙ ШТУРМ» ЦАРИЦЫНА И СРАЖЕНИЕ НА ХОПРЕ

Заняв Куберле, казаки продолжали теснить красных по железной дороге в сторону Царицына, 26—27 августа (8—9 сентября) они атаковали станцию Зимовники (76-й и 80-й пешие и 82-й конный полки), а 29 августа (11 сентября) — Гашун (80-й пеший полк).

В этот день — 29 августа (11 сентября) 1918 года — командующий Донской армией генерал Денисов отдал директиву № 0176/к: «В настоящее время главной задачей Донской армии является обеспечение области с востока, что может быть достигнуто лишь взятием Царицына, посему приказываю:

1. Войскам Северо-Западного района активно оборонять границы области на своем участке ... (После получения этой директивы войска Алферова 1 (14) сентября оставили Бутурлиновку, но сохранили за собой Калач. — А.В.).

2. Генералу Фицхелаурову защищать границы Усть-Медведицкого округа на северо-востоке и 2-го Донского округа в пределах своего района.

3. Генералу Мамонтову, удерживая противника на занимаемых позициях, продолжать подготовку к предстоящей операции.

4. Генералу Александрину (временно сменил Быкадорова. — А.В.) энергично продолжать наступление с целью скорейшего уничтожения Зимовнико-Гашунской группы противника и выхода на ст. Котельниково, во фланг чирской группе красных, дабы тем самым облегчить выполнение главной задачи Донской армии по овладению Царицыным»⁹¹⁵.

Во исполнение директивы войска Александрина, взяв Зимовники и Гашун, атаковали станцию Ремонтная (80-й пеший, 78-й конный полки), с северо-запада на помощь им подошли полки Цимлянского района — 63-й Романовский конный, 61-й Филипповский пеший и 63-й (вновь сформированный) пеший полки. Бои за Ремонтную затянулись до 17 (30) сентября.

На севере области директива Денисова предписывала активную оборону. Здесь происходили события, которые белые впоследствии называли «нашествие большевиков на Хоперский округ».

Высшая военная инспекция большевиков обьезжала войска, направленные против Дона, подтягивала и «приводила в божеский вид» выбитые с донской территории части. Дивизия Киквидзе была доведена до 10 тысяч бойцов, бригада Миронова — до 6 тысяч при 4-х батареях, бригада Сиверса доведена до 2-х полков пехоты, полка кавалерии и 7 батарей (1 из них гаубичная). В районе Новохоперска «из разбитых и деморализованных групп» была создана 2-я Курская дивизия с добавлением двух Борисоглебских полков и впоследствии двух Московских (4-го и 6-го). В район Балашова была подведена бригада Захаревича — Витебский и 2-й Тамбовский полки (около 2 тысяч человек)⁹¹⁶.

В составе Высшей военной инспекции находился военрук «Южного участка завесы» П. Сытин, назначенный 29 августа (11 сентября) командующим армиями создаваемого Южного фронта.

Сытин предложил план «ликвидации красновской авантюры»: 1-й этап — освобождение железной дороги Поворино — Царицын; 2-й этап — освобождение всего севера области и 3-й этап — форсирование Дона и «ликвидация красновщины»⁹¹⁷.

Сразу же была подготовлена операция, предполагавшая одновременное наступление всех частей Поворино-Балашовского участка.

Войска оторвались от железнодорожной линии Поворино — Балашов и двинулись степью, чтобы занять линию Поворино — Филоново — Себряково. Правый фланг Поворинского участка стремился войти в связь с войсками Калачовского направления.

На фронте в 140 верст за три дня была пройдена прифронтная полоса шириной 35—40 верст, в упорных боях заняты станица Михайловская, слободы Николаевка, Купава, Александровка, Мачеха, Даниловка. 31 августа (13 сентября) советские войска сбили прикрывавший левый фланг Хоперского отряда новый 4-й Хоперский полк, заняли Урюпинскую и продвинулись до Тепикинской. Дивизия Киквидзе, спустившаяся по Бузулуку, атаковала Преображенскую и 2 (15) сентября после четырехчасового боя заняла станицу. На участке Миронова шли бои за приграничную станицу Островскую. Большевики были уже в полутора переходах от железнодорожной линии Филоново — Себряково, лишь бригада Сиверса, опасаясь за свой правый фланг, оставалась на месте в районе линии Верхне-Кардаильский — Алексиково, не доходя две версты до последней станицы.

В этот момент, когда красным войскам оставалось последнее усилие, казаки нанесли ответный удар. Кулак из трех отрядов, собранный против Поворино, был перенацелен. На рассвете 1 (14) сентября Бузулукский и Верхне-Донской отряды, сведенные в корпус под командованием Ситникова, ударили по правому флангу Сиверса. Бузулукский отряд атаковал хутор Лукьянов и станцию Касарка, а Верхне-Донской атаковал хутор Орловский, затем пошел, набирая темп, на Двойной, Скворцов и Миронов. У хутора Верхне-Кардаильский верхне-донцов встретила красная кавалерия, но была сбита и преследуема до темноты. Как сообщают советские источники, бригада Сиверса «отошла назад к станции Кардаил, совершая этот отход в течение менее суток, без всякого предупреждения соседей и, по-видимому, без принятия всех возможных мер и средств задержаться во время отступления»⁹¹⁸. Образовался прорыв в 20 верст по фронту и 40 верст в глубину. То есть бригада Сиверса за день пробежала 40 верст. «Более трех дней было потрачено на ликвидацию этого прорыва»⁹¹⁹.

Группа Ситникова, «с такой легкостью отбросившая бригаду Сиверса»⁹²⁰, немедленно ушла на участок дивизии Киквидзе.

Это было очень своевременно, так как дивизия Киквидзе 2 (15) сентября после четырехчасового боя заняла станицу Преображенскую.

В один день с атакой на Сиверса Хоперский отряд ударил от Поворино в противоположном направлении. Хоперцы атаковали хутора Верхний и Нижний Моховской, а затем на Студеновский и Тополевский, обходя Урюпинскую с севера и отрезая в ней части Курской дивизии красных. В 6 часов вечера они заняли Добринскую. Дивизион подьесаула Вуколова обходным маневром выгнал красных из Тепикинской.

Опасаясь окружения, красные стали уходить из Урюпинской на запад. 2 (15) сентября Хоперский отряд настиг у хутора Беспалова и пленил 2 батальона 6-го Московского полка, кроме того, было взято 1 орудие⁹²¹. Большевики признавали, что после боев 6-й Московский полк «остался в составе двух батальонов с небольшим количеством штыков»⁹²².

На рассвете 3 (16) сентября хоперцы атаковали деревню Пыховку, взяли ее и стали преследовать красных, уходящих к Новохоперску. Советское командование докладывало, что казаки ударили «на 4-й Московский полк, который стремительно отошел назад, увлекая за собой части 1-го Донского полка»⁹²³. Красные пытались закрепиться на речке Савале, но к 18 часам пеший батальон и спешившаяся Луковская конная сотня по грудь в воде перешли речку и обошли правый фланг противника. Красные отступили в Новохоперск. 4 (17) сентября казаки появились под стенами города.

Одновременно на самом левом фланге войск Алферова, возле украинской границы, казаки подошли к городу Павловску. От Павловска казаков отбили, но в Новохоперск они вошли 5 (18) сентября и захватили 2 орудия и 6 зарядных ящиков. На станции было захвачено 4 паровоза, 416 вагонов и 40 платформ. Позже в районе Новохоперска был захвачен аэроплан. Большевики понесли большие потери. Их 1-й Донской полк, состоявший из красных казаков, потерял обоз 1-го разряда и, имея всего 120 шашек, был отведен на пополнение в тыл, в Грибановку⁹²⁴.

Большевики стали стягивать силы для ликвидации прорыва. В район Новохоперска были двинуты батальон Варшавского полка (500 штыков) и 21-й Московский полк, находившийся

в личном распоряжении Сытина. Советские войска под Царицыным стали создавать ударную группу в составе 1-й Коммунистической дивизии, которая должна была на рассвете 5 (18) сентября начать наступление на станцию Лог на запад и северо-запад, на помощь войскам поворинско-балашовского направления⁹²⁵.

Пока красные стягивали эти силы, казаки атаковали дивизию Киквидзе.

3 (16) сентября Ситников с двумя отрядами расположился в хуторе Зубрилове и разведкой освещал местность к северу от Преображенской. Казаки Боково-Каргинского полка выслали разведку на Купаву и хутор Алонцов.

4 (17) сентября вялые бои шли вокруг Преображенской. На помощь хоперцам с усть-медведицкого участка был двинут 15-й конный полк, который дошел до слободы Секачи.

5 (18) сентября с утра начались бои за хутора вокруг Преображенской — Шатров и Ширяев. Одновременно две колонны Ситникова двинулись, обходя Преображенскую с севера, на Ежовку и Алонцов.

В 8 утра части полковника Моргунова выбили красных из хутора Ширяева, те два раза контратаковали при поддержке двух броневиков, но Моргунов удержал хутор. В 10 часов красные атаковали хутор Лапин, севернее Ширяева, но были отбиты отрядом полковника Попова (каргинскими, боковскими и краснокутскими казаками). С 11 часов начался бой за хутор Шатров. 3-й Бузулукский полк занял его, отбив две контратаки, и взял 1 пулемет.

Обходные колонны с утра атаковали Ежовку. Бой шел в пешем строю. Здесь был «смертельно ранен командир Вёшенского полка войсковой старшина Агафонов, шедший впереди своих цепей под градом пуль пулеметного огня»⁹²⁶. В Ежовке были взяты пленные Преображенского полка (по названию станицы) красных, местные хохлы. Пленные показали, что красные обещали демобилизовать их, как только возьмут Филоново, что в Преображенской стоит Чехословацкий полк и что удар Ситникова для красных — полная неожиданность.

Красные части из хутора Кашинского пытались Ежовку отбить, но 2-й Бузулукский полк отразил эту попытку. К вечеру также был взят хутор Алонцов.

В ночь на 6 (19) сентября, отвлекая красных, есаул Сальников, названный в сводках «неутомимым», с пешей разведкой напал на их окопы под Поворино.

Утром 6 (19) сентября отряд Попова получил приказ демонстрировать против Преображенской, а основные силы были посланы в обход. В это время разведка донесла, что красные оставили Преображенскую и отходят на слободу Мачеха. Конница отряда Моргунова вступила в Преображенскую в 8 утра. Полковник Попов с Краснокутским полком бросился преследовать отступающего противника и стал торопить пехоту и орудия. Двигающаяся с Краснокутским полком батарея войскового старшины Упорникова «своим метким беспощадным огнем вносила полное смещение и панику в ряды красных»⁹²⁷. Но развить успех не удалось. Красные броневики прикрывали отступление.

Обходные колонны в бою под Преображенской и Мачехой участия не приняли. Они опять вели бои в районе Алонцова, Ежовки и Архангельского. Участвовавший в этих боях со стороны красных Преображенский полк эвакуировал 106 раненых, убитых не подсчитали.

В сумерках Бузулукская конница настигла красных у Мачехи. 3-й Бузулукский полк подьесаула Маноцкова обошел их левый фланг и, угрожая с юга, заставил свернуть от Мачехи на север. 1-й дивизион полка обошел Мачеху и атаковал красные обозы, причем захватил 4 легких и 1 тяжелое орудия. 2-й дивизион в темноте ударил по своим, в результате чего 1-й дивизион бросил захваченные орудия и увез лишь 4 пулемета.

7 (20) сентября в 5 утра части Моргунова атаковали Мачеху, взяли 4 пулемета и вошли в слободу. Но местные жители, подерживая красных, открыли огонь в упор из домов, одновременно атаковали красные броневики. Казаки в панике отхлынули. «Много пехоты боковыми путями ушло на Семеновку и дальше на Завязинский, не обращая внимания ни на какие приказания и уговоры», — сообщало донское командование⁹²⁸.

8 (21) сентября казаки вели перегруппировку сил для атаки Мачехи и Тростянки. Обходные колонны повернули на юг и начали «спешное наступление к верховьям балки Большая Адарюшка», выходя к Мачехе с севера. Красные выдвинули в этом направлении пехотные цепи, но артиллерийским огнем и конными

атаками они были смяты и стали уходить на восток в сторону Елани. В 16 часов обходные колонны вышли к Мачехе и атаковали ее, но были отбиты.

Ожесточение сражающихся возросло. Командование доносило: «Ввиду предательского поведения жителей слободы Мачехи приказано слободу сжечь. Появлению и развитию паники много способствовало слишком малое количество офицеров в частях»⁹²⁹. В тот же день в служебной переписке было указано: «В последнее время взаимное ожесточение воюющих сторон достигло крайних пределов. На запрос мой, куда направлены захваченные в бою у хутора Булавинского два батальона пленных, полковник Савватеев донес, что, по слухам, по пути они были уничтожены озлобленными казаками хоперских станиц за разорение их края большевиками. Та же участь постигает и остальных пленных. Начальник штаба, полковник (подпись)».

Красные в Мачехе еще держались и пытались контратаковать.

В ночь на 10 (23) сентября красные из Мачехи повели атаку в южном направлении, на мост через Бузулук, чтобы прорваться здесь и отойти на соединение с войсками Миронова. Казаки отбили эту атаку и удержали мост.

Утром войска Ситникова, «несмотря на дождь, грязь и ветер», одновременно атаковали с севера Мачеху и Тростянку и заняли их. Дивизия Киквидзе уходила вверх по Бузулуку. Казаки отбили автомобиль самого Киквидзе.

12 (25) сентября войска Ситникова выбили красных с территории Донской области и заняли приграничную деревню Ивановку. В этот же день на усть-медведицком направлении казаки вытеснили войска Миронова за станицу Островскую и тоже вышли к границе. В целом наступление советских войск на железнодорожную линию Поворино — Филоново — Себряково было сорвано.

Но и Новохоперск казакам удержать не удалось. С 11 (24) сентября красные при поддержке бронепоездов повели наступление на город с двух сторон. 12 (25) сентября вечером казаки ушли из Новохоперска.

Войска Ситникова попытались развить успех и, преследуя красных, захватить город Елань и взорвать там железную дорогу. Однако части Бузулукского отряда, за исключением 3-го кон-

ного Бузулукского полка, за границу не пошли. Отказался переходить границу Боково-Каргинский пеший батальон (из пеших сотен этого полка). Не желая наступать без Бузулукского отряда, остановились в 5 километрах от Елани и не пошли дальше другие части Ситникова.

Решающие события переместились восточнее, под Царицын, где генерал Мамонтов, скопив силы, 9 (22) сентября форсировал Дон (41-й Суворовский полк разгромил у Пятиизбянской Громославский полк красных) и перешел в наступление. Реввоенсовет Южного фронта (Сталин, Минин, Ворошилов) докладывал в Реввоенсовет Республики 14 (27) сентября, что положение на фронте с 20 сентября изменилось, так как «в одном месте, на пространстве между ст. Ляпичево и хут. Ильменским (западнее ст. Кривоузинской), неприятельским полкам удалось прорвать фронт»⁹³⁰. Фронт рвали местные казаки Суворовской, Есауловской, Чернышевской и Краснощековской станиц из бригады полковника Донскова — 41-й и 42-й пешие полки, названные Мамонтовым «железными», там же отличился 50-й Бессергеевский пеший полк. Прорвав фронт, казаки двинулись к станции Воропоново, под стены Царицына.

10 (23) сентября командующий Донской армией генерал Денисов отдал директиву № 1425/к: «Ввиду перехода в наступление генерала Мамонтова и его успеха, несмотря на превосходные силы противника, приказываю войскам генерала Фицхелаура безотлагательно сбить противника, занявшего станцию Лог, и во что бы то ни стало занять станцию Иловля».

Войскам генерала Александрина, помня, что от их успеха зависит дальнейшее продвижение войск правого фланга генерала Мамонтова, не оставались пассивными и развить энергичное наступление в направлении на Ремонтную или Котельниково»⁹³¹. То есть Денисов требовал, чтобы соседи Мамонтова справа и слева нажали и не позволили красным перебросить части под Царицын.

Генерал Александрин, ведя бои за Ремонтную, одновременно атаковал Котельниково (79-й Мечетинский конный полк), а 82-й конный полк двинулся еще дальше на восток, вверх по Салу.

Генерал Фицхелауров не смог взять станцию Лог. Более того, ударная группа красных, двинутая в наступление по железной

дороге от Царицына на Поворино, заняла 13 (26) сентября станцию Липки, а затем при помощи мироновцев, занявших станцию Малодельскую, повела наступление на станцию Арчеда, которую обороняли один пеший и один конный полки казаков. Красная кавалерия (Доно-Ставропольский полк и две сотни красных казаков) обошла правый фланг белых, а с фронта в атаку пошли броневики. Казачья пехота побежала и была изрублена. Красная сводка сообщала, что polegло свыше 200 донцов. «Убитые казаки почти все старики — от 45 лет и выше, в числе их оказался один офицер»⁹³². Казачья конница (13-й Усть-Хоперский полк) уклонилась от удара, но попала в окружение, из которого все же смогла выбраться. В результате 15 (28) сентября красные заняли станцию Арчеда.

Еще севернее войска Алферова постоянными налетами (бои за Павловск и Новохоперск) держали в напряжении красные войска от Балашова до украинской границы. 15 (28) сентября П.П. Сытин доносил главному «о предпринятой казаками серьезной операции против всего фронта Павловск — Новохоперск — Балашов» и просил подкреплений⁹³³.

Но и казаки не смогли развить успех на северном направлении. Их отвлекли события на усть-медведицком участке.

15 (28) сентября начальник штаба войск Хоперского округа капитан Ситников предупредил начальника Бузулукского отряда генерала Ситникова, что на реке Медведице части Усть-Медведицкого округа потерпели неудачу и уходят вниз по реке. Станицы Малодельская, Раздорская и Сергиевская заняты мироновцами. Казаки пока удерживали хутор Сенный у них на пути⁹³⁴.

На Бузулукский отряд командующий войсками Хоперского округа возлагал в этой ситуации особые надежды...

17 (30) сентября красные нажали от Новохоперска. «Наши цепи засыпаются артиллерийскими снарядами», — доносили из Хоперского отряда. В этот же день мироновцы заняли хутор Сенный, граждане которого приветствовали Миронова и постановили «просить Творца природы даровать ему, Миронову, победы над вековыми нашими врагами и угнетателями...»⁹³⁵. Мироновцы продолжали наступление по обоим берегам Медведицы. На левом берегу их сдерживал отряд Сутулова, на правом — Голубинцева. Отряд Старикова стягивался к Михайловке и

Себрово, чтобы оттуда перейти в контрнаступление. И только на фронте против Киквидзе пока было спокойно. Вёшенский полк, занимавший слободу Купаву, доносил, что против него в Александровке стоит Московский полк. «Красные сейчас в Александровке лежат, ничего не делают... Мы, — говорят, — пришли на усмирение, а нас гонят на казаков»⁹³⁶.

В этой ситуации командовавший войсками Хоперского округа Савватеев поставил войскам оборонительную задачу прикрывать от вторжения красных долины Хопра и Бузулука, оттянул в свой резерв полк конницы (3-й Бузулукский) и бросил Бузулукский отряд на юг, в Усть-Медведицкий округ.

Бузулукский отряд сдал свои позиции против Терсы и Елани Сводному отряду полковника Попова (Боково-Каргинский полк, приняв позиции, отметил, что «ловушки для броневику подделаны неумело») ⁹³⁷ и ночью через степь вышел к балке Сенная. Утром 18 сентября (1 октября) Бузулукский отряд ударил с севера по хутору Сенному и занял его.

Мироновцы в это время уже прошли Сенный, заняли хутор Большой и подходили к слободе Сидоры, так что бузулукцы оказались у них в тылу.

19 сентября (2 октября) мироновцы заняли слободу Сидоры и уже подходили к железной дороге, но тут Бузулукский отряд под командованием полковника Соколова атаковал со стороны Сенного хутор Большой, за который начался ожесточенный бой. Бузулукский пеший полк отважно атаковал красных, утопая в глубоком песке⁹³⁸. 2-я Хоперская батарея Упорникова два раза выезжала на открытые позиции и вела с них огонь. В хутор Большой врывались дважды — в 12 и в 15 часов.

Прикрываясь со стороны Большого, мироновцы пошли на северо-запад, к железной дороге, и здесь, у хуторов Медведевского и Буянова, столкнулись с войсками Голубинцева, который отметил «сумасшедший натиск красных на Медведевский»⁹³⁹. В это время в бой вступили полки Старикова и атаковали слободу Сидоры.

В 16 часов красные обозы попытались уйти на север по балке Чепурий лог, но были рассеяны конницей Голубинцева и побежали к югу на Сидоры. «Миронов со своими бандами окружен со всех сторон», — констатировали казаки⁹⁴⁰.

Вечером стало ясно, что Миронов смог прорваться на север, на хутора Фатеев и Попов и ускользнул на слободу Секачи. От хутора Попова он послал пехоту на юго-восток, на Сенный, чтобы прикрыть свое отступление. Это движение было замечено 1-м Бузулукским конным полком. Бузулукский отряд, стоявший в Большом, переменял фронт на восток, на Сенный. В ночном бою часть красной пехоты была рассеяна, но большинство ее удержалось. Подошла конница Голубинцева и вместе с Бузулукским отрядом начала преследование в общем направлении на Секачи.

Наперерез Миронову на Секачи из Хоперского округа были брошены дивизион Кумылженского полка и 3-й Бузулукский полк из резерва Савватеева. Еще восточнее, на хутор Булгурин, был послан Боково-Каргинский конный полк. «На полк возлагается задача разгромить и совершенно уничтожить красных, бегущих из Попова на Секачев и далее к востоку, не допустить уйти их за границу»⁹⁴¹.

Поймать Миронова не удалось. 20 сентября (3 октября) казачьи части Хоперского округа, подходившие к Секачам, получили приказ восточнее не выдвигаться и возвращаться в Тростянку и Мачеху, на которые начал наступление Киквидзе...

Против Миронова пока оставался 3-й Бузулукский конный полк, который 21 сентября (4 октября) атаковал Секачи с запада. С востока и северо-востока на слободу ударил 16-й конный полк Голубинцева.

Не имея снарядов, мироновцы все же прорвались и ушли за пределы области.

В этот день дивизия Киквидзе при поддержке броневиков выбила Краснокутский полк из слободы Тростянки и, преследуя, заняла слободу Мачеху. Бои шли у Купавы и хутора Красноталовского. Отряд Попова (без Боково-Каргинского полка) отходил перед красными по обоим берегам Бузулука.

22 сентября (5 октября) дивизия Киквидзе закреплялась в Мачехе. Казаки стягивали силы (Бузулукский отряд, Боково-Каргинский полк) к Преображенской.

23 сентября (6 октября) красные из Мачехи двинулись на Семеновку, разогнали там при помощи броневиков 2-ю сотню Краснокутского полка, но дальше не продвинулись и отошли в Мачеху.

24 сентября (7 октября) латыши и 6-й Заамурский конный полк красных выдвинулись к хутору Булгуринскому. Разведка доносила, что неугомонный Миронов ведет их знакомой дорогой на Секачи, чтобы ударить во фланг войскам Усть-Медведицкого округа. Но это была демонстрация.

26 сентября (9 октября) выяснилось направление главного удара большевиков. Дивизия Киквидзе направила на Боково-Каргинский и Краснокутский полки у хутора Завязинского, но не смогла сбить их. Тогда красные взяли севернее и двинулись тремя батальонами пехоты и двумя полками конницы при 4 орудиях на хутор Зубрилов к линии железной дороги.

Бузулукская конница взяла их во фланг, ударила с высот северо-восточнее Зубрилова и взяла 1 орудие. Красные отошли на Алонцовский.

Утром 27 сентября (10 октября) красные повторили атаку. Московский губернский полк с 7 орудиями и два полка конницы (один из них из красных донских казаков) вновь двинулись на Зубрилов от балки Бирючьей. Здесь их ждали три конных полка Бузулукского отряда и 4-я Хоперская батарея.

Донское командование отмечало, что красные оказывали «упорное сопротивление, подпуская наши спешенные сотни на 15 шагов»⁹⁴². Но «несмотря на губительный пулеметный, ружейный и орудийный огонь, после лихого удара в конном строю наших сотен во фланг и тыл противнику, красные обратились в бегство»⁹⁴³. В плен было взято более 350 человек, в том числе раненый командир Московского полка, врач и две медсестры, захвачено 4 легких орудия, 8 зарядных ящиков, 12 пулеметов, 300 винтовок, мотоцикл и полевая кухня.

Пленные показывали, что подкрепления к красным идут походным порядком, так как железнодорожные составы все забиты боеприпасами, что ящики со снарядами стоят даже на крышах вагонов⁹⁴⁴, и рассказывали другие страшные вещи.

Командование войск Хоперского округа, пользуясь поражением красных под Зубриловым, пыталось отбить Мачеху и Тростянку и 28 сентября (11 октября) отдало приказ очистить от красных Бузулук, но наткнулось на красные броневики, которые несколько раз разгоняли бузулукскую и верхне-донскую конницу. Бои у слобод приняли затяжной характер.

Так или иначе, в результате побед или поражений, но ближайшие соседи Царицыну помочь не могли, и Реввоенсовет Южного фронта 14 (27) сентября приказал командующему войсками Северного Кавказа «экстренно перебросить» в Царицын Ставшую дивизию Д. Жлобы⁹⁴⁵, которая в это время и так уже двигалась к Царицыну.

В самом конце сентября нового стиля казаки нанесли удар несколько южнее Царицына, заняли слободу Громославка. Командир Ново-Николаевского полка Морозовской дивизии красных вспоминал о бое 14 (27) сентября под Громославкой: «Я в своей жизни немало воевал, был на германской войне, но никогда не видел, чтобы враг лез так напористо, как на этот раз. Мы их бьем, а они лезут, колонна за колонной... Мои бойцы окопались, пулеметы работают, пушки работают, снарядов уже не хватает, а они на нас в две лавы конницы бросаются...».

Взяв Громославку, казаки перерезали железную дорогу Царицын — Великокняжеская между Гнилоаксайской и Жутово, отрезая тем самым красную группировку в Котельниково. Были захвачены Гнилоаксая и Абганерово. Казаки вышли с юга к станциям Тундутово, Тингута, Сарепта и стали переправляться на левый берег Волги южнее Царицына. Город оказался в полукольце.

Полки Александрина (80-й пеший, 76, 79, 82-й конные) обошли Котельниково и заняли севернее ее станцию Жутово, чтобы Котельниковская группа красных не могла ударить с тыла на казаков, штурмующих Царицын с юга.

Севернее, в Усть-Медведицком округе, войска Фицхелаврова (его сменил генерал Яковлев) выбили красных со станций Арчеда и Лог и вышли к реке Иловля.

В это же время, когда все внимание красных было приковано к Царицыну, гундоровцы, черкасцы и полки Верхне-Донского округа нанесли удар по городу Павловску и станции Бутурлиновка на левом фланге Донской армии.

Павловск до этого несколько раз переходил из рук в руки, но 22 сентября (5 октября) был окончательно захвачен Гундоровским полком. Вместе с гундоровцами бой за Павловск вел 28-й Верхне-Донской полк, разбивший реквизиционный полк Сечко. Верхне-донцы наступали в рост, без выстрела, без перебежек. Потом они вспоминали, что одна их сотня — 150 казаков —

атаковала 3 тысячи красных, на фланге их действовали казаки Казанского полка и очень помогала батарея есаула Матасова, бывшая картечью.

Воронежская ЧК телеграфировала в ВЧК: «Казаки, не обладая большими силами, захватили Павловск и двигаются на Лиски. Стоящие на этом фронте наши части деморализованы и не могут оказать достаточного сопротивления... Необходима срочная высылка подкреплений на этот участок, иначе Воронежу в скором времени будет грозить судьба Казани»⁹⁴⁶. В тот же день Алексеевский и Калачевский красные полки были выбиты казаками из Бутурлиновки: «Отходящие части за темнотой трудно было собрать. Связь была нарушена. Резервов вовсе не было»,⁹⁴⁷ — доносили большевики. В Бутурлиновке казаки захватили 57 вагонов, 200 тысяч патронов, 2 орудия, 20 пулеметов.

Красные пытались восстановить положение. Примерно через неделю они перешли в наступление от Таловой на Бутурлиновку. Краснов считал, что их было «около шести дивизий (однако не более 12 тысяч)»⁹⁴⁸. Что случилось после, описывает Краснов: «Казачий отряд Гундоровского и Мигулинского полков, силою около 2 тысяч пехоты и 400 конницы, под начальством генерала Гусельщикова прибегнул к своей обычной тактике. Быстрым отступлением до самой Бутурлиновки вовлек противника в мешок между своей пехотой и затем решительным ударом с обоих флангов сдавил его в долине Бутурлиновки и принудил их к сдаче»⁹⁴⁹. Главное командование красных не могло оказать действенной помощи на этом участке, так как собирало в районе Поворино кулак (3 латышских полка) для удара на помощь Царицыну.

В боях за Павловск и Бутурлиновку отличился Гундоровский полк, который к тому времени уже прошел большой боевой путь. Сформированный на Донце, в станице Гундоровской, полк был брошен на Батайский фронт, где отличился у деревни Амур, Сухой Кагальник, Ново-Батайск и у Кушевской. Командир полка, войсковой старшина А.К. Гусельщиков «за ликвидацию Батайского фронта» был произведен в полковники. Затем полк был переброшен на север, на воронежское направление. На новом фронте полк, как уже говорилось, брал Богучар, деревню Цапкова, Калач, 6 (19) сентября выбил красных из Нового Мамона, вел бои за Воробьевку и отражал наступление

на Бутурлиновку. В Павловске полк захватил знамя советского Сахаровского полка, а всего в боях — 7 орудий, 67 пулеметов. 400 винтовок, 10 тысяч снарядов.

За эти подвиги приказом № 1180 от 12 (25) октября полку было присвоено название «Георгиевский Гундоровский полк» и право ношения георгиевских петлиц. Гусельщиков был произведен в генерал-майоры (приказ № 969 от 15 (28) сентября 1918 года) и вскоре назначен начальником нового Северного отряда.

Павловск, лежащий на берегу Дона в стороне от железных дорог, был занят «сверх плана». Это место было удобно для развертывания Южной монархической армии, которой предстояло идти вместо Донской на север, на Москву.

Хотя «громкие победы» были достигнуты на левом фланге, судьба всего сражения в это время решалась под Царицыным.

Казаки вплотную подошли к городу с юга и запада. Жутовский отряд Кругликова был разбит и ушел в Бузиновку, а затем на Кривомузгинский — Карповку, дивизия Романовского — на Абганерово. Казачья разведка докладывала, что у красных вдоль железной дороги «полная разрозненность и несогласованность».

Вслед за этими войсками отошла от Дона к Царицыну центральная группа красных. Казаки отмечали, что красные здесь «при довольно значительной численности оказывали малое упорство и стойкость»⁹⁵⁰.

27 сентября (10 октября) к югу от Царицына была занята станция Тингута. 30 сентября (13 октября) советская сводка гласила: «В направлении ст. Червленая — Тингута ожесточенные бои продолжаются, противник вводит в дело все новые и новые части. Наши войска сдерживают напор противника на позиции к западу, юго-западу и югу от Сарепты...»⁹⁵¹.

Затем бои на южном направлении притихли. Казаки нажали с севера. Но главные силы для стремительного удара копили в центре, в районе Музга, Карповка, Басаргино. Здесь жестокие бои за станцию Воропоново вели лучшие части — 41-й Суворовский пеший, 46-й Каменский пеший и переброшенный из-под Ростова 98-й Ново-Николаевский пеший полки.

2 (15) октября наметился кризис сражения. Засевший в Царицыне РВС фронта обратился через голову начальства прямо к Ленину и Свердлову с просьбой о помощи, и главному

Вацетису пришлось отчитываться, когда и сколько войск было направлено на помощь Царицыну.

На 4—5 (17—18) октября командующий Южным фронтом готовил наступление от Поворино на Филоново, Себряково и далее до соединения с красными частями под Царицыным, но перелом в боях под городом наступил раньше из-за удара с юго-востока.

3-я колонна советских войск Северного Кавказа, сведенная в Сталинскую дивизию под командованием Д. Жлобы — 8 пехотных и 2 кавалерийских полка, 10—15 тысяч бойцов — еще в сентябре двинулась из района Ставрополя к Царицыну. Дивизия двигалась ночью, тщательно маскируя свое передвижение, держась в 100—120 верстах от железной дороги. Меры предосторожности и, главное, то, что дивизия двигалась по территории Ставропольской и Астраханской губерний, куда подверженные «пограничной болезни» казаки старались не заходить, способствовали внезапности удара.

Донская разведка о подходе Жлобы знала, но недооценила его силы. В недельной разведсводке 24 сентября — 2 октября (7—15 октября) 1918 года говорилось, что появление красных в юго-восточной части Сальского округа было отмечено 3—10 (16—23) сентября, затем — 17—24 сентября (30 сентября — 7 октября). Тогда же донская разведка предположила, что красные решили очистить Северный Кавказ и соединиться с главными силами.

К 1 (14) октября «перебежчики рисуют картину непрерывного движения красных через Торговое — Заветное... на Царицын... причем войска будто бы получили приказ спешить в Царицын, не ввязываясь по дороге в бой... Можно с уверенностью сказать о переброске Жлобы из района Воздвиженская — Митрофановка. Причем из 7 тысяч человек при 8 орудиях этой дивизии на Царицын ушло, по показаниям местных жителей, 4 тысячи человек, а остальные разбрелись по окрестностям и занимаются грабежом»⁹⁵².

Главное внимание донской разведки и, соответственно, донского командования было приковано к группе Штейгера, которая в ночь на 28 сентября (11 октября) стала из Котельниково пробиваться к Царицыну. Вечером 29 сентября (12 октября) головной бронепоезд Штейгера подошел к станции Жутово. Донская разведка отмечала, что войска Штейгера — лучшие среди

других красных войск («редким исключением является бывший Котельниковский отряд Штейгера») и указывала на их высокую активность и «чрезвычайное упорство»⁹⁵³.

10 тысяч Штейгера перевесили в сознании донских штабистов предполагаемые 4 тысячи Жлобы. В результате удар последнего не ожидали.

2 (15) октября части Стальной дивизии атаковали с тыла казачьи войска у деревни Б. Чапурники. Красные наступали, рассыпав 13 цепей и имея якобы по 3 тысячи кавалерии на каждом фланге⁹⁵⁴. Удар между Тундутово и Сарептой пришелся по Астраханской дивизии белых. Жлобинцы вырубили 7-й Астраханский полк⁹⁵⁵. По сведениям большевиков, казаки оставили на поле боя около 1400 трупов. Жлоба считал, что были разбиты 1-й Астраханский и 1-й Украинский добровольческий полки. Белые писали, что в окружение попал, но прорвался 5-й полк «Молодой армии». Жлобинцы отбили 6 орудий, 49 пулеметов, 125 тысяч патронов. Сами они якобы потеряли 13 убитых, 153 раненых⁹⁵⁶. Будущая Астраханская армия белых была разгромлена.

Однако казаки продолжали атаки на город с запада. Но, подойдя вплотную к окраинам города, они были остановлены огнем бронепоездов. «Особенную помощь армии оказывает самоотверженная, героическая стойкость броневых поездов», — докладывали большевики из Царицына 2 (15) октября⁹⁵⁷. «Положение ухудшается с каждым часом. У противника очень большие силы и, несмотря на огромные потери, продолжает наступать», — сообщали они 3 (16) октября⁹⁵⁸.

На помощь Царицыну отчалил речной десант из Астрахани, двигались полки из Саратова.

4—5 (17—18) октября, отвлекая донцов от Царицына, должны были начать наступление красные войска по Иловле, Медведице, Бузулуку и Хопру, от Камышина и Поворино. Но в бой здесь бросился один дисциплинированный Миронов. 7 (20) октября он вышел в те же места, где был недавно окружен. Соседи (дивизия Киквидзе) отстали верст на 30. Миронов жаловался командованию на Киквидзе: «Освободите меня от соседства, которое своим преступным равнодушием когда-нибудь погубит дивизию истинных и достойных борцов революции». Он предупреждал: «На левом берегу Медведицы противник стремится к Березовской и, если он выбьет мою роту и полусотню и захва-

тит переправу, положение будет незавидное, если еще принять во внимание сиротство моих флангов». Надо было отходить, но отходы разлагающе действовали на бойцов, и Миронов запрашивал: «Прошу указать, что делать дивизии, ибо всякое промедление грозит новым окружением дивизии»⁹⁵⁹.

Предвидение Миронова оправдалось. Войска Усть-Медведицкого округа навалились на него. Белые приписывали тщательную разработку операции новому начальнику штаба войск округа П.И. Коновалову. Впоследствии Миронов вспоминал «бои 24/X 1918 г. в районе хуторов Большого — Обьедкова — Сенного на р. Медведице, где восемь рот, поддержанные двумя полками кавалерии на протяжении 12 часов [отбивали] атаки 8 кавалерийских и 4-х пехотных полков белых, не потеряв ни одного пулемета, потеряли убитыми, ранеными и без вести пропавшими более 1000 человек, но вышли с честью из окружения»⁹⁶⁰. Впрочем, еще до «выхода с честью» из окружения. 12 (25) октября Миронов докладывал: «Положение дивизии, если не катастрофическое, то близко к этому... на правом берегу Медведицы против меня действует 11 полков. В один только транспорт отправлено одних раненых 294 человека...»⁹⁶¹. Части Миронова откатились на линию реки Терса, на позицию Терсинка — Рудня — Разливка. Усть-Медведицкие полки рванули было на Камышин и даже заняли Красный Яр. Но ударом во фланг Миронов смог остановить их.

В результате этих действий под самим Царицыным бои постепенно приняли затяжной характер. На южном направлении от Тундутово 2-й Северо-Кавказский кавалерийский полк красных (в Стальной дивизии было 700 сабель) пошел на юг, на Абганерово, куда пробивалась от Котельниково Сальская группа красных. Между Гнилоаксайской и Абганерово красными был захвачен бронепоезд «Брянский». В результате Сальская группа большевиков 8 (21) октября соединилась с Царицынской. Обстановка к югу от Царицына стабилизировалась. Командование Южного фронта докладывало в этот день, что «положение в Царицыне, по-видимому, не представляет особой угрозы»⁹⁶². Фронт остановился на линии Гнилоаксайская — ст. Ляпичево — ст. Калач и линия Дона до Иловли.

Измотанные части, особенно из удаленных от Царицына округов (Луганский, Бессергеновский и Богаевский полки), стали

снимать с фронта и отводить в тыл. Штабные обвиняли их в трусости.

Позже, приводя данные о трофеях, взятых в сентябре (43 орудия, 312 пулеметов, 10 тысяч винтовок, 5 бронепоездов, 4 броневика, 12 тысяч снарядов), Краснов признал, что из строя было 40 % казаков и 80 % офицеров⁶³.

Г) УСПЕШНЫЕ БОИ НА СЕВЕРЕ ОБЛАСТИ

Краснов не отказывался от занятия Царицына. Готовились новые части — 3-я Донская дивизия и 2-я пластунская бригада «Молодой армии». У немцев просили под Царицын 8 тяжелых орудий и 6 аэропланов. Немцы, хотя сами были на грани катастрофы, согласились⁶⁴.

Пока Краснов готовил войска «Молодой армии», поредевшие части Задонского района (отряды Топилина и Духопельникова — 1335 штыков, 2484 шашки, 71 пулемет, 24 легких орудия, 1 тяжелое орудие, 2 горных орудия, 2 бронепоезда с 2 легкими орудиями и 13 пулеметами)⁶⁵, опиравшиеся на станцию Жутово, еще раз захватили Абганерово. 11 (24) октября 63-й конный полк занял станцию, 61-й и 63-й пешие под прикрытием конницы начали спешно разрушать железную дорогу.

13 (26) октября красные вернули станцию, но 14 (27) октября казаки вновь заняли ее.

Со своей стороны советское командование готовило ответный удар, имея целью «разбить зарвавшихся казаков прежде, чем им успеют оказать существенную помощь украинцы, а может быть, даже и вероятные десанты держав согласия»⁶⁶.

Готовилось общее наступление всеми силами Южного фронта, начальной целью которого было очищение от казаков всего северного берега Дона. Главный удар наносился ударной группой от Поворино вдоль железной дороги на Царицын. Навстречу должна была ударить 10-я армия. Это был старый, несколько исправленный план «спасения Царицына», намечавшийся на 4—5 (17—18) октября.

Особая ударная группа Красных армий Южного фронта, которой предстояло наступать от Поворино, состояла из 8-го и 9-го Латышских полков. Латышского полка особого назначения, двух русских советских полков, Витебского латышского

кавалерийского полка, Донского казачьего полка. Пензенского латышского кавалерийского эскадрона и двух броневиков.

17 (30) октября красные перешли в наступление от Поворино на станцию Косарка. Войска Ситникова преградили им дорогу. В 6 верстах от Поворино латышей встретил «сравнительно меткий артиллерийский огонь»⁶⁷.

Сохранилось донесение о ходе боя, написанное командиром 8-го Латышского полка. Согласно ему 2-й Революционный полк (один из двух русских полков, приданных группе) отказался наступать, и между латышскими полками образовался разрыв в 4 версты. Бой разгорелся у хутора Дупляцкого, у обрыва и железнодорожного моста. При помощи 37-миллиметровой скорострельной пушки системы «Маклена» латыши сбили казаков. Но казаки, сосредоточив «в плохо заметной с нашей стороны балке приблизительно от 5 до 6 эскадронов», бросились «навстречу и в обход» латышам. «Минута показалась катастрофической». Но латышей спас «ружейный огонь, открытый действительно в момент надобности. Конница не выдержала — с потерями хлынула назад»⁶⁸.

Еще одна атака казаков в пешем строю была отбита. В 15 часов латыши заняли Касарку.

Ситников контратаковал. Латыши писали, что он «бросил на наши роты несколько рядов, цепями один за другим, вроде волн». Казаков было примерно 2 тысячи⁶⁹. В ходе боя у латышей пришли в негодность 4 пулемета, 2 еще работали, «но также с пробитыми водохранилищами». Казаки начали обход, и латыши загнали правый фланг. В конце концов казачья шрапнель повредила скорострельную пушку латышей. Латыши отошли на версту, казаки тоже отошли. 8-й Латышский полк потерял 8 убитых и 60 раненых, выбыл почти весь комсостав. По рассказам крестьян, казаки потеряли 140 убитыми и 300 ранеными⁷⁰.

Наступление красных приостановилось.

Не успело улечься напряжение под Царицыным и Поворино, как 5 (18) октября Верхне-Донской отряд (32, 33, 34-й конные полки) совершил набег на поселок Гусынка под Балашовым против частей 9-й армии красных. Во время налета был ранен командир отряда полковник Сергеев.

На следующий день войска Северо-Западного района начали наступление на узловую станцию Таловая, в стык 8-й и 9-й

армий. Конница налетела на село Лосево, обходя станцию с запада, а саму станцию бомбила донская авиация⁹⁷¹.

7 (20) октября казачья конница ударила восточнее Таловой и захватила станцию Абрамовка, а пешие части атаковали Таловую, пройдя три линии окопов противника. Красные пытались контратаковать, но новый натиск казачьих цепей опрокинул их, красные побежали, казачья конница преследовала их. «С большими усилиями удалось часть отступавших задержать лишь на станции Анна»⁹⁷².

В Таловой казаки захватили 2 бронепоезда (с одного из них, горящего, казаки 28-го Верхне-Донского полка успели сгрузить снаряды), 12 орудий, более 100 пулеметов.

Не обошлось без накладок — гундоровцы по ошибке столкнулись с верхне-донцами. «После Таловой генерал Гусельщиков, командир гундоровцев, дал 28-му полку имя “непобедимого”, ибо первая сотня его по печальной ошибке вступила в бой с гундоровцами и, после целого дня ожесточенного боя, принудила их отступить, взяв два пулемета. Единственное поражение гундоровцев — своими же»⁹⁷³.

После Таловой полки Северного отряда заново оделись, обулись, переменяли свои обозы и кухни, довели все до штата и мечтали об отдыхе. Начальник штаба Северного фронта генерал Зембрицкий просил их отдать старые шинели верхне-донским полкам, что были в Хоперском округе⁹⁷⁴.

Фронт между 8-й и 9-й армиями красных был прорван, 8-я армия обескровлена. «Фактически на фронте 8-й армии остатки полков, и присылка укомплектования в спешном порядке настоятельно необходима», — докладывал командующий южным фронтом 8 (21) октября 1918 года⁹⁷⁵.

12 (25) октября в районе Нижнего Кисляя казачий разъезд захватил бежавшего от красных военного специалиста Носовича с десятиверстной картой и секретными ключами. Носовича через Богучар направили в Кантимировку, где он поведал, что, возглавляя большевистские войска, подставлял казакам то один, то другой фланг. «Те, кто получал удары, догадались, откуда они идут, но на верхах царил бумага, и я пользовался прежним доверием»⁹⁷⁶.

15 (28) октября казаки заняли станцию Анновка на правом фланге 9-й армии красных и одновременно, как мы помним,

ударили на левофланговую дивизию 9-й армии (дивизию Миронова), погнали ее вверх по Медведице, заняли станцию Красный Яр — 17 (30) октября, — прервав сообщение между Балашовом и Камышином, между 9-й и 10-й армиями большевиков.

Три армии Южного фронта, отстоявшего Царицын, оказались разобщены. Командование фронтом тем не менее требовало немедленного перехода в общее решительное наступление. Срок его был определен — утро 3 ноября н.с. (21 октября). Главком хотел «предупредить возможное наступление противника», которым, «очевидно... задумана и уже ведется решительная операция»⁹⁷⁷.

В то же время член РВС фронта К.А. Мехоношин сообщал в Реввоенсовет Республики 18 (31) октября, что положение на фронте «критическое, причем кризис может разрешиться не в нашу пользу»⁹⁷⁸ из-за плохого снабжения и из-за убыли в частях. «Представителям Революционного военного совета невозможно появляться на передовых позициях, ибо измученные солдаты могут встретить нас и встречают проклятиями»⁹⁷⁹.

Казаки опередили большевиков. Вечером 20 октября (2 ноября) два конных и один пеший полк нанесли удар с юга вдоль железной дороги на Россошь и от Таловой на запад по сходящимся линиям на станцию Бобров. В районе Малый Кисляй, Мечетка, Сафоновка были разбиты Алексеевский и Московский полки красных. «В течение двух суток упорного боя от Алексеевского полка почти ничего не осталось, в Московском полку осталось не более 350 штыков»⁹⁸⁰.

Одновременно верхне-донцы и хоперцы в районе Николаевки и Купавы атаковали 9-ю армию с фронта.

Советское командование Южного фронта сообщало командованию 10-й армии, что «положение 8-й армии угрожающее. Приходится резервы, предназначенные для общего наступления, раздать двум армиям для задержки успехов противника». 10-я армия должна была наступать на Себряково, на помощь 9-й⁹⁸¹.

Ударная группа красных, предназначенная для наступления вдоль железной дороги от Поворино на Царицын, стала разворачиваться на запад, на Таловую. Утром 29 октября (11 ноября) было запланировано начать общее наступление на этом направлении.

И вновь казаки опередили. Ударом от Таловой на запад они захватили 22 октября (4 ноября) Мечетку, а 24 октября (6 ноября) разбили красных у Тишанки, к северу от железной дороги (где особо отличились гундоровцы и мигулинцы). В боях казаки взяли до 5 тысяч пленных, 13 орудий, 20 пулеметов, 2000 винтовок. Потери казаков были невелики. Гундоровский полк, в частности, за два дня боев потерял 18 казаков убитыми, 4 офицеров и 29 казаков ранеными. Потери красных были несоизмеримо больше. Командарм 8-й армии Чернавин доносил 9 ноября н.с.: «Части... в настоящее время дезорганизованы, понесли огромные потери, по большей части без командного состава, в тылу много людей, отбившихся от своих частей, а также беглецов... Свежих частей, способных вести наступательный бой, я не имею... Много усилий приходится употреблять командному составу. Чтобы удержать некоторые части на оборонительных позициях... создается непосредственная опасность Воронежу»⁹⁸².

На помощь 8-й армии в Воронеж были посланы две дивизии (Западная и Рабочая Московская), два продовольственных полка и 43-й добровольческий⁹⁸³.

Но казаки от Таловой бросились на восток, навстречу ударной группе. 31 октября (13 ноября) завязался бой под Абрамовкой и у Еланского Колена, 1 (14) ноября — у Васильевки. Краснов писал, что гундоровцы у Васильевки атаковали «с таким мужеством, в таком грозном боевом порядке не стреляющих и не лежащих цепей, что красногвардейцы побросали оружие и сдались»⁹⁸⁴. Донская армейская сводка сообщала, что под Васильевкой казаки взяли 2 тяжелых орудия и 3 легких, под Абрамовкой конной атакой захватили 2 тяжелых и 5 легких орудий, красные же (впоследствии казаки указали, что это были 94, 95, 97-й стрелковые и 5-й Заамурский конный полки) «бежали, бросая сапоги».

Пока донские орлы генерала Гусельщикова героизировали за пределами области Войска Донского, в мире произошло давно назревавшее событие, которое резко изменило обстановку повсюду, даже на Дону, — вспыхнула революция в Германии. Германия признала свое поражение в войне. Событие имело для Дона глобальное значение. Но... операции продолжались и, как писали казачьи газеты, «донцы вались к новым победам».

Донской атаман вспоминал впоследствии: «Командующий армией генерал Денисов учел, что на том месте, где было взято 5000 пленных, образовалось пустое место, и приказал ударить туда всеми силами. Донские части после упорного боя овладели городом Бобровском, а 10 ноября штурмом заняли важный железнодорожный узел — станцию Лиски»⁹⁸⁵.

Краснов (и Денисов) упрощали ситуацию. Пленные принадлежали к ударной группировке, наступавшей на Таловую с востока, а удар «всеми силами» (на Бобров и Лиски) казаки нанесли от Таловой на запад, где приходили в себя остатки 8-й армии красных.

Наступлению Гусельщикова на Бобров и Лиски предшествовали бои на фронте 9-й и 10-й армий большевиков. 21 октября (3 ноября) Миронов у Рудни при помощи двух броневиков разогнал два пеших казачьих полка и вновь знакомой дорогой устремился вниз по правому берегу Медведицы. Войска Усть-Медведицкого округа, заманив его как можно южнее, переправились через Медведицу у Островской и ударили ему во фланг. Разбитый в очередной раз Миронов отскочил на Елань. Начальник штаба войск округа Коновалов, разработавший операцию, был произведен в генерал-майоры.

Севернее этих боев казаки тоже нажали и перерезали железную дорогу Балашов — Камышин. Части 9-й армии откатились к Балашову и в боях 28 октября — 2 ноября (10—15 ноября) еле отстояли город, причем был смертельно ранен широко известный на Юге комбриг Сиверс.

Только под Царицыным в районе Абганерова красная конница потрепала зарвавшихся астраханцев и даже объявила о пленении князя Тундудова (что не соответствовало действительности).

3 (16) ноября новый командующий Южным фронтом Славен доложил главному, что широкую наступательную операцию считает для фронта непосильной, и запросил подкреплений⁹⁸⁶.

5 (18) ноября главное командование ответило: «Политические обстоятельства повелительно требуют от вас энергичного перехода в наступление всеми армиями» и поставило задачу отбросить казаков на правый берег Дона⁹⁸⁷.

Во исполнение директивы командование южного фронта отдало армиям приказ перейти в наступление в 6 утра 9 (22) ноября⁹⁸⁸.

Пока большевики готовились к наступлению, казаки вновь напали на 8-ю армию. 4 (17) ноября на Черной Калитве в наступление перешли части Южной монархической армии, но сразу же были разбиты и побежали.

Казаки Гусельщикова (4 полка с 3 орудиями) в это время под Анновкой столкнулись с 103-м и 112-м советскими полками, сразу же развернулись в боевой порядок и стали энергично наступать. Разыгрался встречный бой, в ходе которого красные, потеснив 30-й Мешковский полк, ворвались в деревню и захватили 2 пулемета. «Во многих местах дело доходило до штыков»⁹⁸⁹. Но здесь красные попали под перекрестный пулеметный огонь, а казачья конница стала охватывать их фланги. Шесть конных сотен отрезали 3-й батальон 103-го стрелкового полка с 6 пулеметами. Красные отошли к Боброву. В 103-м полку осталось 170 штыков. В 112-м полку было 170 убитых и не подсчитанное количество раненых⁹⁹⁰.

6 (19) ноября отряд Гусельщикова атаковал Бобров. 2-й батальон 3-го Донского стрелкового полка ударил в штыки, потерял 61 стрелка ранеными, взял 1 орудие, 8 пулеметов и 100 пленных. Красные отступили, не принимая боя. Преследуя их, казаки вырубили роту моряков — 92 человека, что дало казакам повод говорить, что под Бобровом они разбили 10 полков.

8 (21) ноября казаки заняли Верхний Икорец, захватив 400 пленных. Командование 8-й армии доносило: «Благодаря непрерывным боям молодые, не вполне сформированные полки пришли в полное расстройство»⁹⁹¹.

На рассвете 10 (23) ноября казаки двинулись в обход станции Лиски, окружая оборонявшую ее 12-ю стрелковую дивизию красных. В 17 часов Лиски были взяты, захвачено 2 бронепоезда с 7 орудиями и 40 пулеметов. Вновь отличились «бессмертные гундоровцы, непобедимые верхне-донцы, храбрые черкасцы, славные мешковцы и молодые стрелки бригады генерала Моллера».

11 (24) ноября главком Вацетис констатировал: «Из сегодняшнего донесения усматриваю, что 8-я армия накануне полного развала»⁹⁹².

Д) СРАЖЕНИЕ НА ХОПРЕ И МЕДВЕДИЦЕ

Когда орлы генерала Гусельщикова штурмовали Бобров и Лиски, войска 9-й и 10-й армий Южного фронта перешли наконец в наступление.

Донская разведка определила силы противника, действующие против Хоперского района в 52 полка пехоты, 15 полков конницы, 100 орудий, 21 броневик и 2 бронепоезда⁹⁹³.

Краснов писал впоследствии: «40 тысяч пехоты и конницы при 110 орудиях, 6 по-новому отлично организованных дивизий были двинуты по направлению к Урюпинской и Усть-Медведицкой станицам. Операция этого наступления была задумана в широком масштабе, и с самого начала ее исполнения казаки увидели, что они имеют дело с регулярной армией, руководимой опытными и знающими свое дело штабами.

Хоперцы были малочисленны. Их не было и восьми тысяч»⁹⁹⁴.

Хоперские части были действительно измотаны. Многими полками опять командовали сотники. Командир одного из полков, сотник Давыдов, доносил, что «офицеров в полку нет»⁹⁹⁵. Из-за слабости командного состава ухудшилась разведка. 2 (15) ноября в приказе по войскам района говорилось, что «зачастую приходится действовать что называется вслепую и наткнуться на артиллерийский, и даже ружейный огонь красных, там где присутствие красных не предполагалось»⁹⁹⁶.

Наступлению предшествовали бои местного значения. 31 октября (13 ноября) дисциплинированные латыши начали наступление от станции Поворино при поддержке бронепоезда и двух броневиков и заняли станцию Касарка. 2 (15) ноября красные продвинулись еще дальше. 92-й Нижегородский полк занял Кардаил.

Хоперский отряд Аврамова сдерживал наступление, а Ситников стал стягивать силы еще трех отрядов в район Андреевнов — Тюменевка, чтобы ударить по левому флангу наступающих красных.

4 (17) ноября подошедшие отряды были брошены в наступление на Тюковской — Губари. Однако пеший Верхне-Донской полк отказался переходить границу области и занимать Тюменевку — исходный рубеж наступления. Казаки говорили, что не пойдут, «пока не пообедают»⁹⁹⁷. Впрочем, полк большой роли сыграть не мог, в сотнях насчитывалось по 27—37 человек. Наступление других частей тоже кончилось неудачей. Наступавшие в пешем строю 35-й Краснокутский полк и конница Верхне-Донского отряда были встречены сильным огнем у Тюковского и дальше не продвинулись. Бузулукская конная бригада

подъесаула Беляева (24-й и 26-й конные полки) наступала правее, но подверглась удару из деревни Терновка. Бузулукская конница отскочила на хутор Макашевский, где неожиданно столкнулась с красной пехотой, которая от растерянности стала сдаваться. Было взято 340 пленных и захвачено 1000 снарядов.

Начальство решило, что такого успеха вполне достаточно, и отвело части на прежние позиции на отдых.

Отдохнуть не пришлось. 4 — (17—18) ноября начала наступление 10-я армия красных и 6 (19) ноября даже разбила 14-й конный полк Усть-Медведицкого округа и к 13 (26) ноября очистила от казаков железнодорожную линию Красный Яр — Камышин.

5 (18) ноября Бузулукская конница, отдохавшая после нечаянной победы, подверглась нападению красного броневика. 24-й конный полк разбежался и собрался только на донской территории. Бои снова разгорелись по границе Хоперского округа и Саратовской губернии.

Обеспокоенное успехами 10-й армии на фронте Усть-Медведицкого округа донское командование свело Бузулукский, 1-й и 2-й Сводный отряды и части полковника Моргунова в районе слободы Купава в корпус под командованием полковника Соколова. Новому корпусу была поставлена задача обойти правый фланг войск Киквидзе, занять Елань и взорвать железнодорожные мосты через реки Терсу и Березовку, тем самым помочь усть-медведицким войскам удержать железную дорогу из Балашова на Камышин. Сосредоточение сведенных в корпус отрядов намечалось на 11 (24) ноября.

Операция сорвалась, поскольку 9-я армия красных к этому времени, наступая по обоим берегам Хопра, вплотную подошла к станции Алексиково. Кроме того, из Усть-Медведицкого округа от войскового старшины Сутулова в войска полковника Моргунова 12 (25) ноября было передано сообщение, что дивизия Миронова идет на соединение с Киквидзе, чтобы вместе наступать на станции Филоново и Михайловку.

Донское командование в Хоперском округе быстро изменило задачу войскам. Собранный корпус был переформирован. Бузулукский, Верхне-Донской и 1-й Сводный отряды под командованием полковника Сергеева остались прикрывать

район Купавы, а 2-й Сводный отряд полковника Соколова получил приказ с утра 13 (26) ноября ударить на хутор Дуплятский в левый фланг красным, наступающим на Алексиково и отрезать их от Поворино.

13 (26) ноября шли бои с переменным успехом. Бузулукская конница с боями отступала от донской границы к Купаве. Войска Моргунова и 1-й Сводный отряд были потеснены войсками Киквидзе и отошли к Архангельскому. «Решающую роль во вчерашнем отступлении сыграли броневики [красных], которые парализовали деятельность кавалерии на флангах», — докладывало донское командование⁹⁹⁸. И лишь отряд Соколова имел успех — 23-й конный полк разгромил у хутора Миронова 125-й стрелковый полк красных и взял 235 пленных.

И все же Алексиково отстоять не удалось. Станция была занята латышами ночным налетом 13—14 (26—27) ноября. Ночная атака «была одной из первых подобного рода атак, проведенных Красной армией»⁹⁹⁹. Оборонявший станцию 33-й Еланско-Букановский полк не выдержал удара.

Наступление красных тем не менее было остановлено. Командование Донской армии разработало ответный удар.

Краснов писал: «Генерал Денисов пожертвовал успехами на воронежском фронте, оставил Лиски и Бобров и спешно перебросил части Северного фронта к Усть-Медведицкой станице. Он ослабил нажим на Царицын, собрал конницу генерала Мамонтова и смелым маневром сбил неприятеля»¹⁰⁰⁰.

15 (28) ноября конница Татаркина, Голубинцева и Кравцова ударила в стык между Камышинской и Арчадинской группами большевиков и начала, как писал Голубинцев, «удачные, но утомительные бои» в районе реки Иловля, разделив 9-ю и 10-ю армии красных.

Гундоровцы, спешно переброшенные из Лисок на восток, на помощь хоперцам, вместе с богучарскими добровольцами захватили станцию Абрамовка и взяли там 6 орудий и 10 пулеметов.

Становилось очевидно, что гундоровцы и усть-медведицкая конница берут победоносную 9-ю армию красных в клещи.

Приободрившиеся хоперцы нажали с фронта. Вечером 14 (27) ноября 2-й Сводный и Бузулукский отряды обошли латышей и заняли конной атакой хутора Скворцов, Двойновский

и Орловский, 23-й конный полк в хуторе Скворцов взял 350 пленных (всего за два дня этот полк взял в плен около 700 человек). В самом Алексиково налету подверглась латышская батарея. «Неприятельская кавалерия подсакивала с разных сторон и, спешившись, пыталась открывать ружейный огонь по нам», — вспоминали латыши¹⁰⁰¹.

Латышские части хотели отступить, но командование отдало приказ наступать дальше на Урюпинскую, поскольку навстречу им от Елани возобновил наступление Киквидзе и занял слободу Тростянку.

15 (28) ноября в районе Алексиково произошел встречный бой казаков с тремя латышскими полками. Латыши в Алексиково были окружены. В тылу у них, у хутора Орловского, 8-й Латышский полк едва сдерживал атаки спешившейся казачьей конницы. По железной дороге подошел казачий бронепоезд. С юга давила казачья конница («... а перед 3-й ротой казаки уже размахивали шашками, ожидая, когда рота поднимется, чтобы пустить их в ход») ¹⁰⁰². Вечером подошел Верхне-Донской отряд подполковника Сергеева и конной атакой сбил латышей. Те смогли прорваться на Поворино. Подполковник Сергеев снова был ранен. Наиболее пострадавшие три роты Латышского полка особого назначения потеряли 23 убитых, 39 раненых и 21 пропавшего без вести. По данным Донской армии, казаки захватили здесь за два дня 700 пленных и 2 пулемета.

В это же время Хоперский отряд полковника Аврамова занял станицу Михайловскую, где захватил 3 орудия.

Ситуация на севере Хоперского округа улучшилась, но на восточном участке было тревожно. Здесь наступали Киквидзе, Миронов и подошедшие польские части (Люблинский полк занял Тюменевку, Варшавский, Седлецкий и Подлясский стягивались к Терсе). Красные наступали, имея на флангах конницу и броневики. 15 (28) ноября здесь у хутора Дробовского погибла 25-я конная батарея. Казаки решили подбить броневик наступающих красных и подпустили его вплотную, но артиллерийские лошади испугались пулеметного огня и расстроили порядок на батарее. 2 орудия были брошены. Уцелевшая прислуга вместе с Краснокутским полком отошла в хутор Алонцов.

На следующий день при помощи подошедшего из Верхне-Донского округа пополнения (421 конный и 375 пеших) и пере-

брошенных с других участков фронта частей красных остановили, и даже потеснили.

И, наконец, Гусельщиков с гундоровцами, подсекая линию фронта 9-й армии с запада, 17 (30) ноября занял станцию Еланское Колено (там было взято 3 орудия), а на рассвете следующего дня — город Новохоперск, где положили оружие 3 тысячи красноармейцев. Большевики, сражавшиеся в районе Поворино — Алексиково, отхлынули из Хоперского округа. В декабре латыши вообще были переброшены с Южного фронта в Латвию...

Для большевиков это была рядовая частная неудача. Операция по наступлению Южного фронта продолжалась. 20 ноября (3 декабря) сводка Донской армии сообщала: «Настойчивые атаки противника на главнейших направлениях нашего Северного фронта продолжают...», красные «пытаются снова выйти на территорию Дона» ¹⁰⁰³.

Дело в том, что в день, когда войска Гусельщикова вступили в Новохоперск, от сотника Давыдова, временно командующего отрядом на Бузулуке, поступило донесение, что Миронов и Киквидзе все же соединились в Карашевке и начали совместное наступление вниз по Бузулуку. 18 ноября (1 декабря) они атаковали слободу Тростянку.

Полковник Моргунов, объединивший в своих руках командование отрядами на Бузулуке, получил приказ войти в связь с войсками Усть-Медведицкого округа и отбить Тростянку.

19 ноября (2 декабря) отряд казаков Усть-Медведицкого округа двинулся из Вязникова на Тростянку на помощь хоперцам. Но хоперцы под ударами Киквидзе и подпиравшего его Миронова уже откатывались вниз по Бузулуку. Они сдали слободу Мачеху. В тот же день красные при поддержке трех броневиков атаковали станицу Преображенскую и заняли ее. «Быстрым движением броневиков и артиллерии противник ставит наши слабые левобережные части в весьма затруднительное положение», — доносили казачьи командиры. Противник при помощи бронеемобилей и конницы старался «окружить и разъединить» казачьи части. «Его бронированные автомобили внезапно появились у нас в тылу. Количество убитых, раненых и без вести пропавших выясняется», — подводился итог ¹⁰⁰⁴.

Определив направление их главного удара (станция Филоново), донское командование стало стягивать на угрожаемый участок дополнительные силы. В Филоново подошла бригада есаула Черкесова — конный и пеший полки.

20 ноября (3 декабря) части Усть-Медведицкого округа под командованием Сутулова должны были атаковать Тростянку и выйти красным в тыл, но запаздывали. Красные же решительно двинулись вперед на Филоново. «Броневики красных, быстро выдвигаясь вперед, несколько раз выходили нашим частям в тыл и разгоняли нашу пехоту и конницу»¹⁰⁰⁵. Бой разгорелся в хуторах по левому берегу Бузулука. В хуторе Рожновский «бой доходил до рукопашной схватки»¹⁰⁰⁶.

Вечером донское командование приняло решение нанести встречный удар красным от Филоново силами бригад сотника Давыдова и есаула Черкесова, отряд полковника Моргунова должен был атаковать красных на правом берегу Бузулука. Но ясности на участке Моргунова не было, и начальник штаба войск округа подполковник Ситников требовал у Моргунова сведений, отсутствия которых «совершенно лишает нас возможности избрать правильное направление для нанесения удара противнику частями полковника Соколова»¹⁰⁰⁷.

21 ноября (4 декабря) Черкесов и Давыдов атаковали и завязали бой, но остановить противника не смогли. Моргунов бездействовал. Сводный корпус Соколова двинулся на Завязинский, стремясь выйти к Мачехе и окружить красных. Но здесь казаки встретили длинную цепь красных, «что было ясно угрожающее положение флангов». Два броневики красных атаковали, конница Соколова смешалась и отошла за реку Кардаил, «но отойдя, не могли остановиться на горе, так как броневик подсакивал и разгонял цепи, кроме того, тот же броневик подскочил к батарее, которой пришлось оставить на поле боя одно или 2 орудия». Вечером выяснилось, что орудий потеряли 5. Соколов отошел к станции Ярыженской и доложил: «Я завтра полагаю оборону станции, если опять броневики не разгонят нас»¹⁰⁰⁸.

Командование стало готовить новый удар, а пока оборону станций Филоново и Бударино поручило Моргунову с приказом оборонять «во что бы то ни стало, а как — обстановка должна подсказать»¹⁰⁰⁹. Ночью решение было принято.

Есаулу Черкесову поручалось удерживать хутора Андреевский — Рожновский и не пускать красных из Преображенской на Филоново. 22-й пеший Бузулукский полк при поддержке 25-го конного в 6 утра 22 ноября (5 декабря) должен был атаковать и занять хутор Красный.

1-й сводный отряд должен был удерживать хутора Фомин и Чесноков и не подпускать красных к железной дороге, а кроме того, поддержать Боково-Каргинским полком наступление на Красный.

Корпус Соколова должен был нанести удар с севера. Верхне-Донской отряд оставался прикрывать Ярыженскую — Алексиково — Урюпинскую, а 2-й сводный и Бузулукский должны были в 6 утра 22 ноября (5 декабря) выйти из Ярыженский и двигаться вдоль железной дороги на Бударино. Атаковать там противника и отбросить к устью Кардаила.

Хоперский отряд, выдвигавшийся на связь с Гусельщико-вым, отводился обратно в Михайловскую. Один его полк должен был удерживать станцию Калмык.

22 ноября (5 декабря) красные отряды Миронова заняли Филоново. В 10 утра сотник Давыдов информировал есаула Маноцкова, что «Филоновская занята нами, а станция Филоново противником». Но ситуация улучшилась — подошла помощь от Усть-Медведицкого округа, 11-й Донской пеший полк с тремя орудиями вступил в хутор Титовский.

На рассвете 23 ноября (6 декабря) планировалось атаковать красные части, прорвавшиеся на станцию Филоново. Отряды Соколова должны были наносить удар от Бударино, 3-й пеший отряд полковника Шляхтина, подошедший из Усть-Медведицкого округа, — от станции Филоновской и Анненской. Туда же, на Филоново, выступил 26-й конный полк есаула Маноцкова. Наступление намечалось на 6.30 утра.

Наступление изначально пошло не по плану. В 5.45 пришло известие, что в тылу у Соколова красная кавалерия атаковала Боково-Каргинский полк на хуторе Фокин. 3-я сотня каргинцев побежала и с трудом была остановлена Краснокутским полком. Впоследствии было «подобрано 5 зверски порубленных казаков Боково-Каргинского полка у хутора Фокина». У одного были отрезаны язык и уши, у другого выколоты глаза, трое остальных тоже были изрублены и исколоты¹⁰¹⁰. Соколов приостановил свое наступление.

В 8 утра есаул Маноцков начал атаку, не дожидаясь пехоты, и донес, что «есть предположение, что Миронов старается уйти между станциями Филоново и Панфилово»¹⁰¹¹. Миронов действительно пошел в юго-восточном направлении, но у хутора Подгуменного был настигнут хоперскими и усть-медведицкими войсками, где и завязался бой.

Стремясь отвлечь внимание красных, войска Киквидзе атаковали Алексиково, где потеснили части Верхне-Донского отряда, и Ярыженскую, оставленную войсками Соколова. Удерживавший Ярыженскую Верхне-Донской отряд отошел на запад к хутору Серкову.

Итогом дня было то, что Бузулукский и 2-й Сводный отряды при поддержке 11-го пешего полка Усть-Медведицкого округа в 14 часов заняли Филоново.

24 ноября (7 декабря) 26-й конный и 11-й пеший полки продолжали преследовать Миронова, который после боя под хутором Калачовским отошел к хутору Шапорину, но встретил здесь конную бригаду есаула Мирошникова из Усть-Медведицкого округа и ушел в Преображенскую.

Главным силам Хоперского района в этот день была поставлена задача окружить вступившие в Ярыженскую войска Киквидзе. Хоперский отряд из Михайловской должен был наступать на восток, на Двойновский — Скворцов — Миронов, затем повернуть на юг и двигаться вдоль по Кардаилу. Верхне-Донской отряд должен был поддержать этот маневр. Войска Соколова должны были наступать по Бузулуку и Кардаилу навстречу Хоперскому отряду.

Однако в условиях наступающей зимы войска уже не были способны на такие глубокие рейды. Сражения постепенно перерастали в бои за населенные пункты, где можно было бы переночевать и обогреться.

25 ноября (8 декабря) войска полковника Шляхтина — 11-й пеший, 6-й и 26-й конные полки и бригада Мирошникова — выбили Миронова из Преображенской на Семеновку.

Окружить Киквидзе в Ярыженской не удалось. Хоперский и Верхне-Донской отряды ввязались в упорные бои за станцию Алексиково и дальше в верховья Кардаила не пошли.

Киквидзе сам нанес удар от Ярыженской на станцию Бударино, но на подходе у хутора Фокина встретил Бузулукский и

2-й сводный отряды под общим командованием войскового старшины Сальникова и 1-й сводный отряд Моргунова. Бой продолжался до 20 часов. Казаки взяли 1 орудие и 10 пулеметов.

Не давая красным опомниться, Сальников ночным налетом занял хутор Чесноков, захватил там 1 орудие и 6 пулеметов и на рассвете, в 6 утра, 26 ноября (9 декабря) вместе с 1-м Сводным отрядом атаковал Ярыженскую. На помощь ему от Преображенской подошел отряд Шляхтина.

Севернее той же ночью пеший батальон хоперцев, Добринский партизанский отряд и одна конная сотня захватили хутор Алексиков, а с 10 часов утра Хоперский и Верхне-Донской отряды вновь атаковали окруженную станцию Алексиково.

И вновь решительной победы не было. Под Ярыженской казаки, наступая в пешем строю, потеряли убитыми 1 офицера, 23 казаков и 4 лошади, ранеными — 3 офицеров, 125 казаков и 19 лошадей. Красные контратаковали, 35-й конный полк есаула Клешева прикрыл отход, и уставшие части отошли на ночлег в Бударино.

С другой стороны опомнившийся Миронов начал наступление на Преображенскую.

Преображенскую удалось отстоять. 27 ноября (10 декабря), потеряв 4 офицеров и 80 казаков убитыми и ранеными, донские части удержали станицу, и даже заняли слободу Семеновку.

В ночь на 28 ноября (11 декабря) три конных полка Хоперского отряда налетели на хутора Скворцов и Двойновский и потрепали там красных. К казакам перешли командир 92-го советского полка и два батальонных командира.

29 ноября (12 декабря) Ярыженскую атаковали всеми силами с севера и с юга. Красные стали отходить на Зубрилов, но сама станция еще держалась, пока 30 ноября (13 декабря) в 7 утра не была взята конной атакой, произведенной по полотну железной дороги....

Все эти успехи были достигнуты из последних сил. Материальная часть изнасилась. В 25-й конной батарее осталось одно орудие. Тяжелая артиллерия на Хопре к этому времени тоже была представлена одним орудием. 29 ноября (12 декабря) командир тяжелой батареи докладывал: «Доношу, что больше стрелять не могу, получаю только откаты при заряде № 1.

Необходимо нужно подкачать в накатник воздух... Выпустил три снаряда»¹⁰¹².

В целом бои продолжались с переменным успехом. 8-я армия красных, пользуясь уходом Гусельщикова, отбила Лиски, выгнала оттуда Черкасский, Верхне-Донской и Мешковский полки и даже разбила 80-й Кабардинский полк Южной монархической армии. Но донское командование выделило этот этап — 20 ноября (3 декабря) 1918 года — освобождение Хоперского округа. Отмечалось, что с 1 (14) августа по 20 ноября (3 декабря) было взято 28180 пленных, 111 орудий, 648 пулеметов. И особо отмечалось, что «успех в Хоперском и Усть-Медведицком округах был достигнут путем сосредоточения всех сил Северного фронта на угрожаемые направления и путем оголения важнейшего Воронежского направления; здесь мы оставили лишь жидкий заслон, ради спасения родных земель северных округов мы должны были пожертвовать железнодорожными узлами Лисками и Бобровым»¹⁰¹³.

Е) ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В НОВЫХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Воронежское направление и впрямь становилось неперспективным. Уход немецких войск в Германию, оголение всей западной границы области, неясность будущих взаимоотношений с союзниками (Англией и Францией) — все это заставляло думать об обороне на северном направлении, а не о наступлении, тем более что Южная монархическая армия, предназначенная для этого наступления, оказалась небоеспособной.

Военные усилия необходимо было сосредоточить на украинской границе. Советские украинские войска, готовые двинуться на освобождение Украины от немцев и гетмана, 8 (21) ноября получили директиву сформировать ударную группу, которая должна была нанести удар в тыл донским казакам, в направлении на Миллерово, прикрываясь со стороны Харькова¹⁰¹⁴.

В декабре возникла угроза донским границам со стороны махновцев.

10 (23) ноября Красновым был опубликован приказ о введении донских войск на Украину с целью прикрытия границы. «Друзьями, с открытой душой, гостями по приглашению ваших

властей идем мы к вам и ждем от вас — ласкового “добро пожаловать”.

3 (16) декабря гетманские власти Старобельска, оставшись без руководства (гетманский режим в Киеве как раз пал), запросились в состав Всевеликого Войска Донского, просили занять донскими войсками Старобельск.

8 (21) декабря генерал Фицхелауров был послан в Старобельск с правами генерал-губернатора «до создания на Украине прочной и всеми признанной государственной власти»¹⁰¹⁵. Но войск для этой операции не хватало, казаки Верхне-Донского, Донецкого, Таганрогского округов, которые могли бы закрыть границу, были либо на Северном фронте, либо под Царицыным, оставалась лишь «Молодая армия», которая, как считал Денисов, «предназначалась для парирования ударов противника в критический момент и для нанесения ему с нашей стороны решительных последних ударов и главным образом на севере»¹⁰¹⁶.

Теперь 2-ю и 3-ю Донские дивизии стали с северного и царицынского направлений двигать на Украину. Участок Луганск — Дебальцево сперва вообще был прикрыт лишь тремя бронепоездами.

Уход немцев, махновское и петлюровское движение на Украине и падение дружественного Дону гетманского режима — все это лишало Донскую армию важнейших источников снабжения.

Была близка помощь «союзников». Краснов обещал ее войскам на фронте. В разгар боев на Хопре в войска была послана телеграмма: «Передайте всем доблестным казакам и солдатам, сражающимся ныне за свободу и честь Тихого Дона, сидящим в холодных окопах на страже нашего покоя и свободной жизни, что сегодня члены Войскового Круга и Донское правительство, собравшись на братскую трапезу с нашими союзниками, англичанами и французами, приехавшими к нам в гости, решили рука об руку продолжать жестокую борьбу за свободу России. Шлем Вам, наши святые страдальцы, наши великие воины, свой привет и пожелания победы и успеха, да хранит вас святой Георгий и да ускорит он нашу общую победу. Привет Вам от Круга и от меня. № 3442. Донской Атаман Краснов. 26.XI.18»¹⁰¹⁷.

Но англичане и французы прежде всего шли на контакт с Добровольческой армией, а в Донском Атамане видели немецкого ставленника и союзника.

Для Дона вновь самой главной становилась проблема снабжения, оружия, патронов...

Донцы и «добровольцы» в какой-то мере поменялись местами. Англичане и французы, которые одни могли поставить теперь в войска оружие и боеприпасы, гораздо охотнее шли на контакт с «добровольцами», которые всегда придерживались «союзнической» ориентации, и недоверчиво относились к донцам.

При встрече с представителями «союзников» Краснов объяснял контакты с немцами и получение от них патронов и снарядов обстоятельствами, «и если я сделал спасением Дона преступление, я один и виноват, потому что я ни у кого не искал совета. Не ишу его и теперь»¹⁰¹⁸.

Войска Донской армии ждали союзной помощи. Призванные после кратковременного отдыха казаки Мариинской переписи 1895 года телеграфировали 23 ноября (6 декабря), что «земно кланяются» и «благодарят за честь призвания их в ряды борцов за свободу казачества...», но самое главное — «радуются прибытию союзников и с нетерпением ждут момента действовать совместно с ними, прокладывая путь к свободе граждан матушки-России и к ее восстановлению в прежнем величии»¹⁰¹⁹.

Иностранцы были непреклонны и требовали подчинения «ненадежных» донцов «надежным» «добровольцам», подчинения Краснова Деникину.

Чувствуя за собой столь мощную поддержку, «добровольцы», полные генеральских амбиций, тоже требовали формального признания их главенства, а донцы со всем казачьим упрямством этого фактического главенства формально признать не хотели.

Глава 18

ПОДЧИНЕНИЕ ДЕНИКИНУ И ПОСЛЕДНИЕ ПОБЕДЫ

Практически до Нового года воронежское и лискинское направление оставалось для Донской армии достаточно спокойным. После занятия станции Лиски советское командование

говорило об 1 тысяче пленных и о сдаче двух полков противника. Возможно, это относилось к частям Южной армии. На третий день после боя за Лиски у разъезда Битюг казаки разбили полк имени Карла Маркса, и наступление красных здесь остановилось.

В течение последующего месяца на этом участке фронта активных действий не велось. Советское командование в обстановке секретности стягивало сюда войска (Московская рабочая, Инзенская дивизии), готовило удар против небоеспособной Южной монархической армии в обход левого фланга донцов. Главным операционным направлением предполагалось Воронеж — Миллерово.

На царцынском направлении попытки наступления большевиков тоже были отбиты. 30 ноября (13 декабря) к югу от Карповки бой центральной группы войск Мамонтова «закончился молодецкой атакой нашей конницы полковника Попова». Красные наступали южнее железной дороги, «но, смятые конными полками, обратились в беспорядочное бегство», оставив много пленных¹⁰²⁰.

И в это время, теряясь в буране, замерзая и утопая в снегу, казаки генерала Гусельщикова пошли в новый поход (как писалось впоследствии, чтобы «вдохнуть дух в хоперских казаков»). Оставив железную дорогу, они двинулись чистым полем по-над Хопром.

3 (16) декабря под Красненьким и Троицким Гусельщиков разбил сунувшуюся наперерез красную бригаду (командир бригады Рачицкий погиб), казаки 38-го полка взяли 3 орудия, 13 пулеметов, 800 пленных и оркестр 4-го Сердобского полка.

7 (20) декабря вечером в 20-градусный мороз по колено в снегу отряд Гусельщикова атаковал город Борисоглебск и взял его. Не ожидавшие здесь удара большевистские пополнения задирали винтовки прикладами вверх, показывая, что сдаются. 3 тысячи пленных, 5 орудий, 14 поездов и 4 полевых лазарета были взяты в городе.

Успех можно было развить ударом с фронта, но стоявшие в станице Михайловской два конных полка отказались идти в наступление, требуя теплого обмундирования.

В сводках штаба Донской армии от 11 (24) декабря упоминались «донесения о жестоком морозе с вьюгой и глубо-

ким снегом, делающим боевую работу почти сверхчеловеческой»¹⁰²¹.

От Борисоглебска Гусельщиков повернул на юг и с тыла ударил на узловую станцию Поворино. В бурю и в 14-градусный мороз три дня — 12—14 (25—27) декабря — штурмовали станцию, сходились в рукопашную с китайцами и латышами (в 14-й дивизии красных был Курземский латышский полк, а в 21-м Московском полку — китайский батальон), разбили два польских полка, Люблинский и Варшавский, взяли 4 орудия и 300 плененных. Поворинская операция затянулась до 20 декабря (2 января). Одновременно 15 (28) декабря три сотни гундоровцев и 38-й полк заняли станцию Калмык. Возвращение отряда Гусельщикова в Северо-Западный район было «уважено» 22 декабря (4 января). Возвращаясь, гундоровцы опять с боем брали Абрамовку и гнали красных на Таловую

Эти успехи уже не могли переломить общего хода событий.

Стремясь на плечах уходящих немцев ворваться в Европу, большевики должны были обезопасить свой левый фланг — разбить казаков и занять порты Черного моря. Главнокомандующий Вооруженными силами Республики И. Вацетис считал: «...осуществление наших государственных задач требует от нас, прежде всего, на юге разбить в ближайшие дни Краснова и Деникина»¹⁰²².

План Вацетиса был прост: «Деникин и Краснов группируют свои войска в двух направлениях — на Воронежский и Царицынский фронты (такую характеристику можно отнести только к Донской армии, «добровольцы в это время группировались у Ставрополя и на Северном Кавказе. — А.В.), так что их войска представляются нам в двух группах, стоящих одна к другой тылом, что даст нам возможность, разгромив одну из них, ударить в тыл другой»¹⁰²³. Вацетис предполагал разгромить слабую группировку казаков против Воронежа, затем ударом на Богучар — Миллерово выйти в тыл Царицынской группировке. Это должно было ослабить давление на Царицын и дать возможность 10-й Красной армии самой перейти в наступление.

После разгрома казаков и Деникина планировалось «построить фронт на запад и открыть активные действия против Украинины»¹⁰²⁴.

Осознавая неизбежность нового мощного наступления большевиков и подчиняясь настояниям союзников, Краснов пошел на объединение и подчинение Деникину.

26 декабря (8 января) в 10.30 на станции Торговой встретились два поезда — Деникина и Краснова. После взаимных приветствий и обхода Деникиным строя почетного караула от Астраханского корпуса Донской армии в 12.10 началось совещание.

Деникин сообщил, что две дивизии союзников должны высадиться в Одессе и Севастополе, затем будет организовано бесперебойное снабжение Донской и Добровольческой армии через Новороссийск, что создан план переброски на Юг России русских дивизий из Солоник, что совместными усилиями можно будет добиться представительства России на мирном конгрессе. И все это при условии объединения и подчинения Дона «добровольцам». Под объединением Деникин понимал единство внешних сношений, объединение железных дорог, почт, телеграфов, банков и денежных систем, общий суд и всероссийские законы (все это при признании Донской автономии). И главное — единое командование. Донская армия сохраняется. Но в оперативном отношении подчиняется главнокомандующему. За Красновым остается право производства до корпусного командира (исключительно), выше — по согласованию с Деникиным. «Добровольцы» требовали право мобилизовать донских крестьян и иногородних и использовать на общих основаниях Воронежский, Саратовский и Астраханский корпуса. Особо Деникин настаивал на объединении в своих руках снабжения и донских денежных свободных средств, «так как иностранцы за каждый пароход требуют уголь и хлеб, а удовлетворение этих требований для одной Добровольческой армии является затруднительным».

Краснов соглашался со всем, но заявил: «Гласное признание единого командования невозможно теперь, ибо вслед за этим уйдут казаки по станицам». Он мотивировал это тем, что «неказачьему командованию казаки не верят», и предлагал либо секретное соглашение, либо осторожную формулировку приказа о едином командовании. Со своей стороны он требовал скорейшего прихода союзников: «Союзники казаков только манят. Их неприход фронт разлагает». Он заявил, что если до 1 февраля Дону не помогут, север области будет потерян.

«Добровольцы», зная о настроениях кадетской оппозиции Краснову, заявили, что председатель Круга Харламов обещал, что Круг единое командование признает. Краснов сказал, что он знает настроения фронта.

Такое противостояние Круга и Донской армии было донцам, естественно, не выгодно.

После долгих препирательств сошлись на формулировке, в которую добавлялась фраза: «Конституция Дона не будет нарушена».

Деникин отдал приказ: «По соглашению с атаманами Все-великого Войска Донского и Кубанского, сего числа я вступаю в командование всеми сухопутными и морскими силами, действующими на Юге России. Генерал-лейтенант Деникин». Краснов приписал свое резюме: «Единое командование — своевременная и неизменная ныне мера для достижения полной и быстрой победы в борьбе с большевиками»¹⁰²⁵.

Подчинение Донской армии Деникину привело к созданию новой организации — Вооруженных сил Юга России. Однако союзники с помощью не торопились.

Между тем материальное снабжение Донской армии достигло критического предела. Поскольку войска все еще вели победоносные бои, источником оставались трофеи. С 20 ноября (3 декабря) 1918 года по 20 января (3 февраля) 1919 года казаками было захвачено 48 трехдюймовых орудий, одна 48-линейная гаубица, 343 пулемета, 5 бомбометов, 13 937 винтовок, 7500 снарядов, 850 000 патронов, 53 зарядных ящика. Пополнились за счет трофеев броневые и транспортные средства — 1 броневик, 2 легковых автомобиля, 3 грузовых автомобиля, 29 паровозов, 1 технический поезд. Но всего этого для снабжения армии было явно недостаточно. Офицеры-снабженцы отправились в Румынию, Одессу, Севастополь, Грузию, где закупали оружие и боеприпасы. Но и этого было недостаточно. И Краснов сделал ставку на свое собственное военное производство.

Было рассчитано, что для организации производства вооружения понадобится 1,5—2 года. Для производства боеприпасов — 6 месяцев¹⁰²⁶.

Костяком нового «военно-промышленного комплекса» становился расположенный в Таганроге Русско-Балтийский завод. Туда 3 (16) ноября 1918 года направили заказ на патроны —

100 тысяч в сутки или 300 тысяч в три смены — и заказ на снаряды, надеясь получить к 15 марта 1919 года 20 миллионов патронов и 137 тысяч снарядов, а также заказали запчасти на 200 орудий.

На территории Украины были захвачены и объявлены собственностью Войска Екатеринославская снаряжательная мастерская на станции Караванная (с 14—27 декабря 1918 года) и Луганский патронный завод (с 21 декабря — 3 января). Екатеринославская мастерская была вывезена в Таганрог и к весне должна была заработать¹⁰²⁷. Луганский завод вместо запланированных 5 миллионов патронов успел выдать 300 тысяч и тоже был вывезен в Таганрог.

С 30 мая (12 июня) 1918 года под контролем Войска был Азово-Донской машиностроительный завод, наладивший с 3 (16) августа производство латунных пуль (100 814 штук). С 8 (21) ноября завод металлических изделий Ф.Ф. Грушки в Нахичевани получил заказ на перделку пуль от французских винтовок на 3-линейные тупоконечные и на производство гильз (успел к февралю 1919 года выпустить 125 934). С 20 декабря (2 января) Войском был взят под контроль Завод Донского товарищества капсульного и патронного производства и получил заказ на 500 000 капсулей. В Новочеркасске работала патронная снаряжательная мастерская, производившая в сутки 5230 патронов (всего произвела 90 416 штук).

В Новочеркасске, Каменской, Нижне-Чирской, Вёшенской, Великокняжеской, Цимлянской, Усть-Медведицкой работали войсковые мастерские, которые общими усилиями с 10 (23) августа 1918 по 1 (14) января 1919 года отремонтировали — 212 орудий, 39 зарядных ящиков, 755 пулеметов, 29 373 русские винтовки и 6492 иностранные.

В целом армия была в достаточной степени снабжена оружием. К 20 января (2 февраля) в армии числилось орудий:

3-дюймовых — 176.

Горных — 4.

48-линейных — 13.

6-дюймовых гаубиц — 5.

6-дюймовых системы «Канэ» — 3.

42-линейных русских — 3.

42-линейных японских — 1.

10-сантиметровых гаубиц — 2.

37-миллиметровых системы «Гочкис» — 4.

Пулеметы в армии были представлены следующим образом:

«Максим» — 520.

«Кольт» — 143.

«Льюис» — 111.

Австрийских — 10.

Неизвестных систем — 127.

Винтовки в армии тоже были разных систем:

Русские — 89 403.

Французские — 1088.

Итальянские — 671.

Австрийские — 669.

Германские — 440.

Японские — 67.

Румынские — 40.

На вооружении числилось 264 револьвера, 20 009 шашек, 6695 пик. Подразумевались шашки и пики, выданные Войском казакам «Молодой армии». Казаки остальных частей шашки и пики имели свои, не учтенные Войском.

Однако склады Войска были уже пусты. Соотнеся «приход» и «расход», видим, что к моменту созыва Большого Войскового Круга (февраль 1919 г.) на складах оставалось: орудий — 1 тяжелое, пулеметов «Максим» — 1, «Кольт» — 9, «Льюис» — 4; винтовок русских — 2070, иностранных — 1812; револьверов — 21; снарядов: 3-дюймовых — 47 375, 3-дюймовых горных — 11 122, 48 линейных — 3463, 6-дюймовых — 1804; патронов: русских — 10 497 000, иностранных — 2 320 000.

Исходя из того, что за 5 месяцев на фронт выслали 347 062 снаряда и 60 528 200 патронов, можно рассчитать, что боеприпасов на складах осталось меньше, чем на месяц.

К началу 1919 года на фронтах осталось 2 броневика — 1 на Восточном, 1 на Северном.

Еще одна беда пришла в виде вспыхнувших эпидемий. В 1918 году среди населения Дона отмечались случаи заболевания холерой. К борьбе с ней было привлечено 5 эпидемических отрядов, 1 дезинфекционный, 3 летучих, 4 прививочных. Затем пришел грипп в тяжелой форме. В середине ноября он стих, но на смену ему пришла эпидемия тифа, главным образом среди конных ча-

стей, стоявших в Воронежской, Саратовской и Астраханской губерниях. Со второй половины ноября заболело 3155 человек. Смертность достигала 9—12 %. Нехватка белья, бань, невозможность отводить части на отдых — все это способствовало заболеваемости. Через военнопленных тиф распространился на части «Молодой армии» и мирное население Таганрогского, 2-го Донского, Сальского округов.

На фронт было отправлено 6 эпидемических отрядов, летучие дезинфекционные отряды, начались противотифозные прививки. В городах шла реквизиция белья для лазаретов.

Шла мобилизация врачей, и части были обеспечены медицинским персоналом. 60 врачей заболели, 7 умерли.

К 20 января (2 февраля) 1919 года в войсковых лечебных учреждениях числилось 1393 тифозных больных¹⁰²⁸.

Были созданы фронтовые лазареты: при Северном фронте — 11 на 1000 мест, при Северо-Восточном — 11 на 1050 мест, на Восточном — 9 на 1140 мест и 7 подвижных лазаретов на 500 мест; на Юго-Восточном — 6 на 550 мест и 2 подвижных на 100. Кроме того, по всему нижнему течению Дона по станицам были созданы 10 лазаретов на 750 мест. В Ростове-на-Дону концентрировались острозаразные лазареты на 1000 мест и обычные на 1330, в Новочеркасске — 11 лазаретов на 2595 мест (из них 1 заразный на 210), в Таганроге — 3 на 400 мест, в Александро-Грушевске — 2 острозаразных для пленных на 400 мест, в Тарасовке — 3 острозаразных на 600. Лазареты были созданы в хуторе Калач Воронежской губернии и в слободе Бутурлиновке (по 200 мест).

При каждой дивизии имелись подвижные перевязочные отряды, при каждом фронте — военно-санитарные транспорты. Существовало 5 летучих зубоветеринарных отрядов, 3 поезда-летучки.

При «Молодой армии» имелось 27 ветеринарных лазаретов, на фронте — 14 этапных районных ветеринарных лазаретов, по 1 на 4—5 полков (вылечили около 4000 лошадей). В эти лазареты обращалось за помощью мирное население. Им оказали помощь в 50 806 случаях (из 14 704 вылечили 11 724). В Войске существовала ветбаклаборатория, которая готовила сибироязвенную и рожистую вакцины¹⁰²⁹.

Как видим, красновское руководство организовало успешную борьбу не только с большевиками, но и с болезнями.

Между тем наступил переломный момент борьбы. К 1 (14) января 1919 года мобилизованная Донская армия имела на фронте 26 681 пешего воина, 23 222 конных, 191 орудие, 681 пулемет. «Молодая армия» состояла 13 387 пеших, 18 847 конных воинов (реально конными были 6789 казаков), 2791 артиллериста, 2929 бойцов в спецвойсках. Вновь поставили в ряды войск казаков переписи 1894 — 1890 годов (приказ № 208 от 29 января — 2 февраля 1919 года) и иногородних 1915 — 1910 годов (приказ № 186). Отбросив осторожность, призвали отбывающих трудовую повинность крестьян Таганрогского округа (приказ № 11 516 — 29 января 1919 года)¹⁰³⁰.

Бои повсюду шли с удвоенным ожесточением. Мероприятия по объединению командования совпали с последним наступлением Донской армии на Царицын.

21 декабря (3 января) усть-медведицкая конница полковника Голубинцева начала наступление на Дубовку, выходя к Волге севернее Царицына и разрезая большевистский фронт. Советское командование двинуло к участку прорыва бригаду конницы и несколько бригад пехоты.

22 декабря (4 января) 4-й конный отряд Голубинцева, отступая, заманил эту группу красных в село Лозное, а затем вместе с подошедшим 1-м конным отрядом полковника Кравцова (1, 15-й, 17-й конные полки) отбросил конницу красных и пленил пехоту. Было взято 3500 пленных, 7 орудий, 28 пулеметов. Разбитая красная кавбригада Булаткина ушла за Волгу.

Красное командование перебросило против Голубинцева и Кравцова конницу Думенко (одна бригада — Городовикова — была оставлена к югу от Царицына).

30 декабря (12 января) из-за несогласованности действий Голубинцева и Кравцова (сначала Голубинцев наступал на Дубовку, но Кравцов его не поддержал, затем Голубинцев стал на отдых, а на Дубовку пошел Кравцов) 1-й конный отряд был разбит красными у Тишанской балки. Полковник Кравцов попал в окружение и застрелился¹⁰³¹. Красные захватили 2 орудия и 12 пулеметов.

В ночь на 1 (14) января 1919 года отряд Голубинцева подвергся ночной атаке Доно-Кубанской красной бригады, но отбил¹⁰³².

В этот период другие части генерала Мамонтова вплотную подошли к Царицыну. Советское командование доносило из

Царицына 2 (15) января, что последние 5 дней идут ожесточенные бои. «В настоящее время противник ведет бешеные атаки на всем фронте Центрального участка. Резервы армии совершенно исчерпаны... Положение Царицына считаем безвыходным»¹⁰³³. Красная конница Городовикова была разбита и загнана в городские окраины.

К северу от Царицына 5 (18) января красная кавалерия Буденного (Думенко болел) выбила 14-й конный и 5-й пеший полки из Малой Ивановки и «шесть раз бешено в конном строю переходила в атаку на с. Лозное, но постоянно с потерями откатывалась назад»¹⁰³⁴, отбиваемая спешенной конницей Голубинцева.

На другой день Голубинцев оттеснил Буденного и занял Давыдовку и Прямую Балку.

8 (21) января отряд Голубинцева (1, 13, 14, 15, 16, 17-й конные и 5-й пеший полки), неосторожно выдвинувшийся и не прикрытый справа, был атакован Буденным при поддержке двух броневиков в Прямой Балке и стал откатываться в Большую Ивановку. «Появление у противника машин произвело сильное впечатление на все наши части, — вспоминал Голубинцев. — Призрак бронемашин еще несколько дней витал над частями, и иногда появление на горизонте кухни вызывало тревожные крики: “Броневики!”»¹⁰³⁵.

С.М. Буденный, описывая этот бой, утверждал: «Противник был захвачен врасплох, наши броневики ворвались в деревню и начали расстреливать выскакивающих из домов белых пехотинцев и конников. За броневиками следовали конные части нашей дивизии. Конница противника бросила свою пехоту и артиллерию и выскочила за деревню. Но встреченная в шашки нашей конницей, она частью была перерублена, частью рассеялась и ускакала по направлению на Давыдовку и Ивановку. Пехота белых оказала отчаянное сопротивление, однако в результате сорокаминутного боя была разгромлена, и остатки белогвардейских полков были взяты в плен.

В этом бою нами взяты трофеи: свыше 2000 пленных, 30 пулеметов, 13 орудий, много снарядов, лошадей с седлами и обозы почти всех полков»¹⁰³⁶.

Голубинцев, со своей стороны, признавал, что внезапной атаке подвергся авангард его отряда — 16-й конный и 5-й пеший

полки. 16-й конный впал в панику и «бросился в соседнюю балку», а 5-й пеший «мужественно принял атаку», но потерял половину людей (личный состав полка — 500 штыков) и тоже стал уходить по балке¹⁰³⁷. Трофеи, видимо, были завышены Буденным в 10 раз.

«Это была первая крупная победа, одержанная после неудачного отступления наших частей на правом фланге 10-й армии, — писал Буденный. — Победа была одержана конницей»¹⁰³⁸.

Голубинцев вспоминал: «Следующие дни 9—12 января отряд, отходя к Большой Ивановке, вел бои с переменным успехом с красной конницей»¹⁰³⁹.

Комиссар буденновской дивизии Новицкий сообщал в Реввоенсовет 10-й армии 10 (23) января: «В бою под М. Ивановкой противник превосходящими силами внес в ряды кавалерийской бригады расстройство. Паника охватила солдат, и они бросились бежать. Тут командир бригады тов. Буденный проявил свое хладнокровие и находчивость. Видя, что бегущих он остановить не может, скоординировал, чтоб передавали друг другу: поворот направо. Инстинктивно солдаты это исполнили. Проскакав некоторое расстояние, тов. Буденный опять командует: повернуть направо. Когда солдаты и это исполнили, то очутились лицом к лицу с противником. Ошеломленный противник в паническом страхе бросился в бегство»¹⁰⁴⁰. Скорее это случай с каким-то отдельным эскадром. Дважды командой голосом повернуть «направо» скачущую бригаду просто невозможно.

Как видим, бои и впрямь шли «с переменным успехом». Однако впоследствии советская историческая наука объявила эти бои — 9—10 (22—23) января 1919 года — переломными: «пять полков белой конницы были рассеяны, а один пехотный полк был взят в плен. Этот удар имел чрезвычайно большое значение, ибо он положил начало ликвидации третьего окружения Царицына»¹⁰⁴¹.

К югу от Царицына 12 конных полков Донской армии загнали за Волгу красную кавбригаду Городовикова, но были остановлены пехотой. Командующий Донской армией генерал Денисов отмечал, что 5 (18) января казачьи части уже были у города в деревнях Бекетовка, Садовая, Разгуляевка.

Помимо сопротивления красных казакам приходилось преодолевать мороз. Именно из-за мороза каждая часть после трех

дней на фронте отводилась на три дня в резерв. Генерал Пуль, увидев, в каких условиях сражаются донцы, сказал: «Наши не могли бы так»¹⁰⁴².

Фактором, удерживающим казаков на фронте, было обещание, что именно 5 (18) января к Мамонтову на помощь должны были подойти кубанские пластуны. Но пластунов Мамонтов так и не дождался, они были посланы в Донбасс, а 12 (25) января красные перешли в контратаки и потеснили казаков у Гумрака.

Адъютант 46-го пешего полка И. Плахов оставил воспоминания о бое 10 (23) января под Бекетовкой, на ближних подступах к Царицыну, который вела 11-я пешая дивизия 6-го Донского корпуса.

Казаки ночами сидели на позициях при морозе в 20 градусов без дров, а командующий корпусом генерал Донсков, довольный казаками, говорил: «А-а, мерзавцы! Морозил я их и буду еще морозить!»¹⁰⁴³. А начальник штаба корпуса полковник Поливанов якобы вообще был большевистским агентом¹⁰⁴⁴.

10 (23) января дивизия пошла в наступление. 46-й полк наступал между Волгой и железной дорогой. Левее железной дороги наступал Царицынский ударный батальон, еще левее — 61-й пеший полк. Наступление поддерживал бронепоезд «Атаман Самсонов» под командованием капитана Воронина.

Измученные морозом казаки действовали вяло. 61-й полк замитинговал. Командовавший им поручик Федоров ничего не мог сделать. Царицынский ударный батальон частично ушел к большевикам. В завязавшемся бою командир 46-го полка полковник Н. Суржин был ранен, помощник командира полка полковник Н.И. Поляков погиб. Полк принял полковой адъютант есаул Плахов.

Силы казаков были надорваны...

В целом 10—12 (23—25) января наступление донцов на Царицын было остановлено. Помимо прочего сильнейшим образом стало сказываться положение на Северном фронте.

А.И. Деникин, человек военный и одновременно политик, писал: «Весь ноябрь и декабрь на огромном фронте от Луганска до Царицына и оттуда до р. Маныч в мороз и стужу, поставив в строй поголовно всех казаков, способных носить оружие, изнемогающих от потерь и лишений, Дон доблестно отстаивал свое существование против сильного врага. Донская армия неизменно

одерживала верх, брала тысячи пленных и богатую военную добычу. Стратегически победа была уже на стороне донцов: зимняя операция красных уже расстроилась, потеряв свой планомерный характер... Но в Гражданской войне моральный элемент более, чем где бы то ни было, властвует над всеми прочими слагаемыми успеха. Уже в ноябре, невзирая на успехи, в армии почувствовалась некоторая моральная неустойчивость»¹⁰⁴⁵.

Глава 19

РАЗЛОЖЕНИЕ АРМИИ И УХОД КРАСНОВА

Сначала началось разложение в частях Хоперского и Северо-Западного районов. Как правило, это были части, состоявшие из казаков станиц, где не было опыта советского режима, которые не восставали, а выставили полки по мобилизации. Кроме того, на Северный фронт были переброшены «не показавшие» себя под Царицыным Луганский, Бессергеновский и Богаевский полки (5—18 ноября). Но первыми взбунтовались именно верхне-донские казаки.

Пеший Верхне-Донской полк был создан из прибывшего на фронт пополнения—196 пеших казаков Боковской и Каргинской станиц возрастом от 21 до 45 лет — и четырех пеших сотен бригады Попова (35-й и 36-й полки); полк был сформирован на станции Филоново и получил № 2 (2-й Верхне-Донской).

Попав на фронт, полк отказался перейти границу. Его не тронули, потом послали на смену бывших в бою частей полковника Соколова. Казаки снова отказались и 5 (18) ноября из хутора Верхне-Кардаильского самовольно двинулись в тыл на ст. Ярыженскую, присоединив к себе по пути шедшее на фронт пополнение из казаков Мигулинской и Казанской станиц. Против полка был двинут партизанский отряд, но партизаны оказались малочисленны, а в полку насчитывалось 700 штыков.

10 (23) ноября к мятежникам присоединилась часть Верхне-Донского отряда — 32-й Вёшенский конный и часть 34-го Славцевско-Федосеевского — и ушла за станцию Бударино.

Вслед за уходящими был послан 21-й конный полк. После уговоров и угроз 32-й полк вернулся на позицию, а Федосеевская сотня 34-го полка дошла с Верхне-Донским полком до Ярыженской и осталась там.

12 (25) ноября растаявший по дороге полк выступил в составе 290 штыков и 2 пулеметов из станицы Тишанской на свою окружную станицу Вёшенскую, заявив, что идет туда переобмундироваться, а оттуда казаки согласны идти на «Калачевский фронт» (то есть в Северо-Западный район), но не на «Хоперский».

17 (30) ноября полк прибыл в Вёшенскую. Станичный сбор обязал их вернуться на Хоперский фронт. Полк подчинился, ушел из станицы, но на фронт не вернулся и «продолжал болтаться» по станицам и хуторам округа.

В начале декабря командование просило Верхне-Донского окружного атамана прислать «для вразумления» на фронт станичников, так как «в последнее время полки Верхне-Донского округа как то 32-й Вёшенский, 33-й Еланско-Букановский, 34-й Славцевско-Федосеевский, 35-й Краснокутский, 36-й Каргинско-Боковский, работающие в Хоперском округе, неудовлетворительно несут свою боевую работу, и нередко бывают митинги и случаи невыполнения приказов и распоряжений».

16 (29) декабря начальник штаба Северного фронта Зембрицкий еще раз потребовал от окружного атамана, чтобы казаков Верхне-Донского полка направили на фронт. Чтобы навесить порядок на фронте, была разоружена и отдана под суд 4-я сотня 34-го полка. 19 декабря (1 января) несколько казаков расстреляли.

Остатки 2-го Верхне-Донского полка направили «на перевоспитание» в Северо-Западный район в наиболее надежный 28-й Верхне-Донской полк.

Войска этого района оказались на острие главного удара большевиков. Но пока проявляли очень высокую боеспособность. Так, 17 (30) декабря 31-й Мигулинский полк под командованием подьесаула Чайкина разбил под Таловой красных. По белым сводкам было взято 3 орудия и 40 пулеметов, до 1000 красноармейцев погибло.

Пришедшие из тыла пополнения разложили боеспособные полки.

Между тем 22 декабря (4 января) большевики начали операцию против Донской армии, имевшей по их сведениям 76 500 бойцов¹⁰⁴⁶. Главный удар наносился группой Кожевникова (созданной для действий на Украине) на Миллерово в обход левого фланга Донской армии. За три дня до операции главнокомандующий заявил в своей директиве украинским советским войскам: «Наши пути к Украине ведут через Дон». Захват станции Миллерово перерезал бы железнодорожное сообщение Новочеркасска со всем Северным фронтом Донской армии. 8-я армия красных наступала вдоль Дона по обоим берегам, 9-я — на Хопер между Новохоперском и Урюпинской¹⁰⁴⁷.

Группа Кожевникова первоначально из района Купянск — Валуйки повела наступление на Славянск, Луганск и Старобельск. Донских войск здесь почти не было. Лишь у Старобельска стояли полки 3-й Донской дивизии «Молодой армии», а линию Луганск — Дебальцево сначала прикрывали всего три бронепоезда.

Части 3-й Донской дивизии сразу же были втянуты в бои с местными повстанцами — «петлюровцами». В городе Беловодске была окружена сотня 12-го Донского полка, сутки отбивалась и, дождавшись подхода подмоги, в конном строю бросилась в атаку и пробилась. Но Беловодск 3 (16) января был казаками сдан.

Донское командование срочно стягивало к западным границам подкрепления. 1 (14) января в Донецкий бассейн прибыла 2-я Донская дивизия из «Молодой армии». 10 (23) января в командование этой дивизией вступил генерал Коновалов. 5-й и 6-й полки стали в Дебальцево, 7-й — в Луганске, 8-й — в Ровеньках и Штеровке. В Юзовку был послан дивизион Атаманского полка.

Кроме донских войск в Донецкий бассейн Деникиным были посланы части 3-й дивизии Добровольческой армии.

Эти силы, явно недостаточные, только подходили к месту назначения и сыграть свою роль не могли. 8 (21) января красные заняли Луганск и нависли над областью с запада.

Первые три дня боев на направлении главного удара 8-й армии красных решили дело на севере Дона. Советская разведка доносила: «Перед нашим наступлением на Таловую Казанский и Мигулинский полки устраивали митинг, на котором обсу-

далось положение на фронте, решено было отступить до границы Донской области, где начать переговоры о мире»¹⁰⁴⁸. Вскоре последовало уточнение (3—16 января): «Казаки хотят уйти на Дон и защищаться»¹⁰⁴⁹.

25 декабря (7 января) генерал Гусельщиков уговаривал эти полки «подчиниться приказу и верно служить Дону», но казаки не послушались, бросили позиции и ушли из-под Таловой в Калач, а затем 27 декабря (9 января) в приграничные села — Старую и Новую Криуши. Туда же отошел 28-й полк. Фронт был разорван на 40 верст.

29 декабря (11 января) Казанский полк пришел в свою станицу, а пешие сотни 28-го Верхне-Донского полка двинулись на станицу Вёшенскую, вступили туда 1 (14) января и парализовали работу находившегося там штаба Северного фронта Донской армии.

Взамен ушедших Мигулинского и Казанского полков из Хоперского района 25 декабря (7 января) были переброшены 32-й и 34-й конные полки, которые явились без артиллерии и пулеметов, имея в строю 500 шашек. После 70-верстного перехода они получили приказ 26 декабря (8 января) занять Ново-Меловатку, три дня стояли под ней и, наконец, отошли и 31 декабря (13 января) заняли линию Калач — Воробьевка. Вскоре эти полки тоже стали разлагаться и расходиться по домам.

28, 32 и 34-й полки проделали, как они сами говорили, «наполеоновский поход» от Калача на пограничную деревню Криушу, потеряв много пьяных замерзшими, и окончательно очистили Воронежскую губернию.

Западный отряд (Черкасский и Мешковский полки) из района Квашино — Калач ушел на Манино. В Северный отряд Гусельщикова, находившийся в Еланском Колене — Абрамовке, 2 (15) января послали директиву идти в наступление на Калач. Но директива запоздала на два дня. Операция была назначена на 7 (20) января. Но в этот день в Богучар от Казанского полка была послана делегация. Заработала «народная дипломатия». На уровне полков заключались договоры, суть которых сводилась к неприкосновенности границ Донской области¹⁰⁵⁰.

В окружной станице Вёшенской власть захватили казаки пеших сотен 28-го Верхне-Донского полка во главе с урядником Я.Е. Фоминым. Штаб Северного фронта эвакуировался в

станицу Каргинскую. В результате с 2 (15) января штаб войск Хоперского района потерял связь с другими фронтами¹⁰⁵¹.

Советские историки впоследствии даже писали о «втором триумфальном шествии советской власти».

Краснов тоже сравнивал ситуацию с событиями годичной давности: «И думается, не идет ли вместо Голубова из Усть-Медведицкой станицы Миронов и вместо Подтелкова казак 28-го полка Фомин из Вёшенской станицы». Правда, впоследствии белые уточнили: «Если в прошлом году разгоряченные умы фронтовой казачьей молодежи с увлечением пошли за Подтелковым, Кривошлыковым... то на этот раз готовность некоторой части казаков северных округов подчиниться советской власти вызывалась не увлечением, а усталостью от непрерывной борьбы на фронте, апатией и упадком духа от этой борьбы, протекавшей в неимоверно тяжелых условиях: холода, голода, отсутствия обмундирования, перевязочных средств, медикаментов и прочего»¹⁰⁵².

12 (25) января в хуторе Шумилинском, на границе области, в надежде заключить мир с большевиками собрались остатки 28, 32 и 34-го конных полков. Туда же подошли остатки 29-го Казанского полка.

Наступление Красной армии продолжалось. «Необходимо уничтожение буржуазии и всего бывшего царского офицерства, которое толкает трудовое казачество на братскую войну, поэтому война с этими элементами будет продолжаться до полной победы», — ответило советское командование казакам¹⁰⁵³. Однако советские воинские части предупреждались: 27.1.19 г. «От имени Реввоенсовета и политотдела армии циркулярно приказываю всем политработникам принять категорические меры по устранению при занятии территории Дона явлений, влекущих недовольство населения советской властью массового террора, незаконных реквизиций, вообще бесцельных насилий. Заполитотделарм 9 Поволоцкий»¹⁰⁵⁴.

Даже вышедшая впоследствии в «Приазовском крае» статья под броским названием «Зверства большевиков» сообщала: «...Первые эшелоны красных войск вели себя удовлетворительно»¹⁰⁵⁵.

Ненавязчиво оттеснив казаков, 16 (29) января в хутор Шумилин вступили полки Московской рабочей дивизии. Коман-

дование дивизии связалось с ревкомом, образованным в Казанской самими казаками.

Казанский и Мигулинский полки отошли в район станицы Казанской, а 32-й и 34-й вообще разошлись по домам.

19 января (1 февраля) расходились по домам казаки 30-го Мешковского и сформированных осенью 37-го и 38-го полков. «Нужно сложить оружие, так как из этой борьбы ничего не выйдет», — говорили казаки¹⁰⁵⁶.

Этот «провал» всего левого фланга Северного фронта, своеобразное положение «ни мира ни войны», сложившееся здесь, сразу же отразилось на всем Северном фронте и на Северо-Восточном.

Сначала ситуация на севере области складывалась удачно для донцов. 9-я армия красных попыталась ликвидировать борисоглебский прорыв и двинуть части на Новохоперск — Михайловскую — Урюпинскую. 20—21 декабря (2—3 января) под Алексиково донцы в рукопашном бою остановили это наступление и отбросили 15-ю дивизию красных. Восточнее казаки 24 декабря (6 января) нанесли упреждающий удар по войскам Миронова. Советское командование 25 декабря (7 января) констатировало: «Фактически выходит, что вся 9-я армия отскочила на 40—60 верст...»¹⁰⁵⁷.

Воспользовавшись этим, казаки перебросили часть войск против 8-й армии и стали концентрировать кулак (9 конных и 3 пеших полка) против левого фланга 9-й.

Не давая красным опомниться, Гусельщиков 26 декабря (8 января) разбил под Борисоглебском Саратовский кавалерийский полк (полк потерял треть состава).

28 декабря (10 января) 9-я армия вновь перешла в наступление, чтобы выйти на линию реки Кардаил, но в жестоких боях бригада из Хоперского отряда Аврамова (22-й конный и 21-й пеший полки) нанесла красным тяжелые потери: были убиты начдив Киквидзе и один командир полка, два командира полка получили ранения, общие потери достигали 170 человек.

Красные были в растерянности. А.И. Егоров отмечал: «Сведения о развале Донской армии до двадцатых чисел января 1919 года были неясные... Командование все еще опасалось возможного прорыва казаков на стыке 8-й и 9-й армий»¹⁰⁵⁸.

Но ситуация на Воронежском направлении сводила к нулю все эти успехи казаков. Решено было отрядом Гусельщикова прикрыть брошенный верхне-донцами фронт. 31 декабря (13 января) штаб Северного фронта телеграфировал Гусельщикову: «На Западный отряд, как видите, рассчитывать не приходится. Сейчас вся надежда только на ваши части. От Вас зависит положение не только нашего Северного фронта, но и всего Дона. К концу января получим 400 орудий и танков. В апреле будет наступление союзной армии. Генерал-лейтенант Иванов». Гусельщикову приказывалось взорвать мосты у Колоно — Абрамовки и идти на Калач, а оттуда с тыла ударить на Богучар.

Поскольку 2 (15) января 9-я армия красных снова перешла в наступление, а Миронов занял Преображенскую, Гусельщикову надо было сначала разбить атакующего его противника, а потом уже 7 (20) января идти на Калач.

Но уже 3 (16) января Гусельщиков из-за отсутствия патронов и снарядов, имея 700 штыков и 800 шашек, отправил раненых в Еланскую и Усть-Хоперскую и стал уходить по Хопру на Алексеевскую и Усть-Бузулукскую. И вовремя, так как, подрезая ему дорогу, с востока на запад рванулась красная дивизия Миронова.

Дивизия Миронова получила задачу к 6 (19) января занять Урюпинскую. Тяжелая артиллерия и все мешающее движению было оставлено в Преображенской, и мионовцы налетке устремились ночью к станции Бударино. 3 (16) января станцию заняли. Следующей ночью в хуторе Пышкин врасплох был захвачен конный казачий полк и почти полностью попал в плен вместе с командиром. Перед вечером мионовская дивизия расположилась в хуторах Урюпинской станицы. Навстречу мионовцам, ничего не подозревая, двигалась на Усть-Медведицкую Хоперская группа — 5 полков.

Красные наблюдатели сообщили, что приближается колонна конницы. Красная пехота успела занять позицию, навстречу приближающейся колонне были посланы пулеметные тачанки и конная бригада. Подпустив казаков на 200—300 шагов, мионовские пулеметы на тачанках развернулись всером и открыли огонь. Красная конница бросилась в атаку. Казачья колонна была сбита с дороги, разрезана на две части и бежала.

Судя по последующим событиям, станица Урюпинская даже не была предупреждена о причинах и результате боя.

5 (18) января конная бригада мионовцев двинулась на Урюпинскую и 6 (19) утром вступила в станицу под колокольный звон (станичники праздновали Крещение). «Свободно прошли мы всю станицу, — вспоминали красные. — Белоказаки проявили удивительную беспечность. Станицу захватили без боя».

2 (21) января последовала директива 8-й и 9-й армиям перестроить фронт на юго-восток.

Задержавшись в Урюпинской на 2 дня, мионовцы двинулись вниз по Хопру. 9 (22) января советская разведка доносила: «От многих полков противника остались только номера, казаки этих полков, доходя до своих хуторов и станиц, остаются дома или разбегаются, или переходят к нам»¹⁰⁵⁹. Пленных было много. «Сначала мы им давали справки и отпускали домой, а потом и бумаги не стало хватать на эти справки», — вспоминал заместитель Миронова Е.Г. Голиков.

Чтобы спасти положение, Краснов сам выехал на фронт. С собой он вез представителей союзников, показать казакам, что помощь близка. Штаб Северного фронта был оттянут в Каргинскую, а затем еще дальше — в Чернышевскую. Против мятежников, захвативших Вёшенскую, стали собирать мощный кулак. Были мобилизованы старики станицы Каргинской (800 штыков, 2 орудия), послан отряд войскового старшины Р. Лазарева (700, по другим данным — 300 шашек) и Осетинский отряд войскового старшины Икаева (130 сабель).

Второй задачей стало удержание Хоперского округа. 14 (27) января командующий войсками Хоперского района Савватеев и его начальник штаба подполковник Ситников сообщили Краснову по прямому проводу: «Хоперцы не раз находились в ужасных условиях, но, учитывая положение на других фронтах, не просили помощи. Теперь мы находимся в состоянии агонии, сжатые с фронта и флангов, свалены утомлением и чудовищными размерами сыпного тифа, ожидаем немедленной помощи. Повторяю, хоперцы доказали свою верность, но человеческим усилиям есть предел. Не дай бог, хоперцы не выдержат, тогда теряете единственную Вашу опору на севере. Прошу поставить меня в известность о принятых вами мерах». Краснов ответил: «Передайте доблестным хоперцам, что час спасения нашего на-

ступает. Необходимо продержаться одну, две недели, в конце января авангарды английской пехоты прибывают в мое распоряжение и будут двинуты мной на Северный фронт... На днях ожидаем падения Царицына, с падением которого явится возможность подкрепить Север. Добровольческая армия заканчивает покорение Кавказа и уже в добавок своей 3-й посылает еще дивизию, которая займет Бахмут — Славяносербск. Вёшенская станица и ее мятежники на этих днях будут сметены с лица земли. Никогда еще наше положение не было так хорошо в будущем, и нам осталось еще немного потерпеть — 2—3 недели. Неужели казаки хотят рабства и разорения большевиками?»¹⁰⁶⁰.

В связи с прибытием в Донецкий бассейн «добровольцев», оттуда были сняты 10-й и 11-й полки 3-й дивизии «Молодой армии» и 6-я Донская батарея и переброшены на Миллерово, откуда 22 января (4 февраля) должны были идти на Кашары, Кургинскую, Еланскую и на Хопер.

15 (28) января Краснов обратился к Деникину и сообщил о разложении на севере Дона. «Главное, на чем они играют, — это отсутствие союзников. Они говорят, что казаков обманывают, и это в связи с утомлением, большими морозами и тяжелыми условиями борьбы на севере вне железных дорог разлагает северные станицы и они очищают фронт...». Краснов просил хотя бы один батальон союзных войск. «Теперь можно отстоять Дон, через две недели Дон придется завоевывать, так же как Украину. Теперь достаточно 2—3 батальона — тогда потребуются целые корпуса»¹⁰⁶¹.

Однако время было упущено. Оттесненные к южной границе своего округа хоперские полки начали с красными переговоры о сдаче. Савватеев и Аврамов спешно уехали в Усть-Медведицкую.

Казаки-парламентеры предупредили красных, что в Кумылженской сдадутся 5 полков.

«...Выступив на другой день из станицы, мы увидели выстроившиеся полки, причем белоказачков было так много, что число их было примерно раза в два больше нашей бригады...» — вспоминали красные казаки-мироновцы о событиях 18 (31) января. Командир красной бригады с несколькими ординарцами выехал вперед, поздоровался и сказал: «Сложите оружие». После того как оружие было сдано, открылся митинг.

Член Реввоенсовета Южного фронта Ходоровский докладывал: «Полностью сдались 25, 26, 27-й конные, 24-й и 25-й пешие полки. Сдавшиеся казаки обезоруживаются. По сведениям от жителей, командный состав казаков бежал в Новочеркасск. Среди казаков полное разложение. Население станицы Кумылженской, большинство казаков коей служит в Красной армии, встретило наши войска хлебом-солью. Сдавшиеся после митинга в открытом поле проводили наш командный состав криками «ура»»¹⁰⁶².

По сводкам самой мироновской дивизии 18 (31) января сдались 24, 25, 27, 39-й конные, 21-й и 25-й пешие полки¹⁰⁶³.

21-й конный полк ушел в тыл и тоже намеревался перейти к большевикам¹⁰⁶⁴. «Офицеры 21-го и 22-го конных полков уехали в Новочеркасск, оставив заместителями казаков... Отступление казаков совершенно беспорядочно, орудия бросают на Хопре, прорубают прорубь и туда бросают орудия, так как лошади утомлены и везти не могут», — доносила красная разведка¹⁰⁶⁵. Лишь ополовиненный 35-й Краснокутский полк (2 сотни по 75 шашек) прикрыл отступление на Усть-Медведицкую хоперской артиллерии — 17 орудий.

Хоперский округ лишился большей части своих полков. 23 января (5 февраля) советская разведка сообщала: «Вполне разложившимися надо считать те полки противника, которые почти целиком сдались в плен, 25, 26, 27, 39, 23 и 24-й конные полки. Эти полки сняты с учета армии. По-видимому, разложились так же 9-й и 10-й пешие и 21-й и 22-й конные полки, так как командный состав этих полков, по показаниям пленных, бежал в Новочеркасск. 6-й конный, 32-й конный, 22-й пеший, 42-й пеший тоже не вполне надежны и крепки, ибо, по агентурным данным, эти полки постановили больше не воевать и послать к т. Миронову делегацию для переговоров о мире»¹⁰⁶⁶.

Вслед за Хоперским вал разложения достиг Усть-Медведицкий округ. 20 января (2 февраля) в станице Глазуновской сдал оружие вытесненный с Хопра 22-й Михайловский конный полк, всего 238 казаков и 1 офицер при одном орудии¹⁰⁶⁷.

Одновременно казаки 28-го полка и других полков Верхне-Донского округа, испугавшись карателей Лазарева и Икаева, сдали красным весь левый берег Дона до устья Хопра. Это вновь

поставило под удар отряд Гусельщикова, который стал спешно отходить от хутора Упорникова к устью Хопра.

16 (29) января разведка 33-го Московского рабочего полка была выслана на Вёшенскую. «Делегация из Вёшенской прибыла к нам и просит прихода наших войск. По дороге она встретила расходящихся по домам казаков. По их словам, разошлось около 20 полков», сообщало командование Московской рабочей дивизии 19 января (1 февраля)¹⁰⁶⁸. 20 января (2 февраля) 33-й Московский рабочий полк вступил в Вёшенскую. Вся эта операция прошла без потерь для красных.

Разведка 15-й стрелковой дивизии красных, вступившей в Верхне-Донской округ, докладывала: «Организованных частей у противника нет. Во всех хуторах и станицах большинство казаков уже дома»¹⁰⁶⁹.

Растерянные станицы, надеявшиеся на мир и «нейтралитет», встречали красноармейцев хлебом-солью и выносили резолюции с громкими революционными фразами. Однако на следующий день после вступления в Вёшенскую разведка Московской дивизии предупреждала: «Некоторые из полков хотя и желают советской власти, но с условием, если будут сохранены у них правлением вольности и мелкая собственность, в противном же случае будут снова организоваться без офицеров и продолжат борьбу»¹⁰⁷⁰.

Еще в январе политотдел 8-й армии красных сообщал: «...От пленных и перебежчиков поступают сведения, что отступающие казачьи войска раздают оружие на хранение надежным людям для перехода к партизанскому образу войны»¹⁰⁷¹. И в апреле 1919 года, когда в Верхне-Донском округе вспыхнуло восстание (о чем ниже), советская разведка подтвердила: «Жители говорят, что восстание было подготовлено заранее, для чего оставались целые части под видом сдавшихся в плен или нежелающих воевать»¹⁰⁷².

19 января (1 февраля) последовала директива главного командования Красной армии командованию Южного фронта о преследовании отступающего противника и о выходе на линию Великокняжеская — Ростов-на-Дону — район Донецкого бассейна.

В директиве говорилось: «Противник против войск Южного фронта разбит и отступает за Дон. Казаки расходятся по ста-

ницам. В красновских войсках полное разложение. Армии Южного фронта правым своим флангом глубоко проникли за Дон и непосредственно угрожают Ростову-на-Дону и Новочеркасску». Главком приказывал энергично преследовать противника по всем направлениям и конкретно к 6 — 8 февраля выйти на линию Миллерово — Усть-Медведицкая — Кременская — Качалинская»¹⁰⁷³. Конечной целью Южного фронта ставилось овладение Новочеркасском и Ростовом. Для подкрепления преследующих противника частей было выслано из Центра еще 100 рот, каждая при 2-х пулеметах.

На Северо-Восточном фронте ситуация сложилась, как и на Северном. По мнению генерала Голубинцева, «фронт разваливался и откатывался к югу почти без сопротивления и местами даже без соприкосновения с противником. Управление войсками было утеряно»¹⁰⁷⁴.

Красными было перехвачено письмо офицера, написанное 23 января (5 февраля) на станции Михайловка: «Дела наши не совсем хороши, в частях много недовольных войной, измученных ожиданием союзников. Настроение приблизительно таково: давай союзников или мы уйдем с фронта. Причины — усталость и отсутствие теплого белья. Глухое брожение есть, но не во всех частях. Worse всех хоперцы, а потом и наши усть-медведицкие. Казаки остальных округов готовы биться до последней капли крови»¹⁰⁷⁵.

В тот же день при занятии красными станции Арчеда сдались почти полностью 3, 4, 15, 16, 17-й конные полки и часть 27-го конного. Остатки 6, 16 и 18-го конных были сведены в один полк. «Казаки определенно говорят, что, перейдя Дон, разбегутся, так как офицеры бросают их на произвол судьбы», — сообщала красная разведка¹⁰⁷⁶. Сотня 17-го конного полка вступила в ряды мироновской конницы.

К 24 января (6 февраля) мироновская конница, состоявшая из усть-медведицких казаков, вышла к Дону, к своей окружной станции Усть-Медведицкой. У Усть-Медведицкой «переправу особенно упорно защищали добровольцы — местные казаки-старрики. Когда на переправе разыгрался бой и старикам начали «отвязывать котелки», последние кричали: “Что вы делаете, сынки, ведь мы за ваше счастье воюем”, но эти призывы не остановили революционную молодежь»¹⁰⁷⁷. Усть-Медведицкая была взята.

Позже, 27 января (9 февраля), сдались 11-й пеший, 15-й конный и Куртлакский пеший полки — до 700 человек. «Все отпущены по домам. Пришла с Царицынского фронта Етеревская конная сотня 4-го полка, которая имела свой выборный командный состав и вела по дороге агитацию за советскую власть», — сообщала сводка мироновской дивизии¹⁰⁷⁸.

Вообще по территории своего округа красные мироновские казаки прошли триумфальным маршем. «По пути бригада почти не встречала сопротивления, но отмечалось враждебное отношение к Красной армии со стороны местного казачьего населения, которое всячески вело контрреволюционную агитацию и закидывало колодцы, не давая воды людям и лошадям.

Это в х. Большом вызвало колоссальное озлобление и возмущение бойцов 2-го кавполка, которые начали расправу с местными жителями, зарубив до 20 стариков»¹⁰⁷⁹.

Разложение коснулось станиц на правом берегу Дона, в глубине области. Красная разведка доносила после 23 января (5 февраля), что в станице Морозовской скопление казаков. «Старики их уговаривают и просят вернуться для защиты Дона, но фронтовые казаки желают мира и вернуться в свои станицы»¹⁰⁸⁰.

Попытки создать новый фронт были на территории Верхне-Донского округа — на правом берегу Дона и на речке Чир. Костяком фронта должны были стать остатки верхне-донских полков, мобилизованные старики и карательные отряды. Кроме того, планировалось создать заново три отряда — полковника Овчинникова — 28-й Сводный Верхне-Донской (его тоже надо было создать заново), 29-й Казанский, 30-й Мешковский, 31-й Мигулинский, 35-й Краснокутский, 2-й пограничный; полковника Черткова — 24-й пеший Черкасский, 32-й Верхне-Донской (созданный заново), 33-й Еланский, 34-й Верхне-Донской (созданный заново), 36-й Боково-Каргинский, 37-й конный, 38-й конный; генерала Гусельщикова — 23-й Гундоровский пеший, 48-й Луганский пеший, Богучарский добровольческий отряд, Карачанский добровольческий отряд. 22 января (4 февраля) к месту формирования новых отрядов, в Каргинскую, должен был выступить из Миллерово с бригадой 3-й Донской дивизии генерал М.М. Иванов.

Отряд Гусельщикова, пройдя весь Хоперский округ, был распрям захвачен в станице Усть-Хоперской одним из полков Московской рабочей дивизии и спешно отошел.

19 января (1 февраля) Овчинников стал брать под свое начало полки, которые оказались ближе, и назначать новых командиров. Казакам 28-го полка (временен командир есаул Стефанов) и 36-го (временен командир есаул Каргин) приказано было собраться 20 января (2 февраля) в станице Каргинской; 31-му Мигулинскому (войсковой старшина Чайкин) — в хуторе Тиховском; 30-му Мешковскому (войсковой старшина Рябов) — в хуторе Мешков. Создавалась Каргинская батарея (сотник Попов).

20 января (2 февраля) карательный отряд Икаева двинулся на Вёшенскую, за ним должны были идти остатки 28-го и 36-го полков, собранная офицерская дружина и Каргинская батарея. Мигулинский полк должен был обойти Вёшенскую с запада, Мешковский — наступать на Казанскую.

Поход был сорван из-за митинга каргинцев и контрприказа нового командования войск Северо-Западного района — 28, 29, 31, 32 и 34-му полкам сосредоточиться в районе Боковская — Дуленков — Попов — Вислогузов, а 30, 37, 38 и 24-му (отряд Черткова) — в Краснокутской — Свиридове; всем казакам округа 1888—1917 годов переписи явиться в полки.

21 января (3 февраля) Овчинников вновь получил приказ сформировать отряд и не позже 23 января (5 февраля) перейти в наступление на Вёшенскую.

22 января (4 февраля) в Каргинскую прибыли 1-я и 2-я Калмыцкие сотни и Калмыцкая батарея под командованием войскового старшины Афанасьева (авангард 3-й Донской дивизии) и карательный отряд Лазарева — пресечь митинги. 23 января (5 февраля) наступление вновь сорвалось. Овчинникова сменил полковник Топилин.

Красные между тем сами перешли через Дон и стали теснить Мешковский и Мигулинский полки, а 24 января (6 февраля) атаковали Каргинскую, обходя ее с востока кавалерией. Полковник Тапилин, «поклонник маневренной войны», вывел отряды Икаева, Лазарева, Калмыцкие сотни и Каргинский полк из-под удара и отошел на Пономарев — Боковскую. На острие красной атаки оказались митингующие казаки Каргинской станицы. Красная кавалерия гнала их 12 верст и рубила.

21 и 22 января (3 и 4 февраля) Мешковский полк (3 конные и 3 пешие сотни по 200—220 человек, 3 полевых орудия и 1 мортира) дважды выбивал красных из хуторов Верхняковского и Меловатского, затем дал бой за хутор Мешков. После боя часть казаков осталась дома, часть пошла в отступление.

Мигулинский полк разгромил на территории своего юрта неосторожно высунувшихся красных, и даже взял 13 пулеметов, затем после митинга в хуторе Вяжа большая часть полка пошла на Макеевку — Кашары.

Туда же с боями уходили 78, 84, 96-й конные и 96-й пеший полки.

21 января (3 февраля) ушли вслед за Гусельщиковым из своей станицы многие казаки разложившегося Еланского полка. 23 января (5 февраля) собрались в хуторе Кутейникове казаки 35-го Краснокутского полка и оттуда пошли на Маньково — Березовскую, на соединение с отрядом Тапилина.

Из присоединившихся казаков Каргинской, Боковской и Краснокутской станиц 27 января (9 февраля) Тапилин сформировал Верхне-Донской полк (4 конные сотни) под командованием есаула Клецовца, а из пеших — Каргинскую сотню под командованием хорунжего Г.И. Каргина.

26 января (8 февраля) красные вслед за отступающими казаками заняли хутора Пономарев, Каменку, Макеевку. 27 января (9 февраля) казаки оставили Чернышевскую, затем слободу Кашары. Кашары временно отбили, и даже взяли 4 пулемета. 30 января (12 февраля) были оставлены хутор Скобелев, Селивановка, слобода Маньково, села Терновская, Мальчевская, Кашары.

Опереться на неказачьи селения, которые лежали между Доном и Донцом, войска Северного фронта не могли и покатились к Донцу. Войска Восточного фронта под Царицыным еще держались. К началу февраля 1919 года кампания была явно проиграна. Второй период борьбы — «народная война казачьей народной армии против Красной рабоче-крестьянской народной армии за целостность своих станиц» — близился к завершению.

Три округа — Хоперский, Усть-Медведицкий и Верхне-Донской — были потеряны полностью. С 10 (23) января по 28 января (10 февраля) в плен сдались 7 тысяч казаков, не считая разбежавшихся полков¹⁰⁸¹.

Личный состав армии резко сократился.

Восточный фронт к 25 января (7 февраля) (6-й корпус, 8-й корпус и корпус генерала Попова) — 11 500 бойцов.

Северо-Восточный фронт к 25 января (7 февраля) — 5415 бойцов (2315 штыков, 3100 шашек).

Северный фронт к 1 (14) февраля (Хоперский и Северо-Западный районы) — 10 500 бойцов.

Западный фронт к 1 — 4 (14—17) февраля (группа Постовского, группа Фицхелаурова, 2-я Донская дивизия Коновалова, отряд полковника Туроверова) — 9300 бойцов.

Всего — 36 715 бойцов, 150 орудий, 422 пулемета, 11 бронепоездов, 15 аэропланов, 2 броневика.

Кроме того, держался еще астраханский корпус — 2000 бойцов, 7 орудий, 30 пулеметов.

Армия потеряла практически половину состава и продолжала таять. Так, Северо-Западный район с 25 января (7 февраля) к 1 (14) февраля с 5500 бойцов сократился до 2400.

Как всегда бывает при поражениях и отступлении, высветилось плохое оперативное руководство войсками. Генерал Голубинцев приводит в мемуарах случай во время боев с красной конницей под Дубовкой, когда его отряд и отряд Кравцова действовали разрозненно, поодиночке. «На другой день выяснилось, что полковник Кравцов, ввиду густого тумана, не считал возможным вести операцию, но меня о своем решении не уведомил»¹⁰⁸². На другой день Кравцов так же «без уведомления» двинулся вперед, был разбит и сам погиб.

Командиры, водившие в бой отряды, были невысокого мнения о фронтовом командовании и командовании групп. Так, по мнению Голубинцева, операция 9 ноября — 12 января (22 ноября — 25 января) в районе Иловлинской «не имела особого значения, не стоила тех усилий, жертв и потерь в людях и лошадях от бескормицы и тифа и свелась лишь к бесконечным передвижениям сбоями, не имевшими никакого стратегического значения»¹⁰⁸³. У Голубинцева сложилось впечатление, что передвижения его дивизии (4-й конный отряд) проводились «только для спокойствия штаба фронта, без настоящей необходимости или каких-либо стратегических соображений, и даже в ущерб общему делу»¹⁰⁸⁴. «За все время пребывания в районе Саратовской губернии, 4-м конным отрядом от штаба Северо-Восточного

фронта не было получено ни одного сведения, ни одной информации как об общей обстановке на всем фронте, так, в частности, и о положении на Северо-Восточном фронте. Никаких сведений о противнике, о задачах Северо-Восточного фронта, и вообще, кроме того, никакой заботы о питании людей и лошадей, одежде и проч.»¹⁰⁸⁵.

Верховное командование в свою очередь обвиняло разложившиеся части.

На 1 (14) февраля было назначено открытие Большого Войскового Круга. Антикрасновская оппозиция, опираясь на «добровольцев», готовила смещение Атамана. 15 (28) января генерал Сидорин и есаул Дудаков делали в Екатеринодаре доклад о положении на Дону, готовили почву. В 20-х числах января на Круг стали прибывать делегаты из округов. Начались совещания. Денисова стали приглашать выступить на окружных совещаниях. Выступления вызвали обвинения в «легковесной самоуверенности» и неиспользовании помощи Добровольческой армии. Краснову предложили убрать Денисова с поста главнокома до начала Круга. Краснов отказался. 31 января (13 февраля) было ясно, что две трети окружных совещаний будут требовать замены командующего Денисова и его начштаба Полякова¹⁰⁸⁶.

1 (14) февраля Денисов делал отчет на Круге. По словам Краснова, он был «бледный, страшно исхудавший за эти последние дни, нервный и измученный чрезмерной лихорадочной работой и бессонными ночами»¹⁰⁸⁷.

По словам Денисова, «коренные причины наших неудач» были в следующем: 1) утомление войск; 2) «гибель надежды на иноземную помощь...»; 3) возрастание сил противника; 4) «Силы природы оказались против нас: осенняя распутица с ее ненастьем и дождями, суровые морозы зимой, бездорожье, а у нас не было средств, чтобы хорошо одеть и обуть наших бойцов»; 5) «Чрезвычайно большую роль сыграла агитация большевиков, большевики... умело использовали утомление наших частей, они говорили казакам: "Отправляйтесь домой, мы воевать с вами не будем, и все скоро кончится"... В тылу агитация шла повсю... Имеются документы, что в этой агитации принимали участие и общественные деятели, которые восставали против командного состава...»; 6) «Разложение полков Северо-Западного отряда. Всем известно, как ушли митякинцы, многие другие части

также перестали исполнять боевые приказы...»; 7) «Переход к красным как боевых частей, так и станиц...»; 8) «Измена населения общему делу, переход станиц на сторону красных и признание ими советской власти. Угроза Хоперскому округу создавалась, как результат измены Вёшенской и Казанской станиц, она же вызвала отход генерала Яковлева, для чего он получил соответствующий приказ»; 9) «Наконец, весь этот тыловой развал, вся эта тыловая агитация, гибельно отразившаяся на положении нашего фронта...»¹⁰⁸⁸.

После отчета 2 (15) февраля Денисову было выражено недоверие семью округами. Краснов заступился за главнокома: «Отчего нападают на человека, который так много сделал для общего дела? Невозможно работать с армией, лишенной всего необходимого, а этот человек одел и обул нашу армию. Теперешнее поражение произошло не по его вине. Я знаю, как велика усталость на фронте. Я — суровый человек, но и я не осуждаю решительно всех тех, кто вследствие сверхчеловеческого утомления покинул фронт. Нельзя доводить человека до последнего, а мы довели»¹⁰⁸⁹.

Выражая солидарность с Денисовым, Краснов подал в отставку. «Выраженное вами недоверие к командующему армией генералу Денисову и его начальнику штаба Полякову я отношу всецело к себе, потому что я являюсь верховным вождем и руководителем Донской армии, а они только мои подчиненные и исполнители моей воли... Согласиться на их замену теперь я не могу, а потому я отказываюсь от должности Донского Атамана и прошу избрать мне преемника»¹⁰⁹⁰.

Во время обсуждения заявления Атамана по округам его противниками было сказано, что уход Краснова — это требование союзников и желание Деникина, что иначе союзники помощи не окажут.

Отставка Краснова была принята. «За» проголосовали 159, «против» — 80, воздержались — 23.

Прибывший на Круг Деникин советовался с Красновым, кого поставить во главе Донской армии. Краснов указал на Ф.Ф. Абрамова, «как высокообразованного человека, понимающего военное дело, глубоко порядочного и честного. Начальником штаба он назвал генерала Кельчевского. К назначению предложенных ему Сидорина и Семилетова бывший атаман от-

неся с полным отрицанием, как к личностям нечестным, беспринципным»¹⁰⁹¹.

Деникин принял компромиссное решение. Командующим Донской армией был назначен генерал В.И. Сидорин, начальником штаба — генерал А.К. Кельчевский.

По закону обязанности Атамана исполнял генерал А.П. Богаевский, который 6 (19) февраля был на Круге избран Донским Атаманом.

По мнению Краснова, начался третий период борьбы — классовая война Добровольческой армии, в которую влились, как части, казацкой армии, против рабоче-крестьянской Красной армии.

Формально, как мы помним, Донская армия подчинилась Деникину еще 26 декабря (8 января), но реально объединение армий и командования произошло, когда ушел в отставку строптивый Краснов.

Послесловие

С уходом в отставку атамана Краснова закончился важный период в истории Донской армии. С февраля 1919 года, с момента принятия Большим Войсковым Кругом отставки ее создателя и верховного вождя, Донская армия, как и все Всевеликое Войско Донское, перестала играть самостоятельную роль в борьбе с большевиками на Юге России. Отныне новое донское командование постоянно оглядывалось на командование Вооруженных сил Юга России, то есть на генерала Деникина. Только через Деникина донцы теперь могли получать от иностранцев боеприпасы и тяжелое оружие. А кто платит, тот и заказывает музыку.

Естественно, с уходом Краснова Донская армия не прекратила своего существования. Не зря сам Краснов часто называл себя «управляющим», а Донское правительство официально именовалось «Советом управляющих отделами». Донские казаки поменяли управляющего своим сложным военным хозяйством и выбрали (или назначили) другого, который, как им казалось, смог бы лучше договориться и с Деникиным и с иностранцами о поставках оружия и боеприпасов.

Исторически сложилось так, что на Дону никогда не производилось своего оружия. Начиная с XVI века, казаки либо пользовались трофейным оружием, либо получали его от государства. Так же обстояло дело с боеприпасами. Теперь, когда началась неравная борьба с большевиками, эта традиция стала для Дона роковой.

Давно сложившееся и имеющее огромный опыт военное сообщество проявило в рассмотренный нами период свои лучшие профессиональные качества. Во время страшных социальных и духовных потрясений донские казаки быстро — быстрее многих иных социальных слоев — опомнились и самоорганизовались.

Мы видели, как создавалась «Молодая» регулярная армия из ранее не служившей молодежи, как возродилась донская гвардия, как все взрослое мужское население вступило в ополчение — в «армию на фронте», которая дралась на границах, давая командованию время и возможность обучить молодежь.

Внушительно выглядят успехи в оснащении армии всем необходимым, в создании донской авиации, броневых сил, своей флотилии, особенно если учесть, что все это создавалось чуть ли не на пустом месте.

Конечно же, казачество на Дону не было монолитно. Темой особого исследования могут стать немногочисленные донские красные казачьи полки. Сами белые говорили, что «эти изменники составляют лучшие боевые части красных». Но более 80 % боеспособных донских казаков вступили в ряды борющейся с большевиками Донской армии. Именно они определили политическое лицо донского казачества.

Но и те, которые дрались с большевиками, не отличались единством. Незначительная часть их (особенно в низовьях Дона) искренне считала, что идет война казаков с русскими. Другие были достаточно горды и самонадеянны, чтобы поставить себе задачу спасти Россию от большевиков только своими силами. И, наконец, большинство поднялось на оборонительную войну против большевиков за сохранение своего укоренившегося быта, своего хозяйства, своих прав и свобод. А заведомо оборонительные войны, как правило, обречены на поражение.

Впрочем, впереди казаков ждали драматические события весны 1919 года, возрождение партизанского движения, широкое народное восстание на Верхнем Дону, хотя бы временно победившее и тем отличающееся от других народных восстаний, поход с Деникиным на Москву... Так что отчаиваться не стоило...

Примечания

¹ Антонов-Овсеенко В.А. Записки о Гражданской войне. Т.1. М., 1924. С. 65.

² Козлов А.И. На историческом повороте. Ростов-на-Дону, 1977. С.65.

³ В начале XVIII века ушли с Дона и два века жили в чужеродном окружении казаки атамана Некрасова. В начале XX века они стали возвращаться, сохранив язык, костюм, культуру. Правда, какого-либо вклада в сокровищницу мировой культуры они не внесли...

⁴ ГАРО, ф.344, оп.4, д. 107.

⁵ Там же.

⁶ Родимый край. № 54.

⁷ Трут В.П. Казачество России в период Первой мировой войны. Ростов-на-Дону, 1998. С. 39.

⁸ Там же.

⁹ Богаевский Б. Немного статистики // Родимый край. № 25.1959.

¹⁰ Краснов П.Н. На внутреннем фронте // Враги о пролетарской революции в России. Пермь, 1991. С.118.

¹¹ Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Ростов-на-Дону, 1992. С.90.

¹² Там же. С. 22.

¹³ Денисов С.В. Белая Россия. СПб. — М, 1991. С. 14.

¹⁴ Драма истории // Родина. 1990. № 6. С. 12.

¹⁵ Вольный Дон. 1917. 13 сентября.

¹⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.34. С. 219.

¹⁷ Пайпс Р. Незамеченная революция // Родина. 1992. 10. С. 110.

¹⁸ Бабихин В. Слово Розанова // Знание — сила. 1991. №11. С. 51.

- ¹⁹ Булдаков В. Переворот или кризис империи // Родина. 1992. № 10. С.111.
- ²⁰ Грегори П. НЭП: кризисы, которых не было // Знание — сила. 1990. № 10. С.42.
- ²¹ Гефтер М. Живое мертвое // Знание — сила. 1990. № 7. С.15.
- ²² Цит. по: Огонек. 1991. № 45. С.2.
- ²³ Там же. 1990. № 49. С.13.
- ²⁴ Казачество. Мысли современников... С.100.
- ²⁵ ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 4028, л. 21.
- ²⁶ Вольный Дон. 1917. 31 октября.
- ²⁷ ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 4028, л. 9.
- ²⁸ Приазовский край. 1917. 3 ноября.
- ²⁹ ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 4028, л. 73.
- ³⁰ Враги о пролетарской революции в России. Пермь, 1991. С. 179.
- ³¹ Там же. С. 181.
- ³² Там же.
- ³³ Там же. С. 195.
- ³⁴ Краснов П.Н. На внутреннем фронте // Архив русской революции. Т. 1. М., 1991. С.185,186.
- ³⁵ Цит. по: Поликарпов В.Д. Пролог Гражданской войны в России. М., 1976. С. 118.
- ³⁶ ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 4028, л. 77.
- ³⁷ Там же, л. 8, 79.
- ³⁸ Приазовский край. 1917. 9 ноября.
- ³⁹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. М., 1991. С.362.
- ⁴⁰ Россия на Голгофе // Военно-исторический журнал. 1993. № С. 65.
- ⁴¹ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов (1917—1920). М., 1988. С. 34 — 35.
- ⁴² Вестник первоходника. № 17. С. 22.
- ⁴³ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 2. С. 156.
- ⁴⁴ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983. С. 31.
- ⁴⁵ Долгопятков А. Отряд полковника Кутепова // Вестник первоходника. № 13. С. 18.
- ⁴⁶ А.К. В донском водовороте // Казачьи думы. 1924. № 18. 30 января. С.3.

- ⁴⁷ Векслер А. Русская молодежь за честь Родины // Вестник первоходника. № 15. 1962. С. 10.
- ⁴⁸ Матасов В. Белое движение на Юге России. 1917—1920. Монреаль, 1990. С. 32.
- ⁴⁹ Терентьев В. Михайловско-Константиновская сводная батарея // Родимый край. 1966. № 64. С. 14.
- ⁵⁰ Лисенко И. Записки юнкера 1917 года // Вестник первоходника. № 16. С. 9.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Терентьев В. Указ. соч. С. 14.
- ⁵³ Донская летопись. № 1. Белград, 1923. С. 37.
- ⁵⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.37. С. 271.
- ⁵⁵ Родимый край. 1966. № 64. С.16.
- ⁵⁶ Казаки пытались использовать эти бомбометы, но дальше пробной стрельбы по Дону дело не пошло.
- ⁵⁷ 29-я Донская батарея.
- ⁵⁸ Сафонов И.Г. Юбилейная пощечина казакам // Вольное казачество. 1931. № 36. С. 20-21.
- ⁵⁹ Родимый край. № 64. С.17.
- ⁶⁰ Терентьев В. Указ.соч. С. 14.
- ⁶¹ Родимый край. № 69. С.28.
- ⁶² Лисенко И. Указ. соч. // Вестник первоходника. № 16. С. 10.
- ⁶³ Цит. по: Кораблев Ю.И. В.И. Ленин и защита завоеваний Великого Октября. М., 1979. С.124.
- ⁶⁴ Запорожко Т. Выросли мы в пламени. Л., 1968. С. 25, 44.
- ⁶⁵ Антонов-Овсенко В.А. Указ. соч. Т. 1. С. 26.
- ⁶⁶ Добрынин В.В. Вооруженная борьба Дона с большевиками // Донская летопись. № 1. С. 95.
- ⁶⁷ Янов Г.П. Донцы в дни революции на фронте // Донская летопись. № 1. С.19.
- ⁶⁸ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 2. С.189.
- ⁶⁹ Минц И.И. История Великого Октября. Т. 3. С.448.
- ⁷⁰ Военно-исторический журнал. 1993. № 6. С.95.
- ⁷¹ Донская летопись. № 2. С.62.
- ⁷² Деникин А.И. Указ соч. Т.2. С.201.
- ⁷³ Лисенко И. Записки юнкера 1917 года // Вестник первоходника. 1962. № 15. С. 13.

- ⁷⁴ Родимый край. № 50. С. 4.
- ⁷⁵ Лисенко И. Указ. соч. С.14.
- ⁷⁶ Родимый край. 1972. № 103. С. 11.
- ⁷⁷ Деникин А.И. Указ. соч. С.200.
- ⁷⁸ Цит. по: Юность.1990. № 10. С. 3.
- ⁷⁹ Деникин А.И. Указ. соч. С.205.
- ⁸⁰ Прюс И. Отпуск // Вестник первоходника. 1962. № 4. С.9.
- ⁸¹ Крицкий А.А. История 1-го кавалерийского полк. Гершельмана дивизиона // Вестник первоходника. 1962. № 5. С. 6—7, 12.
- ⁸² Российское офицерство // Военно-исторический журнал. 1994. № 1. С. 48.
- ⁸³ Там же. № 2. С. 44.
- ⁸⁴ Там же. № 1. С.44.
- ⁸⁵ Иоффе Г.З. Белое дело. Генерал Корнилов. М., 1989. С.232.
- ⁸⁶ Деникин А.И. Указ. соч. С.208.
- ⁸⁷ Там же. С.205.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ Там же. С.204.
- ⁹⁰ Пауль С.М. С Корниловым // Белое дело. Т.3. 1927. С.67.
- ⁹¹ Трагедия казачества. Ч.1. 1917—1918. Прага, 1933. С. 94.
- ⁹² Там же. С.200.
- ⁹³ ГАРО, ф. 46, оп.1, д. 4028, л. 120.
- ⁹⁴ Добрынин В.В. Вооруженная борьба...С. 96.
- ⁹⁵ Приазовский край. 1917. 6 июня.
- ⁹⁶ Там же. 12 сентября.
- ⁹⁷ Янов Г.П. Паритет // Донская летопись. № 2. С.193.
- ⁹⁸ Приазовский край. 1917. 13 декабря.
- ⁹⁹ Деникин А.И. Указ.соч. Т. 2. С.197—198.
- ¹⁰⁰ Добрынин В.В. Указ. соч. С. 96.
- ¹⁰¹ Каклюгин К.П. Войсковой атаман А.М.Каледин и его время // Донская летопись. № 2. С. 156.
- ¹⁰² Родимый край. № 50. С.3.
- ¹⁰³ Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Т.1. М.,1990. С.156.
- ¹⁰⁴ ГАРО, ф.46, оп.2, д.30, л.77.
- ¹⁰⁵ Там же, л.36.
- ¹⁰⁶ Там же, л.84.
- ¹⁰⁷ Там же, оп. 1, д. 4175, л.124.

- ¹⁰⁸ Падалкин А. Донские партизанские отряды и их начальники в Гражданскую войну на Дону // Родимый край. № 50. С. 6.
- ¹⁰⁹ Его же. Ударные батальоны и казаки в 1917 году // Родимый край. № 112. 1974. С.15.
- ¹¹⁰ Сагацкий И. Бой под станцией Должанской // Военная быль. 1956. № 17. С.1.
- ¹¹¹ ГАРО, ф.46, оп. 2, д. 30, л. 27.
- ¹¹² ГАРО, ф. 46, оп. 2, д. 30, л. 34-35.
- ¹¹³ Там же, л.86.
- ¹¹⁴ Там же, л. 89.
- ¹¹⁵ Там же, л. 79—80.
- ¹¹⁶ Там же, л. 42, 54.
- ¹¹⁷ Там же, л.42, 89.
- ¹¹⁸ Какурин Н.Е. Указ. соч. Т. 1. С.162.
- ¹¹⁹ Там же. С.163.
- ¹²⁰ Первые бои Добровольческой армии. М., 2001. С.110.
- ¹²¹ Там же. С. 232.
- ¹²² Добровольец Иванов. По следам памяти // Вестник первоходника. № 30. С. 27.
- ¹²³ По другим данным под командованием Лазарева был отряд (48 офицеров), созданный по инициативе Чернецова для охраны Атамана Каледина и отправленный Калединым на фронт (Родимый край // 1968. № 75).
- ¹²⁴ ГАРО, ф.46, оп. 2, д. 30, л. 61.
- ¹²⁵ Лисенко И. Указ. соч. // Вестник первоходника. 16. С.12.
- ¹²⁶ Гибель полковника Чернецова // Станица. 1932. № 2. С. 9.
- ¹²⁷ Там же. С. 8.
- ¹²⁸ Вольный Дон. 1918. 23 января.
- ¹²⁹ ЦДНИРО, ф.12, оп. 3, д. 103, л. 2.
- ¹³⁰ Там же.
- ¹³¹ Туроверов Н.Н. Гибель Чернецова // Донские войсковые ведомости. 1992. № 23 (30).
- ¹³² Добровольец Иванов. По следам памяти // Вестник первоходника. № 30. С. 28.
- ¹³³ Лисенко И. Указ. соч. // Вестник первоходника. 16. С. 12.
- ¹³⁴ Какурин Н.Е. Указ. соч. Т.1. С. 168.

- ¹³⁵ Жданов Н. Гибель Чернецова // Родимый край. 93. С. 18.
¹³⁶ ЦДНИРО, ф. 12, оп. 3, д. 137, л. 1.
¹³⁷ Там же.
¹³⁸ Вестник первоходника. № 27. С. 27.
¹³⁹ Первые бои Добровольческой армии. М., 2001. С. 165—166, 179, 191.
¹⁴⁰ Жданов Н. Гибель Чернецова // Родимый край. № 93. С. 17.
¹⁴¹ РГВА, ф. 14, оп. 1, д. 6, л. 75.
¹⁴² Первые бои Добровольческой армии... С. 118—119.
¹⁴³ Лисенко И. Указ. соч. С. 13.
¹⁴⁴ Первые бои Добровольческой армии... С. 168.
¹⁴⁵ Там же. С. 169.
¹⁴⁶ Там же. С. 171.
¹⁴⁷ Там же. С. 172.
¹⁴⁸ Жданов Н. Указ. соч. С. 18—20.
¹⁴⁹ Лисенко И. Указ. соч. С. 13.
¹⁵⁰ Первые бои Добровольческой армии... С. 173.
¹⁵¹ Жданов Н. Указ. соч. С. 20.
¹⁵² Значительную часть попавших в плен и порубленных партизан составляли юнкера-артиллеристы—16 человек. Всего под Глубокой их погибло 19 человек (Родимый край. 1968. № 75. С. 45).
¹⁵³ ЦГВА, ф. 14, оп. 1, д. 6, л. 117.
¹⁵⁴ Эмигранты подсчитали, что около 100 авторов написали около 150 работ, посвященных Чернецову и его походу. В 1918 г. по инициативе чернецовцев была создана комиссия по перевозке тела Чернецова из х. Гусева в Новочеркасск на Партизанское кладбище и для выяснения обстоятельств его гибели. Комиссия выяснила, что Чернецов был зарублен именно Подтелковым и что труп Чернецова на второй день был обнаружен казак-стариком х. Гусева в поле и отвезен матери Чернецова на хутор, где и был тайно похоронен (Родимый край. 1971. № 95. С. 47).
¹⁵⁵ РГВА, ф. 14, оп. 1, д. 6, л. 80—80 об.
¹⁵⁶ Вольный Дон. 1918. 24 января.
¹⁵⁷ Вестник первоходника. 1970. № 91. С. 11.
¹⁵⁸ Первые бои Добровольческой армии... С. 127—129.
¹⁵⁹ Там же. С. 132.
¹⁶⁰ Первые бои Добровольческой армии... С. 218.

- ¹⁶¹ Ростислав Г. Семья героев // Часовой. 1919. № 17.
¹⁶² А.Г. Странички прошлого // Вестник первоходника. № 29. С. 40.
¹⁶³ Львов Н.Н. Свет во тьме // Первоходник. № 13. С. 5.
¹⁶⁴ Первые бои Добровольческой армии... С. 132.
¹⁶⁵ Львов Н.Н. Свет во тьме // Первоходник. № 13. С. 5.
¹⁶⁶ Казачий сполох. Прага, 1927. № 10. С. 22.
¹⁶⁷ Родимый край. № 50. С. 12.
¹⁶⁸ ГАРО, ф. 46, оп. 2, д. 30, л. 14.
¹⁶⁹ Первые бои Добровольческой армии... С. 81.
¹⁷⁰ Крюков В. Ф.Д. Назаров // Родимый край. 1930. № 9. С. 41.
¹⁷¹ Мыльников В.С. Степной поход // Родимый край. 1974. № 110. С. 13.
¹⁷² Падалкин А. Ударные батальоны и казаки в 1917 году // Родимый край. 1974. № 111. С. 11.
¹⁷³ Волков С.В. Энциклопедия Гражданской войны. Белое движение. М. — СПб., 2002. С. 390.
¹⁷⁴ Приазовский край. 1918. 1 (14) декабря.
¹⁷⁵ Родимый край. 1966. № 63. С. 15.
¹⁷⁶ Там же. 1972. № 103. С. 45.
¹⁷⁷ Родимый край. 1972. № 103. С. 45.
¹⁷⁸ Падалкин А. Ударные батальоны и казаки в 1917 году // Родимый край. 1974. № 111. С. 15.
¹⁷⁹ Вольный Дон. 1918. 1 февраля.
¹⁸⁰ Первые бои Добровольческой армии... С. 15.
¹⁸¹ Там же. С. 120.
¹⁸² ЦГВА, ф. 14, оп. 1, д. 6, л. 90 об.
¹⁸³ Бугураев М. Донской Атаман Генерального штаба генерал-майор А.М. Назаров // Родимый край. № 77. С. 6.
¹⁸⁴ Там же. С. 7.
¹⁸⁵ Там же. С. 5.
¹⁸⁶ Энвальд С. Каиново семя // Первоходник. № 20. С. 43, 44.
¹⁸⁷ Вольное казачество. № 210. С. 23.
¹⁸⁸ Губарев Г.В. О роли казаков в Гражданскую войну // Родимый край. № 44. С. 4.
¹⁸⁹ Третьяков А.И. Из борьбы казаков с большевиками // Родимый край. 1967. № 70. С. 29.
¹⁹⁰ Губарев Г.В. Указ. соч. С. 7.

¹⁹¹ Вообще-то у Назарова за каждый чин шла с Войском тяжба, и авторы много спорили хорунжим он был, прапорщиком или есаулом в то время.

¹⁹² Долгополов А. Отряд полковника Кутепова // Вестник первопоходника. 13. С. 18.

¹⁹³ Крицкий А. История 1-го кавалерийского полковника Гершельмана дивизиона // Вестник первопоходника. 1962. 5. С. 9.

¹⁹⁴ Там же. С. 10.

¹⁹⁵ Там же.

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Гернберг С.Н. Выступление Добровольческой армии в первый Корниловский Ледяной поход // Первопоходник. 5. С. 26.

¹⁹⁸ Черепов. Зарождение антикоммунистической борьбы на Юге России // Вестник первопоходника. № 75. С. 20.

¹⁹⁹ Гернберг С.Н. Указ. соч. С. 26.

²⁰⁰ Там же. С. 27.

²⁰¹ Родимый край. 1969. № 80—81. С. 28.

²⁰² Там же. С. 31.

²⁰³ Черепов. Зарождение... С. 21.

²⁰⁴ Родимый край. 1969. № 80—81. С. 31.

²⁰⁵ Константиновская дружина (командир — есаул Ив. Мих. Назаров) 6 февраля выступила из своей станицы и спешила в Новочеркасск, куда прибыла 9 февраля.

²⁰⁶ Станица Нижне-Кундрюченская послала дружину (1 батальон и 1 конная сотня) под командованием полк. Писарева, но дружина дошла до Заплавской и вернулась. Сам Писарев ушел рядовым в отряд к Краснянскому, в Добровольческую армию (Родимый край. № 76. С. 40).

²⁰⁷ Родимый край. 1969. № 80 — 81. С. 32.

²⁰⁸ Родимый край. № 50. С. 11, 12.

²⁰⁹ Родимый край. 1969. № 80—81. С. 31.

²¹⁰ Директивы командования фронтов Красной армии. М., 1971. Т. 1. С. 11.

²¹¹ Там же. С. 762.

²¹² Кононович Л. Страницы героического прошлого. Тбилиси, 1974. С. 45—46.

²¹³ Бугураев М. Донской Атаман Генерального штаба генерал-майор А.М. Назаров // Родимый край. № 78. С. 3.

²¹⁴ Добровольец Иванов. Указ. соч. // Вестник первопоходника. № 30. С. 29.

²¹⁵ Падалкин А. Донские партизанские отряды и их начальники в Гражданской войне на Дону // Родимый край. № 50. С. 3.

²¹⁶ Мыльников В.С. Степной поход // Родимый край. 1974. № 110. С. 14.

²¹⁷ Губарев Г.В. О роли казаков в Гражданскую войну // Родимый край. № 44. С. 4—5.

²¹⁸ Ковалев Е. К 45-летию Степного похода // Родимый край. № 50. С. 26.

²¹⁹ Родимый край. № 52. С. 41.

²²⁰ Директивы командования фронтов Красной армии. Т. 1. С. 77.

²²¹ Донская волна. 1919. № 18(46). С. 15.

²²² ЦДНИРО, ф. 910, оп. 3, д. 636, л. 111.

²²³ 3-я пешая сотня была влита в отряд 2 (15) марта, это был отряд войскового старшины Мартынова (помощник — подъесаул И.А. Петров Кривянской станицы) в составе одной пешей сотни и одной конной сотни (25 шашек) и пулеметной команды. Из Веселого этот отряд вышел, как самостоятельная часть (Родимый край. 1966. № 63. С. 16.).

²²⁴ Непосредственно отряд Мамонтова — 132 человека, отряд полковника Яковлева — 41 человек, отряд полковника Хорошилова — 32 человека.

²²⁵ 1-я полусотня отряда состояла из офицеров лейб-гвардии Атаманского полка (командир — войсковой старшина Хрипунов), 2-я — из армейцев (командир — полковник Захаревский).

²²⁶ Отряд был сформирован в х.Арпачин и состоял из трех взводов — есаула П. Грекова, есаула Дубовскова, есаула Сохранова. Во главе отряда стоял представитель Украины при Войсковом штабе полковник Чернушенко.

²²⁷ В самой дружине было 68 человек, в отряде есаула Боброва — 48. В Великокняжеской отряд Боброва влит в отряд Семилетова.

²²⁸ Все нестроевые за исключением калмыцкого духовенства несли караульную службу. Руководил патрульной и караульной службой есаул М.И. Тарарин (он же казначей).

²²⁹ Родимый край. № 50. С. 30.

- ²³⁰ П-в. Из воспоминаний о Степном походе // Казачий сполох. Прага, 1927. № 10. С. 22.
- ²³¹ Мыльников В.С. Степной поход // Родимый край. № 110. С. 13.
- ²³² П-в. Указ. соч. С. 22.
- ²³³ Ковалев Е. По поводу статьи о «Донских партизанских отрядах» // Родимый край. № 63. С. 14.
- ²³⁴ Там же. С. 16.
- ²³⁵ Родимый край. № 50. С. 30.
- ²³⁶ Вестник первоходника. № 29. С. 18.
- ²³⁷ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. С.233.
- ²³⁸ Родимый край. 1969. № 80—81. С.104.
- ²³⁹ Разгон И. Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе (1917—1920). М., 1941. С.117.
- ²⁴⁰ Мыльников В.С. Степной поход // Родимый край. 1974. № 110. С. 13.
- ²⁴¹ Ген. Денисов. Записки. Кн. 1. С. 36.
- ²⁴² Родимый край. № 50. С. 28—29.
- ²⁴³ Там же. № 80—81. С. 120—121.
- ²⁴⁴ Там же. С.32.
- ²⁴⁵ «Оппозиция», сложившаяся в отряде Ф.Д. Назарова, считала, что «ген. Попов был из тех генералов, которые требовали, чтобы подчиненные «ели их глазами», но своих мнений не высказывали бы, а кто его высказывал, то он тех недолюбливал» (Мыльников В.С. Указ. соч. С. 16).
- ²⁴⁶ Мыльников В.С. Указ. соч. // Родимый край. № 111. С. 20.
- ²⁴⁷ Там же. С.19.
- ²⁴⁸ Там же.
- ²⁴⁹ Там же. С. 20.
- ²⁵⁰ Не ставя под сомнение героизм «добровольцев», осмелимся обратить внимание читателя на количество, степень организованности и другие характеристики местных красногвардейских отрядов, противостоявших Добровольческой армии на ее пути к Екатеринодару. Как и на Дону, эти красногвардейские «полчища» не были ни особо велики, ни особо дисциплинированы, подавляющее большинство их находилось вообще в стадии формирования. Как вспоминал участник похода, «наше счастье было в том, что большевики того времени стреляли очень плохо. Кабы они умели стрелять, от нас ничего не осталось бы» (Вестник первоходника. № 5. С. 19).

- ²⁵¹ Родимый край. 1969. № 80—81. С. 60.
- ²⁵² Падалкин А. Памяти партизана-степняка // Родимый край. 1967. № 72. С.45.
- ²⁵³ Его же. Малыши // Родимый край. 1958. № 15. С. 13.
- ²⁵⁴ Родимый край. № 94. С. 11.
- ²⁵⁵ Вестник первоходника. № 29. С. 18.
- ²⁵⁶ По другим данным — 8(21) марта.
- ²⁵⁷ Первые калмыцкие отряды начали создаваться еще в 1917 году под Псковом при 15-м Донском полку полковником Мангатовым (Родимый край. № 82. С.31.). В Платовской инициатором создания сотни был член Войскового Круга А.С. Сарсинов, в Граббевской — А.А. Алексеев.
- ²⁵⁸ Родимый край. № 50. С.15.
- ²⁵⁹ Падалкин А.П. Бой у Курячьей Балки // Родимый край. 1958. № 15. С. 13—14.
- ²⁶⁰ Родимый край. № 80—81. С. 60.
- ²⁶¹ Очевидцы вспоминали, что всю ночь сторожевое охранение промучилось, принимая перекасти-поле за перебегающие цепи противника (Мыльников В.С. Степной поход // Родимый край. 1974. № 110. С. 15).
- ²⁶² Василий Васильевич Расстегаев (1866 — ?) закончил Офицерскую стрелковую школу, был полицейским приставом города Варшавы, участвовал в подавлении выступлений в 1905 году. Последнее время служил по жандармерии. В 1918 году произведен в генерал-майоры.
- ²⁶³ Чекалов И. Гибель красной дружины // Родимый край. 1974. № 111. С. 25.
- ²⁶⁴ Родимый край. № 88. С. 16.
- ²⁶⁵ Там же. № 80—81. С.64.
- ²⁶⁶ Там же. № 89. С. 18.
- ²⁶⁷ Плахов И. Поправки // Там же. 1963. № 63. С. 19.
- ²⁶⁸ Там же. № 80—81. С. 65.
- ²⁶⁹ Цуцуков С.И. Платовцы (Ики-бурульцы) в Степном походе // Родимый край. 1958. № 15. С. 16.
- ²⁷⁰ Родимый край. № 89. С.18.
- ²⁷¹ Половина сотни — китайцы хорунжего Буринова.
- ²⁷² Имела прозвище — «песочники».
- ²⁷³ Данные на середину марта 1918 г.
- ²⁷⁴ Вестник первоходника. № 16. С. 2.

- ²⁷⁵ Тихон Петрович Краснянский умер 4 (17) марта 1918 г.
- ²⁷⁶ Доброволец Иванов. Указ. соч. // Вестник первоходника. № 31—32. С. 33.
- ²⁷⁷ Николаев К.Н. Первый Кубанский поход // вестник первоходника. № 30. С. 11.
- ²⁷⁸ Казанович Л. Партизанский полк в Первом Кубанском походе // Вестник первоходника. № 16. С. 2.
- ²⁷⁹ Его же. Движение Добровольческой армии в марте месяце и штурм Екатеринодара // Вестник первоходника. № 76, 77, 78. С. 7.
- ²⁸⁰ Доброволец Иванов. Указ. соч. // Вестник первоходника. № 33. С. 9.
- ²⁸¹ Гетманов М. Первый Корниловский поход // Вестник первоходника. 1961. № 2. С. 4.
- ²⁸² Там же.
- ²⁸³ Черешнев В. Конница под Екатеринодаром // Вестник первоходника. № 8. С. 6—7.
- ²⁸⁴ Гетманов М. Указ. соч. С. 5.
- ²⁸⁵ Родимый край. № 50. С. 13.
- ²⁸⁶ Доброволец Иванов. По следам памяти // Вестник первоходника. № 33. С. 9.
- ²⁸⁷ Николаев К.Н. Первый Кубанский поход // Вестник первоходника. № 31—32. С. 26.
- ²⁸⁸ ЦДНИРО, ф. 4, оп. 1, д. 5, л. 6.
- ²⁸⁹ Донские известия. 1918. 9 апреля.
- ²⁹⁰ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 2. С. 283.
- ²⁹¹ Наши агенты от милиционера до наркома. Воспоминания белого контрразведчика Николая Сигиды // Родина. 1990. № 10. С. 64.
- ²⁹² Там же. С. 65.
- ²⁹³ Там же.
- ²⁹⁴ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 34, л. 57 об.
- ²⁹⁵ Янов Г.П. Дон под большевиками весной 1918 г. и восстание станиц на Дону // Донская летопись. № 3. Белград, 1924. С. 17.
- ²⁹⁶ Ген. Денисов. Записки. Гражданская война на Юге России. 1918—1920. Ч. 1. Константинополь, 1921. С. 45.
- ²⁹⁷ Там же.
- ²⁹⁸ Юность боевая. Л., 1961. С. 54.

- ²⁹⁹ Известия ВЦИК. 1918. 20 марта.
- ³⁰⁰ ГАРО, ф. 3440, оп. 1, д. 2, л. 14—14 об.
- ³⁰¹ Известия ВЦИК. 1918. 16 июля.
- ³⁰² Меликов В.А. Героическая оборона Царицына (1918). М., 1940. С. 55.
- ³⁰³ Правда. 1918. 16 апреля.
- ³⁰⁴ Лихое время // Станица. 2001. № 3 (36). С. 26.
- ³⁰⁵ ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 4216, л. 253.
- ³⁰⁶ Родимый край. № 48. С. 7.
- ³⁰⁷ Янов Г.П. Указ. соч. С. 20.
- ³⁰⁸ Сполох С. История одной казачьей станицы. М., 2005. С. 217—218.
- ³⁰⁹ ГАРО, ф. 3440, оп. 1, д. 2, л. 78.
- ³¹⁰ Там же, л. 47.
- ³¹¹ Ковалев Е. Предатель казачества войсковой старшина Голубов // Родимый край. 1958. № 17. С. 9—10.
- ³¹² Казачий путь. 1926. № 78. 19 марта. С. 7.
- ³¹³ Бугураев М. Новочеркасская офицерская батарея и освобождение Новочеркасска // Родимый край. № 48. С. 5.
- ³¹⁴ ГАРФ, ф. 1257, оп. 1, д. 5, л. 24—26.
- ³¹⁵ ГАРО, ф. 3440, оп. 1, д. 4, л. 45.
- ³¹⁶ Ген. Денисов. Записки... С. 48.
- ³¹⁷ Там же. С. 49.
- ³¹⁸ Там же.
- ³¹⁹ Вестник Украинской Народной Республики. 1918. 18(5) апреля.
- ³²⁰ ГАРО, ф. 3440, оп. 1, д. 4, л. 27, 40.
- ³²¹ ГАРФ, ф. 1257, оп. 1, д. 5, л. 19.
- ³²² Ген. Денисов. Указ. соч. С. 57.
- ³²³ ГАРО, ф. 3440, оп. 1, д. 4, л. 14.
- ³²⁴ Денисов С.В. Указ. соч. С. 59.
- ³²⁵ Там же. С. 65.
- ³²⁶ Там же. С. 62.
- ³²⁷ ГАРО, ф. 46, оп. 8, д. 36, л. 12.
- ³²⁸ Янов Г.П. Освобождение Новочеркасска и «Круг Спасения Дона» // Донская летопись. № 3. Белград, 1924. С. 38.
- ³²⁹ Ленинов А. Этапы развития самостоятельности на Дону в 1917—1918 гг. и «Основные законы Всевеликого Войска Донского» // Вольное казачество. № 83. Париж. 1931. С. 10.

- ³³⁰ Янов Г.П. Указ. соч. С. 41.
- ³³¹ Краснов П.Н. Всевеликое Войско Донское // Архив русской революции. Т. 5. Берлин, 1922. С. 198.
- ³³² С.В. Денисов вспоминал, что 6—7(19—20) апреля в Заплавый прибыл «именующий себя полковником Чернушенко, оказавшийся мелко чина офицер, глупый и пустой тип украинского агитатора-самостийника», которого «заплавцы» арестовали, но по приказу походного атамана выпустили (Ген. Денисов. Указ. соч. С. 63).
- ³³³ Плахов И. Поправки // Родимый край. 1966. № 63. С. 19.
- ³³⁴ Там же.
- ³³⁵ Владимиров О. Начало скитаний // Казачьи думы. 1923. № 16. 30 декабря. С. 2, 5, 7.
- ³³⁶ Мефодиев А. Накануне восстания // Родимый край. № 91. С. 13.
- ³³⁷ Его же. Восстание в Сальском округе // Родимый край. № 92. С. 27.
- ³³⁸ ГАРО, ф. 3440, оп. 1, д. 4, л. 66 об.
- ³³⁹ ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 4216, л. 243.
- ³⁴⁰ Там же, л. 150.
- ³⁴¹ Один из партизан вспоминал, что в Мелиховской изначально фронтовики были настроены против партизан. «Тогда их отцы отняли у своих сыновей оружие и лошадей и стали на их место в строй. Лишь тогда, испытывая, по-видимому, угрызения совести, фронтовики согласились выступить с нами на позицию». Но затем все равно бросили фронт (Родимый край. 1958. № 15. С. 17.).
- ³⁴² ГАРФ, ф. 1257, оп. 1, д. 5, л. 4.
- ³⁴³ Там же, л. 2.
- ³⁴⁴ Ген. Денисов. Указ. соч. С. 84.
- ³⁴⁵ Вестник первопоходника. № 14. С. 1.
- ³⁴⁶ Казанович. Указ. соч. // Вестник первопоходника. № 16. С. 3.
- ³⁴⁷ Там же. С. 3—4.
- ³⁴⁸ Родимый край. № 112. С. 16.
- ³⁴⁹ Сполох С. Указ. соч. С. 219.
- ³⁵⁰ Ленинский сборник. № 18. С. 64.
- ³⁵¹ Директивы командования фронтов Красной армии. Т. 1. М., 1971. С. 160—161.

- ³⁵² Третьяков А.И. Из борьбы донских казаков с большевиками // Родимый край. № 72. С. 34.
- ³⁵³ Там же. С. 36.
- ³⁵⁴ Корнблит Д.М. Академия боев и походов // Командарм Якир. М., 1963. С. 72.
- ³⁵⁵ Третьяков А.И. Указ. соч. С. 35.
- ³⁵⁶ ЦДНИРО, ф. 12, оп. 3, д. 1162, л. 4.
- ³⁵⁷ Вестник первопоходника. № 15. С. 1.
- ³⁵⁸ Александро-Грушевск был занят казаками 28 апреля (11 мая).
- ³⁵⁹ Ген. Денисов. Указ. соч. С. 93.
- ³⁶⁰ Ген. Денисов. Указ. соч. С. 99.
- ³⁶¹ Деникин А.И. Указ. соч. Борьба генерала Корнилова. Минск, 2002. С. 375.
- ³⁶² Кравченко В. Дроздовцы от Ясс до Галлиполи. Мюнхен, 1973. С. 107.
- ³⁶³ Вестник первопоходника. № 15. С. 1.
- ³⁶⁴ Там же. С. 2.
- ³⁶⁵ Бугураев М. Новочеркасская офицерская батарея и освобождение Новочеркасска // Родимый край. № 51. С. 12.
- ³⁶⁶ Мыльников В. С. Степной поход // Родимый край. № 111. С. 22.
- ³⁶⁷ Бугураев М. Указ. соч. С. 10.
- ³⁶⁸ Кравченко В. Указ. соч. С. 108.
- ³⁶⁹ Ген. Денисов. Указ. соч. С. 109.
- ³⁷⁰ Родимый край. № 80—81. С. 84.
- ³⁷¹ ГАРФ, ф. 1257, оп. 1, д. 5, с. 41—45.
- ³⁷² ГАРФ, ф. 1257, оп. 1, д. 3, л. 3.
- ³⁷³ Новая Донская жизнь. № 1. 1918. 13 (26) мая.
- ³⁷⁴ ГАРФ, ф. 1257, оп. 1, д. 2, л. 23.
- ³⁷⁵ ГАРФ, ф. 1257, оп. 1, д. 3, л. 4.
- ³⁷⁶ РГВА, ф. 14, оп. 1, д. 12, л. 126—127.
- ³⁷⁷ Дедов И.И. В сабельных походах. Ростов-на-Дону, 1989. С. 23, 32.
- ³⁷⁸ ЦДНИРО, ф. 12, оп. 2, д. 162, л. 12.
- ³⁷⁹ Приазовский край. 1918. 6(19) мая.
- ³⁸⁰ ГАРО, ф. 46, оп. 2, д. 38, л. 26 об.
- ³⁸¹ Там же, ф. 4076, оп. 2, д. 3, л. 27.
- ³⁸² Там же, ф. 46, оп. 1, д. 4216, л. 247.

- ³⁸³ Там же, ф. 861, оп. 1, д. 43, л. 14—14 об.
³⁸⁴ Генерал-майор Голубинцев. Русская Вандея. Очерк Гражданской войны на Дону. 1917—1920. Мюнхен, 1959. С. 47.
³⁸⁵ Казачество: мысли современников... С. 101.
³⁸⁶ Калинин И. Русская Вандея. М., 1926. С. 118.
³⁸⁷ Казачество: мысли современников... С. 219.
³⁸⁸ ЦГВА, ф. 100, оп. 3, д. 294, л. 31.
³⁸⁹ ГАРО, ф. 46, оп. 2, д. 37, л. 13.
³⁹⁰ Раковский Г. Конец белых. // Революция и Гражданская война в описаниях белогвардейцев. М., 1991. С. 403.
³⁹¹ Деникин А.И. Указ. соч. // Октябрь. 1992. № 10. С. 111.
³⁹² Там же. С. 62.
³⁹³ Калинин И. Русская Вандея. С. 54.
³⁹⁴ Янов Г.П. Указ. соч. С. 54.
³⁹⁵ Приазовский край. 1918. 1 (14) мая.
³⁹⁶ Краснов П.Н. Указ. соч. С. 192.
³⁹⁷ Донская летопись. № 3. С. 261—267; Каклюгин К. Генерал П.Н. Краснов // Казачьи думы. 1924. № 23. С. 33.
³⁹⁸ ЦГВА, ф. 1304, оп. 1, д. 480, л. 25.
³⁹⁹ Краснов П.Н. Указ. соч. С. 197.
⁴⁰⁰ Как тут не вспомнить март 1917 года, когда казаки — «свободные граждане» — станицы Казанской, «встретив в свое время с чувством глубокого умиления и восторга радостную весть о падении старой деспотической власти», уповали «на процветание дорогого нам края при новых светлых днях свободы».
⁴⁰¹ ЦГВА, ф. 1304, оп. 1, д. 480, л. 22.
⁴⁰² Там же, л. 23.
⁴⁰³ Вольное казачество. № 83. С. 11.
⁴⁰⁴ Приазовский край. 1918. 9 (22) мая.
⁴⁰⁵ Краснов П.Н. Указ. соч. С. 257.
⁴⁰⁶ ГАРО, ф. 46, оп. 8, д. 34, л. 4.
⁴⁰⁷ Известия ВЦИК. 1918. 31 августа.
⁴⁰⁸ Цит. по: Хижняк И.Л. Годы боевые. Краснодар, 1957. С. 223.
⁴⁰⁹ Приазовский край. 1918. 8 (21) мая.
⁴¹⁰ Там же. 12 (25) мая.
⁴¹¹ Там же. 30 мая (12 июня).
⁴¹² ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 4067, л. 18 об — 19.
⁴¹³ Родимый край. № 50. С. 18.

- ⁴¹⁴ Там же. С. 19.
⁴¹⁵ ГАРО, ф. 46, оп. 8, д. 36, л. 26.
⁴¹⁶ Приазовский край. 1918. 27 июля (9 августа).
⁴¹⁷ Там же. 31 июля (13 августа).
⁴¹⁸ ГАРО, ф. 344, оп. 3, д. 7, л. 38.
⁴¹⁹ Там же, ф. 46, оп. 1, д. 4175, л. 121.
⁴²⁰ Приазовский край. 1918. 4(17) мая.
⁴²¹ Казачий путь. Прага, 1924. 21 марта. С. 4.
⁴²² Краснов П.Н. Указ. соч. С. 223.
⁴²³ Путь казачества. 1928. 20 февраля. С. 5.
⁴²⁴ Калинин И. Русская Вандея. С. 51.
⁴²⁵ Краснов П.Н. Указ. соч. С. 198.
⁴²⁶ ГАРО, ф. 46, оп. 8, д. 36, л. 1 об.
⁴²⁷ Краснов П.Н. Указ. соч. С. 221.
⁴²⁸ Каклюгин К. Указ. соч. С. 32.
⁴²⁹ ГАРО, ф. 46, оп. 8, д. 36, л. 2.
⁴³⁰ Каклюгин К. Указ. соч. С. 31.
⁴³¹ ЦГАРФ, ф. 102, оп. 1, д. 20, л. 8.
⁴³² Донская летопись. № 1. Белград: 1923. С. 104.
⁴³³ Там же. С. 103.
⁴³⁴ Ленинский сборник. XXXVI. С. 49.
⁴³⁵ Приазовский край. 1918. 6 (19) мая.
⁴³⁶ Известия ВЦИК. 1918. 25 августа.
⁴³⁷ Приазовский край. 1918. 28 апреля (11 мая).
⁴³⁸ Там же. 6 (19) мая.
⁴³⁹ Краснов П.Н. Указ. соч. С. 191.
⁴⁴⁰ ЦГАРФ, ф. 1257, оп. 1, д. 2, л. 6.
⁴⁴¹ ГАРО, ф. 46, оп. 8, д. 36, л. 1.
⁴⁴² Краснов П.Н. Указ. соч. С. 200.
⁴⁴³ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 3. С. 59.
⁴⁴⁴ Какурин Н.Е., Вацетис И.И. Гражданская война 1918—1921. СПб., 2002. С. 59.
⁴⁴⁵ Сухоруков В.Т. XI армия в боях на Северном Кавказе и Нижней Волге в 1918—1920 гг. М., 1961. С. 34.
⁴⁴⁶ ЦДНИРО, ф. 12, оп. 3, д. 77, л. 2.
⁴⁴⁷ Краснов П.Н. Указ. соч. С. 208.
⁴⁴⁸ Цит. по: Зими́на В.Д. Крах германофильской монархической контрреволюции на юге России в годы Гражданской войны и интервенции. Калинин, 1989. С. 62.

- ⁴⁴⁹ ЦГВА, ф. 1304, оп 1, д. 477, л. 10 и об.
⁴⁵⁰ Зимина В.Д. Указ. соч. С. 62.
⁴⁵¹ Советско-германские отношения. Т. 1. С. 569.
⁴⁵² Там же. С. 569—570.
⁴⁵³ Хмелевский К.А. Крах красновщины и немецкой интервенции на Дону (апрель 1918 — март 1919 гг). Ростов-на-Дону. 1965. С. 65., 66.
⁴⁵⁴ Советско-германские отношения... Т. 1. С. 576.
⁴⁵⁵ Краснов П. Н. Указ. соч. С. 207.
⁴⁵⁶ Мельников Н.М. Как иногда извращается история // Родимый край. № 45. С. 12.
⁴⁵⁷ Родимый край. 1969. № 80—81. С. 69.
⁴⁵⁸ Коваленский М. Из дневника добровольца // Вестник первопоходника. № 31—32. С. 48.
⁴⁵⁹ Николаев Н.Н. Первый Кубанский поход // вестник первопоходника. № 31—32. С. 25.
⁴⁶⁰ Приазовский край. 1918. 2 (15) августа.
⁴⁶¹ Там же. 6 (19) мая.
⁴⁶² Янов Г.П. Указ. соч. С. 52.
⁴⁶³ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 2. С. 338.
⁴⁶⁴ ЦГАРФ, ф. 102, оп. 1, д. 20, л. 7.
⁴⁶⁵ Приазовский край. 1918. 29 апреля (12 мая).
⁴⁶⁶ ЦГАРФ, ф. 1257, оп. 1, д. 2, л. 6 и об.
⁴⁶⁷ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 3 // Октябрь. 1992. № 9. С. 143.
⁴⁶⁸ Залесский П.И. Главные причины неудач Белого движения на Юге России // Белый архив. Т. 1—2. Париж, 1928. С. 158.
⁴⁶⁹ Краснов П.Н. Указ. соч. С. 204.
⁴⁷⁰ Там же. С. 205.
⁴⁷¹ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 3. // Белое дело. Дон и Добровольческая армия. С. 235, 236.
⁴⁷² Там же. С. 243—244.
⁴⁷³ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 3. С. 217.
⁴⁷⁴ ГАРО, ф. 46, оп. 2, д. 36, л. 5 об.
⁴⁷⁵ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 3. С. 225.
⁴⁷⁶ Добровольец Иванов. По следам памяти // Вестник первопоходника. № 34. С. 11.
⁴⁷⁷ Родимый край. № 76. С. 40.
⁴⁷⁸ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 2. С. 330.
⁴⁷⁹ Приазовский край. 1918. 6 (19) мая.

- ⁴⁸⁰ Приазовский край. 1918. 12 (25) мая.
⁴⁸¹ Там же. 10 (23) июля.
⁴⁸² Деникин А. И. Указ. соч. Т. 3 // Белое дело... С. 259.
⁴⁸³ Краснов П.Н. Указ. соч. С. 202.
⁴⁸⁴ Иванов. С русской песней по белу свету // Родимый край. 1967. № 71. С. 36.
⁴⁸⁵ Прянишников Б. После бала веселого... // Родимый край. № 106. С. 40—41.
⁴⁸⁶ Каклюгин К. Указ. соч. С. 32.
⁴⁸⁷ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 3. С. 115.
⁴⁸⁸ Мамонтов С. Не судимы будем. Походы и кони. М., 1999. С. 80.
⁴⁸⁹ ЦГАРФ, ф. 102. оп. 1, д. 20, л. 4.
⁴⁹⁰ Там же.
⁴⁹¹ ГАРО, ф. 46, оп. 8, д. 19, л. 7.
⁴⁹² Там же, л. 7 — 7 об.
⁴⁹³ Приазовский край. 1918. 11 (24) августа.
⁴⁹⁴ Трагедия казачества. М., 1994. С. 122.
⁴⁹⁵ Там же. С. 128.
⁴⁹⁶ Там же. С. 115.
⁴⁹⁷ Там же. С. 116.
⁴⁹⁸ Добрынин В. Вооруженная борьба Дона с большевиками // Донская летопись. № 1. Белград, 1923. С. 102.
⁴⁹⁹ ГАРО, ф. 344, оп. 3, д. 7, л. 16.
⁵⁰⁰ Там же. Л. 19 оборот.
⁵⁰¹ В 1914 году рядовой казак получал в месяц жалования 21 копейку (Скандилов В. Очерки казачьего быта // Родимый край. 1959. № 23).
⁵⁰² Вольнонаемный писарь мог получать 125—175 рублей.
⁵⁰³ ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 4067, л. 23—24.
⁵⁰⁴ Новая донская жизнь. 1918. 13 (26) мая.
⁵⁰⁵ ЦГАРФ, ф. 1317, оп. 1, д. 14, л. 4.
⁵⁰⁶ Трагедия казачества... С. 130.
⁵⁰⁷ Дневник Павла Абрамовича Лурье // Юность. 1990. № 10. С. 10.
⁵⁰⁸ Трагедия казачества... С. 131.
⁵⁰⁹ ЦГАРФ, ф. 1317, оп. 1, д. 14, л. 4 об.
⁵¹⁰ ГАРО, ф. 856, оп. 1, д. 3, л. 68 и об.
⁵¹¹ «Шайкой Подтелкова» здесь, видимо, названы все советские отряды, наступающие на Милютинскую.

- ⁵¹² Донская волна. 1918. № 8. С. 7.
⁵¹³ ЦДНИРО. Ф. 12, оп. 3, д. 1162, л. 4 об.
⁵¹⁴ Там же.
⁵¹⁵ Падалкин А. Из прошлого // Родимый край. 1961. № 34. С. 10.
⁵¹⁶ Станица. 2001. № 3 (36). С. 26.
⁵¹⁷ ГАРО, ф. 856, оп. 1, д. 4, л. 25.
⁵¹⁸ Хмелевский К.А. Указ. соч. С. 88.
⁵¹⁹ Там же. С. 89.
⁵²⁰ Это уже третий подъясаул Попов в войсках Фицхелаурова.
⁵²¹ ГАРО, ф. 856, оп. 1, д. 5.
⁵²² Там же, д. 2, л. 1.
⁵²³ ГАРО. Ф. 856, оп. 1, д. 1, л. 17 об.
⁵²⁴ Бугураев М. Новочеркасская офицерская батарея... // Родимый край. № 51. С. 13.
⁵²⁵ Там же. С. 14.
⁵²⁶ Падалкин А. Из прошлого // Родимый край. 1961. № 34. С. 10.
⁵²⁷ Бугураев М. Указ. соч. С. 14.
⁵²⁸ Мухоперец И.М. В тот памятный год. Ростов-на-Дону. 1957.
⁵²⁹ Борель М.К. Крестный путь в армию // Вестник первоходника. № 18—19. С. 21—22.
⁵³⁰ ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 4137, л. 23.
⁵³¹ Падалкин А. Указ. соч. С. 14.
⁵³² Там же. С. 13.
⁵³³ Мельников Н.М. Как иногда извращается история // Родимый край. № 45. С. 15.
⁵³⁴ Бугураев М. Указ. соч. С. 14.
⁵³⁵ Толмачев И.Д. В степях донских. М., 1959. С. 148.
⁵³⁶ ЦГАРФ, ф. 1317, оп. 1, д. 14, л. 5.
⁵³⁷ Приазовский край. 1918. 18(31) августа.
⁵³⁸ Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917—1921 гг. М., 1997. С. 279.
⁵³⁹ Филипп Миронов... С. 120.
⁵⁴⁰ Там же. С. 123.
⁵⁴¹ Донская волна. 1919. 9 июня.
⁵⁴² РГВА, ф. 1304, оп. 1, д. 480, л. 40.
⁵⁴³ ГАРО, ф. 856, оп. 1, д. 15, л. 87 об.
⁵⁴⁴ Филипп Миронов... С. 196—197.

- ⁵⁴⁵ Директивы главного командования Красной армии. М., 1969. С. 45—46.
⁵⁴⁶ ЦГВА, ф. 1304, оп. 1, д. 480, л. 1.
⁵⁴⁷ Голубинцев. Указ. соч. С. 63.
⁵⁴⁸ ЦГАРФ, ф. 1235, оп. 82, д. 3, л. 121.
⁵⁴⁹ В одном переплете // Донская волна. № 12. 1918. 26 августа. С. 3, 4.
⁵⁵⁰ Южный фронт. С. 55.
⁵⁵¹ Южный фронт. С. 54—56.
⁵⁵² Там же. С. 65.
⁵⁵³ Правда. 1918. 24 августа.
⁵⁵⁴ Директивы командования фронтов Красной армии. Т. 1. М., 1971. С. 268.
⁵⁵⁵ Генкина Э.Б. Борьба за Царицын в 1918 г. М., 1940. С. 85.
⁵⁵⁶ Иремадзе А. Живая легенда. Тбилиси, 1970. С. 227.
⁵⁵⁷ Правда. 1918. 31 августа.
⁵⁵⁸ Иремадзе А. Указ. соч. С. 212.
⁵⁵⁹ ЦГВА, ф. 40118, оп. 1, д. 6, л. 28.
⁵⁶⁰ Иремадзе А. Указ. соч. С. 220.
⁵⁶¹ Южный фронт... С. 65.
⁵⁶² Генкина Э.Б. Указ. соч. С. 86.
⁵⁶³ Там же. С. 85.
⁵⁶⁴ Там же.
⁵⁶⁵ Иремадзе А. Указ. соч. С. 220.
⁵⁶⁶ Генкина Э.Б. Указ. соч. С. 85.
⁵⁶⁷ Правда. 1918. 31 августа.
⁵⁶⁸ Там же. 24 августа.
⁵⁶⁹ Генкина Э.Б. Указ. соч. С. 85.
⁵⁷⁰ Генкина Э.Б. Указ. соч. С. 86.
⁵⁷¹ Директивы командования фронтов Красной армии... Т. 1. С. 271.
⁵⁷² Генкина Э.Б. Указ. соч. С. 84.
⁵⁷³ Там же. С. 96.
⁵⁷⁴ Бузулукские полки были сведены в Бузулукский отряд полковника Ситникова.
⁵⁷⁵ Правда. 1918. 31 августа.
⁵⁷⁶ ЦГВА, ф. 40118, оп. 1, д. 8, л. 351 и оборот.
⁵⁷⁷ Ветров П. Алексеевский партизанский отряд // Родимый край. 1966. № 65. С. 17.

- ⁵⁷⁸ Ген. Голубинцев. Указ. соч. С. 67.
⁵⁷⁹ Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917—1921 гг. М., 1997.
- С. 72.
⁵⁸⁰ Там же. С. 72—73.
⁵⁸¹ Там же. С. 73.
⁵⁸² ЦГВА, ф. 1304, оп. 1, д. 480, л. 99.
⁵⁸³ Приазовский край. 1918. 18(31) июля.
⁵⁸⁴ Филипп Миронов... С. 74—75.
⁵⁸⁵ ЦГВА, ф. 1304, оп. 1, д. 477, л. 17 об.
⁵⁸⁶ Филипп Миронов... С. 93—94.
⁵⁸⁷ Сухоруков В.Т. XI армия в боях на Северном Кавказе и Нижней Волге в 1918—1920 гг. М., 1961. С. 36.
⁵⁸⁸ Директивы командования фронтов... Т. 1. С. 258.
⁵⁸⁹ Там же. С. 255—256.
⁵⁹⁰ Калтыканов С. В Сальских степях // Родимый край. № 99.
- С. 252.
⁵⁹¹ Мефодиев А. Восстание в Сальском округе // Родимый край. № 92. С. 29, 31.
⁵⁹² Там же. С. 27, 29.
⁵⁹³ Там же. С. 28.
⁵⁹⁴ Мефодиев А. Указ. соч. // Родимый край. № 93. С. 23—25.
⁵⁹⁵ Там же. С. 26.
⁵⁹⁶ По другим данным, Марков стоял на большой, в человеческий рост, куче шпал (Вестник первопоходника. 1961. № 3).
⁵⁹⁷ Родимый край. № 95. С. 18.
⁵⁹⁸ Вестник первопоходника. № 34. С. 11.
⁵⁹⁹ Комендровский И.Н. Торгово-Великокняжеская операция Добровольческой армии 9—15 июня 1918 г. // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 2004. № 14. С. 11.
⁶⁰⁰ Мефодиев А. Указ. соч. // Родимый край. № 93. С. 27.
⁶⁰¹ Калтыканов С. Указ. соч. С. 26.
⁶⁰² Там же.
⁶⁰³ ГАРО, ф. 46, оп. 8, д. 38, л. 3.
⁶⁰⁴ Там же.
⁶⁰⁵ Там же, л. 2.
⁶⁰⁶ Хижняк И.Л. Годы боевые. Краснодар, 1957. С. 210.
⁶⁰⁷ Южный фронт... С. 96.
⁶⁰⁸ Сполох С. Указ. соч. С. 228.
⁶⁰⁹ Вестник первопоходника. № 71—72. 1967. С. 35—36.

- ⁶¹⁰ Трагедия казачества... С. 130.
⁶¹¹ Оприц И.Н. Лейб-гвардии казачий Е. В. полк в годы революции и Гражданской войны. 1917—1920. Париж, 1939. С. 120.
⁶¹² Ген. Денисов. Указ. соч. С. 101.
⁶¹³ Толмачев И.П. В степях донских. М., 1959. С. 124.
⁶¹⁴ Трагедия казачества... С. 136.
⁶¹⁵ Там же. С. 131.
⁶¹⁶ ЦГАРФ, ф. 99, оп. 1, д. 70.
⁶¹⁷ Отчет управляющего военными морским отделами и командующего Донской армией и флотом. Новочеркасск, 1919.
⁶¹⁸ Там же. С. 34.
⁶¹⁹ Там же. С. 35.
⁶²⁰ Трагедия казачества... С. 132.
⁶²¹ Там же. С. 131.
⁶²² ГАРО, ф. 46, оп. 2, д. 31, л. 14.
⁶²³ Там же, л. 96—96 об.
⁶²⁴ ГАРО, ф. 301, оп. 26, д. 3803, л. 1.
⁶²⁵ ЦГАРФ, ф. 102, оп. 1, д. 20, л. 10.
⁶²⁶ Родимый край. № 80—81. 1969. С. 71.
⁶²⁷ Трагедия казачества... С. 132.
⁶²⁸ Оприц И.Н. Указ. соч. С. 123.
⁶²⁹ Отчет управляющего... С. 23.
⁶³⁰ ГАРО, ф. 46, оп. 8, д. 36, л. 54.
⁶³¹ Там же, ф. 344, оп. 3, д. 7, л. 2.
⁶³² ЦГАРФ, ф. 1258. оп. 1, д. 94, л. 2 оборот.
⁶³³ Там же, л. 3.
⁶³⁴ Там же, л. 4 об. и 5.
⁶³⁵ ГАРО, ф. 46. оп. 8, д. 36, л. 19.
⁶³⁶ Оприц И.Н. Указ. соч. С. 126.
⁶³⁷ Там же. С. 128.
⁶³⁸ ЦГАРФ, ф. 1258, оп. 1, д. 94, л. 20—21 оборот.
⁶³⁹ Моисеев М.А. Былое // Родимый край. № 94. С. 17.
⁶⁴⁰ ГАРО, ф. 46, оп. 8, д. 36, л. 109.
⁶⁴¹ Там же, ф. 861, оп. 1, д. 12, л. 57.
⁶⁴² Ген. Денисов. Записки... С. 29.
⁶⁴³ Добрынин В. Вооруженная борьба Дона с большевиками // Донская летопись. № 1. Белград, 1923. С. 98.
⁶⁴⁴ Бугураев М. Донской Атаман Генерального штаба генерал-майор А.М. Назаров // Родимый край. № 78. С. 2.

- ⁶⁴⁵ Ген. Денисов. Указ. соч. С. 29.
- ⁶⁴⁶ Бугураев М. Из недавнего, но уже далекого прошлого // Родимый край. 1961. № 33. С. 4.
- ⁶⁴⁷ А.К. В донском водовороте // Казачьи думы. 1924. № 18. С. 2.
- ⁶⁴⁸ Булюбаш Е. Мои воспоминания о первом Кубанском походе // Вестник первопоходника. № 17. С. 17.
- ⁶⁴⁹ Владимиров О. Начало скитаний // Казачьи думы. № 16. 30 декабря 1923 г.
- ⁶⁵⁰ Трагедия казачества... С. 130.
- ⁶⁵¹ Калинин И.М. Под знаменем Врангеля. Ростов-на-Дону, 1991. С. 17.
- ⁶⁵² ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 4137, л. 6 об.
- ⁶⁵³ Оприц И.Н. Указ. соч. С. 145—146.
- ⁶⁵⁴ ГАРО, ф. 861, оп. 1, д. 4.
- ⁶⁵⁵ Моисеев М.А. Былое // Родимый край. № 94. С. 16.
- ⁶⁵⁶ ГАРО, ф. 46, оп. 8, д. 36, л. 73.
- ⁶⁵⁷ ЦГАРФ, ф. 1258, оп. 1, д. 64, л. 38.
- ⁶⁵⁸ Известия ВЦИК. 1918. 9 июля.
- ⁶⁵⁹ ЦГАРФ, ф. 109, оп. 1, д. 5, л. 19—19 об.
- ⁶⁶⁰ Родимый край. № 80—81. 1969. С. 74.
- ⁶⁶¹ Ген. Денисов. Указ. соч. С. 13.
- ⁶⁶² Первопоходник. № 23. С. 52.
- ⁶⁶³ Гурко В.И. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу // Архив русской революции. Т. 15. Берлин, 1924. С. 44, 45.
- ⁶⁶⁴ New Zealand Slavonic Journal. Supplement. 1988. P. 12.
- ⁶⁶⁵ Калинин И. Русская Вандея. М., 1926. С. 59.
- ⁶⁶⁶ Калинин И. Русская Вандея. М., 1926. С. 99.
- ⁶⁶⁷ Родимый край. 1969. № 80—81. С. 74.
- ⁶⁶⁸ Мельников Н.М. Как иногда извращается история // Родимый край. 1963. № 45. С. 17.
- ⁶⁶⁹ Ген. Денисов. Указ. соч. С. 97.
- ⁶⁷⁰ Трагедия казачества... С. 175.
- ⁶⁷¹ Родимый край. № 111. С. 49.
- ⁶⁷² Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля. М., 1992. Т. 1. С. 275.
- ⁶⁷³ Там же. С. 347.
- ⁶⁷⁴ Слащев Я.А. Белый Крым. 1920. М., 1990. С. 93.
- ⁶⁷⁵ Родимый край. № 109. С. 13.

- ⁶⁷⁶ ГАРО, ф. 46, оп. 2, д. 31, л. 152—153.
- ⁶⁷⁷ Калинин И. Под знаменем Врангеля... С. 55.
- ⁶⁷⁸ Там же. С. 47.
- ⁶⁷⁹ Ковалев Е. К 50-летию двух рейдов // Родимый край. № 88. С. 7.
- ⁶⁸⁰ Трагедия казачества... С. 131.
- ⁶⁸¹ Лисовой Я.М. Генеральный штаб // Донская волна. № 9 (37). 24 февраля 1919 г.
- ⁶⁸² ГАРФ, ф. 6711, оп. 3, д. 54, ч. 4, л. 1616.
- ⁶⁸³ Стариков Т. Деление войск по родам оружия // Вольное казачество. 1934. № 160. С. 14.
- ⁶⁸⁴ Его же. О коннице // Там же. 1933. № 139. С. 9.
- ⁶⁸⁵ Первопоходник. № 34. Приложение. С. 3, 4.
- ⁶⁸⁶ Стариков Т. Деление войск по родам оружия... С. 13.
- ⁶⁸⁷ Там же. С. 12.
- ⁶⁸⁸ Стариков Т. Качество армии // Вольное казачество. 1934. № 159. С. 14.
- ⁶⁸⁹ Боевой путь блинцев. Ставрополь, 1930. С. 18.
- ⁶⁹⁰ Третьяков А.И. Из борьбы донских казаков с большевиками // Родимый край. 1967. № 72. С. 34.
- ⁶⁹¹ ЦГАРФ, ф. 102, оп. 1, д. 10, л. 5.
- ⁶⁹² ГАРО, ф. 46, оп. 8, д. 36, л. 71.
- ⁶⁹³ Белое дело. Добровольцы и партизаны. М., 1996. С. 70—71.
- ⁶⁹⁴ Там же. С. 267.
- ⁶⁹⁵ Микулин В. Проблема реорганизации высших соединений конницы // Война и революция. 1929. № 12. С. 34.
- ⁶⁹⁶ Быкадоров И. Бой казачьей конницы // Казачьи думы. 1923. 30 сентября. № 10. С. 9.
- ⁶⁹⁷ Там же.
- ⁶⁹⁸ ГАРО, ф. 856, оп. 1, д. 4, л. 124 об.
- ⁶⁹⁹ Там же, л. 126 об.
- ⁷⁰⁰ Там же, л. 176 об.
- ⁷⁰¹ Там же, л. 166.
- ⁷⁰² Там же, л. 175—176 об.
- ⁷⁰³ Трагедия казачества... С. 135.
- ⁷⁰⁴ Латышские стрелки в борьбе за советскую власть. Рига, 1962. С. 188.
- ⁷⁰⁵ Мухоперец И.М. В тот памятный год. Ростов-на-Дону. 1957. С. 36—37.

- ⁷⁰⁶ Стариков Т. Качество армии // Вольное казачество. 1934. № 159. С. 14.
- ⁷⁰⁷ Мухоперев И.М. Указ. соч. С. 40.
- ⁷⁰⁸ Его же. Годы грозные. М., 1958. С. 184.
- ⁷⁰⁹ Трагедия казачества... С.131.
- ⁷¹⁰ Первопоходник № 23.
- ⁷¹¹ Белое дело. Добровольцы и партизаны. М., 1996. С. 215.
- ⁷¹² Мерецков К.А. На службе народу. М., 1971. С. 47.
- ⁷¹³ Ген. Голубинцев. Указ. соч. С.70.
- ⁷¹⁴ Слащев Я.А. Белый Крым. 1920. М., 1990. С. 45.
- ⁷¹⁵ Оприц И.Н. Указ. соч. С. 194.
- ⁷¹⁶ Мамонтов С. Не судимы будем. С. 276.
- ⁷¹⁷ Оприц И.Н. Указ. соч. С. 227.
- ⁷¹⁸ Окулова-Теодорович Г. Большевистские комиссары // Этих дней не смолкнет слава. М., 1958. С.61.
- ⁷¹⁹ Молло Е. Русское холодное оружие XIX века // Военная быль. 1962. № 55. С.32.
- ⁷²⁰ Там же. С. 30—31.
- ⁷²¹ Там же. С. 31.
- ⁷²² Мамонтов С. Не судимы будем. Походы и кони. М., 1999. С. 288—289.
- ⁷²³ Там же. С. 179.
- ⁷²⁴ Первопоходник. № 34. Приложение. С.6.
- ⁷²⁵ Стариков Т. О коннице // Вольное казачество. 1933. № 139. С. 10.
- ⁷²⁶ Оприц И.Н. Указ. соч. С.213.
- ⁷²⁷ Родимый край. 1974. № 110. С. 15.
- ⁷²⁸ Белое дело. Добровольцы и партизаны. М., 1996. С. 215.
- ⁷²⁹ Оприц И.Н. Указ. соч. С. 258.
- ⁷³⁰ Первопоходник. № 22. С. 27.
- ⁷³¹ Оприц И. Н. Указ. соч. С. 260.
- ⁷³² Ген.Голубинцев. Указ. соч. С.150.
- ⁷³³ Там же. С. 60.
- ⁷³⁴ Там же. С.101.
- ⁷³⁵ Латышские стрелки в борьбе за советскую власть. Рига, 1962. С. 184, 188.
- ⁷³⁶ Ген. Голубинцев. Указ. соч. С. 70.
- ⁷³⁷ Там же. С. 44.

- ⁷³⁸ Там же. С. 45, 61.
- ⁷³⁹ Деникин А.И. Указ. соч. Т.3 // Октябрь. 1992. № 8. С. 61.
- ⁷⁴⁰ Добрынин В. Борьба с большевизмом на Юге России. Участие в борьбе донского казачества (февраль 1917 — март 1920 г.) Прага, 1921. С.111.
- ⁷⁴¹ Трагедия казачества... С.132.
- ⁷⁴² ГАРО, ф. 46. оп. 1, д. 4137, л. 6 об.
- ⁷⁴³ Трагедия казачества... С. 133.
- ⁷⁴⁴ Гражданская война на Украине. Т. 1. Кн. 1. Киев, 1967. С. 268.
- ⁷⁴⁵ Трагедия казачества... С. 128, 133.
- ⁷⁴⁶ Там же. С. 131.
- ⁷⁴⁷ ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 4137.
- ⁷⁴⁸ Отчет управляющего... С. 15.
- ⁷⁴⁹ Падалкин А. Памяти начальника-друга // Родимый край. 1963. № 45. С. 45.
- ⁷⁵⁰ Вольное казачество. 1936. № 210. С. 22.
- ⁷⁵¹ Там же. С. 23.
- ⁷⁵² Родимый край. № 65. 1966.
- ⁷⁵³ Там же. 1972. № 103. С. 8.
- ⁷⁵⁴ Падалкин А. Деятельность генерала П.Х. Попова с начала революции до Степного похода // Родимый край. 1969. № 80—81. С. 38.
- ⁷⁵⁵ Его же. Степной поход... // Родимый край. 1969. № 80—81. С.69.
- ⁷⁵⁶ Там же. С. 43.
- ⁷⁵⁷ Там же. С. 45.
- ⁷⁵⁸ Там же. С. 47.
- ⁷⁵⁹ Там же. С.50.
- ⁷⁶⁰ Там же. С. 53.
- ⁷⁶¹ Там же. С.57.
- ⁷⁶² Там же. С. 59, 60.
- ⁷⁶³ Там же. С. 69.
- ⁷⁶⁴ Сполох С. Указ. соч. С. 262—263.
- ⁷⁶⁵ Падалкин А. Генерал В.И. Сидорин // Родимый край. 1972. № 101. С. 5.
- ⁷⁶⁶ Его же. Памяти начальника-друга...
- ⁷⁶⁷ Крылов И. Записки красногвардейца. М. 1968. С. 150.
- ⁷⁶⁸ Мерецков К.А. На службе народу. М. 1971. С. 41.

- ⁷⁶⁹ Бугураев М. Донской Атаман Генерального штаба генерал-майор Назаров // Родимый край. № 79. С. 3.
- ⁷⁷⁰ Родимый край. 1963. № 45. С. 24.
- ⁷⁷¹ ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 4067, л. 15—17.
- ⁷⁷² Там же, д. 4156, л. 184.
- ⁷⁷³ Там же, л. 50.
- ⁷⁷⁴ Там же, д. 4194, л. 140 и об.
- ⁷⁷⁵ Там же, оп. 2, д. 27, л. 19—19 об.
- ⁷⁷⁶ Филипп Миронов или Тихий Дон в 1917—1921 гг. С. 89.
- ⁷⁷⁷ Калинин И. Русская Вандея. М., 1926. С. 91, 92.
- ⁷⁷⁸ Станица. № 3 (36). 2001.
- ⁷⁷⁹ Воротынский Д. Мироновщина // Вольное казачество. 1931. № 76. С. 10.
- ⁷⁸⁰ ЦДНИРО, ф. 910, оп. 1, д. 81, л. 17—18.
- ⁷⁸¹ Куницын Н. Из воспоминаний редактора «Усть-Медведицкой газеты» // Родимый край. Сборник. Усть-Медведицкая, 1918. С. 60.
- ⁷⁸² Приазовский край. 1919. 25 января (7 февраля).
- ⁷⁸³ ГАРО, ф. 856, оп. 1, д. 15, л. 203 об.
- ⁷⁸⁴ Там же, л. 330.
- ⁷⁸⁵ С.Б. Хроника калмыцкой эмиграции // Вольное казачество. 1930. № 65. С. 24.
- ⁷⁸⁶ Елисеев В.П. Кто виноват // Вольное казачество. 1931. № 92. С. 9.
- ⁷⁸⁷ Векслер А. Русская молодежь за честь России // Вестник первопоходника. 1962. № 15. С. 10.
- ⁷⁸⁸ Мамонтов С. Не судимы будем... С. 57.
- ⁷⁸⁹ Елисеев Ф. 4-й Донской конный корпус отходит на Туапсе // Родимый край. 1966. № 63. С. 20.
- ⁷⁹⁰ Кравченко В. Дроздовцы от Ясс до Галлиполи. Т. 1. Мюнхен, 1973. С. 106.
- ⁷⁹¹ Там же. С. 108.
- ⁷⁹² Родимый край. № 80—81. С. 75.
- ⁷⁹³ ЦГВА, ф. 100, оп. 3, д. 24, л. 340.
- ⁷⁹⁴ Крючков Ю. Свои // Родимый край. Сборник. Усть-Медведицкая, 1918. С. 56.
- ⁷⁹⁵ Ветров П. Алексеевский партизанский отряд // Родимый край. 1966. № 65. С. 17.
- ⁷⁹⁶ Родимый край. 1961. № 35.

- ⁷⁹⁷ Там же. № 80—81. С. 45—46.
- ⁷⁹⁸ Дживзанов П. Донские калмыки в борьбе с большевиками в 1917—1920 гг. // Родимый край. № 78. С. 8.
- ⁷⁹⁹ Родимый край. № 92. С. 45.
- ⁸⁰⁰ Военная быль. 1961. № 49. С. 23.
- ⁸⁰¹ Там же. С. 24.
- ⁸⁰² Родимый край. № 50. С. 21.
- ⁸⁰³ ГАРФ, ф. 110, оп. 1, д. 6, л. 5.
- ⁸⁰⁴ ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 4144.
- ⁸⁰⁵ Моисеев М.А. Былое // Родимый край. № 94. С. 16.
- ⁸⁰⁶ ГАРО, ф. 46, оп. 8, д. 36, л. 56.
- ⁸⁰⁷ Генерал П.Н. Краснов // Вольное казачество. 1934. № 164. 10 декабря. С. 13.
- ⁸⁰⁸ ЦДНИРО, ф. 12, оп. 2, д. 79, л. 72—73.
- ⁸⁰⁹ ЦГВА, ф. 100, оп. 3, д. 24, л. 30.
- ⁸¹⁰ Там же, ф. 1304, оп. 1, д. 477, л. 18.
- ⁸¹¹ Южный фронт... С. 136—137.
- ⁸¹² Там же. С. 136.
- ⁸¹³ ГАРФ, ф. 1258, оп. 1, д. 142, л. 13.
- ⁸¹⁴ ГАРФ, ф. 106, оп. 1, д. 2, л. 11 об.
- ⁸¹⁵ Отчет управляющего... С. 3.
- ⁸¹⁶ Там же. С. 33.
- ⁸¹⁷ Там же. С. 28.
- ⁸¹⁸ ЦГВА, ф. 100, оп. 2, д. 12, л. 1.
- ⁸¹⁹ Отчет управляющего... С. 29.
- ⁸²⁰ Там же. С. 35.
- ⁸²¹ Там же. С. 36.
- ⁸²² Там же.
- ⁸²³ Трагедия казачества... С. 132.
- ⁸²⁴ Отчет управляющего... С. 16.
- ⁸²⁵ Там же.
- ⁸²⁶ Там же. С. 17.
- ⁸²⁷ Там же.
- ⁸²⁸ Там же. С. 21.
- ⁸²⁹ Там же. С. 18.
- ⁸³⁰ Там же. С. 19.
- ⁸³¹ Там же.
- ⁸³² Там же. С. 20.
- ⁸³³ Там же.

- ⁸³⁴ Падалкин А. Из прошлого // Родимый край. 1961. № 34. С. 16.
⁸³⁵ Отчет управляющего... С. 21.
⁸³⁶ Латышские стрелки в борьбе за советскую власть. Рига, 1962. С. 187—188.
⁸³⁷ Отчет управляющего... С. 25.
⁸³⁸ Там же.
⁸³⁹ Там же.
⁸⁴⁰ Там же. С. 46.
⁸⁴¹ Там же. С. 54.
⁸⁴² Там же. С. 54—55.
⁸⁴³ Там же. С. 54.
⁸⁴⁴ Отчет управляющего... С. 51.
⁸⁴⁵ ЦДНИРО, ф. 12, оп. 3, д. 590.
⁸⁴⁶ Отчет управляющего... С. 50.
⁸⁴⁷ Там же. С. 47.
⁸⁴⁸ Там же. С. 49.
⁸⁴⁹ Там же. С. 51.
⁸⁵⁰ Аврамов П. Ночь под Новый год // Родимый край. 1958. № 19. С. 3—4.
⁸⁵¹ ГАРО, ф. 301, оп. 26, д. 3803, л. 20.
⁸⁵² Крюков И. Об Атаманском военном училище // Родимый край. 1967. № 72. С. 23.
⁸⁵³ Хмелевский К.А. Указ. соч. С. 161.
⁸⁵⁴ Дневник подъясаула герцога Н.Н. Лейхтенбергского о поездке Зимовой станицы Всевеликого Войска Донского к императору Вильгельму // Родимый край. 1972. № 99. С. 22.
⁸⁵⁵ Там же. С. 24.
⁸⁵⁶ ГАРО, ф. 344, оп. 3, д. 7, л. 12.
⁸⁵⁷ Волков С.В. Энциклопедия Гражданской войны. Белое движение. М. 2003. С. 652.
⁸⁵⁸ Там же. С. 652.
⁸⁵⁹ Отчет управляющего... С. 17.
⁸⁶⁰ Оприц И.Н. Указ. соч. С. 139.
⁸⁶¹ Трагедия казачества... С. 140.
⁸⁶² Там же.
⁸⁶³ Гражданская война на Украине. Т. 1. Кн. 2. С. 32.
⁸⁶⁴ Трагедия казачества... С. 141.
⁸⁶⁵ Первопоходник. № 9. С. 49.
⁸⁶⁶ Трагедия казачества... С. 141.

- ⁸⁶⁷ Волков С.В. Указ. соч. С. 472.
⁸⁶⁸ ГАРО, ф. 46, оп. 2, д. 31, л. 45 об.
⁸⁶⁹ Астахов Г.М. Астраханское казачье войско // Родимый край. 1968. № 74. С. 11.
⁸⁷⁰ Волков С.В. Указ. соч. С. 26.
⁸⁷¹ Трагедия казачества... С. 141.
⁸⁷² Казачьи думы. 1924. № 33. С. 6.
⁸⁷³ Мельников Н.М. Как иногда извращается история // Родимый край. № 45. С. 12.
⁸⁷⁴ Трагедия казачества... С. 141.
⁸⁷⁵ Там же.
⁸⁷⁶ Голубинцев С. Всевеликое Войско Донское // Родимый край. 1974. № 110. С. 22—23.
⁸⁷⁷ Гражданская война на Украине. Т. 1. Кн. 1. С. 391.
⁸⁷⁸ Приазовский край. 1918. 27 сентября (10 октября).
⁸⁷⁹ Приазовский край. 1918. 18 сентября (1 октября).
⁸⁸⁰ Крах германских оккупантов на Украине (по документам оккупантов). М., 1936. С. 183.
⁸⁸¹ Деникин А.И. Указ. соч. // Октябрь. 1992. № 10. С. 92.
⁸⁸² ЦГВА, ф. 193, оп. 2, д. 157, л. 14.
⁸⁸³ Приазовский край. 1918. 9(22) августа.
⁸⁸⁴ ЦГВА, ф. 100, оп. 2, д. 157, л. 2.
⁸⁸⁵ Донская летопись. № 1. С. 111.
⁸⁸⁶ Там же. С. 107.
⁸⁸⁷ ГАРФ, ф. 106, оп. 1, д. 1, л. 3.
⁸⁸⁸ Отчет управляющего... С. 25.
⁸⁸⁹ Куторга Г. Черниговские гусары в Гражданскую войну // Военная быль. 1969. № 98.
⁸⁹⁰ Голубинцев С. Указ. соч. // Родимый край. № 118. 1976. С. 27.
⁸⁹¹ Трагедия казачества... С. 133.
⁸⁹² Отчет управляющего... С. 5.
⁸⁹³ Цит. по: Иремидзе А. Указ. соч. С. 243.
⁸⁹⁴ Иокуме К. Приказ № 325 // Латышские стрелки. М., 1960. С. 277.
⁸⁹⁵ Директивы командования фронтов Красной армии. Т. 1. М., 1971. С. 326.
⁸⁹⁶ Свечников М. Борьба Красной армии на Северном Кавказе (сентябрь 1918 — апрель 1919 г.). М. — Л., 1926. С. 51.

- ⁸⁹⁷ ЦГВА, ф.100, оп. 3, д. 402, л. 243.
- ⁸⁹⁸ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983. С.405.
- ⁸⁹⁹ Южный фронт... С.125.
- ⁹⁰⁰ Там же. С. 135.
- ⁹⁰¹ Там же. С.108—109.
- ⁹⁰² ГАРО, ф. 46, оп. 2, д. 31, л. 94 об.
- ⁹⁰³ Олин Г. 28-й «Непобедимый» // Донская волна. 1919. № 13. 24 марта.
- ⁹⁰⁴ Его же. Преемник Чернецова // Донская волна. 1919. № 10. 3 марта.
- ⁹⁰⁵ ГАРО, ф. 46, оп. 2, д. 32, л. 127.
- ⁹⁰⁶ Там же, л. 115.
- ⁹⁰⁷ Директивы командования фронтов...Т. 1. С. 329—330.
- ⁹⁰⁸ ГАРО, ф. 46, оп. 2, д. 31, л. 9 об.
- ⁹⁰⁹ Там же, л. 8, 13 оборот.
- ⁹¹⁰ Там же, л.24.
- ⁹¹¹ Там же, л. 29.
- ⁹¹² Там же, л.94 об.
- ⁹¹³ Там же, л. 84.
- ⁹¹⁴ Там же, л. 130—131.
- ⁹¹⁵ Южный фронт... С.142.
- ⁹¹⁶ Директивы командования фронтов...Т.1. С. 325.
- ⁹¹⁷ Там же. С.326.
- ⁹¹⁸ Директивы командования фронтов... Т.1. С. 328.
- ⁹¹⁹ Там же.
- ⁹²⁰ Там же.
- ⁹²¹ ГАРО, ф.46, оп.2, д. 32, л.100.
- ⁹²² Директивы командования фронтов... Т.1. С.340.
- ⁹²³ Там же. С. 328.
- ⁹²⁴ Там же. С. 341.
- ⁹²⁵ Там же. С. 330—331.
- ⁹²⁶ ГАРО, ф. 46, оп. 2, д. 32, л.95 об.
- ⁹²⁷ Там же, л. 94.
- ⁹²⁸ Там же, л.93.
- ⁹²⁹ Там же.
- ⁹³⁰ Директивы командования фронтов... Т.1. С.343.
- ⁹³¹ Южный фронт... С. 146—147.
- ⁹³² Там же. С. 148, 152.

- ⁹³³ Директивы командования фронтов...Т.1. С. 345.
- ⁹³⁴ ГАРО, ф.46, оп. 2, д.31, л. 12.
- ⁹³⁵ Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917—1921 гг. М., 1997. С. 86.
- ⁹³⁶ ГАРО, ф. 46, оп. 2, д. 32, л.41 об.
- ⁹³⁷ Там же, л. 289.
- ⁹³⁸ Там же, л.33 об.
- ⁹³⁹ Там же, л. 35 об.
- ⁹⁴⁰ Там же, д. 31, л. 9.
- ⁹⁴¹ Там же, л. 5 и об.
- ⁹⁴² Там же, д. 31, л. 45 об.
- ⁹⁴³ Там же.
- ⁹⁴⁴ Там же, д. 32, л. 376.
- ⁹⁴⁵ Директивы командования фронтов... Т.1. С. 342—343.
- ⁹⁴⁶ Южный фронт... С.155.
- ⁹⁴⁷ Там же. С.156.
- ⁹⁴⁸ Трагедия казачества... С. 143.
- ⁹⁴⁹ Там же.
- ⁹⁵⁰ ГАРО, ф. 46, оп.2, д. 31, л. 140.
- ⁹⁵¹ Южный фронт...С.158.
- ⁹⁵² ГАРО, ф.46, оп. 2, д. 31, л. 139.
- ⁹⁵³ Там же, л. 139—140 об.
- ⁹⁵⁴ Жлоба Д. Поход Стальной дивизии // Этих дней не смолкнет слава. М., 1958. С. 90.
- ⁹⁵⁵ ЦДНИРО, ф.12. оп.3, д.5, л.9.
- ⁹⁵⁶ Жлоба Д. Указ. соч. С. 90—91.
- ⁹⁵⁷ Южный фронт... С. 159.
- ⁹⁵⁸ Директивы командования фронтов... Т. 1. С.358.
- ⁹⁵⁹ Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917—1921 гг...С. 96—97.
- ⁹⁶⁰ Там же. С. 581.
- ⁹⁶¹ Там же. С. 691.
- ⁹⁶² Южный фронт...С.359.
- ⁹⁶³ Приазовский край. 1918. 27 октября (9 ноября).
- ⁹⁶⁴ ЦГАРФ, ф. 102, оп. 1, д. 20, л.3 оборот.
- ⁹⁶⁵ ГАРО, ф.46, оп.2, д.31, л. 196—197.
- ⁹⁶⁶ Директивы командования фронтов... Т.1. С. 591.
- ⁹⁶⁷ Латышские стрелки в борьбе за советскую власть. Рига, 1962. С. 184.
- ⁹⁶⁸ Там же. С.185.

- ⁹⁶⁹ Там же.
⁹⁷⁰ Там же. С. 186.
⁹⁷¹ Южный фронт... С.161.
⁹⁷² Директивы командования фронтов... Т.1. С.359.
⁹⁷³ Олин Г.Преемник Чернецова // Донская волна. 1919. № 10. 3 марта.
⁹⁷⁴ ЦДНИРО, ф.910, оп. 3, д.684, л. 7.
⁹⁷⁵ Директивы командования фронтов... Т.1. С.359.
⁹⁷⁶ ЦДНИРО, ф.910, оп. 3, д.684, л. 11.
⁹⁷⁷ Директивы командования фронтов... Т.1. С.590.
⁹⁷⁸ Южный фронт... С. 166.
⁹⁷⁹ Там же. С. 167.
⁹⁸⁰ Там же. С.171.
⁹⁸¹ Директивы командования фронтов... Т.1. С.593.
⁹⁸² Южный фронт... С. 175.
⁹⁸³ Там же. С.176.
⁹⁸⁴ Трагедия казачества... С.143.
⁹⁸⁵ Трагедия казачества... С.143.
⁹⁸⁶ Директивы командования фронтов... Т.1. С. 599.
⁹⁸⁷ Директивы главного командования... С. 249.
⁹⁸⁸ Директивы командования фронтов... Т.1. С.601.
⁹⁸⁹ Южный фронт... С.192.
⁹⁹⁰ Там же. С.193.
⁹⁹¹ Южный фронт... С.196.
⁹⁹² Там же... С.204.
⁹⁹³ ГАРО, ф.46, оп. 2, д. 42, л.227 оборот — 228.
⁹⁹⁴ Трагедия казачества... С.143—144.
⁹⁹⁵ ГАРО, ф.46, оп. 2, д. 50, л. 1 оборот.
⁹⁹⁶ Там же, д. 25, л. 71.
⁹⁹⁷ ГАРО, ф.46, оп. 2, д. 50, л. 88.
⁹⁹⁸ Там же, л. 187 об.
⁹⁹⁹ Латышские стрелки в борьбе за советскую власть... С.129.
¹⁰⁰⁰ Трагедия казачества... С.144.
¹⁰⁰¹ Латышские стрелки в борьбе за советскую власть... С.190.
¹⁰⁰² Там же. С. 131.
¹⁰⁰³ Приазовский край. 1918. 20 ноября (3 декабря).
¹⁰⁰⁴ ГАРО, ф.46, оп.2, д.50, л. 289, 316.
¹⁰⁰⁵ Там же, л. 319 об.
¹⁰⁰⁶ Там же, л. 323.

- ¹⁰⁰⁷ Там же, л. 329 об.
¹⁰⁰⁸ Там же, л. 340—340 об.
¹⁰⁰⁹ Там же.
¹⁰¹⁰ Там же, л. 411 оборот.
¹⁰¹¹ Там же, л. 360.
¹⁰¹² Там же, л. 462.
¹⁰¹³ Отчет управляющего... С.7.
¹⁰¹⁴ Директивы главного командования... С. 197.
¹⁰¹⁵ Приазовский край. 1918. 12 (25) декабря.
¹⁰¹⁶ Отчет управляющего... С.9.
¹⁰¹⁷ ГАРО, ф.46. оп. 2, д.50, л.434 и оборот.
¹⁰¹⁸ Приазовский край. 1918. 16(29) декабря.
¹⁰¹⁹ ГАРО, ф.46, оп. 2, д. 39, л.23.
¹⁰²⁰ ГАРО, ф.46, оп. 2, д. 23, л. 3.
¹⁰²¹ Приазовский край. 1918. 13 (26) декабря.
¹⁰²² Южный фронт... С.268.
¹⁰²³ Там же. С. 269.
¹⁰²⁴ Там же.
¹⁰²⁵ Вечернее время. 1918. 28 декабря.
¹⁰²⁶ Отчет управляющего... С.47.
¹⁰²⁷ Там же. С.49.
¹⁰²⁸ Отчет управляющего... С.56.
¹⁰²⁹ Там же. С. 59.
¹⁰³⁰ Отчет управляющего... С. 34—35.
¹⁰³¹ Ген. Голубинцев. Указ. соч. С. 84.
¹⁰³² Там же. С. 86.
¹⁰³³ Южный фронт... С. 300.
¹⁰³⁴ Ген. Голубинцев. Указ. соч. С.86.
¹⁰³⁵ Там же. С. 88—89.
¹⁰³⁶ Буденный С.М. Могучая конница пролетарской революции // Военно-исторический журнал. 1939. № 4. С. 19.
¹⁰³⁷ Ген. Голубинцев. Указ. соч. С. 88.
¹⁰³⁸ Буденный С.М. Указ. соч. С.19.
¹⁰³⁹ Ген. Голубинцев. Указ. соч. С. 89.
¹⁰⁴⁰ Жемайтис Ф. Полководческое искусство С.М. Буденного // ВИЖ. 1939. № 4. С. 45—46.
¹⁰⁴¹ Там же. С.52—53.
¹⁰⁴² Бугураев М. Атаман Всевеликого Войска Донского генерал от кавалерии П.Н. Краснов // Родимый край. 1971. № 96. С. 7.

- 1043 Родимый край. 1974. № 111. С. 49.
 1044 Там же. С. 48.
 1045 Деникин А.И. Указ. соч. Т. 4. С. 62.
 1046 Какурин Н. Как сражалась революция. Т.2. М.—Л., С. 48.
 1047 Там же. С. 52.
 1048 ЦГВА, ф. 191, оп. 3, д. 631, л. 38 об.
 1049 Там же, л. 79.
 1050 Южный фронт... С. 330.
 1051 ЦГВА, ф. 964, оп.1, д.78, л.4.
 1052 Приазовский край. 1919. 18 марта.
 1053 ЦГВА, ф. 191, оп. 3, д. 631, л. 175.
 1054 Там же, ф. 100, оп.2, д. 108, л. 19.
 1055 Приазовский край. 1919. 30 мая.
 1056 РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д.151, л. 26 об.
 1057 Директивы главного командования... С.257.
 1058 Гражданская война в России: Разгром Деникина. М., 2003. С. 126.
 1059 ЦГВА, ф.1304, оп.1, д.113, л. 26.
 1060 Там же, ф.100, оп.3, д.332, л.160.
 1061 ГАРФ, ф. 102, оп.1, д.37, л.1 и об.
 1062 Южный фронт... С.340.
 1063 ЦГВА, ф.1304, оп.1, д.164, л. 24.
 1064 Там же, ф. 100, оп.2, д.166, л. 264.
 1065 Там же, оп. 3, д.333, л. 100.
 1066 Там же, д.332, л. 170.
 1067 Там же, л.177.
 1068 Там же, ф.964, оп.1, д.78, л.4 об.
 1069 Там же, ф.100, оп.3, д.346, л.18.
 1070 Там же, ф.964, оп. 1, д.2, л. 106.
 1071 Там же, ф. 100, оп.2, д.224, л.169.
 1072 Там же, оп.3, д.334(1), л. 308—309.
 1073 Южный фронт... С. 333—334.
 1074 Ген. Голубинцев. Указ. соч. С.91.
 1075 ЦГВА, ф.100, оп.3, д.333, л.296.
 1076 Там же, д. 332, л.189.
 1077 Боевой путь блинцевцев... С.40.
 1078 ЦГВА, ф. 1304, оп. 1, д. 164, л.166 и об.
 1079 Боевой путь блинцевцев... С.40.
 1080 ЦГВА, ф.1304, оп.1, д.154, л.5.

- 1081 Какурин Н. Указ. соч. С.56.
 1082 Ген. Голубинцев. Указ. соч. С.83.
 1083 Там же. С. 89—90.
 1084 Там же. С. 90.
 1085 Там же. С.92.
 1086 ГАРО, ф.861, оп.1, д. 108, л. 4 и об.
 1087 Трагедия казачества... С.176.
 1088 Южный фронт... С. 350—351.
 1089 ГАРО, ф. 861, оп. 1, д. 108, л. 10 об.
 1090 Трагедия казачества... С. 177.
 1091 Там же. С. 178.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
-------------------	---

Раздел I ПРЕДЫСТОРИЯ ДОНСКОЙ АРМИИ

Глава 1 ПРЕЖНЯЯ СИСТЕМА СЛУЖБЫ	6
Глава 2 КАЗАЧЬИ ЧАСТИ В РЕВОЛЮЦИИ	13
Глава 3 «ДОБРОВОЛЬЦЫ» И «ПАРТИЗАНЫ»	18
Глава 4 ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД ЧЕРНЕЦОВА	40
Глава 5 БЕЗ ЧЕРНЕЦОВА	56
Глава 6 БЕЗ КАЛЕДИНА. ПАДЕНИЕ ДОНСКОЙ СТОЛИЦЫ	65
Глава 7 СТЕПНОЙ ПОХОД	99

Раздел II ЗАРОЖДЕНИЕ

Глава 8 ПОБЕДА ВОССТАНИЯ	126
Глава 9 ОРГАНИЗАЦИЯ ВЛАСТИ	161
Глава 10 «СОЮЗНИКИ»	173
Глава 11 АРМИЯ ФОРМИРУЕТСЯ В БОЯХ	186

Содержание

479

Глава 12 «МОЛОДАЯ АРМИЯ»	247
-----------------------------------	-----

Глава 13 ДОНСКИЕ ОФИЦЕРЫ	254
-----------------------------------	-----

Раздел III ДОНСКАЯ АРМИЯ В ПЕРИОД АТАМАНСТВА КРАСНОВА

Глава 14 КОМАНДОВАНИЕ	276
--------------------------------	-----

Глава 15 БОЕВЫЕ КАЧЕСТВА АРМИИ	300
---	-----

Глава 16 НАСТУПЛЕНИЕ НА РОССИЮ. ВОЙНА В НОВЫХ УСЛОВИЯХ	335
--	-----

Раздел IV БОИ ДОНСКОЙ АРМИИ ПРОТИВ РЕГУЛЯРНОЙ КРАСНОЙ АРМИИ

Глава 17 ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1918 ГОДА	364
--	-----

Глава 18 ПОДЧИНЕНИЕ ДЕНИКИНУ И ПОСЛЕДНИЕ ПОБЕДЫ	408
---	-----

Глава 19 РАЗЛОЖЕНИЕ АРМИИ И УХОД КРАСНОВА	420
--	-----

Послесловие	439
-------------------	-----

Примечания	441
------------------	-----